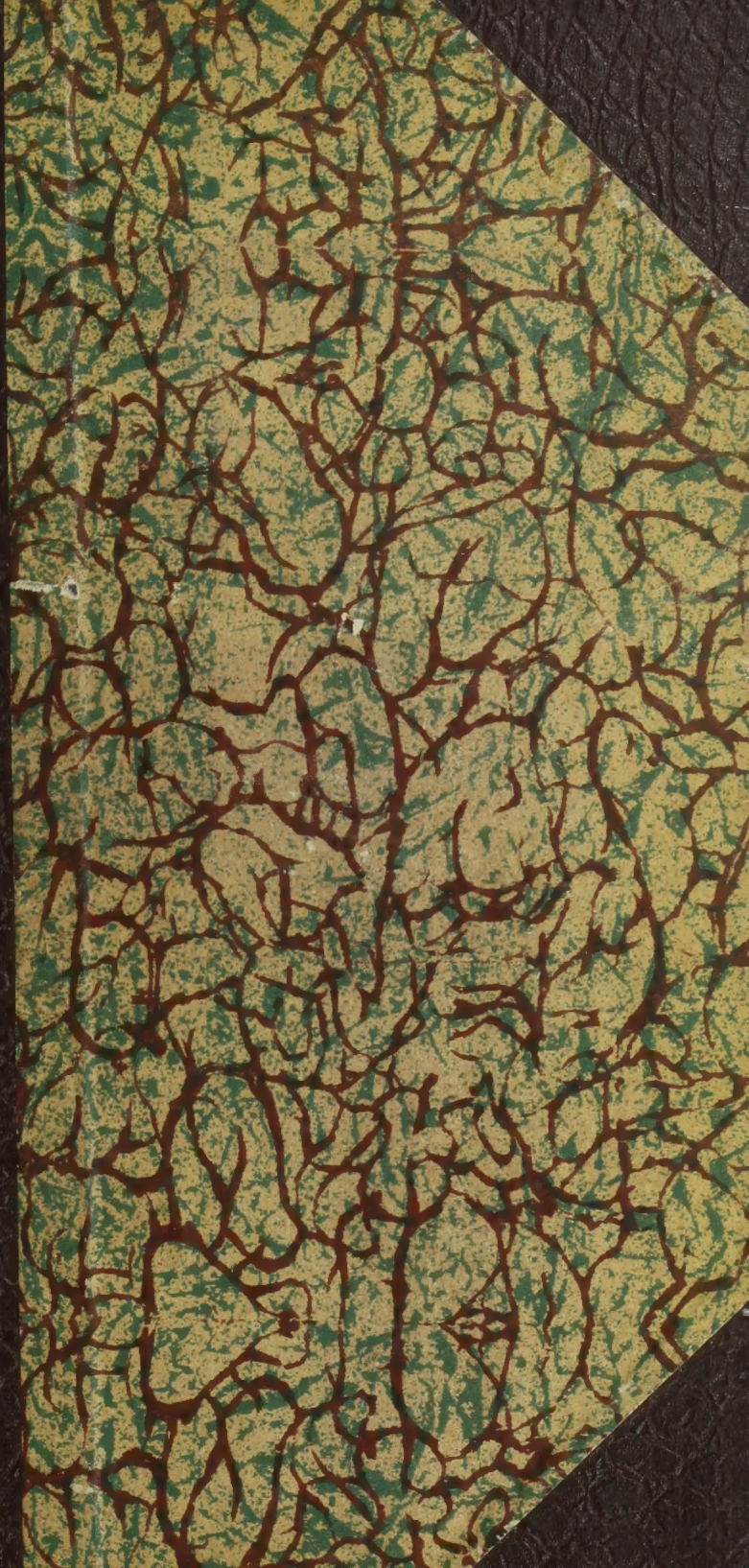


DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

#10

А. К. БОРОЗДИНЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Девятнадцатый вѣкъ.

Томъ I

Изданіе второе, дополненное.

Книгоиздательство „УЧЕБНИКЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія «ЭНЕРГІЯ», Загородный пр., 17
1911.

891.70903
B736L
t. 1—t.2, vyp.1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія 1
Александръ Николаевичъ Радищевъ 19
Литературные и общественные взгляды Карамзина . . 50
Адмиралъ А. С. Шишковъ 104
Романтизмъ 115
Поэзія В. А. Жуковскаго 126
Крыловъ и Грибоѣдовъ 152
Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина. . . . 173
А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности 189
Поэтъ „гражданской скорби“ двадцатыхъ годовъ. . . 217
Критическія обозрѣнія А. А. Бестужева. 235
Журналистъ двадцатыхъ годовъ 248
Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ 265
Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество 309
Гоголь и русская повѣсть 323
Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій 330
Трудъ В. И. Семевскаго по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи. 356

Выпуская въ свѣтъ новое изданіе моихъ „Литературныхъ характеристикъ“, кромѣ отдѣльныхъ частичныхъ исправленій, я внесъ въ настоящій томъ нѣкоторыя новыя статьи. Очеркъ „Поэзія М. Ю. Лермонтова“ вошелъ въ составъ біографіи поэта, приложенной къ вышедшему въ 1907—8 г.г., подъ моей редакціей, собранію его сочиненій, которая поэтому здѣсь и перепечатывается. Вновь помѣщаются въ этомъ томѣ статьи: „Александръ Николаевичъ Радищевъ“, „Адмиралъ А. С. Шишковъ“ и „Гоголь и русская повѣсть“. Относительно статьи о Радищевѣ можно было бы сказать, что ей не мѣсто въ этой книгѣ, такъ какъ Радищевъ принадлежитъ къ писателямъ XVIII вѣка; тѣмъ не менѣе я счелъ полезнымъ включить его біографію на томъ основаніи, что высказанныя имъ освободительныя идеи нашли живой откликъ и въ нѣкоторой мѣрѣ осуществились именно въ XIX столѣтіи, являясь однимъ изъ основныхъ элементовъ политическаго міросозерцанія русской передовой интеллигенціи.

А. Бороздинъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/literaturnyiakha1211boro

Предисловіе къ первому изданію.

Обстоятельная, строго-научная исторія нашей литературы XIX вѣка пока составляетъ задачу, можетъ быть, не особенно близкаго будущаго; для такой работы мы не обладаемъ еще достаточнымъ количествомъ матеріала, такъ какъ многіе источники хранятся въ недоступныхъ оффиціальныхъ и частныхъ архивахъ, прямо являются секретомъ для изслѣдователей; кромѣ того требуется много частныхъ подготовительныхъ работъ, потому что безъ систематическаго обзора журналистики, безъ обстоятельнаго выясненія иноземныхъ вліяній, безъ изученія той обстановки, въ которой приходилось дѣйствовать нашимъ писателямъ, всякіе общіе выводы будутъ только гадательными; наконецъ, чуть ли не самымъ важнымъ препятствіемъ для составленія исторіи русской литературы истекшаго вѣка слѣдуетъ считать невозможность объективнаго отношенія къ ея явленіямъ послѣднихъ десятилѣтій. Абсолютная объективность, конечно, никогда не будетъ возможной, такъ личность историка такъ или иначе неизбѣжно выражается въ его трудѣ; но нѣкоторое приближеніе къ идеалу объективнаго возсозданія прежней жизни необходимо; между тѣмъ, когда приходится говорить о фактахъ столь близкихъ, какъ литературныя явленія восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, историкъ слишкомъ часто рискуетъ обратиться или въ панегириста, или, наоборотъ, въ суроваго порицателя. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ страдаетъ правда, которая должна быть единственною цѣлью историка.

Отвергая такимъ образомъ возможность составленія въ настоящее время полной исторіи русской литературы XIX вѣка, смѣю думать, что выпускаемое теперь въ свѣтъ собраніе моихъ историко-литературныхъ очерковъ не будетъ совершенно излишнимъ. Можетъ быть, кое-что въ этой книгѣ найдетъ для себя и спеціалистъ, для читателя же не спеціалиста мои „характеристики“, можетъ быть, послужатъ пособіемъ къ тому, чтобы разобраться въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ нашего литературнаго развитія. Составилась эта книга частью изъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, частью изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ мною въ послѣдніе годы, частью изъ моихъ университетскихъ курсовъ; многія же характеристики написаны

вновь для настоящаго изданія. Въ первый томъ вошли очерки, посвященные писателямъ первой половины XIX вѣка, и заканчивается этотъ томъ отчетомъ о трудѣ В. И. Семевскаго о крестьянскомъ вопросѣ, потому что этотъ вопросъ интересовалъ всѣхъ лучшихъ людей той эпохи, и разрѣшеніе его было первымъ важнѣйшимъ дѣломъ, завѣщаннымъ новому времени идеалистами 30 и 40 годовъ. Во второй томъ отнесены характеристики западниковъ и славянофиловъ на томъ основаніи, что споръ этихъ двухъ направленій, начавшійся въ прежнюю эпоху, далеко не былъ тогда законченъ, а въ новое время открылась возможность, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, примѣнить свои теоретическія построенія на дѣлѣ.

Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія [1]).

Изученіе русской литературы XVIII и начала XIX вѣка, опредѣляя сильнѣйшее западное вліяніе какъ на развитіе нашей общественной мысли, такъ и на способы ея выраженія, устанавливаетъ между прочимъ такіе факты, что литературное заимствованіе является у насъ почти всегда въ видѣ крайне слабой копіи своего западнаго образца, и притомъ оказывается часто въ значительной степени запоздалымъ, такъ что заимствовались иногда такія идеи и формы, которыя на Западѣ представлялись уже давно устарѣлыми и оставленными. Такое ослабленіе оригиналовъ западнаго умственнаго движенія и запоздалость заимствованія объясняются, конечно, прежде всего нашей неподготовленностью къ воспріятію идей, выработанныхъ на Западѣ долгимъ процессомъ его цивилизаціи, процессомъ, по отношенію къ которому мы держались совсѣмъ въ сторонѣ, пока мощная рука Петра Великаго не подняла завѣсу, отдѣлявшую насъ отъ европейскаго міра. Съ этого момента мы становимся сперва въ положеніе зрителей, людей, наблюдающихъ за ходомъ западнаго духовнаго развитія, но не принимающихъ въ немъ почти никакого участія уже потому, что этотъ процессъ для насъ совершенно чуждъ и непонятенъ. Мы совсѣмъ не подготовлены къ его пониманію, и чтобы достигнуть этого пониманія, намъ нужно усвоить результаты всего предшествовавшаго развитія, надо начать учиться прямо азбукѣ. Уже не разъ указывалось, что первое время нашего сближенія съ Западомъ пошло на усвоеніе чисто матеріальной стороны его культуры, но и въ эту пору заимствованіе распространяется отчасти на идеи, только идеи берутся такія, которыя и на Западѣ уже сложены въ архивъ, пере-

---

[1]) Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 20 января 1896 г.

водятся устарѣлыя книжки. Такимъ внѣшнимъ характеромъ заимствованія объясняется у насъ и роль псевдоклассицизма; мы взяли только форму, тогда какъ идейное содержаніе классическаго направленія, имѣвшаго смыслъ политическаго и общественнаго движенія, осталось намъ совсѣмъ чуждымъ.

Подобно нашему ложноклассицизму, въ видѣ блѣдной и запоздалой копіи западнаго образца являются у насъ просвѣтительная философія XVIII вѣка и тѣсно съ нею связанный сентиментализмъ. Изслѣдователи русской литературы Екатерининской эпохи, какъ характерную ея особенность, отмѣчаютъ заимствованіе съ Запада именно идей, но при этомъ далеко не ясно, какой метаморфозѣ подвергались заимствованныя идеи на русской почвѣ. На своей родинѣ просвѣтительная философія имѣла огромное вліяніе, увлекла своей пропагандой все общество и привела къ коренному переустройству политическихъ и соціальныхъ отношеній, тогда какъ у насъ, насажденная правительственными усиліями, она оказала воздѣйствіе на самый ограниченный кружокъ выдающихся умовъ и отразилась въ либеральныхъ фразахъ Екатерининскаго «Наказа», да въ нѣсколькихъ неважныхъ оффиціальныхъ мѣропріятіяхъ. Какъ ни ничтожны результаты вліянія у насъ просвѣтительной философіи, и какъ бы ни казались блѣдными произведенія нашихъ ея адептовъ сравнительно съ западными образцами, во всякомъ случаѣ польза, принесенная ею, несомнѣнна, такъ какъ она дала толчокъ развитію нашей самостоятельной мысли, направивъ ее на путь изслѣдованія нуждъ и критики недостатковъ русской жизни и этимъ содѣйствуя сближенію литературы съ реальными потребностями русскаго общества.

Екатерининское правительство, само вызвавъ движеніе и увидавъ, къ какимъ результатамъ привелъ сходный процессъ на Западѣ, измѣнило свое отношеніе къ литературѣ, и то, что раньше усиленно поощрялось, теперь оказалось преступнымъ и подвергалось энергичному преслѣдованію. Но, какъ говоритъ поэтъ, «лишь духу власть духа дана», посѣвъ былъ сдѣланъ, и далъ хотя слабые всходы, но такіе, которыхъ не въ силахъ уничтожить никакая репрессія, ни суровыя мѣры Екатерины, ни даже еще болѣе крутой образъ дѣйствія императора Павла I, когда былъ воспрещенъ «впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы онѣ языкѣ ни были, безъ изъятія», и даже музыкальныхъ произведеній, причемъ, конечно, имѣлись въ виду ходячіе тогда револю-

ціонные напѣвы. Замѣчательно, что даже въ эту эпоху крайняго утѣсненія мысли иногда проскальзывали въ журналахъ совсѣмъ непозволительныя тирады. Такъ, въ первомъ номерѣ «Политическаго Журнала» на 1790 годъ, издававшагося осторожнымъ профессоромъ московскаго университета, Сохацкимъ, мы читаемъ слѣдующую чрезвычайно характерную и краснорѣчивую оцѣнку современныхъ политическихъ событій въ Европѣ:

«Въ 1789 году весь свѣтъ былъ потрясенъ столь сильно, что вездѣ открылись чрезвычайныя движенія, и произошло въ Европѣ начало *новой эпохи человѣческаго рода*. Послѣ многихъ столѣтій 1789 годъ есть самый достопамятный. Со времени крестовыхъ походовъ никогда еще не было такой эпохи, какъ сія, въ которой бы *политическое мнѣніе* распространилось и промчалось чрезъ всю Европу съ толикою живостью и соучаствованіемъ. Духъ *свободы* учинился воинственнымъ при концѣ XVIII, какъ духъ *религіи* при концѣ XI вѣка. Тогда вооруженною рукою возвращали святую землю, нынѣ святую свободу. Тогда ратовали противъ Саладиновъ, нынѣ противъ собственныхъ государей. Французы брали тогда крѣпости у *невѣрныхъ королей*, нынѣ брали они ихъ у *христіаннѣйшаго*. Какъ тогда, такъ и теперь энтузіазмъ превратился во многихъ головахъ въ крушеніе и фанатизмъ. Отсѣкали людямъ головы, грабительствовали и разрушали дома и крѣпости, дабы показать права человѣчества... Но при сильныхъ превращеніяхъ невозможно избѣгнуть буйныхъ излишествъ» [2]).

Литературное движеніе не могло окончательно заглохнуть, но вынуждено было притихнуть, принять нѣсколько иную форму, и такой-то новой формой является сентиментализмъ, замѣчающійся изрѣдка въ литературѣ и до начала репрессіи. Родоначальникомъ западнаго сантиментализма былъ Ричардсонъ. Его романы кажутся намъ теперь безконечно длинными, скучными, и нужно имѣть большое терпѣніе, чтобы осилить его романическую трилогію, но совсѣмъ не такое впечатлѣніе производилъ онъ на своихъ современниковъ: они съ увлеченіемъ зачитывались его романами, и причина этого увлеченія кроется въ томъ, что Ричардсонъ сказалъ въ своей области новое слово, выступилъ союзникомъ философовъ XVIII вѣка въ сферѣ нравственной. Приторная чувствительность и длинноты изложенія романовъ Ричардсона нашли строгаго судью въ лицѣ Вольтера, но и этотъ строгій критикъ въ

---

[2]) Всѣ курсивы въ этой цитатѣ принадлежатъ подлиннику.

своихъ драматическихъ произведеніяхъ идетъ по слѣдамъ Ричардсона и пишетъ «Нанину», которая, по мѣткому замѣчанію Лессинга, есть не что иное, какъ драматизированная Ричардсоновская «Памела». Дидро и Руссо относятся къ Ричардсону уже совсѣмъ не такъ, какъ Вольтеръ: Дидро сравниваетъ его съ Моисеемъ, Софокломъ, Эврипидомъ, говоритъ, что впечатлѣніе, произведенное на него чтеніемъ «Клариссы», было такъ неотразимо сильно, что онъ не могъ работать и представлялся своимъ друзьямъ человѣкомъ, находящимся въ ненормальномъ состояніи. Руссо уподобляетъ Ричардсона Гомеру и беретъ его себѣ за образецъ въ «Новой Элоизѣ». Настолько же сильнымъ оказывается впечатлѣніе, произведенное романами Ричардсона въ Германіи. Основу этихъ романовъ составляетъ гуманность, признаніе интереса во всякой человѣческой личности, какъ таковой, независимо отъ ея соціальнаго положенія, а этимъ и должно объяснить успѣхъ сентиментализма. Кромѣ этого, не слѣдуетъ забывать, что истинный сентиментализмъ нисколько не исключалъ юмористическаго отношенія къ жизненнымъ явленіямъ, какъ это видно изъ знаменитаго «Путешествія» Стерна. Въ сентиментализмѣ не было первоначально той односторонности, благодаря которой онъ и на Западѣ обратился во что-то уродливое, когда на первый планъ выступила слащавая чувствительность, а поэтому и понятно, что въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ это литературное направленіе должно было быть однимъ изъ сильныхъ орудій европейскаго прогресса.

Обращаясь къ русскому сентиментализму, мы замѣчаемъ, что и онъ, какъ и всякое другое заимствованное теченіе нашей литературы, оказался блѣдной копіей съ своего западнаго оригинала. Мы и въ этомъ случаѣ заимствовали почти одну внѣшность, мы стали копировать не основу движенія, а тѣ искаженія, которымъ оно подверглось на родинѣ. Произошло это отчасти и отъ нашей неподготовленности, а главнымъ образомъ отъ того новаго отношенія правительственныхъ круговъ къ литературѣ, какое обнаруживается со второй половины царствованія Екатерины. Какъ всегда бываетъ съ неумѣлыми подражателями, мы пересолили, впали въ шаржъ, каррикатуру, и если, читая Ричардсона, испытываешь теперь нѣкоторую скуку, то перечитывая нашихъ сентименталистовъ, трудно иногда удержаться отъ иронической улыбки: до того они представляются натянутыми, неестественными, слащавыми. Но не слѣдуетъ торопиться съ такимъ насмѣшливымъ осужденіемъ, такъ какъ иногда мысль, кажущаяся намъ черезчуръ наивной, въ

свое время совсѣмъ не была смѣшна, а имѣла подчасъ и очень серьезный смыслъ. Такъ, напримѣръ, мы всѣ привыкли иронически относиться къ знаменитой фразѣ Карамзина: «вѣдь и крестьянки чувствовать умѣютъ!» но, подсмѣиваясь надъ этой фразой, мы забываемъ, что, признавая возможность человѣческихъ чувствъ и въ крестьянахъ, она для многихъ была дѣйствительно чѣмъ-то новымъ въ ту эпоху, когда вполнѣ естественнымъ казалось не менѣе знаменитое восклицаніе г-жи Простаковой относительно дворовой дѣвки Палашки: «Бредитъ, бестія! какъ будто благородная!»

Какъ ни слабо, однако, проявилось у насъ сентиментальное направленіе, но и ему трудно было свободно развиваться, и оно не имѣло почти никакого простора: Карамзину приходилось признаваться, что онъ «умираетъ авторски»; даже «Письма русскаго путешественника» не могли выйти въ полномъ своемъ объемѣ въ царствованіе императора Павла, и только въ 1801 году были напечатаны двѣ послѣднія части этихъ писемъ. Въ виду такого стѣсненія всякаго проявленія общественной мысли, весьма естественной была общая радость при восшествіи на престолъ 12-го марта 1800 года императора Александра I, объявившаго въ своемъ манифестѣ о намѣреніи править «по законамъ и по сердцу» своей бабки, императрицы Екатерины Великой. Карамзинъ говоритъ, что «вѣсть объ этомъ событіи была въ цѣломъ государствѣ вѣстью искупленія; въ домахъ, на улицахъ, люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія». Литература живо отозвалась на это общее ликованіе. Державинъ привѣтствовалъ новаго государя одой, въ которой очень прозрачно намекалъ на предшествовавшую мрачную эпоху.

Замолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ,
На лицахъ Россовъ радость блещетъ.

Александръ въ этой одѣ называется «ангеломъ кротости и мира, любимымъ сыномъ благихъ небесъ», и о немъ говоритъ своимъ подданнымъ Екатерина, появляющаяся въ облакахъ:

Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ цари,
Внимать мы прежде не хотѣли
И презрѣли мою любовь.
Вы сами отъ себя терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь.

Въ такомъ же восторженномъ духѣ привѣтствовалъ новаго императора и Карамзинъ, сравнивая Александра съ ангеломъ Божіимъ, сіяющимъ благостью и красотой, уподобляя его воцареніе явленію «милыя весны», которая

Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы.

Обращаясь къ монарху, писатель въ порывѣ радостнаго энтузіазма высказываетъ такія надежды, одушевлявшія современное русское образованное общество:

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
Наукой счастливъ человѣкъ—
И блескомъ твоего правленья—
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се музы къ трону приступая
И черный грепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждутъ!

Обращеніе Екатерины къ своему внуку, который является прямымъ наслѣдникомъ ея духа, помимо Державинской оды, встрѣчается въ произведеніи юнаго бакалавра московскаго университета, А. Ѳ. Мерзлякова. Екатерина говоритъ Александру:

Я для тебя, мой внукъ преславный,
Хранила мой народъ избранный
И лавры для тебя рвала.
Въ чертогѣ радости небесной
Я слышала въ душѣ своей
Россіи каждый вздохъ сердечный,
И каждая слеза отъ ней
Мое блаженство отравляла.
Теперь (чего давно желала)
Въ тебѣ, тобой жить буду я!

Новая эпоха, наступившая для Россіи съ воцареніемъ Александра, сулитъ поэту прекращеніе всѣхъ бѣдствій, омрачавшихъ жизнь русскаго общества въ недавнее время:

Утѣшьтесь, чада бѣдъ и муки!
Нѣтъ ни страданій, ни разлуки!
Отецъ, спѣши къ своимъ сынамъ,
Братъ съ братомъ нѣжно обоймися.

Эти бурныя, неумѣренныя выраженія восторга и самыхъ радужныхъ надеждъ, высказывавшіяся образованными людьми различныхъ взглядовъ и направленій, прекрасно характеризуетъ пере-

ходъ отъ тягостной поры пригнетенія мысли къ первому времени царствованія Александра. На престолъ вступилъ человѣкъ, воспитанный Лагарпомъ и Муравьевымъ въ духѣ либеральныхъ ученій XVIII вѣка, окруженный молодыми сподвижниками, носившими самые смѣлые планы переустройства Россіи на основаніи гуманныхъ теорій «Духа законовъ» и «Общественнаго договора». Рядъ милостей, ознаменовавшихъ начало царствованія, рядъ либеральныхъ реформъ, проводившихся въ первые годы Александровской эпохи, возбуждалъ сильнѣйшее движеніе общественной мысли, получившей теперь возможность открыто высказываться. Въ своемъ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ Великой» Карамзинъ, позабывъ тяжелое время конца царствованія Екатерины и исчисляя заслуги государыни, особенно подчеркиваетъ, что Екатерина «образовала государственную систему монархической Россіи, согласную съ истиннымъ счастьемъ *человѣка,* слѣдственно несогласную съ печальнымъ именемъ *раба*, которымъ прежде гражданинъ назывался въ отечествѣ нашемъ и которое навсегда уничтожилось Екатериною»; что «она уважила въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни, она преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ россійскаго трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель». Въ этихъ словахъ заключается не только историческій панегирикъ Екатеринѣ, въ нихъ не какой-нибудь слабый намекъ на современность, а прямое, опредѣленное указаніе новаго пути, по которому пошло современное общественное движеніе. Карамзинъ основалъ журналъ, въ которомъ свободно обсуждаетъ разные общественные вопросы, преимущественно то, что касается просвѣщенія, такъ какъ на эту сторону государственнаго быта было обращено особенное вниманіе правительства.

Заботы правительства о народномъ образованіи выразились въ учрежденіи университетовъ и гимназій, въ планѣ общаго устройства народнаго просвѣщенія. Литература шла навстрѣчу этимъ мѣрамъ правительства, разъясняя ихъ значеніе обществу, а съ другой стороны, поднятъ былъ правительствомъ же вопросъ о предоставленіи литературѣ свободы въ обсужденіи разныхъ общественныхъ дѣлъ.

Необходимость расширенія рамокъ печатнаго обсужденія сознавалась многими въ тогдашнемъ обществѣ, какъ это видно изъ напечатанной академикомъ М. И. Сухомлиновымъ анонимной записки 1804 г., авторъ которой говоритъ: «Истинные сыны отечества ждутъ уничтоженія цензуры, какъ послѣдняго оплота, удерживающаго ходъ просвѣщенія тяжкими оковами и связывающаго истину рабскими узами». Результатомъ этого стремленія правительства къ облегченію печатнаго слова былъ новый цензурный уставъ 1804 г., въ 21-мъ параграфѣ котораго говорится: «Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочиненія образомъ, нежели его преслѣдовать»; а слѣдующій параграфъ прямо гласитъ: «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины... не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

Въ связи съ заботами о народномъ просвѣщеніи былъ поднятъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Въ книгѣ Пнина «Опытъ о просвѣщеніи» между этими двумя вопросами устанавливается тѣснѣйшая зависимость, такъ какъ просвѣщеніе, по мнѣнію автора, выражается не въ количествѣ ученыхъ и писателей, а въ охраненіи правъ собственности и личной безопасности гражданъ; крѣпостное же право является отрицаніемъ этихъ правъ за очень большимъ классомъ земледѣльцевъ, а потому правительство, стремясь къ распространенію истиннаго просвѣщенія, должно оградить права крестьянской собственности. Помимо этого весьма логическаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ книгѣ Пнина, вопросъ этотъ, какъ и при Екатеринѣ, дѣлается предметомъ статей многихъ публицистовъ, которые разрѣшаютъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія, приходятъ иногда къ заключеніямъ, могущимъ намъ казаться неправильными, ошибочными; но важно уже то, что вопросъ возбужденъ и, хоть не на долгое время, сталъ предметомъ гласнаго обсужденія.

Такимъ образомъ, общественные и политическіе вопросы снова, какъ въ Екатерининскую эпоху, дѣлаются предметомъ обсужденія литературы, и такъ какъ правительство, вызвавшее это обсужденіе, было настроено въ либеральномъ смыслѣ, то большинство нашихъ представителей литературы высказывается въ томъ же направленіи. Однако, этотъ либерализмъ уже въ эту пору начинаетъ вызывать нѣкоторые протесты, и его западническая

окраска очень легко даетъ возможность его врагамъ противопоставить планамъ различныхъ преобразованій вопросъ о народности.

Этотъ самый жгучій вопросъ затрагивается въ нашей литературѣ и раньше, особенно сильно при Екатеринѣ II, но въ сущности онъ былъ поставленъ на очередь еще въ до-Петровскую эпоху, когда начиналось у насъ культурное воздѣйствіе Запада. Многое въ нашемъ расколѣ объясняется противодѣйствіемъ западнымъ новшествамъ, возбуждавшимъ серьезныя опасенія москвичей еще въ XVII вѣкѣ. Желѣзная воля Петра Великаго, сознавшаго необходимость заимствовать просвѣщеніе съ Запада, такъ какъ другого источника не было, смирила противодѣйствіе старорусской партіи; но послѣ него не разъ проявляются попытки вернуться къ народной старинѣ. Каждый разъ, какъ правительство признаетъ нужнымъ обратиться къ новымъ заимствованіямъ съ Запада, въ обществѣ раздаются отдѣльные голоса, осуждающіе такія заимствованія и элегически восхваляющіе отжившую старину. Критика заноснаго просвѣщенія особенно сильна въ сатирическихъ журналахъ царствованія Екатерины, у Щербатова же и Болтина мы можемъ даже указать нѣчто въ родѣ славянофильства. Всѣ эти панегиристы «добрыхъ старыхъ нравовъ», нападая на западное просвѣщеніе и обвиняя его въ ухудшеніи нашихъ нравовъ, не замѣчаютъ того, что они нападаютъ на искаженіе этого просвѣщенія, которому оно подвергается у насъ, или на такія его стороны, которыя осуждаются и на Западѣ и которыхъ, слѣдовательно, намъ не было никакой нужды перенимать; а при этомъ, относясь критически къ недостаткамъ нашихъ заимствованій, панегиристы старины совсѣмъ умалчивали о хорошихъ сторонахъ заимствованнаго.

Такъ было при Екатеринѣ, и то же самое повторяется въ первые годы царствованія Александра, при чемъ представителямъ партіи, враждебной новизнамъ, легко было опираться на сильное возбужденіе патріотическаго чувства, вызванное борьбой съ Наполеономъ. Въ литературѣ оживляются нападки на галломанію, однако, новыхъ, оригинальныхъ сатирическихъ образовъ не создается, а выдвигаются съ незначительными измѣненіями старые знакомые, осмѣянные Екатерининской литературой. Нѣкоторый отголосокъ того же остраго вопроса о народности мы видимъ въ литературномъ спорѣ о старомъ и новомъ слогѣ, спорѣ, поднятымъ Шишковымъ и его послѣдователями противъ карамзини-

стовъ. Споръ о стилистическихъ особенностяхъ Шишковъ связывалъ съ болѣе общимъ вопросомъ объ иноземномъ вліяніи на наше духовное развитіе и обвинялъ своихъ противниковъ въ безнравственности, безвѣріи, отсутствіи патріотизма. Вотъ какъ говоритъ онъ о воспитаніи нашего общества: «какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся въ рукахъ французовъ, примѣняются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій». Самый лучшій воспитатель изъ иностранцевъ не можетъ внушить своему ученику любви къ отечеству,—каковъ же будетъ результатъ, спрашивалъ Шишковъ, «если положимъ въ немъ (т. е. въ воспитателѣ) еще худые нравы, наклонность къ безвѣрію, своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философіи, къ симъ обманчивымъ именамъ начальствующаго безначалія, вѣрной измѣны, человѣколюбиваго терзанія людей, скованной свободы?» Во всемъ этомъ много вѣрнаго: дѣйствительно, національный элементъ необходимъ въ воспитаніи, и иноземные учителя очень часто были плохи, но гдѣ же было взять своихъ учителей? Вѣдь нельзя же было довольствоваться Цыфиркиными и Кутейкиными!

Въ приведенныхъ словахъ Шишкова обращаетъ на себя вниманіе выраженіе: «начальствующее безначаліе», — не хотѣлъ ли этими словами Шишковъ обозначить на своемъ оригинальномъ языкѣ конституцію?

Если это такъ, то мы подходимъ къ тому политическому вопросу, который вызвалъ появленіе въ свѣтъ знаменитой Карамзинской «Записки о древней и новой Россіи». Увлекавшійся въ былое время западничествомъ, космополитизмомъ, и даже при воцареніи Александра высказывавшій отчасти конституціонныя мысли, Карамзинъ подъ вліяніемъ изученія русской исторіи, критикуя современное русское общественное движеніе, становится патріотомъ и представляетъ императору Александру записку, въ которой, предостерегая его отъ излишняго увлеченія либеральными планами, излагаетъ свой взглядъ на историческое образованіе государственнаго строя Россіи и на современныя ея потребности. Любопытно здѣсь осужденіе реформы Петра, предъ которой Карамзинъ прежде преклонялся. «Имя русскаго,—говоритъ Карамзинъ,—имѣетъ ли для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила

и его сына, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь— первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ; но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и его нравственной силѣ! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвастаться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Но тогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ невѣрными, теперь называемъ братьями; спрашиваю, кому бы легче было покорить Россію—невѣрнымъ или братьямъ? т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Ѳеодорѣ вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ видомъ на вѣкъ оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи. Виною—Петръ».

Это осужденіе Петровской реформы до извѣстной степени сближаетъ Карамзина съ позднѣйшимъ славянофильствомъ, но только до извѣстной степени, такъ какъ славянофилы осуждали только нѣкоторыя стороны реформы, а та чрезмѣрная идеализація Россіи, то затушевываніе грѣховъ до-Петровской Руси и то исключительное превознесеніе русскаго народа предъ всѣми другими, которыя появляются въ «Запискѣ» Карамзина, совсѣмъ чужды славянофиламъ. Въ этомъ случаѣ Карамзинъ въ своей запискѣ гораздо болѣе подходитъ къ тому выраженію нашего патріотизма, которое характеризуется именами націонализма и казенной народности. И дѣйствительно, въ ту эпоху довольно опредѣленно выяснилось только два направленія нашей политической мысли: западничество и теорія казенной народности; что же касается славянофильства, какъ стройной философско-политической системы, то оно совсѣмъ еще не сложилось, хотя отдѣльные его элементы можно указывать и у Карамзина, и у Шишкова, и у явившихся позже декабристовъ.

Правительство, къ которому въ спорѣ обращались обѣ партіи, до 1812 г. было настроено въ либеральномъ духѣ, предоставляло литературѣ самой разбираться въ волновавшемъ ее спорѣ, придерживалось по отношенію къ ней политики невмѣшательства, тѣмъ болѣе, что крайняя умѣренность тогдашней литературы и не могла требовать такого вмѣшательства, хотя по временамъ въ

дѣйствіяхъ правительства проглядываетъ нѣкоторая непослѣдовательность. Такая непослѣдовательность обнаружилась по отношенію къ упомянутой книгѣ Пипа, которая вскорѣ послѣ печатанія подверглась запрещенію, а также въ отношеніи къ мистицизму, усиливавшемуся въ первые годы царствованія Александра. Дать общее опредѣленіе этого мистическаго движенія крайне трудно, въ немъ съ самаго начала замѣчалось очень много оттѣнковъ, но въ большинствѣ писаній нашихъ мистиковъ сущность ихъ проповѣди сводилась къ борьбѣ противъ «лжеименнаго разума», т. е. противъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка, такъ что въ этомъ отношеніи мистики близко сходились съ представителями тогдашнихъ теорій народности. Но правительство смѣшивало мистиковъ съ опасными революціонерами, иллюминатами, и съ 1806 г. начинаетъ запрещать мистическія сочиненія; очень можетъ быть, что, преслѣдуя мистицизмъ, правительство желало оказать поддержку либерализму, хотя не совсѣмъ либеральными мѣрами. Какъ бы то ни было, правительство все же оставляетъ нѣкоторую свободу литературѣ, и такъ идетъ дѣло до 1812 г., когда во всей внутренней политикѣ замѣчается рѣзкій поворотъ къ другимъ началамъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этому новому фазису исторіи литературы Александровской эпохи, надо сказать нѣсколько словъ о положеніи чисто художественной литературы въ разсмотрѣнный періодъ. Въ этой области особенно яркаго оживленія покуда не видно, такъ какъ дѣйствуютъ преимущественно представители старыхъ литературныхъ направленій: допѣваетъ свои пѣсни маститый Державинъ, около котораго группируются продолжатели псевдоклассицизма; Крыловъ окончательно останавливается на той формѣ выраженія своихъ взглядовъ, которая его обезсмертила, но въ сущности онъ повторяетъ то же, что говорилъ еще въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ болѣе ранней поры, являясь представителемъ непосредственно-народнаго направленія; Карамзинъ отдается публицистикѣ и исторіи, а его послѣдователи доводятъ нашъ сентиментализмъ до полнаго вырожденія, такъ что на смѣну ему должно выступить новое литературное теченіе. Такимъ новымъ теченіемъ оказывается романтизмъ Жуковскаго, представляющійся въ началѣ такимъ же блѣднымъ подражаніемъ западному образцу, какимъ были другія болѣе раннія заимствованія, и въ первое время отличающійся отъ сентиментализма только обстановочной стороной своихъ произведеній, а по идеямъ очень къ

нему близкій. Нельзя не упомянуть, что въ эту же пору начинается дѣятельность Батюшкова, которая оказала такое благотворное вліяніе на творчество Пушкина, и теперь же появляются первые наши реалисты въ лицѣ Беницкаго и Нарѣжнаго. Въ дѣятельности всѣхъ этихъ писателей опять таки видно сильное западное вліяніе съ тою же характерною чертой ослабленія оригиналовъ.

Отечественная война и послѣдовавшій за нею заграничный походъ, содѣйствуя сильнѣйшему подъему патріотическаго чувства, имѣли помимо того огромное вліяніе и на императора Александра, и на русское общество, вызвавъ въ первомъ поворотъ къ новымъ убѣжденіямъ и расширивъ и укрѣпивъ во второмъ пониманіе тѣхъ идей, которыя высказывались правительствомъ въ началѣ царствованія. Вотъ какъ говоритъ объ измѣненіи общественнаго настроенія Фонвизинъ въ своихъ «Запискахъ»: «Въ походахъ въ Германію и Францію наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціей, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими за границею, съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ: рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство». По свидѣтельству современниковъ, въ быту гвардейскихъ офицеровъ произошла коренная перемѣна; прежняя веселая, разсѣянная жизнь, проходившая въ кутежахъ, картежной игрѣ и въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, не могла удовлетворять этихъ молодыхъ людей, у которыхъ явились болѣе серьезные запросы, пробудилось стремленіе къ знанію, интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Такъ какъ большинство этой молодежи состояло изъ военныхъ, то новое ея направленіе должно было первымъ долгомъ отразиться въ сферѣ служебной, въ отношеніяхъ дисциплинарныхъ, которыя стали гораздо мягче, такъ что во многихъ полкахъ совсѣмъ оставлены были суровыя тѣлесныя наказанія, бывшія до того въ большомъ ходу. Но одной военной сферой вліяніе новыхъ идей не могло ограничиться, выдвинулся опять впередъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, и теперь этотъ вопросъ получаетъ самое правильное разрѣшеніе въ смыслѣ признанія необходимости освободить крестьянъ съ землей. Устройство суда, упорядоченіе администраціи, широкое распространеніе просвѣще-

ья въ народѣ—таковы идеальные запросы, волновавшіе молодежь во второй половинѣ царствованія Александра. Очень часто въ этихъ мечтаніяхъ проявлялось кое-что незрѣлое, непродуманное, часто эти толки уподоблялись тому шуму, которымъ отличался кружокъ Репетилова, часто слово не соотвѣтствовало дѣлу, такъ что могло вызвать колкую эпиграмму поэта:

А глядишь, нашъ Мирабо
Стараго Гаврилу
За измятое жабо
Хлещетъ въ усъ да въ рыло.

Всѣ такіе укоры вполнѣ возможно дѣлать тогдашнему общественному движенію, но не надо забывать, что рядомъ съ извращеніями, рядомъ съ фразерствомъ однихъ, у другихъ проявлялись самыя серьезныя стремленія улучшенія общественнаго быта, рядомъ съ говоруномъ Репетиловымъ стоялъ искренній, убѣжденный идеалистъ Чацкій.

Параллельно съ этимъ возбужденіемъ общественнаго сознанія растетъ и литературное движеніе и принимаетъ новыя формы. Тотъ романтизмъ, который, будучи заимствованъ у второстепенныхъ нѣмецкихъ писателей, являлся прежде у Жуковскаго въ формѣ довольно безсодержательной мечтательности, теперь подъ вліяніемъ французскихъ романтиковъ и Байрона, значительно осложняется въ своемъ содержаніи, вноситъ въ литературу элементъ протеста противъ несовершенствъ окружающей жизни, сближаетъ литературу съ общественной жизнью, такъ что она получаетъ уже значеніе выразительницы идейной жизни и перестаетъ играть роль стилистическаго упражненія въ разныхъ родахъ поэзіи и прозы. Такой новый характеръ литературы находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что небольшой тогда кружокъ литераторовъ былъ въ тѣсной связи съ представителями разныхъ партій, увлеченныхъ вопросами общественными. Очень легко указывать не серьезную сторону въ занятіяхъ «Арзамаса», упрекать его членовъ въ отсутствіи интереса къ общественнымъ дѣламъ, но не слѣдуетъ забывать, что одинъ изъ самыхъ легкомысленныхъ членовъ этого общества, Пушкинъ, былъ въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ со многими изъ декабристовъ и въ этомъ періодѣ своей поэтической дѣятельности не разъ отзывался на «вольнолюбивыя мечты» тогдашняго образованнаго общества. Такъ, въ извѣстномъ стихотвореніи «Деревня», за которое между прочимъ приказалъ его благодарить

императоръ Александръ, Пушкинъ энергично возстаетъ противъ крѣпостного права:

Увижу-ль я друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря!

Въ посланіи къ Чаадаеву поэтъ говоритъ о тѣхъ общественныхъ стремленіяхъ, которыя одушевляли его такъ же, какъ и Чаадаева и многихъ другихъ современниковъ:

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Другой арзамасецъ, кн. Вяземскій, пишетъ энергичное стихотвореніе «Негодованіе», въ которомъ сочувственно отзывается на преобразовательныя стремленія лучшей части русскаго общества.

Но въ то время, какъ въ обществѣ и литературѣ происходило движеніе, напоминавшее своимъ характеромъ первые годы царствованія Александра, въ самомъ императорѣ совершился переломъ, крайне неблагопріятный всѣмъ этимъ мечтамъ, происходила съ временными отклоненіями въ сторону реакція, сѣмена которой были посѣяны еще до 1812 года. Правда, и послѣ отечественной войны время отъ времени, императоръ возвращается къ прежнимъ своимъ либеральнымъ идеямъ. Въ 1818 году, при открытіи варшавскаго сейма, Александръ произнесъ рѣчь, которая, по словамъ Карамзина, «сильно отозвалась въ молодыхъ сердцахъ» въ Россіи, такъ что многіе «спятъ и видятъ конституцію». Между прочимъ императоръ сказалъ членамъ сейма:

«Образованіе, существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволяло мнѣ немедленно ввести то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій и которыхъ спасительное вліяніе, надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно восполь-

зуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости». Въ это же время, по порученію императора, Новосильцовымъ составлялся проектъ этихъ законно-свободныхъ учрежденій и для Россіи.

Но рядомъ съ подобными спорадическими проявленіями прежнихъ либеральныхъ идей, въ Александрѣ по отношенію къ внутренней политикѣ все ярче и ярче выражалось то направленіе, которое въ немъ выработалось подъ вліяніемъ западныхъ реакціонеровъ и мистиковъ. Никогда не отличавшійся опредѣленностью своихъ религіозныхъ убѣжденій, склонявшійся раньше къ деизму французскихъ мыслителей, а впослѣдствіи выработавшій себѣ туманный идеалъ христіанства, который не соотвѣтствовалъ ни одному изъ дѣйствительныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Александръ очень легко подпалъ вліянію г-жи Крюденеръ, этой Магдалины, которая экзальтированно посвятила его въ тайны протестантскаго мистицизма. Еще въ первые годы царствованія Александръ отчасти сочувствовалъ разнымъ нашимъ мистикамъ, теперь же, подъ вліяніемъ баронессы Крюденеръ и разныхъ заѣзжихъ методистовъ и квакеровъ, пораженный величіемъ той исторической миссіи, которая выпала на его долю, онъ далъ полный просторъ въ своемъ царствѣ всѣмъ возможнымъ мистическимъ ученіямъ. Но мистицизмъ былъ воинствующимъ ученіемъ и, пользуясь покровительствомъ Александра и министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, вступилъ въ борьбу со всякимъ проявленіемъ мысли, сколько-нибудь несогласной съ его основными положеніями. Та протестантская окраска, которою отличался этотъ новѣйшій мистицизмъ, возбудила противъ себя, наконецъ, сильнѣйшія возраженія со стороны православной церкви, но пока не выступилъ со своими обличеніями архимандритъ Фотій, мистицизмъ продолжалъ господствовать. Фотій побѣдилъ, князь Голицынъ долженъ былъ уйти, но отъ этого мысль нисколько не выиграла, такъ какъ на мѣсто мистическаго изувѣрства явилось изувѣрство византійское, нисколько не соотвѣтствующее идеалу истиннаго православія, которое, по выраженію Хомякова, предполагаетъ «свободу мнѣнія и сомнѣнія».

Этотъ гнетъ въ области совѣсти, въ области религіозной, вполнѣ соотвѣтствовалъ реакціонному направленію въ дѣлахъ свѣтскихъ, распоряженіе которыми цѣликомъ было передано въ руки гр. Аракчеева, этого «проклятаго змѣя», какъ его называли въ своихъ письмахъ Закревскій, Киселевъ и кн. П. М. Волконскій.

Аракчеевъ, Фотій, Голицынъ, Шишковъ—всѣ одинаково должны были бороться съ проявленіями свободной общественной мысли, такъ какъ въ нихъ видѣлось правительству отраженіе западныхъ революціонныхъ идей, пропагандировавшихся обществами иллюминатовъ, карбонаріевъ и т. п.

Мрачную и тяжелую картину представляетъ собой Александровское царствованіе во вторую свою половину по отношенію къ общественному сознанію и просвѣщенію, но новое развитіе литературы оказывалось прочнымъ, его ничѣмъ нельзя было уничтожить. Нѣсколько разноголосое тріо Аракчеева, Фотія, кн. Голицына становится мишенью цѣлаго ряда мѣткихъ и злыхъ эпиграммъ Пушкина, противъ Аракчеева направляется напечатанное въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. стихотвореніе Рылѣева: «Къ временщику», въ которомъ поэтъ говоритъ между прочимъ:

Надменный временщикъ и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!

Прочитавъ это рѣзкое обличеніе, общество содрогнулось, страшась за судьбу благороднаго смѣльчака, но временщикъ смолчалъ, не пожелавъ узнать себя въ этомъ изображеніи.

Но самое всестороннее, яркое и неотразимое обличеніе всего этого мрака и застоя уже было подготовлено, хотя не могло теперь еще выйти въ свѣтъ. Въ это время уже написана знаменитая комедія Грибоѣдова, эта «вѣчно юная красавица» [3]), въ которой передъ нами выступаетъ восторженный борецъ—идеалистъ Чацкій (единственный идеальный типъ, выработанный нашей литературой XIX вѣка, по замѣчанію Гончарова) и громитъ общество Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, Скалозубовъ; а въ этой средѣ просвѣщеніе подвергается такому же гоненію, какому оно подвергалось со стороны Магницкихъ, Фотіевъ и Аракчеевыхъ, дѣйствія и заявленія которыхъ прекрасно изображаются въ приговорѣ Фамусовскаго общества:

Ученость—вотъ чума!

---

[3]) Выраженіе, принадлежащее профессору Московскаго университета Алексѣю Н. Веселовскому.

и въ намѣреніи Скалозуба дать Репетиловскому кружку фельдфебеля въ Вольтеры. Въ комедіи этой несомнѣнно отразились многія западно-европейскія вліянія, но также несомнѣнно, что она произведеніе вполнѣ народное, такъ какъ ярко и полно выражаетъ жизненныя русскія подробности; что Чацкій, будучи вполнѣ просвѣщеннымъ европейцемъ, въ то же время горячо любитъ свою родину и желаетъ ей блага; а поэтому, заканчивая настоящій очеркъ, я позволю себѣ повторить въ нѣсколько расширенномъ видѣ положеніе, примѣненное академикомъ А. Н. Веселовскимъ къ народному эпосу, и измѣню его такимъ образомъ: «народная литература всякаго историческаго народа есть по необходимости международная», т. е. народная литература облечена на смерть, если она отдѣляется китайской стѣной отъ вліянія другихъ литературъ, и только воспринявъ вполнѣ это чужое вліяніе и претворивъ его въ своемъ духѣ, она можетъ предъявлять притязаніе на вліяніе на другія литературы, на равноправность въ общечеловѣческомъ обмѣнѣ идей, на внесеніе собственнаго вклада въ сокровищницу міровой цивилизаціи.

Александръ Николаевичъ Радищевъ.

Екатерининская эпоха представляетъ намъ впервые одну очень характерную черту въ исторіи новѣйшаго русскаго прогресса, особенность, выражающуюся въ томъ, что правительственная власть беретъ на себя иниціативу раскрѣпощенія русскаго общества, высказываетъ, повидимому, живѣйшую заботу о просвѣщеніи и движеніи впередъ, но какъ только въ самомъ обществѣ обнаруживается подобное же стремленіе, власть пугается и круто поворачиваетъ назадъ, первоначальные широкіе планы преобразованій остаются неосуществленными, призывы къ прогрессу и прекрасныя обѣщанія оказываются безплодными словами, а дѣйствительность окрашивается въ самый мрачный цвѣтъ торжествующей реакціи. Однако общество, пойдя по призыву власти на новый путь, уже не можетъ повернуть назадъ, и продолжаетъ двигаться въ томъ направленіи, которое принято было имъ ранѣе. Движеніе, можетъ быть, нѣсколько замедляется, обществомъ овладѣваютъ апатія и растерянность, появляется нѣкоторое число малодушныхъ ренегатовъ, подлаживающихся къ новому курсу правительственной политики, но разъ сказанныя хорошія слова не забываются, и даже изъ нихъ дѣлаются нѣкоторые выводы, весьма существенные для дальнѣйшаго развитія, а главное, несмотря на ослабленіе передовыхъ борцовъ, новыми идеями захватываются все болѣе и болѣе широкіе круги народа. Подобный процессъ мы наблюдаемъ въ началѣ XIX вѣка, при императорѣ Александрѣ I, когда всѣ вѣрили въ силу вліянія его молодыхъ совѣтниковъ, потомъ въ «эпоху великихъ реформъ» императора Александра II, когда казалось, что освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ къ общему раскрѣпощенію; но въ первый разъ мы съ такимъ фактомъ встрѣчаемся при Екатеринѣ II.

Рѣшившись вскорѣ послѣ вступленія на престолъ созвать знаменитую комиссію для составленія новаго уложенія, написавъ для этой комиссіи «Наказъ», Екатерина явилась первой пропаган-

дисткой въ Россіи освободительныхъ и просвѣтительныхъ идей современныхъ европейскихъ философовъ и государствовѣдовъ. Приближенные къ ней люди приходили въ ужасъ отъ тѣхъ «аксіомъ, способныхъ потрясти стѣны», которыми былъ переполненъ «Наказъ» и рѣшительно протестовали не только противъ освобожденія крестьянъ, но даже и противъ мѣръ правительства къ улучшенію ихъ положенія. Въ любопытной полемикѣ съ Сумароковымъ, Екатерина обнаружила вполнѣ ясное пониманіе ненормальности крѣпостныхъ отношеній, а въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ она показала современной литературѣ путь борьбы противъ невѣжества и произвола. Но медовые мѣсяцы либерализма не были продолжительны, и императрица скоро стала охладѣвать къ увлекавшимъ ее освободительнымъ идеямъ, видя въ нихъ нѣчто опасное для своей власти. Уже законодательная комиссія зашла, по мнѣнію императрицы, слишкомъ далеко, а литература не могла удовольствоваться одной «улыбательной» сатирой, которая допускалась императрицей, заговорила очень рѣзкимъ тономъ и этимъ возбудила серьезныя опасенія. Еще болѣе страху нагнала пугачевщина, и, наконецъ, полная реакція должна была наступить при первыхъ же вспышкахъ великой французской революціи. Императрица окончательно отреклась отъ прежнихъ увлеченій, и всѣ тѣ люди, которые недавно вторили ея либерализму, вынуждены были или замолкнуть, или же приладиться къ новому настроенію императрицы.

Сперва, по отношенію къ увлекавшимся писателямъ-идеалистамъ, можно было ограничиваться словесными репримандами и легкими внушеніями быть осторожнѣе и умѣреннѣе, но дальше признано было необходимымъ прибѣгнуть къ суровымъ репрессивнымъ мѣрамъ. Надежда на либерализмъ сверху была скоро уничтожена у Фонвизина, у Княжнина... За свои равностныя заботы о просвѣщеніи жестоко пострадалъ Н. И. Новиковъ, который въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ своихъ журналахъ былъ усерднѣйшимъ защитникомъ идей императрицы, и теперь оказался важнымъ государственнымъ преступникомъ, потому что не сумѣлъ отречься отъ этихъ идей. И въ такое время глухой реакціи выступилъ со своей знаменитой книгой Радищевъ, воспитавшійся подъ обаяніемъ лучшихъ идеаловъ начала царствованія, и какое горькое, трагическое разочарованіе ждало честнаго мечтателя!

Сынъ саратовскаго помѣщика, Радищевъ родился въ 1749 г. Отецъ будущаго писателя былъ человѣкъ хорошо образованный,

много читавшій и настолько гуманно относившійся къ крестьянамъ, что они сами защищали его во время пугачевщины. Весьма вѣроятно, что его вліяніе на образованіе убѣжденій сына было вполнѣ благотворное. Домашнее воспитаніе и обученіе не было продолжительное, и Радищевъ былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ бралъ уроки у лучшихъ тогдашнихъ учителей и профессоровъ недавно открытаго университета. Въ 1762 г. онъ былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, но пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи не могло принести ему никакой пользы, такъ какъ, по отзыву императрицы Екатерины, пажи росли невѣждами и шалунами. Черезъ четыре года Радищевъ вмѣстѣ съ 11-ю молодыми дворянами былъ посланъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1774 года.

Несмотря на разныя неблагопріятныя условія заграничной жизни русскихъ молодыхъ людей. Радищевъ вынесъ изъ университетскаго преподаванія довольно обширный запасъ знаній и сумѣлъ себѣ выработать опредѣленное міросозерцаніе, въ духѣ господствовавшихъ тогда идей просвѣтительной философіи. Въ этомъ отношеніи особенно сильное вліяніе имѣлъ на него «вождь его юности», его товарищъ, Ѳ. В. Ушаковъ, рано скончавшійся молодой человѣкъ, біографія котораго была предметомъ одной изъ первыхъ литературныхъ работъ Радищева. Вмѣстѣ съ этимъ другомъ Радищевъ изучалъ сочиненія извѣстнаго матеріалиста Гельвеція и демократа Мабли, который для него навсегда остался величайшимъ авторитетомъ въ области политическихъ вопросовъ. Къ этому же времени, вѣроятно, относится знакомство Радищева съ сочиненіями Руссо, Монтескье и съ сентиментальнымъ направленіемъ европейской литературы, которое отразилось впослѣдствіи на его собственныхъ произведеніяхъ. Заграничное пребываніе содѣйствовало укрѣпленію высокаго идеализма, или, по выраженію Радищева, «изящнаго ума». Люди, отличающіеся такимъ умомъ, «укрѣпивъ природныя силы своя ученіемъ, устраняются отъ проложенныхъ путей и вдаются въ неизвѣстные и непроложенные. Дѣйствительность есть знаменующая ихъ отличность, и въ нихъ то сродное человѣку безпокойствіе становится ясно: безпокойствіе, произведшее все, что есть изящное, и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, возродившее вольность и рабство, веселіе и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истину, адъ, рай, сатану, Бога».

Съ этимъ «безпокойствіемъ», съ этимъ «изящнымъ умомъ», Радищевъ, конечно, не могъ пойти тѣмъ «проложеннымъ путемъ», по которому двигались въ тѣ времена всѣ молодые дворяне, и это въ самомъ скоромъ времени должно было обнаружиться, какъ въ его службѣ, такъ въ особенности въ литературной дѣятельности. Вернувшись въ 1771 г. въ Петербургъ, Радищевъ поступилъ на службу въ сенатъ протоколистомъ, черезъ два года онъ перешелъ на должность оберъ-аудитора при графѣ Брюссѣ; въ 1775 г. онъ женился и вышелъ въ отставку, но опять черезъ 2 года поступилъ на службу въ коммерцъ-коллегію, а съ 1780 г. до своей ссылки служитъ въ петербургской таможнѣ сперва помощникомъ управляющаго, а подъ конецъ и управляющимъ.

Во время службы въ коммерцъ-коллегіи и въ таможнѣ онъ близко сошелся со своимъ начальникомъ, президентомъ коллегіи, гр. А. Р. Воронцовымъ, и въ этомъ случаѣ ярко проявился столь характерный для него и столь необычный для окружавшей его среды, его идеализмъ, побудившій его стать на защиту праваго дѣла противъ властнаго мнѣнія самого начальства. Въ коммерцъ-коллегіи (передаетъ этотъ эпизодъ В. Е. Якушкинъ) разсматривалось дѣло о пеньковыхъ браковщикахъ, несправедливо обвинявшихся въ упущеніяхъ по должности. Президентъ, вице-президентъ (Беклемишевъ) и всѣ члены признали обвиненіе справедливымъ. Только младшій членъ коллегіи, Радищевъ, не присоединился къ общему приговору. Онъ подалъ особое мнѣніе, совершенно несогласное съ вполнѣ опредѣленнымъ рѣшеніемъ президента. Беклемишевъ долго уговаривалъ Радищева отказаться отъ своего мнѣнія, не перечить президенту, указывая на то, какъ дерзко со стороны молодого человѣка, не имѣющаго никакихъ связей, возставать противъ мнѣнія могущественнаго начальника. Радищевъ не поддался этимъ доводамъ, прямо заявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться гоненію и оставить службу, но ни за что не согласится подписать несправедливый приговоръ. Долго не рѣшались доложить Воронцову объ упорствѣ младшаго члена коллегіи, новичка въ дѣлахъ. Наконецъ, Беклемишевъ доложилъ, Воронцовъ сначала очень разсердился, полагая, что несогласіе Радищева съ общимъ мнѣніемъ вызвано какимъ-нибудь корыстолюбивымъ видомъ, но всетаки прочелъ внимательно его мнѣніе, а потомъ захотѣлъ лично выслушать доводы младшаго ассессора. Послѣ разговора съ Радищевымъ Воронцовъ измѣнилъ свой взглядъ и браковщики были оправданы».

Подобные факты жестоко оскорбляли нравственное чувство Радищева, открывали ему поразительный контрастъ между его идеалистическими мечтаніями и русской мрачной дѣйствительностью, и это сильно отразилось на его душевномъ настроеніи. Явилось разочарованіе, которое онъ ярко характеризуетъ, обращаясь къ своему другу, А. М. Кутузову: «Воспомни,—говоритъ онъ,—наше нетерпѣніе видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣлявшую. Если кто, безстрастный, ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не могу я марать бумаги; но если кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго, и что не могли бы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О, вы, управляющіе умами, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единожды смиривъ юношу, нерѣдко навѣки содѣлаете его калѣкою».

Это разочарованіе отразилось и на литературной дѣятельности Радищева. Она началась подъ вліяніемъ «жара», вынесеннаго изъ заграничныхъ занятій, а также, по странной ироніи судьбы, при одобреніи самой императрицы, которая впослѣдствіи карала его за тѣ же стремленія, что проявились у него въ это время. Учредивъ на свои личныя средства общество для перевода замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ сочиненій, Екатерина привлекла къ занятіямъ общества и Радищева. Онъ перевелъ книгу любимаго своего автора, аббата Мабли «Observations sur l'histoire de la Grèce ou des causes de la prosperité et des malheurs des Grècs» (Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ). Къ этому переводу, заслужившему одобреніе императрицы, были присоединены нѣкоторыя примѣчанія, обнаруживающія свободолюбіе переводчика. Такъ, переводя слово déspotisme выраженіемъ «самодержавство», Радищевъ объяснилъ: «Самодержавство есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не только не можемъ дать надъ собой неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властью законовъ, то сіе не

для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ вашей обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества».

Книга Мабли была издана 1773 г.; въ два слѣдующіе года Радищевъ много писалъ стиховъ «на нѣжные предметы», но потомъ не появляется въ печати до 1789 г.... О «нѣжныхъ предметахъ» писать не приходилось, казалось уже не кстати, такъ какъ окружающая обстановка наводила на очень мрачныя размышленія... Однако, за этотъ періодъ молчанія подготовляются важнѣйшія произведенія, въ которыхъ выражаются, какъ философскіе, такъ въ особенности политическіе взгляды Радищева. Въ 1782 г. имъ была написана небольшая брошюра, изданная только черезъ семь лѣтъ, подъ заглавіемъ «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего». Описывая въ этой брошюрѣ открытіе памятника Петру Великому и превознося его преобразованія, онъ упрекалъ Петра за «истребленіе вольности», хотя и оправдывалъ его тѣмъ соображеніемъ, что «нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь добровольно упустилъ что-либо изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ». Прочтя впослѣдствіи эту брошюру, Екатерина замѣтила: «Давно мысль его готовилась ко взятому пути».

Въ 1785 г. Радищевъ познакомился съ сочиненіемъ энциклопедиста, аббата Рейналя «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes». Книга увлекла его своимъ паѳосомъ, и впослѣдствіи, находясь въ заключеніи, онъ признавалъ ее «началомъ своего бѣдственнаго положенія». При свѣтѣ возродившихся въ немъ освободительныхъ идей, Радищевъ воспрянулъ духомъ, рѣшился идти на борьбу съ мракомъ невѣжества и безправія. Бороться возможно было только словомъ обличенія, и у Радищева зарождается мысль о новой, обширной литературной работѣ. Въ посвященіи своего сочиненія Кутузову, онъ изображаетъ свое настроеніе этого времени въ слѣдующихъ словахъ: «Я взглянулъ окрестъ меня, — душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала. Обративъ взоры во внутренность мою—я узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ

человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой встрепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. Отыми завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду». Сей гласъ природы раздался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно быть всякому соучастникомъ въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли не опорочитъ неудачное изображеніе мысли, кто сострадетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ—не сугубый ли плодъ превзойдетъ отъ подъятаго мною труда?»

Подъ вліяніемъ такого настроенія Радищевъ изобразилъ картину продажи съ аукціоннаго торга крѣпостныхъ людей,—очеркъ, составившій въ его книгѣ главу «Мѣдное». Въ очеркѣ представлена семья дворовыхъ людей: старикъ 75 лѣтъ, спасшій жизнь отца своего барина, бывшій дядькой барина и неоднократно спасавшій его самого; старуха 80 лѣтъ, выкормившая мать барина и бывшая его собственной нянькой; женщина 40 лѣтъ, кормилица барина; ея дочь и внучка стариковъ, женщина 18 лѣтъ, насильственно выданная за дворового человѣка и изнасилованная барином; ея ребенокъ, незаконнорожденный сынъ барина, и, наконецъ, грубый дѣтина, 25 лѣтъ, вѣнчанный ея мужъ, спутникъ и наперсникъ своего господина». Эти люди продаются враздробь, какъ скотъ, и Радищевъ невольно охватывается негодованіемъ. «Едва,—говоритъ онъ,—ужасоносный молотъ испустилъ тупой свой звукъ, и четверо несчастныхъ узнали свою участь—слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшіе были тронуты. Окаменѣлыя сердца! Почти безплодное соболѣзнованіе! О, квакеры! Если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложились и, купивъ сихъ несчастныхъ, даровали бы имъ свободу. Живъ многія лѣта въ объятьяхъ одинъ другого, несчастные сіи въ поносной

продажѣ восчувствуютъ тоску разлуки. Сердце мое столь было стѣснено, что, выскочивъ изъ среды собранія и отдавъ несчастнымъ послѣднюю гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ. «Что тебѣ сдѣлалось? Ты плачешь!»—Возвратись—сказалъ я ему. Не будь свидѣтелемъ срамного зрѣлища. Ты проклиналъ нѣкогда варварскій обычай продажи черныхъ невольниковъ въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества Возвратись, повторялъ я. Не будь свидѣтелемъ нашего затменія, и да не возвѣстиши стыда нашего твоимъ согражданамъ, бесѣдуя съ ними о нашихъ нравахъ». Въ заключеніе очерка, вспомнивъ о томъ, что защитники крѣпостного права ссылаются на неприкосновенность собственности, Радищевъ говоритъ: «А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе вотчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія». Въ этихъ словахъ обвинительница Радищева, императрица Екатерина, увидѣла впослѣдствіи призывъ къ возстанію крестьянъ противъ помѣщиковъ.

Въ слѣдующемъ (1786) году Радищевъ написалъ еще два очерка изъ своей книги: въ первомъ, разсуждая о цензурѣ и инквизиціи, онъ говорилъ, что въ исторіи «мы вездѣ обрѣтаемъ терзающія черты власти, вездѣ зримъ силу, возстающую на истину», а во второмъ—изобразилъ «начальника», равнодушно относящагося къ гибели людей. Эти первоначальные этюды дали Радищеву идею общей картины отрицательныхъ сторонъ русской жизни, причемъ образцомъ изложенія, внѣшней формы, явилось для него знаменитое «Сентиментальное путешествіе» Стерна. Послѣ двухъ лѣтъ работы книга была готова, и Радищевъ для ея печатанія завелъ свою собственную типографію.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этой книгѣ, остановимся нѣсколько на другомъ сочиненіи Радищева, вышедшемъ годомъ ранѣе «Путешествія», на «Житіи Ѳеодора Васильевича Ушакова», которое, вѣроятно, писалось одновременно съ «Путешествіемъ» и по своимъ основнымъ идеямъ весьма къ нему близко. Для насъ не столько интересны жизнь молодого идеалиста и тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются Радищевымъ о пребываніи своемъ за границей, сколько политическіе взгляды, высказываемые въ этомъ своеобразномъ «Житіи», въ которомъ біографическое повѣствованіе постоянно перебивается разсужденіями философскими, моральными и политическими. Особенно важна политическая сторона этого небольшого сочиненія, такъ какъ, говоря о несовер-

шенствѣ современныхъ ему порядковъ. Радищевъ вполнѣ ясно видитъ, въ чемъ заключается коренная причина этого несовершенства. Она для него въ томъ же «самодержавствѣ», къ которому онъ отнесся такъ отрицательно уже въ первой своей литературной работѣ и которое, какъ увидимъ, является главной цѣлью его нападеній въ «Путешествіи».

Указавъ на всякія «уловки», которыми при самодержавіи люди достигаютъ высокаго положенія, Радищевъ совершенно правильно характеризуетъ безсиліе самодержца въ отношеніи своихъ приближенныхъ. «Положимъ,—говоритъ онъ,—что государь истинное достоинство только награждаетъ и пристрастенъ не бываетъ николи; но если бы возможно было ему хотя и одному быть безпристрастному въ своемъ государствѣ, всѣ другіе начальствующіе въ его образѣ таковы не будутъ, ибо если онъ возможетъ чуждъ быть родству, пріязни, дружбѣ, любви, хотя потому, что равнаго не имѣетъ себѣ, то кого найдешь ему подобнаго? Сверхъ же того, онъ малаго токмо числа отечеству или ему служащихъ самъ по себѣ истинныя знаетъ заслуги, о всѣхъ другихъ *судитъ по слуху, награждаетъ того, кого назначаютъ вельможи, казнитъ нерѣдко того, кто имъ не нравится.* Изъ нѣсколькихъ милліоновъ ему подвластныхъ едва единые сто служатъ ему: всѣ другіе (источая кровавыя слезы, признаться въ томъ должно), всѣ *другіе служатъ вельможамъ*». Въ самодержавномъ правленіи произволъ проникаетъ всѣ отношенія сверху до низу. «Примѣръ самовластія государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе, ниже, въ распоряженіяхъ своихъ, другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начать такъ мыслить, что, пользуясь удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. И сіе столь справедливо, что нерѣдко правиломъ пріемлется, что противорѣчіе власти начальника есть оскорбленіе верховной власти. Мысль несчастная, тысячи любящихъ отечество гражданъ заключающая въ темницу и предающая ихъ смерти, тѣснящая духъ и разумъ и на мѣсто величія водворяющая робость, рабство и замѣшательство подъ личиною устройства и покоя! Да сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію».

Это самовластіе въ концѣ концовъ должно само себя погубить, такъ какъ есть «предѣлы терпѣнію», за которыми наступаетъ отчаяніе и люди свергаютъ съ себя иго произвола.

«Человѣкъ много можетъ сносить непріятностей, удрученій и

оскорбленій. Доказательствомъ сему служатъ всѣ единоначальства. Гладъ, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогаютъ, не доводя его токмо до крайности. Но сего-то притѣснители частные и общіе, по счастью человѣчества, не разумѣютъ и, простирая повсемѣстную тяготу, предѣлъ оныя, на коемъ отчаяніе бодрственную возноситъ главу, зрятъ иногда въ отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительной для человѣка мглою. Не вѣдаютъ мучители, и даждь Господи, да въ невѣденіи своемъ пребудутъ ослѣплены навсегда.—не вѣдаютъ, что составляющее несносную печаль сему, — другому не причиняетъ ниже единаго скорбнаго мгновенія да и въ оборотъ то, что въ одномъ сердцѣ ни малѣйшаго не производитъ содроганія, во стѣ другихъ родитъ отчаяніе и изступленіе. Пребуди, благое невѣдѣніе, всецѣло, пребуди нерушимо до скончанія вѣка! Въ тебѣ почила сохранность страждущаго общества. Да не дерзнетъ никто совлещи покровъ сей съ очей власти, да исчезнетъ помышляяй о семъ и умретъ въ сѣмени до рожденія своего». Конечно, это пожеланіе «сохранности страждущаго общества» слѣдуетъ понимать cum grano salis, такъ какъ Радищевъ вполнѣ сочувствуетъ англичанамъ, «кои нѣкогда, прельщенные наихитрѣйшимъ изъ правителей, царю своему жизнь изъяти покусилися судебнымъ порядкомъ; кои для утвержденія благосостоянія общественнаго изгнали наслѣднаго своего царя, избравъ на управленіе посторонняго, кои, при наивеличайшей развратности нравовъ, возмѣряя вся на вѣсахъ корысти, и нынѣ нерѣдко за величайшую честь себѣ вмѣняютъ противоборствовати державной власти и оную побѣждати законно».

Уже разсужденія «Житія Ѳ. В. Ушакова», не замѣченныя властями, вызвали весьма оживленные толки въ обществѣ, но еще сильнѣе было «любопытство публики», когда въ январѣ 1790 г. вышло въ свѣтъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», разрѣшенное къ печати полицмейстеромъ Никитою Рылѣевымъ. Хотя разошлось всего около 100 экземпляровъ, но о книгѣ стали «говорить по всему городу», и Радищевъ скоро увидѣлъ, что ему грозитъ серьезная опасность, и самъ поспѣшилъ остановить дальнѣйшее распространеніе своего произведенія, отказывая книгопродавцамъ, желавшимъ его купить. Гроза, однако, разразилась только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. 27 іюня состоялся приказъ объ арестѣ Радищева, а 30 іюня онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Несмотря на всякія оправданія, защищаться отъ такого властнаго обвинителя, какъ сама Екатерина, увидѣв-

шая въ книгѣ оскорбленіе лично себѣ, не было никакой возможности, и уже 8 августа Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни. 4 октября по именному указу казнь была замѣнена лишеніемъ правъ и ссылкою на 10 лѣтъ въ Сибирь, въ Илимскій острогъ. Обвиненъ былъ Радищевъ въ томъ, что «оказался въ преступленіи противу присяги и должности его и должности подданнаго, изданіемъ книги, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу».

II.

Вникая въ приведенный судебный приговоръ и перечитывая теперь книгу Радищева, легко увидѣть, что протестъ противъ крѣпостного права былъ только второстепенной причиной ея осужденія. На дворянъ книга не могла произвести желаемаго впечатлѣнія, какъ это видно изъ ироническаго замѣчанія Екатерины: «Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ». Еще менѣе можно было разсчитывать на возбужденіе мятежа среди крестьянъ при помощи книги, и это отлично разъяснилъ самъ Радищевъ: «Если кто скажетъ, что я, написавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается. Первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простого народа непонятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина. И можетъ ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ?» Однако, если и не было у Радищева намѣренія взбунтовать крестьянъ, слѣдуетъ сказать, что въ его книгѣ было весьма достаточное количество фактовъ, ярко иллюстрирующихъ безобразіе крѣпостныхъ отношеній. Выше мы видѣли картинку продажи крестьянъ съ аукціона, теперь остановимся на другихъ явленіяхъ этого рода.

Вотъ передъ нами образецъ не изверга, но просто весьма хозяйственнаго помѣщика, выжимающаго изъ своихъ крестьянъ все, что только возможно: «Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, счастія, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ, во сто или въ двѣсти душъ.

опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился найдѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обрабатыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ, дѣйствительно, въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бой грудою, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своей цѣли онъ отнялъ у нихъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, дворянинъ сей нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты и въ постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинныя разговѣны бывали развѣ на Святой недѣлѣ. Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способствовалъ къ тому. Кто и былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда бралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ. При таковомъ заведеніи неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ г. Нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ-четвертъ; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десятъ и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію и, поступая съ ними равно, какъ и первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлецъ».

Неудивительно, что при такихъ хозяйственныхъ порядкахъ

крестьяне часто голодаютъ или питаются хлѣбомъ, который состоитъ «изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки». Не должно также удивлять и слѣдующее «обозрѣніе утвари крестьянской избы: четыре стѣны, до половины покрытыя такъ, какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ почти поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутый пузырь, смеркающійся въ полдень, пропуская свѣтъ, горшка два или три (счастливая изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякій день есть пустыя щи); деревянная чашка и кружки, тарелками называемыя; столъ, топоромъ срубленный, который скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ счастію, кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ кой коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природой, онучки съ лаптями для выхода. Вотъ въ чемъ почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы и могущества».

Нарисовавъ такую ужасную картину крестьянской нищеты, Радищевъ невольно обращается съ горькимъ упрекомъ къ дворянамъ: «Звѣри алчные, пьявицы ненасытныя!—восклицаетъ онъ.—Что мы крестьянину оставляемъ? То, чего отнять не можемъ,—воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не только даръ земли—хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти у него постепенно. Съ одной стороны почти всесиліе, съ другой—немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія, и по желанію своему истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребій заклепаннаго во узы, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола въ ярмѣ»...

Разоряя крестьянъ до послѣдней крайности, помѣщики не щадятъ въ нихъ и человѣческихъ чувствъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, оскорбляя ихъ и угнетая; ни одна крестьянская дѣвушка не защищена отъ насильственныхъ покушеній господина на ея честь, и съ барской точки зрѣнія подобныя дѣйствія считаются даже особенной милостью. Горе крестьянину, если въ немъ въ силу какихъ-нибудь обстоятельствъ заговоритъ сознаніе собственнаго достоинства! Всяческія гоненія обрушиваются за это на

его голову, какъ это видно на примѣрѣ рекрута Ванюши, изображеннаго въ главѣ «Городня». Этотъ несчастный юноша росъ вмѣстѣ съ сыномъ своего барина, учился тому же, чему учился барчукъ, поработалъ въ заграничномъ университетѣ и, возвращаясь въ Россію, ждалъ свободы, которую ему обѣщалъ старый баринъ. Но старикъ умеръ, а баринъ, сверстникъ Ванюши, не торопился исполнять обѣщаніе своего отца, и отсюда пошли несчастья Ванюши. «Черезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда,—разсказываетъ онъ,—бывшій мой господинъ влюбился въ изрядную лицомъ дѣвицу, но которая съ красотой тѣлесной соединяла скареднѣйшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надменности своего происхожденія, отличностью почитала только внѣшность, богатство. Черезъ два мѣсяца она стала супругой моего барина и моей повелительницей. До того времени я не чувствовалъ перемѣны и жилъ въ домѣ господина своего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, но я предупреждалъ его иногда желанія, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дому, въ которомъ она опредѣлялась начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первый вечеръ по свадьбѣ и слѣдующій день, въ который я ей представленъ былъ супругомъ ея, какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но къ вечеру, когда при довольно многолюдномъ собраніи пришли всѣ къ столу и сѣли за первый ужинъ у новобрачныхъ, и я, по обыкновенію моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оный не сажалъ. Онъ, взглянувъ на меня и движимъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, чтобы я изъ-за стола вышелъ и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сіе уничиженіе. Я, скрывъ, однакожъ, изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день не смѣлъ я показаться. Не навѣдываясь обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было и въ слѣдующіе дни. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа, осматривая домъ и распредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторяю того, что она говорила, будучи въ оныхъ, мнѣ во посмѣяніе, но, возвратясь домой, мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ съ холостыми офицiан-

тами, гдѣ моя постель, сундукъ съ платьемъ и бѣлье мое уже поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ. Что въ душѣ моей происходило, слыша сіе, удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ, можетъ быть, повѣствованіемъ, госпожа моя, вступивъ въ управленіе домомъ и не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи и надѣла на меня ливрею. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О, государь мой, лучше бы мнѣ не родиться! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрасти въ невѣжествѣ, не думавъ никогда, что есмь человѣкъ, всѣмъ другимъ равный. Давно бы, давно бы избавилъ себя ненавистной мнѣ жизни, если бы не удерживало прещеніе Вышняго надъ всѣми Судіи. Я опредѣлилъ себя сносить жребій мой терпѣливо. Я сносилъ не токмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступилъ я своего обѣта и не отъялъ у себя томные остатки плачевнаго житія при случившемся новомъ души уязвленіи. Племянникъ моей барыни, молодецъ восемнадцати лѣтъ, сержантъ гвардіи, воспитанный во вкусѣ московскихъ щегольковъ, влюбился въ горничную дѣвку своей тетушки и, скоро овладѣвъ неопытною ея горячностью, сдѣлалъ ее матерью. Сколь онъ не рѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ происшествіи нѣсколько смутился. Ибо тетушка его, узнавъ о семъ, запретила входъ къ себѣ горничной, а племянника побранила слегка. По обыкновенію милосердныхъ господъ, она намѣрилась наказать ту, которую жаловала прежде,—выдать ее за конюха замужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты, а беременной для славы дома надобенъ былъ мужъ, то хуже меня изъ всѣхъ служителей не нашла. И о семъ госпожа моя, въ присутствіи своего супруга, мнѣ возвѣстила, яко неотмѣнную милость. Не могъ я болѣе терпѣть поруганія. «Безчеловѣчная женщина, во власти твоей состоитъ меня мучить и уязвлять мое тѣло! Говорите вы, что законы даютъ вамъ надъ нами сіе право. Я и сему мало вѣрю, но то твердо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть не можетъ». Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея: «Неблагодарный сынъ человѣколюбиваго родителя, забылъ ты его завѣщаніе, забылъ и свое изреченіе; но не доводи до отчаянія души твоея благороднѣйшей, страшись!» Болѣе ска-

зать я не могъ, ибо, по повелѣнію госпожи моей, отведенъ былъ на конюшню и сѣченъ нещадно кошками. На другой день едва я могъ встать отъ побоевъ съ постели, и паки приведенъ былъ передъ госпожу мою. «Я тебѣ прощу,—говорила она,—твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушкѣ, она тебя проситъ, и я, любя ее въ самомъ ея преступленіи, хочу это для нея сдѣлать».—«Мой отвѣтъ, сказалъ я ей, вы слышали вчера, другого не имѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство въ принужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права».—«Ну, такъ пора въ солдаты!» вскричала яростно моя госпожа. Потерявшій путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю меньше обрадуется, сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова. «Въ солдаты», повторила она. И на другой день то было исполнено. Несмысленная! Она думала, что такъ, какъ и поселянамъ, поступленіе въ солдаты есть наказаніе. Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрили лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился».

Ванюша радуется военной службѣ, какъ средству избавленія отъ невыносимаго рабства; но бываютъ случаи, когда крестьяне вынуждены искать другихъ путей защиты своего человѣческаго достоинства, когда они прибѣгаютъ къ самосуду надъ своими притѣснителями. Такіе случаи представлены Радищевымъ въ главахъ «Зайцево» и «Едрово»: въ первой мы видимъ жестокую расправу съ семьей нѣкоего асессора, всячески изводившаго своихъ крестьянъ и практиковавшаго нѣчто въ родѣ jus primae noctis, а во второй изображена попытка крестьянъ казнить помѣщика «добраго и человѣколюбиваго», но крайняго сладострастника, у котораго «мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери». Подобные примѣры могутъ служить хорошимъ предостереженіемъ рабовладѣльцамъ, и Радищевъ указываетъ на тѣ общія грозныя послѣдствія, которыя могутъ возникнуть изъ крѣпостного права. «Не вѣдаете ли,—говоритъ онъ,—любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности. Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ, и благимъ свободы мановеніемъ въ движеніе приходящія, тѣмъ укрѣпятъ и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Потокъ загражденный въ стремленіи своемъ тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія наши, въ узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Коло-

колъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будутъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. Вотъ что предстоитъ намъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горѣ постепенно, и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ или любитель человѣчества, возникши на пробужденіе несчастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся!» Грядущая опасность можетъ быть устранена только облегченіемъ участи крестьянъ, находящихся въ рабствѣ, и Радищевъ набрасываетъ проектъ такихъ мѣропріятій, которыя должны привести къ упраздненію крѣпостного права. «Первое положеніе,—говоритъ онъ,—относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе последнее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ, въ ревизіи написанныхъ, брать въ домы. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣеть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца въ званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, т. е. въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, т. е. покупать землю. Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда. За симъ слѣдуетъ совершенно уничтоженіе рабства». Въ этомъ проектѣ Радищева наиболѣе существеннымъ является признаніе права собственности крестьянина на обрабатываемую имъ землю, чѣмъ устранялась возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

III.

Какъ бы радикальны ни были разсужденія Радищева о крестьянскомъ вопросѣ, наиболѣе опасной стороной въ его книгѣ и для императрицы Екатерины, и для позднѣйшаго времени должны были представляться разсужденія болѣе общаго характера, касающіяся самыхъ основъ политическаго быта Россіи,—разсужденія, сравнительно съ которыми протестъ противъ крѣпостного права былъ лишь незначительной частностью, совершенно утратившею свое практическое значеніе послѣ упраздненія крѣпостничества. Радищевъ возсталъ въ своей книгѣ противъ произвола, проникавшаго всю русскую жизнь, онъ первый выступилъ съ этимъ обличеніемъ; обличеніе было настолько яркимъ и захватывало такъ широко всѣ русскія гражданскія отношенія, что и до нашего времени оно не утратило своего значенія. Въ этомъ-то и крылась причина жестокой кары, обрушившейся на Радищева и на его «Путешествіе».

Частныя проявленія произвола, такъ называемыя злоупотребленія суда и администраціи, обличались и предшественниками и современниками Радищева, и въ этомъ отношеніи онъ далъ въ своей книгѣ не особенно много новаго. Однако, нужно сказать, что и въ этихъ бытовыхъ картинкахъ рельефно обнаруживался обличительно-публицистическій талантъ Радищева, и мы считаемъ нелишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ главѣ «Чудово» представленъ начальникъ, который спитъ въ то время, какъ люди гибнутъ на морѣ, а его подчиненные не смѣютъ его разбудить, чтобы подать помощь гибнущимъ. Въ главѣ «Зайцово» Радищевъ знакомитъ насъ съ порядками суда, въ которомъ царитъ сословное лицепріятіе, который наполненъ взяточниками и людьми, умѣющими искусно обходить законы. Въ главѣ «Спасская Полисть» дается прекрасная характеристика тѣхъ отношеній, по поводу которыхъ впослѣдствіи одинъ изъ декабристовъ выразился: «Служба замѣнилась прислугой». «Жилъ-былъ, — разсказывается въ этой главѣ, — гдѣ-то государевъ намѣстникъ. Въ молодости своей таскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока деньжонокъ своихъ было мало, то онъ отъ охоты своей воздерживался—ѣдалъ по десятку, и то, когда бывалъ въ Петербургѣ. Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его стало прибавляться. А какъ попалъ

въ намѣстники и когда много стало у него денегъ своихъ, много и казенныхъ въ распоряженіи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ, какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ. Въ правленіе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго онъ имѣетъ въ Петербургъ отправить съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ, снабженный подорожной, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился передъ его высокопревосходительствомъ. «Поспѣшай, мой другъ, — вѣщаетъ ему унизанный орденами,—поспѣшай, возьми сей пакетъ, отдай его въ Большой Морской... господину Карзинкину, почтенному лавочнику, въ С.-Петербургѣ; ступай, мой другъ, и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и нимало не медли: я тебѣ скажу спасибо не одно». Курьеръ съ невѣроятной быстротой, съѣздивъ за тысячу верстъ, привозитъ устрицы, и намѣстникъ чрезвычайно доволенъ. «Право, — говоритъ онъ, — человѣкъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ по два раза ѣздитъ въ Петербургъ, а въ Москву сколько разъ—упомнить не могу. Секретарь, пиши представленіе. За многочисленные его въ посылкахъ труды и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ». Въ расходной книгѣ у казначея записано: «По предложенію его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному въ С.-Петербургъ съ наинужнѣйшимъ донесеніемъ, прогонныхъ денегъ въ оба пути на три лошади изъ экстраординарной суммы. Книга казначейская пошла на ревизію, но устерсами не пахнетъ».

Подобное отношеніе къ службѣ и къ закону возможно лишь при самовластіи вельможъ, и Радищевъ разражается гнѣвной филиппикой противъ этого самовластія. «Блаженны, — восклицаетъ онъ,—въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа имъ повинуется. Даже неосмысленные скоты угождаютъ ихъ желаніямъ и, дабы имъ въ путешествіи, зѣвая, не наскучилось, скачутъ они, не жалѣя ни ногъ, ни легкаго, и нерѣдко отъ натуги околѣваютъ. Блаженны, повторю я, имѣющіе внѣшность, къ благоговѣнію всѣхъ влекущую. Кто вѣдаетъ изъ трепещущихъ отъ плети, имъ грозящей, что тотъ, во имя коего ему грозятъ, безгласнымъ въ придворной грамматикѣ

называется; что ему ни А, ни О во всю жизнь свою сказать не удалось; что онъ одолженъ, и сказать стыдно кому, своимъ возвышеніемъ; что въ душѣ своей онъ скареднѣйшее есть существо; что обманъ, вѣроломство, предательство, блудъ, отравленіе, татьство, грабежъ, убійство не больше ему стоятъ, какъ выпить стаканъ воды; что ланиты его никогда отъ стыда не краснѣли, развѣ отъ гнѣва или пощечины, что онъ другъ всякаго придворнаго истопника и рабъ едва-едва при дворѣ нѣчто значущаго; но властелинъ и презирающъ невѣдающихъ его низкости и ползущества Знатность безъ истиннаго достоинства подобная колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая что они чрезъестественные повелители. Надъ ними сіи обманщики властвуютъ по своей волѣ. А сколь скоро въ толпу, ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся, то обманъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцевъ они не терпятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творятъ чудеса. Равно берегись и тотъ, кто посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ».

Но откуда же является эта чрезмѣрная сила вельможъ? Какъ создался этотъ классъ людей, почти ничего не дѣлающихъ, попирающихъ всякіе законы, живущихъ на счетъ народа? Источникъ ихъ силы—дворъ, и Радищевъ даетъ краткій очеркъ возникновенія этого учрежденія, характеризуетъ переходъ отъ феодальныхъ отношеній къ придворнымъ. Когда были урѣзаны права прежняго дворянства, «на мѣстѣ мужества водворилась надменность и самолюбіе, на мѣстѣ благородства души и щедроты посѣялись раболѣпіе и самонедовѣреніе, истинные скряги на великое». Усилилась до крайнихъ предѣловъ царская власть, и создалось придворное сословіе. Произошло это такимъ образомъ: «жительствуя среди столь тѣсныхъ душъ и подвизаемые на милости ласкательствомъ наслѣдственныхъ заслугъ и достоинствъ, многіе государи возомнили, что они суть боги, и вся, его же коснутся, блаженно сотворятъ и пресвѣтло. Такс и быть долженствуетъ въ дѣяніяхъ нашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величанія возмечтали цари, что рабы ихъ и прислужники, ежечасно предстоя взорамъ ихъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій, преломляясь, такъ сказать, въ сихъ новыхъ отсвѣткахъ, многочисленнѣе является и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковой блужденія мысли воздвигли цари придворныхъ истукановъ, кои, истинные ѳеатральные божки, повинуются свистку или трещоткѣ».

«Пройдемъ степени придворныхъ чиновъ и съ улыбкой сожалѣнія отвратимъ взоры наши отъ кичащихся служеніемъ своимъ; но возрыдаемъ, видя ихъ предпочитаемыхъ заслугѣ. Дворецкій мой, конюшій, и даже конюхъ и кучеръ, поваръ, крайчій, птицеловъ съ подчиненными ему охотниками, горничные мои прислужники, тотъ, кто меня брѣетъ, тотъ, кто чешетъ власы главы моей, тотъ, что пыль и грязь отираетъ съ обуви моей, о многихъ другихъ не упоминая, равняются или предсѣдаютъ служащимъ отечеству силами своими душевными и тѣлесными, не щадя ради отечества ни здравія своего, ни крови, возлюбляя даже смерть ради славы государства».

Такимъ образомъ люди, полезные отечеству, отличившіеся истинными заслугами передъ народомъ, ставятся ниже придворныхъ тунеядцевъ, которыхъ безчисленное множество, вслѣдствіе предразсудка, по которому внѣшній блескъ представляется безусловно необходимымъ для прочности власти. Однако просвѣщеніе должно искоренить этотъ предразсудокъ, такъ какъ на просвѣщенный народъ внѣшность оказываетъ мало вліянія. «Нума могъ,—поясняетъ Радищевъ,—грубыхъ еще римлянъ увѣрить, что нимфа Эгерія наставляла его въ его законоположеніяхъ. Слабые перуанцы охотно вѣрили Манко Копаку, что онъ сынъ солнца, и что законъ его съ небеси истекаетъ. Магометъ могъ прельстить скитающихся аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей принялъ скрижали заповѣдей на горѣ, среди блеска молній. Но нынѣ, буде кто прельстити восхощетъ, не блистательная нужна ему внѣшность, но внѣшность доводовъ, если такъ сказать можно,—внѣшность убѣжденій. Кто бы восхотѣлъ нынѣ посланіе свое утвердить свыше, тотъ утвердитъ болѣе наружность полезности, и тою всѣ тронутся. Мы же, устремляя всѣ силы наши на пользу всѣхъ и каждаго, почто намъ блескъ внѣшности? Но если пышная внѣшность намъ безполезна, колико вредны въ государствѣ быть могутъ ея оберегатели. Единственной должностью во служеніи своемъ имѣя угожденіе намъ, колико изыскательны они будутъ во всемъ томъ, что намъ нравиться можетъ. Желаніе наше будетъ предупреждено; но не токмо желанію не допустятъ возродиться въ насъ, но даже и мысли, зане готово уже удовлетвореніе. Воззрите съ ужасомъ на дѣйствіе таковыхъ угожденій. Наитвердѣйшая душа во правителяхъ своихъ позыбнется, приклонитъ ухо ласкательному сладкопѣнію, уснетъ. И се сладостныя чары обыдутъ разумъ и сердце. Горесть и обида чуж-

дыя едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣти о нихъ почтемъ или неприличнымъ, или же противнымъ, и воспретимъ даже жаловаться о нихъ. Язвительнѣйшія скорби и раны и самая смерть покажутся намъ необходимыми дѣйствіями теченія вещей и, являяся намъ позади непрозрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли въ насъ произвести то мгновенное движеніе, какое производятъ въ насъ театральныя представленія. Зане стрѣла болѣзни и жало зла не въ насъ дрожитъ вонзенное. Се слабая картина всѣхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго царей дѣйствія».

Уже изъ приведенныхъ словъ ясно, что Радищевъ возстаетъ противъ самодержавной царской власти, что онъ противникъ неограниченной монархіи, но въ этихъ словахъ еще не обнаруживается его симпатія къ народовластію: она проявляется въ подробномъ изложеніи оды «Вольность», которое мы находимъ въ главѣ «Тверь». Прославляя свободу, Радищевъ говоритъ:

О! даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О! вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце своимъ жаромъ,
Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ
Во свѣтъ рабства тьму претвори,
Да Брутъ и Телль еще проснутся,
Сѣдяй во власти, да смятутся
Отъ гласа твоего цари.

Въ дальнѣйшихъ строфахъ оды развиваются извѣстныя идеи XVIII вѣка о свободѣ человѣка по природѣ, о договорномъ возникновеніи власти, о значеніи правды и законности, а въ противоположность этимъ идеямъ характеризуется деспотизмъ, поддерживаемый религіозными и политическими предразсудками:

И се чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ,
Земныя власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ.
Его отчизна тамъ, гласитъ.
Призраки, тьму повсюду сѣетъ,
Обманывать и льстить умѣетъ
И слѣпо вѣрить всѣмъ велитъ.

. . . . . .

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ, царь,
На громномъ тронѣ властно сѣвши,
Въ народѣ зритъ лишь подлу тварь.
Животъ и смерть въ рукѣ имѣя:
«По волѣ рекъ, щажу злодѣя,
Я властію могу дарить;
Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется;
Нахмурюсь грозно,—все смятется.
Живешь тогда, велю коль жить».

Но пригнетеніе народа должно окончиться, идеалъ свободы увлекаетъ всѣхъ утѣсненныхъ, и страшная участь готовится деспоту:

Возникнетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечъ остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ!
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ
Надъ гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.
И нощи се завѣсу лживой
Со трескомъ мощно разодравъ,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истуканъ поправъ,
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его, какъ гражданина,
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ!

Далѣе въ одѣ восхваляется Кромвель, который научилъ людей, «какъ могутъ мстить за себя народы». Въ послѣднихъ строфахъ содержатся прорицанія о будущемъ жребіи отечества, которое «раздѣлится на части, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ оно будетъ пространнѣе. Упругая власть при издыханіи приставитъ стражу къ слову и соберетъ всѣ свои силы, дабы послѣднимъ махомъ раздавить возникающую вольность».

Но человѣчество возреветъ въ оковахъ и, направляемое надеждою свободы и неистребимымъ природы правомъ, двинется. И власть приведена будетъ въ трепетъ. Тогда всѣхъ силъ сложеніе, тогда тяжелая власть

Развѣется въ одно мгновенье.
О! день избраннѣйшій всѣхъ дней!
Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность возсіяла».

IV.

Приведенный выше приговоръ по дѣлу Радищева былъ приведенъ въ исполненіе необыкновенной поспѣшностью, такъ что отправляемый въ ссылку писатель не имѣлъ даже возможности проститься съ семьей, а такъ какъ у него не было теплой одежды, то ему дали «гнусную нагольную шубу, взявъ ее тутъ же у сторожа или солдата»; а рядомъ съ этой поспѣшностью петербургское губернское правленіе обнаружило и чрезвычайную суровость, распорядившись заковать Радищева въ кандалы. Но нашелся у Радищева и защитникъ—его бывшій начальникъ, гр. А. Р. Воронцовъ: по его ходатайству, императрица на другой же день послѣ отправленія Радищева послала курьера съ повелѣніемъ снять съ него оковы и доставить ему нужныя для пути вещи. Только въ Нижнемъ Новгородѣ курьеръ догналъ Радищева, и излишнее мучительство было прекращено. Благодаря стараніямъ гр. Воронцова, написавшаго губернаторамъ въ Нижній-Новгородъ, Пермь, Иркутскъ, Радищевъ вездѣ на пути видѣлъ «отъ начальства милость и снисхожденіе», и даже останавливался на долгій срокъ въ Тобольскѣ и Иркутскѣ.

Въ Илимскѣ, куда онъ пріѣхалъ въ январѣ 1792 г., онъ поселился съ сестрой своей жены, Елизаветой Рубановской, впослѣдствіи вышедшей за него замужъ, и съ двумя младшими дѣтьми въ воеводскомъ домѣ, который былъ ему отведенъ по приказу генералъ-губернатора. Здѣсь онъ оставался шесть лѣтъ, «отрѣзанный,—какъ говоритъ В. А. Мякотинъ,—отъ личныхъ сношеній со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, внѣ всякаго интеллигентнаго общества, состоя подъ надзоромъ грубыхъ и невѣжественныхъ исправниковъ, которые, не имѣя никакого понятія объ его преступленіи, видѣли въ немъ проворовавшагося чиновника, и отъ корыстолюбія которыхъ его спасало лишь личное знакомство съ губернаторомъ». Однако на положеніе свое Радищевъ жаловался очень мало, и въ этомъ отношеніи весьма характернымъ представляется слѣдующій отрывокъ изъ его письма къ гр. Ворон-

цову отъ 10 апрѣля 1792 г.: «Мы, благодаря Бога, живемъ здѣсь въ спокойствіи и тишинѣ, и недостатка по милости вашего сіятельства ни въ чемъ не чувствуемъ. Но сестра моя больна съ самаго пріѣзда въ Илимскъ, что я дѣйствительнымъ почитаю несчастіемъ, ибо ко многимъ другимъ мрачнымъ мыслямъ присоединяется и та, которую я себѣ безъ ужаса не могу представить. Можетъ быть, сіе и малодушіе, но я въ томъ признаюся; мнѣ кажется, что и дѣти мои не столь здоровы, какъ прежде сего. Правда совершенная, что мѣста еще способнаго нѣтъ для гулянья, и я самъ живу въ нетерпѣливомъ ожиданіи весны и теплыхъ дней. Сколько много я живалъ прежде сего въ движеніи, столь его нынѣ мало; но опричь ревматической боли, которую я и нынѣ еще чувствую въ пальцахъ и составахъ обѣихъ рукъ (если то не хираграа), то я всей моей семьи здоровѣе. Безпрестанное движеніе, въ которомъ я столь долгое время находился, и кушанье простое, но здоровое, тому, конечно, причина».

Душевная бодрость, выражающаяся даже въ этихъ жалобныхъ строкахъ и не уступавшая «мрачнымъ мыслямъ», внушалась, конечно, и тѣмъ сочувствіемъ, которое Радищевъ встрѣчалъ со стороны гр. Воронцова, но еще въ большей степени она объяснялась отмѣченнымъ нами выше «сроднымъ человѣку безпокойствомъ», такъ сильно отличавшимъ Радищева. Его дѣятельной натурѣ невозможно было поддаваться унынію, и умъ его не переставалъ работать. Написавъ даже во время заключенія въ Петропавловской крѣпости полное высокой человѣчности повѣствованіе о «Филаретѣ милостивомъ», Радищевъ уже на пути въ Сибирь находитъ въ себѣ достаточно силы для чисто научнаго наблюденія жизни, и его замѣтки объ этомъ путешествіи показываютъ живой интересъ къ тѣмъ мѣстамъ, по которымъ онъ проѣзжалъ. Еще ярче этотъ интересъ проявляется въ письмахъ Радищева къ гр. Воронцову. Такъ, уже изъ Нижняго-Новгорода онъ сообщаетъ, что его «разумъ можетъ иногда заниматься упражненіемъ». «Когда я стою на ночлегѣ,—говоритъ онъ,—то могу читать; когда ѣду, стараюсь замѣчать положеніе долинъ, буераковъ, горъ, рѣкъ; учусь въ самомъ дѣлѣ тому, что иногда читалъ о исторіи земли; песокъ, глина, камень, все привлекаетъ мое вниманіе. Не повѣрите, можетъ быть, что я, съ восхищеніемъ, переѣхавъ Оку, вскарабкался на крутую гору и увидѣлъ въ разсѣлинахъ оной слѣды морскихъ раковинъ!» Въ письмѣ отъ 15 марта 1791 г. находимъ слѣдующее любопытное разсужденіе: «Время моего здѣсь пребыванія

я, по возможности, стараюся употребить себѣ въ пользу пріобрѣтеніемъ безпристрастныхъ о здѣшней сторонѣ свѣдѣній. Если я столь счастливъ могу назваться, что въ глазахъ В. С. я почитаюся зрителемъ безъ очковъ, то я нынѣ тщуся все видѣть обнаруженно, ни въ микроскопъ, ни въ зрительную трубу. Но, признаюсь, трудно уловлять истину, когда къ достиженію оной ведутъ одни только разногласныя повѣствованія, изрекаемыя обыкновенно пристрастіемъ, огорченіемъ и всѣми другими страстьми, сердце человѣческое терзающими. Издавна не нравилось мнѣ изреченіе, когда кто говорилъ: *Такъ волится въ Сибири; то или другое имѣютъ въ Сибири*—и всѣ общія изреченія о осьмитысячномъ пространствѣ верстъ; теперь нахожу сіе вовсе нелѣпымъ. Ибо какъ можно одинаково говорить о землѣ, которой физическое положеніе представляетъ толико разнообразностей, которой и нынѣшнее положеніе толико же по мѣстамъ между собою различествуетъ, колико различны были перемѣны, нынѣшнее состояніе ея основанія; гдѣ и политическое положеніе, и нравственность жителей слѣдуютъ неминуемо положенію естественности; гдѣ подлѣ дикости живетъ просвѣщеніе, подлѣ звѣрства мягкосердіе; гдѣ черты, пороки отъ ошибокъ и злость отъ остроумія отдѣляющія, теряются въ неизмѣримомъ земель пространствѣ и стужѣ за 30 градусовъ? Уральскія горы столь существенно различествуютъ въ своей естественности отъ степи Барабинской, сколько жители оныхъ отъ жителей степныхъ. Крестьянинъ заводской есть совсѣмъ другой человѣкъ, нежели земледѣлецъ Тарской и Ишимской округи, и если Сургутъ, Туруханскъ изобилуютъ соболями, то почто дивиться, что въ Ялуторовскѣ ихъ нѣтъ? А обыкновенно говорятъ: соболи родятся въ Сибири. Если Березовскій житель кормится отъ табуна оленей, а Томскій уѣздный крестьянинъ можетъ только успѣвать въ земледѣліи, то хотя они оба Сибиряки, однако же во многихъ вещахъ они между собою толико же различествуютъ, какъ англичанинъ отъ француза, proportion gardée. Передъ глазами моими на стѣнѣ прибита генеральная карта Россіи, въ коей Сибирь занимаетъ почти $^3/_4$. Хорошо знать политическое раздѣленіе государства; но если бы весьма учебно было въ Великой Россіи сдѣлать новое географическое раздѣленіе, слѣдуя въ томъ чертамъ, природою между народами назначеннымъ, гораздо бы еще учебнѣе и любопытнѣе было, если бы Сибирь раздѣлена была (на картѣ, разумѣется) на округи, естественностью означенныя. Тогда бы изъ двухъ губерній вышла иногда одна, а изъ одной

пять или шесть. Но къ сочиненію таковой карты не исправниково искусство нужно, но головы и глаза Палласа, Георги, Лепехина, да безъ очковъ, и вниманія не на одни цвѣтки и травы».

Сибирь поражала Радищева своими естественными богатствами, и онъ пророчилъ ей блестящую будущность, особенно когда откроется морской путь въ Европу черезъ Ледовитый океанъ. Призывая другихъ къ изслѣдованію Сибири, онъ самъ старательно изучалъ ее, насколько это позволяли ему условія ссылки. Онъ читалъ работы Штеллера, Гмелина, Гильденштедта, знакомился съ прошлымъ этой богатой страны, останавливался на нѣкоторыхъ вопросахъ ея современной хозяйственной жизни. Результатомъ этихъ изученій были многочисленныя цѣнныя замѣчанія въ письмахъ къ гр. Воронцову и два любопытныхъ сочиненія: «Письмо о китайскомъ торгѣ» и «Сокращенное повѣствованіе о пріобрѣтеніи Сибири», а также «Записки путешествія въ Сибири» и «Дневникъ путешествія изъ Сибири».

Но рядомъ съ этимъ идутъ и другія занятія: Радищевъ входитъ въ интересы жителей городка, въ который забросила его ссылка, и для этихъ людей изучаетъ медицину. Однако прежніе интересы, политическіе и философскіе также не заглушаются, и, выписавъ въ Сибирь часть своей библіотеки, Радищевъ постоянно обращается къ гр. Воронцову съ просьбами о присылкѣ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ книгъ и журналовъ, внимательно слѣдя за современнымъ литературнымъ и научнымъ развитіемъ, наблюдая общественное движеніе, особенно интересуясь французской революціей. Сохраняя прежніе интересы, Радищевъ не измѣняетъ и прежнимъ взглядамъ и вполнѣ откровенно говоритъ гр. Воронцову, что отреченіе отъ этихъ взглядовъ передъ знаменитымъ Шешковскимъ не могло быть искреннимъ и прочнымъ. «Хотя,—пишетъ онъ,—мнѣнія мои относительно многихъ вещей, по несчастію моему, стали болѣе извѣстными, нежели тщеславіе быть сочинителемъ иногда требуетъ, но я признаюсь въ превратности моихъ мыслей охотно, если меня убѣдятъ доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были. А на таковыя я въ возраженіе, какъ авторъ, другого сказать не имѣлъ, какъ что сказалъ. Помню, что Галиллей отрекся отъ доказательствъ своихъ о неподвижности солнца и, слѣдуя глаголу инквизиціи, воскликнувъ вопреки здороваго разсудка: солнце коловращается».

Лучшимъ выраженіемъ сохранности этихъ прежнихъ взглядовъ Радищева можетъ считаться начатый въ первый же годъ

ссылки, обширный философскій трактатъ: «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи». Нѣсколько лѣтъ онъ писалъ это сочиненіе, но окончательно его обработать онъ не успѣлъ, такъ что издано оно было уже послѣ его смерти. Въ этомъ сочиненіи проявляется основательное знакомство Радищева съ современной ему философіей, въ разнообразныхъ теченіяхъ которой онъ пытается найти нѣчто ихъ примиряющее. Онъ остается по прежнему поклонникомъ французскихъ энциклопедистовъ, онъ сильно склоняется къ матеріализму барона Гольбаха и Гельвеція, и Пушкинъ былъ отчасти правъ, сказавъ: «Радищевъ, хотя и выражается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма». Въ этомъ приговорѣ много истины, но въ то же время слѣдуетъ указать, что трактатъ Радищева представляетъ собою любопытнѣйшую попытку примиренія матеріалистическихъ теорій съ ученіемъ нѣмецкихъ идеалистовъ школы Лейбница. Стараясь держаться на почвѣ опыта и наблюденія, Радищевъ не можетъ отвергать бытія души, и для него безсмертіе является необходимымъ постулатомъ. Онъ не знаетъ, есть ли оно, но настаиваетъ на его нравственной необходимости, говоря: «Ты будущее свое опредѣляешь настоящимъ, и вѣрь, скажу паки, вѣрь, вѣчность не есть мечта».

Но наступилъ конецъ ссылкѣ Радищева; преемникъ Екатерины, императоръ Павелъ рескриптомъ 23 ноября 1796 г. на имя гр. Салтыкова разрѣшилъ Радищеву вернуться на родину и жить въ деревнѣ, подъ надзоромъ губернатора. 20 февраля 1797 г. Радищевъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Распродавъ или раздавъ все въ Илимскѣ, на что употребилъ я 10 дней, мы выѣхали, при стеченіи всѣхъ почти Илимскихъ жителей, въ 3 часа пополудни. О! колико возрадовалось сердце наше! и если бы не предстояла горесть о потеряніи Анютушки, которую заранѣе предузнаваютъ, выѣздъ нашъ былъ бы торжественный». Въ іюлѣ онъ прибылъ въ свое имѣніе, село Нѣмцово, Калужской губерніи. Хотя ему было всего 50 лѣтъ, но его силы были уже подорваны, и онъ писалъ: «взглянувъ на меня, всякъ можетъ сказать, колико старость предварила мои лѣта». Именно, въ виду этой слабости ему было въ 1798 г. разрѣшено съѣздить въ Саратовскую губернію для свиданія съ родителями, но эта отлучка была кратковременна, и почти все царствованіе Павла Радищевъ оставался въ Нѣмцовѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ.

Изъ литературныхъ его произведеній того времени заслуживаютъ вниманія статья «Описаніе моего владѣнія» и богатырская повѣсть «Бова». Въ первомъ сочиненіи мы видимъ проявленіе того же отношенія къ крѣпостному праву, что и въ «Путешествіи», ту же ненависть къ рабству, выражающуюся въ слѣдующихъ словахъ: «Сей (т. е. господинъ) можетъ его (т. е. крестьянина) продать оптомъ или подробно; не шуткою сіе сказано; ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца, и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ розницу продавать запрещено, а оптомъ. Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца, продаютъ его остальныя силы. 2. Господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ, и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу, но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено. 3. Господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ судія его и исполнитель своихъ приговоровъ. 4. Господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ. 5. Распоряжаетъ браками и спаряетъ, какъ хочетъ; слѣдовательно, земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно; итакъ не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо».

Богатырская повѣсть «Бова» интересна, какъ попытка обработки народнаго сказочнаго сюжета, впослѣдствіи обратившая на себя вниманіе Пушкина, хотя стихъ тяжелъ и языкъ нѣсколько архаиченъ. Есть въ «повѣсти» черты сентиментализма и ложноклассицизма. Тѣ же особенности можно отмѣтить и въ «Пѣсни исторической», написанной, можетъ быть, и раньше, и въ «Пѣсни Всегласа», сочиненной подъ вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ. Поэтическое достоинство всѣхъ этихъ произведеній не особенно высоко.

Совсѣмъ возвращенъ былъ изъ ссылки Радищевъ только при восшествіи на преестолъ Александра I, а въ августѣ 1801 г. былъ принятъ на службу членомъ комиссіи составленія законовъ. Въ этой комиссіи онъ работалъ до смерти; по свидѣтельству его сына, онъ составилъ «проектъ гражданскаго уложенія», въ которомъ намѣтилъ рядъ либеральныхъ реформъ; но этотъ проектъ до насъ не дошелъ, и намъ извѣстны только два его особыхъ

мнѣнія: «о цѣнахъ за людей убіеныхъ» и «объ отводѣ судей». Особенно любопытно первое мнѣніе, въ которомъ Радищевъ, какъ принципіальный врагъ крѣпостного права, рѣшительно возстаетъ противъ оцѣнки жизни убитыхъ крестьянъ деньгами. Старыя идеи не могли быть уничтожены даже и ссылкою, и потому весьма правдоподобенъ разсказъ Пушкина о кончинѣ Радищева. Вотъ этотъ разсказъ: «Императоръ Александръ приказалъ Радищеву изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился». Хотя этому разсказу противорѣчатъ показанія сыновей Радищева, но онъ тѣмъ не менѣе характеренъ для настроенія Радищева, который, по словамъ сыновей, становился передъ смертью все болѣе задумчивымъ, пока не покончилъ самоубійствомъ 12 сентября 1802 г. Онъ не видѣлъ возможности осуществить свои свободолюбивыя мечты, и въ либеральномъ внукѣ Екатерины, ему, быть можетъ, чуялись тѣ же черты, что и въ ней самой, и задумчивость была вполнѣ естественна, жизнь не могла имѣеть цѣнности для неисправимаго мечтателя.

Въ 1809—11 гг. сыновья Радищева издали въ двухъ томахъ собраніе его сочиненій, но «Путешествіе» въ нихъ не было перепечатано. Съ 20-хъ годовъ самое имя автора становится запретнымъ, такъ что о немъ не упоминаютъ ни Гречъ, ни Бестужевъ-Марлинскій въ своихъ обзорахъ русской литературы, а въ 1836 году Пушкину была запрещена статья, приготовленная для «Современника», причемъ министръ народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уваровъ написалъ на докладѣ о статьѣ слѣдующее: «Статья сама по себѣ недурна и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія». Только черезъ 21 годъ статья Пушкина впервые появилась въ печати въ собраніи его сочиненій,

изданномъ Анненковымъ. Благодаря этому, заговорили объ авторѣ запрещенной книги, а въ 1858 году въ Лондонѣ появилось новое ея изданіе, но сильно искаженное, которое было потомъ перепечатано въ Лейпцигѣ. Въ 1868 году по Высочайшему указу было отмѣнено запрещеніе, наложенное на книгу при Екатеринѣ II, съ тѣмъ, «чтобы новыя изданія сего сочиненія подлежали общимъ правиламъ дѣйствующихъ узаконеній о печати». Однако, по этимъ узаконеніямъ оказалось возможнымъ издать «Путешествіе» прямо въ обезображенномъ состояніи, и когда въ 1872 году извѣстный библіографъ, П. А. Ефремовъ попробовалъ его издать цѣликомъ, оно было снова сожжено. Затѣмъ въ 1888 году А. С. Суворинъ издалъ гонимое сочиненіе въ 100 экземплярахъ по дорогой цѣнѣ, а въ 1901 г. А. Е. Бурцевъ напечаталъ его въ своемъ библіографическомъ описаніи, которое въ продажу не поступало. Въ 1903 г. книга была издана г. Картавовымъ, но цензурой уничтожена, и только въ ноябрѣ 1905 г., послѣ возвѣщенія свободы слова, она могла появиться на свѣтъ Божій подъ редакціей П. Е. Щеголева и Н. П. Павлова-Сильванскаго, изъ которыхъ послѣдній далъ доступъ къ рукописи Радищева. Тогда же «Путешествіе» вышло въ дешевомъ, хорошемъ изданіи г. Суворина. Послѣ того появились другія изданія «Путешествія», а въ 1907 г. вышли три полныя собранія сочиненій Радищева, одно въ Москвѣ, подъ редакціей В. В. Каллаша, другое—въ Петербургѣ, подъ редакціей г. Тройницкаго, и третье—тоже въ Петербургѣ, подъ редакціей П. Е. Щеголева, И. И. Лапшина и нашей.

Такъ извлеченъ былъ изъ-подъ спуда одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей. Почти сто лѣтъ о немъ нельзя было говорить, но никакая цензура идей не уничтожаетъ. Завѣты Радищева передались всей русской интеллигенціи, послѣ его смерти ему посвятили прочувственныя строки Борнъ и Пнинъ, въ 20-хъ годахъ его идеями вдохновлялись Пушкинъ и декабристы, о немъ помнили Герценъ и лучшіе люди сороковыхъ годовъ, его идеи воскресли въ эпоху реформъ Александра II, а въ совершающемся на нашихъ глазахъ процессѣ освобожденія русской общественности мы видимъ отвѣтъ на призывъ, прозвучавшій въ 1790 году въ книгѣ многострадальнаго идеалиста.

Литературные и общественные взгляды Карамзина.

Въ своей блестящей характеристикѣ русской литературы, въ знаменитыхъ «Литературныхъ мечтаніяхъ», говоря о Карамзинѣ, Бѣлинскій опредѣляетъ отношеніе къ нему читающей публики и критики слѣдующими словами: «Карамзинъ—вотъ актеръ нашей литературы, который еще при первомъ своемъ дебютѣ, при первомъ своемъ появленіи на сцену, былъ встрѣченъ и громкими рукоплесканіями, и громкимъ свистомъ! Вотъ имя, за которое было дано столько кровавыхъ битвъ, произошло столько отчаянныхъ схватокъ, переломлено столько копій! И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этотъ звукъ оружія, давно ли враждующія партіи вложили мечи въ ножны и теперь силятся объяснить себѣ, изъ чего онѣ воевали? Кто изъ читающихъ строки сіи не былъ свидѣтелемъ этихъ литературныхъ побоищъ, не слышалъ этого оглушающаго рева похвалъ преувеличенныхъ и безсмысленныхъ, этихъ порицаній, частью справедливыхъ, частью нелѣпыхъ? И теперь, на могилѣ незабвеннаго мужа, развѣ уже рѣшена побѣда, развѣ восторжествовала та или другая сторона? Увы, еще нѣтъ! Съ одной стороны, насъ, какъ *вѣрныхъ сыновъ отчизны*, призываютъ *молиться на могилѣ Карамзина, и шептать его святое имя;* а съ другой — слушаютъ это воззваніе съ недовѣрчивой и насмѣшливою улыбкою. Любопытное зрѣлище! Борьба двухъ поколѣній, не понимающихъ одно другого!» [1]).

Такъ писалъ Бѣлинскій почти 80 лѣтъ тому назадъ, и несмотря на этотъ большой промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ приведенныхъ словъ нашего критика, вопросъ о значеніи Карамзина сравнительно мало подвинулся къ своему окончательному разрѣшенію. Прочнѣе всего, повидимому, установлена въ послѣднее время научная оцѣнка «Исторіи Государства Россійскаго»: П. Н. Милюковъ въ своей замѣчательной книгѣ «Главныя теченія русской исторической мысли» весьма убѣдительно доказалъ, что

[1]) Соч. Бѣлинскаго, изд. С. А. Венгерова, т. I, стр. 346.

восхваленіе «Исторіи», какъ научнаго труда, есть весьма неумѣренное преувеличеніе панегиристовъ, что въ научной разработкѣ прошлаго русской земли Карамзинъ не двинулся почти ни на шагъ впередъ сравнительно со своими предшественниками, что его трудъ есть во многихъ частяхъ лишь стилистическая переработка положеній, высказанныхъ раньше, и что даже самая схема построенія русской исторіи, какъ развитія извѣстнаго государственнаго принципа, заимствована Карамзинымъ у кн. Щербатова. Доводы, которыми нашъ почтенный ученый подкрѣпляетъ свое отрицательное отношеніе къ труду Карамзина, очень сильны и пока не были опровергнуты, однако, мы не можемъ не указать, что такой авторитетный ученый, какъ покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ находилъ отзывъ г. Милюкова о Карамзинѣ слишкомъ строгимъ. Вопросъ объ историко-литературномъ значеніи Карамзина тоже далеко не вполнѣ разработанъ: отличное во многихъ отношеніяхъ, обстоятельнѣйшее изслѣдованіе «Писемъ русскаго путешественника», произведенное В. В. Сиповскимъ, не свободно отъ нѣкотораго панегиризма. Прочія литературныя произведенія Карамзина еще ждутъ детальнаго изученія. Недостаточно опредѣлено значеніе Карамзина въ развитіи нашей журналистики, нѣтъ настоящей біографіи нашего исторіографа, такъ какъ извѣстная книга М. П. Погодина есть сплошной панегирикъ; сужденія о политическихъ взглядахъ Карамзина рѣзко различаются, смотря по тому, къ какому политическому направленію примыкаютъ критики... Такимъ образомъ, по многимъ еще вопросамъ необходимо произвести провѣрку тѣхъ или другихъ установившихся взглядовъ, чтобы окончательно опредѣлить мѣсто Карамзина въ исторіи нашего литературнаго развитія.

Въ настоящей статьѣ мы не ставимъ себѣ такой широкой задачи, а намѣчаемъ лишь два вопроса, разрѣшеніе которыхъ отчасти можетъ содѣйствовать выясненію значенія Карамзина: 1) вопросъ о развитіи его литературныхъ взглядовъ и 2) вопросъ о его политическихъ воззрѣніяхъ, причемъ главнымъ (почти исключительнымъ) матеріаломъ для насъ служатъ собственныя сочиненія нашего писателя.

I.

Обращаясь къ первому изъ указанныхъ вопросовъ, мы видимъ, что самымъ раннимъ выраженіемъ взгляда Карамзина на значеніе литературы было написанное въ 1787 г. стихотвореніе

«Поэзія», появившееся въ печати только въ 1792 г. Въ этомъ большомъ дидактическомъ произведеніи авторъ прежде всего говоритъ о происхожденіи поэзіи, признаетъ ея источникомъ гимны въ хвалу Богу:

Едва былъ созданъ міръ огромный, велелѣпный,
Явился человѣкъ, прекраснѣйшая тварь,
Предметъ любви Творца, любовію рожденный;
Явился—весь сей міръ привѣтствуетъ его,
Въ восторгѣ и любви, единою улыбкой.
Узрѣвъ соборъ красотъ и *чувствуя себя*,
Сей гордый царь почувствовалъ и Бога.
Причину бытія толь живо ощутилъ.
Величіе Творца, Его премудрость, благость,
Что сердце у него въ гимнъ нѣжный излилось,
Стремясь летѣть къ Отцу... Поэзія святая
Се ты въ устахъ его, въ источникѣ своемъ.
Въ высокой простотѣ! Поэзія святая!
Благословляю я рожденіе твое!
Причину бытія толь живо ощутилъ,
Какъ роза, цвѣлъ въ раю, Поэзія тебѣ
Утѣхою была. Ты пѣлъ свое блаженство.
Ты пѣлъ Творца его. Самъ Богъ тебѣ внималъ.
Внималъ, благословлялъ твои святые гимны:
Гармонія была душою гимновъ сихъ—
И часто Ангелы въ небесныхъ мелодіяхъ
На лирахъ золотыхъ, хвалили пѣснь твою.

Послѣ этихъ гимновъ, въ которыхъ выражались райскіе восторги человѣка, настроеніе поэзіи мѣняется, она проникается элегическимъ тономъ, такъ какъ несчастный падшій человѣкъ,

...вдругъ раскаяся въ грѣхѣ,
Молитвы воспѣвалъ—сидя на бережку
Журчащаго ручья и слезы проливая,
Въ уныніи, въ тоскѣ тебя воспоминалъ,
Тебя, Эдемскій садъ!

Каково бы ни было настроеніе, древнѣйшая поэзія отличалась религіознымъ характеромъ, всегда была отрадою «невинныхъ, чистыхъ душъ».

Во всѣхъ, во всѣхъ странахъ поэзія святая
Наставницей людей, ихъ счастіемъ была:
Вездѣ она сердца любовью согрѣвала.
Мудрецъ, Натуру знавъ, позналъ ея Творца,

И слыша гласъ его и въ громахъ и въ зефирахъ,
Въ лѣсахъ и на водахъ, на арфѣ подражалъ
Аккордамъ Божества, и гласъ сего поэта
Всегда былъ Божій гласъ.

Охарактеризовавъ затѣмъ рядъ отдѣльныхъ поэтовъ, Карамзинъ заключаетъ свое стихотвореніе слѣдующими словами, еще ярче опредѣляющими его возвышенный взглядъ на поэзію:

Доколѣ міръ стоитъ, доколѣ человѣки
Жить будутъ на землѣ, дотолѣ дщерь Небесъ,
Поэзія для душъ чистѣйшихъ благомъ будетъ.
Доколѣ я дышу, дотолѣ буду пѣть,
Поэзію хвалить и ею утѣшаться.
Когда жъ умру, засну, и снова пробужусь,
Тогда въ восторгахъ погружаясь
И вѣчно, вѣчно наслаждаясь,
Я буду гимны пѣть Творцу,
Тебѣ, мой Богъ, Господь всесильный,
Тебѣ, любви источникъ дивный,
Узрѣвъ тамъ все лицомъ къ лицу!

Устанавливая, такимъ образомъ, взглядъ на поэзію, какъ на выраженіе чувства вообще, и высшаго религіознаго чувства въ особенности, Карамзинъ высказывалъ нѣчто новое для современной ему русской литературы, въ которой господствовало далеко не высокое представленіе о роли поэзіи, представленіе, давшее возможность Державину уподобить поэзію «вкусному лимонаду». Если по взгляду Карамзина поэзія такъ могущественно дѣйствуетъ на чувство, то ясно, что ея цѣль не есть одно доставленіе людямъ удовольствія, что она имѣетъ задачей нравственное совершенствованіе людей посредствомъ пробужденія въ нихъ добрыхъ чувствъ. Такого рода идеи могли возникнуть у Карамзина подъ впечатлѣніемъ знакомства съ произведеніями поэтовъ, которыхъ онъ называетъ въ упомянутомъ стихотвореніи, при чемъ весьма характерно, что всѣ они—поэты новаго направленія, нѣмцы и особенно англичане, что среди нихъ нѣтъ ни одного изъ представителей французскаго классицизма. Въ этомъ подборѣ поэтовъ нельзя не видѣть вліянія школы, пройденной Карамзинымъ, и того Новиковскаго кружка, къ которому онъ примкнулъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности и который вообще былъ въ то время проводникомъ у насъ разныхъ новыхъ идей.

Этими вліяніями объясняется и тотъ интересъ, который обнаруживалъ Карамзинъ къ произведеніямъ Шекспира, переведя за

годъ передъ написаніемъ указаннаго стихотворенія «Юлія Цезаря» и предпославъ своему переводу любопытную замѣтку, въ которой выступилъ противникомъ такого крупнаго авторитета, какъ Вольтеръ. Цитируя мнѣніе Вольтера о Шекспирѣ, Карамзинъ считаетъ даже «излишнимъ пространно опровергать» его и высказываетъ очень смѣлыя мысли относительно непререкаемыхъ для того времени литературныхъ требованій. «Что Шекспиръ, — говоритъ онъ,—не держался правилъ театральныхъ, правда. Истинною причиною сему, думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ, яко орелъ, и не могъ паренія своего измѣрять тою мѣрою, которою измѣряютъ полетъ свой воробьи. Не хотѣлъ онъ соблюдать такъ называемыхъ *единствъ*, которыхъ нынѣшніе наши драматическіе авторы такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ онъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему; онъ смотрѣлъ только на Натуру, не заботясь, впрочемъ, ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію Натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце, и атомы. Съ равнымъ искусствомъ изображалъ онъ и героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмачника. Драмы его, подобно неизмѣримому театру Натуры, исполнены многоразличія: все же вмѣстѣ составляетъ совершенное цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ *театральныхъ* писателей».

Въ этомъ случаѣ мы видимъ у Карамзина довольно опредѣленное пренебреженіе тѣми условными правилами, которыя выставлялись ложноклассической школой, и невольно поэтому является изумленіе, когда мы узнаемъ изъ письма друга Карамзина, Петрова, что въ это время нашему писателю «нравился» Батте, знаменитый теоретикъ классическаго направленія, что молодые друзья считали необходимымъ «учиться правиламъ и употреблять ихъ»; и нѣсколько позже въ «Письмахъ русскаго путешественника» уже самъ Карамзинъ пишетъ изъ Парижа: «Въ церкви св. Андрея сооруженъ памятникъ аббату Батте, наставнику авторовъ, котораго за два года передъ симъ читалъ я съ любезнымъ Агатономъ (т. е. Петровымъ), вникая въ истину его правилъ и разбирая красоты его примѣровъ». Какъ же объяснить такое странное противорѣчіе: съ одной стороны, увлеченіе Шекспиромъ, Лессингомъ, Клопштокомъ, Виландомъ и вообще писа-

телями новаго литературнаго направленія, а съ другой—преклоненіе передъ истиной правилъ Батте, правилъ вполнѣ произвольныхъ, стѣснявшихъ свободное литературное развитіе, къ которому стремилось новое направленіе? Намъ кажется, объясненіе можетъ быть двоякое: прежде всего не надо забывать, что наши ревностные словесники были еще очень молоды и просто не усвоили себѣ того коренного различія, которое было между требованіями старой и новой литературной школы; а кромѣ того, въ этомъ случаѣ сказалась характерная черта личности самого Карамзина, какая-то мягкость, не позволявшая ему вообще рѣшительно склониться на сторону одного изъ противоположныхъ мнѣній. Съ годами эта мягкость, нерѣшительность сглаживается, даже совсѣмъ исчезаетъ, но въ молодости она видна довольно ярко и заставляетъ Карамзина часто примирять непримиримыя понятія. При такой нерѣшительности совсѣмъ не былъ труденъ переходъ отъ одного воззрѣнія къ другому, прямо противоположному, и если у насъ иногда является склонность заподозрить Карамзина, въ особенности по отношенію къ его общественнымъ взглядамъ, въ нѣкоторомъ оппортунизмѣ, то подобное подозрѣніе далеко не можетъ считаться справедливымъ. Въ сущности въ подобныхъ измѣненіяхъ взглядовъ Карамзина мы имѣемъ дѣло не съ переходами отъ одного мнѣнія къ другому, а съ выборомъ одного изъ двухъ мнѣній, прежде уживавшихся рядомъ, если не примирявшихся.

Отмѣтивъ это противорѣчіе, мы должны, однако, сказать, что симпатіи Карамзина гораздо болѣе склонялись на сторону новаго литературнаго направленія, стоявшаго за искреннее и свободное выраженіе чувства въ поэзіи. Въ «Письмахъ русскаго путешественника» мы не одинъ разъ встрѣчаемся съ выраженіемъ этихъ симпатій. Такъ, въ письмахъ изъ Берлина, отъ 2 іюля 1789 г., передавъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него представленіемъ драмы Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», Карамзинъ говоритъ: «Я думаю, что у нѣмцевъ не было бы такихъ актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ драматическихъ авторовъ, которые съ такою живостью представляютъ въ драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или французскія румяна, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспира, читая лучшія нѣмецкія драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть актеру, и какъ что произнести; но при чте-

ніи французскихъ трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть актеру хорошо, или такъ, чтобы меня тронуть».

Ставя такъ высоко чувство въ поэзіи, Карамзинъ не могъ не быть ревностнымъ поклонникомъ наиболѣе яркаго защитника чувства, человѣка, оказавшаго сильнѣйшее вліяніе на европейскую литературу, Жанъ-Жака Руссо. Пріѣхавъ въ Лозанну, онъ захотѣлъ «видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романтическихъ любовниковъ». «Вы можете,—говоритъ онъ,—имѣть понятіе о чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная, какъ я люблю Руссо, и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его Элоизу! Хотя въ семъ романѣ много неестественнаго, много увеличеннаго—однимъ словомъ, много романическаго—однако жъ на французскомъ языкѣ никто не описывалъ любви такими яркими, живыми красками, какими она въ Элоизѣ описана—въ Элоизѣ, безъ которой не существовалъ бы и нѣмецкій *Вертеръ*». Въ Женевѣ Карамзинъ снова возвращается къ мыслямъ о Руссо. «Недавно былъ я на островѣ св. Петра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмого-надесять вѣка укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ, которыя, какъ фуріи, гнали его изъ мѣста на мѣсто. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ, и вездѣ искалъ слѣдовъ женевскаго гражданина и философа: подъ вѣтвями древнихъ буковъ и каштановыхъ деревъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ, поблекшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега. «Здѣсь, думалъ я, здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей... неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовать и писать!... здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладостной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все осталось, какъ было при немъ; но его нѣтъ—нѣтъ!» Преклоняясь предъ памятью Руссо, Карамзинъ посѣщаетъ Эрменонвилль, мѣсто погребенія женевскаго философа, и подъ вліяніемъ видѣннаго здѣсь и слышаннаго дѣлаетъ такія замѣчанія: «Человѣкъ рѣдкій, авторъ единственный, пылкій въ страстяхъ и въ слогѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! мизантропъ, любви исполненный! несчастный по своему характеру между людьми, и завидно-счастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ Натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чув-

ствѣ Его благости и красотъ творенія!... Сколько краснорѣчивъ пепелъ такого автора, который сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; которому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; котораго душа отчасти перелилась въ вашу?»

Путешествуя по Германіи, Карамзинъ ищетъ знакомства съ вождями новаго литературнаго движенія, съ Гердеромъ, Виландомъ, Гете и др., но замѣчательно, что въ разговорѣ съ профессоромъ Платнеромъ, въ числѣ русскихъ оригинальныхъ произведеній, онъ «наименовалъ прежде всѣхъ двѣ эпическія поэмы, Россіяду и Владимира, которыя должны имя творца своего сдѣлать незабвеннымъ въ исторіи россійской поэзіи». Опять противорѣчіе, возможное только для Карамзина!

Во Франціи симпатіи къ новому выражаются опредѣленнѣе; высоко цѣня французскую трагедію, Карамзинъ отдаетъ передъ ней предпочтеніе Шекспиру и говоритъ: «Французская Мельпомена благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ Муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ, и въ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго *чувства Натуры*,—простите мнѣ, священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ!—должны они уступить преимущество англичанамъ и нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ греки и римляне à la Française, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами и, теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir, они прославляютъ пьесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностью приключеній, чрезвычайными, но естественными положеніями, и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою. Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны — и будутъ всегда славны—красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу,

то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ, можетъ быть, ни двухъ истинныхъ трагедій».

Отрицаніе искусственности въ литературѣ ярче всего выражено Карамзинымъ въ его письмѣ объ англійскихъ поэтахъ и особенно о Шекспирѣ. «Въ англійскихъ поэтахъ, говоритъ онъ, есть какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожидаемыхъ вещей. Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку... Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты! Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ: кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ—я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: какой смѣшной! какой чудакъ! Всякій авторъ ознаменованъ печатью своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій геній не *можетъ взять мѣръ своихъ*. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровеніе* человѣческаго сердца и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ Британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другого поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса».

Мы по возможности подробно представили литературныя мнѣнія, выраженныя Карамзинымъ въ «Письмахъ русскаго путешественника», и изъ обозрѣнія этихъ мнѣній довольно легко придти къ заключенію, что ко времени появленія «Писемъ» у

Карамзина вырабатываются болѣе опредѣленные взгляды на литературу, чѣмъ это было до его заграничнаго путешествія. Если онъ и признаетъ достоинства писателей ложноклассическаго направленія, то ему ясенъ главный ихъ недостатокъ, отсутствіе живого, искренняго выраженія чувства, вслѣдствіе чего читатель произведеній французскихъ поэтовъ, удивляясь красотѣ ихъ стиля, остается холоднымъ. Если въ этомъ заключается недостатокъ, то ясно, что главнымъ достоинствомъ всякаго поэтическаго произведенія Карамзинъ долженъ считать выраженіе чувства, настолько искреннее, правдивое, чтобы оно передавалось и читателю. Усвоивъ себѣ подобное воззрѣніе, выработанное новѣйшею европейскою критикою (англичанами, Дидро, Лессингомъ и др.), Карамзинъ вноситъ въ нашу литературу весьма существенный элементъ развитія, онъ даетъ новую основу для нашей критики. До него критика ограничивалась чисто внѣшнимъ разсмотрѣніемъ литературныхъ произведеній. Каковъ стиль автора? удовлетворяетъ ли авторъ тѣмъ правиламъ, которыя предписаны теоріей избранному имъ литературному роду? подходитъ ли данное произведеніе по своимъ достоинствамъ къ тѣмъ образцамъ, которые въ силу авторитетной теоріи считаются чѣмъ-то нормирующимъ правильный вкусъ?—вотъ тѣ вопросы, на которые требовалось дать отвѣтъ при разсмотрѣніи литературныхъ произведеній при господствѣ ложноклассической теоріи. Критика была въ сущности очень легкимъ дѣломъ; на все были готовые шаблоны: подходитъ новая поэма, повѣсть, ода, драма подъ одинъ изъ такихъ шаблоновъ, она одобряется критикой; нарушенъ шаблонъ, критика порицаетъ, не обращая никакого вниманія на тѣ идеи и чувства, которыя руководили авторомъ, на искренность его творчества. При новыхъ литературныхъ взглядахъ задачи критики существенно измѣняются: вопросы стиля, формы отступаютъ на второй планъ, а на мѣсто ихъ выступаетъ вопросъ о содержаніи даннаго произведенія, о чувствахъ, въ немъ выраженныхъ, объ искренности автора, стремящагося воздѣйствовать на читателей.

Въ разныхъ критическихъ статьяхъ своего «Московскаго Журнала» Карамзинъ даетъ образецъ примѣненія новыхъ пріемовъ къ текущимъ явленіямъ литературы. Для примѣра приведемъ начало его разбора Ричардсоновской «Клариссы». «Не одна англійская нація,—говоритъ Карамзинъ,—поднесла вѣнецъ Ричардсону, какъ искусному живописцу моральной натуры человѣка; не въ одной Англіи хвалили его сочиненія на каѳедрахъ и находили въ

нихъ наилучшую философію жизни, предложенную наипріятнѣйшимъ образомъ. Руссо, Дидротъ, Галлеръ, Геллертъ, съ жаромъ превозносили достоинство англійскаго творца и наиболѣе удивлялись ему въ Клариссѣ. Написать *интересный романъ въ восемь томовъ,* не прибѣгая ни къ чудесамъ, которыми эпическіе поэты стараются возбуждать любопытство въ читателяхъ, ни къ сладострастнымъ картинамъ, которыми многіе изъ новѣйшихъ романистовъ прельщаютъ наше воображеніе, и не описывая ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ сценъ жизни—для сего потребно, конечно, отмѣнное искусство въ описаніи подробностей и характеровъ. Самое то, что можетъ иному показаться излишнею пространностію въ семъ романѣ, вмѣщаетъ въ себѣ мастерскія черты, для знатока драгоцѣнныя и служащія къ совершенству цѣлаго. Что принадлежитъ собственно до характеровъ, то Кларисса, добронравная, нѣжная, благодѣтельная и несчастная Кларисса, которую мы столько любимъ и столь сердечно оплакиваемъ, и Ловеласъ, въ которомъ видимъ такое чудное, однако жъ естественное смѣшеніе добрыхъ и злыхъ качествъ—Ловеласъ, иногда благородный и любезный, иногда чудовище—сіи два характера, говорю я, будутъ удивленіемъ всѣхъ читателей и всѣхъ временъ»... Эта похвала одному изъ родоначальниковъ сентиментализма весьма характерна, изъ нея видно, чего ищетъ критикъ въ произведеніяхъ литературы: ему нужна «философія жизни», онъ цѣнитъ «описаніе характеровъ», изображеніе «*самыхъ обыкновенныхъ сценъ жизни*». Отсюда уже не особенно труденъ былъ переходъ къ реализму, на путь котораго русская литература вступаетъ въ позднѣйшій періодъ своего развитія. Отъ условныхъ формъ классицизма надо было обратиться къ правдивому изображенію чувства.

Вскорѣ послѣ изданія «Писемъ русскаго путешественника», въ 1793 г. Карамзинъ печатаетъ очень важную статью «Что нужно автору?» Эта статья, при крайне небольшомъ своемъ объемѣ заключаетъ въ себѣ изложеніе основныхъ принциповъ новой литературной школы. «Говорятъ,—начинаетъ Карамзинъ,—что автору нужны таланты и знанія: острый проницательный разумъ, живое воображеніе и пр. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ, если хочетъ писать для вѣчности и собрать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ своей воли. Тщетно думаетъ лицемѣръ

обмануть читателей, и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно говоритъ намъ о милосердіи, состраданіи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда питательное, эѳирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу читателя. Ты берешься за перо, и хочешь быть авторомъ: спроси же у самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: *каковъ я?* ибо ты хочешь писать портретъ души и сердца своего... Ты хочешь быть авторомъ: читай исторію несчастій рода человѣческаго—и если сердце твое не обольется кровію, оставь перо,—или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей. Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; если душа твоя можетъ возвыситься до *страсти къ добру,* можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное *желаніе всеобщаго блага:* тогда смѣло призывай богинъ Парнасскихъ—онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ и посѣтятъ твою смиренную хижину—ты не будешь безполезнымъ писателемъ—и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу. Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія—все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ; если не оно разгорячаетъ воображеніе писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою... Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ».

Итакъ, главная задача автора есть воздѣйствіе на чувство читателей; авторъ долженъ стремиться вызвать въ читателяхъ добрыя чувства, но это возможно для него только въ томъ случаѣ, если онъ самъ эти чувства испытываетъ; а послѣднее доступно только хорошему, доброму человѣку: лишь онъ можетъ проникнуться состраданіемъ къ угнетенному, любовью братской къ другому человѣку, желаніемъ всеобщаго блага. Только добрый человѣкъ бываетъ искрененъ, когда говоритъ о добрыхъ чувствахъ, и слѣдовательно, для поэзіи первое условіе есть искренность. Таковъ смыслъ этихъ словъ Карамзина, таково его литературное profession de foi въ тотъ періодъ его дѣятельности, когда онъ выступилъ проводникомъ новаго западнаго направленія, проповѣдывавшаго искренность чувства въ поэзіи. Это profession de foi имѣло для русской литературы не меньшее, пожалуй, даже большее значеніе, чѣмъ тѣ произведенія Карамзина, которыя были образцомъ новой литературной манеры, чѣмъ его «Письма» и повѣсти. Эти произведенія скоро стали достояніемъ исторіи, были

вытѣснены болѣе свѣжими, болѣе поэтическими созданіями писателей, послѣдовавшихъ за Карамзинымъ. Русская литература въ скоромъ времени достигла такого роста, что уже въ 30-хъ годахъ XIX вѣка Бѣлинскій, при всемъ уваженіи къ литературнымъ заслугамъ Карамзина, могъ сказать о его беллетристикѣ слѣдующія слова: «Карамзинъ писалъ для дѣтей и писалъ по-дѣтски; удивительно ли, что эти дѣти, сдѣлавшись взрослыми, забыли его и, въ свою очередь, передали его сочиненія своимъ дѣтямъ? Это въ порядкѣ вещей: дитя съ довѣрчивостью и съ горячею вѣрою слушало разсказы своей старой няни, водившей его на помочахъ, о мертвецахъ и привидѣніяхъ, а выросши смѣется надъ ея разсказами. Вамъ порученъ ребенокъ: смотрите же, что этотъ ребенокъ будетъ отрокомъ, потомъ юношей, а тамъ и мужемъ, и потому слѣдите за развитіемъ его дарованій, и, сообразно съ ними, перемѣняйте методу вашего ученія, будьте всегда выше его; иначе вамъ худо будетъ: этотъ ребенокъ станетъ въ глаза смѣяться надъ вами. Уча его, еще больше учитесь сами, а не то онъ перегонитъ васъ: дѣти растутъ быстро. Теперь скажите по совѣсти, sine ira et studio, какъ говорятъ наши записные ученые: кто виноватъ, что, какъ прежде плакали надъ Бѣдною Лизою, такъ нынѣ смѣются надъ нею? Воля ваша, гг. поклонники Карамзина, а я скорѣе соглашусь читать повѣсти барона Брамбеуса, чѣмъ Бѣдную Лизу или Наталью, Боярскую дочь! Другія времена, другіе нравы! Повѣсти Карамзина пріучили публику къ чтенію, многіе выучились по нимъ читать: будемъ же благодарны ихъ автору, но оставимъ ихъ въ покоѣ, даже вырвемъ ихъ изъ рукъ нашихъ дѣтей, ибо онѣ надѣлаютъ имъ много вреда: растлятъ ихъ чувство приторною чувствительностью».

Можетъ быть, нѣкоторые поклонники Карамзина найдутъ приведенный отзывъ Бѣлинскаго слишкомъ рѣзкимъ, непочтительнымъ по отношенію къ памяти нашего исторіографа, во всякомъ случаѣ, трудно отвергать его справедливость, такъ какъ, отрицая абсолютную, такъ сказать, цѣнность беллетристики Карамзина, Бѣлинскій не унижаетъ ея историческаго значенія. Она сдѣлала свое дѣло: пріохотила русское общество къ чтенію, была первой ступенью въ развитіи новаго литературнаго направленія, отъ нея легче могла совершиться эволюція къ русскому романтизму и къ идеальному реализму Пушкина и Гоголя. Однако, въ этой эволюціи болѣе существеннымъ факторомъ, чѣмъ беллетристика Карамзина, была его критика. Обратившись отъ формъ къ содержа-

нію, выставивъ общій принципъ служенія добру, передачи чувства. Карамзинъ далъ русской критикѣ такое основное положеніе, которое сохранилось почти безъ измѣненій въ теченіе всего XIX вѣка. Въ сущности и русская романтическая школа въ своихъ критическихъ пріемахъ держалась того же направленія, и Бѣлинскій прежде всего цѣнилъ въ литературѣ искренность и служеніе всеобщему благу, и критика шестидесятыхъ годовъ въ главныхъ представителяхъ исходитъ изъ нравственно-общественныхъ требованій, а гр. Л. Н. Толстой въ статьѣ «Что такое искусство?», выставивъ принципъ зараженія чувствомъ, только развилъ обстоятельно тѣ мысли, которыя были набросаны Карамзинымъ въ указанныхъ выше его произведеніяхъ.

Мы представили наиболѣе существенныя черты взглядовъ Карамзина на литературу, но для полноты обзора намъ слѣдуетъ остановиться на двухъ его статьяхъ изъ «Вѣстника Европы»: «Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?» и «О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи», а также на его рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи Имп. Россійской академіи, 5 декабря 1818 года.

Въ первой изъ указанныхъ статей Карамзинъ говоритъ, что отвѣта на вопросъ, отчего у насъ мало хорошихъ писателей, надо искать «въ обстоятельствахъ гражданской жизни россіянъ». Писательство есть великій трудъ. «Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однакожъ ему должно раскрыться ученьемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе, то-есть какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей—но и многія историческія свѣдѣнія, умъ, образованный логикою, тонкій вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Вольтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Намъ, русскимъ, еще болѣе труда, нежели другимъ. Французъ, прочитавъ Монтаня, Паскаля, 5 или 6 авторовъ вѣка Людовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, можетъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красотъ отъ художника. Истинныхъ писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцовъ во многихъ

родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, уже обыкновенныя мысли. Русскій *кандидатъ авторства,* недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-французски! Милыя женщины, которыхъ надлежало бы только подслушивать, чтобы украсить романъ или комедію любезными, счастливыми выраженіями, плѣняютъ насъ нерусскими фразами. Что жъ остается дѣлать автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ русскихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія женщины не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ?»

Таково первое затрудненіе, представляющееся русскому писателю по самому роду избранной имъ дѣятельности; чтобы побѣдить это затрудненіе, требуется огромная настойчивость, вотъ тутъ-то и выступаютъ тѣ «обстоятельства гражданской жизни», о которыхъ упомянулъ Карамзинъ. «Кому,—спрашиваетъ онъ,—у насъ сражаться съ великою трудностью быть хорошимъ авторомъ, если и самое счастливѣйшее дарованіе имѣетъ на себѣ жестокую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что-нибудь лучшее? Въ Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: тутъ время идти въ службу, время искать чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа быть предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любить чтеніе; имя хорошаго автора не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявить другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканіе чиновъ не мѣшаетъ баламъ, ужинамъ и праздникамъ; а жизнь авторская любитъ частое уединеніе.—Молодые люди средняго состоянія, которые учатся, также *спѣшатъ* выдти изъ школы или университета, чтобы въ гражданской или военной службѣ получить награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а тѣ немногіе, которые остаются въ ученомъ состояніи, рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ—безъ чего трудно писателю образовать вкусъ свой, какъ бы онъ ученъ ни

былъ». Изъ этихъ словъ ясно, что главнымъ препятствіемъ для развитія литературы Карамзинъ считаетъ отсутствіе просвѣщенія, а въ особенности отсутствіе сознанія того, что просвѣщеніе необходимо. Между тѣмъ для Карамзина, какъ для бывшаго члена Новиковскаго кружка, совершенно ясна польза просвѣщенія и литературы не только для частныхъ лицъ, но и для цѣлыхъ государствъ, и Карамзинъ, съ полнымъ сочувствіемъ, изображаетъ тѣ идеи, которыми проникнутъ человѣкъ, посвящающій себя въ тиши кабинета занятіямъ наукой и литературой! «Онъ думаетъ,—говоритъ Карамзинъ,—что трудъ его не безполезенъ для отечества; что авторы помогаютъ согражданамъ *лучше мыслить и говорить;* что всѣ великіе народы любили и любятъ таланты, что греки, римляне, французы, англичане, нѣмцы не славились бы умомъ своимъ, если бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется безсмысліемъ и косноязычіемъ худыхъ писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сатира на вкусъ народа; что образцы благороднаго русскаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ латинской элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя патріотическіе и нравственные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать любовь къ отечеству».

Въ статьѣ «О книжной торговлѣ», указавъ, что наибольшимъ успѣхомъ у современной ему публики пользуются романы, Карамзинъ старается объяснить, насколько полезенъ этотъ родъ литературы. «И романы, самые посредственные,—говоритъ онъ,—даже безъ всякаго таланта писанные, способствуютъ нѣкоторымъ образомъ просвѣщенію. Кто плѣняется *Никаноромъ, злочастнымъ дворяниномъ*, тотъ на лѣстницѣ умственнаго образованія стоитъ еще ниже автора, и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему-нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между авторомъ и читателемъ велико разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ. Надобно всякому что-нибудь поближе: одному Жанъ Жака, другому Никанора. Какъ вкусъ физическій вообще увѣдомляетъ насъ о согласіи пищи съ нашею потребностью, такъ вкусъ нравственный открываетъ человѣку вѣрную аналогію предмета съ его душою; но сія душа можетъ возвыситься постепенно—и кто начинаетъ *Злосчастнымъ дворяниномъ*, нерѣдко доходитъ до Грандисона. Всякое пріятное чтеніе имѣетъ вліяніе на разумъ, безъ котораго ни сердце не чувствуетъ, ни во-

ображеніе не представляетъ. Въ самыхъ дурныхъ романахъ есть уже нѣкоторая логика и реторика: кто ихъ читаетъ, будетъ говорить лучше и связнѣе совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не раскрывалъ книги. Къ тому же нынѣшніе романы богаты всякаго рода познаніями. Авторъ, вздумавъ написать три или четыре тома, прибѣгаетъ ко всѣмъ способамъ занять ихъ, и даже ко всѣмъ наукамъ: то описываетъ какой-нибудь американскій островъ, истощая Бишинга; то изъясняетъ свойство тамошнихъ растеній, справляясь съ Бомаромъ; такимъ образомъ, читатель узнаетъ и географію, и натуральную исторію; и я увѣренъ, что скоро въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ романѣ новая планета Піацци будетъ описана еще обстоятельнѣе, нежели въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ!»

Весьма распространено было мнѣніе, что романы могутъ быть вредны въ нравственномъ смыслѣ, развивая въ читателяхъ чрезмѣрное фантазерство, крайнюю чувствительность, отвлекая ихъ отъ реальной обстановки. Карамзинъ рѣшительно отвергаетъ это мнѣніе. «Напрасно,—говоритъ онъ,—думаютъ, что романы могутъ быть вредны для сердца: всѣ они представляютъ обыкновенно славу добродѣтели или нравоучительное слѣдствіе. Правда, что нѣкоторые характеры въ нихъ бываютъ вмѣстѣ и приманчивы и порочны; но чѣмъ же они приманчивы? нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми авторъ закрасилъ ихъ черноту; слѣдственно добро и въ самомъ злѣ торжествуетъ. Нравственная природа наша такова, что не угодишь сердцу изображеніемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ никогда его любимцами. Какіе романы болѣе всѣхъ нравятся? Обыкновенно, чувствительные: слезы, проливаемыя читателями, текутъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ! дурные люди и романовъ не читаютъ. Жестокая душа ихъ не принимаетъ кроткихъ впечатлѣній любви и не можетъ заниматься судьбою нѣжности. Гнусный корыстолюбецъ, эгоистъ, найдетъ ли себя въ прелестномъ романическомъ героѣ? а что ему нужды до другихъ? Неспоримо то, что романы дѣлаютъ и сердце, и воображеніе... *романическими:* какая бѣда? тѣмъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, жителей холоднаго и желѣзнаго сѣвера! Безъ сомнѣнія, не романическія сердца причиною того зла въ свѣтѣ, на которое вездѣ слышимъ жалобы, но грубыя и холодныя, то-есть, совсѣмъ имъ противоположныя! Романическое сердце огорчаетъ себя болѣе, нежели другихъ; но за то оно любитъ свои огорченія и не отдаетъ ихъ за самыя удовольствія эгоистовъ».

Обращаясь, наконецъ, къ послѣднему изъ указанныхъ выше произведеній Карамзина, къ его академической рѣчи 1818 г., мы видимъ въ ней рядъ весьма интересныхъ мыслей о литературныхъ вопросахъ. Остановимся прежде всего на характеристикѣ творческаго процесса, характеристикѣ, напоминающей то, что Карамзинъ высказывалъ уже въ началѣ своей дѣятельности. Какой главный импульсъ для творчества? Слава, которая плѣняетъ писателей. Однако, слава часто измѣняетъ, и Карамзинъ, зная это, указываетъ, что «есть другая, вѣрнѣйшая, существеннѣйшая награда для писателя, отъ рока и людей независимая: *внутреннее услажденіе дѣятельнаго таланта,* изъясняющее для насъ удивительную любовь къ трудамъ и терпѣніе, коему мы обязаны столь многими безсмертными твореніями, и которое Бюффонъ называлъ *превосходнѣйшимъ даромъ:* ибо не одни сочинители фоліантовъ, не одни антикваріи имѣютъ нужду въ терпѣніи; оно, можетъ быть, еще нужнѣе для великаго поэта, для великаго оратора или великаго живописца природы. «Удаленный отъ свѣта» (сказалъ мнѣ въ юности моей старецъ Виландъ) «не имѣя ни читателей, ни слушателей, въ дикой пустынѣ, среди необитаемаго острова, я въ восторгѣ бесѣдовалъ бы съ уединенною музою, неутомимо исправляя стихи мои, хотя бы и неизвѣстные міру». Вотъ тайна писателей, часто, но не всегда, ласкаемыхъ славою! Сильная мысль, истина, красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь ему, оживляютъ душу и питаютъ ее такимъ чистымъ, полнымъ, ей *сроднымъ* удовольствіемъ, что она въ сіи счастливыя минуты забываетъ всякое иное земное счастье. Когда въ торжественномъ безмолвіи храма и пышнаго двора Людовикова, указывая на гробъ великаго Конде, безсмертный Босюэтъ гремѣлъ священнымъ гласомъ вѣры, совлекалъ блестящіе покровы съ суетнаго величія, обнажалъ ничтожность мірскихъ идоловъ, унижалъ гордыню, но возвышалъ душу откровеніями Неба: тогда, волнуя сердца, видя вездѣ слезы и самъ обливаясь ими, онъ безъ сомнѣнія наслаждался полнотою чувствъ своихъ и дѣйствія ихъ на слушателей; но, можетъ быть, еще болѣе наслаждался, когда писалъ сію вдохновеніемъ ознаменованную рѣчь; когда, углубясь въ свою душу, черпалъ въ ней сіи разительныя слова и мысли! Юноши, рожденные съ истинными дарованіями! призываемъ васъ къ ученію и къ трудамъ; въ нихъ найдете для себя благороднѣйшія, неизъяснимыя пріятности: награду, которая выше похвалъ и славы! Внутреннее удовольствіе любимца музъ дѣйствуетъ всегда и на душу читателей: они вмѣстѣ съ нимъ восхи-

щаются умомъ или сердцемъ, забывая иногда житейскія безпокойства, переселяясь духомъ въ тихій, спокойный міръ умозрѣній, гдѣ обитаютъ вѣчныя истины, или вкушая сладость чувствъ добродѣтельныхъ, которыя одни имѣютъ силу приводить насъ въ умиленіе. Видимъ иногда злоупотребленіе таланта; но цвѣты его на ядовитомъ полѣ разврата скоро увядаютъ: неувядаемость принадлежитъ единственно благу. Въ самыхъ мнимыхъ красотахъ порочнаго есть безобразіе, оскорбительное не только для чувства нравственнаго, но и для вкуса въ изящномъ, коего единство съ добромъ тайно для разума, но извѣстно сердцу. Низкія страсти унижаютъ, охлаждаютъ дарованіе: пламень его есть пламень добродѣтели».

Далѣе въ этой академической рѣчи мы находимъ, напоминающее прежнія мысли Карамзина, разсужденіе о государственной пользѣ словесности. «Будучи источникомъ душевныхъ удовольствій для человѣка, словесность возвышаетъ и нравственное достоинство государства. Великія тѣни Паскалей, Боссюэтовъ, Фенелоновъ, Расиновъ спасали знаменитость ихъ отечества и въ самыя ужасныя времена его мятежей народныхъ. Если бы греки, если бы самые римляне только побѣждали: мы не произносили бы ихъ имени съ такимъ уваженіемъ, съ такою любовію; но мы плѣнялись Иліадою и Энеидою, вмѣстѣ съ аѳинянами слушали Демосѳена, съ римлянами—Цицерона. Побѣждали и Моголы; Тамерланы затмили бы Ѳемистокловъ и Цесарей; но Моголы только убивали, а греки и римляне питаютъ душу самаго отдаленнаго потомства вѣчными красотами своихъ твореній. Для того ли образуются, для того ли возносятся державы на земномъ шарѣ, чтобы единственно изумлять насъ грознымъ колоссомъ силы и его звучнымъ паденіемъ; чтобы одна, низвергая другую, чрезъ нѣсколько вѣковъ обширною своею могилою служила вмѣсто подножія новой державѣ, которая въ чреду свою падетъ неминуемо? Нѣтъ! и жизнь наша, и жизнь имперіи должны содѣйствовать раскрытію великихъ способностей души человѣческой; здѣсь все для души, все для ума и чувства; все безсмертно въ ихъ успѣхахъ! Сія мысль, среди гробовъ и тлѣнія, утѣшаетъ насъ какимъ-то великимъ утѣшеніемъ».

Кромѣ этихъ идей, которыя мы отмѣчали въ прежнихъ сочиненіяхъ Карамзина, любопытны въ этой его рѣчи замѣчанія о народности въ литературѣ и о значеніи критики. Относительно перваго изъ этихъ предметовъ Карамзинъ говоритъ слѣдующее: «Сходствуя съ другими европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ

что, хотя и не можно иногда отличить россіянина отъ британца, но всегда отличимъ россіянъ отъ британцевъ: во *множествѣ* открывается *народное*. Сію истину отнесемъ и къ словесности: будучи зерцаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ французовъ, имѣемъ и свой собственный; хвалимъ, чего они не хвалятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца русскаго, есть игра ума русскаго въ произведеніяхъ нашей словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Молодые писатели нерѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ, ибо думаютъ, ложно или справедливо, что мы еще не имѣемъ великихъ образцовъ искусства: если бы сіи писатели не знали творцовъ чужеземныхъ, что бы сдѣлали? *подражали* бы своимъ; но и тогда списки ихъ остались бы *бездушными*. А кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости, будетъ наконецъ, *самъ собою*—оставитъ путеводителей, и свободный духъ его, какъ орелъ дерзновенный, уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ».

Приведемъ, наконецъ, мнѣніе Карамзина о критикѣ, руководительство которою, по его взгляду, должна на себя взять Академія. «Никто не предпишетъ законовъ публикѣ: она властна судить и книги, и сочинителей; но ея мнѣніе всегда ли ясно, всегда ли опредѣлительно? Сіе мнѣніе ищетъ опоры: если Академія посвятитъ часть досуговъ своихъ *критическому обозрѣнію россійской словесности*, то удовлетворитъ, безъ сомнѣнія, и желанію общему, и желанію писателей, слѣдуя правилу, внушаемому намъ и любовію къ добру, и самою любовію къ изящному: *болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно*. Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія, но дарованіе не бываетъ безъ чувствительности: должно щадить ее. Употребимъ сравненіе не новое, но выразительное: что дыханіе хлада для цвѣтущихъ растеній, то излишно строгая критика для юныхъ способностей души: мертвитъ, уничтожаетъ; а мы должны оживлять и питать—привѣтствовать славолюбіе, не устрашать его: ибо оно ведетъ ко славѣ, а слава автора принадлежитъ отечеству. Пусть низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ охужденіемъ, въ надеждѣ возвыситься уничиженіемъ другихъ; но вамъ извѣстно, что самый легкій умъ находитъ несовершенства; что только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ. Гдѣ нѣтъ

предмета для хвалы, тамъ скажемъ все—молчаніемъ. Когда увидимъ важныя злоупотребленія, новости неблагоразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны. Судя о произведеніяхъ чувства и воображенія, не забудемъ, что приговоры наши основываются единственно на вкусѣ, неизъяснимомъ для ума; что они не могутъ быть всегда рѣшительны; что вкусъ измѣняется и въ людяхъ, и въ народахъ; что удовольствіе читателей рождается отъ ихъ тайной симпатіи съ авторомъ и не подлежитъ закону разсудка; что мы никогда не согласимся съ англичанами или нѣмцами во мнѣніи о Шекспирѣ или Шиллерѣ; что примѣръ изящнаго сильнѣе всякой критики дѣйствуетъ на успѣхи литературы; что мы не столько хотимъ учить писателей, сколько ободрять ихъ нашимъ къ нимъ вниманіемъ, нашимъ сужденіемъ, исполненнымъ доброжелательства. Какъ ни пріятна для автора хвала публики и самое одобреніе Академіи, но будетъ еще пріятнѣе, если соединится съ благонамѣреннымъ разборомъ книги его, съ показаніемъ ея красотъ особенныхъ; когда опытный любитель искусства углубится взоромъ, такъ сказать, въ сокровенность души писателя, чтобы вмѣстѣ съ нимъ чувствовать, искать выраженій и стремиться къ какому-то образцу мысленному, который бываетъ цѣлію, болѣе или менѣе ясною для всякаго дарованія. Самолюбіе грубое довольствуется и нѣмою хвалою: она нѣма, когда не изъясняетъ своего предмета; но самолюбіе нѣжное требуетъ хвалы *краснорѣчивой:* она краснорѣчива, когда изображаетъ хвалимое».

Это мнѣніе о критикѣ можетъ вызвать нѣкоторыя недоразумѣнія: можно было бы возразить Карамзину, что рекомендуемая имъ чрезмѣрная мягкость въ критикѣ ведетъ къ неискренности, уклончивости въ сужденіяхъ, что она можетъ вредить самимъ критикуемымъ авторамъ, для которыхъ справедливое, хотя иногда и въ рѣзкой формѣ, указаніе ихъ недостатковъ можетъ быть наилучшимъ средствомъ для того, чтобы вывести ихъ на путь истины; можно даже сказать, что рекомендуемое Карамзинымъ молчаніе умѣстно только въ отношеніи бездарныхъ писателей (въ вопросахъ общественныхъ является иногда средствомъ борьбы), но для настоящаго таланта оно прямо оскорбительно и безусловно вредно, такъ какъ не даетъ ему возможности сознать свои промахи. Тѣмъ не менѣе приведенныя замѣчанія Карамзина нельзя не признать очень цѣнными, потому что въ нихъ возлагается на критику обязанность выяснять смыслъ и значеніе разбираемыхъ произведеній: требованіе «углубляться взоромъ въ сокровенность души писа-

теля» есть въ сущности одно изъ основаній и современной намъ критики.

Такимъ образомъ, суммируя сказанное о литературныхъ взглядахъ Карамзина, мы должны признать большую заслугу нашего писателя въ дѣлѣ установленія новыхъ принциповъ литературной критики: послѣ него внѣшняя, стилистическая критика оказалась уже совершенно недостаточной. Принципы новой критики еще не были раскрыты во всей полнотѣ, но Карамзинъ указалъ тотъ путь, на который должна была вступить критика, и въ этомъ отношеніи онъ явился человѣкомъ, облегчившимъ работу позднѣйшихъ нашихъ дѣятелей въ области критики; а если критика есть одинъ изъ могущественныхъ факторовъ вообще литературнаго развитія, то ясно, что Карамзинъ послужилъ этому развитію, не однимъ только внесеніемъ къ намъ сентиментализма, а болѣе всего указаніемъ серьезнаго общественнаго значенія литературы.

II.

Переходя ко второму изъ намѣченныхъ выше предметовъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, мы также должны будемъ указать на неясность для самого Карамзина въ началѣ его литературнаго поприща многихъ общественныхъ вопросовъ, неопредѣленность, неустановленность его общаго политическаго міросозерцанія. Если впослѣдствіи, подъ конецъ своей дѣятельности, Карамзинъ выступалъ рѣшительнымъ консерваторомъ, то въ началѣ ея мы замѣчаемъ какія-то туманныя сочувствія противоположному направленію; сочувствія эти именно туманныя, потому что рядомъ съ ними встрѣчаются мысли, легшія въ основу будущаго консерватизма.

По ходу нашего культурнаго развитія главнымъ общественнымъ вопросомъ для конца XVIII и начала XIX вѣковъ былъ вопросъ о нашемъ отношеніи къ западно-европейскому просвѣщенію. Петръ Великій сдѣлалъ рѣшительный шагъ по пути нашего пріобщенія къ европейской цивилизаціи, по тому пути, на который Россія вступила уже значительно ранѣе. Прежде движеніе совершалось крайне медленно, при Петрѣ дается сильный толчокъ, пробудившій общественное сознаніе. Передъ русскими людьми является требующая разрѣшенія дилемма, идти ли далѣе въ сближеній съ Западомъ, продолжать ли совершенствованіе жизненныхъ формъ согласно съ тѣмъ, что наблюдается у опередившихъ насъ народовъ,

или же вырабатывать что-нибудь свое въ духѣ прежнихъ до-Петровскихъ традицій. Отъ разрѣшенія этой дилеммы зависитъ, съ одной стороны, отношеніе къ реформѣ Петра Великаго, съ другой—разрѣшеніе многихъ современныхъ вопросовъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Въ Карамзинскую эпоху указанная дилемма осложняется въ весьма значительной мѣрѣ, такъ какъ нужно было опредѣлить отношеніе къ тому перевороту въ понятіяхъ и жизни Западной Европы, который былъ произведенъ французской революціей. Самъ Карамзинъ, какъ человѣкъ, объѣхавшій Германію, Швейцарію, Францію и Англію, долженъ былъ въ своей литературно-публицистической дѣятельности не разъ касаться указаннаго вопроса о характерѣ нашего просвѣщенія, причемъ въ измѣненіи его отношенія къ Петру Великому, ярче всего выразилась общая перемѣна его взглядовъ.

Въ «Письмахъ русскаго путешественника» Карамзинъ выступаетъ восторженнымъ поклонникомъ Петра и защитникомъ его реформъ противъ націоналистовъ того времени. Говоря о памятникѣ Людовику XIV въ Ліонѣ, Карамзинъ вспоминаетъ Петра и отдаетъ ему предпочтеніе предъ Людовикомъ. «Подданные, — говоритъ онъ, — прославили Людовика: Петръ прославилъ своихъ подданныхъ — первый *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: вторый, какъ лучезарный Богъ свѣта, явился на горизонтѣ человѣчества и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя—въ правленіе перваго тысячи трудолюбивыхъ французовъ принуждены были оставить отечество; вторый привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцевъ — перваго уважаю, какъ сильнаго царя, второго почитаю, какъ великаго мужа, какъ героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля».

Послѣ такой краснорѣчивой похвалы вполнѣ естественно, что Карамзинъ энергично долженъ былъ защищать Петра отъ нападокъ французскаго историка Левека. «Всего же болѣе,—говоритъ онъ,—не люблю его (т. е. Левека) за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго, если посредственный французскій писатель можетъ унизить нашего славнаго монарха, говоря: on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque, en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples. Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для наро-

довъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли было русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить академій, фабрикъ, для того, что все это не русскими выдумано? Какой народъ не перенималъ у другого, и не должно ли *сравняться,* чтобы превзойти? Однакожъ, говорятъ, на что подражать рабски? На что перенимать вещи, совсѣмъ не нужныя? Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ бороды для того, что такъ и покойнѣе, и пріятнѣе. Длинное платье неловко, мѣшаетъ ходить... «Но въ немъ теплѣе!»... За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильный жаръ! сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но и лицо? Избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго: а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ, во-первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во-вторыхъ, и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы Петръ родился государемъ какого-нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже искусства и науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: «смотрите; сравняйтесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, французы, англичане, были впереди русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской

нравственной физіономіи, или не что иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое*, ибо я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable,—говоритъ Левекъ,—que si Pierre n'avait pas regné, les Russes seraient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть, хотя Петръ Великій и не училъ бы насъ, мы бы сами выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? Но сколько трудовъ стоило монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ! Слѣдственно, русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть царя русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Сообщеніе наше съ другими европейскими землями было очень несвободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію, только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли бы сдѣлалось то, что государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться».

Трудно опредѣленнѣе выступить съ похвалой Петру Великому, трудно логичнѣе и ярче защищать реформы, чѣмъ это дѣлалъ въ настоящемъ случаѣ Карамзинъ. Старый русскій укладъ жизни вполнѣ осужденъ молодымъ писателемъ, сѣтованія націоналистовъ (въ числѣ которыхъ былъ, между прочимъ, такой просвѣщенный и даровитый человѣкъ, какъ знаменитый публицистъ XVIII вѣка, кн. М. М. Щербатовъ) о томъ, что искаженъ нравственный обликъ русскаго народа, названы «жалкими іереміадами», происходящими «отъ недостатка въ основательномъ размышленіи»; выставлено, наконецъ, краснорѣчивое положеніе: «все народное ничто предъ человѣческимъ». Отсюда, казалось бы, выте-

кало ясное слѣдствіе, что надо продолжать дѣло Петра Великаго, стремиться къ болѣе полному усвоенію формъ европейской жизни; однако, Карамзинъ останавливается, не дѣлаетъ этого вывода. Почему? Вѣроятно, потому, что для него западная жизнь представляла интересъ только со стороны науки и искусства. Въ этой области онъ вполнѣ допускаетъ заимствованіе; привлекаютъ его и формы свѣтскаго общежитія. Что же касается политики, то ею онъ почти не интересуется и очень мало въ ней понимаетъ.

Это слабое пониманіе европейскихъ политическихъ отношеній лучше всего выразилось въ сужденіяхъ Карамзина о французской революціи, въ разгаръ которой онъ попалъ въ Парижъ. Уже въ Страсбургѣ до него доносились отголоски революціи, онъ узналъ, что «цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришиваютъ кокарды къ шляпамъ своимъ; почтмейстеры, постилліоны, солдаты, бабы говорятъ о революціи». Движеніе представляется ему бунтомъ черни, которую обманываютъ именемъ короля злоумышленники. Въ Парижѣ впечатлѣнія должны были стать сильнѣе, какъ въ центрѣ движенія, но Карамзинъ остается холоденъ и большею частью иронизируетъ по поводу происходящихъ событій. Въ салонѣ г-жи Гло идетъ разговоръ о партіяхъ, интригахъ, декретахъ Національнаго собранія, французы разсуждаютъ, хвалятъ, критикуютъ, а Карамзинъ «зѣваетъ», подтрунивая надъ говорунами, которыхъ «нынѣ тьма въ Парижѣ». Наиболѣе опредѣленно его сужденіе о революціи высказывается въ письмѣ изъ Парижа отъ «Апрѣля 1790». «Говорить ли о французской революціи?—спрашиваетъ онъ.—Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время отъ зефирныхъ французовъ, которые славились своей любезностью? Не думайте, однакожь, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва-ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ терять нечего, дерзки, какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки, какъ зайцы, одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что-нибудь. Оборонительная война съ наглымъ непріятелемъ рѣдко бываетъ счастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона». Затѣмъ Карамзинъ сообщаетъ о разныхъ курьезахъ, представляющихъ движеніе въ комическомъ видѣ: «Съ 14 іюля всѣ твердятъ во Франціи объ

аристократахъ и демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга сими именами, по большей части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту: въ одной деревенькѣ близъ Парижа крестьяне остановили молодого, хорошо одѣтаго человѣка и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними: vive la nation! Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: vive la nation! *Хорошо, хорошо,*—сказали они,—*мы довольны. Ты добрый французъ; ступай, куда хочешь. Нѣтъ, постой: изъясни намъ прежде, что такое... нація?* Разсказываютъ, что маленькій Дофинъ, играя съ своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: *ты аристократъ, великій аристократъ, бѣлка!* Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его. Одинъ маркизъ, который былъ нѣкогда осыпанъ королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю роль между непріятелями двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: que faire! j'aime les te-te-troubles! что дѣлать... я люблю мяте-те-тежи! Маркизъ заика. Но читалъ ли маркизъ исторію Греціи и Рима? помнитъ ли цыкуту и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція отверстый гробъ для добродѣтели и—самаго злодѣйства». Подобравъ эти весьма невысокаго остроумія анекдоты, Карамзинъ дѣлаетъ сентенціозное заключеніе о революціи. «Всякое,—говоритъ онъ,—гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надо удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. *Утопія* будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно, конечно, имѣетъ Свой планъ; въ Его рукѣ сердца государей—и довольно. Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнью возрастали науки и художе-

ства; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиры на священное дерево, говоря: *мы лучше сдѣлаемъ!*»

Сколько въ этомъ послѣднемъ заключеніи логическихъ противорѣчій (въ родѣ, напр., «чудесной гармоніи» въ самомъ несовершеннѣйшемъ обществѣ), сколько исторической путаницы, и какъ мало пониманія смысла того движенія, которое пришлось наблюдать Карамзину, мы не будемъ говорить: это прекрасно разъяснено А. Н. Пыпинымъ въ его замѣчательной книгѣ «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I» (гл. IV). Замѣтимъ только, что Карамзинъ въ этихъ словахъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ всякихъ насильственныхъ потрясеній и даже характерно обмолвился объ опасности *«всякой перемѣны»*. Эта обмолвка весьма кстати для будущаго противника чуть ли не всякихъ реформъ, какимъ Карамзинъ является, какъ увидимъ, въ своей «Запискѣ о древней и новой Россіи».

Къ разсужденію о французской революціи Карамзинъ возвращается еще разъ, послѣ эпохи террора, въ извѣстной перепискѣ Мелодора и Филалета, напечатанной въ 1795 году. По объясненію Галахова, въ этихъ двухъ лицахъ Карамзинъ представилъ самого себя въ разные моменты своего развитія: Мелодоръ — Карамзинъ, разочаровавшійся въ тѣхъ идеяхъ просвѣщенія, которыми онъ увлекался вмѣстѣ съ Филалетомъ; а Филалетъ—тотъ же Карамзинъ, но находящій успокоеніе въ своемъ разочарованномъ состояніи.

Обращаясь къ Филалету, Мелодоръ напоминаетъ ему тѣ радужныя мечтанія о блаженствѣ человѣческаго рода, которымъ предавались они всего за пять лѣтъ до этого времени. «Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственномъ мірѣ, ловили въ исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей эѳирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и проливая сладкія слезы, восклицали: *человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!* Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что *родъ человѣческій возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству*. Ахъ! съ какою нѣжностью обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей Небеснаго Отца! Ра-

дость сіяла на лицахъ нашихъ—и свѣтлый ручеекъ, и зеленая травка, и алой цвѣточекъ, и поющая птичка, все, все насъ веселило! Природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества. Кто болѣе нашего славилъ преимущества осьмогонадесять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій, и проч., и проч.?—Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества; но свѣтлый лучъ надежды златилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ — надежды: «все исчезнетъ, и царство общей мудрости настанетъ, рано или поздно настанетъ—и блаженъ тотъ изъ смертныхъ, кто въ краткое время жизни своей успѣлъ разсѣять хотя одно мрачное заблужденіе ума человѣческаго, успѣлъ хотя однимъ шагомъ приблизить людей къ источнику всѣхъ истинъ, успѣлъ хотя единое плодоносное зерно добродѣтели вложить рукою любви въ сердца чувствительныхъ, и, такимъ образомъ, ускорилъ ходъ всемірнаго совершенія!» Конецъ нашего вѣка почитали мы концомъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣйствительностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія насладятся истинными благами жизни».

Но прошло пять лѣтъ, произошли важнѣйшія событія, въ которыхъ иные мечтатели видѣли шагъ впередъ по пути къ осуществленію идеаловъ XVIII вѣка, но которыя Мелодора привели къ печальному заключенію, что его «утѣшительная система разрушилась въ своемъ основаніи». «Осьмойнадесять вѣкъ, говоритъ онъ, кончается: что же видишь ты на сценѣ міра?—Осьмойнадесять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки! Кто могъ думать, ожидать, предчувствовать? Мы надѣялись скоро видѣть человѣчество на горней степени величія, въ вѣнцѣ славы, въ лучезарномъ сіяніи, подобно ангелу Божію, когда онъ, по священнымъ сказаніямъ, является очамъ добрыхъ,—съ небесною улыбкою, съ мирнымъ благовѣстіемъ!—Но вмѣсто сего восхитительнаго явленія видимъ... Фурій съ грозными пламенниками! Гдѣ люди, которыхъ мы лю-

били? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для счастія?—Вѣкъ просвѣщенія! Я не узнаю тебя—въ крови и пламени не узнаю тебя—среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!... Небесная красота прельщала взоръ мой, воспаляла мое сердце нѣжнѣйшею любовію; въ сладкомъ упоеніи стремился къ ней духъ мой; но—небесная красота исчезла—змѣи шипятъ на ея мѣстѣ!—Какое превращеніе! Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками, драгоцѣнностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ!—И не только милліоны погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтущія страны (гдѣ щедрая натура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пустыни превращаются—сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества. Мизософы торжествуютъ: «Вотъ плоды вашего просвѣщенія! говорятъ они: вотъ плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огнь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? И за что? И откуда взялись сіи пагубныя идеи?... Да погибнетъ же ваша философія!...—И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, и бѣдный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяетъ: *да погибнетъ!* И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ лютыхъ бѣдствій, въ горести своей повторяетъ: *да погибнетъ!* А сіи восклицанія могутъ составить, наконецъ, *общее мнѣніе:* вообрази же слѣдствія!... Такъ, мой другъ, паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ; не только вѣроятнымъ, но даже неминуемымъ, близкимъ. Когда же падутъ онѣ... Когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благодѣтельныя лампады угаснутъ — что будетъ? Я ужасаюсь, и чувствую трепетъ въ сердцѣ!... Сверхъ того внимательный наблюдатель видитъ теперь повсюду отверстые гробы для *нѣжной нравственности.* Сердца ожесточаются ужасными происшествіями, и привыкая къ феноменамъ злодѣяній, теряютъ чувствительность. Я закрываю лицо свое!»

Окончательный выводъ, къ которому приходитъ Мелодоръ, крайне пессимистиченъ: прогресса въ жизни человѣчества не существуетъ, и вся исторія представляется безцѣльнымъ «вѣчнымъ движеніемъ въ одномъ кругу».

Филалетъ спѣшитъ, однако, утѣшить своего друга. «Нѣтъ! нѣтъ!—восклицаетъ онъ,—сіи мысли ужасны. Сердце мое отвер-

гаетъ ихъ, и, сквозь густоту ночи, стремится къ благотворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія—въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію—не теряетъ надежды, сражается съ волнами и хватается рукою за плывущую доску. Такъ, Мелодоръ! Я хочу спастись отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя среди всеобщихъ ужасовъ скажетъ Небу: *Ты благо и премудро; благо твореніе рукъ Твоей; благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной!* Уничтожься на вѣки, мысленная и чувствительная сила моя, прежде, нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣтель—чуждое растеніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе — острый кинжалъ въ рукахъ убійцы!... Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать. Его дѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, если смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть, единственно отъ того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая. Можетъ быть то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для ангеловъ; можетъ быть то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе».

Изъ этихъ религіозно-оптимистическихъ соображеній Филалетъ черпаетъ увѣренность въ лучшемъ будущемъ и эту увѣренность онъ стремится передать Мелодору. «Будемъ, мой другъ,—продолжаетъ онъ,—будемъ и нынѣ утѣшаться мыслію, что жребій рода человѣческаго не есть вѣчное заблужденіе, и что люди когда-нибудь перестанутъ мучить самихъ себя и другъ друга. Сѣмя добра есть въ человѣческомъ сердцѣ и не исчезнетъ во вѣки: рука Провидѣнія хранитъ его отъ хлада и бурь. Теперь свирѣпствуютъ Аквилоны: но рано или поздно настанетъ благодѣтельная весна, и сѣмя распустится отъ животворнаго дыханія зефировъ. Вѣрю, и всегда буду вѣрить, что добродѣтель свойственна человѣку, и

что онъ сотворенъ для добродѣтели. Кто не плѣняется описаніемъ златаго вѣка, вѣка невинности? Кто не проливаетъ слезъ умиленія, внимая повѣствованію о дѣлахъ великодушія и геройства? Кто не любитъ воображать себя добрымъ, благодѣтельнымъ существомъ? Мой другъ, я былъ среди такъ называемыхъ просвѣщенныхъ народовъ, былъ среди народовъ дикихъ, и видѣлъ, что вездѣ, во всѣхъ странахъ человѣкъ дѣлаетъ зло съ пасмурнымъ лицомъ, а добро съ пріятною улыбкою!.. Сія черта нравственности любезна философу. Соглашаюсь съ тобою, что мы нѣкогда излишно величали осьмойнадесять вѣкъ и слишкомъ много ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ! Но я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена; что природа человѣческая болѣе усовершенствуется — напримѣръ, въ девятомнадесять вѣкѣ—нравственность болѣе исправится—разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устроеніе мирнаго блага жизни, и зло настоящее послужитъ добру будущему».

Затѣмъ Филалетъ разбираетъ устрашающія Мелодора нападки на просвѣщеніе разныхъ обскурантовъ, видѣвшихъ въ наукахъ источникъ всѣхъ современныхъ общественныхъ бѣдствій. «Что принадлежитъ до мизософовъ, мой другъ, то они никогда, никогда торжествовать не будутъ. Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служатъ, напротивъ того, средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія? Развѣ не истина, развѣ ложь есть существо науки? Разогнемъ книгу исторіи: за что не лилась кровь человѣческая? Напримѣръ, распри суевѣрія вооружали сына противъ отца, брата противъ брата; но какой безумецъ вздумаетъ обвинять тѣмъ самую религію? Напротивъ того, не она ли обезоружила, наконецъ, сихъ фанатиковъ, озаривъ свѣтомъ своимъ, свѣтомъ любви и кротости, ихъ пагубныя заблужденія? Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! я имѣю довѣренность къ мудрости властителей, и спокоенъ. Нѣтъ! свѣтильникъ наукъ не угаснетъ на земномъ шарѣ. Ахъ! развѣ не онѣ служатъ намъ отрадою въ горестяхъ? Развѣ не въ ихъ мирномъ святилищѣ укрываемся отъ всѣхъ бурь житейскихъ? Нѣтъ, Всемогущій не лишитъ насъ сего драгоцѣннаго утѣшенія добрыхъ, чувствительныхъ, печальныхъ. Просвѣщеніе всегда благотворно; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ и

открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лѣкарство для испорченнаго сердца и разума; одно просвѣщеніе живодѣтельною теплотою своею можетъ изсушить сію тину нравственности, которая ядовитыми парами мертвитъ все изящное, все доброе въ мірѣ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы спасительный антидотъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества!—Кто скажетъ мнѣ: *науки вредны, ибо осьмойнадесять вѣкъ, ими гордившійся, ознаменуется въ книгѣ бытія кровію и слезами;* тому скажу я: «осьмойнадесять вѣкъ не могъ именовать себя просвѣщеннымъ, когда онъ въ книгѣ бытія ознаменуется кровію и слезами».

Конечный результатъ, къ которому приходитъ Филалетъ послѣ всѣхъ своихъ разсужденій, по своему характеру прямо противоположенъ пессимистическимъ выводамъ Мелодора. Филалетъ вѣритъ въ прогрессивное движеніе человѣчества къ осуществленію его вѣковѣчныхъ идеаловъ. «Мой другъ! — говоритъ онъ, — мы должны смотрѣть на міръ, какъ на великое позорище, гдѣ добро со зломъ, гдѣ истина съ заблужденіемъ ведетъ кровавую брань. Терпѣніе и надежда! Все неправедное, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ; одна истина не страшится времени; одна истина пребываетъ во вѣки!»

Такимъ образомъ выразилъ Карамзинъ свое отрицательное отношеніе къ революціи еще въ первую половину своей литературной дѣятельности; оно не измѣнилось и впослѣдствіи, хотя мотивы отрицательнаго взгляда стали иными.

Такъ, въ стихотвореніи «Освобожденіе Европы и слава Александра I», богиня Мудрости говоритъ слѣдующее:

Судить, давать, блюсти законы,
Съ мечемъ въ рукѣ—для обороны
Отъ чуждыхъ и своихъ враговъ.
Есть дѣло вышней царской власти,
Не будетъ праздныхъ вамъ часовъ,
Пока, увы! пылаютъ страсти.
Народы! власти покоряйтесь:
Свободой ложной не прельщайтесь:
Она призракъ, страстей обманъ.
Вы зрѣли Галловъ заблужденье:
И своевольство и тиранъ
Отмстили имъ за возмущенье
Противъ законнаго царя,
Уставовъ древнихъ алтаря.

Питайте въ сердцѣ добродѣтель:
Тогда не будетъ вамъ владѣтель
Святыхъ законовъ попирать.
Ко злому только зло влечется:
Благимъ и царь есть благодать.
Господь Небесъ о всѣхъ печется:
И червь Его рукой хранимъ.
Надъ вами царь, а Богъ надъ нимъ.
Въ правленьяхъ новое опасно,
А безначаліе ужасно.
Какъ трудно общество создать!
Оно устроилось вѣками:
Гораздо легче разрушать
Безумцу съ дерзкими руками,
Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ!

Въ молодости Карамзинъ, хотя на словахъ, склоняется къ либерализму, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ его взгляды вполнѣ консервативны, и отрицаются имъ уже не только революціи, но почти всякія реформы. Это измѣненіе взглядовъ совершилось въ Александровскую эпоху, но произошло оно не сразу, хотя безъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ прежній либерализмъ выражался, собственно говоря, только въ красивыхъ, чувствительныхъ фразахъ.

Мы уже говорили въ статьѣ «Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія» о тѣхъ мысляхъ, которыя Карамзинъ выразилъ въ одѣ на вступленіе на престолъ Императора Александра и «Похвальномъ словѣ» Императрицѣ Екатеринѣ II, мысляхъ, соотвѣтствовавшихъ либеральному настроенію правительственныхъ круговъ того времени [1]). Поэтому мы не будемъ

---

[2]) Такое же радостное настроеніе, какъ и въ упомянутой одѣ, выражается и въ статьѣ «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени», написанной въ 1802 г. Признавъ благодѣтельнымъ послѣдствіемъ французской революціи установившееся повсюду убѣжденіе въ томъ, что «учрежденія древности имѣютъ магическую силу», Карамзинъ говоритъ: «Государи, вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону. Будучи, такъ сказать, внѣ обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всѣхъ низкихъ побужденій эгоизма, которыя дѣлаютъ людей несправедливыми и даже злыми; наконецъ, имѣя все, они должны и могутъ чувствовать только одну потребность: *благотворить* и, смотря на всякаго гражданина, думать: «я заслужилъ любовь его!» Въ особенно благопріятномъ положеніи находится Россія. «Какой надежды, — восклицаетъ Карамзинъ, — не можемъ раздѣлять съ

останавливаться на упомянутыхъ произведеніяхъ, а, разсмотрѣвъ нѣсколько сочиненій Карамзина, относящихся къ началу Александровскаго царствованія и касающихся вопросовъ просвѣщенія, мы обратимся къ его «Запискѣ о древней и новой Россіи».

Карамзинъ радостно привѣтствовалъ изданный 24 января 1803 г. «безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи», указъ, въ которомъ Императоръ Александръ называлъ народное просвѣщеніе «важною частію государственной системы, любезною его сердцу». «Новая, великая эпоха,—говорилъ Карамзинъ,—начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ, не отечества, не народа. Россія, сильная и счастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистью, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли, наконецъ, избавиться отъ имени варваровъ. Не одно народное словолюбіе—хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа патріотизма—не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благотворныхъ намѣреній правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, рождаетъ злоупотребленія, несправедливости, и—однимъ словомъ—не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, т. е. добродѣтельнаго монарха. Александръ, пылая святою ревностію ко счастью ввѣренныхъ ему милліоновъ, избираетъ важнѣйшее, единственное средство для совершеннаго успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить россіянъ, чтобы они могли поль-

другими европейскими народами мы, осыпанные блескомъ славы и благотвореніями человѣколюбиваго монарха?» Болѣе всего радуютъ Карамзина водворившееся при новомъ государѣ спокойствіе и распространяющееся просвѣщеніе. «Другъ людей и патріотъ съ радостію видитъ, какъ свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; какъ благородныя, истинно человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; какъ разсудокъ утверждаетъ права свои, и какъ духъ россіянъ возвышается».

зоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія».

Александру суждено, по мнѣнію Карамзина, «увѣнчать безсмертныя творенія славныхъ и великихъ его предшественниковъ», Петра и Екатерины, т. е. стремиться къ тому, чтобы въ просвѣщеніи сравняться съ Западомъ. «Патріоты, — говоритъ онъ,—съ гордостью указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и промышленности многочисленнаго купечества; съ гордостью входили они въ блестящія собранія нашего дворянства, въ университеты, въ академіи, въ гимназіи; но искренніе, разумные иностранцы говорили намъ: въ Россіи уже *много* просвѣщенія, но еще *не довольно;* въ неизмѣримыхъ странахъ ея мы находили милліоны жителей, осужденныхъ на вѣчное невѣжество; они не умнѣе своихъ предковъ и не имѣютъ никакихъ способовъ умножать свои идеи, научаться опытами, успѣвать въ искусствѣ жизни и благородныхъ наслажденій». Русскіе отвѣтствовали, что сей родъ людей по самымъ связямъ гражданскаго общества кажется осужденнымъ на печальное варварство и невѣжество; но иностранцы звали насъ въ свои земли—и мы съ изумленіемъ видѣли въ разныхъ государствахъ Европы земледѣльцевъ трудолюбивыхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностію, вкусомъ, мирно и счастливо—тѣмъ счастливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе; мы видѣли заведенныя въ деревняхъ школы и дѣтей поселянина, награждаемыхъ за прилежность къ ученію; видѣли въ хижинахъ (не отвратительныхъ, но опрятныхъ и чистыхъ) книги и добрые нравы; говорили съ земледѣльцами и слышали, что они благословляютъ скромную долю свою въ гражданскомъ обществѣ, считаютъ себя не жертвами его, а благополучными, подобно другимъ состояніямъ, которыя всѣ должны трудиться, хотя разнымъ образомъ, для пользы отечественной. Русскіе патріоты, убѣжденные очевидною истиною, что человѣкъ и въ хижинѣ, и за плугомъ можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что отечество наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣяній отъ Трона въ разсужденіи государственнаго просвѣщенія; они желали ихъ—и добродѣтельный Александръ, слѣдуя влеченію прекрасной души своей, исполнилъ ихъ желаніе. Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію; скажемъ, что всѣ новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей Уставъ

народнаго просвѣщенія есть *сильнѣйшее* доказательство благости монарха, который всѣхъ своихъ подданныхъ желаетъ найти признательныхъ, *всѣхъ* равно любитъ и всѣхъ считаетъ людьми».

Статья «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія», изъ которой взяты предыдущія цитаты, посвящена, главнымъ образомъ, сельскимъ школамъ, какъ «главному благодѣянію» новаго Устава, но въ ней говорится и о гимназіяхъ и университетахъ, при чемъ Карамзинъ радуется открытію новыхъ учебныхъ заведеній. Но для школъ нужны учителя, и Карамзинъ пишетъ новую статью «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей». Не касаясь самаго этого способа, мы укажемъ два мѣста этой статьи, характеризующія отчасти настроеніе того времени и отношеніе къ этому настроенію Карамзина. Прежде всего мы видимъ, что увлеченіе новшествами было такъ сильно въ обществѣ, что Карамзину приходится какъ бы охлаждать пылъ горячихъ людей. «Человѣколюбивыя намѣренія монарха,—замѣчаетъ онъ,—явно дѣйствуютъ на умы и сердца: вездѣ хотятъ общеполезныхъ учрежденій и выдумываютъ планы. Трудъ напрасный! оставимъ правительству учреждать и заводить: удовольствуемся честію и славою способствовать ему въ его святыхъ намѣреніяхъ. Зная главную потребность Россіи, оно всегда болѣе желаетъ озарить умы наши свѣтомъ ученія: когда сей великій планъ его исполнится, тогда будемъ счастливѣе и въ собственныхъ изобрѣтеніяхъ ума и въ собственныхъ выдумкахъ для блага людей». Но были, вѣроятно, люди, не совсѣмъ довольные просвѣтительными начинаніями, о нихъ, вѣроятно, Карамзинъ говоритъ въ началѣ статьи, указывая, что есть такіе люди, которые «трясутъ головою при всякой новой идеѣ человѣколюбія, тотчасъ находятъ невозможности, съ удивительною методою раздѣляютъ ихъ на классы, статьи, улыбаются и заключаютъ обыкновеннымъ припѣвомъ лѣниваго ума: *какъ не мудри, а все будетъ по старому!*»

Противъ подобныхъ скептиковъ, должно быть, направлена слѣдующая любопытная басня «Филины и соловей», написанная въ томъ же 1803 году:

Узнали Филины намѣреніе Феба
Ея величество, ночь темную, согнать
Съ престола древняго земли и неба,
И сутки цѣлыя безъ отдыха сіять.
«Что! что!» кричатъ они: разрушить царство нощи,
Въ которомъ намъ такъ мило жить

И сонныхъ птицъ давить
Во мракѣ тихой рощи!
Кто Фебу далъ такой совѣтъ?...»
«Не вы, друзья мои: *не филины, не воры*»,
Сказалъ имъ соловей: «не нравится вамъ свѣтъ:
Его боятся хищныхъ взоры!
Я ночью пѣлъ одинъ, и всѣ плѣнялись мной;
Въ день будетъ у меня совмѣстниковъ довольно:
Ихъ также наградятъ хвалой...
Лишиться славы больно,
Но ею съ братьями охотно подѣлюсь,
И солнцемъ веселюсь,
Когда въ его сіяньи
Для міра болѣе утѣхъ,
Чѣмъ въ горестномъ мерцаньѣ.
Злой мыслитъ о себѣ, а доброй обо всѣхъ;
Злой любитъ мракъ густой, а доброй просвѣщенье.
Къ несчастью долженъ я сказать вамъ въ утѣшенье,
Что въ самой ясной день
Для васъ еще найдется тѣнь!»

Выступая защитникомъ просвѣщенія, Карамзинъ въ это время уже начинаетъ говорить противъ подражанія. Такъ, въ извѣстномъ разсужденіи «О любви къ отечеству и народной гордости», вооружаясь противъ пристрастія ко всему иностранному, онъ высказываетъ слѣдующее: «какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно!* Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса къ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ, и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ». Въ этихъ словахъ слышится уже нѣчто новое для Карамзина, который раньше защищалъ «подражаніе въ бездѣлкахъ», т. е. введеніе европейскаго платья и бритье бороды, и говорилъ, что «все народное ничто передъ человѣческимъ».

Здѣсь мы встрѣчаемся съ первымъ проблескомъ новыхъ понятій, которыя нашли себѣ полное развитіе въ «Исторіи Государства Россійскаго» и въ «Запискѣ о древней и новой Россіи». Къ изложенію этой «Записки» мы теперь и обратимся.

Имѣя въ виду разобраться въ современной внѣшней и внутренней политикѣ правительства, Карамзинъ для подкрѣпленія своихъ критическихъ замѣчаній историческими основаніями, первую часть своей «Записки» посвящаетъ бѣглому обзору русской исторіи до царствованія Александра, такъ какъ «настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго; чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее». Этимъ историческимъ обзоромъ Карамзинъ пользуется для доказательства той мысли, что Россія процвѣтала при самодержавіи и бѣдствовала, лишь только самодержавіе начинало колебаться. Это та же идея, которая составила схему главнаго труда Карамзина, его «Исторіи», и какъ показалъ П. Н. Милюковъ, эта схема не есть оригинальный домыселъ Карамзина, а заимствована имъ у его предшественниковъ, главнымъ образомъ у кн. М. М. Щербатова. Кромѣ этого положенія Карамзинъ стремится доказать, что для русскихъ излишни заимствованія съ Запада, что ихъ общественное развитіе должно идти своимъ путемъ. Въ «Запискѣ» мы встрѣчаемся съ такими мнѣніями, которыя прямо противорѣчатъ прежнимъ воззрѣніямъ Карамзина, а кромѣ того бѣглость историческаго обзора была причиной того, что во многихъ подробностяхъ утвержденія Карамзина представляются поверхностными и спорными.

Примѣръ произвольнаго историческаго утвержденія мы находимъ уже въ самомъ началѣ «Записки», когда Карамзинъ упомянувъ о призваніи князей, говоритъ: «Сіе случилось въ 862 году, а въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже не менѣе нынѣшней, то есть: во сто лѣтъ она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго». Преувеличивъ до такой крайности размѣры древняго русскаго государства, Карамзинъ объясняетъ его быстрый ростъ: «Что произвело феноменъ столь удивительный? Пылкая, романическая страсть нашихъ первыхъ князей къ завоеваніямъ и единовластіе, ими основанное на развалинахъ множества слабыхъ, несогласныхъ державъ народныхъ, изъ коихъ составилась Россія. Рюрикъ, Олегъ, Святославъ, Владиміръ не давали образумиться гражданамъ въ быстромъ теченіи побѣдъ, въ непрестанномъ шумѣ воинскихъ становъ, платя имъ славою и добычею за утрату прежней вольности, бѣдной и мятежной. Въ XI вѣкѣ государство Россійское могло, какъ бодрый, пылкій юноша, обѣщать себѣ долголѣтіе и славную дѣятельность. Монархи его въ твердой рукѣ своей держали судьбу милліоновъ; озаренные блескомъ побѣдъ, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались

народу полубогами, судили и рядили землю, мановеніемъ воздвигали рать и движеніемъ перста указывали ей путь къ Босфору Ѳракійскому или горамъ Карпатскимъ. Въ счастливомъ отдохновеніи мира, государь пировалъ съ вельможами и народомъ, какъ отецъ среди многочисленнаго семейства. Пустыни украсились городами, города избранными жителями, свирѣпость дикихъ нравовъ смягчилась вѣрою христіанскою; на берегахъ Днѣпра и Волхова явились искусства византійскія. Ярославъ далъ народу свитокъ законовъ гражданскихъ, простыхъ и мудрыхъ, согласныхъ съ древними нѣмецкими. Однимъ словомъ, Россія не только была обширнымъ, но въ сравненіи съ другими и самымъ образованнымъ государствомъ». Вся эта блистательная картина Руси первыхъ временъ есть результатъ реторики, увлеченіе которой доходитъ до такой степени, что Карамзинъ даже не замѣчаетъ, насколько, фальшиво его утвержденіе, будто Россія была сравнительно съ другими самымъ образованнымъ государствомъ, тогда какъ ему должно было бы знать, на какомъ уровнѣ въ дѣйствительности стояло тогдашнее русское просвѣщеніе.

Изобразивъ послѣ этого раздробленіе Россіи въ удѣльную эпоху, бѣдствія татарскаго ига и объединеніе Руси около Москвы, Карамзинъ слѣдующими словами характеризуетъ установленіе самодержавія: «Глубокомысленная политика князей московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ одно цѣлое; надлежало еще связать ихъ твердо и единовластіе усилить самодержавіемъ. Славяне россійскіе, признавъ князей варяжскихъ своими государями, хотя отказались отъ правленія общенароднаго, но удерживали многія его обыкновенія. Во всѣхъ древнихъ городахъ нашихъ бывало такъ называемое *вѣче* или совѣтъ народный, при случаяхъ важныхъ; во всѣхъ городахъ избирались тысяцкіе или полководцы не княземъ, а народомъ. Сіи республиканскія учрежденія не мѣшали Олегу, Владиміру, Ярославу самодержавно повелѣвать Россіею. Слава дѣлъ, великодушіе и многочисленность дружинъ воинскихъ, имъ преданныхъ, обуздывали народную буйность; когда же государство раздѣлилось на многія области независимыя, тогда граждане, не уважая князей слабыхъ, захотѣли пользоваться своимъ древнимъ правомъ *вѣча* и верховнаго законодательства, иногда судили князей и торжественно изгоняли въ Новѣгородѣ и другихъ мѣстахъ. Сей духъ вольности господствовалъ въ Россіи до нашествія Батыева и въ самыхъ ея бѣдствіяхъ не могъ вдругъ исчезнуть, но ослабѣлъ примѣтно. Такимъ образомъ, исторія

наша представляетъ новое доказательство двухъ истинъ: 1) для твердаго самодержавія необходимо государственное могущество; 2) рабство политическое несовмѣстно съ гражданскою вольностію. Князья пресмыкались въ Ордѣ, но возвращаясь оттуда съ милостивымъ ярлыкомъ ханскимъ, повелѣвали смѣлѣе, нежели въ дни нашей государственной независимости. Народъ, смиренный игомъ варваровъ, думалъ только о спасеніи жизни и собственности, мало заботясь о своихъ правахъ гражданскихъ. Симъ расположеніемъ умовъ, сими обстоятельствами воспользовались князья московскіе и мало-по-малу, истребивъ всѣ остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавіе. Умолкъ вѣчевой колоколъ во всѣхъ городахъ Россіи. Дмитрій Донской отнялъ власть у народа избирать тысяцкихъ и, вопреки своему рѣдкому человѣколюбію, первый уставилъ торжественную смертную казнь для государственныхъ преступниковъ, чтобы вселить ужасъ въ дерзкихъ мятежникахъ».

Послѣ того Карамзинъ переходитъ къ изображенію внутренбыта новаго Московскаго государства и опять увлекается риторическимъ восхваленіемъ. «Хотя,—говоритъ онъ,—двувѣковое иго ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскихъ искусствъ и разума въ нашемъ отечествѣ, однакожъ Москва и Новгородъ воспользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ. Бумага, порохъ, книгопечатаніе сдѣлались у насъ извѣстными весьма скоро (?) по ихъ изобрѣтеніи. Библіотеки царская и митрополитовская, наполненныя рукописями греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ европейцевъ. Въ Италіи возродилось зодчество; Москва въ XV вѣкѣ имѣла уже знаменитыхъ архитекторовъ, призванныхъ изъ Рима, великолѣпныя церкви и грановитую палату; иконописцы, рѣзчики, золотари обогащались въ нашей столицѣ... Внутри самодержавіе укрѣпилось: никто, кромѣ государя, не могъ судить, ни жаловать,—всякая власть была изліяніемъ монаршей. Жизнь, имѣніе зависѣли отъ произвола царей, и знаменитѣйшее титло уже было не княжеское, не боярское, но титло *слуги царева*. Народъ, избавленный князьями московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государству; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ; одни бояре, столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ, роптали на строгость самодержавія, но бѣгство или казнь ихъ свидѣтельствовали твердость онаго».

Представивъ затѣмъ бѣдствія смутнаго времени и эпоху первыхъ царей изъ дома Романовыхъ, Карамзинъ даетъ слѣдующее заключеніе своему обзору древней русской исторіи: «Вообще царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексѣя, Ѳеодора, способствовало сближенію россіянъ съ Европою какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ; но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія: мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя со старымъ». Послѣдняя фраза о постепенномъ заимствованіи подготовляетъ насъ къ отрицательному взгляду на поспѣшное заимствованіе съ «порывами и насиліемъ», и съ этимъ Карамзинъ приступаетъ къ эпохѣ Петра Великаго.

Указавъ на заслуги Преобразователя, «славя славное въ семъ монархѣ», Карамзинъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на «вредной сторонѣ его блестящаго царствованія», и здѣсь онъ выставляетъ противъ Петра такой длинный рядъ всяческихъ обвиненій, что совершенно стушевываетъ впечатлѣніе своихъ прежнихъ панегириковъ. Карамзинъ забылъ, что онъ самъ когда-то опровергалъ мнѣнія Левека очень убѣдительными доводами; отказался отъ своего положенія: «все народное ничто передъ человѣческимъ»; пересталъ считать вполнѣ нормальнымъ измѣненіе внѣшнихъ формъ общежитія, произведенное Петромъ Великимъ, и выражаетъ теперь прямо противоположныя идеи.

«Умолчимъ,—говоритъ онъ,—о порокахъ личныхъ, но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ (т. е. въ Петрѣ Великомъ) границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть ничто иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными,

глупыми, хваля и вводя иностранные, Государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія. Художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣны. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ заимствовать отъ другого полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе, беззаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами сказалъ имъ: «Блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго», но не сказалъ: «противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни». Въ семъ отношеніи государь по справедливости можетъ дѣйствовать только примѣромъ, а не указомъ.

«Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе дворянствомъ. Дотолѣ, отъ сохи до престола, россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ. Со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ, и русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ, увидѣлъ нѣмцевъ въ русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго единодушія государственныхъ состояній.

Въ теченіе вѣковъ народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они съ своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностью, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя въ храмъ Божій, или на совѣтъ къ государю. Петръ уничтожилъ достоинство бояръ—ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вмѣсто древней славной Думы явился Сенатъ, вмѣсто приказовъ—коллегіи, вмѣсто дьяковъ—секретари и проч. Та же безсмысленная для россіянъ перемѣна въ воинскомъ чиноначаліи: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали изъ нашей рати воеводъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, и проч. Честію и достоинствомъ россіянъ сдѣлалось подражаніе.

«Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ: ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ; россіянки перестали краснѣть отъ нескромнаго взора мужчинъ, и европейская вольность заступила мѣсто азіатскаго принужденія. Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людскости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя: имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія.

«Не говорю и не думаю, чтобы древніе россіяне, подъ великокняжескимъ или царскимъ правленіемъ, были вообще лучше насъ; не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ, мы превосходнѣе, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились и что дѣйствительно порочно,—однакожъ должно согласиться, что мы, съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія. Имя русскаго имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а *святая Русь*—первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ, но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ онаго! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ *невѣрными,* теперь называемъ *братьями.* Спрашиваю: кому бы легче покорить Россію, *невѣрнымъ* или *братьямъ,* т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Ѳеодорѣ, вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ на вѣки оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи,—виною Петръ!»

Указаніемъ на подчиненіе церкви государству и на неудачный выборъ мѣста для столицы заканчивается этотъ обвинительный актъ противъ Петра Великаго. Однако всѣ эти обвиненія противъ Петра не представляли во время Карамзина чего-либо новаго,

ихъ высказывали уже націоналисты XVIII вѣка, и Карамзинъ раньше противъ нихъ возражалъ, теперь же онъ ихъ цѣликомъ повторяетъ, не прибавляя никакихъ новыхъ доказательствъ. По внѣшности тѣ же самыя возраженія противъ Петровской реформы были выставлены позднѣе славянофильскою школою, но основаніе ихъ было совсѣмъ не то, что у Карамзина, такъ какъ исходныя положенія, изъ которыхъ развивалось славянофильство, тѣ требованія, которыя имъ предъявлялись къ современной русской дѣйствительности, были совсѣмъ иного свойства, чѣмъ у Карамзина. Если славянофильство, по выраженію одного изслѣдователя, было «археологическимъ либерализмомъ», то у Карамзина та же «археологія» привела къ политическому консерватизму: тѣ задатки свободнаго общественнаго мнѣнія, которые представлялись столь цѣнными въ древней Руси для славянофиловъ, для Карамзина не имѣли никакой цѣны.

Развѣнчавъ Петра, предъ которымъ раньше преклонялся, Карамзинъ развѣнчиваетъ и Екатерину, за 10 лѣтъ передъ тѣмъ превознесенную въ «Похвальномъ словѣ». Повторивъ нѣкоторыя изъ прежнихъ похвалъ императрицѣ, онъ говоритъ: «согласимся, что блестящее царствованіе Екатерины представляетъ взору наблюдателя и нѣкоторыя пятна. Нравы болѣе развратились въ палатахъ и хижинахъ: тамъ отъ примѣровъ Двора... здѣсь отъ выгоднаго для казны умноженія питейныхъ домовъ. Примѣръ Анны и Елисаветы извиняетъ ли Екатерину? Богатства государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно лицо красивое? Слабость тайная есть только слабость, явная—порокъ, ибо соблазняетъ другихъ. Самое достоинство государя терпитъ, когда онъ нарушаетъ уставъ благонравія... Требуется ли доказательствъ, что искреннее почтеніе къ добродѣтелямъ монарха утверждаетъ власть его? Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходныя качества души, невольно вспоминаемъ ея слабости. Замѣтимъ еще, что правосудіе не цвѣло въ сіе время: вельможа, чувствуя несправедливость свою въ тяжбѣ съ дворяниномъ, переносилъ дѣло въ кабинетъ. Тамъ засыпало оно и не пробуждалось. Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, нежели основательности; избиралось не лучшее по состоянію вещей, но красивѣйшее по формамъ. Таково было новое учрежденіе губерній, изящное на бумагѣ, но худо примѣненное къ обстоятельствамъ Россіи. Солонъ говорилъ: «мои законы не совершенные, но лучшіе для аѳинянъ».

Екатерина хотѣла умозрительнаго совершенства въ законахъ, не думая о легчайшемъ, полезнѣйшемъ дѣйствіи оныхъ; дала намъ суды, не образовавъ судей; дала правила безъ средствъ исполненія. Многія вредныя слѣдствія Петровой системы также яснѣе открылись при сей государынѣ: чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ: дворъ забылъ языкъ русскій; отъ излишнихъ успѣховъ европейской роскоши дворянство одолжало; дѣла безчестныя, внушаемыя корыстолюбіемъ для удовлетворенія прихотямъ, стали обыкновеннѣе; сыновья бояръ нашихъ разсыпались по чужимъ землямъ тратить деньги и время для пріобрѣтенія французской или англійской наружности. У насъ были академіи, высшія училища, народныя школы, умные министры, пріятные свѣтскіе люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флотъ и великая монархиня,—не было хорошаго воспитанія, твердыхъ правилъ и нравственности въ гражданской жизни. Любимецъ вельможи, рожденный бѣднымъ, не стыдился жить пышно,—вельможа не стыдился быть развратнымъ. Торговали правдою и чинами. Екатерина, великій мужъ въ главныхъ событіяхъ государственныхъ, являлась женщиною въ подробностяхъ монаршей дѣятельности, дремала на розахъ, была обманываема или себя обманывала; не видала или не хотѣла видѣть многихъ злоупотребленій, считая ихъ, можетъ быть, неизбѣжными и довольствуясь общимъ успѣшнымъ, славнымъ теченіемъ ея царствованія».

Изложеніе предшествующей исторіи, являясь вступленіемъ къ времени Александра, должно было показать, какихъ основъ слѣдуетъ держаться Россіи въ своей политикѣ, а послѣдующимъ изложеніемъ Карамзинъ предполагалъ открыть, на сколько политика Александра соотвѣтствовала указаннымъ основамъ. Въ началѣ царствованія однимъ изъ господствующихъ воззрѣній было мнѣніе о необходимости ограничить самодержавіе, и потому Карамзинъ говоритъ о тѣхъ пагубныхъ послѣдствіяхъ, которыя могли бы оказаться, если бы такое мнѣніе восторжествовало. «Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ онъ,—можно ли и какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабляя спасительной царской власти? Умы легкіе не затрудняются отвѣтомъ и говорятъ: «можно; надобно только поставить законъ еще выше государя». Но кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ, или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники царя; во второмъ, захотятъ спорить съ нимъ о власти. Вижу

аристократію, а не монархію. Далѣе, что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрогается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга; а право безъ власти есть ничто. Самодержавіе основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія?»

Выяснивъ невозможность ограниченія самодержавной власти, Карамзинъ переходитъ къ современному положенію Россіи, когда протекло уже 10 лѣтъ со вступленія Александра на престолъ. Оказывается, что несмотря на личныя прекрасныя свойства монарха, повсюду въ Россіи царитъ недовольство. Происходитъ оно вслѣдствіе неудовлетворительности какъ внѣшней, такъ и внутренней политики. Разсмотрѣвъ затѣмъ рядъ ошибокъ въ отношеніяхъ къ Наполеону, Карамзинъ подвергаетъ строгой критикѣ дѣйствія совѣтниковъ Александра по дѣламъ внутренняго управленія. «Вмѣсто того, чтобы немедленно обращаться къ порядку вещей Екатеринина царствованія (которое, какъ мы видѣли, подвергалось Карамзинымъ суровому осужденію), утвержденному опытомъ 34 лѣтъ и, такъ сказать, оправданному безпорядками Павлова времени; вмѣсто того, чтобы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ, *исправлять* по основательному разсмотрѣнію,—совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ монаршаго дѣйствія, оставивъ безъ вниманія правила мудрыхъ, что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгать только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ; ибо мы болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ, и все дѣлаемъ отъ привычки». Здѣсь мы встрѣчаемся съ знакомою намъ мыслью, что «всякія перемѣны опасны» въ новой формѣ «всякая новость есть зло»

Главными новостями первыхъ лѣтъ царствованія Александра были учрежденіе министерствъ и Государственнаго Совѣта и мѣры къ распространенію просвѣщенія. Говоря о министерствахъ и Со-

вѣтѣ, Карамзинъ указываетъ многіе недостатки въ ихъ учрежденіи и находитъ, что старый порядокъ управленія черезъ Сенатъ и коллегіи былъ гораздо лучше новаго. Но спеціальныя замѣчанія Карамзина по этому предмету для насъ менѣе интересны, чѣмъ его мнѣнія о состояніи народнаго просвѣщенія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ отзывомъ, который сильно расходится съ его недавними восторгами. «Всѣ намѣренія Александровы,—говоритъ Карамзинъ,—клонятся къ общему благу. Гнушаясь безсмысленнымъ правиломъ держать умы въ невѣжествѣ, чтобы властвовать тѣмъ спокойнѣе, онъ употребилъ милліоны для основанія университетовъ, гимназій, школъ: къ сожалѣнію видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества. Выписали профессоровъ, не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иностранныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ латинскій, и число ихъ такъ не велико, что профессоры теряютъ охоту ходить въ классы. Вся бѣда отъ того, что мы образовали свои университеты по нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства. Въ Лейпцигѣ, Геттингенѣ, надобно профессору только стать на каѳедру, залъ наполняется слушателями. У насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ. Дворяне служатъ, а купцы желаютъ знать существенно ариѳметику или языки иностранные для выгоды своей торговли. Въ Германіи столько молодыхъ людей учится въ университетахъ для того, чтобы сдѣлаться адвокатами, судьями, пасторами, профессорами! Наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ; наши священники образуются кое-какъ въ семинаріяхъ и далѣе не идутъ; а выгоды ученаго состоянія въ Россіи такъ еще новы, что отцы не вдругъ еще рѣшатся готовить дѣтей своихъ для онаго. Вмѣсто 60 профессоровъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи въ Москву и въ другіе города, я вызвалъ бы не болѣе 20 и не пожалѣлъ бы денегъ для умноженія числа казенныхъ питомцевъ въ гимназіяхъ; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призрѣнная бѣдность, черезъ 10 или 15 лѣтъ, произвела бы въ Россіи ученое состояніе. Смѣю сказать, что нѣтъ иного дѣйствительнѣйшаго средства для успѣха въ семъ намѣреніи. Строить, покупать домы для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ, есть—пускать въ глаза пыль. Чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и въ Казани? А въ Москвѣ съ величайшимъ трудомъ можно найти учи-

теля для языка русскаго, а въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе, а мы не имѣемъ хорошей грамматики, а въ именныхъ указахъ употребляются слова не въ ихъ смыслѣ... Вообще министерство такъ называемаго просвѣщенія въ Россіи донынѣ дремало, не чувствуя своей важности и какъ бы не вѣдая, что ему дѣлать, а пробуждалось единственно для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ государя».

Въ числѣ мѣръ къ распространенію просвѣщенія среди дворянъ одною изъ важнѣйшихъ считался указъ объ экзаменахъ, но Карамзинъ подвергаетъ эту мѣру суровому осужденію. «Отнынѣ,—говоритъ онъ,—никто не долженъ быть производимъ ни въ статскіе совѣтники, ни въ ассесоры безъ свидѣтельства своей учености. Доселѣ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ требовалось отъ чиновниковъ только необходимаго для ихъ службы знанія: науки инженерной отъ инженера, законовѣдѣнія — отъ судьи, и проч. У насъ предсѣдатель палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита, секретарь сенатскій—свойства оксигена и всѣхъ газовъ, вице-губернаторъ—Пиѳагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ—Римское право, или умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками. Ни 40-лѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги не освобождаютъ отъ долга знать вещи совсѣмъ для насъ чуждыя и безполезныя. Никогда любовь къ наукамъ не производила дѣйствія, столь несогласнаго съ ихъ цѣлію. Забавно, что сочинитель сего указа, предписывающаго знать всѣмъ риторику, самъ дѣлаетъ въ немъ ошибки грамматическія. Не будемъ говорить о смѣшномъ, замѣтимъ только вредное. Донынѣ дворяне и не дворяне въ гражданской службѣ искали у насъ чиновъ или денегъ. Первое побужденіе невинно, второе опасно, ибо умѣренность жалованья производитъ въ корыстолюбивыхъ охоту мздоимства. Теперь не зная ни физики, ни статистики, ни другихъ высшихъ наукъ, для чего будутъ служить титулярные и коллежскіе совѣтники? Лучшіе, т. е. честолюбивые, возьмутъ отставку; худшіе, т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу съ живого и мертваго. Уже видимъ и примѣры... Вмѣсто всеобщихъ знаній должно отъ каждаго человѣка требовать единственно нужныхъ для той службы, коей онъ желаетъ себя посвятить».

Но какъ ни язвительны, какъ ни рѣзки (и притомъ несправедливы, какъ напримѣръ, абсурды, выводимые изъ указа объ

экзаменахъ) эти замѣчанія Карамзина, гораздо для него существеннѣе были тѣ возраженія, которыя онъ сдѣлалъ противъ плановъ правительства объ особожденіи крестьянъ. Въ былыя времена Карамзинъ проливалъ слезы о судьбѣ бѣдной Лизы, говорилъ о добродѣтеляхъ и чувствительности поселянъ, мечталъ о равенствѣ людей, но никогда онъ не помышлялъ объ ограниченіи помѣщичьихъ правъ, и еще въ 1802 г. въ «Письмѣ сельскаго жителя», изображая счастливую Аркадію въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, при которомъ благоденствовали добрые земледѣльцы, онъ утверждалъ, что «главное право русскаго дворянина быть помѣщикомъ». Теперь этому праву грозила опасность, и Карамзинъ вооружился всею своею патетическою діалектикою. «Нынѣшнее правительство, пишетъ онъ, какъ увѣряютъ, имѣетъ намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу. Должно знать происхожденіе сего рабства. Въ девятомъ, десятомъ, первомъ надесять вѣкахъ были у насъ рабами одни холопи, т. е. или военноплѣнные и купленные чужеземцы, или преступники, закономъ лишенные гражданства, или потомки ихъ; но богатые люди, имѣя множество холопей, населяли ими свои земли. Вотъ первыя въ нынѣшнемъ смыслѣ крѣпостныя деревни. Сверхъ того, владѣлецъ принималъ къ себѣ вольныхъ хлѣбопашцевъ въ кабалу на условіяхъ, болѣе или менѣе стѣснившихъ ихъ естественную и гражданскую свободу; нѣкоторые, получая отъ него землю, обязывались и за себя, и за дѣтей своихъ ему вѣчно,—вторая причина сельскаго рабства. Другіе же крестьяне, и большая часть нанимали землю у владѣльцевъ только за деньги, или за опредѣленное количество хлѣба, имѣя право, по истеченіи урочнаго времени, идти въ другое мѣсто. Сіи свободные переходы имѣли свое неудобство: вельможи и богатые люди сманивали къ себѣ вольныхъ крестьянъ отъ владѣльцевъ малосильныхъ, которые, оставаясь съ пустою землею, лишались способа платить государственныя повинности. Царь Борисъ отнялъ первый у всѣхъ крестьянъ волю переходить съ мѣста на мѣсто, т. е. укрѣпилъ ихъ за господами: вотъ начало общаго рабства. Сей уставъ измѣнялся, ограничивался, имѣлъ исключенія и долгое время служилъ поводомъ къ тяжбамъ, наконецъ, утвердился во всей силѣ, и древнее различіе между крестьянами и холопами совершенно исчезло. Слѣдуетъ: 1) что нынѣшніе господскіе крестьяне не были никогда владѣльцами, т. е. не имѣли собственной земли, которая есть законная, неотъемлемая собственность дворянъ; 2) что крестьяне холопскаго происхожденія также закон-

ная собственность дворянская и не могутъ быть освобождены лично безъ особеннаго нѣкотораго удовлетворенія помѣщика; 3) что одни вольные, Годуновымъ укрѣпленные за господами, земледѣльцы могутъ по справедливости требовать прежней свободы; но 4) какъ мы не знаемъ нынѣ, которые изъ нихъ происходятъ отъ холопей и которые отъ вольныхъ людей, то законодателю предстоитъ не малая трудность въ распутываніи сего Гордіева узла, если онъ не имѣетъ смѣлости разсѣчь его, объявивъ, что всѣ люди равно свободны: потомки военноплѣнныхъ, купленныхъ законныхъ невольниковъ и потомки крѣпостныхъ земледѣльцевъ; что первые освобождаются правомъ естественнымъ, такъ же, какъ вторые правомъ монарха самодержавнаго—отмѣнять уставы своихъ предмѣстниковъ. Не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ гражданскому, и что благоразумный самодержецъ отмѣняетъ тѣ уставы, которые дѣлаются вредными, или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими.

Этими доводами Карамзинъ доказываетъ юридическую невозможность освобожденія крестьянъ; но онъ страшится, что несмотря на подобныя юридическія основанія, несправедливое, по его мнѣнію, дѣло освобожденія все же можетъ совершиться, а потому ему необходимо доказать, что этотъ планъ реформы не только несправедливъ, но и абсолютно вреденъ, причемъ болѣе всего могутъ потерпѣть сами крестьяне, о благѣ которыхъ заботится правительство, замышляющее освободительную реформу. Вотъ эта аргументація:

«Что значитъ освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить, гдѣ угодно, отнять у господъ власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства. Хорошо; но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая (въ чемъ не можетъ быть и спора) есть собственность дворянская. Они или останутся у помѣщиковъ съ условіемъ платить оброкъ, обрабатывать господскія поля, доставлять хлѣбъ, куда надобно,—однимъ словомъ, для нихъ работать, какъ и прежде, или, недовольные условіями, пойдутъ къ другому умѣреннѣйшему въ требованіяхъ владѣльцу. Въ первомъ случаѣ, надѣясь на естественную любовь человѣка къ родинѣ, господа не предпишутъ ли имъ самыхъ тягостныхъ условій? Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность,—тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ. Напишутъ контрактъ, и земледѣльцы не исполнятъ

его: тяжбы, вѣчныя тяжбы! Во второмъ случаѣ, буде крестьянинъ нынѣ здѣсь, а завтра тамъ, казна не потерпитъ ли убытка въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей, не потерпитъ ли и земледѣліе? Не останутся ли многія поля не обработанными, многія житницы пустыми? Не вольные земледѣльцы, а дворяне наиболѣе снабжаютъ у насъ рынки хлѣбомъ. Иное зло: уже не завися отъ суда помѣщиковъ, рѣшительнаго, безнадежнаго, крестьяне начнутъ ссориться между собою и судиться въ городѣ— какое разореніе! Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать,—какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоустройства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ, какъ Атласъ, возьметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!! Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость государства; благотворить состояніямъ и лицамъ—есть уже вторая. Онъ желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для государства? И будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ? Нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне благоразумнаго помѣщика, который довольствуется умѣреннымъ оброкомъ или десятиною пашни на тягло, счастливѣе казенныхъ, имѣя въ немъ бдительнаго попечителя и заступника. Не лучше ли подъ рукою взять мѣры для обузданія господъ жестокихъ? Они извѣстны начальникамъ губерній. Ежели послѣдніе вѣрно исполнятъ свою должность, то первыхъ скоро не увидимъ; а ежели не будетъ въ Россіи умныхъ и честныхъ губернаторовъ, то не будетъ благоденствія и для поселянъ вольныхъ. Не знаю, хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу (ибо тогдашнія обстоятельства не совершенно извѣстны), но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу, къ которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ; а система нашихъ винныхъ откуповъ и страшные успѣхи пьянства

служатъ ли къ тому спасительнымъ приготовленіемъ? Въ заключеніе скажемъ доброму монарху. «Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ».

Разобравъ послѣ того нѣкоторыя финансовыя мѣропріятія правительства и проектъ новаго Уложенія, въ которомъ главнымъ недостаткомъ ему представляется подражаніе Наполеоновскому кодексу, Карамзинъ высказываетъ свои положительныя мнѣнія. Въ то время, какъ совѣтники Александра возлагаютъ слишкомъ большія надежды на новыя учрежденія, Карамзинъ думаетъ, что не въ учрежденіяхъ дѣло, что «не формы, а люди важны», и потому нужно заботиться о выборѣ пригодныхъ людей для замѣщенія существующихъ должностей. Нужно прежде всего охранять самодержавіе, а съ нимъ вмѣстѣ и весь status quo. «Дворянство, духовенство. Сенатъ и Синодъ, какъ хранилища законовъ, надъ всѣми государь, единственный законодатель, единственный источникъ властей—вотъ основаніе Россійской монархіи». Всякая перемѣна, всякія новости—зло.

Такимъ образомъ, историческое обоснованіе приводитъ Карамзина къ отреченію отъ многихъ идей (или вѣрнѣе, фразъ), которыми онъ въ былое время такъ увлекался. Не мудрено, что съ измѣненіемъ (или выясненіемъ) его взглядовъ измѣнились отношенія къ нему разныхъ круговъ общества: тогда какъ въ прежнее время его считали опаснымъ либераломъ, теперь передовая молодежь встрѣтила его главный трудъ «Исторію Государства Россійскаго» далеко не сочувственно, какъ это видно изъ эпиграммъ Пушкина и изъ критической статьи Никиты Муравьева, которая ходила въ то время по рукамъ. Молодое поколѣніе не могло согласиться съ тѣмъ общественнымъ квіетизмомъ, который проповѣдывалъ Карамзинъ въ предисловіи къ «Исторіи», и по поводу словъ исторіографа, что «исторія миритъ простого гражданина съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ, утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали ужаснѣйшія, и государство не разрушалось», по поводу этихъ словъ Никита Муравьевъ высказалъ весьма любопытныя замѣчанія, которыя мы считаемъ не лишнимъ привести въ заключеніе настоящаго очерка.

«Конечно, несовершенство есть неразлучный товарищъ всего

земного; но исторія должна ли только мирить насъ съ несовершенствомъ, должна ли погружать насъ въ нравственный сонъ квіетизма? Въ томъ ли состоитъ гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ; добродѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ противъ заблужденій и пороковъ. Не примиреніе наше съ несовершенствомъ, не удовлетвореніе суетнаго любопытства, но пища чувствительности, не забавы праздности, составляютъ предметъ исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ, побуждаетъ душевныя силы наши, и устремлетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ. Священными устами исторіи праотцы взываютъ къ намъ *Не посрамите земли Русскія!*»

«*Несовершенство видимаго порядка вещей* есть, безъ сомнѣнія, обыкновенное явленіе во всѣхъ вѣкахъ, но есть различіе между несовершенствами. Кто сравнитъ несовершенства вѣка Фабриціевъ или Антониновъ съ несовершенствами вѣка Нерона или гнуснаго Геліогабала, когда честь, жизнь и самые нравы гражданъ зависѣли отъ произвола развращеннаго отрока.—когда владыки міра, римляне уподобились безсмысленнымъ тварямъ».

«Преступленія Тиверія, Калигулы, Каракаллы, опустошавшаго одинъ городъ послѣ другого, принадлежатъ ли къ обыкновеннымъ явленіямъ вѣковъ? Наконецъ, несовершенства великодушнаго воинственнаго народа временъ Святослава и Владиміра сходствуютъ ли съ несовершенствами временъ порабощенной Россіи, когда цѣлый народъ могъ привыкнуть къ губительной мысли необходимости... Еще унизительнѣе для нравственности народной эпохи *возрожденія* нашего, рабская хитрость Іоанна Калиты, далѣе холодная жестокость Іоанна III, лицемѣріе Василія и ужасы Іоанна IV».

«Исторія можетъ ли также утѣшить насъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось? Кто поручится за будущее? Кто знаетъ, не постигнутъ ли внуковъ нашихъ бѣдствія еще ужаснѣе тѣхъ, которыя претерпѣвали наши дѣды? Государственныя бѣдствія могутъ имѣть послѣдствіемъ и разрушеніе самаго государства. Въ 98 году венеціане, читая въ лѣтописяхъ своихъ, какъ нѣкогда они противились Камбрейскому союзу, могли ли тѣмъ утѣшиться, теряя независимость и славу?»

Адмиралъ А. С. Шишковъ.

Однимъ изъ главныхъ противниковъ Карамзина, защищавшихъ старыя литературныя традиціи, былъ адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, выдающійся государственный дѣятель, о которомъ Пушкинъ сказалъ:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

Уже раннія впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, домашняго воспитанія являются тою основою, которая должна была опредѣлить будущее религіозно-патріотическое міросозерцаніе Шишкова. Онъ воспитывался при тѣхъ же условіяхъ, что и нѣкоторые изъ его сверстниковъ, видные представители русской литературы второй половины XVIII столѣтія, какъ, напримѣръ, Фонвизинъ, Державинъ и др.

Въ нихъ развивались религіозное чувство и мысль подъ вліяніемъ чтенія церковныхъ книгъ, Священнаго Писанія и Четьихъ Миней. Въ этомъ чтеніи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ любви Шишкова къ церковно-славянскому языку; кромѣ церковныхъ книгъ его литературный вкусъ вырабатывался подъ вліяніемъ напыщенной ложноклассической поэзіи, и онъ навсегда остался почитателемъ Ломоносова, Сумарокова и другихъ кориѳеевъ русской литературы 18-го в. Съ такой домашней подготовкой Шишковъ поступилъ въ Морской Кадетскій корпусъ, который укрѣпилъ въ немъ идеи, вынесенныя изъ домашняго воспитанія.

Съ 1771 года начинается морская служба Шишкова. Въ 1776 году онъ былъ назначенъ на фрегатъ «Сѣверный Орелъ», который долженъ былъ изъ Кронштадта провести кругомъ черезъ Дарданелы три другихъ корабля (подъ видомъ купеческихъ) въ Черное море. Путешествіе продолжалось три года, познакомило Шишкова съ тогдашнимъ положеніемъ Италіи, Греціи и Турціи. Изъ этого времени сохранились его записки, въ которыхъ онъ передаетъ свои путевыя впечатлѣнія. Характерно, что

одно изъ этихъ впечатлѣній было первымъ импульсомъ враждебнаго отношенія къ французамъ, которое впослѣдствіи окрасило всю литературную дѣятельность Шишкова. Корабль, на которомъ былъ Шишковъ, побывалъ въ одномъ греческомъ порту, и Шишковъ передаетъ о своихъ впечатлѣніяхъ такъ: «Мы видѣли нѣсколько новѣйшихъ греческихъ часовенъ съ написанными на стѣнахъ ихъ изображеніями святыхъ и не могли надивиться буйству и злочестію французовъ, которые, заходя иногда въ сей портъ, не оставили ни одной часовни безъ того, чтобы не обезобразить лицъ святыхъ и не начертать вездѣ насмѣшливыхъ и ругательныхъ надписей». По возвращеніи изъ заграничнаго плаванія, Шишковъ былъ произведенъ въ лейтенанты и назначенъ въ Морской Кадетскій корпусъ для преподаванія морской тактики.

Къ этому времени относится начало литературныхъ занятій Шишкова. Эти занятія отчасти связаны съ его педагогической дѣятельностью, но также вызваны и самостоятельнымъ интересомъ къ литературѣ. Такъ, онъ переводитъ французскую мелодраму «Благодѣянія пріобрѣтаютъ сердца» и нѣмецкую «Дѣтскую библіотеку» Кампе. Послѣдняя книжка, состоявшая изъ нравоучительныхъ разсказовъ для дѣтей въ стихахъ и прозѣ, имѣла большой успѣхъ; по ней долго обучали дѣтей грамотѣ. Къ начальному періоду литературной дѣятельности Шишкова относится и небольшая пьеса «Невольничество», написанная въ 1780 году для прославленія Екатерины, пожертвовавшей значительную сумму денегъ для выкупа алжирскихъ невольниковъ. Послѣ неудачной шведской войны, въ которой Шишковъ участвовалъ, онъ поселился въ Петергофѣ и предался научнымъ занятіямъ по морскому дѣлу. При вступленіи на престолъ Павла I, Шишковъ пользовался сначала расположеніемъ императора, но затѣмъ его постигла опала, и онъ былъ удаленъ отъ двора.

Въ 1801 году Шишковъ привѣтствовалъ вступленіе на престолъ императора Александра радостной одой, но скоро оказалось, что люди его воззрѣній уже устарѣли, не подходили къ требованіямъ Александра I. Уже первыя распоряженія новаго правительства вызвали осужденіе со стороны Шишкова. Онъ отказывается отъ активнаго участія въ государственной жизни и, ставъ въ ряды недовольныхъ, отдается литературнымъ занятіямъ, въ которыхъ его старовѣрство можетъ быть объясняемо отчасти личными причинами. Выбранный еще въ 1796 г. въ члены Россійской академіи, Шишковъ углубился теперь въ изученіе цер-

ковно-славянскаго языка, при чемъ руководствовался господствовавшимъ въ то время этимологическимъ направленіемъ. «Разысканія въ области филологіи, — говоритъ Сухомлиновъ, — доставляли Шишкову величайшее наслажденіе. Онъ свободно разгуливалъ въ созданномъ его воображеніемъ филологическомъ лѣсу, извлекалъ изъ него корни, и деревья словъ, ломалъ и пересаживалъ ихъ по своему произволу, въ наивной увѣренности, что трудъ его принесетъ обильные и въ высшей степени полезные плоды». До какой степени удачны были филологическія путешествія Шишкова и открытія, сдѣланныя имъ во время лѣсныхъ прогулокъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

«*Громъ*. Человѣкъ, наученный природою подъ звукомъ *гр*. разумѣть всякій гласъ или шумъ, и оттолѣ самый сильнѣйшій изъ сихъ шумовъ, слышимый имъ всегда надъ главою своею, назвавъ *громъ*, сталъ далѣе соображать и разсуждать. Съ понятіемъ о громѣ естественно соединилось понятіе о высотѣ, поелику громъ всегда вверху слышится. Отсюда, увидя нѣчто отличной высоты, онъ тотчасъ (не по стуку, но по высокости) снесъ сію вещь съ словомъ громъ, и назвалъ оную *гора*. Сіе новое въ умѣ его понятіе о горѣ (родившееся отъ слова громъ) подало ему поводъ подобнымъ же образомъ, т. е. чрезъ сличеніе и уподобленіе вещей, производить отъ того же начала (корня) и другія колѣна и отъ колѣнъ вѣтви, какъ то мы выше сего видѣли и теперь изъ нижеслѣдующихъ объясненій увидимъ.—

«*Гордость*. Безъ всякаго сомнѣнія отъ уподобленія съ горою потому что сословы гордости суть: *спесь*, *напыщеніе*, *высоковыйность*, *высокомѣріе;* первое отъ *сопѣть*, второе отъ *пыхтѣть*, третье отъ *высоко носить шею или голову*, четвертое отъ *превозноситься*, *ставить себѣ высокую мѣру*. Изъ всѣхъ сихъ понятій явствуетъ, что признакомъ *гордости* почитается, когда человѣкъ надувается, поднимаетъ голову вверхъ, слѣдственно какъ бы хочетъ стать нѣкою горою, выше всѣхъ возносящеюся.

«*Грубый* (grob нѣм.). Есть также понятіе, почерпнутое отъ понятія о *горѣ* или *горбѣ*, по тому соображенію, что всякая гладкость не дѣлаетъ такой непріятности осязанію, какую причиняетъ негладкость, т. е. *горами*, *горками*, *горбами*, *горбылями* исполненное мѣсто, иначе шараховатость отъ слова *шаръ*, тоже какъ и *гора* или *горбъ*, дѣлающимъ негладкость, неровность. Отъ чувственнаго осязанія перешло сіе къ умственному понятію, и сократясь изъ *горубость въ грубость*, стало обозначать невѣж-

ливость, неучтивость, т. е. такую же во нравѣ черствость, какую осязаемъ, водя рукою или ходя ногами по неровному, негладкому и шероховатому мѣсту.

«*Грѣхъ* (грѣшу, грѣшить) показываетъ также слѣды происхожденія своего отъ гора. Мы уже видѣли, что подъ словомъ *горній* часто разумѣемъ мы Бога и небеса (горній царь, горнія силы). Слово же грѣхъ означаетъ именно вину передъ Творцомъ небеснымъ. О человѣкѣ мы говоримъ: я виноватъ передъ нимъ; но въ отношеніи къ Богу не употребляемъ слова *виноватъ*, а говоримъ: *согрѣшилъ* передъ Богомъ. Итакъ ясно, что *грѣхъ* (вѣроятно сокращеніе изъ *горѣхъ*) яко вина передъ *горнимъ* владыкою, долженствуетъ происхожденіе свое имѣть отъ сего же самаго понятія. Сверхъ того *грѣхъ*, будучи виною передъ горнимъ, есть для раскаивающагося въ немъ, купно и *горе*, и *горькость*, и *грусть*, и *горесть*. Всѣ сіи понятія изъ одного корня истекшія, кажутся быть изображающимися въ словѣ *грѣхъ*».

Такія же филологическія соображенія прилагаетъ Шишковъ къ словамъ *трудъ и тереть*.

(Трудиться, трудно и проч.). Слово сіе хотя имѣетъ тотъ же самый звукъ, однако не такую близость значенія съ глаголомъ *тру* (тереть), которая бы ясно и тотчасъ намъ представлялась. Для того распространимся нѣсколько въ объясненіи нашемъ. *Трудъ* безъ сомнѣнія есть распространенное значеніе глагола *тру*—имя изъ него извлеченное; ибо дѣйствіе, изъявляемое симъ глаголомъ, не можетъ быть производимо безъ нѣкоего усилія, *труда*. Глаголъ *тру* представляетъ намъ одно нѣкоторое дѣйствіе, имъ опредѣляемое слово *трудъ* представляетъ вкупѣ многія подобныя дѣйствія, разныя, отнюдь симъ словомъ не опредѣляемыя, но только вообще обозначаемыя; ибо человѣкъ трудится, когда *третъ;* трудится, когда катитъ (напримѣръ, камень); трудится, когда копаетъ (напримѣръ, землю и т. д.). Но во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ глаголъ *тру* соучаствуетъ, поелику ни одно изъ нихъ безъ нѣкоего *тренія* не совершается. Умъ, составлявшій языкъ, долженъ былъ примѣтить оное. Человѣкъ далъ различныя названія симъ дѣйствіямъ (тереть, катить, копать и проч.); но поелику при каждомъ изъ нихъ совершается нѣкоторое усиліе, напряженіе мышцей, то, дабы дать всѣмъ симъ усиліямъ одно общее имя, не могъ онъ взять произвольно какой нибудь случайно пришедшій ему въ голову звукъ. Таковое составленіе языка неудобно и несвойственно одаренному разсужденіемъ существу.

Итакъ онъ, размышляя о сихъ дѣйствіяхъ и находя одно изъ нихъ (тереть) болѣе всѣхъ участвующимъ въ другихъ, взялъ оное за корень и произвелъ изъ него потребное ему слово *трудъ*.

При семъ надлежитъ еще примѣтить, что дѣйствіе, означаемое словомъ *треніе*, есть самое сильнѣйшее и величайшее въ природѣ: оно сопряжено съ движеніемъ всѣхъ тѣлъ, яко противоборствующая сему ихъ стремленію сила, безпрестанно остановить оное трудящаяся. Слѣдовательно, никакое отъ иного корня произведенное слово не удобно съ такимъ приличіемъ и правдою выразить слово *трудъ*, какъ имя, взятое отъ глагола *тру*. Въ славянскомъ языкѣ сіе приличіе производства словъ, основанное на истинномъ познаніи вещей и глубокомъ разсужденіи, весьма часто примѣчается».

Эти филологическія занятія доставляли Шишкову утѣшеніе въ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ. Однако, одной филологіей онъ не могъ ограничиться. Хотя онъ и удалился отъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе отъ него не ускользали факты дѣйствительной жизни. Здѣсь Шишковъ видитъ, что все идетъ въ разрѣзъ съ его археологическими вкусами, и онъ рѣшается выступить въ качествѣ публициста, конечно, съ націоналистическими тенденціями. Его возмущаютъ новыя идеи, выразившіяся какъ въ проектахъ государственныхъ преобразованій, такъ и въ литературѣ. Онъ возстаетъ противъ нововведеній и высказываетъ недовольство молодыми администраторами, получившими нерусское образованіе. Шишковъ рѣшительно ополчается противъ Карамзина, который не совсѣмъ благосклонно относился къ слогу прежнихъ писателей и признавалъ только за новѣйшимъ слогомъ нѣкоторую пріятность. Какъ членъ Россійской академіи, Шишковъ считаетъ своимъ долгомъ оберегать чистоту русскаго языка, а такъ какъ стилистическія правила Ломоносовской школы, на которыхъ воспитался Шишковъ, отвергнуты Карамзинской школой и начались заимствованія у французовъ, возбудившихъ еще 20 лѣтъ назадъ его негодованіе, то Шишкову представляется, что русскому литературному языку грозитъ опасность полнаго искаженія.

Чтобы противостать этой пагубѣ, Шишковъ въ 1803 г. издаетъ свое сочиненіе «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ». Въ этомъ произведеніи онъ высказываетъ общее положеніе, что русскій языкъ не можетъ развиваться при томъ французкомъ

направленіи, которое дается нашимъ дѣятелямъ. «Какое знаніе можемъ мы имѣть, говоритъ Шишковъ, — въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо на языкѣ своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ достоинствомъ хвастаютъ и величаются. Будучи такимъ образомъ воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тѣмъ всенароднымъ языкомъ, который въ общихъ разговорахъ употребителенъ; но какимъ образомъ могутъ они почерпнуть искусство и свѣдѣнія въ книжномъ или ученомъ языкѣ, толь далеко отстоящемъ отъ сего простого мыслей своихъ сообщенія. Для познанія богатства, обилія, силы и красоты языка своего, нужно читать изданныя на ономъ книги, а наипаче превосходными писателями сочиненныя. Отмѣчая этотъ недостатокъ «знатныхъ бояръ и дворянъ» и забывая, что изъ нихъ никто почти литературой не занимался, Шишковъ тѣмъ не менѣе видитъ здѣсь причину пренебреженія къ ц.-славянскому языку, вслѣдствіе чего «въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ господствуетъ странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ». Пренебрежительно относясь къ ц.-славянскому языку, который, по мнѣнію Шишкова, тождественъ съ русскимъ, новые писатели цѣликомъ переносятъ французскія слова, составляютъ новыя слова и реченія по образцу французскихъ, придаютъ словамъ, прежде существовавшимъ новое, несвойственное, имъ значеніе. «Между тѣмъ, какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей, нимало намъ несвойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя россійскія слова иныя пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія, не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей странны и дики; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе и употребляются и забываются издревле принятыя и многими вѣками утвержденныя понятія: такимъ то образомъ процвѣтаетъ словесность наша и образуются пріятность слога, называемая élégance!» Для того, чтобы показать образцы хорошаго слога, Шишковъ

въ свое «Разсужденіе» внесъ изъ Четьихъ Миней житіе трехъ дѣвъ: Минодоры, Митродоры и Нимфодоры, прибавилъ къ нему объяснительный словарь славянскихъ словъ, сравненіе Ломоносовской оды «Іовъ» съ книгой Іова.

Когда это произведеніе Шишкова вышло въ свѣтъ, оно вызвало общее изумленіе по тѣмъ филологическимъ соображеніямъ, какія въ нихъ были. Шишковъ негодовалъ на новыя слова, совѣтовалъ ихъ замѣнить русскими и славянскими словами. (Напр. *аллея* — словомъ *омена*, которое упоминается въ исторіи Артаксеркса). Для несуществующихъ въ ц.-славянскомъ языкѣ нужно образовать новыя, но не по образцу Карамзинской школы. Нужно, чтобы эти новыя слова не были простыми переводами, какъ, напримѣръ, французское слово *touchant* въ русскомъ языкѣ было передано словомъ *трогательный*. Послѣ такихъ филологическихъ изобрѣтеній къ Шишкову стали относиться иронически. Но онъ не унывалъ и напечаталъ прибавленіе къ своему «Разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ». Здѣсь онъ продолжаетъ отстаивать тождественность русскаго и ц.-славянскаго языка, несмотря на сдѣланныя ему уже возраженія. «Отколѣ,—говоритъ онъ, — родилась неосновательная мысль сія, что славянскій и русскій языкъ различны между собой. Ежели мы слово «языкъ» возьмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то, конечно, можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчается перемѣна въ нарѣчіяхъ... Что такое русскій языкъ отдѣльно отъ славянскаго? Мечта, загадка? Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одного слова?» Славянскій языкъ Шишковъ считаетъ языкомъ церковныхъ книгъ, а русскій — языкомъ книгъ свѣтскихъ. Ихъ раздѣлять нельзя. Свое сочиненіе Шишковъ черезъ министра поднесъ Александру «и былъ осчастливленъ благоволеніемъ», также похвалили его усердіе многія духовныя и свѣтскія особы. Ободренный высокимъ покровительствомъ, Шишковъ энергично продолжаетъ свою работу. По его мысли Россійская академія съ 1805 года издаетъ «Сочиненія и переводы», въ которыхъ пропагандируетъ его идеи. Въ своихъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеніяхъ, печатавшихся Академіей, онъ старается отстоять старый языкъ. Въ числѣ другихъ переводовъ былъ изданъ и его «переводъ «Слова о полку Игоревѣ» на современный языкъ». Но всего этого для Шишкова мало, мало того, что его

поддерживаетъ Россійская академія, — онъ рѣшилъ образовать общество для борьбы съ новой пагубой. Вмѣстѣ съ Державинымъ, Хвостовымъ и сенаторомъ Захаровымъ Шишковъ устраиваетъ кружокъ. Въ 1807 году начались частныя засѣданія этого кружка, а съ 1810 г. собранія стали публичными подъ именемъ «Бесѣды любителей русскаго слова». Цѣлью «Бесѣды» было укрѣпленіе патріотическихъ чувствъ въ русскомъ обществѣ при помощи русскаго языка и словесности. Чтобы вліять на публику, было предпринято изданіе «Чтеній въ «Бесѣдѣ» любителей русскаго слова», при чемъ матеріалъ для «Чтеній» доставлялся, главнымъ образомъ, Шишковымъ. Такъ, здѣсь были помѣщены его «Разсужденіе о красотѣ Св. Писанія», «Разговоры о словесности».

Любопытны, между прочимъ, мысли, высказанныя Шишковымъ въ «Разговорахъ». Онъ говоритъ здѣсь, что изученіе русскихъ народныхъ пѣсенъ очень важно для русскаго языка (Шишковъ забываетъ что дѣло идетъ не о томъ языкѣ, который онъ защищаетъ). «Народный языкъ,—пишетъ онъ,—очищенный нѣсколько отъ своей грубости, возобновленный и приноровленный къ нынѣшней нашей словесности, сблизилъ бы насъ съ тою пріятною невинностью, съ тѣми естественными чувствованіями, отъ которыхъ мы, удаляясь, дѣлаемся болѣе желанными говорунами, нежели истинно краснорѣчивыми писателями». Въ тѣхъ же «Чтеніяхъ» печатается патріотическая статья Шишкова «О любви къ отечеству».

Всѣ эти разсужденія совпадаютъ съ очень важными историческими моментами, давшими Шишкову возможность снова принять участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Приближалась война 1812-го года. Александру I нуженъ былъ подходящій человѣкъ для редактированія манифестовъ, и, хотя императоръ не былъ расположенъ къ Шишкову за его рѣзкія рѣчи и дѣйствія въ прежнее время, онъ все же обратился къ нему, такъ какъ находилъ, что Шишковъ можетъ быть ему полезенъ. «Я читалъ разсужденіе ваше о любви къ отечеству, сказалъ Александръ Шишкову, призывая его къ себѣ. — Имѣя таковыя чувства, вы можете быть ему полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами, нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; Я бы желалъ, чтобы вы написали манифестъ».

9-го апрѣля 1812 года Шишковъ былъ назначенъ на мѣсто государственнаго секретаря, замѣнивъ Сперанскаго. Для него

начинается кипучая дѣятельность. Онъ отправляется вмѣстѣ съ Александромъ сначала въ Вильну, а затѣмъ, находясь при арміи, пишетъ всѣ важнѣйшіе манифесты, рескрипты и воззванія. Въ нихъ можно найти много своеобразнаго краснорѣчія, которымъ Шишковъ старается возбудить патріотизмъ. И нѣкоторыя изъ его писаній производили впечатлѣніе. Они совпадали съ общимъ настроеніемъ. Его патріотическое увлеченіе выражалось въ гнѣвныхъ, обличительныхъ рѣчахъ противъ французовъ, которыхъ онъ уподоблялъ «сліянію тигра съ обезьяной». Шишковъ призывалъ къ духовной борьбѣ съ ними. Нужно отречься отъ всякаго подражанія имъ. Эти горячія рѣчи предвѣщали реакцію, которая вскорѣ должна была наступить. Онѣ нравились императору. Но одно изъ произведеній государственнаго секретаря «Извѣстіе изъ Москвы, занятой французами», вызвало неудовольствіе со стороны государя. Самъ Шишковъ такъ разсказываетъ объ этомъ: «Написавъ сіе, подумалъ я, что упреки сіи (русскому обществу) если не прямо, то косвенно на него падаютъ. Мысль сія остановила меня. Но когда же подумалъ опять — дать ему это почувствовать, какъ не при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Ободренный симъ размышленіемъ, рѣшился я идти къ нему; но прежде, нежели начать читать, сказалъ ему: государь, я не умѣю иначе говорить, какъ то, что чувствую. Позвольте мнѣ попросить васъ выслушать бумагу мою до конца, не прерывая чтенія оной. Послѣ того дѣлайте съ ней, что вамъ будетъ угодно. Онъ обѣщалъ это, и я началъ читать. По окончаніи чтенія, взглянувъ на него, примѣтилъ я въ лицѣ его нѣкоторую краску и смущеніе». На этотъ разъ Александръ подавилъ свое недовольство, но скоро началось охлажденіе къ Шишкову. Тѣмъ не менѣе это охлажденіе не мѣшало утверждаться направленію Шишкова, и его реакціонные взгляды вскорѣ становятся господствующими при дворѣ.

Послѣ войны 12-го года Шишковъ снова занялся своей филологіей. Онъ вступилъ даже въ переписку съ основателемъ славянской филологіи, аббатомъ Добровскимъ, и здѣсь мы снова находимъ тѣ же курьезныя, оригинальныя словообразованія, не имѣющія никакого значенія въ научномъ отношеніи, какъ и раньше. Вскорѣ онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и президентомъ Россійской академіи. Какъ представитель консервативно-патріотическихъ взглядовъ, онъ вноситъ въ государственный совѣтъ новый проектъ цензурнаго устава, осуждаетъ

проекты Сперанскаго, защищаетъ крѣпостное право и рѣзко критикуетъ дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ благодаря его попустительству, всѣ училища превратились въ школы разврата, «и кто оттуда ни выйдетъ, тотчасъ же покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумія». Какъ президентъ Академіи, онъ продолжаетъ филологическія занятія, ведя борьбу съ новыми писателями и поддерживая традиціи «Бесѣды любителей русскаго слова».

Въ 1824 году, въ эпоху полнаго расцвѣта реакціи, императоръ Александръ назначилъ Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій. На него была возложена задача произвести очистку этихъ вѣдомствъ отъ тлетворнаго духа, который завелся въ нихъ при князѣ А. Н. Голицынѣ. Хотя Голицынъ въ достаточной мѣрѣ былъ обскурантомъ, возстававшимъ противъ «лжеименнаго разума», однако его мистицизмъ казался чѣмъ-то ненадежнымъ, и призванъ былъ Шишковъ, по мнѣнію котораго, цѣль министерства народнаго просвѣщенія состояла въ томъ, чтобы оберегать юношество отъ заразы «лжемудрыми ученіями, пухлою гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ, вовлекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ въ юности старикъ, и черезъ то дѣлающимъ его въ старости юношею». «Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы». Таковы были взгляды новаго министра народнаго просвѣщенія. При первомъ же докладѣ Государю Шишковъ проситъ Высочайшаго позволенія составить планъ «какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось». Въ числѣ этихъ «способовъ» было усиленіе цензурнаго гнета. Былъ выработанъ новый суровый цензурный уставъ. Подверглись преслѣдованію Библейскія общества, за распространеніе карбонарскихъ книгъ, въ число которыхъ попалъ и катехизисъ Филарета, потому что въ немъ тексты Св. Писанія были приведены по русски. Но полное преобразованіе министерства народнаго просвѣщенія Шишковымъ не могло быть закончено. 25 апрѣля 1828 года Шишковъ былъ уволенъ отъ должности министра «по преклонности лѣтъ и по разстроенному здоровью». И хотя

онъ сохранилъ должность члена государственнаго совѣта и президента Академіи, однако его общественная дѣятельность съ этого момента можетъ считаться законченной. Онъ погрузился въ свои филологическія изысканія, не имѣвшія никакого научнаго значенія и потерявшія даже тотъ боевой общественный характеръ, какой они имѣли раньше. Умеръ Шишковъ въ 1841 году.

Шишковъ первый со своимъ кружкомъ получилъ названіе славянофиловъ. Ихъ называли такъ въ насмѣшку за занятія славянской филологіей. Но, конечно, Шишкова не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми славянофилами, которые явились позже. Онъ скорѣе является представителемъ того направленія, которое впослѣдствіи получило названіе офиціальной народности. Шишковъ, какъ нравственная личность, не заслуживаетъ упрековъ, которые отпускались по его адресу: онъ никогда не лукавилъ, не искалъ выгодъ. Но для насъ важны, конечно, его литературно-общественные взгляды, и въ этомъ отношеніи Шишковъ является старовѣромъ, такъ какъ онъ отстаивалъ старыя традиціи, какъ въ литературныхъ, такъ и въ общественныхъ вопросахъ.

Романтизмъ.

Въ началѣ XIX вѣка въ русской литературѣ понемногу обнаруживается нѣкоторое новое направленіе, близко родственное сентиментализму, но кое въ чемъ отъ него отличающееся. Получивъ названіе романтизма, это направленіе вызываетъ оживленные толки въ читающей публикѣ. Вскорѣ оно развѣтвляется, даетъ начало разнымъ новымъ теченіямъ въ русской умственной жизни, теченіямъ, сильно отличающимся отъ первоначальнаго движенія и по формѣ, и по содержанію, но сохраняющимъ за собою то же названіе. Такъ какъ направленіе это возникло на Западѣ, а оттуда въ измѣненномъ видѣ перешло къ намъ, то мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о романтизмѣ европейскомъ.

Романтизмъ можно понимать, съ одной стороны, какъ извѣстное поэтическое настроеніе, а съ другой—какъ историческое явленіе, характерно выразившееся въ европейской литературѣ первой половины XIX столѣтія. Сущность романтическаго настроенія выясняется Бѣлинскимъ въ его статьяхъ о Пушкинѣ. „Въ тѣснѣйшемъ и существеннѣйшемъ своемъ значеніи,—говоритъ Бѣлинскій,—романтизмъ есть ничто иное, какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца. Въ груди и сердцѣ человѣка заключается таинственный источникъ романтизма: чувство, любовь есть проявленіе или дѣйствіе романтизма, и потому почти всякій человѣкъ—романтикъ. Исключеніе остается только или за эгоистами, которые кромѣ себя никого любить не могутъ, или за людьми, въ которыхъ священное зерно симпатіи и антипатіи задавлено и заглушено или нравственною неразвитостью, или матеріальными нуждами бѣдной и грубой жизни. Вотъ самое первое, естественное понятіе о романтизмѣ“. При такомъ широкомъ опредѣленіи романтизма, Бѣлинскій вполнѣ естественно находитъ его во всѣхъ странахъ, во всѣ періоды развитія міровой литературы, такъ какъ „человѣкъ по натурѣ своей былъ, есть и будетъ одинъ и тотъ же“: романтизмъ есть и на Востокѣ, „миѳы котораго—самое вѣрное свидѣтельство романтической жизни народовъ и выражаютъ одно неутомимое вожделѣніе, одно чувство: сладострастіе, — одну идею: вѣчную производительность природы; въ греческомъ романтизмѣ „любовь

является уже въ высшемъ моментѣ своего развитія: тамъ она— чувственное стремленіе, просвѣтленное и одухотворенное идеею красоты; это изящное, проникнутое граціею наслажденіе"; въ этомъ античномъ романтизмѣ былъ сильный мистическій элементъ, выражавшійся въ „борьбѣ титаническихъ естественныхъ и сердечныхъ стремленій противъ олимпійскихъ боговъ"; въ средніе вѣка „романтизмъ составлялъ безпримѣрную самобытную силу, которая не будучи ничѣмъ ограничиваема, дошла до послѣднихъ крайностей противорѣчія и безсмыслицы, такъ какъ этимъ страннымъ міромъ среднихъ вѣковъ управлялъ не разумъ, а сердце и фантазія"; романтизмъ нашего времени есть сынъ романтизма среднихъ вѣковъ, но онъ же очень сродни и романтизму греческому, онъ есть органическая полнота и всецѣлость романтизма всѣхъ вѣковъ и всѣхъ фазисовъ развитія человѣческаго рода".

Такое же широкое опредѣленіе романтизма даетъ и Аполлонъ Григорьевъ. „Романтическое въ искусствѣ и жизни, — говоритъ онъ, — на первый разъ представляется отношеніемъ души къ жизни несвободнымъ, подчиненнымъ, несознательнымъ, а съ другой стороны, оно же—это подчиненное чему-то отношеніе—есть и то переходное, то вѣчно недовольное настоящимъ, что живетъ въ груди человѣка и рвется на просторъ изъ груди и чему не довольно цѣлаго міра,—тотъ огонь, о которомъ говоритъ Мцыри, что онъ отъ „юныхъ дней, таяся, жилъ въ груди моей. . и онъ прожегъ свою тюрьму"... Романтическое такого рода было и въ древнемъ мірѣ, и въ средне-вѣковомъ, и въ новомъ; оно является во всякую эпоху, только что вырвавшуюся изъ какого-либо сильнаго моральнаго переворота, въ переходные моменты сознанія". Подобныя опредѣленія романтическаго настроенія мы находимъ и у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ теоретиковъ романтизма, и у Шатобріана, и у г-жи Сталь, причемъ послѣдняя становится, однако, на болѣе историческую почву, видя романтизмъ только въ христіанскомъ мірѣ; христіанство внесло въ поэзію меланхолическое настроеніе, тоску о лучшемъ, небесномъ существованіи. котораго мы лишились и къ которому мы естественно стремимся возвратиться—настроеніе, совершенно неизвѣстное классической древности. Этотъ взглядъ г-жи Сталь (несмотря на примѣръ Платона, который въ этомъ смыслѣ можетъ быть названъ романтикомъ древности) былъ раздѣляемъ въ извѣстной мѣрѣ и Викторомъ Гюго и Шатобріаномъ, указывавшими, что роман-

тизмъ есть прежде всего созданіе новоевропейскихъ христіанскихъ и романскихъ народовъ.

Обращаясь къ романтизму, какъ историческому явленію, мы находимъ первые источники его въ той самой просвѣтительной философіи, противъ которой такъ возставали новые романтики, въ движеніи періода бури и натиска, въ универсализмѣ Гердера и въ критикѣ Лессинга. Лессингъ окончательно разрушилъ тѣ условныя правила, на которыхъ основывался классицизмъ XVIII вѣка, и заодно съ Дидро указалъ на роль чувства въ литературѣ. Свобода и искренность вдохновенія составляютъ главное требованіе новой литературной школы, выступившей въ Германіи въ эпоху Гете и Шиллера; духовное родство всѣхъ этихъ теченій съ этой группой писателей, которая приняла названіе романтической школы и претендовала на коренное различіе съ предшественниками, не можетъ, по крайней мѣрѣ въ указанныхъ основныхъ пунктахъ, подвергаться никакому сомнѣнію, какъ это было выяснено еще Гервинусомъ, а за нимъ Ю. Шмидтомъ, Геттнеромъ и Гаймомъ. Періодъ бури и натиска, по указанію Гайма, поставилъ нѣмецкой литературѣ задачи первостепенной важности: „нужно было собрать въ одно цѣлое всѣ уже находившіеся на лицо идеальные мотивы; нужно было освоиться съ тѣми благородными идеями, которыя уже были развиты творческою дѣятельностью геніальныхъ людей, и распространить ихъ въ низщихъ слояхъ нѣмецкаго общества; нужно было провѣрить основательность этихъ идей въ ихъ всестороннемъ примѣненіи, провести ихъ въ самыя разнообразныя сферы, перенести духъ поэзіи въ науку, въ жизнь, въ нравы,— и за эту-то работу взялась романтическая школа“.

Философскія воззрѣнія школы вытекаютъ изъ ученія Фихте. Исходя изъ критической философіи Канта, Фихте утверждаетъ, что между теоретическимъ разумомъ, заявляющимъ притязаніе на знаніе вещей въ нихъ самихъ, въ ихъ внутренней истинѣ, и нашимъ нравственнымъ чувствомъ, отвергающимъ безусловную необходимость всѣхъ явленій, лежитъ непроходимая пропасть. Самыя притязанія теоретическаго разума не имѣютъ никакого основанія. Мы не можемъ знать дѣйствительность иначе, какъ въ нашихъ мысляхъ, а наши мысли не существуютъ внѣ нашего сознанія. Думая постигнуть вселенную, мы познаемъ только свое собственное „я“. Теоретическій разумъ, согласный самъ съ собою, долженъ все существующее превратить въ призракъ.

Слѣдовательно, умозрѣніе не можетъ намъ дать реальной истины, и ея познаніе возможно только при помощи вѣры, которая основывается на непобѣдимомъ стремленіи къ дѣятельности, прирожденной человѣку. Во имя этого стремленія мы приписываемъ реальность не только земному міру, который есть поприще нашей дѣятельности, но и міру надземному, сверхчувственному, такъ какъ въ немъ только наше существованіе получаетъ высшій смыслъ, и лишь въ немъ осуществляется движущій нами нравственный идеалъ, безконечный по своему содержанію. Настоящая наша жизнь, въ виду будущей, есть жизнь въ вѣрѣ; вѣчная жизнь усвояется лишь пожертвованіемъ чувственнаго и его цѣлей закону высшему; только отказавшись отъ земного, мы получаемъ вѣру въ вѣчное. Изъ такихъ построеній легко было заключить, какъ это сдѣлалъ Шеллингъ, о тождествѣ реальнаго и идеальнаго въ единомъ жизненномъ началѣ, которое, какъ душа міра, является органическою связью всѣхъ вещей. Слѣдовательно, красота есть безконечное, переданное въ конечномъ, и въ поэтическомъ творчествѣ нераздѣльно совмѣщается сознательное съ безсознательнымъ.

Въ такомъ направленіи полную формулировку философіи искусства даетъ Зольгеръ: „Безконечное развертывается передъ нами въ конечномъ, дабы непрестанно въ себя возвращаться. Иронія—вотъ тотъ высшій взглядъ, который паритъ надъ этимъ вѣчнымъ переливомъ бытія въ призрачность и призрачности въ бытіе. Это именно то душевное настроеніе, которое видитъ во всѣхъ вещахъ откровеніе, но вмѣстѣ и скудное осуществленіе идей, и если оно скорбитъ о погибели частнаго, то зато ликуетъ о торжествѣ божественнаго, которое заявляетъ этимъ свою всемогущую безконечность“. Иронія проникаетъ все поэтическое и философское міросозерцаніе школы; по выраженію Ф. Шлегеля, въ ней есть какая-то трансцендентальная насмѣшка (Transcendentale Buffonerie), т. е. такое настроеніе, которое помогаетъ поэту стать безконечно выше всего условнаго какъ въ художественномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, и позволяетъ ему съ высоты идеала смотрѣть на міръ, какъ на игру (das wirkliche Spiel des Lebens). Такъ обосновывается въ романтизмѣ полная свобода поэта, его субъективизмъ.

Тотъ же субъективизмъ выдвигался школою и въ области религіи и нравственности, гдѣ наиболѣе виднымъ представителемъ идей новаго направленія былъ Шлейермахеръ. Въ противо-

положность просвѣтительной философіи и Канту, религія, по взгляду Шлейермахера, заключается не въ теоретическомъ построеніи догматовъ, не въ добродѣтели, не въ знаніи и дѣйствіи, а исключительно въ созерцаніи и чувствѣ; она есть благоговѣйное созерцаніе безконечнаго въ конечномъ, или такое настроеніе, которое, подобно священной музыкѣ, сопровождаетъ всякое дѣяніе человѣка. Каждый человѣкъ, благодаря религіи, становится средоточіемъ универсальности, и всякое явленіе окружающей природы есть откровеніе божества. Священное Писаніе теряетъ свое значеніе при такомъ пантеистически-субъективномъ пониманіи религіи, но изъ существующихъ религій Шлейермахеръ все таки отдаетъ первенство христіанству, какъ такой системѣ, въ которой совершеннѣе всего выражено стремленіе конечнаго къ безконечному. Субъективизмъ въ религіи приводитъ Шлейермахера къ крайнему нравственному индивидуализму, такъ какъ чувство есть тождество мышленія и хотѣнія и становится божественнымъ двигающимъ началомъ нашей дѣятельности; поэтому наша первая задача—быть самими собою, вырабатывать свои индивидуальныя особенности, которыя намъ даны свыше. Однако, этотъ индивидуализмъ у Шлейермахера не вполнѣ исключалъ любовное отношеніе къ внѣшнему міру, такъ какъ его надо познавать. Безъ притягательной силы духовнаго міра все обращается въ безформенную массу.

При всей расплывчатости своихъ религіозныхъ и моральныхъ воззрѣній, Шлейермахеръ все-таки не сдѣлалъ того шага, на который отважились романтики, искавшіе въ религіи прежде всего эстетическихъ элементовъ. Въ протестантизмѣ красота почти совсѣмъ отсутствуетъ, а потому естественно было искать ее въ средневѣковомъ католицизмѣ, или даже на Востокѣ, гдѣ, по язвительному замѣчанію Гейне, одинъ изъ братьевъ Шлегелей нашелъ свои средніе вѣка (Elephantenmittelalter). Особенно ярко сочувствіе католицизму выражено Новалисомъ (Гарденбергомъ) въ его „Фрагментѣ о христіанствѣ“. „Было нѣкогда славное время, — говоритъ Новалисъ, — когда Европа была единой страной, въ которой жило одно христіанское населеніе, сплоченное общимъ интересомъ, подчиненное одному верховному главѣ. Миръ и любовь царствовали на землѣ, процвѣтала торговля и изящныя искусства. Мудрый глава церкви справедливо противился дерзкому развитію человѣческихъ способностей въ ущербъ набожности и несвоевременнымъ, опаснымъ открытіямъ въ области

мысли. Но человѣчество недостаточно созрѣло для того, чтобы наслаждаться подобнымъ гармоническимъ существованіемъ. Зловредная культура подкопалась подъ этотъ чудный бытовой строй, который сталъ мало-по-малу разлагаться. Вспыхнуло возмущеніе, называемое протестантизмомъ. Оно разорвало единство церкви и подчинило религію цѣлямъ государственнымъ. Мѣсто живой *поэтической* религіи заступило служеніе буквѣ; свѣтскія начала въ обществѣ получали большее и большее преобладаніе, значеніе искусства умалялось, человѣчество приближалось къ періоду невѣрія. Даже благодѣтельная сила іезуитскаго ордена была сокрушена правительственною властью. Наконецъ, въ французской матеріалистической философіи и въ нѣмецкомъ просвѣщеніи сосредоточилась ненависть ко всему святому, ко всякому энтузіазму, всякой поэзіи и прорвалась наружу во второй реформаціи, т. е. во французской революціи. Теперь наступаетъ пора религіознаго возрожденія. Среди анархіи зарождается вѣра, среди истребленія всѣхъ положительныхъ началъ поднимается снова религія — устроительница міра. Приближается новое золотое время, съ темными, безконечно глубокими очами, время пророчествъ и чудесъ, подающее утѣшеніе духу и открывающее путь къ вѣчной жизни"...

Въ средневѣковыхъ воспоминаніяхъ, кромѣ папства, нашлось весьма много другихъ фактовъ, утѣшительныхъ при томъ тяжеломъ положеніи, которое приходилось переживать Германіи въ началѣ XIX-го столѣтія: тамъ, назади, виднѣлась могущественная имперія съ феодальнымъ строемъ, съ поэтическими рыцарскими похожденіями; богатый фантастическій міръ средневѣковаго творчества манилъ къ себѣ разнообразіемъ своихъ красокъ, причудливостью положеній, возвышенной туманностью идеаловъ. Надо — думали романтики — изучать средніе вѣка не изъ одного историческаго интереса, а съ практической цѣлью обновленія сухой, разсудочной атмосферы, созданной вѣкомъ просвѣщенія, для національнаго возрожденія Германіи. Въ сущности въ этомъ тенденціозномъ изученіи среднихъ вѣковъ было много ложнаго, но оно сослужило свою службу, давъ начало разработкѣ средневѣковой исторіи, которая скоро успѣла выйти на вполнѣ научный путь. Національныя тенденціи тоже были вполнѣ законнымъ явленіемъ въ эпоху угнетенія Германіи, и въ нихъ была своя полезная сторона, но романтизмъ въ своемъ увлеченіи стариной очень ужъ отрѣшался отъ современной жизни

и являлся услужливымъ помощникомъ всякихъ реакціонныхъ стремленій. Пассивность представителей школы приводила къ тому, что они начинали завидовать индійскимъ факирамъ, которые „цѣпенѣютъ въ самыхъ мучительныхъ позахъ; пища ихъ — небесная роса, они словно корни пускаютъ въ землю, тѣло обрастаетъ мохомъ, птицы вьютъ гнѣзда на ихъ головѣ“. Этого идеала, по мнѣнію Фр. Шлегеля, слѣдовало достигнуть и христіанамъ.

Сообразно съ субъективнымъ идеализмомъ и съ средневѣковыми преданіями, въ которыхъ видѣли наилучшее отраженіе безконечнаго въ конечномъ, строилась и теорія искусства, разрабатывавшаяся Ваккенродеромъ, Тикомъ, Новалисомъ, Шлегелями, Зольгеромъ и др. Вмѣсто опредѣленныхъ правилъ классицизма, вездѣ стремившагося проводить здравый смыслъ, является требованіе передавать настроенія, часто совсѣмъ неопредѣленныя, неясныя, такъ что поэзія должна приближаться къ музыкѣ, любимому искусству романтиковъ. Поэтъ долженъ созерцать сверхчувственный міръ; онъ отрѣшается отъ дѣйствительности и становится безумнымъ, какъ этого требовалъ Новалисъ. Дѣйствительные образы одному изъ героевъ Тика, живописцу Францу, кажутся слишкомъ прозаическими, и онъ начинаетъ рисовать только ихъ отраженіе въ водѣ. Поэтъ съ высоты своего ироническаго созерцанія перемѣшиваетъ серьезное съ смѣшнымъ, съ *гротескомъ*. Вводятся формы поэзіи, найденныя въ средневѣковыхъ произведеніяхъ: модною становится баллада, распространяется романъ, причемъ образцомъ служитъ «романъ изъ романовъ» — «Вильгельмъ Мейстеръ»; въ драмѣ Шекспиръ привлекаетъ особенно тѣмъ, что онъ нарушаетъ правила, признававшіяся непререкаемыми въ катехизисѣ псевдо-классиковъ. И романъ, и драма въ романтической школѣ получаютъ самыя причудливыя формы. Такъ, одна изъ пьесъ Тика начинается не на сценѣ, а въ партерѣ: занавѣсъ еще спущенъ; нѣсколько зрителей жестоко бранятъ автора: какъ онъ смѣетъ занимать ихъ вниманіе глупой сказкой, въ которой не будетъ никакой добродѣтельной семейной исторіи и изъ которой нельзя будетъ извлечь никакой морали. Авторъ, услыхавъ эти рѣчи, выходитъ на сцену, и защищается, нападая на извращенный вкусъ публики. Затѣмъ начинается самая пьеса, ходъ которой прерывается замѣчаніями зрителей и пререканіями актеровъ. Въ подобныхъ пьесахъ и въ романахъ съ весьма фантастической обстановкой постоянно под-

вергается нападеніямъ обычная мораль, которая называется не иначе, какъ филистерской. Вообще филистерствомъ окрещивается все, что не согласуется съ причудливыми требованіями школы; даже трезвый идеализмъ Шиллера былъ заклейменъ этимъ именемъ, а «Пѣснь о колоколѣ» читалась при громкомъ хохотѣ, какъ жалкое восхваленіе добродѣтельнаго мѣщанства. Несмотря, однако, на многія уродливыя проявленія нѣмецкаго романтизма, онъ несомнѣнно оказался полезнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и въ наукѣ, и въ дальнѣйшемъ развитіи литературы. Даже «Молодая Германія», при всей своей враждебности къ романтизму, во многомъ ему обязана идеальными элементами своихъ воззрѣній, близкими къ первой порѣ романтизма, когда онъ еще не увлекался католицизмомъ и не сталъ пособникомъ реакціи.

Въ тѣсной связи съ германскими вліяніями находится возникновеніе романтизма въ Англіи, гдѣ первыми представителями этой школы являются такъ называемые лекисты или озерные поэты. Вордсвортъ и Кольриджъ установили теоретическія основы своего направленія, ознакомившись, во время путешествія по Германіи, съ философіей Шеллинга, мистическимъ ученіемъ Бема и взглядами первыхъ нѣмецкихъ романтиковъ. Однако, у англичанъ уже съ самаго начала видна сильная склонность къ реализму, который въ англійской литературѣ проявляется еще съ XVIII столѣтія. Вордсвортъ исходилъ изъ принципа, что для поэзіи, какъ и для живописи, нѣтъ ничего малаго и недостойнаго, что слѣпой мальчикъ, катающійся по пруду въ грязномъ корытѣ, для истиннаго поэта — сюжетъ, столько же пригодный и, пожалуй, даже болѣе трогательный, чѣмъ походъ Александра Македонскаго на Персію. Его вѣчная тема — жизнь души человѣческой, проявляющаяся въ мелочахъ повседневнаго быта. Задача его — растрогать читателя, вызвать къ дѣйствію ту способность, которую нѣмцы называютъ Gemüth; онъ достигаетъ этого детальновѣрнымъ изображеніемъ обыденныхъ сценъ и предметовъ и изложеніемъ своихъ мыслей и чувствъ по поводу ихъ. Романтизмъ заключается здѣсь собственно въ любовномъ, тепломъ чувствѣ, проникающемъ произведенія лекистовъ, и въ склонности ихъ къ народной поэзіи, въ чемъ они сходятся съ нѣмецкими романтиками. Значительно ближе къ послѣднимъ г-жа Радклифъ, которая въ своихъ романахъ стремится занять воображеніе читателей грандіозными образами и сплетеніемъ странныхъ и неожиданныхъ событій, очень рѣдкихъ въ жизни дѣйствительной.

Это настоящіе Abenteuer-romane, столь распространенные въ прошломъ вѣкѣ и въ романтическую эпоху Германіи: рядомъ съ высокодобродѣтельными людьми дѣйствуютъ и разбойники, и ужасные злодѣи. Сильна въ этихъ романахъ также и фантастика. Романтизмъ г-жи Радклифъ—чисто внѣшній; настоящимъ романтикомъ въ Англіи является Вальтеръ-Скоттъ, воскресившій въ своихъ романахъ средневѣковую старину, давшій широкій просторъ фантастическому элементу и раздѣляющій съ нѣмецкимъ романтизмомъ любовь къ народной поэзіи и сочувствіе къ народному міросозерцанію. И въ немъ, однако, очень силенъ реализмъ: даже чудесное представляется имъ такъ, что оно заинтересовываетъ читателя, но не подавляетъ его. При всей своей великой оригинальности, къ англійскому романтизму примыкаетъ и Байронъ, создавшій новое теченіе въ романтизмѣ; по выраженію Пушкина, онъ «облекъ въ унылый романтизмъ и безнадежный эгоизмъ». Эта поэзія разочарованія при своемъ возникновеніи имѣла не мало точекъ соприкосновенія съ тѣмъ настроеніемъ, которое въ нѣмецкомъ романтизмѣ называлось Wehmuth. Навсегда Байронъ остается близкимъ къ нѣмецкимъ романтикамъ по своему субъективизму, который ставитъ его неизмѣримо высоко надъ толпой, погрязшей въ филистерствѣ. Но, конечно, у Байрона нѣтъ и тѣни реакціонныхъ стремленій его нѣмецкихъ собратьевъ; это пѣвецъ свободы, онъ не можетъ увлекаться призраками, образы его ясны и поэзія его не отрѣшается отъ жизни. То же слѣдуетъ сказать и объ общемъ характерѣ творчества Шелли, котораго можно считать союзникомъ Байрона въ новомъ англійскомъ направленіи романтизма.

Французскій романтизмъ возникаетъ первоначально помимо чуждыхъ вліяній и только впослѣдствіи воспринимаетъ нѣкоторые элементы нѣмецкаго и англійскаго романтизма. Источникъ его происхожденія можно видѣть еще у Руссо, возстававшаго противъ разсудочной стороны просвѣтительной философіи и стремившагося возвратить человѣка къ первобытной простотѣ. Восхваленіе первобытнаго состоянія унаслѣдовано Шатобріаномъ, который и долженъ считаться отцомъ французскаго романтизма: въ своемъ «Духѣ христіанства» онъ далъ совершенно такую же, какъ и нѣмецкіе романтики, апологію средневѣкового католицизма, хотя и совершенно независимо отъ нѣмцевъ. Въ этомъ сочиненіи онъ старается доказать, что изъ всѣхъ религіозныхъ ученій христіанство представляетъ религію самую поэтическую,

самую гуманную, самую благопріятную для свободы, для изящныхъ искусствъ и литературы. Христіанство споспѣшествуетъ генію, очищаетъ вкусъ, развиваетъ въ человѣкѣ добродѣтельныя влеченія, укрѣпляетъ мысль, даетъ превосходные образцы поэтамъ и художникамъ: ему современная цивилизація обязана всѣми своими благами. Шатобріанъ не имѣетъ намѣренія писать богословскій трактатъ; такого рода «жанръ», замѣчаетъ онъ, исчерпанъ и, быть можетъ, въ настоящее время даже безполезенъ: кто станетъ теперь читать богословское сочиненіе? Вмѣсто отвлеченныхъ умствованій авторъ предлагаетъ читателю рядъ роскошныхъ картинъ; онъ изображаетъ католицизмъ привлекательнымъ съ эстетической и моральной стороны и, показывая красоту христіанскаго ученія, дѣлаетъ отсюда заключеніе объ его *истинѣ*. Уже въ этомъ эстетическомъ пониманіи христіанства, или точнѣе—католицизма, Шатобріанъ приближается къ нѣмецкимъ романтикамъ; но родство оказывается еще болѣе тѣснымъ, когда заходитъ рѣчь о среднихъ вѣкахъ, красота которыхъ рѣшительно противопоставляется имъ античному міру, передъ появленіемъ христіанства изжившемуся и шедшему къ гибели. Средніе вѣка оказываются для Шатобріана, какъ и для Новалиса, не періодомъ варварства, а эпохой зарожденія новой, болѣе совершенной красоты; средневѣковая музыка и готическая архитектура—высокія проявленія обновленнаго генія человѣчества.

Книга Шатобріана явилась первымъ манифестомъ новаго идейнаго теченія, а послѣдующія его произведенія, развившія мотивъ міровой скорби, значительно подготовили почву для пересадки во Францію нѣмецкаго романтизма. Это перенесеніе совершилось благодаря г-жѣ Сталь, которая въ своей книгѣ: «О Германіи» познакомила французскую читающую публику съ новыми теченіями нѣмецкой литературы. Не слѣдуетъ, впрочемъ, придавать слишкомъ большое значеніе иноземнымъ вліяніямъ. Пелиссье вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что корни французскаго романтизма находятся въ томъ настроеніи, которое возникло во Франціи въ эпоху реставраціи. Возрожденіе спиритуализма, противодѣйствіе просвѣтительной философіи и связанному съ ней классицизму являются вполнѣ самостоятельно, какъ результатъ разочарованія въ революціонномъ движеніи. Всѣ поэты новой школы проникнуты христіанскимъ міровоззрѣніемъ. В. Гюго видитъ въ религіи не только обильнѣйшій источникъ поэтическаго вдохновенія, но и самую высокую форму человѣческой мысли.

Въ своихъ одахъ онъ жалуется, что до сихъ поръ всѣ французскіе поэты были язычниками, и объявляетъ своимъ поэтическимъ знаменемъ крестъ, «возстановленный Шатобріаномъ». Ламартинъ признаетъ себя истолкователемъ «идеала, сроднаго христіанству по своей возвышенной мечтательности». Та же религіозность, окрашенная меланхоліей, замѣчается у А. де-Виньи; даже вольнодумецъ Мюссе иногда призываетъ имя Божіе.

Начиная съ Шатобріана, французскій романтизмъ оказывается окрашеннымъ въ сильнѣйшій субъективизмъ: и самъ Шатобріанъ, и г-жа Сталь, и де-Виньи, и даже болѣе объективный В. Гюго постоянно выдвигаютъ впередъ свое чувство, свою личность. Въ этомъ несомнѣнное совпаденіе съ нѣмецкимъ романтизмомъ, но и тутъ первое начало было вполнѣ самостоятельно. То же надо сказать и о меланхоліи, объ элегическомъ настроеніи представителей французскаго романтизма. Въ чемъ, пожалуй, болѣе всего подчинился французскій романтизмъ нѣмецкому—это въ отрицаніи условныхъ правилъ старинной классической школы. Искусство должно освободиться отъ стѣснительныхъ рамокъ, въ которыя хотятъ его заключить теоретики. Прекрасное есть не въ одномъ античномъ мірѣ, его можно найти во всякихъ формахъ; необходимо признать законность безобразія, «гротеска» нѣмецкихъ романтиковъ. Отсюда какое-то предрасположеніе къ уродливымъ образамъ, которые такъ часто создаются романтиками, преимущественно В. Гюго, причемъ иногда за внѣшнимъ безобразіемъ скрывается высокая внутренняя красота. Для классиковъ поэзія была отлично расчищеннымъ садомъ, съ подстриженными деревьями, съ усыпанными пескомъ дорожками; для романтиковъ она обратилась въ первобытный лѣсъ Новаго Свѣта, съ гигантскими деревьями, высокой травой, таинственными звуками. Незначительность нѣмецкаго вліянія на французскій романтизмъ обнаруживается лучше всего въ томъ фактѣ, что онъ, будучи сперва какъ бы союзникомъ реакціи, впослѣдствіи оказывается вполнѣ прогрессивнымъ движеніемъ, тогда какъ нѣмецкій романтизмъ окончательно выдохся въ реакціонныхъ стремленіяхъ и долженъ былъ уступить мѣсто «Молодой Германіи», многое отъ него унаслѣдовавшей, но рѣшительно осудившей его обскурантизмъ.

Поэзія В. А. Жуковскаго [1]).

При наступленіи пятидесятилѣтія со дня кончины Жуковскаго, вполнѣ естественно спросить, что сдѣлано за такой продолжительный срокъ для изученія его жизни и творчества, но, къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ относительно многихъ нашихъ писателей (въ томъ числѣ и Жуковскаго) приходится отвѣчать или полнымъ отрицаніемъ, или же указаніемъ на крайнюю незначительность точныхъ свѣдѣній, которыми мы располагаемъ. Самое первое затрудненіе, съ которымъ мы встрѣчаемся при разсмотрѣніи творчества Жуковскаго, заключается въ отсутствіи полнаго и въ научномъ отношеніи удовлетворительнаго изданія произведеній нашего поэта. Въ извѣстномъ изданіи почтеннаго библіографа П. А. Ефрмова есть весьма существенные недостатки, указанные еще покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ этомъ изданіи мы не имѣемъ первоначальнаго печатнаго текста сочиненій Жуковскаго; передъ нами та ихъ редакція, которая явилась въ результатѣ разныхъ исправленій, сдѣланныхъ черезъ много лѣтъ послѣ ихъ напечатанія то самимъ Жуковскимъ, то нѣкоторыми другими лицами при его жизни, или въ посмертномъ собраніи сочиненій, такъ что объ исторіи творчества нашего поэта, о процессѣ его развитія изданіе г. Ефремова даетъ совсѣмъ неправильное представленія. Кромѣ того, это изданіе, какъ говорилъ Тихонравовъ, «оставляетъ совершенно неразработаннымъ вопросъ о переводахъ и оригинальныхъ сочиненіяхъ, которыя Жуковскій помѣщалъ въ «Вѣстникѣ Европы» безъ подписи своей фамиліи.

[1]) Изъ Историч. Вѣстника, 1902 г., № 5. Со времени напечатанія этой статьи вышли, какъ изданіе проф. Архангельскаго, такъ и новое изданіе Ефремова, значительно лучшія, чѣмъ всѣ прежнія изданія: однако и о нихъ приходится сказать, что кое въ чемъ желательны дополненія. Изъ изслѣдованій о Жуковскомъ слѣдуетъ отмѣтить фундаментальный трудъ академика А. Н. Веселовскаго, уяснившаго характеръ творчества Жуковскаго въ его отношеніяхъ къ сентиментализму и романтизму.

Г. Ефремовъ ограничился перепечаткою лишь немногихъ статей и замѣтокъ Жуковскаго изъ его «Вѣстника Европы», не принявъ въ свое изданіе другихъ, гораздо болѣе любопытныхъ замѣтокъ, несомнѣнно принадлежащихъ Жуковскому; въ изданіи г. Ефремова нѣкоторыя переводныя произведенія Жуковскаго признаны за оригинальныя, вопреки авторитету собственныхъ о томъ свидѣтельствъ переводчика. Наконецъ, важнымъ недостаткомъ существующаго изданія надо считать отсутствіе въ немъ писемъ Жуковскаго, т. е. чрезвычайно цѣннаго біографическаго, историко-литературнаго матеріала; для тѣхъ же біографическихъ цѣлей будущему издателю не мѣшало бы воспроизвести дневники Жуковскаго, а также и тѣ его замѣтки и записки, которыя касаются его педагогической дѣятельности. Быть можетъ, всѣ эти недочеты будутъ устранены въ изданіи, которое должно выйти подъ редакціею профессора А. С. Архангельскаго; но теперь слѣдуетъ признаться, что мы не располагаемъ хорошимъ изданіемъ сочиненій Жуковскаго.

Не имѣя пока хорошаго изданія, мы бѣдны и по части изслѣдованій о жизни и дѣятельности Жуковскаго: наибольшее значеніе имѣетъ книга друга Жуковскаго, доктора Зейдлица, представляющая собою добросовѣстнѣйшую передачу того, что было извѣстно автору непосредственно отъ поэта, и цѣнная преимущественно по біографическимъ даннымъ; что касается объемистой книги г. Загарина, то ея значеніе сведено почти къ нулю тѣмъ же Н. С. Тихонравовымъ, давшимъ въ своей превосходной рецензіи на эту книгу вполнѣ научное изслѣдованіе нѣкоторыхъ существеннѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ поэзіей Жуковскаго. Указанными трудами и ограничивается наша литература о Жуковскомъ, если не считать нѣсколькихъ компиляцій, составленныхъ съ педагогическими цѣлями, и нѣсколькихъ статей, имѣющихъ узко-спеціальный характеръ.

При такомъ состояніи литературы и въ особенности самыхъ источниковъ для изученія жизни и творчества Жуковскаго, конечно, если не повторять нѣкоторыхъ шаблонныхъ приговоровъ, крайне трудно дать вполнѣ правильную общую характеристику его поэзіи: подобная характеристика, чтобы не быть голословной, потребовала бы слишкомъ много мѣста, и поэтому въ своей небольшой статьѣ я ограничусь только нѣкоторыми частными вопросами, разрѣшеніе которыхъ, на мой взглядъ, можетъ намъ содѣйствовать выясненію того, въ чемъ состоитъ значеніе Жу-

ковскаго для нашей литературы, что далъ онъ ей новаго, повліялъ ли онъ и въ какомъ направленіи на ея дальнѣйшее развитіе. Прежде всего мы остановимся на вопросѣ о томъ, какъ смотрѣлъ Жуковскій на задачи поэтическаго творчества, — вопросѣ, имѣющемъ значеніе не только лично для Жуковскаго, но и вообще для развитія нашего литературнаго самосознанія; затѣмъ мы постараемся уяснить господствующій тонъ поэзіи Жуковскаго, и это намъ дастъ возможность опредѣлить, чѣмъ отличается Жуковскій отъ представителей сентиментальнаго направленія, господствовавшаго въ нашей литературѣ въ началѣ XIX вѣка, и въ какой мѣрѣ онъ содѣйствовалъ возникновенію новыхъ стремленій, извѣстныхъ подъ именемъ нашего романтизма.

I.

Первое по времени выраженіе взгляда Жуковскаго на поэзію мы находимъ въ написанныхъ въ 1803 году «Стихахъ въ день моего рожденія, къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ». Судя по этимъ стихамъ, можно признать Жуковскаго сторонникомъ поэтическаго квіетизма, человѣкомъ, чуждающимся интересовъ общества; онъ откровенно заявляетъ:

Я бурный міръ сей презираю
О лира, другъ мой, утѣшай
Меня въ моемъ уединеньи!
А вы, друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей треволненный,
Сберитесь въ хижинѣ моей.
Тамъ, въ мирѣ сердца благодатномъ,
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ;
Съ друзьями и тоска пріятна,
Но и тоска насъ не найдетъ!

Однако уже черезъ годъ послѣ этого эпикурейскаго profession de foi мы видимъ выраженіе иного взгляда въ стихотвореніи «Къ поэзіи». Назвавъ поэзію «прелестью тихой, души очарованьемъ», указавъ, что она является утѣшительницей въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, «и въ скорби, и въ нищетѣ, и въ мрачномъ изгнаньи», Жуковскій, обращаясь къ самимъ поэтамъ, характеризуетъ ихъ задачи далеко не съ точки зрѣнія отреченья отъ міра и его суетъ. Напротивъ, онъ призываетъ поэтовъ къ участію въ жизненной борьбѣ, говоря имъ:

Въ печальномъ странствіи минутной жизни сей
Тернистую стезю цвѣтами усыпайте
И въ пылкія сердца свой пламень изливайте!

Да звукомъ вашихъ громкихъ лиръ
Герой, ко славѣ пробужденный,
Дивитъ и потрясаетъ міръ!
Да юноша воспламененный,
Отъ нихъ въ восторгѣ слезы льетъ,
Алтарь отечества лобзаетъ
И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ!
Да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ
Отъ вашихъ пѣсней благодатныхъ!
Но да обрушится вашъ громъ
На нихъ жестокихъ и развратныхъ,
Которые въ стыдѣ, съ возвышеннымъ челомъ,

Невинность, доблести и честь поправъ ногами.
Дерзаютъ величать себя полубогами!
Друзья небесныхъ музъ! плѣнимся-ль суетой?
Презрѣвъ минутные успѣхи—
Ничтожный гласъ похвалъ, кимвальный звонъ пустой,
Презрѣвши роскоши утѣхи,
Пойдемъ великихъ по слѣдамъ!

Стезя къ безсмертію судьбой открыта намъ!
Не остыдимъ себя хвалою
Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ душою.
Дерзнемъ достойныхъ увѣнчать!

Любимцу ль Фебову за призракомъ гоняться?
Любимцу ль Фебову во прахѣ пресмыкаться
И униженіемъ Фортуну обольщать?

Проходитъ еще четыре года, и Жуковскій въ «Письмѣ изъ уѣзда къ издателю Вѣстника Европы» подробно развиваетъ свой взглядъ на задачи журналиста и вообще писателя. Указавъ на развитіе русской журналистики, на растущую потребность въ чтеніи и на возможность вслѣдствіе этого для журнала «имѣть самыя благодѣтельныя дѣйствія», Жуковскій опредѣляетъ, что «обязанность журналиста — подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное. Средства безчислены: къ его услугамъ богатства литературы чужестранной и собственной, искусства и науки; бери, что угодно и гдѣ угодно; единственное условіе—разборчивость. Имѣя въ виду пользу, но угождая общему вкусу читателей, хотя не подчиняясь ему съ рабскою робостью, предлагаетъ онъ имъ хорошія мысли, чужія и свои, облеченныя разными видами: иногда разсуждая, какъ

моралистъ или метафизикъ о предметахъ важныхъ для человѣка; иногда разсказывая повѣсть, въ которой идеальное нравилось бы сходствомъ своимъ съ существенностью, которая доставляла бы любопытному удовольствіе сравнивать истину съ вымысломъ, самого себя съ романическимъ лицомъ и, можетъ быть, объяснять многое, въ собственномъ сердцѣ его казавшееся тайною; иногда занимая воображеніе созданіями поэзіи, прелестью стихотворной гармоніи одушевляя мысли и чувства».

Такова обязанность журналиста, но, какъ видимъ, Жуковскій дѣлаетъ поэта однимъ изъ важнѣйшихъ сотрудниковъ журналиста въ распространеніи «полезнаго и наставительнаго». Для воздѣйствія на общество нельзя писателю отъ этого общества устраняться, и въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны тѣ мысли, которыя Жуковскій влагаетъ въ этомъ же «Письмѣ изъ уѣзда» въ уста Стародуму «Любить истинное и прекрасное, наслаждаясь ими», говоритъ этотъ фонвизинскій герой, «умѣть ихъ изображать, стремиться къ нимъ самому и силою краснорѣчія увлекать за собою другихъ—вотъ благородное назначеніе писателя». Для своей работы писатель долженъ устраниться отъ суетныхъ удовольствій «большого свѣтскаго круга», такъ какъ «желаніе въ немъ блистать противно спокойнымъ занятіямъ автора». «И можно ли, продолжаетъ Стародумъ, съ симъ чистымъ, вѣрнымъ, всегда одинаковымъ удовольствіемъ, которое неразлучно съ дѣятельностью ума, производящаго или пріобрѣтающаго новое, соединить безпокойное удовольствіе, доставляемое успѣхами въ свѣтѣ, побѣдами самолюбія, непрочными, слишкомъ непродолжительными для того, чтобы наслаждаться ими безъ волненія: одно уничтожаетъ другое. Ограничивъ себя уединеніемъ, гдѣ мысли сохраняютъ свободу, а чувства первоначальную живость и свѣжесть, онъ долженъ только мимоходомъ, изъ любопытства, для заимствованія нѣкоторой пріятной образованности, необходимо нужной писателю, заглядывать въ свѣтъ, сбирать въ немъ потребный запасъ, и снова съ добычею возвращаться въ уединеніе; уединеніе пусть будетъ главнымъ театромъ его дѣйствій, когда желаетъ произвести нѣчто полезное для общества. Разсѣянность мѣшаетъ трудолюбію. Но можно ли совершенно отдѣлиться отъ людей, заключить себя въ четырехъ стѣнахъ, жить съ однѣми безмолвными идеями, съ одними воздушными созданіями воображенія? Даетъ ли одиночество счастье? Кто же награждаетъ писателя, когда не люди, и гдѣ же слава

его, когда не въ обществѣ? Мой другъ, я не хочу запереть пріятеля нашего въ келію, но говорю ему: чѣмъ менѣе кругъ, тѣмъ связи привлекательнѣе и сильнѣе. Ищи людей, которые способнѣе другихъ цѣнить твои работы: ихъ судъ есть голосъ современниковъ и приговоръ потомства. Имѣй друзей, согласныхъ съ тобою въ образѣ чувства, въ желаніи дѣйствовать и въ выборѣ цѣли; въ минуты уединеннаго труда помни о своихъ товарищахъ, которые — быть можетъ, въ разныхъ сторонахъ земли—живутъ, думаютъ, дѣйствуютъ одинаково съ тобою, которые видятъ тебя, которыхъ жизнь твоя должна быть достойна, съ которыми совокупно исполняешь важное условіе бытія: любить и распространять добро; ихъ голосъ будетъ возбуждать тебя къ трудамъ, и дружеская осторожность предупреждать твои ошибки».

Несмотря на указаніе высокой цѣли «любить и распространять добро», въ приведенныхъ разсужденіяхъ Стародума можно замѣтить нѣсколько эпикурейскій идеалъ, стремленіе къ творчеству «для немногихъ». Однако, изъ дальнѣйшаго хода мыслей въ «Письмѣ изъ уѣзда» яснымъ становится, что Жуковскій далекъ отъ подобнаго ограниченія круга дѣятельности писателя, что онъ только возстаетъ противъ суетнаго исканія славы. По его мнѣнію, лучшая награда писателя въ его «собственной дѣятельности: въ томъ удовольствіи, которое неразлучно съ любовью къ прекрасному, съ трудами ума, съ работами воображенія; въ той неотъемлемой наградѣ, которая, вопреки самой несправедливости людей, вопреки зависти и клеветѣ, заключена во внутреннемъ спокойномъ увѣреніи, что исполняешь свою должность, какъ *человѣкъ*, совершенствуя свою натуру, какъ *гражданинъ*, трудясь съ намѣреніемъ (иногда мечтательнымъ, всегда благороднымъ) приносить отечеству пользу, большую или малую, смотря по обширности дарованій».

Признавая писателя гражданиномъ, Жуковскій, конечно, не можетъ проповѣдывать отрѣшенности поэзіи отъ жизни, и въ этомъ случаѣ онъ является послѣдователемъ Карамзина, который требовалъ, чтобы литература была средствомъ пробуждать въ людяхъ добрыя чувства. Жуковскій это требованіе дополняетъ указаніемъ той цѣли, для которой должны быть пробуждаемы добрыя чувства. Поэзія, какъ онъ высказываетъ въ «Графѣ Габсбургскомъ», свободна отъ внѣшнихъ авторитетовъ, поэтъ знаетъ надъ собой высшую волю, волю вдохновенія, которое возникаетъ изъ божественнаго источника.

Наиболѣе полно эта теорія поэтической свободы и служенія божественному идеалу развита Жуковскимъ въ драматической поэмѣ «Камоэнсъ», написанной уже въ 1839 году. Въ поэмѣ представленъ великій творецъ «Лузіады» уже передъ смертью: онъ лежитъ въ больницѣ, и его посѣщаетъ Васко Квеведо, тоже поэтъ. Старикъ Камоэнсъ указываетъ юношѣ на свою печальную судьбу и пытается отклонить его отъ занятія поэзіей, но Васко возражаетъ ему, напоминая высокую цѣль, которая преслѣдуется поэзіей. «Не счастія, не славы здѣсь ищу я, говоритъ онъ:

быть хочу крыломъ могучимъ.
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту; зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей; великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды.
Лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподнимать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!
. . . . . .
Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла, и слыша хохотъ
Безстыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынесть
Въ душѣ неоскверненной вѣру въ Бога?

Затѣмъ Васко говоритъ объ идеальномъ значеніи поэзіи, о ея высокомъ воздѣйствіи на человѣчество:

. . . . . Поэзія небесной
Религіи сестра земная, свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ! на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огонь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми.
При блескѣ ихъ, чтобъ труженикъ земной
Ни испыталъ,—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ!

Благодаря такому идеальному воздѣйствію, поэзія проникаетъ въ душу человѣка, какъ «Божій лучъ», и во всѣхъ вѣкахъ и поколѣніяхъ ей будутъ отзываться «возвышенныя души».

Понятно, что при такомъ высокомъ характерѣ поэтическаго творчества самъ поэтъ долженъ испытать полное духовное перерожденіе, и эту мысль Жуковскій выражаетъ въ слѣдующемъ разсказѣ Камоэнса:

Я помню часъ, великій часъ, меня
Всего пересоздавшій. Я лежалъ
Съ повязкой на глазахъ въ госпиталѣ.
Тьма вокругъ меня, и тьма во мнѣ...
И вдругъ,—сказать не смѣю,—подошло,
Иль нѣтъ, не подошло, а подлетѣло,
Иль нѣтъ, какъ будто Божіе съ небесъ
Дыханье свѣяло,—свѣжо, какъ утро;
И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
И увлекательно, какъ звуки арфы,—
И было то, какъ будто и во мнѣ,
И внѣ меня, и въ глубь моей души
Оно вливалось, и волшебный кругъ
Меня тѣснѣй, тѣснѣе обнималъ,
И унесенъ я былъ неодолимымъ
Могуществомъ далеко въ высоту...
Я обезпамятѣлъ; когда же пришелъ
Въ себя,—то было первая моя
Живая пѣсня. Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вкругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ:
Страданій чаша предо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
Взлетѣла къ Богу, и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ «Камоэнса», Жуковскій пишетъ небольшую замѣтку «Объ изящномъ искусствѣ» и въ ней признавая цѣлью искусства «созданіе изящное, то-есть пробуждающее въ душѣ сладостное ощущеніе красоты», даетъ опредѣленіе понятія о красотѣ. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ, «красота въ тѣсномъ смыслѣ есть истина, то-есть вѣрное сходство изображенія съ изображаемымъ; въ обширномъ смыслѣ красота есть истина идеальная, то-есть не одно ощутительное

сходство выраженія съ выражаемымъ, но и соединеніе съ нимъ того, что не ощутительно, что единственно существуетъ въ душѣ человѣческой, постигающей нѣчто высшее, внѣ видимой матеріальной природы существующее и свойственное ея общественной природѣ, однимъ словомъ, когда идеалъ красоты есть Богъ, явно и тайно соприсутствующій въ созданіи и ему сообщающій красоту живую, одной человѣческой душѣ откровенную».

Наконецъ, въ 1848 году, мы еще разъ встрѣчаемся у Жуковскаго съ разсужденіемъ о значеніи поэзіи въ отрывкѣ изъ письма къ Гоголю, озаглавленномъ «Слова поэта—дѣла поэта». Здѣсь комментируются извѣстныя слова Пушкина, возражавшаго противъ взгляда Державина на отношенія между его словомъ и дѣломъ:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ.

Жуковскій въ своемъ письмѣ подробно развиваетъ мысль, высказанную еще Карамзинымъ, о томъ, что творецъ виденъ въ своихъ твореніяхъ. Онъ говоритъ: «Обыкновенно, разсуждая о художествахъ, оставляютъ въ сторонѣ художника и творца рознятъ съ твореніемъ. Можно ли допускать или оправдывать такой разрывъ, не знаю—по крайней мѣрѣ, не въ теоріи, опредѣляющей не то, что можетъ быть и бываетъ, а то, что всегда *должно* быть. Поэтъ творитъ *словомъ*, и это творческое слово, вызванное вдохновеніемъ изъ идеи, могущественно овладѣвшей душою поэта, стремительно переходя въ другую душу, производитъ въ ней такое же вдохновеніе и ее также могущественно объемлетъ; это дѣйствіе не есть ни умственное, ни нравственное—оно просто власть, которой мы ни силою воли, ни силою разсудка отразить не можемъ. Поэзія, дѣйствуя на душу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго: это не есть ни пріобрѣтеніе какой-нибудь новой, логически обработанной идеи, ни возбужденіе нравственнаго чувства, ни его утвержденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу охватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству художественнаго произведенія, или, вѣрнѣе, смотря по духу самого художника. Если таково дѣйствіе поэзіи, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, какъ призваніе отъ Бога: есть такъ сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ нимъ въ то-

варищество созданія. Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе, поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія. Таковъ истинный смыслъ его призванія, его великаго дара, который въ то же время есть и страшное искушеніе, ибо въ сей силѣ для полета высокаго заключается и опасность паденія глубокаго».

Изъ такого опредѣленія поэзіи является опасность для поэта впасть въ непоэтическій дидактизмъ, проникнуться желаніемъ постоянно поучать и наставлять. Жуковскій предвидитъ это затрудненіе и даетъ слѣдующее объясненіе: «Что же, спросятъ, неужели поэтъ долженъ ограничиться одними гимнами Богу и всякое другое поэтическое созданіе считать за грѣхъ противъ божества и человѣчества? Отвѣтъ простой: не произноси имени Бога, но знай Его, вѣрь Ему, иди къ Нему — тогда, что бы ни встрѣтилось на пути твоемъ откровенному твоему оку, и что бы ни было это встрѣченное—высокое или мелкое, прекрасное или безобразное, многозначащее или легкое, забавное или мрачное,—все оно, прошедъ черезъ твою душу пріобрѣтаетъ ея характеръ, не измѣнивъ въ то же время и собственнаго. Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязующему направленію. Поэзія живетъ свободою; утративъ непринужденность (похожую часто на причудливость и своевольство), она теряетъ прелесть; всякое *намѣреніе* произвести то или другое опредѣленное, но стороннее дѣйствіе, нравственное, поучительное или (какъ нынче мода) политическое, даетъ движеніямъ фантазіи какую-то неповоротливость, тогда какъ она должна легкокрылою ласточкою, съ криками радости, летать между небомъ и землей, всѣ посѣщать климаты и уносить за собою нашу душу въ чистый эѳиръ высоты на освѣжительную, беззаботную прогулку по всему поднебесью. Но поэтъ, свободный въ выборѣ предмета, не свободенъ отдѣлить отъ него самого себя: что скрыто внутри его души, то будетъ вложено тайно, безнамѣренно и даже противонамѣренно и въ его созданіе; что *онъ самъ*, то будетъ и его созданіе». Заключая это письмо къ Гоголю, Жуковскій припоминаетъ послѣдній стихъ «Камоэнса»:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

Сводя въ одно всѣ эти высказанныя въ разныя времена мнѣнія Жуковскаго о поэзіи и литературѣ, мы видимъ, что онъ всегда оставался вѣренъ одному требованію; *поэзія ведетъ къ*

нравственному совершенству человѣка, возвышая его къ божественному идеалу истины и красоты; истинный поэтъ непремѣнно самъ проникнутъ сознаніемъ и стремленіемъ къ этому идеалу, и ему совсѣмъ нѣтъ нужды насиловать свою натуру въ направленіи какого-либо дидактизма, такъ какъ идеальныя стремленія отразятся въ его поэзіи безнамѣренно, или, по другой терминологіи, безсознательно. Понятно, что при этомъ подразумѣвается полная свобода поэзіи отъ какихъ-либо внѣшнихъ предписаній, но при требованіи этой свободы Жуковскій по существу не имѣетъ ничего общаго съ школой чистаго искусства, рознящей искусство и жизнь, и онъ не особенно далекъ отъ тѣхъ воззрѣній, которыя высказывались Бѣлинскимъ въ послѣдній періодъ его дѣятельности. Не даромъ Жуковскій видитъ въ поэтѣ гражданина, и трудно, думается намъ, не замѣтить нѣкотораго сходства общихъ идей въ приведенныхъ отрывкахъ изъ письма Жуковскаго къ Гоголю хотя бы съ слѣдующими словами Бѣлинскаго: «Смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ риѳмами разныя нравоучительныя мысли, и требуютъ отъ поэта непремѣнно, чтобъ онъ воспѣвалъ все дружбу да любовь и прочее, и которые неспособны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ... Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціональной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто, кромѣ людей ограниченныхъ или духовно-малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній».

Право, если оставить въ сторонѣ рѣзко-гражданскій характеръ требованій Бѣлинскаго отъ поэзіи, его взглядъ совсѣмъ не такъ противоположенъ воззрѣніямъ Жуковскаго; и поэтъ и критикъ ищутъ отъ поэзіи нравственнаго воздѣйствія, но и тотъ, и другой одинаково чуждаются дидактизма, т. е. *намѣреннаго* учительства, такъ какъ для одного изъ нихъ нравственное воздѣйствіе должно явиться *безнамѣренно*, а для другого *безсозна-*

тельно. Въ сущности подобный взглядъ на поэзію раздѣляется всѣми выдающимися дѣятелями нашей литературы, всѣми самостоятельными творцами. Съ разными варіаціями его можно прослѣдить, начиная съ Карамзина до графа Л. Н. Толстого. Это есть то учительное направленіе, которое составляетъ отличительную особенность и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ главныхъ основаній гордости нашей литературы, которая всегда оказывается тѣсно связанною съ жизнью общества, и въ которой тенденція искусства для искусства никогда почти не могла найти себѣ сильныхъ по таланту сторонниковъ.

Мы сказали, что отмѣченное направленіе во взглядахъ на поэзію идетъ отъ Карамзина, и этимъ Жуковскій связывается со своимъ предшественникомъ и въ литературномъ смыслѣ учителемъ. Связь эта выражается и въ другихъ отношеніяхъ: какъ увидимъ, направленіе и характеръ творчества Жуковскаго были сильно сродни Карамзинскому сентиментализму, однако въ его дѣятельности были все же такія черты, которыя заставляютъ признать въ немъ представителя иного литературнаго теченія, а какое это было теченіе, мы отчасти уяснимъ себѣ, отвѣтивъ на второй вопросъ, поставленный въ началѣ настоящей статьи, опредѣливъ тотъ тонъ, который является наиболѣе сильнымъ, преобладающимъ въ поэзіи Жуковскаго, который придаетъ ей своеобразную окраску съ самаго ея начала и до послѣднихъ произведеній, хотя за долгій періодъ своей дѣятельности нашъ поэтъ испыталъ и нѣкоторыя перемѣны въ своемъ направленіи.

II.

Эта характерная, господствующая нота въ поэзіи Жуковскаго обнаруживается уже въ первыхъ произведеніяхъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера, какъ въ прозаической, такъ и въ стихотворной формѣ. Это опыты 14-лѣтняго мальчика, помѣщенные въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1797 и 1798 гг.). Уже самое заглавіе перваго изъ сочиненій юнаго поэта характеризуетъ его настроеніе: это сочиненіе называется «Мысли при гробницѣ».

Представивъ картину тихой лѣтней ночи (картину, по нѣкоторымъ частностямъ напоминающую Державинское «Видѣніе мурзы»), Жуковскій передаетъ тѣ мысли о бренности и ничтожности «всего подлуннаго», которыя въ немъ возбудились, когда

онъ подошелъ къ какой-то полуразвалившейся гробницѣ. «Вселенная,—говоритъ поэтъ,—представилась мнѣ гробомъ». «Смерть, лютая смерть!—сказалъ я, прислонившись къ изсохшему дубу,—когда утомится рука твоя, когда приступится лезвіе страшной косы твоей, и когда, когда перестанешь ты посѣкать все живущее, какъ злаки дубравные? Ты неумолима, законъ твой непремѣненъ; ничто не избѣжитъ ударовъ твоихъ; ничто не подвигнетъ тебя на жалость... Тамъ вижу я прекраснаго отрока, подобнаго едва распустившейся розѣ; здѣсь лѣпообразнаго, сановитаго юношу, гордяшагося превосходными дарованіями своими. Нѣжные родители не могутъ насмотрѣться на нихъ, не могутъ нарадоваться; ими дышатъ, ими живутъ—и надежда, что они будутъ нѣкогда славою своего рода, украшеніемъ своего времени, восхищаетъ чадолюбивое ихъ сердце. Тщетная надежда... одинъ махъ косы твоей—и ихъ нѣтъ... стонъ и вопль раздаются, но ты не внемлешь и спѣшишь къ новымъ жертвамъ. Спѣшишь—и мужъ добродѣтельный, коего вся жизнь посвящена благотворенію, коего примѣръ есть свѣтильникъ, вверху горы стоящій, мужъ достойный жить цѣлые вѣки, колеблется, падаетъ и, еще разъ взглянувъ глазами любви на оставляемый имъ міръ, закрываетъ ихъ навѣки. Спѣшишь—и столѣтній старецъ, безпечно вчера игравшій съ милыми праправнучатами, сегодня впослѣднее прижимаетъ ихъ къ хладной груди своей, и сердце его перестаетъ биться. Ты спѣшишь далѣе, смерть грозная, и все—отъ хижины до чертоговъ, отъ плуга до скипетра—все гибнетъ подъ сокрушительными ударами косы твоей. И я, и я буду нѣкогда жертвою ненасытной твоей алчности, и кто знаетъ, какъ скоро? Завтра взойдетъ солнце—и, можетъ быть, глаза мои, сомкнутые хладною твоею рукою, не увидятъ его. Оно взойдетъ еще—и вѣтры прахъ мой развѣютъ»... Тутъ глубокое смущеніе объяло мой духъ и грудь моя поколебалась отъ вздоховъ. «Но почто смущаюсь сею мыслію, сказалъ я потомъ, развѣ нѣтъ оплота противъ ужасовъ смерти? Взгляни на сей лазоревый сводъ: тамъ обитель мира, тамъ царство истины, тамъ отецъ любви. Смерть есть путь въ сію вѣчно-блаженную страну. Кто не угнеталъ слабыхъ, кто не притѣснялъ невинныхъ, и на кого горькая слеза сироты не вопіяла на небо, кто всѣхъ любилъ, какъ братій своихъ, всѣмъ по возможности старался дѣлать добро, тому нечего бояться. Смерть для него будетъ торжество, а гробъ лѣстница къ небу. Но вы, злодѣи, трепещите»....

Рядомъ съ этимъ размышленіемъ о бренности всего земного и о вѣчномъ блаженствѣ въ царствѣ истины можно поставить слѣдующія строфы изъ написаннаго въ томъ же 1797 году стихотворенія «Майское утро»:

Горлица нѣжна
Лѣсъ наполняетъ
Стономъ своимъ.
Ахъ! знать, любезна,
Сердцу драгова
Съ ней уже нѣтъ!
Вѣрна подружка!
Для чего тщетно
Въ грусти, тоскѣ
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?
Можно ль о благѣ
Плакать другого?...
Онъ вѣдь заснулъ.
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрѣлка.
Жизнь, другъ мой, бездна
Слезъ и страданій...
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ.

То же настроеніе и почти тѣ же самыя картины, что въ статьѣ «Мысли при гробницѣ», видимъ мы въ явившемся въ 1798 году стихотвореніи «Добродѣтель», изъ котораго приводимъ для иллюстраціи начальныя строфы (причемъ замѣтимъ, что вторая изъ нихъ пропущена въ изданіи г. Ефремова).

Подъ звѣзднымъ небомъ тихой ночи,
При свѣтѣ блѣдныя луны,
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.
Повсюду зрю сооруженны
Богаты памятники тамъ;
Порфиромъ, златомъ обложенны,
Тамъ мраморны столпы стоятъ.
Обитель смерти тамъ—покоя;
Усопшихъ прахи тамъ лежатъ;
Ничто ихъ сна не прерываетъ,
Ничто не грезится во снѣ.

Не всѣ ль тамъ мирно почиваютъ,
Не всѣ ли тамъ покойно спятъ?
Не монументы отличаютъ
И не блестяща пышность насъ!
Порфиръ надгробный не являетъ
Душевныхъ истинныхъ красотъ;
Гробницы, урны, пирамиды—
Не знаки ль суетности то?
Они блаженства не доставятъ
Ни здѣсь, ни въ новомъ бытіи,
И царь сравняется съ убогимъ,
Герой тамъ лягетъ, гдѣ пастухъ.

Въ заключеніи этого стихотворенія опять-таки та же идея, что и въ «Мысляхъ при гробницѣ»:

Тогда останутся истлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затьмить.
Предъ Богомъ насъ они прославятъ,
Въ одежды правды обвекутъ;
Тогда мы съ радостью явимся
Предъ тронъ всемощнаго Творца.
О, сколь священна добродѣтель,
Должна ты быть для смертныхъ всѣхъ!
Рабы, какъ и владыки міра,
Должны тебя боготворить.
На что мнѣ памятники горды?
И скиптръ, и посохъ—все равно:
Равно подъ мраморомъ въ могилѣ,
Равно подъ дерномъ—прахъ лежитъ.

Черезъ два года послѣ этого стихотворенія мы находимъ новый прозаическій отрывокъ «Мысли на кладбищѣ», въ общемъ сходный съ «Мыслями при гробницѣ» и по картинамъ, и по настроенію, его проникающему; новостью является только форма, болѣе музыкальная, подходящая къ позднѣйшимъ стихотвореніямъ въ прозѣ. Наши современные декаденты могли бы позавидовать слѣдующимъ фразамъ изъ этого произведенія: «Облокотясь на падшій столбъ смотрю я вокругъ себя — все молчитъ, — почившіе спятъ сномъ непробуднымъ. Геній унынія, въ бѣлой одеждѣ, съ поникшею главою, сидитъ на гробовыхъ обломкахъ и стонетъ о бренности всего подлуннаго. Они спятъ, сіи сыны тлѣнія; они спятъ, и кто ихъ пробудитъ? Натура, одѣянная мракомъ, дремлетъ на лонѣ полуночи; все молчитъ;

ни единый гласъ не взываетъ къ нимъ. Все молчитъ въ благоговѣйномъ ужасѣ. Пустынный ручей тихо струится по камнямъ, соловей давно остановилъ громкія трели свои — все молчитъ... Но се грядетъ утро. Съ высоты отдаленныхъ горъ несется благотворное сіяніе его долу. Натура пробуждается: все твореніе возглашаетъ гимны. Се грядетъ утро; но они спятъ. Они спятъ, не внемля гласу взывающаго къ нимъ дня: они спятъ — и кто ихъ пробудитъ? Спите, сыны тлѣнія; еще не время — наступитъ утро безсмертія; жизненный лучъ его проникнетъ въ сердце міра — и вы возстанете отъ сна своего. Спите, сыны тлѣнія; еще не время»...

Проходитъ еще два года, и Жуковскій даетъ свой знаменитый переводъ элегіи Грея «Сельское кладбище», тотъ переводъ, съ котораго Вл. С. Соловьевъ считаетъ у насъ начало истинно-человѣческой поэзіи. Сравнивая это произведеніе съ только-что разсмотрѣнными первыми прозаическими и стихотворными опытами Жуковскаго, мы видимъ, что по темѣ оно близко къ нимъ примыкаетъ и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ ними можетъ характеризовать настроеніе нашего поэта въ первые годы его дѣятельности, въ такіе годы, когда уже по самому его возрасту врядъ ли мы можемъ считать его особенно самостоятельнымъ. Меланхолическое настроеніе могло проистекать изъ не совсѣмъ нормальнаго общественнаго и семейнаго положенія Жуковскаго, какъ на это указываетъ его другъ, докторъ Зайдлицъ, называя «Сельское кладбище» психологическимъ документомъ. Но, кромѣ этого, могли дѣйствовать и воспитательныя вліянія, которыя Жуковскій испыталъ въ университетскомъ пансіонѣ и въ кружкѣ масоновъ. Несомнѣнно обнаружилось въ этомъ случаѣ и вліяніе журнала «Пріятное и полезное препровожденіе времени», какъ это отлично выяснилъ Н. С. Тихонравовъ, изъ статьи котораго мы позволимъ себѣ привести характеристику этого журнала. «Рядомъ съ идиллическими картинами пастушескаго быта и сельской натуры, — говоритъ Тихонравовъ, — идутъ, заслоняя ихъ, другіе образы — мрачные, ужасные. Меланхолія прославляется, какъ «сильная царица превыспреннихъ мыслей». Кладбище служитъ любимымъ мѣстомъ меланхолическихъ мечтаній. «Утомленный обуреваніями жизни, сопутствуемый Циммерманомъ, меланхоликъ идетъ на кладбище и въ этомъ «величественномъ уединеніи проливаетъ вѣрующія слезы, восхищаясь пареніями Оратора Ночей—Юнга». Дикость мѣстности и осенняя темнота, умножая

меланхолію, оживляютъ въ воображеніи «мечтателя» мрачныя пѣсни «Шотландскаго барда». Въ уединенныхъ прогулкахъ писателя сопровождаютъ творенія Циммермана, Юнга, Оссіана и Гервея. Особеннымъ одобреніемъ издателей «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» пользовались тѣ статьи, въ которыхъ находили «духъ Оссіанской горести, нѣжность и глубокость меланхолическихъ чувствъ»; подражанія Оссіану нерѣдко встрѣчаются на страницахъ «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» и «Иппокрены». Юнгъ пользовался особеннымъ уваженіемъ издателей: изъ «превосходныхъ пѣсней» Юнга одинъ изъ сотрудниковъ «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» составилъ «сокращеніе», «раздѣлилъ на статьи», придалъ имъ болѣе простое и понятное изложеніе и напечаталъ въ этомъ журналѣ подъ заглавіемъ «Духъ Юнговъ». Помѣщаются переводы «Размышленій надъ гробницами» извѣстнаго англійскаго «методиста» Джонса Гервея. Элегія Грея «Сельское кладбище» не только переводится два раза, но служитъ даже предметомъ подражанія со стороны плодовитаго Павла Львова. Здѣсь же печатала свои стихи извѣстная въ своемъ кругу подъ именемъ «философки» Анна Турчанинова, которая, «не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, избѣгала общества, одѣвалась неряхою, занималась преимущественно математическими науками, знала латинскій и греческій языки». Сюжетами ея стихотворныхъ произведеній были: «Достоинство смерти», «Гласъ смертнаго къ Богу», «Уединеніе», «Воздыханіе о помощи», «Къ суетѣ»... Для своихъ стихотвореній, начитанная въ священномъ писаніи, Турчанинова избирала сюжеты религіозные и горячо защищала меланхолическія чувства въ стихахъ. Сотрудницы «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» и «Иппокрены» раздѣляли взглядъ сотрудниковъ на значеніе въ поэзіи «священной меланхоліи».

Не удивительно, что, находясь въ подобной литературной атмосферѣ, молодой Жуковскій долженъ былъ легко ей подчиняться, тѣмъ болѣе, что къ грусти и мечтательности его располагали и домашнія его дѣла. Не удивительно, что это меланхолическое настроеніе становится господствующимъ въ первыхъ его произведеніяхъ, и что онъ даже даетъ ему теоретическое обоснованіе въ отзывѣ о книгѣ Шаликова «Путешествіе въ Малороссію». «Кого, — говоритъ молодой критикъ, — не тронетъ чувствительность? Кто не предавался меланхоліи? Кто не мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздуш-

ныхъ замковъ, не бросалъ унылаго взора на минувшее время юности? Молодой человѣкъ съ пламенною душою хотѣлъ бы, кажется, всю натуру прижать къ своему сердцу. Всюду летаютъ за нимъ мечты, сіи метеоры юнаго воображенія. Взоръ его стремится въ будущее; надежды, желанія волнуютъ его сердце; онъ вопрошаетъ судьбу; хочетъ узнать, что готовится ему за таинственнымъ покровомъ, которымъ закрыта она отъ взоровъ любопытныхъ; самъ за нее отвѣчаетъ себѣ, играетъ призраками и счастливъ. Но какъ скоротечна сія пылкая, живая молодость! Увядаютъ чувства, и бѣдный человѣкъ, лишенный магической силы, которая прежде созидала вокругъ него волшебный міръ, напрасно унылымъ взоромъ ищетъ прелестей въ пышной, великолѣпной натурѣ: вокругъ него — развалины. Гробъ и смерть остались для него въ будущемъ, воспоминанія—въ прошедшемъ, воспоминанія прелестныя и вмѣстѣ печальныя»...

Меланхолія не оставляетъ Жуковскаго и впослѣдствіи, причемъ поддерживается иногда мотивами чисто личнаго свойства, той роковой невозможностью осуществить идеалъ семейнаго счастья, которая обнаружилась для поэта въ концѣ перваго десятилѣтія XIX вѣка. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть отголоска личныхъ мотивовъ въ статьѣ «Меланхолія» (1808 г.), гдѣ Жуковскій говоритъ о «любви несчастной, наполняющей душу, но разлученной со сладкою надеждою жить для того, что намъ любезно». Жуковскій указываетъ, что, заведя рѣчь о «несчастіяхъ любви», онъ имѣетъ въ виду «одни препятствія жребія», и о нихъ-то онъ высказываетъ слѣдующія любопытныя соображенія: «несчастіе утратить то, что украшало бы нашу жизнь, что для насъ всего выше, всего святѣе, чему нѣтъ никакой замѣны, и утратить безъ надежды возврата, навѣки, такое несчастіе можетъ отвратить душу отъ привязанности къ жизни, ибо жизнь мила не собою, но тѣми привязанностями, которыми животворится наше сердце; но это самое чувство отвращенія отъ жизни можетъ имѣть нѣкоторую сладость, меланхолическую, драгоцѣнную, благо единственное; сладость, заключенную въ мысли, что любимъ, хотя не долженъ мечтать о соединеніи; или въ мысли, которая не даетъ тебѣ счастія, но въ то же время не даетъ совершенно разрушиться заблужденію души твоей; въ мысли, что сердце, отнятое у тебя судьбою, еще свободно, еще спокойно, еще не отдано; невозможность владѣть имъ тебя терзаетъ, но тайный голосъ тебѣ говоритъ въ то же время: пере-

мѣнись твой жребій, и, можетъ быть, она была бы твоею! Ты призываешь смерть, ты веселишься, примѣчая, что жизнь твоя, въ которой нѣтъ уже будущаго, начинаетъ гаснуть и наконецъ угасаетъ, но, разставаясь съ нею и останавливая на ней послѣдній меланхолическій взглядъ, ты говоришь: жизнь моя могла бы быть прелестна».

Эта меланхолія не оставляетъ Жуковскаго и впослѣдствіи; осложняясь новыми мотивами, окрашиваясь нѣкоторыми новыми оттѣнками, она отражается въ общемъ грустномъ, элегическомъ характерѣ его поэтическаго міросозерцанія. Въ 1819 г. является стихотвореніе «На кончину ея величества королевы Виртембергской», въ которомъ ярко сказывается безотрадный взглядъ на земное существованіе человѣка:

Гонителемъ неслышнымъ и незримымъ,
На всѣхъ путяхъ *бѣда* насъ сторожитъ;
Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразитъ.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ;
Гнетомы всѣ единой грозной *силой;*
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьи: *было!*
. . . . . .
О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радость крылаты,
И гдѣ навѣкъ, навѣкъ минувшее одно...
Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды, намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Однако изъ этого мрачнаго воззрѣнія на земную жизнь долженъ быть какой-нибудь исходъ, должно быть что-либо примиряющее съ жизнью, и это начало примиренія указывается Жуковскимъ въ той же элегіи:

Земная жизнь небеснаго наслѣдникъ;
Несчастье нашъ учитель, а не врагъ;
Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бренныхъ благъ,
Великаго понятный проповѣдникъ,
Намъ объ руку на тайной жизни прагъ
Оно идетъ, все руша передъ нами
И скорбію дружа насъ съ небесами.

Здѣсь радости—не наше обладанье:
Пролетные плѣнители земли,
О благахъ намъ обѣщанныхъ вдали;
. . . . . .
Святой символъ надеждъ и утѣшенья!
Мы всѣ стоимъ у таинственныхъ вратъ;
Опущена завѣса Провидѣнья;
Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;
За нею скрытъ предѣлъ соединенья;
Изъ-за нея, мы слышимъ, говорятъ:
«Мужайтеся, душою не скорбите;
Съ надеждою и вѣрой приступите!»

Поэтъ, какъ видно изъ этихъ словъ, глубоко-вѣрующій человѣкъ, а эта-то вѣра является источникомъ утѣшенія въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыми переполнена наша жизнь. Отсюда происходитъ и другой утѣшительный взглядъ: здѣшнія бѣдствія въ сущности нѣчто приближающееся къ миражу, какъ это выражено въ слѣдующихъ стихахъ «Свѣтланы»:

Лучшій другъ нашъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье.

Та же «довѣренность къ Творцу» указывается и въ стихотвореніи «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ»:

Что бъ ни было—Незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.

Поэтому мы должны примириться съ огорченіями, встрѣчающимися въ жизни, помня, что «горесть и радость, все къ цѣли одной». Есть два пути къ утѣшенію: одинъ—«радость сердца—упованье на лучшій неизмѣнный свѣтъ», а другой—«милое воспоминаніе о томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ». Если кому-нибудь суждено было утратить своихъ «милыхъ спутниковъ», близкихъ друзей, поэтъ обращается къ нему съ увѣщаніемъ:

Не говори съ тоской: «ихъ нѣтъ»,
Но съ благодарностію: «были».

Чрезвычайно характерно представлены эти два пути къ душевному успокоенію, воспоминаніе и надежда, въ элегіи «Теонъ и Эсхинъ». Лишившись подруги своей жизни, Теонъ не предается отчаянію и, указывая на ея гробъ, говоритъ своему другу:

Эсхинъ—вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь,—
Но съ нею печаль неразлучна.
О нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ;
И жизнь, и вселенна прекрасны,
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.
Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше,
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—
Вотъ счастье; о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной возвышенной цѣли.

Но рядомъ съ воспоминаніемъ Теонъ знаетъ и другую отраду, такъ какъ онъ не допускаетъ мысли, чтобы навѣки исчезло былое счастье.

Для сердца прошедшее вѣчно (говоритъ онъ);
Страданье въ разлукѣ есть то же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
И скорбь о прошедшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?
. . . . . .
А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ;
Сей гробъ, затворенная къ счастію дверь,
Отворится... жду и надѣюсь.

Можно привести еще много другихъ примѣровъ изъ произведеній Жуковскаго, примѣровъ, иллюстрирующихъ его господствующее элегическое настроеніе и тотъ двоякій исходъ изъ меланхоліи, который открывается передъ нашимъ поэтомъ; но мы ограничимся уже приведенными, тѣмъ болѣе, что всѣ они показываютъ намъ ту сторону творчества Жуковскаго, которая не была оригинальной, являлась прямымъ отраженіемъ Карамзинскаго сентиментализма: и меланхолія, и воспоминаніе о бы-

ломъ счастіи, и надежда на возвратъ счастія въ загробной жизни—все это темы старыя, не разъ трактовавшіяся, какъ послѣдователями Карамзина, такъ и тѣми западными сентименталистами, подъ вліяніемъ которыхъ началась поэтическая дѣятельность Жуковскаго. На это въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ указывалъ Бѣлинскій, но онъ же указалъ, что у Жуковскаго есть кое-что, отличающее его отъ Карамзина и сближающее его съ новой литературной школой, благодаря чему мы можемъ по справедливости называть Жуковскаго не сентименталистомъ, но романтикомъ. Это новое—есть идеализмъ Жуковскаго. Идеала не знало сентиментальное направленіе, оно только будило добрыя чувства, но не указывало цѣли, къ которой должны такія чувства направляться. Эту цѣль указываетъ Жуковскій, а какъ онъ это дѣлаетъ, увидимъ въ слѣдующей главѣ.

III.

Въ письмѣ къ К. Ѳ. Рылѣеву отъ 25-го января 1825 г. Пушкинъ выражаетъ свое несогласіе съ отзывомъ А. Бестужева о поэзіи Жуковскаго и упрекаетъ молодыхъ писателей въ неблагодарности по отношенію къ ихъ руководителю. «Зачѣмъ,— говоритъ Пушкинъ, — кусать намъ груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности: къ тому же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ»... Однако Рылѣевъ не соглашается съ такой оцѣнкой значенія Жуковскаго. «Неоспоримо, — пишетъ онъ, — что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ—и мы за то навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали».

Неизвѣстно, что отвѣтилъ своему несчастному другу Пушкинъ, быть можетъ, споръ на этомъ не кончился; но мнѣніе Рылѣева для насъ важно, какъ выраженіе взгляда на Жуковскаго особой группы русскихъ романтиковъ, группы, явившейся въ началѣ 1820-хъ годовъ. Въ этой группѣ мы видимъ будущихъ

декабристовъ, и отъ нихъ мы можемъ вести въ нашей литературѣ начало направленія, извѣстнаго подъ именемъ поэзіи гражданскихъ мотивовъ. Эти молодые поэты 1820-хъ годовъ стремились въ своихъ произведеніяхъ выразить тѣ гражданскіе идеалы, которые были главнымъ мотивомъ ихъ жизненной дѣятельности. Ихъ идеализмъ былъ близокъ къ запросамъ жизни; благодаря имъ, являлась возможность болѣе тѣснаго соприкосновенія литературы съ жизнью общественной; но сами они дѣйствительно были несправедливы къ своей «кормилицѣ», къ Жуковскому. Какъ бы ни были туманны стремленія старшаго романтика, они направлялись къ идеальнымъ цѣлямъ, они были первымъ проявленіемъ идеализма въ нашей литературѣ. Отъ этого идеализма происходитъ и тотъ, который выражается въ стремленіяхъ Рылѣева, Бестужева, Кюхельбекера, молодого Пушкина. Этотъ идеализмъ, при всей своей туманности и неопредѣленности, явился ступенью къ развитію того новаго направленія, которое проявляется въ нашей литературѣ съ 1820-хъ годовъ.

Дѣйствительно, много мистицизма, туманности и неопредѣленности въ тѣхъ надеждахъ на будущее счастіе, которыя составляютъ, какъ мы указали, одинъ изъ существеннѣйшихъ мотивовъ поэзіи Жуковскаго. Правда, фантастично-мечтательны тѣ картины, которыя рисуетъ намъ поэтъ во второй части повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», изображая стремленіе Вадима къ его идеалу; мечтателенъ образъ, ведущій героя къ идеалу; но не надо забывать, что этотъ образъ спасаетъ героя отъ низкихъ чувственныхъ обольщеній, напримѣръ, при встрѣчѣ съ кіевской княжной.

...знакомый звонъ
Раздался въ отдаленьи
И долго жалобно звенѣлъ
Онъ въ безднѣ поднебесной;
И кто-то, чудилось, летѣлъ
Незримый, но извѣстный;
И взоръ, исполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдругъ сильнѣе потрясся лѣсъ,
И небо зашумѣло...
Вадимъ взглянулъ—призракъ исчезъ;
А въ вышинѣ... звенѣло.
И вслѣдъ за милою мечтой
Душа его стремится.

Къ такому высокому идеалу можетъ придти только тотъ человѣкъ, который сохраняетъ въ себѣ чистоту души, который любитъ другихъ людей, чуждъ эгоизма. Этотъ идеализмъ ведетъ къ очеловѣченію общества, въ которомъ много дикаго и злого, и обществу несомнѣнно полезно было слышать отъ поэта такіе призывы.

Прочь низкое, прочь злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ простота;
Нежданность въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ равнымъ правота;
Въ могуществѣ смиренье.
Обѣтамъ вѣрность, чести честь,
Покорность правой власти;
Для дружбы все, что въ мірѣ есть;
Любви весь пламень страсти;
Утѣхи скорби, просьбѣ дань,
Погибели спасенье;
Могущему пороку брань,
Безсильному презрѣнье
Неправдѣ грозный правды гласъ,
Заслугѣ воздаянье,
Спокойствіе—въ послѣдній часъ
При гробѣ—упованье.

Эта высокая человѣчность прекрасно выразилась въ стихотвореніи «Солнце и Борей», въ которомъ ярко выставляется та идея, что «злобы самовластной милость кроткая сильнѣй»; та же человѣчность высказалась въ знаменитыхъ пожеланіяхъ Жуковскаго его будущему воспитаннику, цесаревичу Александру Николаевичу.

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ
И на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.

Какъ извѣстно, эта человѣчность привела къ величайшему акту нашей исторіи, къ незабвенному дню 19 февраля 1861 года, и воспоминая объ этомъ, не лишнее привести отрывокъ изъ статьи «Печальное происшествіе, случившееся въ началѣ 1809 года», отрывокъ, являющійся протестомъ противъ крѣпостного права (въ чемъ можно еще видѣть отличіе Жуковскаго отъ Ка-

рамзина, приблизительно въ это время защищавшаго рабство). «Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ *фаворитовъ*. Что это значитъ? Они выбираютъ или мальчика, или дѣвочку изъ состоянія служителей, прлиближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ не принадлежащими, и—оставляютъ ихъ въ прежней *зависимости*. То ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ *зависимый*, знакомый съ чувствами и понятіями людей *независимыхъ*, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее — свобода!.. Просвѣщеніе должно возвысить человѣка въ собственныхъ его глазахъ,—а что унизительнѣе рабства? Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный — и такъ прежде, нежели рѣшитесь открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія».

Послѣ этихъ указаній на идеализмъ Жуковскаго, намъ кажется, мы въ правѣ признать его великое значеніе для дальнѣйшаго нашего литературнаго развитія, признать, что, несмотря на зависимость въ началѣ своей литературной карьеры отъ Карамзина, Жуковскій внесъ въ нашу литературу такой элементъ, котораго не хватало сентименталистамъ, и который существенно необходимъ для здороваго роста литературы, какъ выразительницы общественнаго сознанія· «Неизмѣримъ, — говоритъ Бѣлинскій, — подвигъ Жуковскаго и велико его значеніе въ русской литературѣ! Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзіи элевзинскою богинею Церерою: она дала русской поэзіи душу и сердце, познакомивъ ее съ таинствомъ страданія, утратъ, мистическихъ откровеній и полнаго тревоги стремленія въ «оный таинственный свѣтъ», которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ юная душа чувствуетъ свою родную завѣтную сторону... Жуковскій — это поэтъ стремленія, душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу. Произведенія Жуковскаго не могутъ восхищать всѣхъ и каждаго во всякій возрасть, они внятно говорятъ душѣ и сердцу въ извѣстный періодъ жизни или въ извѣстномъ расположеніи духа: вотъ настоящее значеніе поэзіи Жуковскаго, которое она всегда будетъ имѣть. Но Жуковскій, кромѣ того, имѣетъ великое историческое значеніе для русской поэзіи вообще: одухотворивъ русскую поэзію романтическими элементами, онъ сдѣлалъ ее до-

ступною для общества, далъ ей возможность развитія, и безъ Жуковскаго мы не имѣли бы Пушкина. Сверхъ того, есть еще другая великая заслуга русскому обществу со стороны Жуковскаго: благодаря ему, нѣмецкая поэзія — намъ родная, и мы умѣемъ понимать ее безъ того усилія, которое условливается чуждою національностью».

Крыловъ и Грибоѣдовъ.

Рядомъ съ сентиментальнымъ и романтическимъ направленіями въ русской литературѣ начала XIX вѣка замѣчается теченіе, нѣкоторыми своими чертами унаслѣдованное отъ прежняго времени, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи осложнившееся новыми элементами и ставшее основой всей послѣдующей русской литературы. Это реализмъ.

Съ понятіемъ о реализмѣ, какъ о воспроизведеніи дѣйствительности, необходимомъ для искусства, мы встрѣчаемся уже съ самаго начала теоретическихъ разсужденій объ искусствѣ: это понятіе мы находимъ у Аристотеля, который опредѣляетъ задачу искусства, какъ подражаніе природѣ; однако, важно отмѣтить, что Аристотель говоритъ о необходимости единства и цѣльности въ поэтическомъ произведеніи. Эти два послѣднія условія сообщаются литературному произведенію только нѣкоторою идеею, такъ что у Аристотеля на ряду съ реализмомъ мы можемъ видѣть требованіе извѣстнаго идеализма. Этотъ идеализмъ совсѣмъ утрачиваетъ свое значеніе при томъ искаженіи Аристотелевскихъ взглядовъ, которое явилось въ XVIII вѣкѣ, благодаря теоріи Буало и Батте. По этой теоріи искусство оказалось воспроизведеніемъ дѣйствительности безъ всякой высшей идеи, исключительно въ угоду господствующему вкусу эпохи. Какая цѣль такого воспроизведенія, оставалось невыясненнымъ. Цѣль была указана тою литературною школою, которая явилась на смѣну классикамъ, т. е. сперва сентименталистами, потомъ романтиками. По ихъ взгляду дѣйствительность въ произведеніяхъ искусства представляется только съ тою цѣлью, чтобы выразить извѣстную идею, зародившуюся въ сознаніи художника; ясно, что по взгляду романтиковъ идея ставится выше дѣйствительности, такъ что въ концѣ концовъ самое воспроизведеніе дѣйствительности (зачастую признаваемой грубою и потому презрѣнною), отодвигаясь на второй планъ, можетъ много потерять въ своей точности, правдивости. Обѣ литературныя школы

впадали въ крайность, и правда, какъ всегда, должна была оказаться по серединѣ между этими двумя противоположными крайностями. Отличное образное выраженіе теоріи реализма, соединеннаго съ идеализмомъ, мы находимъ въ книгѣ Мельхіора де-Вогюэ о русскомъ романѣ.

«Лучшая,—говоритъ Вогюэ,—общая формула дла характеристики пріемовъ и значенія реализма очень стара и кратко выражаетъ тайну всякаго творчества... «Господь Богъ создалъ человѣка изъ земли». Это созданіе изъ земли есть только одна сторона, земля разлагается опытной наукой, но послѣ этого разложенія остается нѣчто такое, чего не въ силахъ объяснить опытная наука, и что прекрасно выдвигается въ дальнѣйшихъ словахъ Библейскаго текста: «и вдохнулъ въ него дыханіе жизни, и далъ человѣку душу живую». Такимъ же путемъ совершается и литературное творчество: необходима «земля», т. е. воспроизведеніе дѣствительности, но при этомъ нѣтъ правды, если нѣтъ «дыханія жизни».

Такова теорія, но что же даетъ практика искусства?

Если мы разсмотримъ великія произведенія искусства, если мы внимательно изучимъ процессъ творчества величайшихъ художниковъ, то мы всюду увидимъ подтвержденіе этого теоретическаго положенія. Если мы возьмемъ статуи Аполлона Бельведерскаго или Венеры Милосской, то замѣтимъ, что несмотря на стремленіе художника воплотить въ нихъ идеалъ вѣчной красоты, несмотря на божественный характеръ изображеній, въ ихъ созданіи несомнѣнно выразился полный реализмъ, сказавшійся въ самомъ тщательномъ воспроизведеніи линій тѣла и мускулатуры въ такомъ видѣ, какъ это можетъ наблюдаться въ дѣйствительности. Если мы обратимъ вниманіе на тѣ данныя, которыя у насъ имѣются относительно пріемовъ работы Рафаэля, мы должны будемъ признать, что этотъ творецъ идеальнѣйшихъ изображеній Мадонны былъ въ полномъ смыслѣ слова реалистомъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ качествѣ модели для одной изъ картинъ, представлявшихъ Мадонну, служила Рафаэлю какая-то крестьянка изъ окрестностей Рима, и задумавъ свое идеальное созданіе, великій художникъ цѣлые дни употребляетъ на то, чтобы старательно воспроизводить въ разныхъ этюдахъ отдѣльныя части тѣла этой крестьянки, ея костюмъ, складки ея платья при различныхъ позахъ и т. д. То же изученіе мельчайшихъ подробностей природы и быта является осно-

вою знаменитой картины Иванова: «Явленіе Христа народу»; идеальное содержаніе вкладывается во вполнѣ реальную обстановку.

Обращаясь къ поэзіи, мы и здѣсь у великихъ мастеровъ увидимъ то же соединеніе реализма съ идеализмомъ: такъ, Шекспиръ вездѣ въ своихъ трагедіяхъ является поразительнымъ знатокомъ самыхъ незамѣтныхъ особенностей человѣка, его души, быта, обстановки, но при этомъ мы не можемъ не замѣчать у него идеальной подкладки. Общій принципъ таковъ: идеалъ соединяется съ реальностью, но онъ не есть какое-либо нравоученіе, привлеченное со стороны, онъ есть самая сущность этой реальности, онъ наполняетъ собою всю жизнь, въ немъ заключается «дыханіе жизни». Такой реализмъ можно назвать дидактическимъ, какъ это предложилъ французскій ученый Давидъ-Соважо, въ противоположность тому направленію, которое воспроизводитъ дѣйствительность безъ всякой идеальной цѣли и которое тотъ же ученый мѣтко называетъ «реализмомъ искусства для искусства».

Такимъ-то дидактическимъ и является нашъ русскій реализмъ,—въ этомъ его существенное отличіе отъ многихъ проявленій реализма французскаго, и этой стороной онъ сближается въ значительной степени съ реализмомъ англійскимъ. Благодаря именно своему дидактическому направленію, или, иначе говоря, тѣмъ идеаламъ, которые посредствомъ его выражаются, а также благодаря картинамъ совсѣмъ незнакомой Западу, своеобразной русской жизни, нашъ реализмъ привлекаетъ къ себѣ восторженное вниманіе европейской и американской публики, становится какъ бы новымъ словомъ, откровеніемъ въ искусствѣ. Въ этомъ новомъ русскомъ литературномъ направленіи заключается, можетъ быть, то новое слово, которое, по взгляду славянофиловъ, мы призваны сказать міру, или выражаясь проще, наша литература при помощи новыхъ образовъ, взятыхъ изъ русской дѣйствительности, напоминаетъ европейскому міру старыя идеи, частью отъ него же усвоенныя, но имъ забытыя. Какъ бы то ни было, интересъ двоякій: съ одной стороны, вслѣдствіе идей и, съ другой стороны, вслѣдствіе картинъ жизни. Но какъ же сложился этотъ реализмъ? Какова исторія его развитія на родной его почвѣ?

Приходится начинать съ очень отдаленныхъ временъ. Исторія нашей старинной литературы представляетъ намъ чрезвы-

чайно мало проявленій реализма, такъ какъ дѣйствительность оказалась, при господствѣ аскетическихъ взглядовъ, какъ бы въ пренебреженіи, и ея воспроизведеніе должно было считаться по меньшей мѣрѣ излишнимъ, хотя и при этомъ мы можемъ отмѣтить нѣкоторые проблески стремленія ввести въ литературу и искусство изображенія жизни. Господствующій, сложившійся подъ сильнымъ византійскимъ вліяніемъ, взглядъ, какъ сказано, былъ аскетическій, отрицавшій дѣйствительность, такъ какъ міръ во злѣ лежитъ: это зло надо уничтожить, воспроизводить же его при помощи искусства есть прямой грѣхъ. Реализмъ въ искусствѣ ведетъ къ эллинской прелести, т. е. къ язычеству, и чтобы избѣгнуть такого соблазна, литература должна отрѣшиться отъ жизни; образы, создаваемые искусствомъ, должны отличаться чисто духовнымъ характеромъ, совсѣмъ исключающимъ всякій помыселъ о реальномъ мірѣ. Одинъ изъ любимыхъ предметовъ античной поэзіи, женщина называлась бѣсовской гостиницей и потому, конечно, изгнана изъ литературы. Пластическія искусства принимаютъ формы, приноровленныя къ тому же взгляду: живопись допускается только въ видѣ иконописанія, причемъ для иконъ устанавливается строгій шаблонъ, заставляющій писать лики святыхъ такимъ образомъ, чтобы они не имѣли ничего общаго съ реальностью; благодаря, напримѣръ, этому шаблону совсѣмъ сглаживались индивидуальныя черты, такъ что ликъ одного святого вовсѣмъ походитъ на другого, и для различенія необходимы разныя эмблематическія добавленія. Надо однако замѣтить, что рядомъ съ такими взглядами къ намъ перешелъ изъ Византіи аскетизмъ иного рода, допускавшій болѣе свѣтлое воззрѣніе на окружавшій міръ, не исключавшій мирнаго созерцанія красотъ природы. Представителемъ такого аскетизма можно считать св. Іонна Златоуста, у насъ же его яркое выраженіе можно видѣть въ духовныхъ стихахъ, восхваляющихъ пустынное житіе.

Но, какъ я сказалъ, и при самомъ сильномъ аскетическомъ отрицаніи дѣйствительности, струйка реализма кое-гдѣ пробивается и въ народной словесности, подъ вліяніемъ ея слагателей и хранителей, веселыхъ людей—скомороховъ, и въ древнерусской письменности. Такимъ отраженіемъ дѣйствительности мы можемъ считать въ значительной степени драгоцѣнный памятникъ старинной поэзіи—«Слово о полку Игоревѣ»: удѣльный періодъ его съ его усобицами живо характеризуется въ «Словѣ»,

а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важны для насъ и тѣ картины природы, которыя мы находимъ въ этомъ произведеніи. Реализмъ съ рѣзкой примѣсью ироніи мы найдемъ въ извѣстномъ «Моленіи» Даніила Заточника. XVI вѣкъ представляетъ намъ такого, пожалуй, грубаго реалиста, какъ царь Іоаннъ Грозный, а въ XVII вѣкѣ мы прежде всего встрѣчаемся съ реально-сатирическими изображеніями московской жизни у князя Ивана Хворостинина, заявляющаго, что «московскіе люди живутъ все ложью», и у дьяка Котошихина, зло рисующаго засѣданіе боярской думы. Въ томъ же столѣтіи среди духовныхъ писателей насъ поражаютъ своимъ реализмомъ Іоаннъ Вишенскій, обличающій «перцелюбцевъ, цукролюбцевъ, конфетолюбцевъ, перноспаловъ, подушкоспаловъ, куроѣдовъ, мясоѣдовъ», и знаменитый расколоучитель, протопопъ Аввакумъ, у котораго въ «Житіи» находимъ рядъ прекрасныхъ описаній видѣнныхъ имъ мѣстностей, а въ поученіяхъ реальныя обличенія въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «иной человѣкъ жалѣетъ дать нагому ризы единыя, и не токмо ризы, но и копѣйки цѣлыя нищему Христа ради жалѣетъ дати, но и денежки на смѣнъ проситъ. А инъ сто рублевъ имѣетъ, а нищему глаголетъ: Богъ пошлетъ, да пришедши въ церковь, ста на обычномъ мѣстѣ и глаголетъ, яко сущій христіанинъ: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! А за что Боже милостивъ буди тебѣ грѣшному? За то, что нищему ничего не далъ?»

Въ XVI и XVII вѣкахъ замѣтно усиливается въ нашей литературѣ вліяніе западное, сказывающееся между прочимъ и въ усиленіи реализма. Къ намъ переходятъ такъ называемые Schelmenromane, въ которыхъ представляются продѣлки разныхъ ловкихъ, пронырливыхъ, плутоватыхъ людей, и такіе романы скоро приноравливаются къ русскому быту, такъ что появляются оригинальныя повѣствованія о похожденіяхъ своихъ русскихъ плутовъ, вродѣ извѣстной «Исторіи о дворянинѣ Флорѣ Скобѣевѣ»; въ такихъ разсказахъ и повѣстяхъ несомнѣнно очень сильно отражалась современная русская дѣйствительность, и естественно, что русскій реализмъ является съ извѣстной сатирической окраской. Та же самая сатирическая окраска можетъ быть указана въ произведеніяхъ малорусскихъ ученыхъ, переселившихся въ Москву, въ особенности въ сочиненіяхъ Симеона Полоцкаго; у малороссовъ сатира являлась вслѣдствіе того, что имъ приходилось вести тяжелую борьбу съ исконнымъ невѣжествомъ,

но вскорѣ этой борьбѣ суждено было охватить всю русскую жизнь, и весьма, вслѣдствіе этого, понятно, что сатира на долго установилась въ русской литературѣ, являясь почти единственнымъ отголоскомъ живой дѣйствительности въ этой литературѣ, которая въ новомъ періодѣ чуть ли не цѣлое столѣтіе остается въ извѣстной мѣрѣ оторванною отъ родной почвы.

Реформа Петра Великаго должна была усилить борьбу между защитниками старины и поклонниками западно-европейскаго просвѣщенія, и эта борьба есть источникъ того сатирическаго реализма, который проявляется съ такою силою въ изображеніяхъ невѣждъ въ сатирахъ Кантеміра, въ комедіяхъ Фонвизина, въ журналахъ Новикова и другихъ дѣятелей Екатерининскаго царствованя; даже Державинъ тамъ, гдѣ онъ настраиваетъ свою лиру на сатирическій ладъ, становится до извѣстной степени реалистомъ, отражаетъ современную ему жизнь. Отъ борьбы съ невѣжествомъ и обскурантизмомъ сатира XVIII в. постепенно переходитъ къ обличенію другихъ общественныхъ золъ и неустройствъ, особенно злоупотребленій помѣщичьихъ и административно-судебныхъ, расширяя такимъ образомъ область воспроизведенія дѣйствительности въ литературѣ. Однако, слѣдуетъ сказать, что этотъ реализмъ еще далеко не полонъ: прежде всего ему недостаетъ самостоятельныхъ, народныхъ формъ, литература не можетъ при чуждыхъ формахъ вполнѣ сблизиться съ жизнью, а кромѣ того сатира всегда бываетъ чѣмъ-то одностороннимъ, представляетъ только отрицательныя явленія жизни, тогда какъ не можетъ быть такой жизненной обстановки, которая не имѣла бы хоть какихъ-нибудь положительныхъ чертъ. Въ обществѣ, состоящемъ изъ однихъ лишь невѣждъ и негодяевъ, человѣкъ не можетъ существовать и несомнѣнно, что положительные типы были въ дѣйствительности и въ XVIII вѣкѣ, но литература не умѣла ихъ различать, не умѣла ихъ воспроизводить. Такимъ образомъ реалистическому направленію предстояла важная задача сліянія по формамъ съ народностью и отысканія въ жизни положительнаго содержанія. Задача эта была разрѣшена окончательно Пушкинымъ, но весьма много подвинулись къ ея рѣшенію два предшественника Пушкина, И. А. Крыловъ и А. С. Грибоѣдовъ.

Не останавливаясь на біографіи Крылова, мы упомянемъ только о его первыхъ литературныхъ прозведеніяхъ, а затѣмъ нѣсколько подробнѣе разсмотримъ его басни, какъ наиболѣе

замѣчательный родъ его творчества, такой родъ, къ которому, какъ недавно доказано было Ѳ. А. Витбергомъ, Крыловъ проявилъ склонность въ самомъ началѣ своего литературнаго поприща. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, Крыловъ принимается въ 1789 г. за изданіе журнала «Почта духовъ». Форма, приданная Крыловымъ этому изданію, переписка духовъ Буристона, Вѣстодава, Зора и др., съ волшебникомъ Маликульмулькомъ, есть повтореніе журнала «Адская почта», издававшагося литераторомъ Эминымъ; по содержанію сатирическія статьи «Почты духовъ» близки къ насмѣшкамъ Новикова и другихъ сатириковъ того времени: въ этихъ статьяхъ обличаются нравы жителей подземнаго царства, подъ которымъ слѣдуетъ подразумѣвать Россію, представляются въ яркомъ освѣщеніи невѣжество, внѣшнее просвѣщеніе, щегольство, роскошь, лихоимство, злоупотребленія судей, чиновниковъ и помѣщиковъ.

То же самое находимъ мы и въ журналахъ «Зритель» и «С.-Петербургскій Меркурій», которые Крыловъ издавалъ въ 1792 и 1793 гг. Среди статей послѣдняго изъ этихъ журналовъ слѣдуетъ отмѣтить «Похвальную рѣчь Ермолафиду», въ которой подъ видомъ человѣка, говорящаго ермолафію, т. е. чепуху, Крыловъ изображаетъ Карамзина. «Ермолафидъ, говоритъ Крыловъ, если, спустя десять дней вздумаетъ прочесть свое сочиненіе, то уже не понимаетъ, что онъ хотѣлъ сказать»: причиною такой чепухи Крыловъ считаетъ отрицаніе Карамзинымъ установленныхъ литературныхъ правилъ, а этимъ правиламъ самъ Крыловъ всегда придавалъ большое значеніе, хотя надо сказать, что въ басняхъ онъ какъ-то невольно отъ нихъ отступаетъ. Вообще надо сказать, что къ сентиментализму нашъ баснописецъ относился крайне отрицательно, видя въ немъ извращеніе дѣйствительности, и въ этомъ случаѣ трудно не признать справедливости нападокъ Крылова. Этотъ взглядъ онъ выразилъ, между прочимъ, въ сатирической повѣсти «Каибъ», въ которой осмѣялъ идиллическое изображеніе жизни крестьянъ.

Тѣ же предметы обличенія, что и въ журнальныхъ статьяхъ Крылова, видимъ мы въ его комедіяхъ, изъ которыхъ лучшія— «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», а также и въ прославившихъ его имя басняхъ. Такимъ образомъ, по выбору темъ Крыловъ и въ басняхъ остается связаннымъ съ традиціями Екатерининской эпохи, но какъ реалистъ, онъ отражаетъ измѣнившіяся обстоятельства жизни и дѣлаетъ значитель-

ный шагъ впередъ въ усвоеніи литературѣ элементовъ народныхъ.

Нѣкоторыя изъ басенъ Крылова называются историческими, такъ какъ вызваны опредѣленными событіями жизни, не затрагиваютъ какихъ-либо общихъ ея явленій. Такъ басни: «Ворона и курица», «Щука и котъ», «Обозъ», «Волкъ на псарнѣ», относятся къ фактамъ Отечественной войны: первая представляетъ бѣдственное положеніе французской арміи, вторая—осмѣиваетъ неудачныя дѣйствія адмирала Чичагова, третья — является защитой Кутузова противъ людей, упрекавшихъ его въ медленности, и, наконецъ, четвертая — изображаетъ затрудненіе Наполеона и торжество Кутузова. Кромѣ этихъ басенъ историческою въ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть названа басня «Воспитаніе льва», характеризующая воспитаніе императора Александра I, но въ болѣе обширномъ смыслѣ мы должны считать историческими и очень многія другія басни Крылова, такъ какъ въ нихъ онъ изображаетъ не какіе-либо людскіе пороки, но осмѣиваетъ недостатки современнаго ему русскаго общества: невѣжество и неправильное воспитаніе русскихъ людей, лихоимство судей, ихъ неспособность, бездѣятельность, ненормальныя отношенія сословій и т. д.

Невѣжды выведены Крыловымъ во многихъ басняхъ. Отлично охарактеризовано ихъ враждебное отношеніе къ наукѣ въ басняхъ «Пѣтухъ и жемчужное зерно», «Свинья подъ дубомъ» и «Мартышка и очки». Понимая только матеріальную пользу, невѣжда совсѣмъ не въ состояніи постигнуть значенія очень цѣнныхъ предметовъ, какъ пѣтухъ, находящій пустою вещью жемчужное зерно, или какъ свинья, пренебрежительно отзывающаяся о дубѣ, желудями котораго она питается. Хуже всего, конечно, такое положеніе, когда невѣжда оказывается сильнымъ, власть имѣющимъ, какъ это указано въ баснѣ «Мартышка и очки»; отрицаніе переходитъ въ прямое преслѣдованіе науки, или какъ выражается баснописецъ:

...Ежели невѣжда познатнѣй,
То онъ ее еще и гонитъ.

Невѣжда всегда крайне самоувѣренъ и готовъ взяться за всякое дѣло конечно, при этомъ причиняя только порчу, какъ это представлено въ баснѣ «Голикъ»:

Бываетъ столько же вреда
Когда
Невѣжда не въ свои дѣла вмѣшается
И поправлять труды ученаго возьмется.

Особено же яркій типъ самоувѣреннаго невѣжды выставленъ въ баснѣ: «Оселъ и соловей», въ которой оселъ, несмотря на свое полное непониманіе, рѣшается съ самымъ авторитетнымъ видомъ произносить критическій судъ о пѣніи соловья.

Благодаря подобной самоувѣренности, невѣжды часто берутся за такія дѣла, которыхъ по своей неспособности и неподготовленности не могутъ исполнить сколько-нибудь сносно, какъ это мы видимъ въ баснѣ «Квартетъ», а между тѣмъ причины своего неуспѣха они не въ состояніи понять, и вмѣсто того, чтобы отказаться отъ неосуществимаго намѣренія, пытаются добиться своей цѣли при помощи средствъ, не имѣющихъ никакого значенія. Подобное же невѣжество ведетъ и къ тому, что руководясь совершенно посторонними соображеніями, людямъ поручаютъ дѣла, которыя имъ по недостатку дарованій или спеціальныхъ свѣдѣній, совсѣмъ не по силамъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ господина, устроившаго себѣ домашній оркестръ: его музыканты играютъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова, но онъ утѣшается знаменитымъ объясненьемъ:

Они немножечко дерутъ,
За то ужъ въ ротъ хмельного не берутъ
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.

Въ отвѣтъ на это пріятель меломана высказываетъ вполнѣ резонное пожеланіе:

По мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй!

Та же самая мысль о необходимости «разумѣть дѣло» подчеркивается Крыловымъ въ баснѣ «Бритвы».

Припомнивъ превратные толки о просвѣщеніи, шедшіе съ разныхъ сторонъ въ Александровское время, открытый обскурантизмъ знатныхъ невѣждъ, гнавшихъ науку, полагавшихъ, что «прекрасное поведеніе» можетъ быть полезнѣе знанія въ такихъ дѣлахъ, гдѣ это знаніе необходимо, припомнивъ крайнюю самоувѣренность тогдашнихъ враговъ просвѣщенія, говорить противъ которыхъ бывало порой далеко не безопасно, мы поймемъ, что разсмотрѣнными баснями Крыловъ служилъ великому дѣлу про-

гресса. Но каково же было то просвѣщеніе, которое ему представлялось желательнымъ? Соотвѣтствовалъ ли характеръ современнаго Крылову просвѣщенія тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялъ къ наукѣ баснописецъ? Отвѣтомъ на эти вопросы могутъ служить нѣкоторыя басни, возбуждающія иногда недоумѣніе критиковъ, вызывающія предположеніе, что Крыловъ вообще не понималъ истиннаго значенія науки. Однако, болѣе правильнымъ будетъ разсматривать эти басни не какъ отвлеченныя заключенія о пользѣ науки (а это дѣлаютъ указанные критики), но какъ сужденія о современномъ Крылову состояніи русскаго просвѣщенія»

Въ басняхъ «Два голубя» и а Водолазы» мы какъ бы находимъ основаніе заключать, что Крыловъ возстаетъ противъ стремленій науки проникнуть въ самую глубь изслѣдуемыхъ явленій; гибель водолаза, бросившагося въ черную пучину моря, приводитъ баснописца къ слѣдующему нравоученію:

Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ тамъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

Но гдѣ же была та погибельная пучина, которая раскрывалась передъ русскимъ обществомъ и такъ устрашала баснописца? Вѣдь по меньшей мѣрѣ странно было предостерегать отъ глубокихъ научныхъ изысканій то общество, въ которомъ царило невѣжество, а знаніе проявлялось лишь въ самыхъ слабыхъ зачаткахъ. Поэтому-то и естественно предполагать, что Крыловъ при всей своей сильной наблюдательности видѣлъ пучину въ чемъ-нибудь реальномъ, въ какомъ нибудь явленіи окружавшей его дѣйствительности, а такимъ явленіемъ, возбуждавшимъ опасенія баснописца, могло быть вольномысліе, невѣріе, шедшее къ намъ съ Запада. Эту пучину Крыловъ изображаетъ въ баснѣ «Сочинитель и разбойникъ», въ которой одна и изъ трехъ миѳологическихъ адскихъ сестеръ обращается къ сочинителю со слѣдующей рѣчью:

Уже твои давно истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.

Смотри (тутъ свѣтъ ему она узрѣть дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною?
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей.
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены?—Тобою.
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальство, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти
И связи общества рвался расторгнуть?—Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти и порокъ?
И вонъ, опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой.
Въ ней каждой капли слезъ и крови ты—виной,
И смѣлъ ты на боговъ еще вооружиться!
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра.

Ясно, что въ этомъ случаѣ баснописецъ изображаетъ не Россію, а скорѣе Францію съ ея революціоннымъ движеніемъ; его цѣль показать, что просвѣщеніе, идущее съ Запада, заключаетъ въ себѣ много ложнаго, и не самое просвѣщеніе, но эта ложь, въ него внѣдрившаяся, вызываетъ протестъ Крылова, какъ видно изъ басни «Червонецъ», гдѣ находимъ такое нравоученіе:

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.

Отсюда истекаетъ и недовѣріе Крылова къ воспитателямъ иностранцамъ, изъ которыхъ и лучшій по его словамъ, «ни къ чорту не годится». Вліяніе иностранцевъ отрываетъ русскихъ

юношей отъ родной почвы; дѣти, какъ птенцы кукушки, «не хотятъ совсѣмъ и знать» своихъ родителей и, будучи хорошо знакомы съ иноземной жизнью, совсѣмъ не понимаютъ того, что необходимо для Россіи, какъ это видно изъ словъ льва, воспитаннаго орломъ:

Папа (говоритъ левъ своему отцу), я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь никто:
И отъ орла до перепелки
Какой гдѣ птицы болѣе водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,
Какія яица несетъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки.
Вотъ отъ учителя тебѣ мой аттестатъ:
У птицъ не даромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды.
Когда-жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзда.

Руководясь простымъ здравымъ смысломъ, Крыловъ по отношенію къ просвѣщенію оказывается утилитаристомъ; онъ отвергаетъ науку, которая несостоятельна въ приложеніи къ жизни («Огородникъ и философъ»), которая изобрѣтаетъ разныя ненужныя ухищренія, когда дѣло очень просто («Ларчикъ»), которая за разными букашками не замѣчаетъ слона, въ погонѣ за мелочами упускаетъ изъ виду очень важное («Любопытный»); но изо всего этого нельзя выводить заключенія, чтобы Крыловъ не понималъ значенія истиннаго просвѣщенія, такъ какъ всѣ тѣ явленія, на которыя онъ указываетъ въ упомянутыхъ басняхъ, врядъ ли могутъ заслуживать одобреніе, а въ тогдашней русской жизни встрѣтить ихъ было вполнѣ возможно: были и научные крохоборы, занимавшіеся изученіемъ мелкихъ курьезовъ и не имѣвшіе серьезнаго представленія о наукѣ; были и фантазеры, строившіе разныя теоріи, несостоятельныя на практикѣ.

Обратимся къ тѣмъ баснямъ Крылова, которыя изображаютъ различные недостатки суда и администраціи и тоже могутъ въ извѣстной мѣрѣ считаться историческими. Остановимся прежде всего на басняхъ, рисующихъ невѣжество и бездѣятельность властей. Въ баснѣ «Оракулъ» разсказывается, что въ какомъ-то языческомъ капищѣ былъ богъ, который давалъ очень мудрые отвѣты, пока въ немъ сидѣлъ умный жрецъ; а «какъ засѣлъ

въ него дуракъ, то идолъ сталъ болванъ болваномъ». Отсюда дѣлается такой выводъ:

Встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

При глупости и невѣжествѣ судей и правителей, ихъ бездѣятельность иногда, пожалуй, и полезна (Вельможа); если же подобные люди принимаются за дѣла, то они только портятъ, разрѣшая волкамъ брать съ овецъ только по одной шкурѣ, или постановляя въ наказанье утопить щуку въ прудѣ, а медвѣдя заставить пролежать зиму въ берлогѣ и т. д.

Иногда такія рѣшенья являются не вслѣдствіе невѣжества и глупости судей, а результатомъ пристрастія, такъ какъ правители и судьи берутъ взятки, и Крыловъ даетъ мѣткую характеристику взяточничества въ баснѣ «Лисица и сурокъ»:

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ;
И подлинно весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой,
А смотришь, по маленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

Свои продѣлки взяточники скрываютъ отъ высшей власти, прибѣгая даже къ самому наглому обману; но не всегда имъ это удается, какъ видно изъ басни «Рыбьи пляски». Сюжетъ басни такой: левъ назначилъ воеводой надъ рыбами лисицу, и она, взявъ себѣ въ помощники волка, принялась усердно истреблять рыбъ; обходя свои владѣнія, левъ накрываетъ лису на мѣстѣ преступленія, видитъ рыбъ, жарящихся на сковородѣ; лиса объясняетъ царю звѣрей, что рыбы пляшутъ на сковородѣ отъ радости при его появленіи; но обманъ не удается, и лиса съ секретаремъ своимъ несутъ должное наказаніе.

Отраженіе русской жизни ясно видно и въ тѣхъ басняхъ Крылова, которыя рисуютъ недостатки общественныхъ классовъ: дворянскую спесь («Гуси»), пренебрежительное отношеніе дворянъ

къ низшимъ сословіямъ («Листы и корни»), расточительность, заставляющую прибѣгать къ разнымъ изворотамъ («Тришкинъ кафтанъ»), антагонизмъ между военными и гражданскими чиновниками, развившійся послѣ Отечественной войны («Пушки и паруса») и т. д.

Кромѣ этихъ басенъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ русской дѣйствительности, есть у Крылова не мало и другихъ, изображающихъ общіе людскіе пороки, лѣнь, клевету, лесть, отсутствіе единенія, притѣсненіе слабаго сильнымъ, и представляющихъ, такъ сказать, отвлеченное нравоученіе. Почти всѣ басни этого разряда являются передѣлкою басенъ Лафонтена, но замѣчательны какъ своимъ неподражаемымъ народнымъ складомъ рѣчи, такъ и національзаціей типовъ выведенныхъ въ нихъ животныхъ. Чтобы убѣдиться въ этой послѣдней особенности. стоитъ сравнить хотя бы лису Лафонтеновскую изъ басни «Ворона и Лисица» съ Крыловскою въ той же баснѣ: maître renard Лафонтена говоритъ изысканнымъ языкомъ французскаго придворнаго, тогда какъ Крыловская лиса своей лестью напоминаетъ русскую кумушку; такое же различіе замѣтно и между Крыловскою вороною и французскимъ maître corbeau.

Если Крыловъ по общему характеру своей дѣятельности примыкаетъ къ старому направленію русскаго реализма, то Грибоѣдовъ внесъ въ этотъ реализмъ существенное дополненіе, создавши первый въ нашей литературѣ вполнѣ жизненный типъ положительнаго дѣятеля въ лицѣ Чацкаго, противопоставленнаго московскому высшему обществу, въ которомъ, однако, поэтъ показалъ черты, присущія всему современному ему русскому обществу.

Центральной фигурой въ этомъ обшествѣ является важный чиновникъ, Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ, вѣрный послѣдователь и охранитель всѣхъ московскихъ традицій. Въ сущности вся жизнь Фамусова, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, обусловлена этими крѣпкими традиціями, изъ которыхъ главными нужно считать свѣтскія связи. Такъ какъ въ Москвѣ «дорожатъ дворянствомъ», то Фамусовъ долженъ быть типичнымъ представителемъ взглядовъ и образа жизни дворянскаго круга; онъ принадлежитъ къ тому «порядочному» обществу, основной принципъ жизни котораго есть comme il faut, правило, прекрасно иллюстрированное впослѣдствіи гр. Л. Н. Толстымъ въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ», правило, не имѣющее почти ничего общаго съ

требованіями нравственности, потому что можно быть человѣкомъ весьма невысокимъ въ нравственномъ отношеніи и въ то же время быть вполнѣ равноправнымъ и даже почитаемымъ членомъ порядочнаго общества: къ этому обществу принадлежатъ вѣдь «лгунишка, картежникъ, воръ», Загорѣцкій и низменный Молчалинъ, который числится по архивамъ, т. е. даже входитъ въ категорію свѣтскихъ молодыхъ людей, «архивныхъ юношей». Въ этомъ обществѣ «на все свои законы есть», и отъ нихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отступленія: нужно дѣйствовать и думать такъ же, какъ дѣйствуютъ и думаютъ «всѣ», а эти всѣ вѣрны преданіямъ старины и отлично помнятъ, «какъ дѣлали отцы». Все это прекрасно знаетъ Фамусовъ, и въ точности соблюдаетъ онъ законы общества: поддерживая свои связи, онъ живетъ широко; его дверь «отперта для званыхъ и незваныхъ», но и самъ онъ долженъ помнить, кому и когда слѣдуетъ сдѣлать визитъ, чьимъ расположеніемъ надо особенно дорожить, какъ угодить старухѣ Хлестовой, князю и княгинѣ Тугоуховскимъ и прочимъ членамъ свѣта, мнѣніе котораго для него настолько важно, что при развязкѣ комедіи ему наиболѣе страшнымъ представляется соображеніе о томъ, «что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна».

Такой же хранитель старыхъ традицій — Фамусовъ и въ сферѣ служебныхъ отношеній: онъ смотритъ на дѣла чисто съ формальной точки зрѣнія, заботясь лишь о томъ, чтобы ихъ не накопилось слишкомъ много, и знаетъ, что успѣхъ по службѣ зависитъ больше всего отъ того искусства «сгибаться въ перегибъ», которымъ отличался его сановный дядюшка, Максимъ Петровичъ. Кромѣ формализма старыми преданіями установленъ въ службѣ непотизмъ, и Фамусовъ нисколько не отступаетъ и отъ этого принципа, говоря:

При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣку.

Старыя преданія и мнѣніе свѣта вліяютъ и на семейныя отношенія Фамусова. Къ воспитанію своей дочери онъ относится такъ же формально, какъ и къ службѣ, «принанявши» послѣ смерти своей жены «вторую мать», какую-то madame Розье. Воспитаніе, конечно, дается такое, какого требуетъ свѣтъ; надо

научиться «всему, и танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ», а главное, французскому языку, который въ разговорѣ московскаго общества постоянно смѣшивается съ «нижегородскимъ». По существу конечно, Фамусовъ врагъ просвѣщенья, такъ какъ оно разрушаетъ тѣ традиціи, которымъ онъ такъ вѣренъ, и вноситъ пагубное вольнодумство. Съ полнымъ убѣжденіемъ онъ восклицаетъ:

Ученость—вотъ чума, ученье—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

Вполнѣ естестественнымъ послѣ такого заключенія рецептомъ для того, «чтобъ зло пресѣчь», является пожеланіе Фамусова:

Забрать бы всѣ книги да сжечь.

Во враждѣ къ просвѣщенію сходятся съ Фамусовымъ всѣ члены московскаго общества, и Хлестова, и Тугоуховскіе, и Хрюмины, и Загорѣцкій, и образцовый фрунтовикъ Скалозубъ, въ рѣчахъ которыхъ громко провозглашаются тѣ реакціонные взгляды, что стали господствующими во вторую половину царствованія Александра I. Вся жизнь этого общества строится по тѣмъ же Фамусовскимъ принципамъ, вся она сводится къ поддержанію установившихся традицій. Всѣ члены этого общества находятся въ какомъ-то духовномъ рабствѣ, такъ какъ никто изъ нихъ не помышляетъ отнестись самостоятельно, критически къ разъ установившимся въ ихъ кругу взглядамъ и обыкновеніямъ. Далеко не одному Молчалину кажется непозволительнымъ «свое сужденіе имѣть», и чуть только кто попробуетъ высказать сомнѣніе въ справедливости какого-либо обще-распространеннаго взгляда, онъ навлекаетъ на себя строгія порицанія, какъ это случилось съ Репетиловымъ, рѣшившимся не повѣрить слуху о сумасшествіи Чацкаго, да и самое это сумашествіе заключается вѣдь въ томъ лишь, что Чацкій рѣшился вслухъ высказывать воззрѣнія, противорѣчащія тому, во что вѣрятъ и чему безусловно подчиняются «всѣ», т. е. Фамусовскій кругъ.

Какъ будто исключеніемъ изъ этого общества представляется Репетиловъ, который принимаетъ участіе въ какомъ-то «секретнѣйшемъ союзѣ», собирающемся тайно по четвергамъ въ англійскомъ клубѣ. Какъ онъ самъ себя (не безъ сильнаго преувеличенія) рекомендуетъ, его прошлое далеко не таково,

чтобы онъ могъ стать членомъ какого нибудь серьезнаго тайнаго общества, и дѣйствительно, составъ кружка, къ которому онъ принадлежитъ, врядъ ли можно считать особенно замѣчательнымъ, хотя Репетиловъ и называетъ своихъ пріятелей «сокомъ умной молодежи». Вотъ этотъ кружокъ, по его описанію»:

. . . . во-первыхъ, князь Григорій
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко остриженъ для порядка.
Другой Воркуловъ Ердокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О диво!
. . . . . .
Еще у насъ два брата
Левонъ и Боренька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что сказать.
Но если генія прикажете назвать—
Удушьевъ, Ипполитъ, Маркелычъ!
Ты сочиненія его читалъ ли что-нибудь? Хоть мелочь?
Прочти братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: Взглядъ и Нѣчто.
О чемъ бишь Нѣчто?—обо всемъ.
Все знаетъ: мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.

Конечно, ни съ подобнымъ кружкомъ, ни съ враждебнымъ просвѣщенію Фамусовскимъ обществомъ, которое усвоило себѣ внѣшность европейскаго образованія, не можетъ быть ничего общаго у главнаго героя комедіи, у Чацкаго, человѣка образованнаго въ истинномъ смыслѣ этого слова. Побывавши за границей и серьезно поучившись, Чацкій понимаетъ всю ложь направленія московскаго общества, видитъ, насколько низки его духовные интересы, сколько вреда приноситъ внѣшнее усвоеніе европейской цивилизаціи. Онъ

является борцомъ за національныя начала жизни и рѣшительно возстаетъ противъ раболѣпства передъ иностранцами, причемъ иногда, какъ увлекающійся человѣкъ, доходитъ до крайностей, какъ это видно изъ его извѣстной пламенной рѣчи, произносимой на балу у Фамусова.

Я (говоритъ Чацкій) одинъ возсылалъ желанья,
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ иль примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою вожжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ—
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперековъ стихіямъ;
Движенья связаны, и не краса лицу.
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы всѣ перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?

Крайностью здѣсь являются нападки на европейскій костюмъ, но надо помнить, что такія нападки вызываются исключительно внѣшнимъ характеромъ подражанія иноземцамъ; крайностью, конечно, слѣдуетъ признать и желаніе подражать китайцамъ въ незнаніи иноземцевъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Чацкій вѣдь ѣздилъ же за границу «ума искать», такъ что въ этихъ словахъ нельзя видѣть истиннаго стремленія совсѣмъ оторваться отъ Запада, а надо на нихъ смотрѣть, какъ на рѣзкій протестъ противъ односторонняго и чрезмѣрнаго подражанія. Однако уже далеко не крайностью представляются заключительныя слова приведеннаго отрывка рѣчи Чацкаго: въ этихъ словахъ звучитъ вполнѣ нормальное желаніе сблизиться съ роднымъ народомъ, и въ этомъ Чацкій болѣе всего подходитъ къ тому нашему ум-

ственному теченію, которое извѣстно подъ именемъ славянофильства.

Желаніе сблизиться съ народомъ есть источникъ серьезныхъ общественныхъ взглядовъ Чацкаго: для него служба не есть одно средство составлять карьеру, а есть серьезное дѣло на пользу народа. Не можетъ онъ также не возставать и противъ крѣпостного права: ярко рисуетъ онъ тѣ злоупотребленія, то приниженіе личности крестьянъ, тотъ произволъ помѣщиковъ, которые происходили отъ этого тяжелаго явленія русской жизни. Чацкій, какъ говоритъ Гончаровъ, «очень положителенъ въ своихъ положеніяхъ и заявляетъ ихъ въ готовой программѣ, выработанной не имъ, а уже начатымъ вѣкомъ. Онъ не гонитъ съ юношеской запальчивостью со сцены всего, что уцѣлѣло, что, по законамъ разума и справедливости, какъ по естественнымъ законамъ въ природѣ физической, осталось доживать свой срокъ, что можетъ и должно быть терпимо. Онъ требуетъ ста и свободы своему вѣку: проситъ дѣла, но не хочетъ прислуживаться и клеймитъ позоромъ низкопоклонство и шутовство. Онъ требуетъ «службы дѣлу, а не лицамъ», не смѣшиваетъ веселья и дурачества съ дѣломъ, какъ Молчалинъ, — онъ тяготится среди пустой, праздной толпы «мучителей, зловѣщихъ старухъ, вздорныхъ стариковъ, отказываясь преклоняться передъ ихъ авторитетомъ дряхлости, чинолюбія и проч. Его возмущаютъ безобразныя проявленія крѣпостного права, безумная роскошь и отвратительные нравы «разливанья въ пирахъ и мотовствѣ»—явленія умственной и нравственной слѣпоты и растлѣнія. Его идеалъ «свободной жизни» опредѣлителенъ: это — свобода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, а потомъ свобода—«вперить въ науку умъ, алчущій познаній», или безпрепятственно предаваться «искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ»—свобода «служить или не служить», жить въ деревнѣ или путешествовать, не слывя за то ни разбойникомъ, ни зажигателемъ — и рядъ дальнѣйшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ — отъ несвободы».

Внѣшнимъ образомъ въ своей борьбѣ съ Фамусовскимъ обществомъ Чацкій терпитъ пораженіе, онъ вынужденъ удалиться «искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ»; но истинная побѣда за нимъ, его идеалы должны восторжествовать въ будущемъ, когда на общественное поприще выступятъ дру-

гіе дѣятели, пробужденные его горячей проповѣдью просвѣщенія. Какъ отмѣчаетъ Гончаровъ, у Чацкаго «есть уже и единомышленники. Скалозубъ жалуется, что братъ его оставилъ службу, не дождавшись чина, и сталъ читать книги. Одна изъ старухъ ропщетъ, что племянникъ ея, князь Ѳедоръ, занимается химіей и ботаникой». Мы знаемъ, что въ то время, какъ создавалось «Горе отъ ума», дѣйствительно, являлись такіе люди... Это были провозвѣстники новыхъ могучихъ теченій русской мысли, тѣхъ теченій, которымъ суждено было развиться въ 40 годахъ XIX вѣка и которыя привели къ приснопамятной эпохѣ реформъ... Это были тѣ новыя литературныя силы, во главѣ которыхъ стало геніальное дарованіе Пушкина, открывшаго новую эпоху вполнѣ самостоятельнаго развитія нашей литературы.

Въ отношеніи литературномъ, въ смыслѣ поступательнаго движенія нашей литературы по пути сближенія съ дѣйствительностью, типъ Чацкаго представляетъ огромный шагъ впередъ. Это первый въ нашей литературѣ положительный типъ общественнаго дѣятеля, борца за идеалы. Чацкаго нельзя отнести къ категоріи тѣхъ резонеровъ, которыхъ выставляла комедія прежняго времени и которые безстрастно излагали передъ публикой мысли автора. Резонеры эти на сценѣ не жили, они только говорили, поучали зритетелей; а кромѣ того слѣдуетъ сказать, что ихъ не было и въ дѣйствительной жизни, они являлись чистѣйшею фикціею, нарушавшею цѣльность той реалистической картины, въ рамки которой ихъ втискивалъ дидактизмъ автора. Совсѣмъ не то—Чацкій: онъ и на сценѣ живетъ, «волнуется, бѣсится», смѣется, радуется и больше всего страдаетъ и отъ личной драмы, и отъ разлада съ обществомъ. Чацкаго обвиняютъ въ томъ, что онъ только говоритъ, или же больше говоритъ, чѣмъ дѣйствуетъ; но если даже мы признаемъ, это это такъ, намъ все-таки нельзя за это бросить камнемъ въ Чацкаго, признать его резонеромъ. Вѣдь и въ жизни есть люди, дѣломъ которыхъ является именно слово, проповѣдь новыхъ идей, и весь вопросъ въ томъ, составляютъ ли эти идеи самое ядро натуры подобныхъ людей, связаны ли онѣ неразрывно съ самымъ ихъ существомъ, или эти идеи только нѣчто повторяемое ими съ чужого голоса, не пережитое, не вошедшее въ ихъ плоть и кровь. Разъ мы поставимъ вопросъ такимъ образомъ, мы сумѣемъ отличить резонера отъ живого человѣка и намъ уже невозможно будетъ видѣть въ Чацкомъ резонера. Нѣтъ! онъ живой чело-

вѣкъ! Но откуда же взялъ Грибоѣдовъ этого живого человѣка? Конечно, онъ его не выдумалъ, а нашелъ въ современной дѣйствительности: въ характерѣ и стремленіяхъ Чацкаго много есть такого, что свойственно было самому Грибоѣдову, но дѣйствительность представляла и другія данныя для типа Чацкаго. Мы знаемъ, что были и другіе оригиналы для этого типа: таковъ былъ гусарскій офицеръ П. Я. Чаадаевъ (уже по фамиліи близкій къ Чацкому—Чадскому), проповѣдникъ прогрессивныхъ идей, кстати, признанный впослѣдствіи сумасшедшимъ; таковы были декабристы, эти безумцы—патріоты, думавшіе сочетать національное благо съ европейскимъ просвѣщеніемъ... Такимъ образомъ лица, подобныя Чацкому, давались самою жизнью, и созданіемъ этого типа Грибоѣдовъ оказалъ величайшую услугу русской литературѣ, сдѣлавъ первую, геніальную попытку вывести ее на путь идеальнаго реализма, на который окончательно вывелъ ее Пушкинъ.

Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ вся Россія готовится къ торжественному чествованію памяти Пушкина: каждый день со всѣхъ сторонъ мы получаемъ извѣстія о томъ или другомъ начинаніи которое связывается съ предстоящимъ національнымъ празднествомъ и въ которомъ такъ или иначе должна выразиться благодарность русскаго общества своему великому учителю-поэту. Въ этомъ движеніи почти не замѣчается показная, офиціальная сторона, а, напротивъ, выдвигается на первый планъ чисто сердечный его характеръ, и это, конечно, является отраднѣйшимъ признакомъ нашей умственной зрѣлости. Мы не только далеко оставили за собою ту этнографическую ступень развитія, на которой народъ живетъ почти исключительно настоящимъ и не умѣетъ цѣнить заслуги своихъ былыхъ вождей; мы не только, по выраженію нашего историка, С. М. Соловьева, перестали быть народомъ безпамятнымъ, но мы даже научились должнымъ образомъ понимать значеніе такихъ людей, дѣятельность которыхъ не представляетъ чего-либо эффектнаго по внѣшности; насъ привлекаетъ уже не одна слава, купленная кровью, намъ дороги и безкровныя побѣды въ чистой и не знающей ограниченія области духа, такъ что мы можемъ сознавать себя въ извѣстной мѣрѣ достойными нашихъ великихъ дѣятелей науки и искусства, тѣхъ представителей творчества научнаго и поэтическаго, которые ведутъ насъ къ мирнымъ и при томъ неотъемлемымъ завоеваніямъ.

Велики пріобрѣтенія науки, сильно расширяютъ они нашъ умственный кругозоръ, во многомъ облегчаютъ они нашу жизнь, содѣйствуютъ улучшенію окружающей насъ обстановки какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, но они одни далеко не въ состояніи удовлетворять ту духовную жажду, въ которой, быть можетъ, заключается самая важная сторона, если не весь смыслъ нашего существованія. Нѣтъ человѣка, въ которомъ не было бы стремленія въ какой-то лучшій міръ, сто-

ящій выше нашей земной юдоли, такъ что это стремленіе къ совершенству должно быть признано чѣмъ-то неразрывно связаннымъ съ самою природою человѣка, и вотъ здѣсь-то мы замѣчаемъ бѣдность нашей науки, такъ какъ врядъ ли когда-нибудь она дойдетъ до основательнаго разрѣшенія всѣхъ проблемъ, которыя выдвигаются передъ нами въ одной лишь познавательной области, врядъ ли настанетъ такое время, когда мы силою нашего разума постигнемъ истину во всей ея полнотѣ. Но кромѣ истины духъ нашъ стремится къ добру и красотѣ, и осуществленіе этихъ двухъ сторонъ идеальнаго совершенства требуетъ другихъ путей; на смѣну безсильной науки съ одной стороны выступаетъ мораль, на религіозномъ или иномъ какомъ-либо основаніи, а съ другой—художественное творчество въ своихъ многообразныхъ проявленіяхъ.

Такимъ образомъ поэтъ ведетъ насъ къ разрѣшенію высшихъ нравственныхъ задачъ, къ воплощенію нашего идеала и восполняетъ какъ то, что дается ученымъ, такъ и то, на что указываетъ намъ моралистъ. Поэта можно назвать учителемъ жизни; онъ объясняетъ намъ дѣйствительность, въ вѣчномъ круговоротѣ явленій помогаетъ намъ отдѣлить случайное отъ общаго, раскрываетъ намъ внутренній, таинственный смыслъ жизни, намѣчаетъ передъ нами путь нравственнаго совершенства и приближаетъ насъ къ идеалу вѣчной красоты. Все это труизмы, избитыя истины, но ихъ приходится всегда припоминать, когда рѣчь заходитъ объ историческомъ и особенно воспитательномъ значеніи поэта, потому что очень много есть такихъ людей, которые готовы ограничить роль поэзіи какой-либо одною областью, забывая что главная ея сила заключается именно въ объединеніи отдѣльныхъ сторонъ идеала.

Нельзя сказать, чтобы задача разныхъ искусствъ, и въ томъ числѣ поэзіи, состояла исключительно въ воспроизведеніи дѣйствительности, какъ это думаютъ крайніе представители натуральной школы; но въ то же время невозможно сводить поэзію на степень нравственно-публицистической проповѣди, какъ это дѣлается критиками-публицистами, или же заставлять ее служить одной красотѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было общественно-нравственныхъ задачъ, о чемъ толкуютъ сторонники такъ называемой теоріи чистаго искусства. Ни въ одной изъ этихъ крайностей, конечно, нельзя найти истиннаго опредѣленія задачъ поэтической дѣятельности, и правда, какъ намъ

кажется, должна быть въ сліяніи указанныхъ трехъ направленій, причемъ получается слѣдующая формулировка: поэтъ одновременнно служитъ истинѣ, добру и красотѣ, стремясь, при точномъ воспроизведеніи дѣйствительности, къ торжеству нравственнаго начала и къ осуществленію его въ прекрасныхъ образахъ.

Если мы примемъ такое опредѣленіе, то окажется рѣшительно невозможнымъ, немыслимымъ форму отрывать отъ содержанія, какъ это сплошь и рядомъ практикуется разными цѣнителями, изъ которыхъ одни окончательно пренебрегаютъ внѣшней стороной произведенія, а другіе, наоборотъ, чуть ли не въ ней одной готовы видѣть все достоинство поэтическаго созданія. И дѣйствительно, разсматривая произведенія великихъ поэтовъ мы въ нихъ постоянно встрѣчаемся съ указаннымъ гармоническимъ объединеніемъ разныхъ сторонъ идеала, и невольно рождается вопросъ, не въ этомъ ли самомъ фактѣ и слѣдуетъ прежде всего искать воспитательнаго значенія ихъ поэзіи? Думается намъ, что именно такая цѣльность идеальнаго созерцанія должна придавать наибольшую силу твореніямъ поэта, что въ ней-то и заключается секретъ его вліянія на людей, его могучаго эстетически-нравственнаго на нихъ воздѣйствія, и, обращаясь къ произведеніямъ Пушкина, мы невольно увидимъ въ нихъ какъ разъ эту самую основную особенность, это тѣснѣйшее сочетаніе формы съ идеей, прекраснаго образа съ возвышеннымъ нравственнымъ урокомъ.

Давно уже стало общимъ мѣстомъ, что поэзія Пушкина какъ по содержанію, такъ и по своимъ формамъ, отличается крайнею разносторонностью и лучше всего можетъ быть охарактеризована при помощи того образа, который онъ самъ далъ намъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
    На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
    Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
    И шлешь отвѣтъ:
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
    И ты, поэтъ!

Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ представляетъ отзывчивость къ впечатлѣніямъ окружающаго міра вообще свойствомъ поэта, не примѣняя, быть можетъ, этого наблюденія исключительно къ самому себѣ; но, изучая его произведенія, невольно соглашаешься съ Достоевскимъ, который въ своей знаменитой рѣчи при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ указалъ, что подобная отзывчивость есть наиболѣе выдающаяся особенность именно самого Пушкина.

«Нашъ поэтъ, —говорилъ Достоевскій, — представляетъ собою нѣчто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигдѣ и ни у кого. Въ самомъ дѣлѣ, въ европейскихъ литературахъ были громадной величины художественные геніи— Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ геніевъ, который бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ. И эту-то способность, главнѣйшую способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ главнѣйше, онъ и народный поэтъ. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такой силой геній чужого, сосѣдняго, можетъ быть, съ ними народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по своему. Даже у Шекспира его итальянцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изо всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность... Положительно скажу, не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью, какъ Пушкинъ, и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, перевоплощеніи почти совершенномъ, а потому и чудесномъ, потому что нигдѣ, ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось. Это только у Пушкина, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслыханное, а, по нашему, и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и выразилась наиболѣе его національная русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народ-

ности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и всечеловѣчности?»

Въ доказательство этой своей мысли Достоевскій ссылается на нѣсколько фактовъ такого поразительнаго перевоплощенія въ духъ другой эпохи и другого народа въ произведеніяхъ Пушкина; не повторяя этихъ любопытныхъ указаній, приведу хотя два примѣра замѣчательнаго отраженія Пушкинымъ древняго классическаго міра въ его стихотвореніяхъ. Таковъ слѣдующій отрывокъ «Изъ Ксенофана Колофонскаго»:

«Чистый лоснится полъ, стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи, [душою
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой
Правду блюсти; вѣдь оно же и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо».

Переводъ этихъ стиховъ, какъ показываетъ сравненіе съ подлинникомъ, не вполнѣ точенъ, но тѣмъ не менѣе трудно не замѣтить, что при всѣхъ отступленіяхъ, несмотря даже на анахронизмъ эпитета «стеклянныя», вполнѣ вѣрно переданъ духъ античнаго міросозерцанія, его спокойствіе, ясность, эпикурейская уравновѣшенность и жизнерадостность, даже складъ рѣчи въ нѣсколько тавтологическомъ, тяжеломъ выраженіи «вѣщать благовѣщія рѣчи», такъ что въ этихъ немногихъ строкахъ чувствуется гораздо болѣе сильное перевоплощеніе современнаго поэта въ древній міръ, чѣмъ въ очень точныхъ переводахъ Гнѣдича и нѣкоторыхъ преемниковъ Пушкина, затрогивавшихъ область классической поэзіи. Такая вѣрность передачи тѣмъ болѣе поразительна, что переводъ явился не прямо съ подлинника, а при посредствѣ французскаго перевода.

То же самое приходится сказать и относительно слѣдующей оды Анакреона:

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай же, мальчикъ рѣзвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.

Мы не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ, за чашей я пою
Иль бесѣдую невинно.

Подобная же вѣрность оригиналу замѣчается и въ другой одѣ того же древняго поэта:

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ ихъ строго.
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода;
Входъ въ него для всѣхъ открытъ;
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ навѣки тамъ забытъ.

Приведенныя стихотворенія представляютъ собою переводы, но перевоплощеніе еще ярче обнаруживается въ оригинальныхъ, классическихъ произведеніяхъ нашего поэта, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ антологическомъ образцѣ:

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая—
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

Читая такія строки, положительно можно забыть, что онѣ принадлежатъ поэту XIX столѣтія, — ихъ можно принять за переводъ: до того близко выражаемое ими настроеніе къ тому, что мы находимъ въ цитированныхъ переводахъ, подражатель какъ бы онъ ни былъ свѣдущъ, не можетъ такъ писать; для этого нужно быть геніемъ, постигающимъ глубочайшую сущность чуждаго духовнаго строя.

Таковы факты возсозданія античнаго духа въ поэзіи Пуш-

кина, но вѣдь возможно и у другихъ поэтовъ нѣчто подобное мы имѣемъ право предположить и у другихъ такое же проникновеніе древнимъ міросозерцаніемъ; но если бы даже наше предположеніе вполнѣ подтвердилось, за Пушкинымъ остается всетаки преимущество въ этомъ отношеніи, что для него существуетъ не одна эта античная сфера, и что такое же перевоплощеніе можно наблюдать и тамъ, гдѣ онъ касается поэзіи восточной, міра средневѣкового, Англіи, Германіи, Италіи, Испаніи, гдѣ онъ переносится въ древнюю Русь, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ пѣснями славянскихъ племенъ (причемъ опять-таки посредникомъ ему служитъ текстъ французскій), гдѣ онъ даетъ намъ образцы русскаго народнаго стиля, какъ это дѣлается имъ въ сказкахъ и даже въ «Русланѣ и Людмилѣ», несмотря на не совсѣмъ доброкачественный источникъ этой поэмы въ передѣлкахъ народныхъ сказаній литератора екатерининской эпохи Чулкова.

Эта же самая способность Пушкина была замѣчена еще Бѣлинскимъ, который, приведя подражаніе Пушкина Горацію, указалъ, что «въ этомъ стихотвореніи видна художническая способность Пушкина переноситься во всѣ сферы жизни, во всѣ вѣка и страны, — виденъ тотъ Пушкинъ, который при концѣ своего поприща нѣсколькими терцинами въ духѣ Дантовой «Божественной комедіи» познакомилъ русскихъ съ Дантомъ больше, чѣмъ могли бы это сдѣлать всевозможные переводчики, — какъ можно познакомиться съ Дантомъ, только читая его въ подлинникѣ».

Такая разносторонность поэзіи Пушкина, его отзывчивость къ самымъ разнохарактернымъ міросозерцаніямъ придаютъ особенную силу его творчеству и въ этомъ прежде всего можно видѣть великое воспитательное его значеніе: онъ даетъ намъ какъ бы энциклопедію міровой поэзіи, но это не хрестоматія переводовъ вродѣ извѣстныхъ «Голосовъ народовъ» (Stimmen der Völker) нѣмецкаго поэта Гердера или прекрасныхъ переводовъ Жуковскаго — это скорѣе синтезъ міровой поэзіи; благодаря Пушкину, мы входимъ въ общеніе съ духомъ разныхъ временъ и народовъ; его поэзія есть великая сокровищница, въ которой для насъ собрано достояніе, накопленное вѣками творчества, и наше національное міросозерцаніе расширяется привнесеніемъ элементовъ общечеловѣческихъ. Поэзія Пушкина есть въ извѣстной степени та арфа человѣчества, состоящая изъ мно-

гихъ струнъ, представляемыхъ отдѣльными народами, о которой когда-то говорилъ Гердеръ.

Разносторонность творчества ведетъ къ крайнему богатству языка, и мы знаемъ, что подъ перомъ Пушкина нашъ литературный языкъ впервые обнаружилъ все свое разнообразіе, свою силу. Для Пушкина въ этомъ отношеніи исчезли всѣ тѣ стѣснительныя правила стиля, которыми руководилась наша литература въ Петровскомъ періодѣ. Для него нѣтъ условнаго дѣленія стилей онъ не знаетъ ни высокихъ, ни низкихъ словъ, ни требованій такъ называемаго хорошаго вкуса, ни намѣренной архаичности языка, ни столь же искусственнаго его подновленія или опрощенія, онъ видитъ передъ собой все необъятное богатство живой русской рѣчи и пользуется ею, не обращая вниманія на притязанія мнимыхъ охранителей ея чистоты. Заслуга Пушкина въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе велика, что для его реформы литературнаго языка нужно было обладать крайнею смѣлостью въ ту эпоху, когда началось его творчество, и мы знаемъ, какимъ рѣзкимъ нападкамъ онъ подвергался со стороны современной ему критики за нарушеніе якобы непререкаемыхъ правилъ. И тѣмъ болѣе надо удивляться его смѣлости, что она обнаруживается уже въ лицейскихъ его стихотвореніяхъ, въ ученическихъ опытахъ. Въ одномъ посланіи онъ говоритъ:

«Устрой гостямъ пирушку,
На столикъ вощаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой».

По этому поводу Бѣлинскій совершенно справедливо замѣчаетъ: «За исключеніемъ Державина, поэтической натурѣ котораго никакой предметъ не казался низкимъ, изъ поэтовъ прежняго времени никто не рѣшился бы говорить въ стихахъ о пивной кружкѣ, и самый пуншевой кубокъ каждому изъ нихъ показался бы прозаическимъ: въ стихахъ тогда говорилось не о кружкахъ, а о фіалахъ, не о пивѣ, а объ амброзіи и другихъ благородныхъ, но не существующихъ на бѣломъ свѣтѣ напиткахъ». Пушкинъ гораздо лучше учитъ насъ русскому языку и русскому стилю, чѣмъ всякіе многоученые авторы грамматикъ и риторикъ Говорить объ этой сторонѣ его дѣятельности въ краткой бесѣдѣ нѣтъ возможности сколько-нибудь обстоятельно, а потому, чтобы не повторять общеизвѣстныхъ истинъ, мы огра-

ничимся настоящимъ замѣчаніемъ и перейдемъ къ внутренней сторонѣ творчества нашего поэта.

Но прежде позволимъ себѣ привести принадлежащую Бѣлинскому вдохновенную характеристику стиха Пушкина: «Античная пластика и строгая простота сочетались въ немъ съ обаятельною игрою романтической риѳмы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явилась въ немъ въ удивительной полнотѣ; онъ нѣженъ, сладостенъ, мягокъ, какъ ропотъ волны, тягучъ и густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча богатыря. Въ немъ и обольстительная, невыразимая прелесть и грація, въ немъ ослѣпительный блескъ и кроткая влажность, въ немъ все богатство мелодіи и гармоніи языка и риѳма, въ немъ вся нѣга, все упоеніе творческой мечты, поэтическаго выраженія. Еслибъ мы хотѣли охарактеризовать стихъ Пушкина однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по преимуществу поэтическій, художественный, артистическій стихъ,—и этимъ разгадали бы тайну паѳоса всей поэзіи Пушкина...»

Касаясь содержанія поэзіи Пушкина, мы на первый планъ должны поставить воспроизведеніе имъ дѣйствительности, такъ какъ основное стремленіе его творчества есть правдивость. Онъ представляетъ жизнь во всей ея широтѣ, для него нѣтъ такихъ предметовъ, которые онъ призналъ бы недостойными своей поэзіи, и въ этомъ смыслѣ мы находимъ прекрасное объясненіе въ стихотвореніи «Капризъ». Вотъ это стихотвореніе:

«Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что-жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій.
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.

И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ, за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй! ждать некогда, давно-бъ ужъ схоронилъ!

Какъ проста картинка, представленная въ этомъ стихотвореніи! Какое полное отсутствіе какой бы то ни было эффектности, чего-либо яркаго, бросающагося въ глаза! Какъ мало матеріала въ этой картинѣ для тѣхъ людей, которые видятъ поэзію только въ извѣстной условной красотѣ! Нѣтъ ровно ничего, что можетъ очаровывать: нѣтъ ни свѣтлыхъ нивъ, ни темныхъ лѣсовъ, столь необходимыхъ при идиллическомъ изображеніи, какъ оно понималось до Пушкина. Рисуется бѣдный осенній пейзажъ русскаго селенія, будничная обстановка похоронъ крестьянскаго ребенка, причемъ не забыта даже та подробность, что гробъ несется подъ мышкой! Дѣйствительность представлена безъ всякихъ украшеній, какъ это требовалось бы эстетическимъ вкусомъ той эпохи, въ которую выступилъ Пушкинъ, и какъ это признается иногда необходимымъ и въ наше время, а между тѣмъ, развѣ можно сказать, что эта картинка не производитъ эстетическаго впечатлѣнія? Красота здѣсь несомнѣнно присутствуетъ, и она чувствуется гораздо болѣе, чѣмъ во всѣхъ намѣренно украшенныхъ изображеніяхъ: красота заключается прежде всего въ правдивости, которая для русскаго поэта соединяется съ простотой. Поэтому Пушкинъ и не знаетъ «низкой природы», и она открыто высказываетъ, къ чему склоняется его вкусъ:

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ сѣнью липъ густыхъ—
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеалъ теперь---хозяйка,
Мои желанія --- покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой...

Нѣтъ красоты тамъ, гдѣ нѣтъ правды,—вотъ та великая истина, которую раскрываетъ намъ поэзія Пушкина; но при этомъ есть еще одинъ элементъ, который придаетъ цѣну поэтическому воспроизведенію дѣйствительности: этотъ элементъ есть отношеніе художника къ своему изображенію. Мы видимъ, что поэтъ любитъ ту дѣйствительность, которую онъ намъ представляетъ, и въ этомъ любовномъ чувствѣ поэта заключается для насъ новый источникъ очарованія: какъ бы ни была неприглядна дѣйствительность, но если она озарена высшимъ свѣтомъ любви, онъ возводится, какъ выразился Гоголь, въ перлъ созданія.

Какое бы ни взяли произведеніе Пушкина, мы въ немъ замѣтимъ именно такое отношеніе къ дѣйствительности: въ этомъ-то и состоитъ сущность того идеальнаго реализма, который введенъ въ нашу литературу Пушкинымъ и который является наиболѣе цѣнною ея особенностью. Подобный взглядъ на жизнь помогаетъ въ ней открыть красоту, такъ какъ во всемъ разлито божественное начало, само по себѣ прекрасное. Гораздо важнѣе найти красоту въ томъ, мимо чего мы постоянно проходимъ почти съ полнымъ равнодушіемъ, чѣмъ замѣтить ее въ грандіозныхъ, героическихъ образахъ. Благодаря такому отношенію, вполнѣ понятнымъ становится созданіе Пушкинымъ такихъ идеальныхъ типовъ, какъ Татьяна или Марья Ивановна Миронова. Въ этихъ на первый взглядъ заурядныхъ личностяхъ Пушкинъ сумѣлъ разглядѣть такія свойства, которыя ставятъ ихъ на недосягаемую нравственную высоту.

Указанное отношеніе къ дѣйствительности истекаетъ изъ широко развитого въ нашемъ поэтѣ чувства человѣчности, которое является особенно для насъ поучительнымъ и въ которомъ вмѣстѣ съ правдивостью можно видѣть завѣтъ его послѣдующей русской литературѣ. Враждебное озлобленіе совершенно не свойственно мягкой, чистой натурѣ Пушкина. На это могутъ намъ, пожалуй, возразить указаніемъ на стихотвореніе «Бородинская годовщина» и оду «Клеветникамъ Россіи», но такое возраженіе далеко не будетъ справедливымъ. Во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что эти произведенія явились, какъ отвѣтъ на ожесточенные нападки западныхъ политиковъ на Россію, и раздраженіе поэта объясняется полемическимъ характеромъ его рѣчи; и во-вторыхъ, и тутъ Пушкинъ по отношенію къ полякамъ оказывается настроеннымъ вполнѣ гуманно, указывая на домашній,

семейный характеръ славянскаго спора и прямо отрекаясь отъ мстительныхъ чувствъ къ побѣжденнымъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

Онъ народной Немезиды
Не узритъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Съ этими словами вполнѣ гармонируетъ то примирительное настроеніе, которое выражается въ задушевныхъ строкахъ, посвященныхъ Мицкевичу:

. . . . . Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ: мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями (онъ вдохновленъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ.
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся..
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни бурной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!.. О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

Въ этомъ чудномъ стихотвореніи лучше всего выразилась незлобивость русской души великаго поэта; онъ также «незлобенъ памятью», какъ и любимый его герой, Петръ Великій: онъ помнитъ задушевныя, мирныя бесѣды съ геніальнымъ представителемъ польской поэзіи, а на его гнѣвныя рѣчи отвѣчаетъ мольбой ко Всевышнему о ниспосланіи мира его озлобленной душѣ.

Совершенно такое же проявленіе незлобивости мы видимъ и въ воспоминаніи о Наполеонѣ; поэтъ прощаетъ Наполеону тѣ оскорбленія, которыя онъ нанесъ русскому патріотическому чувству, и восклицаетъ:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ!

Обращаясь отъ этихъ политическихъ мотивовъ къ чувствамъ личнымъ, мы замѣтимъ въ нашемъ поэтѣ то же самое гуманное настроеніе, и въ этомъ случаѣ особенно характерными представляются тѣ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ прощается съ любимымъ существомъ. Еще Бѣлинскій назвалъ высокочеловѣческими знаменитые стихи:

«Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ».

Эти нѣжнѣйшіе стихи напомнили нашему критику слѣдующее стихотвореніе Пушкина, написанное нѣсколько позже:

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумной предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!.. Ужель не можно мнѣ
. . . . . .
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселье, миръ души, безпечные досуги,
Все... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги»?

Какъ прекрасны, какъ возвышенны чувства, выраженныя въ этомъ дивномъ стихотвореніи! Полное забвеніе своей личности, рѣшительное отреченіе отъ столь обычнаго любовнаго эгоизма заставляютъ признать это стихотвореніе драгоцѣннѣйшимъ перломъ въ области любовной лирики, въ которой даже у величайшихъ поэтовъ мы много находимъ произведеній, внушенныхъ совсѣмъ инымъ настроеніемъ и провозглашающихъ весьма несимпатичныя стремленія.

Глубокая человѣчность придаетъ своеобразную окраску и другому чувству, выражаемому въ поэзіи Пушкина. Я говорю о его грусти, давшей источникъ нѣсколькимъ несравненнымъ элегіямъ. Эта грусть никогда почти не захватываетъ поэта въ такой степени, чтобы онъ забывалъ о мірѣ, о другихъ людяхъ. Тягостная, постоянно преслѣдующая поэта, мысль о смерти смягчается сознаніемъ вѣчности мірового порядка, въ которомъ все прекрасно, и Пушкинъ заканчиваетъ свою элегію «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ» знаменитымъ пожеланіемъ:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Поэтъ любитъ людей и потому, изобразивъ свое посѣщеніе родного уголка и тѣ перемѣны, которыя онъ тамъ нашелъ, такъ сочувственно привѣтствуетъ грядущее поколѣніе;

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго.

Однако, грусть должна уступать мѣсто и не однимъ такимъ размышленіямъ, и въ поэзіи Пушкина мы встрѣчаемся съ ободряющимъ призывомъ къ жизни и дѣятельности. «Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать», восклицаетъ онъ, и въ этомъ энергичномъ заявленіи выражается весьма возвышенное представленіе о задачѣ человѣческаго существованія: того поэта, который такъ смотритъ на жизнь, совсѣмъ несправедливо обвинять въ какомъ-то легкомысленномъ эпикуреизмѣ. Подобные стихи указываютъ намъ путь самой серьезной духовной работы. Бодрости духа не слѣдуетъ терять, нельзя поддаваться апатическому разочарованію въ жизни.

Если жизнь тебя обманетъ
Не печалься, не сердись;
Въ день унынія смирись!
День веселья, вѣрь, настанетъ,
Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ:
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Бодрость духа поддерживается надеждой на конечное торжество свѣта, какъ выражено въ «Вакханической пѣснѣ»:

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ.
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Подобные стихи пробуждаютъ горячее стремленіе къ свѣту, къ правдѣ, то стремленіе, въ которомъ выражается истинная человѣчность. Въ этой-то человѣчности и въ высокой правдивости и надо искать воспитательнаго значенія поэзіи Пушкина: это пророкъ, возвѣщающій намъ Божью волю и ведущій насъ къ высшему совершенству.

Источникомъ этихъ чувствъ въ поэтѣ приходится такимъ образомъ признать совѣсть, просвѣтленную высшимъ религіознымъ сознаніемъ, какъ это ясно выражено въ стихотвореніи «Пророкъ»: не даромъ Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ многократно упоминаетъ о совѣсти, какъ руководительницѣ всей нашей жизни, и не случайно религіозные мотивы занимаютъ такое мѣсто въ его творчествѣ. Припомнимъ хотя бы превосходное переложеніе великопостной молитвы Ефрема Сирина, и для насъ несомнѣнно, что это возвышенное чувство не только не можетъ исключать правдивости и человѣчности, но непремѣнно ихъ предполагаетъ, вызываетъ ихъ къ жизни лучше, чѣмъ это могла бы сдѣлать самая утонченная философская мораль. «Есть, говоритъ Бѣлинскій, всегда что-то особенно благородное, нѣжное, кроткое, благоуханное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. Поэтому поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая

ложь, разгорячающая воображеніе, —ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью, при первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безвременно и безплодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу. И при всемъ этомъ, кромѣ высокаго художественнаго достоинство формы, такое артистическое изящество человѣческаго чувства. Почти каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить доказательствомъ этой мысли». Проникновеніе идеалами Пушкина предохранитъ юношество отъ увлеченія односторонними стремленіями современныхъ проповѣдниковъ такъ называемаго чистаго искусства и подготовитъ намъ истинныхъ гражданъ, руководящихся завѣтомъ правды и человѣчности, завѣтомъ того поэта, который съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу.
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ нашъ жестокій вѣкъ тоеславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности

Если мы оглянемся на состояніе нашей литературы начала нынѣшняго столѣтія, то передъ нами откроется чрезвычайно пестрая и далеко не отрадная картина: нельзя сказать, чтобы мало было дѣятелей, но всѣ они дѣйствуютъ какъ-то въ разбродъ, и весьма немногіе отдаютъ себѣ ясный отчетъ, въ чемъ заключается ихъ прямая задача, и есть ли какая-нибудь серьезная, жизненная цѣль для ихъ писательства. Здѣсь мы прежде всего увидимъ совсѣмъ не малочисленную группу представителей старыхъ литературныхъ традицій уже отжившаго свой вѣкъ, но твердо старающагося сохранить преобладаніе классицизма прошлаго столѣтія: главная цѣль для нихъ есть соблюденіе условныхъ правилъ литературнаго стиля, защита опредѣленныхъ строгихъ формъ, установленныхъ западной, преимущественно французской піитикой или риторикой; содержаніе же представляется имъ чѣмъ-то второстепеннымъ, такъ какъ поэзія въ сущности остается для нихъ тѣмъ же вкуснымъ лимонадомъ, какимъ она была для Державина; конечно, объ общественномъ значеніи подобнаго лимонада толковать не приходится: литература только доставляетъ удовольствіе, есть средство, при помощи котораго получаются болѣе или менѣе богатые дары отъ разныхъ милостивцевъ; иногда она обличаетъ порокъ, но никому и въ голову не можетъ придти, чтобы писатель могъ сдѣлаться общественнымъ вождемъ; правда если онъ облеченъ какимъ-нибудь важнымъ саномъ, то его можно послушать, какъ всякаго другого начальника, но вѣдь ужъ это выходитъ изъ области чисто-литературнаго воздѣйствія, и понятно, что къ подобному писательству вполнѣ приложимо данное И. С. Аксаковымъ названіе Staats-литература. Къ этому классическому направленію примыкаетъ школа литературныхъ старовѣровъ, группирующихся около Шишкова и сосредоточивающихъ свое вниманіе исключительно на вопросахъ стиля.

Единственнымъ жизненнымъ проблескомъ въ этой схоластикѣ является сатира, которая по самому существу своему не можетъ

быть чѣмъ либо отвлеченнымъ; но она связана съ классицизмомъ только по формѣ, содержаніе же ея коренится въ чисто-русскомъ сатирическомъ реализмѣ, возникающимъ еще въ XVII столѣтіи, при столкновеніи старыхъ и новыхъ просвѣтительныхъ началъ. Однако сатира всегда бываетъ только одностороннимъ отраженіемъ жизни: какъ бы плохи ни были люди, какъ бы низко ни стояло общество, въ немъ всегда есть что-нибудь положительное, какіе-нибудь, хотя бы и очень слабые, задатки дальнѣйшаго развитія, — иначе остается въ перспективѣ только смерть. Поэтому наша обличительная литература конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія и пытается отрицательнымъ явленіямъ, взятымъ ею изъ жизни, противопоставить что-нибудь свѣтлое, хорошее, но недостаточное, одностороннее наблюденіе приводитъ только къ созданію вполнѣ нереальныхъ фигуръ всяческихъ Стародумовъ, Добролюбовыхъ, Честоновъ.

Отчасти это же стремленіе къ положительнымъ типамъ, трогающимъ сердце читателей, видно и въ другомъ литературномъ направленіи, которое вступило въ борьбу съ классицизмомъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ такъ называемомъ сентиментализмѣ Карамзина и его послѣдователей; но эта школа, несомнѣнно имѣющая за собой крупныя заслуги, такъ какъ содѣйствовала въ нѣкоторой степени разрушенію якобы непререкаемыхъ правилъ хорошаго стиля и установленныхъ условныхъ формъ, въ свою очередь страдаетъ тоже существеннѣйшимъ недостакомъ, полнымъ отсутствіемъ наблюденія надъ фактами окружающей дѣйствительности: самъ Карамзинъ сочиняетъ такія безжизненныя фигуры, какъ бѣдная Лиза съ ея мамашей, или какъ добродѣтельный поселянинъ Фролъ Силинъ; а его послѣдователи, разные Милоновы и Нахимовы наводняютъ русскую литературу до крайности фальшивыми образами добродѣтельныхъ героевъ и героинь, чувствительныхъ пейзановъ и пейзанокъ во вкусѣ пастушескихъ идиллій XVIII вѣка. Такимъ образомъ и здѣсь выращивается тепличное растеніе, и здѣсь литература немногимъ отличается отъ классическаго лимонада: вѣдь слезы, пролитыя надъ Лизинымъ прудомъ, нисколько не мѣшали сентиментальнымъ помѣщикамъ и помѣщицамъ отсылать настоящихъ крестьянъ на конюшню для производства надъ ними экзекуціи, и даже самъ прекраснодушный авторъ, заявившій, что и крестьянки чувствовать умѣютъ, отлично могъ совмѣстить съ такимъ заявленіемъ доказательство необходимости крѣпостного права. Чувствитель-

ность сама по себѣ, литература сама по себѣ, но и жизненна практика тоже сама по себѣ: лимонадъ не можетъ влiять на жизнь.

Гораздо плодотворнѣе оказывается для дальнѣйшаго развитiя литературы третье направленiе, проявляющееся у насъ въ эту эпоху, романтическое: въ немъ прежде всего начинаютъ толковать объ идеалѣ, о высшемъ совершенствѣ, къ которому надо стремиться; правда, у романтиковъ идеалъ представляется или въ прошломъ, въ «миломъ воспоминаньи о томъ, чего ужъ въ мiрѣ нѣтъ», или въ заоблачныхъ сферахъ, гдѣ-то не на землѣ, въ надеждѣ «на лучшiй неизмѣнный свѣтъ»; правда, наши романтики часто ограничиваются, подобно Ленскому, тѣмъ, что воспѣваютъ «нѣчто и туманну даль», — однако, это не позволяетъ намъ строго относиться къ тому направленiю, которое первое заговорило у насъ о возвышенномъ значенiи поэзiи и устранило всякую возможность видѣть въ ней пустую забаву, одинъ лимонадъ; разъ заведена рѣчь объ идеалѣ, то можно надѣяться, что этого идеала станутъ искать гдѣ-нибудь и поближе къ жизни, сведутъ поэзiю съ небесъ на землю. Расчистивъ такимъ образомъ путь для будущаго движенiя литературы къ серьезнымъ цѣлямъ, романтики, кромѣ того, чрезвычайно много сдѣлали и для того, чтобы литература наша стала народною: въ своей западной родинѣ романтизмъ былъ теченiемъ чисто нацiональнымъ, и этотъ же нацiональный характеръ скоро сообщается ему и у насъ; подражая нѣмцамъ, мы видимъ, что у нихъ романтизмъ есть возрожденiе народности въ литературѣ, и потому естественно начинаемъ сами стремиться къ сближенiю съ народностью, тѣмъ болѣе, что подобное стремленiе идетъ у насъ и изъ другихъ источниковъ, изъ направленiя нѣкоторыхъ старыхъ писателей, затрогивавшихъ народную жизнь, и изъ патрiотическаго одушевленiя, охватившаго русское образованное общество въ эпоху борьбы съ Наполеономъ, который, пожалуй, въ этомъ отношенiи дѣйствительно «русскому народу высокiй жребiй указалъ». Однако, при всѣхъ этихъ заслугахъ, въ нашемъ романтизмѣ первой четверти нынѣшняго столѣтiя слишкомъ много наноснаго, чуждаго русской жизни.

Изъ этой краткой характеристики литературныхъ направленiй мы видимъ, что главнымъ ихъ недостаткомъ является отрѣшенность отъ русской жизни, и такая литература, чуждающаяся дѣйствительности, не есть еще литература: мы видимъ

нѣсколько хорошихъ писателей, но ихъ дѣятельность не можетъ служить отраженіемъ жизни. И вотъ въ такую-то среду вступаетъ юноша, почти мальчикъ, уже на школьной скамьѣ обнаруживающій задатки рѣдкой оригинальности, говорящій такимъ языкомъ, какой невѣдомъ его учителямъ. Много ли мы найдемъ въ то время (1814 г.) у нашихъ поэтовъ такихъ строкъ, какія видимъ у 15-ти лѣтняго Пушкина въ его «Городкѣ?» Для примѣра приведемъ слѣдующій отрывокъ:

Оставя книгъ ученье,
Въ досужный мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркою предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ же вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ.
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала
Ѳома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ,—
Старушка все разсказжетъ,
Межъ тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое:
А я сижу смиренно,
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ея.

Въ этомъ прекрасномъ, легкомъ стихѣ, въ образномъ и въ то же время совершенно простомъ языкѣ виденъ уже не ученикъ, а человѣкъ, смѣло могущій стать рядомъ съ лучшими тогдашними поэтами,—чувствуется будущая великая сила, сказывается тотъ Пушкинъ, который и впослѣдствіи долженъ всѣхъ очаровывать именно своей простотой. Но не одна форма поражаетъ насъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, нельзя забывать, что и содержаніе ихъ совсѣмъ уже не всегда такъ легкомысленно, какъ это мы привыкли постоянно говорить,

извиняя поэту его легкомысліе юнымъ возрастомъ. Такъ напримѣръ, въ извѣстномъ, ставшемъ достояніемъ шарманщиковъ, романсѣ «Подъ вечеръ осенью ненастной» мы находимъ такіе, полные серьезнаго чувства, совсѣмъ не легкомысленные и не мальчишескіе стихи:

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей,
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокій...
Прости, прости тогда меня!
Ты спишь!.. позволь тебя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Законъ неправедный, ужасный
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней!

Также вполнѣ серьезнымъ по тону является одно изъ лучшихъ лицейскихъ стихотвореній «Лицинію», напоминающее до нѣкоторой степени позднѣе написанную сатиру Рылѣева «Къ Рубеллію». Здѣсь мы видимъ полные жизненной правды образы двухъ римлянъ, при чемъ рѣчи поклонника свободы, самого поэта, совсѣмъ не похожи на безпечные призывы къ веселью и вину:

Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода,
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню принесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ камелькѣ,
Вспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.

Изъ этихъ примѣровъ ясно, что уже въ юномъ лицеистѣ обнаруживается умѣнье владѣть формой и порой содержательная мысль; остается эту мысль направить на окружающую дѣйствительность, и это осуществляется, какъ только Пушкинъ окончилъ курсъ лицея. Вступивши въ свѣтъ, ведя разсѣянную жизнь, предаваясь удовольствіямъ, Пушкинъ въ то же время интересуется и литературными дѣлами: онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ литературныхъ кружковъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ его посланія къ Жуковскому. Онъ жестоко нападаетъ на партію Шишкова, на членовъ «Бесѣды любителей россійскаго слова» которые представляются ему злостными обскурантами, съ которыми, конечно, у него не можетъ быть мирныхъ отношеній:

Бѣда (восклицаетъ онъ), кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И *рѣчи* сыплются дождемъ на супостата!

Но обскуранты, сѣющіе развратъ и защищающіе «русскую глупость», проявляютъ свое рвеніе не только въ «Бесѣдѣ», ихъ множество завелось въ ту реакціонную пору и въ другихъ сферахъ, и вотъ Пушкинъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ эпиграммъ, въ которыхъ казнитъ изувѣрство Фотія, мистицизмъ кн. А. Н. Голицына, фрунтовые идеалы Аракчеева и т. п. Онъ сближается съ представителями передовыхъ взглядовъ, и на него сильное вліяніе въ это время оказываетъ П. Я. Чаадаевъ, къ которому впослѣдствіи онъ обращается съ такими словами:

Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой:
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь,
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.

Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта?

Бесѣды съ Чаадаевымъ вели иногда къ крайне пылкимъ заявленіямъ свободолюбиваго характера, каково, напримѣръ слѣдующее:

Пока свободою горимъ
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена

Въ такихъ стихахъ или въ одѣ «Вольность» выражалось молодое увлеченіе горячей головы, но былъ одинъ вопросъ, который занималъ очень многихъ, и которому суждено было получить разрѣшеніе еще черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, при чемъ Пушкинъ какъ бы пророчески предугадалъ способъ его разрѣшенія. Это былъ вопросъ объ упраздненіи крѣпостного права, и въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Деревня», заканчивающемся постоянно цитируемыми стихами, въ которыхъ какъ бы предсказано освобожденіе крестьянъ «по манію царя», поэтъ даетъ намъ чрезвычайно яркую характеристику ненормальнаго состоянія крестьянства:

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ.

Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

Указанныя темы могутъ намъ служить отличнымъ матеріаломъ для выясненія отношеній поэта къ общественной жизни: поэтъ не стоитъ внѣ общественныхъ интересовъ, они живо его захватываютъ, онъ является выразителемъ стремленій извѣстныхъ общественныхъ круговъ своего времени, и въ этомъ онъ видитъ свое главное назначеніе. Такимъ онъ остается и впослѣдствіи, хотя конечно, съ годами долженъ изчезнуть юношескій задоръ, должна устраниться нетерпимость, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется область вопросовъ, затрагиваемыхъ его творческой фантазіей, и поэтъ идетъ не съ «вѣкомъ наравнѣ», а впереди своего вѣка.

Выражая лучшія стремленія своего времени, поэтъ невольно воспроизводитъ окружающую его дѣйствительность: является эта жизнь и въ сатирическомъ, ѣдкомъ освѣщеніи, какъ, напримѣръ, въ посланіи «Кн. А. М. Горчакову», гдѣ поэтъ даетъ замѣчательно рельефную характеристику большого свѣта,

Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
. . . . . .
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ...
Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ
Затянутый невѣжда-генералъ
Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
Съ трудомъ остритъ французскій мадригалъ,
Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
И всѣ вокругъ и дремлютъ, и молчатъ,
Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ..

Но гораздо важнѣе отмѣтить въ это время нѣсколько иное настроеніе, при которомъ поэтъ, наблюдая житейскую пошлость, не бичуетъ ее съ Ювеналовскимъ негодованіемъ, а представляетъ ее съ добродушнымъ юморомъ. Такова, напримѣръ, слѣдующая картина Москвы въ стихотвореніи «Н. В. Всеволожскому», подходящая къ той характеристикѣ первопрестольнаго града, которую мы находимъ впослѣдствіи въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

Ты скачешь въ мирную Москву (говоритъ поэтъ своему другу),
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ наяву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ,
Москва—премилая старушка
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмелье,
И скуку съ картами въ рукахъ.

Въ подобныхъ стихахъ почти уже вполнѣ опредѣленно вырисовывается намъ будущій образъ поэта-реалиста, поэта, дорожащаго болѣе всего простотой и въ этой простотѣ умѣющаго открывать присутствіе истинной красоты. Правда прежде всего и правда во всемъ, и въ картинахъ жизни, и въ самомъ выраженіи, изъ котораго изгоняется все условное, напыщенное, намѣренно-слащавое. Поэтъ уже теперь не боится представлять намъ вполнѣ обыденную, будничную обстановку, онъ умѣетъ ею заинтересовать и очаровать гораздо лучше, чѣмъ это дѣлаютъ творцы модной въ то время фантастики, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣетъ такъ пользоваться языкомъ, что незамѣтно ни малѣйшаго подчиненія всякимъ незыблемымъ авторитетамъ. И достается же ему за это отъ строгихъ пуристовъ, которые видятъ въ такомъ попраніи литературныхъ правилъ страшную дерзость, которые указываютъ поэту на мнимое неприличіе его языка, стиля, возмущаются его образами. Но, откуда же этотъ реализмъ? На этотъ вопросъ мы находимъ весьма поучительный отвѣтъ въ лицейскомъ стихотвореніи 15-лѣтняго поэта «Бова».

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Эллинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Риѳматовымъ
Воспѣвать героевъ сѣвера.

Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ.
Не стараясь подражать ему
Разбиралъ я нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ и воспѣвать, какъ онъ:
Я хочу, меня чтобъ изваяли
Весь отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крылъ парить,
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю.
Но, вчера, въ архивахъ роясь,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталъ—и въ восхищеніи
Про Бову мою царевича.

Подчеркнутыя нами слова, въ которыхъ поэтъ выражаетъ желаніе быть всѣми понятымъ, нельзя не признать въ высшей степени замѣчательными не только потому, что они написаны мальчикомъ, сидящимъ на школьной скамьѣ, но и потому, что вслѣдъ за ними поэтъ объясняетъ намъ источникъ, изъ котораго возникло его стремленіе, для того времени представлявшееся вполнѣ оригинальнымъ, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что тогда почти всѣ поэты писали «для немногихъ», да и не могли видѣть надобности расточать свой «вкусный лимонадъ» для всѣхъ потому, вѣроятно, что только очень немногимъ онъ могъ показаться вкуснымъ. Источникомъ вдохновенія для нашего поэта является старая сказка про Бову королевича, и благодаря ей, становится возможнымъ отказаться и отъ классическихъ традицій Шапелена и Риѳматова, и отъ романтическаго паренія «безъ крылъ». Нечего упоминать въ этомъ случаѣ о значеніи знаменитой няни, которой юный поэтъ посвящаетъ прочувствованныя строки въ своемъ лицейскомъ стихотвореніи «Сонъ», которая разсказывала ему «о мертвецахъ, о подвигахъ Бовы», и благодаря которой онъ «терялся» въ порывѣ сладкихъ думъ, въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней, встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней». Конечно, не слѣдуетъ черезчуръ преувеличивать значеніе няни, не слѣдуетъ видѣть въ ней, какъ это дѣлается, настоящую спасительницу поэта, охранившую его отъ тлетворнаго вліянія французскаго воспитанія, нельзя забывать того, что уже родительскій домъ знакомилъ Пушкина

съ русскимъ языкомъ и литературой, но все же собственное показаніе поэта опредѣляетъ намъ, какъ велика была польза, принесенная ему его «мамушкой». Не случайно же первое крупное произведеніе поэта, его изящнѣйшая поэма «Русланъ и Людмила», заимствовано имъ изъ сказочнаго міра, и хотя источникъ поэмы указанъ проф. Владиміровымъ въ передѣлкахъ сказокъ литератора Екатерининской эпохи, Чулкова, тѣмъ не менѣе знаменитые стихи (написаннаго, правда, уже позднѣе) пролога поэмы:

У лукоморья дубъ зеленый
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ,—

взяты Пушкинымъ, по его собственному свидѣтельству, изъ няниной сказки о царѣ Салтанѣ: «У моря, у лукоморья, стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ вверхъ идетъ—сказки сказываетъ; внизъ идетъ—пѣсни поетъ». И какъ въ сущности выправлена въ поэмѣ Пушкина (при всѣхъ ея несовершенствахъ, даже при подражаніи Аріосту) весьма недоброкачественная передѣлка Чулкова, какъ извѣстно, нисколько не церемонившагося съ текстомъ народно-поэтическихъ созданій! Откуда же это? Тутъ сказалось и вліяніе няни, и домашняя обстановка, самое же главное здѣсь заключается въ геніальномъ проникновеніи поэта въ существо народнаго творчества. Въ поэмѣ не приноровленіе нѣмецкой баллады къ русской обстановкѣ, какъ это мы часто видимъ у Жуковскаго, а напротивъ, возстановленіе народнаго колорита въ тенденціозной фальсификаціи прошлаго столѣтія. Впослѣдствіи, въ Михайловскомъ, кругъ наблюденій народной жизни и изученія народнаго творчества значительно расширяется, и поэтъ даетъ неподражаемыя произведенія въ духѣ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, но и теперь самый выборъ сюжета и его обработка намѣчаютъ намъ человѣка, тонко постигающаго характеръ народности и въ этомъ отношеніи идущаго по пути реальнаго воспроизведенія жизни.

Такимъ образомъ въ первомъ, такъ сказать, еще ученическомъ періодѣ своей дѣятельности, Пушкинъ является передъ нами поэтомъ, стремящимся къ народности въ своихъ произведеніяхъ, поэтомъ, не чуждающимся дѣйствительности, не видящимъ въ ней чего-либо низкаго, а напротивъ, въ ней находя-

щимъ лучшій источникъ для своего вдохновенія, которое направляется, какъ на воспроизведеніе этой дѣйствительности безъ всякихъ условныхъ, фальшивыхъ прикрасъ, такъ и на выраженіе ея лучшихъ стремленій къ свѣту и правдѣ. Это поэтъ прежде всего правдивый, и такимъ онъ остается въ теченіе всей своей послѣдующей славной творческой работы: поворота никакого не замѣчается, а видно только расширеніе области наблюденія, большее приближеніе къ объективности, безъ которой нѣтъ настоящей правды, и которая, конечно, не можетъ въ полнотѣ проявляться въ задорномъ юношѣ, и наконецъ болѣе любовное, человѣчное отношеніе къ природѣ и людямъ, задатки котораго можно указывать уже теперь; той же эпикурейской отрѣшенности отъ жизни, того художественнаго квіетизма, въ которыхъ, главнымъ образомъ благодаря второстепеннымъ послѣдователямъ Пушкина и неправильному толкованію его взглядовъ на поэзію, мы привыкли обвинять нашего поэта, не наблюдается ни въ юности, ни въ зрѣломъ его возрастѣ.

Ссылка вырываетъ поэта изъ столичной среды, отдаляетъ его и отъ пустыхъ увлеченій, и отъ нѣкоторыхъ серьезныхъ друзей, съ которыми, впрочемъ, связи не прекращаются. Мы не будемъ угадывать, что бы могло случиться съ поэтомъ, если бы онъ остался въ Петербургѣ, не будемъ предполагать, что его талантъ могъ бы погибнуть въ вихрѣ свѣтской жизни, такъ какъ въ подобныхъ предположеніяхъ нѣтъ ни цѣли, ни основанія; мы постараемся только въ самыхъ общихъ чертахъ припомнить, что дало ему время ссылки (но врядъ ли самая ссылка, такъ какъ «пустая, разсѣянная жизнь» продолжается частью и въ ссылкѣ) въ смыслѣ развитія его творчества, въ смыслѣ сближенія съ русской дѣйствительностью. Для насъ поэтому никакого интереса не представляетъ ни Байроновское вліяніе, ни недавно очень хорошо доказанное г. Сиповскимъ вліяніе Шатобріана, состоящее, какъ это отмѣчаетъ молодой изслѣдователь, лишь въ заимствованіи нѣкоторыхъ образовъ,—для насъ важно отношеніе созданныхъ въ это время образовъ не къ ихъ литературнымъ источникамъ. а непосредственно къ русской жизни, такъ какъ нашъ поэтъ, заимствуя свои образы, переноситъ ихъ на русскую почву, ищетъ имъ соотвѣтствія въ жизни и произноситъ свой поэтическій судъ надъ тѣми или другими жизненными явленіями.

Не говоря о прекрасныхъ описаніяхъ природы и быта въ« Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», мы остано

вимся только на Алеко и позволимъ себѣ привести мастерскую характеристику этого типа, принадлежащую Ѳ. М. Достоевскому. «Въ подражаніяхъ, — говорилъ Достоевскій, — никогда не появляется такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія, которыя явилъ Пушкинъ въ Цыганахъ—поэмѣ, которую я всецѣло отношу еще къ первому періоду его творческой дѣятельности. Не говорю уже о творческой силѣ и стремительности, которой не явилось бы столько, если бы онъ только лишь подражалъ. Въ типѣ Алеко, героя поэмы «Цыганы», сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная поэтомъ въ гармонической полнотѣ въ Онѣгинѣ, гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязаемо-реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ, поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ».

Далѣе, обращаясь непосредственно къ типу Алеко, Достоевскій говоритъ: «Алеко, конечно, еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ она могла бы явиться, и когда именно она потеряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: «правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ европейскихъ, напримѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ, какъ институтка,

въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя, по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено русское образованное общество. И онъ это чувствуетъ, этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно! Ну, и что же въ томъ, что, принадлежа, можетъ быть, къ родовому дворянству и даже, весьма вѣроятно, обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своего дворянства, маленькую фантазійку прельститься людьми, живушими «безъ закона», и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, «дикая женщина», по выраженію одного поэта, всего скорѣе могла подать ему надежду на исходъ тоски его, и онъ съ легкомысленною, но страстною вѣрой бросается къ Земфирѣ: «Вотъ, дескать, гдѣ исходъ мой, вотъ, гдѣ можетъ быть мое счастье, здѣсь, на лонѣ природы, далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей, у которыхъ нѣтъ цивилизаціи и законовъ». И что же оказывается: при первомъ столкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не выдерживаетъ и обагряетъ свои руки кровью. Не только для міровой гармоніи, но даже и для цыганъ не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняютъ его — безъ отомщенія, безъ злобы, величаво и простодушно:

Оставь насъ, гордый человѣкъ,
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ.

Все это, конечно, фантастично, но «гордый-то человѣкъ» реаленъ и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ захваченъ онъ у насъ Пушкинымъ, и это надо запомнить».

Эта вдохновенная рѣчь Достоевскаго указала въ Алеко первый у насъ литературный типъ человѣка, оторваннаго европейскою цивилизаціей отъ родной почвы, тотъ типъ, въ которомъ сосредоточилась коренная болѣзнь всего нашего образованнаго общества, и критическое отношеніе къ подобному типу, его «развѣнчаніе», какъ выражались нѣкоторые критики, должно быть признано наиболѣе важнымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ Пушкинымъ по пути изученія нашей дѣйствительности. Еще въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» отношеніе поэта къ типу скитальца далеко не критическое, а въ произведеніяхъ современниковъ Пушкина этотъ типъ постоянно окружается ореоломъ какой-то таинственности и могучей силы. Въ «Цыганахъ» маска величія

уже сорвана съ героя, указана его собственная внутренняя несостоятельность, независимо отъ окружающихъ его обстоятельствъ, хотя мы не видимъ еще, не былъ ли правъ Алеко, порывая свои связи съ цивилизованнымъ обществомъ. Судя по его словамъ, въ этомъ обществѣ невозможно ужиться, оно не признаетъ свободы, къ которой онъ стремится; но вѣдь это его собственныя слова, и можетъ быть, корень зла лежитъ въ немъ самомъ. Этотъ вопросъ занимаетъ и нашего поэта, и онъ принимается за его разрѣшеніе въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

Какъ извѣстно, «Евгеній Онѣгинъ» былъ такимъ же любимымъ дѣтищемъ фантазіи Пушкина, какими были для Байрона «Донъ-Жуанъ» и для Гете—«Фаустъ»: романъ писался слишкомъ девять лѣтъ, и за этотъ продолжительный періодъ поэту пришлось многое пережить, увидѣть много новаго, о многомъ передумать, и, какъ онъ выразился впослѣдствіи, онъ «самъ, покорный общему закону, перемѣнился». Перемѣны коренной не произошло, а явилось только болѣе ясное пониманіе своихъ задачъ и поэтъ въ сущности только укрѣпилъ въ себѣ тѣ задатки реальнаго направленія, которые мы замѣчали въ немъ уже въ первый періодъ его дѣятельности. Здѣсь, конечно, мы должны особенно цѣнить впечатлѣнія жизни въ Михайловскомъ: и нянины пѣсни и сказки получаютъ для него въ это время гораздо болѣе серьезное значеніе, такъ что онъ приступаетъ къ собиранію памятниковъ народнаго творчества въ деревняхъ и, можно сказать, кладетъ начало болѣе правильному отношенію нашей науки къ народной поэзіи, такъ какъ его собраніе есть одинъ изъ исходныхъ пунктовъ работы П. В. Кирѣевскаго; знакомство съ сосѣдями расширяетъ кругъ его наблюденій надъ русской провинціальной средой, надъ полу-патріархальнымъ помѣщичьимъ бытомъ; отъ современной жизни онъ переходитъ къ исторіи, которая даетъ ему богатый матеріалъ для будущихъ его созданій, и къ которой онъ первый относится у насъ, какъ настоящій реалистъ, что было особенно важно въ ту эпоху, когда господствовали тенденціозные взгляды на исторію, отчасти внушенные Карамзинымъ.

Это сближеніе съ русской дѣйствительностью вполнѣ уясняетъ поэту дальнѣйшій характеръ его творчества, и онъ набрасываетъ такой планъ романа:

...романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.

Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины.
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ

Можно предполагать, что это планъ романа осуществленъ въ «Капитанской дочкѣ»; но нельзя также не видѣть его отраженіе и въ «Евгеніи Онѣгинѣ», который изъ первоначальнаго проекта шуточной повѣсти въ родѣ Байроновскаго «Беппо« разросся въ это время въ широкую картину русской жизни. Сперва запасъ наблюденій былъ не особенно великъ, и можно было ограничиваться намѣреніемъ дать «описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодого человѣка», но съ годами являются новые типы, новое къ нимъ отношеніе, рисуется жизнь всего общества. Однако существенно-важнымъ представляется то обстоятельство, что уже съ самаго начала авторъ смотритъ на свой романъ, какъ на сатирическій, и съ самаго начала далекъ отъ того, чтобы ставить своего главнаго героя на пьедесталъ. Типъ разочарованнаго, скучающаго, охваченнаго «хандрой», скитальца уже въ это время лишенъ ореола таинственнаго величія, а впослѣдствіи знакомство съ дѣйствительной жизнью приводитъ поэта къ окончательному осужденію этого скитальца, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ первый русскій реалистическій романъ въ истинномъ значеніи этого слова.

Романъ этотъ реалистическій потому уже, что онъ народный романъ; все въ немъ русское, и это изображеніе народной жизни, точное до мелочей, согрѣто любовнымъ отношеніемъ поэта. Бѣдная природа, представленная въ разныя времена года, кажется намъ прекрасною въ этомъ освѣщеніи; русскій быть нарисованъ намъ въ самыхъ различныхъ сферахъ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціальныхъ городкахъ, въ деревнѣ,—и вездѣ господствуетъ удивительная, свойственная Пушкину и до него небывалая простота, болѣе всего подходящая къ правдивому воспроиз-

веденію картинъ русской дѣйствительности. Развѣ не реальны отдѣльныя картинки крестьянскаго быта, написанныя безъ ультра-народническихъ подробностей, которыми щеголяютъ нѣкоторые позднѣйшіе писатели, но вполнѣ вѣрно воспроизводящія особенности крестьянской жизни? Развѣ не реально, напримѣръ, такое описаніе провинціальной сутолоки въ «Путешествіи Онѣгина»:

. . . . передъ нимъ
Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ!
Сюда жемчугъ привезъ индѣецъ,
Поддѣльны вина европеецъ;
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей;
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей;
Помѣщикъ—спѣлыхъ дочерей,
А дочки—прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжетъ за двухъ.
И всюду меркантильный духъ.

А какъ характерно описаніе того же провинціальнаго общества, съѣхавшагося на именины Татьяны, причемъ двумя-тремя словами очерчивается цѣлое жизненное явленіе:

Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, бричкахъ и саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.
Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, *хозяинъ превосходный,*
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ,
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ,
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной совѣтникъ Фляновъ,

Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

Рядомъ съ этимъ описаніемъ можно поставить слѣдующее изображеніе московской спячки, неподвижности:

Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки, княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна.
Все такъ же лжетъ Любовь Петровна.
Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
Семенъ Петровичъ такъ же скупъ,
У Пелагеи Николаевны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ:
А онъ все клуба членъ исправный,
Все такъ же смиренъ, такъ же глухъ,
И такъ же ѣстъ и пьетъ за двухъ.
. . . . . .
. . . всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, новый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть чаобумъ,
Не улыбнется темный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Къ этой характеристикѣ пустого и пошлаго московскаго общества очень подходитъ слѣдующее описаніе петербургскаго большого свѣта:

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать, и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы,
Тутъ были дамы полныя
Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Не улыбающихся лицъ,
Тутъ былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, по-старому шутившій.

Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.
Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ;
. . . . . .
Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальный
Стоялъ картинкою журнальной,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ,
Румянъ, какъ вербный херувимъ,
И путешественникъ залетный,
Перекрахмаленный нахалъ.

Подобныя характеристики представляютъ намъ общество въ его цѣломъ составѣ и, пожалуй, могутъ показаться на первый взглядъ слишкомъ поверхностными; но въ сущности, сколько бы мы ни добавляли подробностей, мы ихъ не измѣнимъ, такъ какъ онѣ передаютъ вполнѣ наиболѣе характерныя черты свѣтской среды—пошлость, пустоту, отсутствіе серьезныхъ, высшихъ интересовъ. Въ этомъ и заключается великое достоинство Пушкинскаго реализма: онъ не расплывается въ мелочахъ, какъ это дѣлаютъ разные протоколисты въ литературѣ,—онъ схватываетъ самое существо жизни, и оттѣняетъ въ ней наиболѣе типичное, но большею частью нами не замѣчаемое.

Тотъ же самый реализмъ замѣчается и въ рисовкѣ отдѣльныхъ типовъ, выведенныхъ въ романѣ. Какъ, напримѣръ, типиченъ русскій романтикъ. Ленскій, вынесшій изъ пребыванія въ заграничномъ, конечно, Геттингенскомъ университетѣ, «учености плоды», характеризуемые въ слѣдующихъ, полныхъ тонкой ироніи, стихахъ:

Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плечъ.

И въ этой характеристикѣ, и въ тѣхъ стихахъ, которые въ изобиліи сочиняетъ Ленскій, образецъ которыхъ намъ даетъ Пушкинъ въ шестой главѣ своего романа, замѣчательно вѣрно схвачены черты подлинной русской дѣйствительности, крайне неопредѣленнаго и зачастую чисто внѣшняго увлеченія романтизмомъ. Фальшивую сторону такого романтизма нашъ поэтъ прекрасно выставляетъ въ своемъ отзывѣ о писаніяхъ Ленскаго:

Такъ онъ писалъ *темно и вяло*
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)

Тѣ же пріемы реальнаго творчества видны въ обрисовкѣ главнаго героя романа, этого скитальца-эгоиста, «москвича въ Гарольдовомъ плащѣ». Все въ Онѣгинѣ (который, повторяемъ, по замыслу Пушкина есть типъ сатирическій) взято изъ современной обстановки и для насъ отчасти уже отличается историческимъ характеромъ: таково его воспитаніе поверхностное, подъ руководствомъ иностранца, позволяющее блистать въ свѣтѣ, такъ что даже «судьи рѣшительные и строгіе» находятъ послѣ разговора съ нимъ (хотя онъ и хранитъ молчанье въ важномъ спорѣ»), что онъ «ученый малый, но педантъ»; такова его пустая жизнь въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, проходящая исключительно въ разнаго рода увеселеніяхъ: таковы и скука, его одолѣвающая, и попытки приняться за какое-нибудь серьезное дѣло, читать и даже писать, его интересъ къ вопросамъ экономическимъ, которые особенно были въ модѣ въ это время («читалъ Адама Смита и былъ великій экономъ»), хотя, по всей вѣроятности, и въ этой наукѣ имъ схвачены одни верхи; столь же характерно для эпохи и отношеніе Онѣгина къ крестьянамъ, судьбу которыхъ онъ облегчаетъ («яремъ онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ»), такъ какъ въ то время не мало шло толковъ о крестьянскомъ вопросѣ; весьма интересно его деревенское времяпровожденіе, при чемъ онъ въ качествѣ петербургскаго льва съ большимъ пренебреженіемъ относится ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ; наконецъ, любопытны, какъ реальныя подробности, скитанія Онѣгина, его альбомъ, характеристика его чтенія:

Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однакожъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ.
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,

Съ его озлобленнымъ умомъ.
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Верхомъ реализма въ романѣ, совершенною новостью для русской литературы, должно быть признано созданіе дивнаго образа Татьяны; особенною новостью является этотъ типъ потому, что въ прежнемъ исключительно сатирическомъ направленіи реализма его положительные типы всегда бывали сочиненными, къ жизни отношенія не имѣли, тогда какъ Татьяна, несомнѣнно, лицо вполнѣ реальное. Это—самая обыкновенная провинціальная дворянская дѣвица, мало образованная, наивная, суевѣрно убѣжденная въ силѣ примѣтъ и гаданій, фантазерка, начитавшаяся чувствительныхъ романовъ, мечтающая о какомъ-то необыкновенномъ героѣ и даже свое письмо къ Онѣгину сочиняющая (непремѣнно по-французски, такъ какъ по-русски она писать не мастерица) въ стилѣ письма Юліи къ Сенъ-Пре (изъ романа Руссо «Новая Элоиза»),—короче сказать, это такой типъ, который не представляетъ собою ничего яркаго, выдающагося, бросающагося въ глаза... А между тѣмъ поэтъ сумѣлъ въ въ своей Танѣ, которую онъ такъ любитъ, разглядѣть такія черты, которыя поднимаютъ ее на чрезвычайную нравственную высоту и приводятъ Достоевскаго къ заключенію, что въ русской литературѣ есть только два такихъ идеально-чистыхъ образа, т.-е. Татьяна и Лиза изъ «Дворянскаго Гнѣзда». Лицо, не отступающее такимъ образомъ ни мало отъ дѣйствительности, возведено Пушкинымъ въ идеалъ, и въ этомъ заключается наиболѣе существенная особенность, отличающая новое реальное направленіе, родоначальникомъ котораго должно признавать Пушкина: это направленіе нисколько не чуждается идеала, но оно ищетъ его не въ заоблачныхъ сферахъ, не въ иномъ мірѣ, какъ это дѣлалъ романтизмъ, и не въ сочинительствѣ, чѣмъ грѣшилъ прежній реализмъ, а здѣсь, на землѣ, во вполнѣ реальной обстановкѣ.

Сродни Татьянѣ отчасти княжна Полина изъ отрывка «Рославлевъ», а въ особенности героиня «Капитанской дочки», Марья Ивановна Миронова, тоже крайне простая, лишенная всякой эффектности дѣвушка, воспитанная въ отдаленномъ захолустьѣ, на первый взглядъ кажущаяся даже глуповатой, при этомъ неожиданно обнаруживающая способность къ героизму, самоотверженной любви; здѣсь опять тотъ же пріемъ исканія идеала въ дѣйствительности неприкрашенной.

Коснувшись «Капитанской дочки», слѣдуетъ отмѣтить въ этой повѣсти типъ слуги, Савельича, и отношеніе Пушкина къ исторіи. Савельичъ (если не припоминать няни Еремѣевны у Фонвизина и очень немногихъ крестьянъ изъ комедій и повѣстей прошлаго вѣка, причемъ во всѣхъ есть нѣкоторая фальшивость, каррикатурность) можетъ считаться (вмѣстѣ съ няней Татьяны) чуть ли не первымъ правдивымъ образомъ крестьянина-слуги въ нашей литературѣ: это уже не добродѣтельно-чувствительная фигура въ родѣ тѣхъ, какъ создавались Карамзинской школой, и не ловкій слуга французскихъ комедій, очень часто повторявшійся въ нашей литературѣ и даже отразившійся въ Грибоѣдовской Лизѣ,—это настоящій, живой человѣкъ, преданный своему барину, стоящій за барское добро, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенный нѣкотораго сознанія своего достоинства, умѣющій отвѣтить и Пугачеву и защититься отъ упрековъ старика Гринева. Такой типъ, какъ Савельичъ, явился художественнымъ откровеніемъ, и съ него надо вести генеалогію крестьянскихъ типовъ Григоровича, С. Аксакова, Тургенева и другихъ нашихъ бытописателей.

Что касается исторіи въ этой повѣсти, то насъ невольно должно поражать тонкое пониманіе поэтомъ характера Пугачева; у другого поэта, не реалиста, Пугачевъ легко могъ бы обратиться въ мелодраматическаго злодѣя, не умѣющаго и шагу ступить не по-злодѣйски, или же въ добродѣтельнаго разбойника, какихъ мы много видимъ, въ такъ называемыхъ разбойничьихъ романахъ; у Пушкина нѣтъ ничего подобнаго, и страшный самозванецъ, не будучи окруженъ какимъ-нибудь добродѣтельнымъ сіяніемъ, остается прежде всего человѣкомъ и не лишенъ нѣкоторыхъ чертъ, могущихъ вызвать наше сочувствіе: такъ онъ умѣетъ благодарить за оказанную услугу, а на свое дѣло смотритъ даже съ поэтической стороны, для объясненія его ссылаясь на инородческую сказочку. Отличнымъ также образцомъ реалистическаго отношенія къ исторіи можетъ служить характеристика императрицы Екатерины II, совершенно свободная отъ той приподнятости, которою вообще чрезвычайно часто страдаетъ историческая беллетристика при изображеніи выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: Екатерина является мелькомъ, а между тѣмъ поэтъ сумѣлъ намъ показать въ ней человѣка.

Тотъ же историческій реализмъ мы можемъ замѣтить и въ

обрисовкѣ личности любимаго героя Пушкина, Петра Великаго, и въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго», и въ «Мѣдномъ Всадникѣ», и въ «Полтавѣ»: вездѣ передъ нами человѣкъ, а не манекенъ, говорящій о государственныхъ дѣлахъ и совершающій великія дѣянія; и замѣчательно, что въ такомъ простомъ пониманіи личности Петра Великаго, какъ вѣчнаго работника на тронѣ, Пушкинъ оказался вполнѣ народнымъ: по крайней мѣрѣ, извѣстному изслѣдователю народнаго творчества, Е. В. Барсову, удалось въ Олонецкой губерніи услышать отъ крестьянина отзывъ о великомъ преобразователѣ почти совсѣмъ совпадающій со взглядомъ Пушкина.

Близко къ «Капитанской дочкѣ» по общему колориту и по правдивости изображенія провинціальной жизни подходитъ повѣсть «Дубровскій», въ которой мы находимъ такой важный въ историко-литературномъ отношеніи образъ, какъ типъ Троекурова, впослѣдствіи оказавшій нѣкоторое вліяеніе и на повѣсть Мельникова «Старые годы» и на типъ стараго князя Болконскаго въ «Войнѣ и мирѣ», а также князя Хвалынскаго отца въ «Пугачевцахъ». И въ «Дубровскомъ», какъ и въ «Капитанской дочкѣ» намъ дана прекрасная психологія массы, которая не представляется стадомъ, а есть совокупность сознательныхъ личностей и въ этомъ отношеніи обѣ указанныя повѣсти Пушкина послужили отличнымъ образцомъ и для графа Л. Н. Толстого и для графа Е. А. Саліаса.

Воспроизведеніе исторической дѣйствительности не менѣе поражаетъ насъ и въ «Борисѣ Годуновѣ», который основанъ, какъ это прекрасно указалъ профессоръ И. Н. Ждановъ, на самомъ обстоятельномъ изученіи первоисточниковъ, и не можетъ считаться порожденіемъ сильнаго «карамзинизма», за что осуждалъ его Н. А. Полевой: здѣсь и Борисъ, и самозванецъ, и женскіе образы, и второстепенныя лица представляются высоко реальными, и, если можно указывать нѣкоторыя неточности въ изображеніи Пимена, то онѣ должны быть отнесены на счетъ тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Пушкинъ. Тутъ обнаружился общій удѣлъ исторической баллетристики, лишенной возможности руководиться собственными наблюденіями и вынужденной воспринимать факты сквозь призму чужого освѣщенія.

Возвращаясь къ реальному воспроизведенію современной жизни, приходится прежде всего остановиться на «Повѣстяхъ Бѣлкина», которыя помимо своеобразнаго типа самого ихъ фик-

тивнаго автора, И. П. Бѣлкина, представляютъ огромный интересъ по своему вліянію на позднѣйшую нашу литературу: изъ этихъ повѣстей критика видѣла въ «Гробовщикѣ» нѣчто такое, отъ чего можно производить художественные пріемы Писемскаго, а въ «Станціонномъ смотрителѣ» — предшественника тѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, которыхъ впослѣдствіи выводилъ въ своихъ сочиненіяхъ Ѳ. М. Достоевскій.

Наконецъ, для полноты характеристики пушкинскаго реализма необходимо упомянуть и объ «Исторіи села Горохина», въ которой находится замѣчательно яркое обличеніе недостатковъ крѣпостного права. Позволимъ себѣ привести изъ этой «Исторіи» слѣдующую картину «политической системы» Горохинскаго приказчика: «Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе. Вслѣдствіе сего старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1. Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостью. 2. Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же, по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ этого по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока, наконецъ, выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мірскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совсѣмъ обнищало, Горохино пріуныло, базаръ опустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки пошли по міру — и день храмового праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, а годовщиною печали и поминанія горестнаго».

Это обличеніе крѣпостного права, написанное въ 1830 году, показываетъ намъ, что и въ этотъ періодъ своей дѣятельности

такъ же, какъ и до ссылки на югъ Россіи, Пушкинъ не ограничивается однимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, но продолжаетъ выражать ея нужды, отзывается на лучшія стремленія своего времени. И здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросомъ объ отношеніи Пушкина къ такъ называемой теоріи «искусства для искусства». Дѣйствительно, любопытно разсмотрѣть, на чемъ основано зачисленіе Пушкина въ разрядъ сторонниковъ этой теоріи.

Въ сущности, единственнымъ мотивомъ тутъ является стихотвореніе «Чернь», въ которомъ повидимому, поэтъ совсѣмъ отстраняется отъ жизни и съ презрѣніемъ относится къ людскимъ горестямъ и нуждамъ. Однако, такое пониманіе этого стихотворенія далеко нельзя признать правильнымъ. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, кого Пушкинъ имѣетъ здѣсь въ виду, обращаясь къ черни: не есть ли это та самая свѣтская толпа, въ которой онъ являлся настоящимъ мученикомъ въ послѣдніе годы своей жизни, и которая привела его къ трагическому концу? Намъ кажется, что иначе этого понимать нельзя, такъ какъ презрѣнія къ народу въ широкомъ смыслѣ этого слова мы у Пушкина нигдѣ не найдемъ, за то съ осужденіемъ свѣтской черни мы встрѣчаемся у него на каждомъ шагу. Затѣмъ вторымъ вопросомъ является: чего требуетъ чернь отъ поэта? Онъ ищетъ матеріальной пользы, а главное она желаетъ подчинить его себѣ, своимъ велѣніямъ, тогда какъ для него свобода есть первое, необходимое условіе плодотворности его труда, направленнаго къ высокимъ, идеальнымъ цѣлямъ, которыя несомнѣнно внесутъ свѣтъ правды и добра въ эту же толпу. И какъ обращается къ поэту этотъ «хладный и непосвященный» народъ? Она говоритъ ему о своихъ порокахъ, проситъ «уроковъ» и заключаетъ обѣщаніемъ: «а мы послушаемъ тебя». Ясно, что это обѣщаніе лицемѣрно, и если толпа не слушаетъ поэта теперь, то и послѣ его слова окажутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Кромѣ этого, не нужно забывать, что въ этомъ стихотвореніи несомнѣнно звучитъ нотка раздраженія, такъ что нѣкоторыя выраженія именно этимъ и объясняются, а наконецъ, важнѣйшимъ аргументомъ противъ признанія Пушкина защитникомъ теоріи искусства для искусства являются всѣ другія его стихотворенія, въ которыхъ онъ говоритъ о задачахъ поэтической дѣятельности.

Изъ этихъ стихотвореній мы, прежде всего, останавлива-

емся на небольшой параллели «Эхо», которая написана послѣ «Черни»:

«Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, реветъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Твой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Поэтъ отзывается на все, что вокругъ него происходитъ, но вѣдь этотъ поэтъ въ то же время пророкъ, возвѣщающій волю Божію (стихотвореніе «Пророкъ»), т. е. указывающій людямъ путь, по которому они должны идти, и если онъ своимъ «глаголомъ» жжетъ сердца людей, то право, нѣтъ никакой возможности говорить о какомъ-то квіетизмѣ этого пророка: напротивъ, это есть, прежде всего, общественный вождь, учитель, направляющій людей къ самымъ возвышеннымъ цѣлямъ. А для этого ему нужна полная свобода, онъ не зависитъ ни отъ милостивцевъ, ни отъ народа. («Изъ VI Пиндемонте»), и самъ является своимъ высшимъ судьей, руководясь своей совѣстью, никому не угождая, не стараясь добиться почестей и похвалъ («Поэту»).

Поэтъ нисколько не отрѣшенъ отъ жизни, онъ рвется въ бой:

О муза пламенной сатиры (восклицаетъ Пушкинъ),
Прійди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ
И не поэтамъ милыхъ дамъ
Готовлю язву эпиграммъ!
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы,
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда,
А если я кого забуду—
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ

Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать.

И понятно, что поэту приходится очень много выносить отъ той толпы, которая его не понимаетъ. Въ «Отвѣтѣ анониму» (1830 г.) Пушкинъ говоритъ о себѣ:

Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству довѣль я не привыкъ—
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшенъ, участія кто требуетъ у свѣта.
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ,
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье заточенье—
«Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусствъ;
«Тѣмъ лучше! Наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ». Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта.

Мы знаемъ, что Пушкинъ не разъ и въ эту пору своей дѣятельности, въ послѣдніе годы своей жизни, отзывался на общественные вопросы, онъ именно жилъ общественными интересами. Что какъ не подобный отзывъ стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», въ которыхъ, разсматривая ихъ безпристрастно, нѣтъ никакой злобы по отношенію къ полякамъ, а, напротивъ, выражается гуманное, незлобивое чувство? Поэтъ сохранилъ прежнія свои личныя симпатіи, какъ это видно изъ стихотворенія «Аріонъ» и изъ слѣдующаго «Посланія въ Сибирь»:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье;
Придетъ желанная пора;
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Тѣхъ же самыхъ декабристовъ, своихъ товарищей, находящихся «въ мрачныхъ пропастяхъ земли» Пушкинъ вспоминаетъ и позже въ стихотвореніи «19-го октября 1827 года».

Итакъ, мы видимъ, что по существу поворота въ дѣятельности поэта въ періодъ его зрѣлости не произошло никакого, что онъ остается тѣмъ же поэтомъ дѣйствительности, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ первыхъ своихъ произведеніяхъ; отрѣшенности отъ жизни нѣтъ, а напротивъ, благодаря, прежде всего, Пушкину, литература наша сближается съ жизнью, становится ея точнымъ и правдивымъ воспроизведеніемъ, ея истолковательницею, выразительницею ея лучшихъ стремленій, и поэтъ дѣлается пророкомъ, ведущимъ людей впередъ къ свѣту и правдѣ. Своей лирой, чуждой фальшивыхъ нотокъ нашихъ прежнихъ литературныхъ направленій, Пушкинъ дѣйствительно пробуждалъ въ людяхъ добрыя чувства; руководясь своимъ неподкупнымъ, не подчиняющимся никакимъ внѣшнимъ силамъ, вдохновеніемъ, онъ указывалъ людямъ тѣ цѣли, къ которымъ они должны стремиться; говорилъ имъ, чѣмъ они живы; онъ и теперь это дѣлаетъ, и такъ будетъ «доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ піитъ»; поэзія Пушкина есть «арфа серафима», есть яркая путеводная звѣзда для всей нашей литературы, задача которой состоитъ во внесеніи въ нашу жизнь человѣчности; эта поэзія — великій «нерукотворный памятникъ», и «къ нему не заростетъ народная тропа».

Поэтъ „гражданской скорби" двадцатыхъ годовъ.

Въ числѣ поэтовъ, дѣятельность которыхъ относится къ началу двадцатыхъ годовъ XIX в., одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ извѣстный декабристъ, К. Ѳ. Рылѣевъ. Выдѣляется онъ изъ среды литераторовъ того времени не столько по своему таланту, кооторый съ чисто-художественной точки зрѣнія не можетъ быть признанъ особенно крупнымъ, сколько по характеру и направленію своего творчества, въ которомъ отражается то, что составляло главный интересъ всей его жизни. На первомъ планѣ для Рылѣева стоитъ стремленіе къ «общественному благу», и оно-то ярко просвѣчиваетъ и въ его поэзіи, какъ въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, такъ и въ эпическихъ произведеніяхъ, если только ихъ можно дѣйствительно называть эпическими при томъ крайнемъ субъективизмѣ, которымъ они проникнуты. Поэтому-то намъ трудно принять мнѣніе, высказанное первымъ издателемъ сочиненій Рылѣева, П. А. Ефремовымъ, что они *не имѣя ничего общаго* съ его (т. е. Рылѣева) политической дѣятельностью, принадлежатъ къ *чисто-литературнымъ* произведеніямъ»[1]), и, какъ мы увидимъ изъ ближайшаго разсмотрѣнія этихъ сочиненій, гораздо болѣе близокъ былъ къ истинѣ кн. П. А. Вяземскій, писавшій: «Съ живымъ удовольствіемъ читаю я *думы*, которыя постоянно и прежде обращали на себя мое вниманіе. Онѣ носятъ на себѣ печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлыхъ и *одноличныхъ* или часто *безличныхъ* стихотвореній нашихъ. Что и въ хорошихъ стихахъ, когда нѣтъ въ нихъ особеннаго характера? Стройные, но несвязные, но ничего не выражающіе аккорды въ поэзіи хороши въ ребячествѣ. Въ зрѣлости лѣтъ нужна цѣль, нужно намѣреніе»[2]).

Какая же была «цѣль» въ творчествѣ Рылѣева? Какое «на-

[1]) Сочиненія и переписка К. Ѳ. Рылѣева, изд. 1875 г. предисловіе.

[2]) «Вѣст. Европы», 1888 г. кн. II, статья В. Е. Якушкина «Изъ исторіи литературы 20-хъ годовъ», стр. 215.

мѣреніе» имъ руководило въ его поэтическихъ созданіяхъ? На эти вопросы даетъ отвѣтъ самъ же Рылѣевъ въ посвященіи своему другу А. А. Бестужеву поэмы «Войнаровскій». Здѣсь онъ говоритъ:

Прими жъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга!
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Въ нихъ не увидишь ты искусства—
Зато найдешь живыя чувства:
Я не поэтъ, а гражданинъ.

Въ этомъ сужденіи Рылѣева о самомъ себѣ есть нѣкоторая крайность; нельзя сказать, чтобы въ его произведеніяхъ, особенно въ поэмѣ «Войнаровскій», не было искусства, нельзя также согласиться съ нимъ, что онъ не поэтъ и лучше всѣхъ цѣнилъ его дарованіе его «учитель въ языкѣ стихотворномъ», Пушкинъ, порой очень строго осуждавшій недостатки его произведеній, но признававшій, что Рылѣевъ «въ душѣ поэтъ». Въ сущности, оцѣнивая свое творчество, Рылѣевъ могъ бы правильнѣе выразиться, не прибѣгая къ противопоставленію понятій «поэтъ» и «гражданинъ», а напротивъ, объединяя эти понятія, такъ какъ въ немъ, какъ въ поэтѣ, выражался гражданинъ. Гражданское чувство есть самое существо его поэзіи, ея паѳосъ, какъ выражался Бѣлинскій; гражданскіе мотивы не являются въ этой поэзіи какой-то прописной моралью, нравоучительной тенденціей, они истекаютъ изъ самыхъ нѣдръ чувства, и потому гораздо болѣе правильной надо признать характеристику, которую Рылѣевъ даетъ себѣ въ другомъ стихотвореніи, посвященномъ тому же Бестужеву и написанномъ по поводу какого-то отрицательнаго сужденія Пушкина:

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный, взвѣсилъ,
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ
Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!
Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ.
Тотъ славы *требуетъ, не проситъ!*

Такъ и ко мнѣ. храня со мной союзъ,
Съ улыбкою и съ ласковымъ привѣтомъ
Слетитъ порой толпа вертлявыхъ музъ,
И я вдругъ дѣлаюсь поэтомъ.

Высказаннымъ въ третьей строфѣ этого стихотворенія общимъ воззрѣніемъ на поэзію и ея источникъ въ «восторгѣ души» объясняется и отношеніе Рылѣева къ горячему спору, происходившему въ его время между сторонниками классицизма и романтизма. Этотъ споръ ему не казался особенно важнымъ, и, указывая на то, что ни одна изъ спорящихъ сторонъ не можетъ «похвалиться побѣдою», Рылѣевъ говорилъ: «Причины сему, мнѣ кажется, тѣ, что обѣ стороны спорятъ, какъ обыкновенно случается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, придаютъ слишкомъ много важности формамъ, и что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а была, есть и будетъ одна истинная самобытная поэзія, которой правила всегда были и будутъ одни и тѣ же». Настаивая на томъ, что главное достоинство поэзіи заключается въ ея самобытности, оригинальности, а подражаніе какимъ бы то ни было формамъ для нея вредно, Рылѣевъ естественно приходитъ къ слѣдующему выводу: «Великіе труды и превосходныя творенія нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ должны внушать въ насъ уваженіе къ нимъ, но отнюдь не благоговѣніе, ибо это противно законамъ чистѣйшей нравственности, унижаетъ достоинство человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ вселяетъ въ него какой-то страхъ, препятствующій приблизиться къ превозносимому поэту, и даже видѣть въ немъ недостатки. Итакъ, будемъ почитать высоко поэзію, а не жрецовъ ея, и оставивъ безполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія, и обратясь къ источнику истинной поэзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда недовольно ему извѣстныхъ».

Ясно, что для Рылѣева поэзія связывается съ жизнью, а такъ какъ въ жизни для него главный интересъ представляется «общественнымъ благомъ», то стремленіе къ этому благу и должно составить главное содержаніе его поэзіи, если она есть искреннее выраженіе его духовнаго существа. Но тутъ мы должны оговориться и отмѣтить въ поэзіи Рылѣева присутствіе и нѣкоторыхъ иныхъ мотивовъ, кромѣ гражданскихъ. Эти мотивы мы на-

ходимъ въ очень небольшомъ числѣ стихотвореній, выражающихъ чисто-личное чувство, преимущественно стихотвореній эротическихъ, и уже при первомъ взглядѣ на эти стихотворенія, мы замѣчаемъ въ нихъ какую-то дѣланность, искусственность, которая показываетъ намъ, какъ мало было свойственно Рылѣеву выраженіе подобныхъ чувствъ въ его поэзіи. Прежде всего мы видимъ, что подобныя эротическія произведенія оказываются подражаніемъ, и слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о той самобытности, которую Рылѣевъ считалъ отличительной чертой истинной поэзіи: здѣсь не «живое чувство», а нѣчто подсказанное произведеніями Тибулла и Парни. Приведемъ для образца стихотвореніе «Жестокой».

Смотри, о Делія, какъ вянетъ сей цвѣточекъ,
Съ какой скорѣпостью со стебелька
Вслѣдъ за листочкомъ льетъ листочекъ
Суровой осени рука!
Ахъ, скоро, скоро онъ красы своей лишится,
Не станетъ болѣе благоухать;
Послѣдній скоро листъ свалится,
Зефиръ не будетъ съ нимъ играть.
Угрюмый Аквилонъ нагонитъ тучи мрачны,
Въ уныніе природу приведетъ,
Одѣнетъ снѣгомъ долы злачны.—
Твой взоръ и стебля не найдетъ...
Такъ точно, Делія, дни жизни скоротечной
Умчитъ Сатурнъ, завистливый и злой,
И блага юности безпечной
Сѣчетъ губительной косой...
Все измѣняется подъ дланью Крона хладной;
Остынетъ младости кипящей кровь;
Но скука жизни безотрадной
Подъ старость, съ злу, родитъ любовь,
Тогда, жестокая, познаешь, какъ ужасно
Любовью тщетною въ душѣ пылать
И на очахъ не пламень страстный,
Но хладъ презрѣнія встрѣчать!

Хоть авторъ и не называетъ приведеннаго стихотворенія подражательнымъ, однако, отсутствіе оригинальности ярко бросается въ глаза какъ въ тяжелой формѣ, такъ и въ разныхъ классическихъ аксессуарахъ этого произведенія. Слабость эротической лирики Рылѣева характерно обнаруживается въ бѣдности образовъ, заставляющей прибѣгать къ повтореніямъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи «Счастливая перемѣна», послѣ фразы «я то

нѣмѣлъ, то трепеталъ» находимъ: «въ восторгахъ страстныхъ я и млѣлъ и трепеталъ»; и этотъ же образъ повторяется въ стихотвореніи «Нечаянное счастіе» («въ восторгахъ таялъ я, и млѣлъ, и трепеталъ»). Правда, изрѣдка эта надуманность, вымученность образовъ исчезаетъ, и въ такихъ случаяхъ мы знаемъ жизненную подкладку любовныхъ стихотвореній, но это бываетъ очень рѣдко, какъ напр., въ двухъ «элегіяхъ», написанныхъ въ 1824 г. Характерно, что и самъ поэтъ сознаетъ, что нѣжные мотивы ему чужды, какъ это видно изъ слѣдующаго черноваго отрывка, праведеннаго В. Е. Якушкинымъ:

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить
Я отвѣчать не въ силахъ ей.
Моя душа твоей не стоитъ.
Полна душа твоя всегда
Однихъ прекрасныхъ ощущеній;
Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,
Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.
Прощаешь ты врагамъ своимъ.
Я незнакомъ съ симъ чувствомъ нѣжнымъ
И оскорбителямъ моимъ
Плачу отмщеньемъ неизбѣжнымъ.
Лишь временно кажусь я слабъ:
Движеніемъ души владѣю,
Не христіанинъ и не рабъ.
Прощать обидъ я не умѣю.
Мнѣ не любовь теперь нужна.
Занятья нужны мнѣ иныя,
Отрадна мнѣ одна война.
Однѣ тревоги боевыя.
Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Увы! Моя отчизна страждетъ;
Душа въ волненіи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ.

Тяжкія думы, о которыхъ говоритъ поэтъ, волновали его съ самаго начала его литературной дѣятельности: онъ дебютировалъ сатирой противъ Аракчеева, замѣчательно энергичнымъ стихотвореніемъ, которое мы уже цитировали въ статьѣ «Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія». Обличеніе, однако, направляется не только противъ отдѣльныхъ личностей, но противъ цѣлаго общества, которое отличается поразительной пустотой, индиферентизмомъ, мелочностью интересовъ, какъ это видно изъ стихотворенія «Пустыня»:

«Для пылкаго поэта
Какъ больно, тяжело
Въ тріумфѣ видѣть зло.
И въ шумномъ вихрѣ свѣта,
Встрѣчать вездѣ ханжей,
Корнетовъ дуэлистовъ,
Поэтовъ-эгоистовъ.
Или убійцъ-судей,
Досужихъ журналистовъ,
Которые тогда,
Какъ вспыхнула война
На югѣ за свободу,
О срамъ! о времена!
Поссорились за оду.

Въ подобномъ обществѣ поэтъ чувствуетъ себя одинокимъ, и это иногда вызываетъ въ немъ жалобы, какъ напримѣръ, въ «Стансахъ», посвященныхъ его другу, единомышленнику, А. А. Бестужеву:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ.
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ,
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

Но этотъ грустный тонъ, эта безотрадность мало соотвѣтствуетъ тѣмъ идеаламъ, къ которымъ стремится поэтъ; его натура не можетъ цѣликомъ отдаваться элегическому настроенію, слишкомъ въ немъ сильна жажда дѣятельности, и потому въ его творчествѣ должны преобладать энергическіе мотивы обличенія или призыва служить «общественному благу». За нѣсколько дней до катастрофы 14 декабря 1825 г. онъ изливаетъ

свое настроеніе въ стихотвореніи, которое могло бы показаться тенденціознымъ при другихъ обстоятельствахъ, но для даннаго момента является характернымъ показателемъ того, какъ тѣсно объединялись для Рылѣева его практическая дѣятельность и поэзія:

Я-ль (спрашиваетъ поэтъ) буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья!
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

На первомъ планѣ для Рылѣева всегда «общее благо», къ которому онъ «отъ дѣтства прикованъ», какъ онъ выражается въ стихотвореніи, посвященномъ Ѳ. Н. Глинкѣ. За «общее благо» надо бороться, и призывы къ такой борьбѣ не разъ слышатся въ произведеніяхъ Рылѣева. В. Н. Столыпиной онъ говоритъ, что ея «священный долгъ—прекрасныхъ чадъ образовать».

Пусть ихъ сограждане увидятъ,
Готовыхъ пасть за край родной,
Пускай они возненавидятъ
Неправду пламенной душой.

На смерть Чернова, убитаго на дуэли Новосильцовымъ, онъ пишетъ энергическое (не лишенное нѣкоторой славянофильской окраски) стихотвореніе, въ которомъ это событіе характеризуется съ общественной стороны:

Клянемся честью и Черновымъ,
Вражда и брань временщикамъ,
. . . . трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнесть готовымъ.

Нѣтъ, не отечества сыны
Питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!
Мы чужды ихъ семенъ надменныхъ.—
Они отъ насъ отчуждены!
Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ,
Святую ненавидятъ Русь.
Я ненавижу ихъ, клянусь
Клянусь и честью, и Черновымъ!

При подобномъ настроеніи поэта нѣкоторые факты получаютъ для него совсѣмъ особый смыслъ, вызываютъ такія думы, какія приходили въ голову, вѣроятно, не многимъ его современникамъ. Такъ, напримѣръ, смерть Байрона, конечно, произвела у насъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ этотъ англійскій поэтъ имѣлъ у насъ, какъ извѣстно, множество поклонниковъ. Мы знаемъ, что «разочарованіе» стало у насъ модою, что «Москвичи въ Гарольдовомъ плащѣ» встрѣчались очень и очень часто, щеголяя своей тоской, происходившей отъ внутренней пустоты. Это была «русская хандра», какъ мѣтко охарактеризовалъ это настроеніе Пушкинъ, говоря о своемъ героѣ; но здѣсь не было той могучей тоски, той протестующей скорби, которая звучала въ поэзіи Байрона и вытекала изъ глубокаго пониманія царящихъ неправды и зла. Общественный протестъ не былъ доступенъ большинству этихъ байронистовъ, но у Рылѣева пониманіе значенія Байрона было иное, и потому у него является весьма любопытная оцѣнка англійскаго поэта:

Бриганецъ дряхлый позднихъ лѣтъ
Придетъ, могильный холмъ укажетъ
И гордымъ внукамъ гордо скажетъ:
Здѣсь спитъ возвышенный поэтъ!
Онъ жилъ для Англіи и міра.
Былъ, къ удивленью вѣка, онъ
Умомъ Сократъ, душой Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.
Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ;
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ,
Онъ генію лишь былъ послушенъ,
Властей другихъ не признавалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца,
Но пылкая душа пѣвца
Презрительныхъ не разлюбила.
Когда онъ кончилъ юный вѣкъ
Въ странѣ, отъ родины далекой.—

Убитый грустію жестокой,
О немъ сказалъ Европѣ грекъ:
Друзья свободы и Эллады
Вездѣ въ слезахъ въ укоръ судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады.

Любовь къ «общественному благу» внушаетъ Рылѣеву своеобразную «оду на тезименитство великаго князя Александра Николаевича», и въ этой одѣ отъ имени Императрицы Екатерины даются слѣдующія наставленія будущему Царю - Освободителю:

Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

До сихъ поръ мы касались только лирическихъ произведеній Рылѣева, но значительно большую часть его стихотвореній составляетъ эпосъ; однако этотъ эпосъ, какъ мы уже сказали, отличается сильнѣйшимъ субъективизмомъ, и въ немъ видно то же самое «намѣреніе», какое мы отмѣчаемъ въ лирикѣ Рылѣева. Эпическими, съ этой оговоркой, можно назвать «Думы» и поэмы Рылѣева.

Мы привели о «Думахъ» отзывъ кн. Вяземскаго, отзывъ весьма сочувственный; прямо противоположную имъ оцѣнку далъ Пуш-

кинъ, сказавъ, что онѣ «и цѣлятъ, да все не впопадъ». Если разобрать эту оцѣнку, то ясно, что, осуждая исполненіе «Думъ», Пушкинъ совпадаетъ съ кн. Вяземскимъ и въ признаніи «цѣли». Трудно, дѣйствительно, не замѣчать этой цѣли, и если иногда цѣль не достигается, какъ говоритъ Пушкинъ, характеръ произведеній не мѣняется. Неудача въ исполненіи, быть можетъ, и въ настоящемъ случаѣ объясняется тѣмъ, что въ «Думахъ» Рылѣевъ не всегда самобытенъ. Началъ онъ ихъ писать въ подражаніе польскому поэту Нѣмцевичу, съ тою же цѣлью, какъ и этотъ послѣдній сочинялъ свои «Spiewy Historyczny», т. е. «для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ, для сообщенія такихъ впечатлѣній, которыя «крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта».

Не только по общему замыслу, но и по выполненію «Думы» являются подражаніемъ «Пѣснямъ» Нѣмцевича; Рылѣевъ многое заимствуетъ у польскаго поэта, и даже одна изъ думъ «Глинскій» есть переложеніе польской думы; однако при всѣхъ этихъ чертахъ подражанія, въ «Думахъ» есть нѣчто самобытное, принадлежащее самому Рылѣеву: это тѣ эпизоды, въ которыхъ выражается та же всегда его воодушевляющая, «любовь къ общественному благу». Ею объясняется и выборъ нѣкоторыхъ сюжетовъ и нѣкоторыя подробности въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Большею частью тѣ идеи, которыя высказываются въ этихъ рѣчахъ, принадлежатъ самому поэту, а не тѣмъ лицамъ, которымъ ихъ приписываетъ поэтъ. Историческіе сюжеты, историческая обстановка служатъ для Рылѣева средствомъ выраженія своихъ мечтаній, плановъ, относящихся къ современности. Въ исторической древности какъ бы подыскивается опора для новыхъ либеральныхъ идей, и въ этомъ мы видимъ любопытную черту, позволяющую сближать Рылѣева (а также и многихъ его товарищей по тайному обществу) съ позднѣйшимъ славянофильствомъ, которое иными изслѣдователями опредѣляется, какъ «археологическій либерализмъ».

Героями Рылѣевскихъ «Думъ» являются русскіе историческіе дѣятели, начиная съ легендарнаго Вадима новгородскаго, Олега, Владиміра, и кончая Державинымъ. Почти каждая изъ этихъ думъ содержитъ въ себѣ хоть нѣсколько стиховъ, въ которыхъ ярко обнаруживается «намѣреніе» Рылѣева высказать особенно дорогія ему общественныя идеи; иногда же мы находимъ весьма

пространныя рѣчи, рельефно представляющія намъ цѣль поэта. Такъ, въ думѣ «Артемонъ Матвѣевъ» этому опальному любимцу царя Алексѣя Михайловича приписываются такія размышленія:

Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовые.
Опалой царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободной.
Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа
Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣе о царѣ жалѣю.
На страшной трона высотѣ
Необходима прозорливость
. . . . . .
Близъ трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся лесть и вѣроломство.
Сколь много для царей труда!
Дѣяній ихъ судьей—потомство.
Увы! его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ:
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ.

Еще ярче излюбленныя идеи Рылѣева выражаются въ размышленіяхъ Артемія Волынскаго, заключеннаго въ крѣпости

Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни.
Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ въ часы кровавой брани
Неотразимою грозой,
Какъ покорители Казани;
Пусть удивляетъ... но когда

Онъ все творитъ то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья!
Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства—
И на проклятіе вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу,
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ спокоенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.
Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны.
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи—
Онъ на него, какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи..
И пусть падетъ!—Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ,
Души прекрасной и свободной,
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы герою въ воздаянье
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.
Вражда къ тиранству закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ—
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную въ обломкахъ!

Нельзя въ этихъ размышленіяхъ, приписываемыхъ Волынскому, не замѣтить сильнѣйшей его идеализаціи; нельзя не вспомнить, что этотъ образъ не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности, такъ какъ въ печальной судьбѣ Волынскаго играли въ сущности немаловажную роль мотивы личные, совсѣмъ не столь высокія побужденія, какъ представляетъ Рылѣевъ. Однако, изъ этого ясно, что для поэта въ его думѣ историческая

правда заслонялась желаніемъ выразить свои завѣтныя мечты. Такую же, не совсѣмъ подходящую къ реальному образу, идеализацію мы видимъ у Рылѣева въ думѣ «Державинъ», въ которой вмѣстѣ съ преувеличенной оцѣнкой пѣвца Фелицы представляется еще разъ поэтическое profession be foi самого Рылѣева:

Не умеръ пламенный пѣвецъ:
Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ,
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.
О! какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Не въ силахъ отказать и рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ!
Не умеръ ты, хотя здѣсь прахъ...
И въ звукахъ лиры сладкогласной,
И гражданъ въ пламенныхъ сердцахъ
Ты оживляешься всечасно.
О, такъ! нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:
Святая правда долгъ его;
Предметъ полезнымъ быть для свѣта.
Избранникъ и посолъ Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, великій санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ
Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Ярмо гражданъ его тревожитъ;
Какъ вольный славянинъ душой,
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ бъ ни былъ онъ,
Наперекоръ судьбѣ и року,
Повсюду честь ему законъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.
Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ трономъ:
Ему невѣдомъ низкій страхъ,
На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ свободнымъ зажигаетъ.

Если «Думы» Рылѣева могутъ быть названы эпическими произведеніями только условно, то въ его поэмахъ «намѣреніе»

замѣтно въ гораздо меньшей степени: оно выразилось лишь въ выборѣ сюжетовъ. Всѣ четыре его поэмы (изъ которыхъ всего одна была написана цѣликомъ, а прочія извѣстны намъ въ небольшихъ отрывкахъ) представляютъ намъ борцовъ за «общественное благо», людей, всѣмъ жертвовавшихъ для блага отчизны, какъ они его понимали. Это Наливайко, Богданъ Хмѣльницкій, Войнаровскій и Мазепа.

Особенно замѣчательно отношеніе поэта къ послѣднему изъ этихъ героевъ, къ Мазепѣ. Его поэтъ идеализируетъ, видя въ немъ не измѣнника, но оберегателя старинныхъ правъ украинскаго народа. Такой взглядъ выражается въ пѣснѣ сторонниковъ Мазепы, составляющей отрывокъ изъ поэмы, героемъ которой долженъ былъ быть этотъ гетманъ:

Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ конахъ!
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ,—
Возвратимъ права народу,
Иль со славою умремъ!
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,
Что мечемъ въ битвѣ кровавой
Пріобрѣлъ казакъ права!
Смѣло, други, въ бой свирѣпый!
Жаждетъ битвы вѣрный конь...
Смѣло, дружно за Мазепой—
На мечи и на огонь!

Такая же идеализація Мазепы видна и въ поэмѣ «Войнаровскій». Услышавъ отъ Войнаровскаго выраженіе рѣшительной готовности пожертвовать всѣмъ для блага родины, Мазепа говоритъ:

Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
Давно прямого гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердецъ холодныхъ:
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ;
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ;
Имъ чувствъ высокихъ не дано;
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
Отъ колыбели до могилы

Имъ пресмыкаться суждено.
Ты не таковъ—я это вижу;
Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей—честью.
Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту Великаго Петра:
Но покоряяся судьбинѣ—
Узнай: я врагъ ему отнынѣ!...
Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
Отъ случая всему рѣшенье;
Успѣхъ не вѣренъ, и меня
Иль слава ждетъ, иль поношенье.
Но я рѣшился; пусть судьба
Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
Ужъ близокъ часъ, близка борьба
Свободы съ самовластьемъ!

Однако, отмѣчая въ поэмахъ Рылѣева «намѣреніе», мы должны указать въ нихъ и присутствіе того «искусства», котораго Рылѣевъ не находилъ въ своихъ «Думахъ». Выдержанность плана въ «Войнаровскомъ» есть не малое достоинство поэмы, но эта черта для Рылѣева есть вообще нѣчто характерное, проявляющееся во всѣхъ его произведеніяхъ, за что Пушкинъ называлъ его «планщикомъ»; и гораздо важнѣе встрѣтить въ поэмахъ чисто художественную обработку при изображеніи картинъ природы или въ эпизодахъ эпическихъ. Приведемъ примѣры. Ужъ въ началѣ поэмы «Войнаровскій» мы видимъ прекрасную карину сѣвера:

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на тихій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ

Разнообразныя вершины...
Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака...
Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалый;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ,
Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина воиновъ пройдетъ.
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой:
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынный,
Неся богатый свой ясакъ,
Лѣсной тунгусъ и съ пикой длинной
Сибирскій строевой казакъ.
Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ:
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
Почти убитаго тоской
Страдальца узника порой
Души минутное веселье;
Такъ въ душу мрачную влетитъ
Подъ часъ спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ...

Рядомъ съ этимъ описаніемъ природы приведемъ художественную картину охоты:

Однажды онъ въ морозъ трескучій,
Оленя гналъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій...
И мракъ, и тишина кругомъ.

Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ:
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій;
Закинувъ на спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ... Вдругъ выстрѣлъ... Быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ
Окровавленный упадаетъ.

Наконецъ, изъ той же поэмы приведемъ описаніе казни Искры и Кочубея:

Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова...
И вотъ другая!... Всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!

Припомнимъ, что Пушкинъ, хваля «Войнаровскаго», особенно остановился на этой картинѣ казни. Онъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Поэма «Чернецъ» полна чувства и умнѣе «Войнаровскаго», но въ Рылѣевѣ есть больше замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ». Въ виду такого отзыва «учителя» Рылѣева «въ стихотворномъ языкѣ», считаемъ не излишнимъ сопоставить съ приведенными стихами описаніе той же казни изъ «Полтавы»:

На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ—тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней мигая.

При всей разницѣ этихъ описаній, нельзя все-таки не замѣтить въ нихъ хоть небольшого сходства въ изображеніи самаго момента казни; и если это не есть заимствованіе, то во всякомъ

случаѣ ясно, что образъ, данный ученикомъ, не остался безъ вліянія на созданіе учителя. Поэтому умѣстно припомнить и другой отзывъ Пушкина о Рылѣевѣ по поводу той же поэмы: «слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ». Далѣе развиваться этому «повѣствовательному слогу» не было суждено, и мы, конечно, не можемъ строить предположеній, что далъ бы еще Рылѣевъ русской поэзіи... Его значеніе въ томъ, что въ русской литературѣ онъ былъ первымъ представителемъ того направленія, которое впослѣдствіи получило названіе поэзіи гражданской скорби...

Критическія обозрѣнія А. А. Бестужева.

Въ 1823 г. выходитъ въ свѣтъ альманахъ «Полярная Звѣзда», изданный К. Ѳ. Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ. Въ этой «карманной книжкѣ для любительницъ и любителей русской словесности» приняли участіе чуть ли не всѣ немногочисленныя литературныя силы того времени, за исключеніемъ, пожалуй, только группы литературныхъ старовѣровъ, уже совершенно утратившихъ свое былое величіе. Въ альманахѣ встрѣчаемся мы съ именами Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, барона Дельвига, Д. Давыдова, Ѳ. Глинки, кн. Вяземскаго, Крылова и др., между прочимъ здѣсь же видимъ и стяжавшихъ себѣ впослѣдствіи печальную извѣстность Булгарина, Греча и Сенковскаго. По выбору стихотвореній и прозаическихъ статей вновь вышедшая кннжка обратила на себя общее вниманіе, и успѣхъ ея въ публикѣ былъ совершенно исключительный, такъ какъ ранѣе ни одинъ журналъ, ни одна книга, кромѣ «Исторіи Государства Россійскаго», не распространялись такъ быстро и въ такомъ количествѣ экземпляровъ. Не касаясь, однако, подробностей содержанія альманаха, мы остановимся на одной его статьѣ, которая служила какъ бы предисловіемъ къ нему и представляла по своему характеру совершенную новинку въ тогдашней литературѣ. Это—статья одного изъ издателей, А. А. Бестужева «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи».

Объемъ статьи очень не великъ: всего въ ней 44 страницы въ 16 долю листа; между тѣмъ задача, поставленная Бестужевымъ, очень обширна, и способъ ея разрѣшенія таковъ, что несоотвѣтствіе объема статьи ея содержанію становится весьма ощутительнымъ. Отъ подобнаго несоотвѣтсвія характеристики писателей мало рельефны и сводятся часто къ общимъ фразамъ похвалы или порицанія: оцѣнка писателя заключается иногда только въ какомъ-нибудь эпитетѣ, не особенно при томъ характерномъ. Представивъ на одной страницѣ исторію русскаго литературнаго языка, который «теперь только начинаетъ отря-

сать съ себя пыль древности и гремушки чуждыхъ ему нарѣчій». Бестужевъ рѣшается «мысленно пробѣжать политическія препоны, замедлявшія ходъ просвѣщенія и успѣхи словесности въ Россіи».

Дѣйствительно, если обратить вниманіе на крайнюю сжатость характеристики древняго періода нашей литературы, приходится признать, что авторъ только «пробѣгаетъ», скользитъ по фактамъ. Съ самаго начала онъ впадаетъ съ собой въ противорѣчіе: высказавъ вѣрную мысль, что «новообращенные россіяне, истребляя все, носившее на себѣ отпечатокъ язычества, нанесли первый ударъ древней словесности», онъ называетъ «вѣкъ Владиміровъ» — «краснымъ для поэзіи», тогда какъ мы ничего почти не знаемъ о поэзіи того времени, а кромѣ того ударъ, о которомъ говоритъ авторъ, былъ нанесенъ именно въ этотъ «красный вѣкъ». Затѣмъ очень коротко говорится объ удѣльныхъ усобицахъ, о монгольскомъ нашествіи, о смутѣ начала XVII в., какъ объ условіяхъ, задерживавшихъ развитіе русскаго просвѣщенія. Послѣ этого авторъ находитъ неудивительнымъ, что «хладный климатъ Россіи произвелъ немногіе цвѣты словесности».

Но какіе же это цвѣты? Приведемъ слова самого Бестужева, характерно рисующія его представленіе о древней русской литературѣ: «Въ лѣтописяхъ, до насъ дошедшихъ, первое мѣсто занимаетъ Несторова. Онѣ писаны хронически, слогомъ простымъ, не кудрявымъ, но болѣе или менѣе ознаменованнымъ славянизмомъ. Въ лѣтописяхъ псковской и новгородской встрѣчаются мѣста трогательныя, исполненныя разсужденій справедливыхъ, а не одни случаи. Въ Несторовой видны искренность и здравомысліе. «Русская Правда» — слѣпокъ съ судебныхъ уставовъ скандинавскихъ—и еще немногія грамоты и завѣщанія княжескія писаны языкомъ грубымъ, но краткимъ и сильнымъ. Народныя пѣсни измѣнены преданіемъ и едва ли древнѣе трехсотъ лѣтъ. Русскій поетъ за трудомъ и на досугѣ, въ печали и въ радости, и многія пѣсни его отличаются свѣжестью чувствъ, сердечною теплотою, нѣжностью оборотовъ; но бѣды отечества и туманное его небо проливаютъ на нихъ какое-то уныніе и вообще въ нихъ рѣдко встрѣчаются пылкія страсти и обиліе мыслей. Возвышенныя пѣснопѣнія старины русской исчезли, какъ звукъ разбитой лиры; одно имя соловья Баяна отгрянуло въ потомствѣ, но его творенія канули въ бездну вѣковъ, и отъ

всей поэзіи древней сохранилась для насъ только одна поэма о походѣ Игоря, князя Сѣверскаго, на половцевъ. Тамъ находимъ мы позаимствованія красоты, иную природу, отмѣнный кругъ дѣйствія. Безыменный пѣвецъ вдохнулъ русскую боевую душу въ языкъ юный, но и самою странностью привлекательный; онъ украсилъ его цвѣтами мечты, вымысломъ народной миѳологіи, разительными сравненіями и чувствами глубокими. Непреклонный, славолюбивый духъ народа дышитъ въ каждой строкѣ. Драгоцѣнная поэма сія, принадлежащая къ XII вѣку, писана мѣрною прозою и языкомъ, вѣроятно, южно-русскимъ. Кажется время сохранило ее, чтобы сильнѣе дать чувствовать потерю остального! Въ пѣснѣ о битвѣ Донской (XV вѣка) нѣтъ того огня, той силы въ очертаніи лицъ, той самородной прелести, которыя отличаютъ пѣснь о походѣ Игоря. Впрочемъ, разсказъ оной плавенъ и затѣйливъ, и ее должно читать наравнѣ со всѣми древностями нашего слова, дабы въ нихъ найти черты русскаго народа, и тѣмъ дать настоящую физіогномію языку».

Хотя въ этой характеристикѣ есть и вѣрныя мысли, напр., о незначительной древности сохранившихся народныхъ пѣсенъ, но ясно, что запасъ фактовъ, которыми обладаетъ авторъ, крайне скуденъ. Мы знаемъ о древнѣйшей эпохѣ нашей литературы гораздо больше, однако, для Бестужева важна литература не столько, какъ выраженіе эпохи, а какъ развитіе слова, и, вѣроятно, съ этой формальной стороны онъ и включаетъ въ свою характеристику упоминаніе о «Русской Правдѣ» и грамотахъ, т. е. памятникахъ, совсѣмъ не относящихся къ области литературы.

Фактовъ мало, и это обстоятельство позволяетъ Бестужеву «однимъ шагомъ переступить разстояніе пяти столѣтій» и прямо отъ до-монгольской эпохи обратиться къ новому періоду русской литературы, который «настаетъ въ краснорѣчіи отъ Ѳеофана, въ стихотворствѣ отъ Кантемира». Обзору дѣятельности писателей XVIII в. и начала царствованія Александра I посвящается 13 страницъ, и такъ какъ въ этомъ обзорѣ не упускаются изъ виду весьма мелкіе литераторы, то невольно является крайняя бѣглость характеристикъ. Критикъ останавливаетса почти исключительно на развитіи формъ, не касаясь содержанія. Отзывы иногда даются въ двѣ-три строчки: «Маринъ славенъ острыми сатирами и забавными пародіями», «М. Кайсаровъ сдѣлалъ себѣ

имя переводомъ Стерна»; князь Шаликовъ писалъ нѣжною прозою онъ обиленъ мелкими стихотворными сочиненіями; его Муза игрива, но нарумянена»; «Аблесимовъ извѣстенъ своимъ стариннымъ національнымъ водевилемъ: Мельникъ»; «стихи Шатрова полны рѣзкихъ мыслей и чувствъ, но слогъ Псалмовъ его устарѣлъ» и т. п.

Характеристики крупныхъ писателей тоже должны быть кратки. Вотъ для примѣра отзывъ о Державинѣ: «Поэтъ вдохновенный, неподражаемый, отважно ринулся на высоты, ни прежде, ни послѣ его недосягаемыя. Лирикъ-философъ, онъ нашелъ искусство съ улыбкою говорить царямъ истину, открылъ тайну возвышать души, плѣнять сердца и увлекать ихъ то порывами чувствъ, то смѣлостью выраженій, то великолѣпіемъ описаній. Его слогъ неуловимъ, какъ молнія, роскошенъ, какъ природа. Но часто восторгъ его упреждалъ въ полетѣ правила языка, и съ красотами вырывались ошибки. На закатѣ жизни Державинъ написалъ нѣсколько пьесъ слабыхъ; но и въ тѣхъ мелькаютъ искры генія, и современники, и потомки съ изумленіемъ взираютъ на огромный талантъ русскаго Пиндара, Пѣвца Водопада, Фелицы и Бога. Такъ драгоцѣнный алмазъ еще горитъ во тьмѣ будучи напоенъ лучемъ солнечнымъ; такъ курится подъ снѣжною корою трехклиматный Везувій послѣ изверженія, и путникъ въ густомъ его дымѣ видитъ предтечу новой бури!»

Довольно удачна, при всей краткости, характеристика Карамзинской стилистической реформы: «Между тѣмъ какъ Державинъ изумлялъ своими одами, какъ Дмитріевъ привлекалъ живымъ чувствомъ въ пѣсняхъ, картинностью въ оригинальныхъ произведеніяхъ—блеснулъ Карамзинъ на горизонтѣ прозы, подобно радугѣ послѣ потопа. Онъ преобразовалъ книжный языкъ русскій, звучный, богатый, сильный въ сущности, но уже отягчалый въ рукахъ безталанныхъ писателей и невѣждъ переводчиковъ. Онъ двинулъ счастливою новизною ржавыя колеса его механизма, отбросилъ чуждую пестроту въ словахъ, въ словосочиненіи, и далъ ему народное лицо. Время разсудитъ Карамзина, какъ историка; но долгъ правды и благодарности современниковъ вѣнчаетъ сего краснорѣчиваго писателя, который своимъ прелестнымъ, цвѣтущимъ слогомъ сдѣлалъ рѣшительный переворотъ въ русскомъ языкѣ на лучшее. Легкія стихотворенія Карамзина ознаменованы чувствомъ: они извлекаютъ невольный

вздохъ изъ сердца дѣвственнаго, и слезу изъ глазъ тѣхъ, которые все испытали».

Главную часть статьи Бестужева составляетъ обзоръ дѣятельности «особъ, прославившихся или появившихся въ теченіе послѣдняго пятнадцатилѣтія», «поэтовъ, составляющихъ созвѣздіе Сѣверной Лиры, и писателей, кои, сверкнувъ, исчезали подобно кометамъ, даже и тѣхъ, которыхъ имена мелькаютъ воздушными огнями въ эфемерныхъ журналахъ». Желаніе сказать о всѣхъ писателяхъ. даже о мимолетно мелькнувшихъ третьестепенныхъ свѣтилахъ, опять ведетъ къ излишней бѣглости обзора, къ такимъ, напримѣръ, отзывамъ: «Межаковъ въ бездѣлкахъ своихъ разбросалъ цвѣтки свѣтской философіи съ стихотворною легкостію. Козловъ, поэтъ-слѣпецъ, пишетъ мило и трогательно. Иванчинъ-Писаревъ обилуетъ картинами и словами». Болѣе обстоятельны, конечно, характеристики корифеевъ литературы, особенно же «поэтическаго тріумвирата» Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина. Приведемъ оцѣнку дѣятельности Жуковскаго, любопытную въ томъ отношеніи, что она напоминаетъ намъ позднѣйшія разсужденія Бѣлинскаго о романтизмѣ.

«Съ Жуковскаго и Батюшкова, — говоритъ обозрѣватель,— начинается новая школа нашей поэзіи. Оба они постигли тайну величественнаго, гармоническаго языка русскаго: оба покинули право ломать смыслъ, рубить слова для мѣры и низать полубогатыя риѳмы. Кто не увлекался мечтательною поэзіею Жуковскаго, чарующаго толь сладостными звуками? Есть время въ жизни, въ которое избытокъ неизъяснимыхъ чувствъ волнуетъ грудь нашу; душа жаждетъ излиться, и не находитъ вещественныхъ знаковъ для выраженія; въ стихахъ Жуковскаго, будто сквозь сонъ, мы, какъ знакомцевъ, встрѣчаемъ олицетворенными своими призраки, воскресшимъ былое. Намагниченное желѣзо клонится къ безвѣстному полюсу, — его воображеніе къ таинственному идеалу чего-то прекраснаго, но неосязаемаго, и сія отвлеченность проливаетъ на всѣ его произведенія особенную привлекательность. Душа читателя потрясается чувствомъ унылымъ, но невыразимо-пріятнымъ. Такъ долетаютъ до сердца неясные звуки Эоловой арфы, колеблемой звуками вѣтра. Многіе переводы Жуковскаго лучше своихъ подлинниковъ, ибо въ нихъ благозвучіе и гибкость языка украшаютъ вѣрность выраженія. Никто лучше его не могъ облечь въ одежду свѣтлаго, чистаго языка разноплеменныхъ писателей; онъ передаетъ всѣ

черты ихъ со всею свѣжестью портрета, не только съ безцвѣтною точностію силуэтною. Онъ изобиленъ, разнообразенъ, неподражаемъ въ описаніяхъ. У него природа видна не въ картинѣ, а въ зеркалѣ. Можно замѣтить только, что онъ далъ многимъ изъ своихъ твореній германскій колоритъ, сходящій иногда въ мистику и, вообще, наклонность къ чудесному; но что значатъ сіи бездѣльные недостатки во вдохновенномъ пѣвцѣ 1812 года, который дышитъ огнемъ боевъ, въ пѣвцѣ луны, Людмилы и прелестной, какъ радость, Свѣтланы? Переводная проза Жуковскаго примѣрна. Оригинальная повѣсть его «Марьина Роща» стоитъ наряду съ «Марѳою Посадницею» Карамзина».

Просматривая отзывы Бестужева о разныхъ писателяхъ, мы замѣчаемъ не только бѣглость характеристикъ, но часто и крайнюю снисходительность критика. Онъ постоянно говоритъ о достоинствахъ упоминаемыхъ имъ писателей, весьма мягко касаясь ихъ недостатковъ: его критика порой напоминаетъ салонную бесѣду, въ которой не полагается задѣвать чьего-либо самолюбія. Онъ готовъ похвалить даже такихъ авторовъ, которые ровно никакого значенія не имѣютъ. Вотъ примѣръ подобной салонной похвалы: «Въ стихотвореніяхъ Анны Буниной и Анны Волковой—двухъ женщинъ-поэтовъ—разсѣянно много чувствительности и меланхоліи, но механизмъ оныхъ недовольно легокъ. Однако же «Паденіе Фаэтона» первой изъ нихъ разнообразно красотами вымысла. Еще нѣкоторыя изъ соотечественницъ нашихъ бросали иногда блестки поэзіи въ разныхъ журналахъ, и хотя полъ авторовъ можно было угадать безъ подписи ихъ именъ, но мы должны быть признательны за подобное снисхожденіе, мы должны радоваться, что наши красавицы занимаются языкомъ русскимъ, который въ ихъ устахъ получаетъ новую жизнь, новую прелесть. Онѣ однѣ умѣютъ избрать средину между школьнымъ и слишкомъ обыкновеннымъ тономъ, смягчить и воодушевить каждое выраженіе».

Не оставливаясь болѣе на такихъ похвалахъ, замѣтимъ что онѣ не мѣшаютъ Бестужеву высказывать иногда весьма отрицательные общіе приговоры о состояніи нашей литературы Такъ, онъ говоритъ, что «у насъ не существуетъ народной трагедіи, и кромѣ Озерова не было трагиковъ; но и тотъ, покорствуя временности, заковалъ своего генія въ академическія формы и въ риѳмованные стихи». Обзоръ драмы приводитъ Бестужева вообще къ безотрадному заключенію, и онъ дѣлаетъ слѣ-

дующій характерный приступъ къ разсмотрѣнію прозаическихъ произведеній: «Оставивъ за собой безплодное поле русскаго театра, бросимъ взоръ на степь русской прозы. Назвавъ Жуковскаго и Батюшкова, которые писали столь же мало, сколь прелестно, невольно оглядываешься, дивясь безлюдью сей стороны—что доказываетъ младенчество просвѣщенія. Гремушка занимаетъ дѣтей прежде циркуля; стихи, какъ лесть слуху, сносны даже самые посредственные; но слогъ прозы требуетъ не только знанія грамматики языка, но и грамматики разума, разнообразія въ паденіи, въ округленіи періодовъ, и не терпитъ повтореній. Отъ сего-то у насъ такое множество стихотворцевъ (не говорю, поэтовъ) и почти вовсе нѣтъ прозаиковъ, и какъ первыхъ можно укорить блѣдностію мыслей, такъ послѣднихъ погрѣшностями противу языка. Къ сему присоединилась еще односторонность, происшедшая отъ употребленія одного французскаго и переводовъ съ сего языка. Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытнымъ американцамъ, мѣняемъ золото онаго на блестящія заморскія игрушки». Не менѣе наконецъ, отрицателенъ общій выводъ, который дѣлается Бестужевымъ изъ всего его обзора: «въ сей картинѣ, мною начертанной, читатели увидятъ, въ какомъ бѣдномъ отношеніи находится число оригинальныхъ писателей къ числу пишущихъ, а число дѣльныхъ произведеній къ количеству оныхъ».

Появленіе подобныхъ отрицательныхъ отзывовъ въ то время, когда царило самодовольное восхищеніе россійскимъ Парнасомъ, нельзя не признать весьма замѣчательнымъ фактомъ, и нельзя не видѣть въ этихъ отзывахъ подготовку знаменитаго заявленія, которое было сдѣлано десяткомъ лѣтъ позже, о томъ что у насъ нѣтъ литературы.

Въ заключеніе своего обзора Бестужевъ объясняетъ причины неудовлетворительнаго состоянія русской литературы, повторяя нѣкоторыя мысли Карамзина, которыя мы отмѣчали выше, въ статьѣ «Литературные и общественные взгляды Карамзина». Причины эти—слѣдующія: «Во-первыхъ: необъятность Имперіи, препятствуя сосредоточиванію мнѣній, замедляетъ образованіе вкуса публики. Университеты, гимназіи, лицеи, институты и училища, умноженные благотворительнымъ Монархомъ и поддерживаемые щедротами Короны, разливаютъ свѣтъ наукъ, но составляютъ самую малую часть въ отношеніи къ многолюдству Россіи. Недостатокъ хорошихъ учителей, дороговизна выписныхъ и вдвое того отечественныхъ книгъ и малое число журналовъ, сихъ призмъ литературы, не позволяютъ проникать

просвѣщенію въ уѣзды, а въ столицахъ содержать дѣтей не каждый въ состояніи. Феодальная умонаклонность многихъ дворянъ усугубляютъ сіи препоны. Одни рубятъ гордіевъ узелъ наукъ мечемъ презрѣнія, другіе не хотятъ ученіемъ мучить дѣтей своихъ, и для сего оставляютъ невоздѣланными ихъ умы, какъ нерѣдко поля изъ пристрастія къ псовой охотѣ. Въ столицахъ разсѣяніе и страсть къ мелочамъ занимаютъ юношей; никто не посвящаетъ себя безвыгодному и безсребренному ремеслу писателя, и если пишутъ, то пишутъ не по занятію, а шутя; и къ чести военнаго званія — должно сказать, что молодые офицеры наиболѣе, въ сравненіи съ другими, основательно учатся. Впрочемъ, у насъ нѣтъ Европейскаго класса ученыхъ (lettrés savants), ибо одно счастіе даетъ законы обществу, а наши богачи не слишкомъ учены, а ученые вовсе небогаты. Въ отношеніи къ писателямъ я замѣчу, что многіе изъ нихъ сотворили себѣ школы, коихъ упрямство препятствуетъ усовершенствованію слова; другіе не дорожатъ общимъ мнѣніемъ, и на похвалахъ своихъ пріятелей засыпаютъ безпробуднымъ сномъ золотой посредственности. Человѣкъ есть существо болѣе тщеславное, чѣмъ славолюбивое. Поэтъ, романтикъ, ученый работаетъ въ тиши кабинета, чтобы собрать дань похвалы въ людяхъ; но когда онъ видитъ труды свои гибнущими въ книжной лавкѣ, и безмолвіе, встрѣчающее его въ обществѣ, гдѣ даже никто не подозрѣваетъ въ немъ таланта; когда вмѣсто наградъ онъ слышитъ однѣ насмѣшки: — промѣняетъ ли онъ маки настоящаго на невѣрный лавръ отдаленнаго будущаго? — Наконецъ, главнѣйшая причина есть изгнаніе родного языка изъ обществъ и равнодушіе прекраснаго пола ко всему, на ономъ писанному! Чего нельзя совершить, чтобы заслужить благосклонный взоръ красавицы? Въ какое прозаическое сердце не вдохнетъ онъ поэзіи? Одна улыбка женщины милой и просвѣщенной награждаетъ всѣ труды и жертвы! У насъ почти не существуетъ сего очарованія, и вамъ, прелестныя мои соотечественницы, жалуются музы на васъ самихъ»!

Таково это первое обозрѣніе русской словесности. Въ немъ есть, какъ мы указали, не мало недостатковъ, но есть и крупное достоинство—широта взгляда, позволяющая критически отнестись къ положенію литературы, обнаружить тѣ общія причины, которыя задерживаютъ развитіе дѣятельности русскихъ писателей.

То же критическое отношеніе мы видимъ и въ слѣдующей

книжкѣ «Полярной Звѣздѣ», въ статьѣ «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1823 года», которая начинается слѣдующимъ общимъ разсужденіемъ: «Въ старину науки зажигали свѣтильникъ свой въ погасающихъ перунахъ войны, и цвѣты краснорѣчія всходили подъ мирною тѣнью оливъ. Въ наши времена, когда состояніе ученаго и воина не сливается уже въ одну черту, мы видимъ совсѣмъ противное: типографъ и антикварій повѣряютъ свои открытія подъ знаменемъ браннымъ; громъ отдаленныхъ сраженій одушевляетъ слогъ автора и пробуждаетъ праздное вниманіе читателей; газеты превращаются въ журналы, и журналы въ книги; любопытство растетъ, воображенье недовольно сущностью, алчетъ вымысловъ, и подъ политическою печатью словесность кружится въ обществѣ. Это было и съ нами въ Отечественную войну. Наполеонъ обрушился на насъ — и всѣ страсти, всѣ выгоды пришли въ волненіе; взоры всѣхъ обратились на поле битвы, гдѣ полсвѣта боролись съ Россіей, и цѣлый свѣтъ ждалъ своей участи. Тогда слова *Отечество и слава* электризовали каждаго. Каждый листокъ, гдѣ было что-нибудь отечественное, перелеталъ изъ рукъ въ руки съ восхищеніемъ. Похвальныя пѣсни, плохи или хороши онѣ были, раздавались по улицамъ и имъ рукоплескали въ гостиныхъ; — однимъ словомъ, все тогда казалось прекраснымъ, потому что все было истиннымъ. Но политическая буря утихла; укротился и энтузіазмъ. Вниманіе наше, утомленное блескомъ побѣдъ и подвиговъ, перевысившихъ всѣ затѣйливыя сказки Востока, и воображеніе, избалованное чудеснымъ, напряженное великимъ — постепенно погрузилось опять въ бездѣйственный покой. Огнистая лава вырвалась, разлилась, подвигнула океанъ—и застыла. Пепелъ лежитъ на ея челѣ, и въ этомъ пеплѣ таится растительная жизнь, и когда-нибудь разовьются въ ней драгоцѣнные виноградники. Вотъ картина любви нашихъ соотечественниковъ къ словесности послѣ войны; но теперешнему ея состоянію были еще и другія причины. Отдохновеніе послѣ сильныхъ ощущеній обратилось въ лѣнивую привычку; непостоянная публика приняла вкусъ ко всему отечественному, какъ чувство, и бросила его, какъ моду. Войска возвратились съ лаврами на челѣ, но съ французскими фразами на устахъ, и затаившаяся страсть къ галлицизмамъ захватила ьдругъ всѣ состоянія сильнѣй, чѣмъ когда-либо. Слѣдствіемъ этого было охлажденіе лучшей части общества къ родному языку и поэтамъ, начинавшимъ возникать въ это время — нако-

нецъ совершенное оцѣпененіе словесности въ прошедшемъ году. Такъ гаснетъ лампада безъ теченія воздуха, такъ заглушается дарованіе безъ ободреній».

Послѣднія слова приведенной цитаты могутъ, пожалуй, вызвать не совсѣмъ правильное толкованіе; можно подумать, что Бестужевъ ищетъ для литературы покровительства. Однако, такое мнѣніе опровергается въ обозрѣніи литературы за 1824 годъ. Поставивъ вопросъ «отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ литературныхъ», Бестужевъ говоритъ: «Предслышу отвѣтъ многихъ, что: отъ недостатка *ободренія!* Такъ, его нѣтъ, и слава Богу!—Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя дарованія: огонь очага требуетъ хворосту и мѣховъ, чтобы разгорѣться—но когда молнія просила людской помощи, чтобы вспыхнуть и рѣять въ небѣ! Гомеръ, нищенствуя, пѣлъ свои безсмертныя пѣсни; Шекспиръ подъ лубочнымъ навѣсомъ возвеличилъ трагедію; Мольеръ изъ платы смѣшилъ толпу; Торквато изъ сумасшедшаго дома шагнулъ въ Капитоліи; даже Вольтеръ лучшую свою поэму написалъ углемъ на стѣнахъ Бастиліи. Геніи всѣхъ вѣковъ и народовъ, я вызываю васъ! Я вижу въ блѣдности изможденныхъ гоненіемъ или недостаткомъ лицъ вашихъ — разсвѣтъ безсмертія. Скорбь есть зародышъ мыслей, уединеніе ихъ горнило. Порохъ на воздухѣ даетъ только вспышки, но сжатый въ желѣзѣ онъ рвется выстрѣломъ, и движетъ, и рушитъ громады... и въ этомъ отношеніи къ свѣту мы находимся въ благопріятномъ случаѣ. Уваженіе или, по крайней мѣрѣ, вниманіе къ уму, которое ставило у насъ богатство и породу на одну съ нимъ доску, наконецъ, къ радости сихъ послѣднихъ, исчезло. Богатство и связи безраздѣльно захватили все вниманіе толпы,—но тутъ въ проигрышѣ, конечно, не таланты! Иногда корыстныя ласки меценатовъ балуютъ перо автора; иногда не достаетъ собственной рѣшимости вырваться изъ бисерныхъ сѣтей свѣта—но теперь свѣтъ съ презрѣніемъ отвергъ его дары, или допускаетъ въ свой кругъ не иначе, какъ съ условіемъ носить на себѣ клеймо подобнаго, отраднаго ему ничтожества; скрывать искру Божества, какъ пятно, стыдиться доблести, какъ порока!! Уединеніе зоветъ его, душа проситъ природы; богатое, нечерпанное лоно старины, и мощнаго, свѣжаго языка, передъ нимъ разступается: вотъ стихія поэта, вотъ колыбель генія».

Такимъ образомъ Бестужевъ отвергаетъ одобреніе, понимаемое, какъ покровительство меценатовъ, и то ободреніе, о кото-

ромъ онъ говоритъ, какъ о желательномъ для писателей заключается, очевидно, въ нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ, благопріятствующихъ литературной работѣ. Это прежде всего общественная обстановка, въ которой дѣйствуетъ писатель; и эта обстановка слагается подъ вліяніемъ воспитанія, которое должно создать людей, не нуждающихся въ меценатствѣ. «Но таково ли наше воспитаніе»? спрашиваетъ Бестужевъ. Отвѣтъ дается далеко не утѣшительный. «Мы учимся припѣваючи, и отъ того навсегда теряемъ способность и охоту къ дѣльнымъ, къ долгимъ занятіямъ. При самыхъ счастливыхъ дарованіяхъ мы едва имѣемъ время на лету схватить отдѣльныя мысли; но связывать, располагать, обдумывать расположенное не было у насъ ни въ случаѣ, ни въ привычкѣ. У насъ юноша съ учебнаго гулянья спѣшитъ на балъ; а едва придетъ въ истинный возрастъ ума и ученья, онъ уже въ службѣ, ужъ онъ дѣловой—и вотъ всѣ его умственныя и жизненныя силы убиты въ цвѣту раннимъ напряженіемъ, и онъ цѣлый вѣкъ остается гордымъ ученикомъ отъ того, что ученикомъ въ свое время не былъ. Сколько людей, которые бы могли прославить дѣломъ или словомъ свое отечество, гибнутъ, дремля душой въ вихрѣ моднаго ничтожества, мелькаютъ по землѣ, какъ пролетная тѣнь облака. Да и что въ прозаическомъ нашемъ быту, на безлюдьи сильныхъ характеровъ, можетъ разбудить душу? что заставитъ себя почувствовать? Наша жизнь—безтѣнная китайская живопись, нашъ свѣтъ—гробъ повапленный!—Такъ ли жили, такъ ли научались просвѣтители народовъ? Нѣтъ! въ тишинѣ затворничества зрѣли ихъ думы. Терновою стезею лишеній пробивались они къ совершенству. Конечно, слава не всегда летитъ объ руку съ геніемъ; часто современники гнали, не понимая ихъ; но звѣзда будущей славы согрѣвала рвеніе и озаряла для нихъ мракъ минувшаго, которое вопрошали они, дабы разгадать современное и научить потомство. Правда, и они прошли черезъ свѣтъ, и они имѣли страсти людей: зато имѣли и взоръ наблюдателей. Они выкупили свои проступки упроченною опытностью и глубокимъ познаніемъ сердца человѣческаго. Не общество увлекло ихъ, но они повлекли за собою общества».

Литература развивается тогда, когда она самостоятельна, когда она черпаетъ свое содержаніе изъ народнаго духа; но наша литература этимъ похвалиться не можетъ. «Кромѣ пороковъ воспитанія, кромѣ затѣйливаго однообразія жизни нашей,

кромѣ многосторонности и безличія самаго ученія (quand même), которое во все мѣшается, всѣ смѣшиваетъ, и ничего не извлекаетъ,—насъ одолѣла страсть къ подражанію. Было время, что мы не впопадъ вздыхали по-стерновски, потомъ любезничали по-французски, теперь залетѣли въ тридевятую даль по-нѣмецки. Когда же попадемъ мы въ свою колею? когда будемъ писать прямо по русски? Богъ вѣсть! До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, наша Муза остается невѣстою невидимкою. Конечно, можно утѣшиться тѣмъ, что мало потери, какъ или сякъ пишутъ сотни чужестранныхъ подражателей; но я говорю для людей съ талантомъ, которые позволяютъ себя водить на помочахъ. Оглядываясь назадъ, можно вѣкъ назади остаться, ибо время съ каждой минутой разводитъ насъ съ образцами. При томъ всѣ образцовыя дарованія носятъ на себѣ отпечатокъ не только народа, но вѣка и мѣста, гдѣ они жили, слѣдовательно подражать имъ рабски въ другихъ обстоятельствахъ—невозможно и неумѣстно. Творенія знаменитыхъ писателей должны быть только мѣрою достоинства нашихъ твореній. Такъ, чужое высокое понятіе порождаетъ въ душѣ истиннаго поэта невѣдомыя дотолѣ понятія. Такъ, по словамъ астрономовъ, изъ обломковъ сшибающихся кометъ образуются иные прекраснѣйшіе міры!»

Изъ этого же послѣдняго обозрѣнія приведемъ мнѣніе Бестужева о литературной критикѣ: «Полезна или нѣтъ періодическая критика? Джеффери говоритъ, что «она полезна для періодической критики». Мы не можемъ похвалиться и этимъ качествомъ: наша критика не далеко ушла въ основательности и приличіи. Она ударилась въ сатиру, въ частности, и болѣе въ забаву, чѣмъ въ пользу. Словомъ, я думаю, наша полемика полезнѣе для журналистовъ, нежели для журналовъ, потому что критикъ, антикритикъ и перекритикъ мы видимъ много, а дѣльныхъ критиковъ мало; но между тѣмъ листы наполняются, и публика, зѣвая надъ статьями, вовсе для ней незанимательными, должна разбирать по складамъ надгробія безвѣстныхъ людей. Справедливо ли, однакожъ, такъ мало заботиться о пользѣ современниковъ, когда подобнымъ критикамъ такъ мало надежды дожить до потомства?—Мнѣ могутъ возразить, что это дѣлается не для наставленія неисправимыхъ, а для предупрежденія молодыхъ писателей. Но скажите мнѣ, кто ставитъ охранный маякъ въ лужѣ? Кто будетъ читать глупости для того, чтобы не писать ихъ?—Говоря это, я не разумѣю, однакожъ, о критикѣ,

которая аналитически, вообще, занимается установкою правилъ языка, открываетъ литературныя злоупотребленія, разлагаетъ исторію и, словомъ, вездѣ, во всемъ отличаетъ истинное отъ ложнаго. Тамъ, гдѣ самохвальство, взаимная похвальба и незаслуженныя брани дошли до крайней степени, тамъ критика необходима для разрушенія заговоренныхъ броней какой-то мнимой славы и самонадѣянности, для обличенія самозванцевъ литераторовъ. Желательно только, чтобы критика сія отвергла всѣ личности, всѣ частности, всѣ разсчетные виды; чтобы она не корпѣла надъ запятыми, а имѣла бы взоръ болѣе общій, правила болѣе стихійныя. Лица и случайности проходятъ, но породы и стихіи остаются вѣчно».

Такимъ образомъ критика, по взгляду Бестужева, должна стать на принципіальную почву, должна исходить изъ общихъ законовъ искусства. Тогда она станетъ серьезнымъ составнымъ элементомъ литературнаго развитія. Но чѣмъ же должна быть сама литература? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ изъ приведенныхъ выше словъ Бестужева. Литература не только словесное упражненіе, а полное выраженіе народности, «вѣка и мѣста». Литература связана съ развитіемъ общественной жизни, а гдѣ эта общественная жизнь уподобляется «безтѣнной китайской живописи», гдѣ она тускла и однообразна, не можетъ быть сильной и богатой литературы. При такой общественной постановкѣ задачъ литературы и критики, мы поймемъ, что значеніе обозрѣній Бестужева не только формальное: не со стороны одной формы они могутъ ставиться въ связь съ знаменитыми обозрѣніями Бѣлинскаго, но и со стороны тѣхъ идей, которыя полагаются Бестужевымъ въ основу его критическихъ оцѣнокъ, какъ бы эти послѣднія ни казались намъ бѣглыми и поверхностными [1]).

---

[1]) Съ своей принципіальной точки зрѣнія Бестужевъ первый правильно оцѣнилъ безсмертную комедію Грибоѣдова, ходившую тогда еще въ рукописяхъ. «Горе отъ ума,—говоритъ онъ,—феноменъ, какого не видали мы отъ временъ Недоросля. Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко; живая картина московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговорнаго русскаго языка въ стихахъ. Все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе. Человѣкъ съ сердцемъ не прочтетъ ее не смѣявшись, не тронувшись до слезъ. Люди, привычные даже забавляться по французской систематикѣ, или оскорбленные зеркальностью сценъ, говорятъ, что въ ней нѣтъ завязки, что авторъ не по правиламъ нравится; — но пусть они говорятъ, что имъ угодно; предразсудки разсѣются, и будущее оцѣнитъ достойно сію комедію, и поставитъ ее въ число первыхъ твореній народныхъ».

Журналистъ двадцатыхъ годовъ[1]).

Въ нынѣшнемъ году, 22-го февраля, исполнилось пятидесятилѣтіе со дня кончины Н. А. Полевого, а 22-го іюня предстоитъ столѣтіе его рожденія, и поэтому мы полагаемъ необходимымъ представить читателямъ «Историческаго Вѣстника» общую характеристику этого замѣчательнаго дѣятеля нашей литературы и журналистики, и тѣмъ почтить его память.

Полевой происходилъ изъ стариннаго рода курскихъ посадскихъ людей, изъ такой семьи, которая по своему характеру рѣзко выдѣлялась изъ общаго уровня нашего купечества. Если и теперь этому сословію вполнѣ справедливо можетъ быть брошенъ упрекъ въ косности, недостаткѣ предпріимчивости, стремленіи идти по разъ проторенному пути безъ всякаго уклоненія, то въ прежнее время подобный упрекъ былъ еще болѣе основателенъ, такъ какъ посадскіе люди слишкомъ часто не вѣдали ничего за предѣлами своего посада, своей округи. Но не таковъ былъ родъ Полевыхъ; въ немъ самая смѣлая предпріимчивость являлась отличительной чертой съ давнихъ временъ. Изъ братьевъ дѣда нашего писателя одинъ погибъ въ Персіи во время возмущенія Тахмасъ-Кули-хана, другой, Иванъ, пропалъ въ Америкѣ, увлеченный смѣлыми торговыми предпріятіями; старшій дядя Николая Алескѣевича поѣхалъ въ Камчатку, но тоже не воротился, и, наконецъ, его отецъ, Алексѣй Евсевьевичъ, въ молодыхъ лѣтахъ бросилъ Курскъ, уѣхалъ въ Сибирь и провелъ тамъ почти всю остальную свою жизнь, исполненную самыхъ разнообразныхъ трудовъ, предпріятій и лишеній. Въ характерѣ Алексѣя Полевого была какая-то двойственность,

---

[1]) Напечатано въ «Истор. Вѣстн.» 1896 г., № 3; здѣсь печатается съ нѣкоторыми дополненіями. Матеріаломъ для настоящаго очерка послужили прежде всего сочиненія Николая Алексѣевича Полевого, затѣмъ записки его брата, Ксенофонта, статьи Бѣлинскаго, Чернышевскаго, А. Н. Пыпина, М. И. Сухомлинова и др., а также нѣкоторыя письма Н. А., за сообщеніе которыхъ считаю долгомъ принести благодарность П. П. Полевому (теперь уже покойному).

проявлявшаяся и въ его промышленныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ рутинность чередовалась часто съ крайней смѣлостью, и въ его отношеніяхъ семейныхъ, особенно въ отношеніяхъ къ занятіямъ сына. То онъ поощрялъ мальчика учиться, то вдругъ объявлялъ его стремленіе къ знанію вздоромъ и требовалъ, чтобы онъ сдѣлался «дѣловымъ человѣкомъ»: въ эти минуты книги и тетради Николая подвергались уничтоженію, разрывались и сжигались.

Николай Алексѣевичъ унаслѣдовалъ отъ отца его сильный характеръ, его стойкость и смѣлость въ борьбѣ со всякаго рода препятствіями и, оставаясь дѣловымъ человѣкомъ, какъ этого требовалъ отецъ, главнымъ образомъ направилъ свою энергію на ту сферу, которая представлялась иногда отцу вздоромъ. Онъ жадно читалъ все, что ему ни попадалось подъ руку, и результатъ, по его словамъ, получился слѣдующій: «если надобно выразить умственное образованіе мое до 1811 года, то оно было таково: я прочиталъ тысячу томовъ всякой всячины, помнилъ все, что прочиталъ, отъ стиховъ Карамзина и статей «Вѣстника Европы» до хронологическихъ чиселъ и библіи, изъ которой могъ пересказывать наизусть цѣлыя главы, но это былъ какой-то хаосъ мыслей и словъ, когда самъ я едва начиналъ мыслить».

Но эта безсистемность, хаотичность чтенія окончилась въ 1814 году: съ этого времени Полевой усердно принимается за русскую грамматику и начинаетъ учиться французскому и нѣмецкому языкамъ, прямо съ азбуки. Но, усвоивъ элементы знанія, надо было выработать себѣ и нѣкоторое правильное міросозерцаніе, и единственной мечтой юноши становится ученье. «Вскорѣ увидѣлъ я всю недостаточность, всю нелѣпость образованія своего до того времени. Мнѣ надобно было пересоздавать всѣ мои идеи, весь запасъ читаннаго мною съ самаго дѣтства. Изученіе языковъ повело меня въ новый міръ чтенія. Настойчивое размышленіе показало мнѣ недостатокъ системъ и образа обыкновеннаго ученія. Я рѣшился самъ для себя написать русскую грамматику и русскую исторію. Грамматика академіи и «Исторія Государства Россійскаго» не удовлетворяли меня, когда я сравнивалъ первую съ ясною, точною грамматикою латинскою, а вторую съ Тацитомъ по слогу, съ лѣтописями по изложенію фактовъ. Изученіе латинскаго и греческаго языка, переводы съ нѣмецкаго, французскаго, переработка русской граматики, кри-

тическій разборъ русской исторіи—вотъ что составляло теперь мои занятія. Я отказался отъ легкаго чтенія и не писалъ уже ни стиховъ, ни прозы. Нарочно налагалъ я на себя тяжкія работы: выучивалъ по триста вокабулъ въ вечеръ; выписалъ всѣ глаголы изъ Геймова словаря, переспрягалъ каждый отдѣльно и составилъ новыя таблицы русскихъ спряженій. Силы мои казались мнѣ неистощимы; все было такъ легко, такъ подручно, а впереди все такъ свѣтилось и блестѣло!»,..

Этотъ автобіографическій отрывокъ замѣчательно ярко рисуетъ намъ Полевого; изъ этого признанія мы видимъ, что уже въ юности Полевой отличался тѣми свойствами, которыя всегда составляли характерную особенность его литературнаго облика, т. е. настойчивымъ стремленіемъ къ возможной широтѣ, энциклопедичности знанія и критическимъ отношеніемъ къ усваиваемому матеріалу, наклонностью провѣрить этотъ матеріалъ, проявить свою индивидуальную самостоятельность. Но еще многаго не хватало молодому человѣку. Въ 1817 году было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» первое литературное произведеніе Полевого, описаніе проѣзда и пребыванія императора Александра I въ Курскѣ; увидѣть въ печати свой первый опытъ было, конечно, большимъ торжествомъ для начинающаго автора, но въ то же время онъ видѣлъ, что статья его «вся переправлена, перечерчена издателемъ», и что поправки были справедливы. Но падать духомъ не приходилось, а напротивъ, для Полевого въ этомъ былъ новый толчекъ къ дальнѣйшему самосовершенствованію. До 1820 года литературныя занятія по необходимости занимаютъ второе мѣсто въ жизни Полевого, на первомъ планѣ стоятъ дѣла купеческія, въ этомъ же году онъ оставляетъ Курскъ, а черезъ два года, со смертью отца, онъ цѣликомъ отдается литературѣ.

Помимо помощи отцу, такое воздержаніе отъ литературной дѣятельности объясняется и недостаточной къ ней подготовленностью Полевого, который самъ это сознавалъ. Для уясненія степени образованія Полевого въ это время можетъ служить цѣннымъ матеріаломъ слѣдующее, приводимое нами безъ всякихъ измѣненій, письмо Полевого къ одному изъ его знакомыхъ, нѣкоему Брянцену, написанное въ 1820 году:

«Любезный другъ
«Николай Андреевичъ!

«Ахъ!.. вотъ что вырвалось и полетѣло къ другу, когда я дрожащею рукою развернулъ милое твое посланіе. О ты, другъ, кого и вѣтеръ въ поляхъ не обгонялъ!. ахъ! Можно-ль сердцу запретить, чтобы друзей намъ не любить. И твое меланхолическое чувство ударилось въ мое сердце, потрясло воображеніе, разогрѣло чувство, потревожило память, прошло во всѣ нервы; онѣ воспрянули—предъ очами души моей мелькнулъ, какъ призракъ полуночи—кто?... тѣнь друга, а что такое другъ... о ты, не знающій дружбы, удались и не спрашивай: другъ есть другъ, то-есть другъ, о души холодныя! какъ счастливъ другъ— и я курю табакъ и пускаю къ тебѣ облака, туда, гдѣ ты, тамъ, за синимъ океаномъ, въ дали, въ мерцаніи багряномъ—но я не имѣю дара описывать сладостное сліяніе радостей дружбы — о дружба, даръ, небесная, святая, отрада сердцу золотая, молодая, святая, а злоба да будетъ проклятая, а недружба въ адъ загнатая и мы другъ друга лобызая, на дружбу уповая — вотъ радость какая—ахъ! твой геній и меня побудилъ испытать, не могу ли издать, нѣсколько звуковъ на лирѣ арфеевой, но не могу. Не забывай меня—о другъ мой, для чего на лирѣ своей гремишь, а самъ не паришь—ахъ! Прошу тебя, начни писать трагедію, здѣсь онѣ въ великомъ употребленіи. Писать можно ее въ стихахъ, тутъ также цѣнятся и хорошіе стихи, я же недавно читалъ трагедію Радимъ и Дагода, чудесное произведеніе творческова генія; или пиши комедію. У насъ есть превосходныя, напримѣръ, комедія Сумбуръ, нельзя безъ слезъ читать, какъ человѣкъ умираетъ на сценѣ отъ чрезмернаго хохотанья. Примись писать трагедію и знаешь ли, гдѣ предметъ? повѣсть Марьина роща и Рогдай—вотъ ты загремишь, театръ загремитъ, народъ загремитъ—и ты безсмертенъ... О, другъ! охъ! дай, дай, дай мнѣ увидѣть тебя въ вѣнкѣ, котораго не заслужишь мѣрными стихами. Хоть посиди подольше, да за то высиди. Воображай меня въ дымѣ табачнаго облака толпой, прахъ оставя гробовой трубочку схватя рукой.

«И слуга, и другъ я твой,
Н. П.

«Буду ждать отвѣта отъ тебя, принялъ ли ты мой совѣтъ».

Письмо это переполнено всевозможными грамматическими ошибками, и въ знакахъ препинанія, и противъ этимологіи, но, помимо этихъ ошибокъ, изъ самаго склада письма бросается въ глаза, что его авторъ—человѣкъ далеко не культурный, нахватавшійся разныхъ мудреныхъ словъ изъ читанныхъ имъ книжекъ, старающійся подражать этимъ книжкамъ, но совсѣмъ не умѣющій этого сдѣлать: этотъ человѣкъ еще не выработался, находится, такъ сказать, въ рудиментарномъ состояніи, а такъ какъ онъ намѣренъ быть литераторомъ, то ему еще очень много надо потрудиться надъ своимъ образованіемъ. Послѣ этого насъ невольно поражаетъ та быстрая перемѣна, которая произошла въ этомъ рудиментѣ: черезъ два года Полевой получаетъ отъ Академіи наукъ большую серебряную медаль за грамматическое изслѣдованіе, за свои таблицы русскихъ спряженій, а еще черезъ три года онъ дѣлается редакторомъ журнала, въ которомъ принимаютъ участіе наши лучшія литературныя силы. Для такой метаморфозы, конечно, нужны были далеко не дюжинныя природныя дарованія и далеко не заурядная работа надъ собой.

Кто-то, перефразируя древнее изреченіе объ ораторахъ и поэтахъ, сказалъ, что журналистомъ надо родиться, а сдѣлаться журналистомъ нельзя,—и трудно не согласиться съ этимъ замѣчаніемъ. Постоянная журнальная работа требуетъ совсѣмъ особеннаго темперамента, требуетъ необыкновенной чуткости и отзывчивости на все вокругъ совершающееся; ученость, знанія, необходимыя журналисту, пріобрѣтаются трудомъ, временемъ, но никакая ученость, никакой трудъ не могутъ выработать того умѣнья воспринимать жизненныя впечатлѣнія, перерабатывать ихъ въ своемъ сознаніи и передавать воспринятое другимъ людямъ, словомъ, того особаго темперамента, который нуженъ настоящему журналисту (не случайному журнальному сотруднику). Журналистъ — человѣкъ неугомонный, безпокойный, интересующійся всѣмъ, на что человѣкъ кабинетный очень часто не обратитъ вниманія. Такимъ-то неугомоннымъ человѣкомъ, такимъ журналистомъ отъ природы былъ Полевой. Изданіе журнала давно уже было его завѣтной мечтой: еще десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ задумывалъ издавать газету «Азіатскія Вѣдомости», въ родѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и журналъ: «Другъ Россіи» въ родѣ «Московскаго Меркурія», отъ котораго приходилъ въ восторгъ.

Въ двадцатыхъ годахъ Полевой не разъ въ московскихъ образованныхъ кружкахъ поднималъ вопросъ объ изданіи журнала, но дѣло все какъ-то не устраивалось, пока онъ не рѣшился начать его одинъ, на свой страхъ.

Въ 1824 году Полевой представилъ министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову программу изданія со слѣдующаго года ежемѣсячнаго журнала: «Московскій Телеграфъ». Необходимость новаго изданія мотивировалась такимъ образомъ: «Въ настоящемъ состояніи наукъ и словесности въ Россіи, повременное сочиненіе, производя быстрое сообщеніе ученыхъ занятій, доставляя писателямъ удобный способъ сообщать свои сочиненія публикѣ и слышать мнѣнія просвѣщенныхъ особъ, предварительно прежде изданія оныхъ вполнѣ, въ то же время сообщая новѣйшія сочиненія, изысканія и открытія иностранныхъ ученыхъ мужей, представляя публикѣ чтеніе пріятное по самому разнообразію онаго, у насъ принесетъ пользы, конечно, болѣе, нежели въ каждомъ другомъ государствѣ». Въ предполагаемомъ изданіи исключалась политика, а также и то, что служитъ предметомъ «легкаго, поверхностнаго» чтенія, и содержаніе журнала резюмировалось въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: «1) сообщеніе отечественной публикѣ статей, касающихся до нашей исторіи, географіи, статистики, словесности, которыя бы иностранцамъ показывали благословенное отечество наше въ истинномъ его видѣ, и 2) сообщеніе также всего, что любопытнаго найдется въ лучшихъ иностранныхъ журналахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, или что неизвѣстно еще на нашемъ языкѣ, касательно наукъ, искусствъ, художествъ вообще и словесности древнихъ и новыхъ народовъ». Программа эта отличается крайней энциклопедичностью, и противники нападали на эту сторону изданія, говоря, что въ журналъ входитъ все, «начиная отъ безконечно-малыхъ въ математикѣ, до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ и бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ»; но энциклопедизмъ, который, какъ мы сказали, составлялъ одно изъ отличительныхъ свойствъ самого издателя, нисколько не вредилъ успѣху журнала, такъ какъ подобная разносторонность нужна была публикѣ [1]), и, кромѣ того, этотъ недостатокъ (если его считать недостаткомъ)

[1]) На эту потребность публики указывалъ и самъ Полевой въ первомъ номерѣ своего журнала. «Для изображенія совершеннаго журнала, — говорилъ онъ, — вообразите зеркало, въ которомъ отражается весь міръ нравственный политическій. Такой журналъ едва ли не болѣе многихъ книгъ принесетъ пользы»,

искупался тѣмъ общимъ направленіемъ, которое очень хорошо умѣлъ проводить въ своемъ изданіи Полевой. Поэтому-то «Московскій Телеграфъ» оказался совсѣмъ не похожимъ на другіе современные ему журналы, которые можно было скорѣе назвать сборниками, альманахами, такъ какъ именно та гармоничность въ подборѣ статей, которая необходима журналу и которая была въ «Московскомъ Телеграфѣ», въ нихъ совершенно отсутствовала.

Объединеніе, гармонія вносились въ «Московскій Телеграфъ», съ одной стороны, тѣми философскими воззрѣніями, которыя Полевой старался проводить въ общественное сознаніе, а съ другой — литературной критикой, впервые получившей такое видное положеніе въ русскомъ журналѣ. Благодаря своимъ московскимъ друзьямъ, И. В. Кирѣевскому, Андросову, Веневитинову, Полевой познакомился съ философіей Шеллинга и одно время сильно ею увлекался, но эта система не совсѣмъ была ему ясна, и гораздо доступнѣе для него и болѣе по его вкусу оказался философскій эклектизмъ Кузена, пользовавшійся въ то время большимъ успѣхомъ, а потому Полевой въ своемъ журналѣ и старался передавать ученіе этого мыслителя. Бѣлинскій въ увлеченіи Кузеномъ видитъ слабую сторону дѣятельности Полевого, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для массы общества Кузенъ былъ гораздо понятнѣе, чѣмъ германскіе философы, и Полевой, знакомя общество съ его эклетической системой, несомнѣнно былъ полезенъ, такъ какъ подготовлялъ свою публику къ усвоенію болѣе глубокихъ и сложныхъ нѣмецкихъ системъ.

Какъ ни важно было распространеніе въ обществѣ философскихъ взглядовъ, гораздо болѣе значенія для воспитанія общества имѣла критика Полевого, главной цѣлью которой было внесеніе къ намъ новыхъ эстетическихъ понятій, выработанныхъ на Западѣ, защита такъ называемаго романтизма противъ отжившаго уже свой вѣкъ классицизма. Полевой въ своихъ статьяхъ старался выяснить и общія теоретическія основанія новаго литературнаго направленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнялъ эти общіе принципы къ изученію явленій русской литературы, давая въ своихъ критическихъ очеркахъ рядъ мѣткихъ характеристикъ нашихъ выдающихся писателей XVIII и начала XIX вв., такихъ характеристикъ, которыя оказали замѣтное вліяніе на сужденія послѣдующей нашей критики, особенно Бѣлинскаго.

Много приходилось выяснить чисто теоретическихъ понятій, Полевой долженъ былъ толковать читателямъ, въ чемъ существо новаго литературнаго направленія, что такое идеализмъ, какое значеніе идеалъ имѣетъ въ поэзіи. Это дѣлаетъ онъ, напримѣръ, въ статьѣ о Жуковскомъ (написанной, правда, позже), изъ которой приведемъ слѣдующее любопытное мѣсто: «Чувство, одушевляющее Жуковскаго, было то неопредѣленное и неглубокое чувсгво, которое одушевляетъ юношу-мечтателя. Онъ безотчетенъ въ своихъ идеяхъ; онъ страстный любовникъ, возводящій къ идеалу созданіе несовершенное, но не человѣкъ, открывающій въ самомъ несовершенномъ созданіи божественный идеалъ, который можетъ видѣть только взоръ всеобъемлющей, высокой любви, и открывать только пламенникъ сердца, на которомъ сгораютъ всѣ отношенія земныя и страстныя. Многіе ли, напримѣръ, поймутъ высокую прелесть Арабской поэмы о любви Мечжнуна: онъ отказывается отъ руки Леилы, когда любовь къ ней между тѣмъ лишила его ума: вотъ степень высокаго чувства, стоящаго выше земной безнадежности и тоски; это переселеніе души въ чувство сердца, которому все равно, обладаетъ ли онъ земнымъ образомъ своего идеала, или судьба навѣкъ разорвала сердце его, бросивъ ему половину, чтобы дожить съ нею на замлѣ, а другую перенести за предѣлы гроба, къ трону Вѣчной Любви, предъ которымъ нѣтъ отношеній, нѣтъ степени — одна вѣчная любовь, и ничего внѣ ея—нѣтъ даже раздѣльнаго существованія мысли отъ мыслящаго, и отъ того, о чемъ онъ мыслитъ! На землѣ только высочайшій фанатизмъ и высокое сумасшествіе могутъ выразить, и то одну темную сторону такого идеала неземныхъ чувствъ. Для свѣтлой стороны его — недостанетъ лучей земного солнца. Каждый самый великій поэтъ понимаетъ только часть сего чувства, составляетъ только букву, такъ сказать — и только одинъ Шекспиръ читалъ склады сей таинственной азбуки неба. Но и малая часть подобнаго стремленія, расцвѣтшая въ душѣ Жуковскаго, достаточно была для того, чтобы сердца современниковъ сильно отозвались на нее. Въ сердцахъ человѣческихъ разсыпаны искры неба, и при электрическомъ сотрясеніи одного, сіи искры раскаляются, отражая собою изображеніе того огня, отъ котораго упали онѣ въ сердца человѣческія».

Подобный идеализмъ, по самому существу своему, долженъ быть оригинальнымъ, и естественно, что Полевой выступаетъ защитникомъ самобытности въ литературѣ и вообще въ просвѣ-

щеніи. Съ этой точки зрѣнія онъ осуждаетъ какъ классицизмъ, такъ и подражательныя формы «русскаго романтизма», что высказано имъ въ рецензіи на знаменитую диссертацію Надеждина. «*Русскій классикъ*, говоритъ Полевой, долженъ, во-первыхъ, украсть что-нибудь у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, переврать это, и потомъ утверждать что-нибудь самое нелѣпое, самое пошлое, передъ чѣмъ Лагарповы, Баттевы, Бауръ-Лорміановы сужденія казались бы солнцемъ свѣтозарнымъ; *во-вторыхъ*, онъ долженъ *цитоваться*, и особливо латинью (если же можно, по-гречески, то еще выше), и засыпать свои доказательства фразами, нахватанными изъ Горація, Лукана, Буало, и Блера и проч. *Третье* — и самое важнѣйшее — онъ долженъ громко вопіять о развратѣ, о погибели вкуса; долженъ искусно соединять съ этимъ мысль, что романтизмъ есть то же, что атеизмъ, шеллингизмъ, либерализмъ, терроризмъ, чадо безвѣрія и революціи; долженъ сильно вопить о славѣ Державина, Ломоносова, Хераскова, Поповскаго, Кострова, Петрова, Майкова. Къ этому надо съ горестію прибавлять, что нынѣ пишутъ разбойническія поэмы, а не гремятъ торжественными одами. Тутъ должно исчислить наши побѣды, въ которыхъ, разумѣется, классикъ столько же участвовалъ душою и тѣломъ, сколько онъ понимаетъ, что говоритъ. Въ заключеніе — *четвертое*, надобно, какъ можно надутѣе, заговорить о славѣ Россіи вообще, о возвышеніи нашемъ надъ всѣми народами, о величіи предковъ, о просвѣщеніи Россіи при Ярославлѣ и Мономахѣ, о Баянѣ, о Петрѣ Могилѣ, о Буслаевѣ, Словѣ о полку Игоревомъ, Сильвестрѣ Кулябкѣ «*яко доводахъ нашея славы*», наконецъ—чѣмъ заключить:

Извѣстно: *многи лѣта!*

«Вотъ планъ *Русской классической диссертаціи*. Да не подумаютъ читатели, что мы станемъ послѣ того защищать русскія романтическія сужденія. Нѣтъ! они часто бываютъ смѣшны и нелѣпы, не менѣе классическихъ (мы говоримъ *вообще*, и должны прибавить, что *нѣтъ* правила безъ исключеній). Наши романтики большею частью показываютъ то же дѣтство образованія, какое видимъ въ нашихъ классикахъ, *дѣтство*, повторяю, ибо все, что мы замѣчаемъ смѣшного въ тѣхъ и другихъ совсѣмъ не доказываетъ, чтобы наши классики и романтики были злые люди и глупцы: нѣтъ, это недоученныя дѣти, такъ какъ и наше русское (литературное) образованіе еще не вышло изъ пеленокъ, и едва ходитъ на помочахъ нѣмецкихъ, француз-

скихъ, англійскихъ, схоластическихъ, всякихъ—только не самобытныхъ русскихъ».

Когда Полевой выступилъ со своими критическими статьями онъ оказался въ такомъ же положеніи, въ какомъ впослѣдствіи былъ Бѣлинскій, дебютируя со своими знаменитыми «Литературными мечтаніями». Какъ впослѣдствіи Бѣлинскому пришлось заявить, что у насъ нѣтъ литературы, такъ и теперь Полевой долженъ былъ приступить къ ниспроверженію цѣлаго ряда кумировъ, созданныхъ тогдашними литературными кружками или пользовавшихся почетомъ въ силу устарѣлыхъ преданій. Бороться съ установленными авторитетами дѣло трудное: какъ смѣть свое сужденіе имѣть? Полевой пошелъ въ разрѣзъ съ этимъ молчалинскимъ принципомъ, онъ предпочелъ ему знаменитое изреченіе amicus Plato, sed magis amica veritas, онъ осмѣлился имѣть и высказать свое сужденіе и этимъ создалъ себѣ массу литературныхъ враговъ, изъ которыхъ иные, какъ Бестужевъ, сравнительно мягко упрекли его за «самоувѣренность въ сужденіяхъ, рѣзкій тонъ въ приговорахъ, вездѣ охоту учить и частое пристрастіе», а другіе не могли ему простить его продерзостей и послѣ его смерти: такъ, князь Вяземскій, указывая на разрушеніе Полевымъ авторитетовъ, называетъ его родоначальникомъ «литературныхъ кондоттіери».

Полевому, выставляя требованія «самобытности» творчества вооружаясь противъ разныхъ авторитетныхъ судей, нужно было оправдываться, доказывать свое право относиться критически къ произведеніямъ литературныхъ генераловъ. Такъ, приступая къ разбору «Исторіи Государства Россійскаго», онъ предпосылаетъ такое объясненіе: «Не думаемъ, чтобы благомыслящіе люди поставили въ вину рецензенту его неизвѣстность и огромность славы творенія, имъ разсматриваемаго, Мѣстничество въ литературѣ пора намъ изгнать, какъ изгнанъ сей вибельный предразсудокъ изъ гражданскаго нашего быта. Безпристрастіе, почтеніе къ человѣку, его достойному, таковы обязанности, исполненія которыхъ должна требовать публика отъ критика, не только твореній Карамзина, но и всякаго явленія литературнаго. Чѣмъ болѣе голосовъ, болѣе мнѣній, тѣмъ лучше. Мы должны истреблять несчастную полемику, безславящую хорошаго литератора, должны предоставлять ее тѣмъ людямъ, которые хотятъ сдѣлаться извѣстными, хотя бы безславіемъ, но критика справедливая, скромная, судящая о книгѣ, не объ авторѣ, далека отъ того,

что многіе у насъ почитаютъ критикой, такъ далека, какъ небо отъ земли. Критика есть дыханіе литературы, и всякое покушеніе достигнуть критики дѣльной должно, по крайней мѣрѣ, быть извинено людьми безпристрастными».

Существенной стороной критическихъ статей Полевого является замѣна прежнихъ схоластическихъ пріемовъ исключительно стилистическаго разбора, унаслѣдованныхъ еще отъ XVIII вѣка, анализомъ содержанія разсматриваемыхъ произведеній съ точки зрѣнія народности, непосредственности, искренности и цѣльности вдохновенія, и въ этой-то точкѣ зрѣнія и заключалось главное теоретическое основаніе романтизма. Эти принципы проводятся Полевымъ въ цѣломъ рядѣ статей, посвященныхъ разбору сочиненій Жуковскаго, Пушкина, Державина, Ломоносова, Кантемира, Хемницера. Такъ какъ, по романтической теоріи, поэтъ высказывается въ своихъ произведеніяхъ весь, всѣмъ своимъ существомъ, а не одной какой-либо стороной своего духа, то Полевой, перебирая нашихъ крупныхъ и мелкихъ поэтовъ и находя, что большинство изъ нихъ выражается въ своихъ произведеніяхъ односторонне, признавалъ истинными поэтами только Державина и Пушкина.

Не останавливаясь детально на характеристикахъ нашихъ поэтовъ, которыя дѣлаются Полевымъ, мы приведемъ изъ его статьи о Державинѣ сжатый очеркъ всей нашей литературы, въ которомъ онъ даетъ самыя общія, но вполнѣ опредѣленныя оцѣнки творчества наиболѣе выдающихся нашихъ писателей.

«Державинъ былъ поэтъ; характеръ его былъ поэтическій въ самомъ обширномъ смыслѣ, поэтическій преимущественно. Кромѣ Пушкина, у насъ не было другого столь исключительно поэтическаго характера, со времени преобразованія Россіи ни прежде, ни послѣ Державина. Въ душахъ всѣхъ поэтовъ русскихъ поэзія только отсвѣчивалась, не свѣтила самобытно, не наполняла собою, не сжигала, такъ сказать, всего бытія ихъ. Оттого направленія ихъ были либо слишкомъ частны, односторонни, либо слишкомъ развлечены и разнообразны. Сила души, устремленная на многое вдругъ, не соединенная въ одну точку, разливалась на все окружавшее ихъ и чрезъ то развлекала, разрушала собственно-поэтическое стремленіе. Такъ, Ломоносовъ былъ поэтъ въ жизни, невѣроятной и романической, но собственно поэзія была только слабою стихіею обширнаго міра его души. Онъ былъ столь же ученый человѣкъ, сколько стихотворецъ. У

Крылова, Дмитріева, Фонъ-Визина, поэзія была вдохновеніемъ ума, а не непобѣдимымъ стремленіемъ выразить себя въ поэтическихъ созданіяхъ. У Жуковскаго она навѣяна уныніемъ души и удивительною пріемчивостью чужихъ впечатлѣній. Грусть души Жуковскаго и происшедшее отъ того стремленіе за предѣлы міра, къ чему-то неразгаданному, тайному, отзываются въ самыхъ торжественныхъ его пѣснопѣніяхъ. Батюшковъ вдохновлялся противоположностью своего бытія съ пламенными думами сердца и души: его сочиненія были какъ будто желаніе забыть на время въ наслажденіяхъ поэзіи неисполнимыя мечты жизни. Негодованіе сдѣлалось музою Грибоѣдова, иногда только вспыхивавшею божественнымъ огнемъ поэтическаго восторга. Кантемиръ и Хемницеръ, одинъ, какъ вельможа, смѣло, шутя, другой робко и осторожно подсмѣиваясь надъ людьми, не были истинными поэтами. Такъ являются намъ всѣ другіе русскіе стихотворцы, съ тѣхъ поръ, какъ поэзія разроднилась въ Россіи съ бытомъ общественнымъ, перестала быть необходимымъ народнымъ пѣніемъ, свободно, невольно выливавшимся изъ души при звукахъ простой музыки. Не говоримъ о Сумароковыхъ, Херасковыхъ, Петровыхъ, Княжниныхъ, которые не писали бы, если бы не читали написаннаго прежде ихъ другими. Но разсмотрите всѣхъ остальныхъ, старыхъ и новыхъ поэтовъ нашихъ—Козлова, Баратынскаго, Языкова, Богдановича, Озерова, кн. Долгорукова, и вы убѣдитесь въ частномъ одностороннемъ, случайномъ, такъ сказать, ихъ стремленіи. Не таковы Державинъ и Пушкинъ, у которыхъ поэзія необходимость жизни, вся душа, все бытіе ихъ».

Мы можемъ не соглашаться съ приведенными характеристиками, находить ихъ односторонними, устарѣлыми, можемъ отвергать и самый критеріумъ Полевого, но мы не можемъ отрицать исторической цѣнности этихъ очерковъ для развитія нашей критической мысли, не можемъ не видѣть въ нихъ значительнаго шага впередъ отъ господства эстетическихъ воззрѣній Батте, Эшенбурга и Лагарпа, считавшихся непререкаемой истиной въ нашей литературѣ начала нынѣшняго столѣтія и ограничивавшихъ критику исключительно внѣшней стороной литературныхъ произведеній; мы не можемъ также отвергать важности заявленія Полевого о необходимости связи литературы съ «общественнымъ бытомъ», такъ какъ именно установленіе такой связи и составляетъ всю задачу нашего литературнаго раз-

витія, начиная съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Полевой поэтому съ полнымъ правомъ можетъ занять почетное мѣсто въ ряду родоначальниковъ нашей послѣдующей критики, положившей въ основаніе оцѣнки литературныхъ произведеній извѣстные философскіе и общественные принципы. Послѣ Полевого принципы мѣнялись, его точка зрѣнія, истекавшая изъ философіи Кузена и теорій романтиковъ, была оставлена, оказалась непригодной для оцѣнки новыхъ литературныхъ явленій, но самое важное, что уже не было никакой возможности возвратиться къ тѣмъ теоріямъ и къ тѣмъ пріемамъ, которымъ онъ нанесъ окончательный ударъ своей критикой. Поэтому-то, издавая собраніе своихъ критическихъ статей, Полевой могъ по справедливости сказать о себѣ: «Никто не оспоритъ у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы. Мои опыты были несовершенны, неполны,—скажутъ мнѣ— и послѣдователи мои далеко меня обогнали въ сущности и въ самомъ образѣ воззрѣнія. Пусть такъ, да и стыдно было бы новому поколѣнію не стать выше насъ, поколѣнія уже преходящаго, потому выше, что оно старше насъ, послѣ насъ явилось, продолжаетъ, что мы начинали, и мы должны быть довольны, если наши труды будутъ имѣть для него цѣну историческую...»

Критическія статьи Полевого, общее направленіе «Московскаго Телеграфа», интересъ и новизна сообщавшихся имъ свѣдѣній создали журналу небывалый до того въ нашей литературѣ успѣхъ, такъ что число его подписчиковъ довольно скоро достигло 2,000, но этотъ успѣхъ породилъ зависть въ другихъ журналистахъ, зависть, поддержанную раздраженіемъ, которое вызывали критическіе взгляды Полевого. Литературные олимпійцы были задѣты за живое смѣлымъ указаніемъ ихъ промаховъ, и кто же былъ дерзкій разрушитель ихъ авторитетовъ? Какой-то выскочка, купецъ, содержатель водочнаго завода, самоучка, не имѣющій никакого диплома. Упрекъ Полевому въ томъ, что онъ неучъ, самоучка, въ тѣ времена положительно не имѣлъ почти никакого смысла, такъ какъ самоучками, при крайне низкомъ уровнѣ нашихъ и высшихъ, и среднихъ школъ, не дававшихъ своимъ питомцамъ никакого серьезнаго образованія, были въ сущности всѣ наши тогдашніе писатели: всѣмъ имъ приходилось самостоятельнымъ трудомъ вполнѣ перерабатывать, передѣлывать то, что давала имъ школа. Слѣдовательно, за устране-

ніемъ этого упрека Полевому, оставался противъ него другой аргументъ, въ ту эпоху дѣйствительно очень важный,—его сословное происхожденіе. Въ мірѣ писателей бывали и въ тѣ времена «выскочки», parvenus, но они должны были отличаться умѣренностью и аккуратностью, должны были почтительно относиться къ литераторамъ изъ аристократической среды. Полевой, напротивъ, оказался черезчуръ самостоятельнымъ, и противъ него начинается ожесточенная война, причемъ дозволенными признаются всякія средства, и литературныя, и не литературныя. Въ журналахъ появляется цѣлый рядъ обличительныхъ статей противъ «Московскаго Телеграфа», печатается и ходитъ въ рукописяхъ множество эпиграммъ на Полевого и его брата, въ театральныхъ пьесахъ вставляются куплеты въ родѣ вызвавшихъ энергичный протестъ въ Московскомъ театрѣ стиховъ Писарева:

«Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ публику учить;
Самъ не кончивши ученья,
Всѣхъ сбирается учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожитъ.
Не пора-ль ему шепнуть:
«Тотъ другихъ учить не можетъ,
Кто учился какъ нибудь».

Но самымъ дѣйствительнымъ способомъ дѣйствія противъ Полевого оказался путь совсѣмъ не литературный. Графъ Бенкендорфъ съ 19-го по 23-е августа 1827 года получилъ одинъ за другимъ три доноса, въ которыхъ Полевой выставлялся опаснымъ якобинцемъ, причемъ указывалось и на происхожденіе изъ «средняго сословія, которое, по натурѣ вещей, всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ имъ уравненіе въ правахъ съ привилегированными классами». Любопытно, что вмѣстѣ съ Полевымъ въ этихъ доносахъ опасными якобинцами выставляются князь Вяземскій, И. В. Кирѣевскій и другіе вполнѣ консервативные московскіе литераторы. Мы не будемъ разсказывать обо всѣхъ потаенныхъ дѣйствіяхъ враговъ Полевого, о всѣхъ его столкновеніяхъ съ цензурными требованіями: все это очень хорошо выяснено въ статьяхъ М. И. Сухомлинова. Обратимся къ развязкѣ исторіи «Телеграфа». Сильнѣйшій врагъ Полевого, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, добился послѣ долгихъ стараній прекращенія «Московскаго Телеграфа»; въ то же время Полевой подвергся негласному запрещенію не только

что либо издавать отъ своего имени, но даже и выставлять свое имя подъ новыми своими статьями и сочиненіями, и это запрещеніе тяготѣло надъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ [1]). Только уже по переѣздѣ его изъ Москвы въ Петербургъ, въ 1837 году послѣ многихъ хлопотъ, это запрещеніе было снято съ бывшаго издателя «Московскаго Телеграфа». Для характеристики враждебнаго отношенія тогдашнихъ литературныхъ кружковъ къ Полевому, не лишнимъ будетъ привести изъ дневника Пушкина, когда-то признававшаго «Московскій Телеграфъ» лучшимъ нашимъ журналомъ, слѣдующую замѣтку: «Телеграфъ» запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ, по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: «Я радъ что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили». «Телеграфъ» достоинъ былъ своей участи. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска». Эта замѣтка чрезвычайно характерна не только для Пушкина, ставившаго себѣ въ заслугу, что онъ въ «жестокій вѣкъ возславилъ свободу», и забывшаго въ раздраженіи, насколько противорѣчатъ такія слова понятію о свободѣ,—но и для всѣхъ упомянутыхъ въ ней лицъ, принадлежавшихъ къ знаменитому «Арзамасу»...

Изданіе «Московскаго Телеграфа» было блестящей порой литературной дѣятельности Полевого, кругъ которой въ это время не ограничивается однимъ журналомъ, такъ какъ Полевой издаетъ нѣсколько повѣстей и романовъ въ духѣ Гофмана или Вальтеръ-Скотта, произведеній, въ свое время увлекавшихъ читателей, но теперь уже утратившихъ интересъ... Но важнѣе этихъ беллетристическихъ опытовъ была его «Исторія русскаго народа», имѣвшая цѣлью внести поправку въ ту картину русской старины, которая была создана Карамзинымъ. Полевой говорилъ, что Карамзинъ историкъ «прошлаго вѣка», человѣкъ, которому осталось совсѣмъ чуждымъ европейское движеніе новѣйшей исторической науки, стремящейся къ философскому объединенію событій съ всемірно-исторической точки зрѣнія, что Карамзинъ,

---

[1]) Это обстоятельство сообщено намъ П. Н. Полевымъ.

какъ онъ самъ признается, есть только повѣствователь, и притомъ такой, который считаетъ нужнымъ «раскрашивать» событія. Въ исторіи Карамзина Полевой видѣлъ своего рода историческій классицизмъ, и въ видѣ полемики противъ этого классицизма явилась «Исторія русскаго народа». «Карамзинизмъ» представлялся Полевому чѣмъ-то ложнымъ, одностороннимъ по самой своей сущности, и, разбирая Пушкинскаго «Бориса Годунова», Полевой указывалъ (хотя не совсѣмъ справедливо, какъ это выяснило позднѣйшее изслѣдованіе И. Н. Жданова), что главный недостатокъ этой великой трагедіи заключается именно въ «карамзинизмѣ». Задавшись цѣлью примѣнить къ русской исторіи тѣ пріемы научной разработки, которые указаны были на западѣ въ трудахъ Нибура, Гизо, Тьерри и другихъ новѣйшихъ историковъ, Полевой въ своей «Исторіи русскаго народа» далъ много интересныхъ объясненій нашего прошлаго, но онъ увлекся своей полемикой противъ Карамзина и въ историческомъ сочиненіи, по замѣчанію Бѣлинскаго, остался такимъ же журналистомъ, какимъ былъ во всѣхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что новѣйшая историческая критика въ лицѣ П. Н. Милюкова значительно поднимаетъ оцѣнку научнаго значенія «Исторіи русскаго народа».

Таковъ блестящій періодъ дѣятельности Полевого; съ прекращеніемъ же «Московскаго Телеграфа», съ отнятіемъ у него возможности высказываться, начинается для Полевого періодъ упадка. Тяжелыя матеріальныя обстоятельства вмѣстѣ съ удручающими нравственными испытаніями сломили эту энергичную, крѣпкую натуру: во всѣхъ его литературныхъ предпріятіяхъ послѣ «Московскаго Телеграфа» передъ нами уже не прежній смѣлый борецъ за независимое развитіе русской мысли, какимъ мы его знали въ первую эпоху его дѣятельности; а вмѣстѣ съ тѣмъ Полевой оказался уже отсталымъ и не понялъ новаго литературнаго движенія, не понялъ Гоголя и его натуральной школы: онъ пережилъ себя. Но, хотя иногда онъ и высказываетъ намѣреніе оставить совсѣмъ литературный трудъ, не быть прежнимъ Донъ-Кихотомъ, какъ онъ называетъ себя въ одномъ изъ писемъ къ брату, все же разстаться съ журналистикой было выше его силъ, и даже въ послѣдній годъ своей жизни онъ принимается за изданіе «Литературной Газеты», работаетъ надъ ней дни и ночи и окончательно подрываетъ свои силы...

Такова была судьба этого человѣка, котораго Бѣлинскій въ своемъ обширномъ некрологѣ ставитъ, по его вліянію на развитіе нашей литературы, рядомъ съ Ломоносовымъ и Карамзинымъ. Очень поучительна для насъ жизнь Полевого. Она поучительна, какъ образецъ необыкновенной энергіи, какъ проявленіе рѣдкаго въ нашемъ обществѣ смѣлаго индивидуализма и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ одна изъ страничекъ длиннаго мартиролога русской мысли въ то «доброе старое время», когда у такого горячаго патріота, какимъ былъ И. С. Аксаковъ, вырвалось отчаянное сознаніе:

Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!
. . . . . .
Ликуй же, ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Въ стихотвореніи «Желаніе», относящемся къ 1831 г. Лермонтовъ говоритъ о своей далекой «отчизнѣ», отъ которой его отдѣляютъ «волны морей». Эта отчизна — Шотландія, откуда происходилъ родъ Лермонтова. Извѣстно, что въ этомъ роду были и «отважные бойцы», упоминаемые въ томъ же стихотвореніи, и полулегендарный бардъ, жившій въ XIII столѣтіи. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича одинъ изъ представителей этого рода появляется въ Россіи. Его потомки нѣкоторое время занимали видныя мѣста, но скоро родъ Лермонтовыхъ теряетъ значеніе, и его члены становятся въ разрядъ захудалаго дворянства.

Къ числу такихъ захудалыхъ людей принадлежалъ и отецъ поэта, Юрій Петровичъ, начавшій службу очень хорошо, судя по тому, что уже 24 лѣтъ былъ капитаномъ, но рано вышедшій въ отставку и поселившійся въ деревнѣ. Вскорѣ онъ женился на богатой помѣщицѣ, Маріи Михайловнѣ Арсеньевой. Характеры супруговъ рѣзко различались: Юрій Петровичъ былъ человѣкъ легкомысленный, кутила, грубый, хотя и не лишенный нѣкоторой доброты; Марія Михайловна отличалась какой то мечтательностью, сентиментальностью. Согласіе въ семьѣ было непродолжительно; Юрій Петровичъ охладѣлъ къ своей женѣ, почти совсѣмъ ее покинулъ. Это не могло не отразиться на ея здоровьѣ, и безъ того не особенно крѣпкомъ; развилась чахотка, и въ 1817 г. Марія Михайловна скончалась.

Отъ этого брака 3 октября 1814 г. родился нашъ великій поэтъ. Ранняя смерть матери была для него первымъ тяжелымъ ударомъ: онъ почти не зналъ матери, хотя неясный образъ этой женщины навсегда сохранился въ его памяти. Впечатлѣніе глубоко таилось въ его душѣ, какъ видно изъ замѣтки, относящейся къ 1830 г.: «когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ; ея я не могу теперь вспомнить, но увѣ-

ренъ, что, если бы услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать».

Послѣ смерти Маріи Михайловны, воспитаніемъ поэта занялась ея мать, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, совершенно отстранившая отъ него его отца. Началась долголѣтняя распря между этими лицами, близкими Лермонтову, и, конечно, она не могла пройти безъ слѣда для самого поэта: въ его душѣ оставалось тягостное впечатлѣніе отъ этого раздора. Какъ онъ ни любилъ свою бабушку, относившуюся къ нему съ величайшею заботливостью и нѣжностью, онъ не могъ подавить въ себѣ любви къ отцу, противъ котораго его хотѣли возстановить.

Но и помимо этого обстановка дѣтства поэта была далеко не соотвѣтствующею нормальнымъ воспитательнымъ требованіямъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго «Отрывка изъ неоконченной повѣсти», въ которой Лермонтовъ подъ видомъ Саши Арбенина рисуетъ самого себя: «Зимою горничныя дѣвушки приходили шить и вязать и въ дѣтскую, во первыхъ, потому, что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а вовторыхъ, чтобы потѣшать маленькаго барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ уже онъ заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ; но у старой няньки руки были такія жесткія! Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный мальчикъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, еслибъ не пришла на помощь корь — болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый не-

дугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ножки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и если бы онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно бы отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя послѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но — увы! никто не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ охватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури».

Какъ и Саша Арбенинъ, Лермонтовъ въ дѣтствѣ много болѣлъ, отличался «худосочіемъ», и бабушка должна была долго заботиться о его лѣченіи. Съ этою цѣлью не разъ предпринимались поѣздки на кавказскія минеральныя воды. Очень сильны были впечатлѣнія, произведенныя на поэта кавказской природой, и еще въ юные годы онъ говорилъ, что любитъ Кавказъ, какъ «сладкую пѣсню отчизны», что кавказскія горы «взлелѣяли дѣтство» его, «пріучили его къ небу», и «съ той поры онъ все мечталъ» о нихъ и о небѣ. Во время поѣздки на Кавказъ 1825 г. поэтъ впервые испыталъ чувство любви. Впослѣдствіи онъ такъ разсказывалъ объ этомъ раннемъ своемъ увлеченіи: «Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?.. Мы жили большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я не помню, хороша собою была она, или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая, это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія

минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!... Надо мною смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить о ней и убѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я забылъ его), какъ бы страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда... И понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда они забыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу; не повѣрятъ ея существованію, а это было бы мнѣ больно... Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ тотъ разъ.—Горы кавказскія для меня священны...»

Учебныя занятія Лермонтова начались подъ руководствомъ гувернера Капэ, бывшаго офицера наполеоновской гвардіи, который пробылъ при мальчикѣ все время, пока Е. А. Арсеньева жила въ своей деревнѣ Тарханахъ, въ Пензенской губерніи. Лермонтовъ очень полюбилъ своего воспитателя, повидимому, хорошаго человѣка, который внушилъ ему преклоненіе передъ Наполеономъ и нѣкоторыя свободолюбивыя идеи. Въ 1827 г., послѣ переѣзда Арсеньевой въ Москву, Капэ умеръ, и его мѣсто занялъ французъ эмигрантъ Жандро, имѣвшій не особенно благотворное вліяніе на Лермонтова. Не очень значительно было также вліяніе слѣдующаго воспитателя, англичанина Виндсона, хотя, благодаря ему, Лермонтовъ сталъ знакомиться съ англійской литературой, съ Шекспиромъ и Байрономъ.

Въ это время Лермонтовъ готовится въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, куда и поступилъ въ 1828 г. Это учебное заведеніе въ свое время дало Россіи цѣлый рядъ выдающихся литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, въ немъ учились Жуковскій, братья Тургеневы, Грибоѣдовъ и др., и когда поступилъ въ него Лермонтовъ, старыя традиціи литературнаго образованія еще не угасли. Устраивались литературные вечера, издавались рукописные журналы, въ которыхъ участвовали воспитанники пансіона; преподавателями словесности были лучшіе ученые того времени, профессоръ А. Ѳ. Мерзляковъ и магистръ Дубенскій, извѣстный своимъ изслѣдованіемъ о «Словѣ о полку

Игоревѣ», и конечно, такіе люди должны были возбуждать и поддерживать въ своихъ ученикахъ любовь къ литературѣ. Мерзляковъ, вообще имѣвшій большое вліяніе на своихъ слушателей, человѣкъ, отличавшійся критическимъ чутьемъ и поэтическимъ талантомъ, тѣмъ болѣе, по мнѣнію проф. П. А. Висковатова, долженъ былъ повліять на Лермонтова, что давалъ ему частные уроки и былъ вхожъ въ домъ Арсеньевой. Конечно, мы не можемъ съ достовѣрностью судить, насколько сильно было это вліяніе. Самъ Лермонтовъ не высказывается объ этомъ, но явствовать можетъ это изъ возгласа бабушки, когда позднѣе надъ внукомъ ея стряслась бѣда по поводу стихотворенія его на смерть Пушкина: «И зачѣмъ я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ его!»[1]).

Внѣшнія вліянія могутъ содѣйствовать возникновенію поэтическаго творчества, но присутствіе таланта необходимо, и талантъ этотъ очень рано пробуждается въ Лермонтовѣ. Первымъ его произведеніемъ была написанная въ пансіонѣ поэма «Индіанка», содержаніе которой было навѣяно чтеніемъ романа Шатобріана «Аттала». Эта поэма была тогда же сожжена Лермонтовымъ, и поэтому первымъ его литературнымъ опытомъ нѣкоторые считаютъ переводъ баллады Шиллера «Перчатка», хотя онъ писалъ много и ранѣе. Достовѣрно мы знаемъ, что во время пребыванія своего въ пансіонѣ Лермонтовъ увлекался произведеніями Шиллера, Байрона, Шекспира и Пушкина. Изъ Шиллера онъ перевелъ нѣсколько балладъ, а Пушкину и Жуковскому подражалъ въ своихъ юношескихъ поэмахъ. Подражаніе было настолько сильно, что Лермонтовъ почти цѣликомъ переписывалъ поэмы Пушкина; напр. «Кавказскій плѣнникъ». Однако и здѣсь проявлялась оригинальность юнаго поэта: выписавъ рядъ Пушкинскихъ стиховъ, онъ вставляетъ какія-нибудь новыя подробности, причемъ почти всегда замѣтно его стремленіе придать произведенію своего предшественника болѣе трагическій отпечатокъ. «Стихи (говоритъ Висковатый), которые онъ заимствовалъ у другого поэта, получали у него своеобразный видъ и напоминали оригиналъ развѣ одною лишь чисто-внѣшней своею формой, но отнюдь не значеніемъ».

Пятнадцатилѣтній мальчикъ, Лермонтовъ, очень много чита-

---

[1]) Соч. Лермонтова, изд. Висковатаго, т. VI, стр. 41.

етъ, пишетъ; о многомъ ему приходится передумать, и повидимому, духовная работа его совершается, какъ и прежде, въ одиночествѣ, такъ какъ въ окружающихъ его людяхъ онъ почти не находитъ отзвука на волнующія его стремленія. Онъ задумывается и надъ общественными вопросами, какъ это видно, напримѣръ, изъ стихотворенія «Жалоба турка», въ которомъ онъ изображаетъ угнетеніе мысли, рабскій строй жизни своей «отчизны». Но гораздо сильнѣе въ это время звучатъ въ его поэзіи мотивы личные: тоска, разочарованіе навѣвались не только чтеніемъ такихъ произведеній, въ которыхъ отражалась «міровая скорбь», но и ближайшей обстановкой, въ которой ему приходилось жить. Разладъ между его отцомъ и бабушкой не прекращался и грозилъ новыми осложненіями, такъ какъ отецъ согласился оставить его у Е. А. Арсеньевой только до 16-лѣтняго возраста, до окончанія школьнаго воспитанія.

Гроза должна была разразиться въ 1830 году. Въ этомъ году истекалъ назначенный срокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтовъ вышелъ изъ университетскаго пансіона, который былъ преобразованъ въ гимназію. Юрій Петровичъ потребовалъ, чтобы сынъ былъ ему возвращенъ, и юноша, любившій своего отца, соглашался на это; но бабушка рѣшительно возстала: она слишкомъ привязана была къ своему внуку, онъ напоминалъ ей безвременно умершую ея дочь, и разлука съ нимъ была бы для нея ужаснымъ ударомъ. То, что переживалъ въ это время Лермонтовъ, ярко отразилось въ его драмѣ «Menschen und Leidenschaften», герой которой Юрій Волинъ, т. е. самъ поэтъ не рѣшается покинуть «несчастную старуху». Ея слезы, мольбы остановили его, и онъ говоритъ своему отцу: «Она дала мнѣ воспитаніе, ухаживала за моимъ дѣтствомъ, ей обязанъ я своимъ пропитаніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что я имѣю, кромѣ жизни... и въ нѣсколько дней я приблизилъ ее къ могилѣ... къ ней я неблагодаренъ... Я не долженъ былъ смотрѣть на ваши распри: обязанность человѣчества должна была занять мое сердце». Если бабушкѣ Лермонтовъ былъ обязанъ всѣмъ, то отцу онъ былъ «обязанъ одною жизнью» — и въ концѣ концовъ онъ рѣшился остаться съ бабушкой. Отецъ уѣхалъ и очень скоро умеръ, по словамъ одного близкаго къ Лермонтову человѣка, отъ холеры. Такъ завершилась эта многолѣтняя распря, но она, конечно, не могла не оставить горькаго осадка въ душѣ поэта.

Лѣто 1830 г. ушло на подготовку къ университетскому экза-

мену, и въ августѣ Лермонтовъ поступилъ въ Московскій университетъ въ число студентовъ нравственно-политическаго отдѣленія. а затѣмъ вскорѣ перешелъ на словесное отдѣленіе. Московскій университетъ переживалъ въ это время полосу застоя, упадка, преподаваніе стояло весьма не высоко. Вотъ какъ изображаетъ положеніе университета Герценъ: «Ректоромъ былъ тогда Двигубскій, одинъ изъ остатковъ и образцовъ допотопныхъ профессоровъ, или лучше сказать, *допожарныхъ*, т. е. до 1812 г. Въ тѣ времена начальство университетомъ не занималось, профессора читали и не читали, студенты ходили и не ходили, и ходили притомъ не въ мундирныхъ сюртукахъ ad instar конноегерскихъ, а въ разныхъ отчаянныхъ и эксцентрическихъ платьяхъ, въ крошечныхъ фуражкахъ, едва державшихся на дѣвственныхъ волосахъ. Профессора составляли два стана или слоя, мирно ненавидѣвшіе другъ друга—одинъ состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ, другой изъ не-нѣмцевъ. Нѣмцы, въ числѣ которыхъ были люди добрые и ученые, какъ Лодеръ, Фишеръ, Гильденбрандтъ и самъ Гаймъ, вообще отличались незнаніемъ и нежеланіемъ знать русскаго языка, хладнокровіемъ къ студентамъ, духомъ западнаго кліентизма, ремесленничества, неумѣреннымъ куреніемъ сигаръ и огромнымъ количествомъ крестовъ, которыхъ они никогда не снимали. Не-нѣмцы, съ своей стороны, не знали ни одного (живаго) языка кромѣ русскаго, были отечественно раболѣпны, семинарски неуклюжи, держались, за исключеніемъ Мерзлякова, въ черномъ тѣлѣ и, вмѣсто неумѣреннаго употребленія сигаръ, употребляли неумѣренно настойку. Нѣмцы были больше изъ Геттингена, не-нѣмцы изъ поповскихъ дѣтей. Двигубскій былъ изъ не нѣмцевъ. Видъ его былъ такъ назидателенъ, что какой-то студентъ изъ семинаристовъ, приходя за табелью, подошелъ къ нему подъ благословеніе и постоянно называлъ его «Отецъ-ректоръ». Притомъ онъ былъ страшно похожъ на сову съ Анной на шеѣ, какъ его рисовалъ другой студентъ, получившій болѣе свѣтское образованіе. Когда, бывало, приходилъ въ нашу аудиторію или съ деканомъ Чумаковымъ, или съ Котельницкимъ, который завѣдывалъ шкапомъ съ надписью Materia Medica, неизвѣстно зачѣмъ проживавшимъ въ математической аудиторіи, или съ Рейсомъ, выписаннымъ изъ Германіи за то, что его дядя хорошо зналъ химію, съ Рейсомъ, который, читая по французски называлъ свѣтильню—baton de coton, ядъ—рыбой (poisson), а слово молнія такъ несчастно произносилъ, что мно-

гіе думали, что онъ бранится,—мы смотрѣли на нихъ большими глазами, какъ на собраніе ископаемыхъ, какъ на послѣднихъ Абенсераговъ, представителей иного времени, не столько близкаго къ намъ, какъ къ Тредьяковскому и Кострову; времени, въ которомъ читали Хераскова и Княжнина, времени добраго профессора Дильтея, у котораго были двѣ собачки, одна вѣчно лаявшая, другая никогда не лаявшая, за что онъ очень справедливо назвалъ одну Баваркой, а другую Пруденкой»... Попечитель, кн. Голицынъ былъ удивительный человѣкъ, онъ долго не могъ привыкнуть къ тому безпорядку, что когда профессоръ боленъ, то и лекціи нѣтъ; онъ думалъ, что слѣдующій *по очереди* долженъ былъ его замѣнять, такъ что отцу Терновскому пришлось бы иной разъ читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ, а акушеру Рейхелю—толковать безсѣменное зачатіе» [1]).

Словесное отдѣленіе, на которое поступилъ Лермонтовъ, тоже находилось въ плачевномъ состояніи. Мерзлякова уже не было. Шевыревъ, пріобрѣвшій на первый разъ большую, но не долгую популярность, появился на каѳедру немного позднѣе, а Надеждинъ началъ читать лишь въ 1832 году, и Лермонтовъ могъ слушать его только въ послѣднее полугодіе своего пребыванія въ университетѣ. На первомъ курсѣ студенты всѣхъ отдѣленій обязательно слушали словесность у Побѣдоносцева, преподававшаго риторику по стариннымъ преданіямъ, по руководствамъ Ломоносова, Рижскаго и Мерзлякова. Онъ читалъ о хріяхъ, инверсахъ и автоніанахъ, но главное вниманіе свое обращалъ на практическія занятія: неуклонно требовалъ соблюденія правилъ грамматики, занималъ студентовъ переводами съ латинскаго и французскаго языковъ, при чемъ строго слѣдилъ за чистотою слога и преслѣдовалъ употребленіе иностранныхъ словъ и оборотовъ. Особенно любилъ задавать студентамъ темы на сочиненія и требовалъ, чтобы слушатели подавали ему «хрійки». Лекціи богословіи читались Терновскимъ самымъ схоластическимъ образомъ. По обычаю семинаріи, кто-нибудь изъ студентовъ вступалъ съ профессоромъ въ діалектическій споръ. Терновскій сердился, но спорилъ. Когда споръ прекращался, онъ заставлялъ кого-нибудь изъ слушателей пересказывать содержаніе прошедшей лекціи. Каченовскій читалъ соединенную исторію и статистику Россійскаго государства и правила россійскаго языка и

[1]) *Искандеръ*. Былое и Думы. Лонд. 1861, т. I, стр. 134, 152—4.

слога, относящіяся преимущественно къ поэзіи. Всеобщую исторію читалъ Ульрихсъ по Гейму, греческую словесность и древности преподавалъ Ивашковскій, Снегиревъ — римскую словесность и древности, нѣмецкій языкъ—Кистеръ, французскій—Декампъ [1]). О всѣхъ этихъ профессорахъ, за исключеніемъ Каченовскаго, ихъ бывшій слушатель, знаменитый авторъ «Обломова», И. А. Гончаровъ даетъ самые отрицательные отзывы въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ.

Изъ лекцій подобныхъ профессоровъ, конечно, нельзя было почерпнуть ни особыхъ знаній, ни возвышеннаго идеализма. Лишь 2—3 человѣка изъ всего преподавательскаго состава университета могли вліять на юношество, направляя къ серьезному труду. Студенты, по отзывамъ современника, учились плохо, но все же университетъ приносилъ огромную пользу. «Больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія, юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеній... Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ... Въ него, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой, и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея. До 1848 года устройство нашихъ университетовъ было чисто демократическое. Двери ихъ были открыты всякому, кто могъ выдержать экзаменъ и не былъ ни крѣпостнымъ, ни крестьяниномъ, не уволеннымъ своей общиной... Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества. Общественныя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ въ англійскихъ школахъ и казармахъ; объ англійскихъ университетахъ я не говорю: они существуютъ исключительно для аристократіи и для богатыхъ. Студентъ, который бы вздумалъ у насъ хвастаться своей *бѣлой костью* или богатствомъ, былъ бы отлученъ отъ «воды и огня», замученъ товарищами. Внѣшнія различія, дѣлившія студентовъ, и то не глубокія, шли изъ другихъ источниковъ... Нѣмцы держали себя нѣсколько въ сторонѣ и были очень пропитаны западно-мѣщанскимъ духомъ. Все воспитаніе несчастныхъ семинаристовъ, всѣ ихъ понятія были совсѣмъ иныя, чѣмъ у насъ, мы говорили разными языками; они, выро-

---

[1]) Соч. Лермонтова, изд. П. А. Висковатаго, т. VI. стр. 104—105.

шіе подъ гнетомъ монашескаго деспотизма, забитые своей риторикой и теологіей, завидовали нашей развязности; мы — досадовали на ихъ христіанское смиреніе... Молодежь была прекрасная на нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣнь рано исчезали, не замѣняясь еще нѣмецкимъ утилитаризмомъ, удобряющимъ умы наукой, какъ поля навозомъ, для усиленной жатвы. Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассесоры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ. Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало *гражданскую* нравственность студентовъ. Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи все, что приходило въ голову, тетрадки *запрещенныхъ* стиховъ ходили изъ рукъ въ руки, запрещенныя книги читались съ комментаріями, и при всемъ томъ, я не помню ни одного доноса изъ аудиторіи, ни одного предательства. Были робкіе молодые люди уклонявшіеся, отстранявшіеся,—но и тѣ молчали [1]).

Это было время образованія среди молодежи знаменитыхъ кружковъ Бѣлинскаго. Станкевича, Герцена, сыгравшихъ такую видную роль въ умственномъ и политическомъ развитіи нашего общества. Ни въ одинъ изъ такихъ кружковъ Лермонтовъ не вошелъ, онъ держался, напротивъ, вдали отъ товарищей, погруженный въ свои думы, въ чтеніе. Случайныя воспоминанія его однокурсника, Вистенгофа, показываютъ, что Лермонтовъ какъ-то демонстративно отвергалъ всякія попытки товарищей къ сближенію, что онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ товарищамъ, какъ къ людямъ, стоявшимъ ниже его по развитію. Столь же демонстративно сходился онъ съ разными свѣтскими, пустыми господами. Объ этомъ онъ разсказываетъ въ романѣ «Княгиня Лиговская», изображая времяпровожденіе Печорина, подъ видомъ котораго онъ выставляетъ самого себя, хотя нужно сказать, что краски въ этомъ беллетристическомъ портретѣ сильно сгущены. «Всѣ путешествія Печорина ограничивались поѣздками съ толпой такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій паркъ,

[1]) Былое и Думы, т. 1. стр. 134—136, 148—149, 156.

въ Сокольники и въ Марьину рощу. Можно вообразить, что они не брали съ собой тетрадей и книгъ, чтобы не казаться педантами. Пріятели Печориина, которыхъ число было, впрочемъ, не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ ними въ обществѣ, ибо въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и аксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе. Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было, закрывъ глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ «la bande joyeuse»...

Однако, если даже согласиться съ тѣмъ, что вся эта характеристика Печорина относится къ самому Лермонтову, приходится сказать, что она далеко не совсѣмъ правильна, что Лермонтовъ въ сущности не былъ такимъ пустымъ человѣкомъ, какимъ представляется его герой, и что во время его пребыванія въ университетѣ его интересовали не одни кутежи и свѣтскія похожденія. Между прочимъ, изъ поэмы «Сашка» мы узнаемъ, что Лермонтову не совсѣмъ чуждо было и студенческое товарищество, что университетъ оставилъ въ немъ навсегда свѣтлое воспоминаніе, что онъ, можетъ быть, принималъ участіе и въ серьезныхъ, горячихъ спорахъ какихъ-нибудь товарищескихъ кружковъ. Взять хотя бы слѣдующіе стихи:

Святое мѣсто! Помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ.—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сертуки, висящіе клочками.
Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто—въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяяся чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ—шумятъ;
Уходитъ—втрое хуже...

Вѣдь въ этихъ строкахъ несомнѣнно сквозитъ симпатія и къ «святому мѣсту», и къ его «сынамъ», и къ тѣмъ серьезнымъ (а порой и пустымъ) спорамъ, которые велись между товарищами. Такая симпатія врядъ ли могла быть при совершенномъ отчужденіи отъ товарищеской среды, и вліяніе этой среды, вѣроятно, не было вполнѣ безразличнымъ именно въ томъ гражданскомъ направленіи, о которомъ, какъ мы видѣли, говоритъ Герценъ. Правда, и до университета Лермонтовъ отозвался на іюльскую революцію, но подавленіе бунта военныхъ поселеній нашло въ немъ отголосокъ уже во время студенчества, а также, думается намъ, не было вполнѣ случайнымъ совпаденіе въ отношеніяхъ къ крѣпостному праву, обнаруживающееся въ студенческихъ драмахъ Бѣлинскаго и Лермонтова и отмѣченное покойнымъ П. А. Висковатовымъ. Герой Лермонтовской драмы «Странный человѣкъ» выражаетъ несомнѣнно чувства и взгляды самого поэта, когда, услышавъ о жестокомъ обращеніи помѣщицы съ крестьянами, въ ужасѣ восклицаетъ: «Люди, люди! и до такой степени злодѣйства доходятъ женщины, твореніе иногда столь близкое къ ангелу! О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство—все куплено кровавыми слезами!.. Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... О, мое отечество, мое отечество!» Наконецъ, мы думаемъ, что не лишено значенія и то обстоятельство, что среди произведеній Лермонтова, написанныхъ за время его студенчества, мы совсѣмъ не находимъ ничего подобнаго тому цинизму и той пошлости, которыми отличаются нѣкоторыя его произведенія болѣе поздней поры, времени ученія въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и отсюда можно заключить, что вліяніе свѣтской пошлой молодежи, если и проявлялось въ жизни Лермонтова въ студенческіе годы, умѣрялось въ сильной степени тѣмъ, что давала поэту университетская среда, направлявшая его къ болѣе возвышеннымъ, серьезнымъ интересамъ.

Недолго, однако, пробылъ Лермонтовъ въ Московскомъ университетѣ: вслѣдствіе столкновеній съ профессорами, особенно съ Побѣдоносцевымъ, или какихъ-нибудь другихъ причинъ онъ вынужденъ былъ выйти изъ университета въ іюнѣ 1832 г. Переселившись въ Петербургъ, онъ хотѣлъ продолжать занятія въ здѣшнемъ университетѣ, но отъ этого пришлось отказаться, такъ какъ совѣтъ Петербургскаго университета не согласился

зачесть время, проведенное Лермонтовымъ въ Московскомъ, а кромѣ того былъ поднятъ вопросъ объ увеличеніи университетскаго курса до четырехъ лѣтъ, вмѣсто прежнихъ трехъ, и Лермонтову при этихъ условіяхъ удалось бы окончить курсъ лишь въ 1836 году.

Лермонтовъ рѣшается поступить въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣшнее Николаевское кавалерійское училище). Еще недавно эта школа стояла очень высоко: основанная съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать военному воспитанію молодыхъ людей, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній и посвятившихъ себя военной службѣ, она отличалась серьезнымъ направленіемъ, и ея воспитанники выдѣлясись въ военной средѣ своимъ образованіемъ. Въ этой школѣ уже учились многіе товарищи Лермонтова по Московскому университету, и поступая въ нее, Лермонтовъ не могъ думать, что онъ попадаетъ въ среду пустыхъ, невѣжественныхъ юношей, нисколько не похожихъ на его прежнихъ товарищей. Но какъ разъ въ это время въ школѣ произошли перемѣны, вслѣдствіе которыхъ ея воспитательно-образовательный уровень значительно понизился. Идеаломъ стала фронтовая выправка, а серьезное умственное развитіе было отодвинуто на задній планъ. Признано было необходимымъ юнкеровъ подтянуть, и этимъ занялся самъ начальникъ военно-учебныхъ заведеній, великій князь Михаилъ Павловичъ. «Прежнее устройство школы, — говоритъ П. А. Висковатовъ, — болѣе свободное, мало чѣмъ отличалось отъ устройства тогдашнихъ университетовъ. Школа имѣла видъ скорѣе военнаго университета съ воспитанниками, жившими въ стѣнахъ его, на подобіе того, какъ жили казеннокоштные студенты въ Московскомъ университетѣ. Нравы и обычаи въ обоихъ учрежденіяхъ немногимъ отличались другъ отъ друга, если только взять въ соображеніе разницу, которая происходила отъ общественнаго положенія молодыхъ людей. Казеннокоштные студенты университета были люди изъ бѣдныхъ семей, въ «школѣ» же это были сыновья богатыхъ и знатныхъ родителей» [1]).

Рѣшившись поступить въ военную школу, Лермонтовъ былъ не особенно радостно настроенъ; онъ прямо говорилъ, что испытываетъ горе, что его слѣдуетъ пожалѣть, а своему другу, М. А. Лопухиной, писалъ: «Не могу представить себѣ, какое дѣйствіе

[1]) Соч. Лермонтова, изд. Висковатаго, т. VI, стр. 171.

произведетъ на васъ моя великая новость: до сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я — воинъ. Быть можетъ, тутъ есть особая воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче; и если онъ не ведетъ къ моей первой цѣли, можетъ быть, по немъ дойду до послѣдней цѣли всего существующаго: вѣдь лучше умереть съ свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія». А черезъ годъ онъ пишетъ той же Лопухиной: «Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ итти мнѣ — путемъ ли порока или пошлости. Правда, оба эти пути ведутъ часто къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня — это было бы лишнее! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но, увы: скажи, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ... Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя мои мечтанія разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда; гораздо лучше, подумалъ я, обходиться безъ нихъ. Я сталъ пробовать; я походилъ въ то время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были тщетными, и скоро прошлое стало представляться мнѣ не болѣе, какъ программою незначительныхъ и весьма обыденныхъ похожденій... Я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую, и говорю иначе и, Богъ знаетъ, чѣмъ еще стану въ теченіе года! Жизнь моя здѣсь была вереницей разочарованій, что заставляетъ меня теперь смѣяться, смѣяться надъ собой и надъ другими»... И при такихъ впечатлѣніяхъ, не мудрено, что Лермонтовъ называлъ годы своего пребыванія въ школѣ подпрапорщиковъ «страшными» и «злополучными».

Бывшаго студента не могла не стѣснять военная дисциплина школы, ему трудно было свыкаться съ «тѣсной курткой», съ маршировками и парадировками, которыя имѣли такое значеніе въ обученіи юнкеровъ; еще труднѣе, конечно, было ему мириться съ запретомъ читать книги чисто-литературнаго содержанія; не могла его удовлетворять и товарищеская среда, духовные интересы которой были весьма не высоки. Онъ не сближался съ товарищами, не открывалъ имъ своего внутренняго міра. «Напротивъ, онъ любилъ удаляться отъ нихъ и предаваться своимъ

мечтаніямъ и творчеству въ уединеніи, рѣдко кому читая отрывки изъ своихъ задушевныхъ произведеній, чувствуя, что они будутъ не такъ поняты и боясь каждой неосторожной, глубоко оскорбляющей выходки. Въ отношеніяхъ его къ товарищамъ была, слѣдовательно, нѣкоторая неестественность, которую онъ прикрывалъ веселыми остротами, и такія выходки при остромъ и зломъ языкѣ, конечно, должны были подчасъ коробить тѣхъ, противъ кого были направлены».

Возможность ужиться съ этимъ пустымъ міромъ юнкеровъ была одна: надѣть маску, затаить въ глубинѣ души жившія въ поэтѣ высокія, идеальныя стремленія, подладиться подъ общій уровень пошлаго и грязнаго товарищества, стать по внѣшности такимъ же «шалуномъ», забіякой, «молодцомъ», какъ и всѣ остальные юнкера, принять дѣятельное участіе въ ихъ попойкахъ, кутежахъ и всякихъ иныхъ похожденіяхъ. Въ рукописномъ журналѣ «Школьная Заря», издававшемся юнкерами, Лермонтовъ помѣщаетъ разныя свои стихотворенія, содержаніе которыхъ, по замѣчанію одного библіографа, «по своей скабрезности едва ли не превосходитъ произведенія пресловутаго Баркова». Эти произведенія создаютъ поэту дешевую популярность въ товарищеской средѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, распространяясь за стѣнами школы, возбуждаютъ противъ него негодованіе серьезныхъ людей, которые считаютъ его безнравственнымъ циникомъ.

А между тѣмъ этотъ циникъ по существу былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и совершенно справедливо его оцѣниваетъ . Н. Пыпинъ, говоря: «Лермонтовъ, съ дѣтства мало сообщительный, не былъ сообщителенъ и въ школѣ. Онъ представлялъ товарищамъ своимъ шуточныя стихотворенія, но не дѣлился съ ними тѣмъ, что высказывало его задушевныя мысли и мечты; только немногимъ ближайшимъ друзьямъ онъ довѣрялъ свои серьезныя заботы. У него было два рода серьезныхъ интересовъ, двѣ среды, въ которыхъ онъ жилъ, очень не похожія одна на другую, — и если онъ старательно скрывалъ лучшую сторону своихъ интересовъ, въ немъ, конечно, говорило сознаніе этой противоположности. Его внутренняя жизнь была раздѣлена и неспокойна. Его товарищи, разсказывающіе о немъ, ничего не могли разсказать, кромѣ анекдотовъ и внѣшнихъ случайностей его жизни; ни у кого не было въ мысли затронуть болѣе привлекательную сторону его личности, которой они какъ будто и

не знали. Но что этотъ разладъ былъ, что Лермонтова по временамъ тяготила обстановка, гдѣ не находили себѣ мѣста его мечты, что въ немъ происходила борьба, отъ которой онъ хотѣлъ иногда избавиться шумными удовольствіями, — объ этомъ свидѣтельствуютъ любопытныя письма, писанныя имъ изъ школы». Въ этихъ письмахъ мы видимъ, между прочимъ, что его не удовлетворяла не только школа, но и вообще то свѣтское общество, въ которое ему привелось войти въ Петербургѣ. Еще въ 1832 г. онъ писалъ Лопухиной: «Вы просите назвать Вамъ всѣхъ, у кого бываю. Изъ всѣхъ лицъ, съ которыми имѣю общеніе, пріятнѣйшее для меня—это я. Правда, по пріѣздѣ я навѣщалъ довольно часто родныхъ своихъ, съ коими долженъ познакомиться, но подъ конецъ нашелъ, что лучшій изъ родственниковъ моихъ— я самъ. Видѣлъ я обращики здѣшняго общества — дамъ весьма любезныхъ, молодыхъ людей весьма вѣжливыхъ; всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, узкаго и незамысловатаго, но въ которомъ съ перваго раза легко можно потеряться, — до того хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ все самобытное».

Въ этотъ самый свѣтъ «завистливый и душный» вступилъ Лермонтовъ послѣ производства въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, 2 ноября 1834 года, и, конечно, послѣ того его жизнь не могла стать счастливѣе, а даже скорѣе его должны были ожидать новыя горести, новыя разочарованія. Очень хорошо характеризуетъ положеніе въ этомъ обществѣ людей, сколько-нибудь выдающихся, кн. Васильчиковъ, близко знавшій Лермонтова. «Парады и разводы для военныхъ, говоритъ онъ, придворные балы и выходы для кавалеровъ и дамъ, награды въ торжественные сроки праздниковъ 6 декабря, въ новый годъ и въ Пасху, производство въ гвардейскихъ полкахъ и пожалованіе дѣвицъ въ фрейлины, а молодыхъ людей въ камеръ-юнкеры— вотъ и все, рѣшительно все, чѣмъ интересовалось это общество, представителями коего были не Лермонтовъ и Пушкинъ, а молодцоватые Скалозубы и всепокорные Молчалины. Лермонтовъ и тѣ немногіе изъ его сверстниковъ и единомышленниковъ, которыхъ рожденіе обрекло на прозябаніе въ этой холодной средѣ, сознавали глубоко ея пустоту, и, не зная, куда дѣться, не находя пищи ни для дѣла, ни для ума, предавались буйному разгулу, погубившему многихъ изъ насъ. Лучшіе изъ офицеровъ старались вырваться изъ Михайловскаго манежа и Красносель-

скаго лагеря на Кавказъ, а молодые люди, привязанные родственными связями къ гвардіи и придворному обществу, составляли группу самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ парадеровъ и танцоровъ».

Лермонтову оставалось одно: жить въ этомъ обществѣ такъ же, какъ онъ жилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, т. е. затаивъ про себя свои запросы и по внѣшности сливаться съ общимъ уровнемъ окружающей среды, принимать участіе во всякихъ кутежахъ, попойкахъ, «шалостяхъ» гвардейской молодежи. «Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ (какъ вспоминаетъ гр. Ростопчина) сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ всего того, что составляло жизнь въ эти годы». Желаніемъ обратить на себя вниманіе свѣта объясняются любовныя похожденія Лермонтова и, прежде всего, его романъ съ Е. А. Хвостовой, урожденной Сушковой, которая съ пренебреженіемъ отнеслась къ нему, когда онъ увлекался ею еще почти мальчикомъ. «Если, разсказываетъ поэтъ, я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Въ началѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало разсчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидѣлъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно также займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда отношенія къ Сушковой». Романъ съ Сушковой былъ не единственнымъ, и та же гр. Ростопчина такъ характеризуетъ любовныя похожденія Лермонтова: «Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ жертвъ Лермонтова, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ донжуанскимъ подвигамъ. Помню, одинъ разъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родные невѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ, и затѣмъ онъ болѣе въ этотъ домъ не являлся».

Но такое времяпровожденіе было опять таки своего рода маскою, за которой Лермонтовъ скрывалъ отъ свѣта серьезную внутреннюю работу, въ немъ происходившую. Онъ много въ то время читаетъ, о многомъ размышляетъ, опредѣляетъ свое міросозерцаніе, переходя отъ тревожныхъ исканій юности къ болѣе яснымъ и отчетливымъ взглядамъ на жизнь, на свое призваніе. Онъ знакомится съ русской исторіей, изучаетъ внимательно русскую поэзію, и результатомъ этихъ изученій является сперва поэма «Бояринъ Орша», а затѣмъ такое совершенное въ художественномъ отношеніи произведеніе, какъ «Пѣсня про купца Калашникова», начатая уже теперь, но окончательно обработанная въ 1838 г. Кромѣ того онъ задумываетъ драму [1]), въ которой, на подобіе «Горе отъ ума», хочетъ представить современное пустое русское общество,—и тутъ-то онъ встрѣтился съ тѣми «независящими обстоятельствами», которыя тяжкимъ бременемъ легли на всю исторію русской литературы. Не смотря на то, что поэтъ передѣлывалъ нѣсколько разъ свое произведеніе, ни цензурное вѣдомство, ни III Отдѣленіе не допускали его драмы на сцену «по причинѣ, какъ сказали Лермонтову, слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель не достаточно награждена». Наконецъ, въ то же время поэтъ работаетъ надъ своимъ «Демономъ», котораго уже давно задумалъ.

Но вся эта работа совершается въ тиши отъ свѣта, въ печать не проникаетъ за это время почти ничего изъ произведеній Лермонтова, котораго свѣтъ знаетъ, какъ лихого кутилу гусара и какъ автора циническихъ стихотвореній юнкерской поры. И вдругъ совершается событіе, открывающее свѣту этого гусара совсѣмъ съ новой стороны. Убитъ на дуэли Пушкинъ, и Лермонтовъ пишетъ по этому поводу свое знаменитое стихотвореніе, сначала безъ заключительныхъ 16 стиховъ. «Оно прочтено было Государемъ и другими лицами и въ общемъ удостоилось высокаго одобренія. Разказывали, что вел. кн. Михаилъ Павловичъ сказалъ даже: «Этотъ чего, добраго, замѣнитъ Россіи Пушкина»; что Жуковскій призналъ въ немъ проявленіе могучаго таланта, а князь Вл. Ѳед. Одоевскій по адресу Лермонтова наговорилъ комплементовъ при встрѣчѣ съ его бабушкой, Арсеньевой. Толковали, что Дантесъ страшно разсердился на но-

[1]) Маскарадъ, въ передѣлкѣ вторичной названный «Арбенинъ».

ваго поэта, и что командиръ л.-гв. гусарскаго полка утверждалъ, что не сиди убійца Пушкина на гауптвахтѣ, онъ непремѣнно послалъ бы вызовъ Лермонтову за его ругательные стихи. Но самъ Государь выразилъ относительно стиховъ довольство свое. Такимъ образомъ неудобно было не находить прекраснымъ стихотвореніе молодого гусарскаго офицера, хоть и не нравились его нападки на Дантеса и на тотъ новый кругъ Пушкинскихъ знакомыхъ, который нехотя принялъ его въ свою среду» [1]). Но все это измѣнилось, какъ только появились послѣдніе 16 стиховъ, написанные Лермонтовымъ подъ вліяніемъ бесѣды съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, свѣтскимъ человѣкомъ, камеръ-юнкеромъ Столыпинымъ, который защищалъ Дантеса, находя, что онъ бы не могъ иначе поступить, какъ благородный человѣкъ. Стихи быстро распространились, и конечно, обличенная поэтомъ камарилья не могла простить молодому гусару того, что онъ осмѣлился «отдѣлать на чемъ свѣтъ стоитъ la crème de la noblesse». Лермонтовъ былъ арестованъ и 25 февраля 1837 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переводѣ его на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Во время этой первой ссылки Лермонтовъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ отряда генерала Вельяминова и много странствовалъ по Кавказу, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ его письма къ С. А. Раевскому: «Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи, я находился въ безперерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами, ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское...» Писалъ онъ много, но большая часть произведеній этой поры пропала, а въ печать проникли «Бородино», написанное, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ боевыхъ разсказовъ солдатъ, и окончательно обработанная «Пѣсня про купца Калашникова».

Въ октябрѣ того же года ссылка кончилась, и Лермонтовъ былъ переведенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, хотя этотъ переводъ и не особенно его радовалъ. «Скучно ѣхать въ новый полкъ, писалъ онъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта, и серьезно думаю выйти въ отставку». Передъ тѣмъ, чтобы пріѣхать на мѣсто но-

[1]) Соч. Лермонтова, изд. Висковатаго, т. VI, стр. 242.

вой службы, онъ побывалъ въ Петербургѣ, но его впечатлѣнія не были благопріятны, какъ это видно изъ его письма къ М. А. Лопухиной отъ 15 февраля 1838 года. «Я все поджидалъ, пишетъ онъ, не случится ли со мною чего хорошаго, чтобы увѣдомить васъ о томъ; но ничего не случилось, и я рѣшаюсь писать къ вамъ, что мнѣ скучно до смерти. Первые дни послѣ пріѣзда прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты — вы знаете; да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, это правда, но мнѣ ужъ надоѣлъ. Вдобавокъ меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники! Не хотятъ, чтобъ я бросилъ службу, хотя это мнѣ было бы и можно: вѣдь тѣ господа, которые вмѣстѣ со мной поступили въ гвардію, теперь уже въ отставкѣ. Наконецъ, я таки упалъ духомъ и хотѣлъ бы даже какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ ли, или хоть къ черту; тогда по крайней мѣрѣ, былъ бы предлогъ къ сѣтованіямъ, а это все же было бы утѣшеніемъ». Въ концѣ февраля Лермонтовъ былъ уже въ Новгородѣ, въ Гродненскомъ полку, но пробылъ тамъ очень недолго, и на Пасху 1838 г., по ходатайству Е. А. Арсеньевой, былъ возвращенъ въ Петербургъ, въ прежній полкъ.

Хотя на этотъ разъ въ высшемъ обществѣ его принимали очень любезно, высказывали къ нему живой интересъ, какъ къ поэту и къ человѣку, побывавшему на Кавказѣ, самъ Лермонтовъ не могъ измѣнить своего отношенія къ этому обществу, которое онъ охарактеризовалъ въ «Думѣ». Онъ видѣлъ себя предметомъ какой-то моды, и, конечно, это нисколько не могло примирять его съ обществомъ, которое совсѣмъ не могло его понимать, какъ это видно, хотя бы изъ слѣдующаго отзыва одного изъ его товарищей: «Entre nous soit dit, я не понимаю, что о Лермонтовѣ такъ много говорятъ; въ сущности онъ былъ препустой малый, плохой офицеръ и поэтъ неважный. Въ то время мы всѣ писали такіе стихи. Я жилъ съ Лермонтовымъ въ одной квартирѣ, я видѣлъ не разъ, какъ онъ писалъ. Сидитъ, сидитъ, изгрызетъ множество перьевъ, наломаетъ карандашей и напишетъ нѣсколько строкъ. Ну, развѣ это поэтъ?» Съ подобными цѣнителями и судьями пришлось поэту опять надѣть маску, опять замкнуться въ себѣ и иногда на зло свѣту щеголять своей мнимой пустотой. «Онъ былъ, говоритъ о Лермонтовѣ И. И. Панаевъ, неизмѣримо выше среды, окружавшей его и не могъ серьезно относиться къ такого рода людямъ... Это—тупые мудрецы,

важничающіе своей дѣятельностью и разсудочностью и не видящіе далѣе своего носа. Есть какое-то наслажденіе *казаться* самымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьникомъ передъ такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, дѣйствительнымъ наслажденіемъ».

И отношеніе Лермонтова къ этому пустому свѣтскому обществу, а вмѣстѣ съ тѣмъ тоска, которую онъ испытывалъ въ Петербургѣ, лучше всего характеризуются въ слѣдующемъ его письмѣ къ М. А. Лопухиной, написанномъ уже въ 1839 г.: «Я несчастнѣйшій человѣкъ, и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился *въ большой свѣтъ*. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ. Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаютъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно... Можетъ быть, вы найдете страннымъ искать удовольствій и скучать ими, ѣздить по гостинымъ, не находя тамъ ничего занимательнаго. Ну, я вамъ открою мои побужденія. Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ — суетность и самолюбіе; было время, когда я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество: аристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, завоевавшимъ себѣ права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго вниманія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобъ я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже *левъ*; да, я вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять; но къ счастью меня выручаетъ природная моя лѣность, и мало-по-малу я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна въ томъ, что она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, и если когда-либо оно меня будетъ преслѣдовать своими клеветами (что непремѣнно случится), тогда у меня будетъ, по крайней мѣрѣ, средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ не встрѣчается столько низкаго и смѣшного, какъ тутъ. Увѣренъ, что вы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь тогда меня нашли бы наиболѣе смѣшнымъ человѣкомъ; съ вами я говорю, какъ съ своей совѣстью. Оно же очень пріятно исподтишка смѣяться съ человѣкомъ, готовымъ всегда раздѣлять ваши чувства, смѣяться

надъ предметами, которыхъ глупцы такъ ищутъ и которымъ такъ завидуютъ».

Въ началѣ 1840 г. Лермонтова ждало новое свѣтское столкновеніе. Ухаживая за одной свѣтской дамой, Лермонтовъ встрѣтилъ соперника въ лицѣ сына французскаго посланника, виконта де-Баранта и рѣзко о немъ отозвался. Слова Лермонтова были переданы въ искаженномъ видѣ де-Баранту, и между соперниками произошло объясненіе, приведшее къ дуэли. За эту дуэль, окончившуюся примиреніемъ, Лермонтовъ былъ 10 марта 1840 г. арестованъ и отданъ подъ судъ. Во время заключенія Лермонтова на гауптвахтѣ, его посѣтилъ Бѣлинскій, и между знаменитымъ критикомъ и поэтомъ произошелъ разговоръ, о которомъ Бѣлинскій передавалъ И. И. Панаеву слѣдующія подробности: «Я попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!! Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я взошелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію, — думаю себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая! Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ немного, такъ это любовь къ искусству, но онъ не поддается на серьезные разговоры... Я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не болѣе четверти часа... Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и о Вальтеръ-Скоттѣ... — «Я не люблю Вальтеръ-Скотта», сказалъ мнѣ Лермонтовъ, «въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ»—и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него — и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтера-Скотта къ Куперу и говорилъ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостью, съ умомъ, и, что удивило меня, даже съ увлеченіемъ. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ. Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя «хотя на ми-

нуту быть самимъ собою,—я увѣренъ въ этомъ». Сообщая объ этой бесѣдѣ В. П. Боткину, Бѣлинскій съ восторгомъ отзывался о Лермонтовѣ: «Глубокій и могучій духъ! О это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго!»

13 апрѣля 1840 г. императоръ Николай Павловичъ на приговорѣ генералъ-аудиторіата написалъ слѣдующую конфирмацію: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, тѣмъ же чиномъ». Такимъ образомъ Лермонтовъ снова попадаетъ на Кавказъ, въ боевую жизнь. Онъ состоялъ въ Чеченскомъ отрядѣ генерала Голофѣева и принималъ участіе въ походахъ противъ горцевъ. Въ офиціальномъ донесеніи говорилось, что «ему была поручена конная команда изъ казаковъ охотниковъ, которая, находясь всегда впереди отряда, первая встрѣчала непріятеля и, выдерживая его натиски, весьма часто обращала въ бѣгство сильныя партіи». Храбрость Лермонтова удостовѣряется и въ донесеніи генерала Голофѣева о сраженіи при Валерикѣ: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заводовъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы».

Описалъ Лермонтовъ это сраженіе въ чудныхъ стихахъ, но кромѣ этого онъ вообще много работалъ за это время для поэзіи. Теперь онъ заканчивалъ романъ «Герой нашего времени», начатый еще въ 1838 году, а также написалъ рядъ лирическихъ стихотвореній. Эта высылка была прервана отпускомъ съ декабря 1840 г. до мая 1841 г., когда поэтъ успѣлъ въ послѣдній разъ побывать въ Петербургѣ. Здѣсь онъ думалъ выхлопотать себѣ увольненіе въ отставку, но высшее военное начальство, а въ особенности шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ не допустили отставки. Какъ предполагаетъ съ нѣкоторымъ основаніемъ П. А. Висковатый, Бенкендорфъ «не желалъ имѣть въ столицѣ «безпокойнаго» молодого человѣка, становившагося любимцемъ «публики», собиравшагося къ тому же основать журналъ. Высылая Лермонтова и на этотъ разъ на Кавказъ, предписали мѣстному начальству *ни подъ какимъ видомъ* не удалять его

изъ фронта полка, т. е. не прикомандировывать къ экспедиціямъ противъ горцевъ, и такимъ образомъ лишить его возможности «выслужить отставку», о которой онъ такъ мечталъ, желая всецѣло отдаться литературѣ.

Послѣдніе два мѣсяца своей жизни Лермонтовъ провелъ въ Пятигорскѣ. Здѣсь онъ часто бывалъ въ домѣ генерала Верзилина. Время проходило очень весело, такъ какъ «хлѣбосольный хозяинъ, радушная хозяйка и три красивыя веселыя дочери привлекали въ домъ молодыхъ людей». Среди посѣтителей этого дома былъ маіоръ Н. С. Мартыновъ, человѣкъ въ сущности пустой, отличавшійся крайнимъ самолюбіемъ. Быть можетъ, соперничая съ нимъ въ ухаживаніи за дѣвицами Верзилиными, Лермонтовъ подмѣтилъ нѣкоторыя смѣшныя его стороны, сталъ преслѣдовать его своими насмѣшками, рисовалъ на него карикатуры, далъ ему кличку montagnard au grand poignard (горецъ съ большимъ кинжаломъ), такъ какъ Мартыновъ ходилъ въ черкескѣ съ огромнымъ кинжаломъ. Эти насмѣшки сильно задѣли Мартынова, онъ вызвалъ Лермонтова на дуэль, и 15 іюля 1841 г. поэтъ былъ убитъ. Вѣсть о его смерти поразила всѣхъ любившихъ литературу и ожидавшихъ отъ его генія новыхъ великихъ созданій, но въ великосвѣтскомъ кругу нашлись и такіе люди, которые встрѣтили это извѣстіе совсѣмъ равнодушно: для нихъ геніальный поэтъ оставался по прежнему пустымъ гусарскимъ офицеромъ, непріятнымъ въ обществѣ. Это были тѣ же палачи свободы, генія и славы, которые раньше сгубили Пушкина.

Погребенъ Лермонтовъ въ с. Тарханахъ Пензенской губерніи.

Преобладающей чертою творчества Лермонтова признается обыкновенно разочарованіе въ существующемъ укладѣ жизни, энергичный протестъ противъ несовершенствъ этой жизни. Причины этого разочарованія и протеста указываются частью въ литературныхъ вліяніяхъ, частью въ разладѣ между возвышенными идеалами поэта и жизнью окружавшаго его общества.

Конечно, не всѣ эти причины имѣютъ одинаковое значеніе, а потому остановимся на каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Факты ненормальнаго воспитанія въ дѣтскихъ лѣтахъ, невольной двойственности поведенія поэта въ школѣ и въ свѣтѣ, когда онъ былъ офицеромъ, должны были очень тяжело отзываться на его настроеніи, вызывали постоянно горькое сознаніе несовершенства окружающей обстановки. Эти факты достаточно

выяснены нами въ предшествующемъ біографическомъ изложеніи, а потому не останавливаясь на нихъ, обратимся къ двумъ другимъ указаннымъ выше причинамъ его разочарованія.

Что касается литературныхъ вліяній, то, какъ извѣстно, они были многочисленны, и самымъ сильнымъ изъ нихъ признается вліяніе Байрона. Однако, если вдуматься въ поэзію Лермонтова, то и это сильное вліяніе значительно придется ограничить, такъ какъ Байронъ увлекаетъ нашего поэта по родственности настроенія. Разочарованіе могло возникнуть у Лермонтова и самостоятельно, а Байронъ своей мрачной поэзіей даетъ отвѣтъ на тѣ вопросы, которые уже раньше назрѣли въ душѣ нашего писателя. Можно много говорить о вліяніи Пушкина, Барбье, Шиллера и др., но не слѣдуетъ забывать, что всѣ вліянія были скорѣе формальны, что Лермонтовъ всегда стремился быть самимъ собою.

Наконецъ, касаясь третьяго изъ указанныхъ выше мотивовъ, несоотвѣтствія идеаловъ поэта съ окружающею дѣйствительностью, мы позволимъ себѣ привести мнѣніе С. А. Андреевскаго. «Неизбѣжность высшаго міра, говоритъ нашъ критикъ-поэтъ, проходитъ полнымъ аккордомъ черезъ всю лирику Лермонтова. Онъ самъ весь пропитанъ кровною связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь — ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею. Его душевныя силы, его страсти—громадны, не по плечу толпѣ; все ему кажется жалкимъ, на все онъ взираетъ глубокими очами вѣчности, которой онъ принадлежитъ: онъ съ ней разстался на время, но непрестанно и безутѣшно по ней тоскуетъ. Его поэзія, какъ бы по безмолвному соглашенію всѣхъ его издателей, всегда начинается «Ангеломъ», составляющимъ превосходнѣйшій эпиграфъ ко всей книгѣ, чудную надпись у входа въ царство фантазіи Лермонтова. Дѣйствительно его великая и пылкая душа была какъ бы занесена сюда для «печали и слезъ», всегда здѣсь «томилась» и

«Звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли».

Конечно, возвышенный идеализмъ, прекрасно охарактеризованный въ приведенныхъ словахъ г. Андреевскаго, не могъ мириться, какъ полагаетъ критикъ, ни съ какою дѣйствительностью, и было бы узко, если бы мы стали объяснять протестъ Лермонтова исключительно его недовольствомъ современной ему русской жизнью. Мы согласны съ г. Андреевскимъ, что многіе упреки Лермонтова людямъ могутъ быть повторены въ ка-

кую угодно эпоху; не можемъ отвергнуть и того мнѣнія критика, что среди современниковъ Лермонтова были свѣтлые люди, что «его поколѣніе было лучшее, какое мы запомнимъ,—поколѣніе сороковыхъ годовъ», но тѣмъ не менѣе мы не можемъ признать, чтобы обличенія этого поколѣнія дѣлались Лермонтовымъ исключительно «съ космической точки зрѣнія». Во-первыхъ, уже чисто формально «Дума», написанная въ 1838 г., не могла относиться къ людямъ сороковыхъ годовъ; а во-вторыхъ, даже устраняя это формальное возраженіе, такъ какъ подъ именемъ «людей сороковыхъ годовъ» мы часто подразумѣваемъ и идеалистовъ тридцатыхъ годовъ, мы всетаки не понимаемъ, какъ можно съ этими идеалистами, работавшими въ тиши кружковъ, отожествлять все тогдашнее общество: вѣдь въ этомъ обществѣ идеалисты были свѣтлыми и рѣдкими исключеніями, огромное же большинство состояло изъ крѣпостниковъ, фронтовиковъ, людей индиферентныхъ къ высшимъ духовнымъ запросамъ; среди этой массы идеалисты, если не бывали въ такомъ же полукомическомъ положеніи, какъ Рудины, то во всякомъ случаѣ оказывались «героями безвременья», какъ очень справедливо назвалъ Лермонтова Н. К. Михайловскій.

Это-то самое современное ему поколѣніе вызывало въ Лермонтовѣ грустныя чувства, такъ ярко выразившіяся въ его «Думѣ». Эти люди старятся въ бездѣйствіи, «къ добру и злу постыдно равнодушны, передъ опасностью позорно-малодушны и передъ властію презрѣнные рабы».

Мечты поэзіи, созданія искусства (говоритъ Л.)
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

Понятно, что будущее такого поколѣнія должно быть «иль пусто, иль темно». Печально заключаетъ поэтъ свою Думу:

«Толпою угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькой обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ».

Поколѣніе, къ которому обращается поэтъ, заражено безвѣріемъ; оно со скептицизмомъ, вполнѣ равнодушно относится ко всѣмъ нравственнымъ требованіямъ; оно холодно къ высшимъ жизненнымъ задачамъ и потому остается въ полномъ бездѣйствіи. Эту черту нравственнаго индиферентизма, бездушія, холоднаго бездѣйствія поэтъ отмѣчаетъ во многихъ своихъ произведеніяхъ и глубоко ею возмущается. Вотъ, между прочимъ, какъ онъ о ней отзывается въ стихотвореніи «Волны и люди».

«Волны катятся одна за другой
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ,
Люди проходятъ ничтожной толпой,
Также одинъ за другимъ
Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей,
Люди хотятъ имѣть души... И что-же?
Души ихъ волнъ холоднѣй».

Иногда эти холодные люди начинаютъ дѣйствовать, но дѣйствіе ихъ еще хуже, чѣмъ бездѣйствіе: оно влечетъ за собою горе для всѣхъ окружающихъ, такъ какъ проникнуто исключительно однимъ эгоизмомъ и самообожаніемъ. Таковы, напр., Печоринъ и Арбенинъ.

Если «Дума» и стихотвореніе «Волны и люди» такъ же, какъ и юношеское произведеніе «Два сокола» могутъ разсматриваться, какъ выраженіе разочарованія въ людяхъ вообще, безъ всякаго отношенія къ поколѣнію, которое было современно поэту, то намъ извѣстна жестокая характеристика несомнѣнно уже этого общества въ знаменитомъ стихотвореніи «На смерть Пушкина». Съ чисто-ювеналовскимъ паѳосомъ обличаетъ здѣсь молодой поэтъ, «безчувственныхъ невѣждъ», клеветниковъ безбожныхъ, «свободы, генія и славы палачей», Мы имѣемъ дѣло уже не съ отвлеченнымъ мотивомъ міровой скорби, а съ вполнѣ опредѣленнымъ протестомъ противъ общества, равнодушнаго къ высшимъ нравственнымъ запросамъ, и не только равнодушнаго, но даже враждебнаго къ тѣмъ, кто ставитъ себѣ цѣлью разрѣшеніе этихъ запросовъ.

Въ противоположность этому общественному индиферентизму, въ самомъ поэтѣ жила неукротимая жажда дѣятельности, онъ чувствовалъ въ себѣ силы на служеніе людямъ.

«Жизнь скучна, когда боренья нѣтъ», говоритъ Лермонтовъ въ стихотвореніи «11 іюня 1831 года».

«Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ, въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не можетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь».

У Лермонтова сложился чрезвычайно возвышенный взглядъ на задачи поэтическаго творчества. Поэтъ не долженъ быть вполнѣ отрѣшеннымъ отъ жизни олимпійцемъ, онъ долженъ служить людямъ, долженъ, какъ Пушкинскій пророкъ, глаголомъ своимъ жечь ихъ сердца, долженъ провозглашать «чистыя ученья любви и правды», хотя бы люди и гнали его за это и клеймили бы своимъ презрѣніемъ. Особенно ярко мысль объ общественномъ служеніи поэта высказывается въ стихотвореніи «Поэтъ»:

Бывало, мѣрный звукъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ.
Насъ тѣшатъ блески и обманы:
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Ту же мысль Лермонтовъ выражаетъ въ своемъ стихотвореніи «Пророкъ». Какъ поэтъ, такъ и пророкъ приходитъ съ чистымъ ученіемъ любви и правды, но встрѣтивъ вражду, онъ удаляется отъ людей и подвергается насмѣшкамъ за свою мнимую самонадѣянность. Здѣсь мы видимъ, что поэтъ встрѣчается съ враждою, но бываетъ и хуже, когда онъ встрѣчается съ индиферентностью. Въ стихотвореніи «Журналистъ, читатель и писатель» намъ представляется разговоръ между журналистомъ и читателемъ, раз-

говоръ, въ который вмѣшивается писатель, и въ его рѣчи мы видимъ Лермонтова; онъ говоритъ, что для равнодушной публики и писать не стоитъ.

«Бываетъ время», говоритъ поэтъ,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны.
И риѳмы, дружныя какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой,
Несутся вольной чередой!

Въ такіе моменты вдохновенія является поэтическая идеализація.

Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.

Однако «странныя творенія», возникающія въ подобные моменты, поэтъ скрываетъ отъ людей, такъ какъ

Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ.

Бываетъ и другое настроеніе у поэта, когда онъ готовъ смѣло обличать пороки и пустоту людей, когда «диктуетъ совѣсть, перомъ сердитый водитъ умъ», когда поэтъ смѣло «предаетъ позору, приличьемъ скрашенный порокъ». Но и этихъ своихъ произведеній онъ не рѣшается показывать «неприготовленному взору», и у него является такое безотрадное заключеніе:

Скажите-жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ! преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю..

Та же мысль о равнодушіи общества къ поэзіи выражается

Лермонтовымъ въ стихотвореніи «Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой». Для толпы людской смѣшонъ укоръ и плачъ поэта.

Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

Контрастъ между настроеніемъ поэта и окружающаго его общества особенно ярко обнаруживается въ стихотвореніи «Первое Января». Изъ холоднаго равнодушнаго свѣта поэтъ переносится къ недавней старинѣ, летитъ вольной птицей къ созданіямъ своей мечты, онъ любитъ эти созданія,

Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье,

и онъ «царства дивнаго всесильный господинъ», находитъ душевный покой въ такихъ мечтахъ; но вотъ врывается въ его сознаніе окружающая дѣйствительность, и настроеніе рѣзко измѣняется.

Когда-жъ опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,—
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Этими послѣдними словами мы привыкли вообще характеризовать и содержаніе и форму Лермонтовскій поэзіи, и дѣйствительно, суровые мрачные аккорды преобладаютъ въ ней; дикая энергичная музыка особенно поражаетъ, напр., въ поэмѣ «Мцыри»: четырехстопный ямбъ съ мужскими риѳмами какъ будто бьетъ васъ по нервамъ, но онъ какъ нельзя болѣе кстати и въ немъ чрезвычайно много красоты. Однако рядомъ съ этимъ желѣзнымъ стихомъ мы встрѣчаемъ у Лермонтова самую нѣжную убаюкивающую мелодію въ «Казачьей колыбельной пѣснѣ», тихій и грустный мотивъ въ стихотвореніи «Тучки небесныя», такую, напр., замѣчательно граціозную пѣсенку:

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходитъ безъ слѣда

Облаковъ неуловимыхъ.
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья—
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Такая музыкальность стиха, какъ у Лермонтова, встрѣчается лишь у немногихъ изъ нашихъ поэтовъ, у Пушкина, у Жуковскаго (хотя относительно послѣдняго надо оговориться, что у него совсѣмъ отсутствуютъ свойственные Лермонтову, энергическіе мотивы), а изъ позднѣйшихъ поэтовъ почти ни у кого нѣтъ этой музыки въ такомъ разнообразіи: И. С. Аксаковъ и гр. А. К. Толстой богаче всѣхъ въ этомъ отношеніи; чистая музыка, но большею частью безсодержательная, встрѣчается у Фета; наконецъ, мы можемъ указать на рано погибшаго Надсона, который повторилъ многіе мотивы Лермонтова.

Кромѣ музыкальности, стихи Лермонтова отличаются своею пластичностью, особенно тамъ гдѣ мы встрѣчаемъ у поэта описанія природы. Эти описанія можно сравнить съ живописью, они чрезвычайно богаты красками, часто въ нѣсколькихъ словахъ передъ нами рисуется цѣлая яркая картинка. Припомнимъ, напр., отрывокъ изъ «Спора»:

Вотъ у ногъ Ерусалима
Богомъ сожжена,
Безглагольна, нелюдима
Мертвая страна...
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.

Такъ и чуется въ этихъ стихахъ палящій зной аравійскихъ и сирійскихъ степей, но идемъ по нимъ дальше съ поэтомъ и мы приходимъ къ «Тремъ Пальмамъ», и опять предъ нами яркая картина:

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной
Журча пробивался волною холодной!

А вотъ, напр., маленькое стихотвореніе, по своей пластичности представляющее перлъ поэзіи:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ, задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ.

Здѣсь и тучка золотая и старикъ-утесъ не только вполнѣ пластично изображены, но они живутъ; такое мастерство доступно лишь немногимъ художникамъ.

Особенно много у Лермонтова описаній кавказской природы. Поэтъ, какъ мы знаемъ, нѣсколько разъ побывалъ тамъ: былъ онъ на Кавказѣ 10-ти лѣтнимъ ребенкомъ, былъ 2 раза сюда сосланъ, здѣсь покончилъ свою жизнь. Съ дѣтства онъ полюбилъ эту роскошную страну и 16-лѣтнимъ мальчикомъ, вспоминая свое первое посѣщеніе Кавказа, поэтъ писалъ:

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ;
Чтобъ вѣчно васъ помнить, тамъ надо быть разъ!
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ!

Такъ же сильно высказывается любовь къ Кавказу, «суровому царю земли», въ посвященіи къ поэмѣ «Демонъ». «Отъ юныхъ лѣтъ», говоритъ Лермонтовъ, обращаясь къ Кавказу:

. . . . къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной,
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ, твой, всегда и всюду твой.

Зная и любя Кавказъ, Лермонтовъ живописалъ его волшебную природу, какъ никто другой.

Припомнимъ знаменитыя картины изъ «Демона». Сперва передъ нами является суровая обстановка горныхъ громадъ дикаго Дарьяльскаго ущелья:

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,

Вился излучистый Дарьялъ,
И разъяренною тигрицей
Косматый Терекъ въ глубинѣ
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной вышинѣ,
Глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпою,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны:
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы,
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны.

Контрастомъ къ этой грозной и дикой обстановкѣ представляется чудный видъ, раскрывающійся въ мирномъ краю Грузіи:

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ пестрѣющимъ легли.
Счастливый, пышный край земли,
Столпообразныя раины,
Звонкобѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви,
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ,
Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненныя ночи
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки пылкой, молодой...

«Лермонтовъ, говоритъ нѣмецкій критикъ Боденштедтъ, рѣшилъ трудную задачу—удовлетворить въ одно время и естествоиспытателя и эстетика. Рисуетъ ли онъ передъ нами исполинскія горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, поднимаясь

къ верху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ, и опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, клубящійся надъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, «какъ согнутое стекло», въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями, и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана, или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ намъ на облака, бѣгущія «степью лазурною, цѣпью жемчужною», воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ или буйный громъ битвъ,—онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до мельчайшихъ подробностей! Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ образахъ, и, въ то же время, отъ нихъ вѣетъ какой-то таинственною поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ: цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ.».

До такой степени точенъ Лермонтовъ въ описаніяхъ природы; но когда онъ касается людей, мы не находимъ у него той же объективной точности. Люди, которыхъ онъ выводитъ въ своихъ произведеніяхъ, большею частью не живые люди, а произведенія его фантазіи. Лермонтовъ былъ по преимуществу лирикомъ, онъ не дожилъ до эпическаго спокойствія, его душѣ надо было излиться, слишкомъ много въ ней клокотало разныхъ чувствъ и стремленій, и въ своихъ герояхъ поэтъ воплощалъ, большею частью, свои личныя думы и чувства. Но есть у него нѣсколько типовъ глубоко-жизненныхъ, замѣчательно вѣрныхъ. Таковы типы горцевъ въ «Героѣ нашего времени», Казбичъ, Азаматъ, необыкновенно граціозная и поэтическая Бэла. Таковъ и великолѣпно очерченный образъ симпатичнѣйшаго стараго кавказскаго офицера Максима Максимыча. Высшей степни эпическаго изображенія людской жизни Лермонтовъ достигъ въ своей знаменитой «Пѣснѣ про купца Калашникова». Эта «Пѣсня» явленіе, совершенно исключительное въ русской поэзіи, стоящее совершенно особнякомъ, явленіе, подобнаго которому нѣтъ. Достоевскій въ своей рѣчи при открытіи памятника Пушкина указалъ, какъ на особенность Пушкина, на его способность «перевоплощенія въ геніи чужихъ странъ». Въ сущности эта способность перевоплощаться въ геніи чужихъ странъ и другихъ вѣковъ обща всѣмъ великимъ поэтамъ, составляетъ общее ихъ отличительное свойство, и у Лермонтова эта способность выразилась ярко въ «Пѣснѣ про купца Калашникова». Передъ нами не поэтъ XIX вѣка, а какъ бы пѣвецъ эпохи Грознаго. Тонъ народной пѣсни замѣ-

чательно выдержанъ, во всемъ этомъ большомъ произведеніи нельзя указать ни одного слова фальшиваго, нарушающаго общую гармонію; величавое эпическое спокойствіе пѣвца имѣетъ въ себѣ что-то гомеровское, особенно поразительное въ приступѣ къ «Пѣснѣ» и въ припѣвѣ»:

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Четыре дѣйствующихъ лица «Пѣсни» «удалой боецъ» Кирибѣевичъ, «старый купецъ» Калашниковъ, его «молодая жена» Алена Дмитріевна, «грозный царь» Иванъ Васильевичъ изображены замѣчательно рельефно, стоятъ передъ нами, какъ живые. Пониманіе характера царя чисто народное и глубоко вѣрное, передъ нами дѣйствительно «грозный царь», какъ его понялъ народъ, а не Jean le Terrible, какимъ онъ является въ нѣкоторыхъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Очень характеренъ, какъ это указалъ Достоевскій, разговоръ царя съ Калашниковымъ послѣ смерти Кирибѣевича и отвѣтъ Калашникова, что онъ убилъ опричника «вольной волею», отвѣтъ, который дается «по правдѣ, по совѣсти». Всѣ попытки нашихъ поэтовъ писать былиннымъ складомъ, даже прекрасныя былины гр. А. Толстого не могутъ выдержать самаго поверхностнаго сравненія съ этою «Пѣснею»; все это поддѣлки подъ народную поэзію, а тутъ она какъ бы сама въ чистомъ своемъ видѣ.

Чтобы покончить съ анализомъ формы, такъ сказать, матеріальной стороны Лермонтовскаго творчества, скажемъ нѣсколько словъ о его прозѣ. Такъ же, какъ и стихъ его, она блещетъ богатствомъ красокъ, изяществомъ, желѣзною силою, сжатостью, простотой и образностью, она стоитъ наравнѣ съ прозою Пушкина и Гоголя. Эта «художественная простота», приближающая стиль Лермонтова къ замѣчательной прозѣ «Капитанской дочки», особенно рельефно выступаетъ въ описаніяхъ. Для примѣра приведемъ начало повѣсти «Княжна Мери»: «Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ полисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно и вѣтеръ иногда усыпаетъ мнѣ письменный столъ

ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный; на западъ пятиглавый Бешту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури», на сѣверъ подымается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мной пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумитъ разноязычная толпа,—а тамъ дальше за амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльбрусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего бы кажется желать больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?»

Обращаясь къ содержанію поэзіи Лермонтова, мы замѣчаемъ въ ней, какъ уже сказано, преобладаніе мотивовъ разочарованія, разлада съ обществомъ. Охарактеризовавъ отрицательныя стороны общества въ стихотвореніяхъ «Дума», «На смерть Пушкина» и другихъ своихъ произведеніяхъ, поэтъ стремится порвать съ этимъ обществомъ всякую связь. Онъ чувствуетъ себя въ свѣтѣ, какъ въ душной темницѣ, и онъ проситъ «воли, воли, воли», а за эту волю готовъ даже пожертвовать счастьемъ. Стремленіе на волю, разочарованіе въ цивилизованномъ обществѣ заставляютъ поэта искать другой, настоящей жизни, онъ надѣется найти ее среди непосредственныхъ натуръ, не тронутыхъ фальшивою цивилизаціей. Фантазія переноситъ поэта на Кавказъ, и здѣсь онъ создаетъ цѣлый рядъ замѣчательно сильныхъ демоническихъ типовъ.

Апоѳеозомъ воли является поэма «Мцыри». Въ своей исповѣди старику Мцыри говоритъ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть,
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы".

«Давнымъ давно», разсказываетъ Мцыри,

. . . . . задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы.

На вопросъ старика, что онъ дѣлалъ на волѣ, Мцыри отвѣчаетъ:

. . . . . Жилъ.—И жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей

Съ восторгомъ онъ описываетъ, какъ онъ бѣжалъ изъ монастыря на волю во время страшной грозы, когда вся братія въ ужасѣ собралась для молитвы.

. . . . . О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ,
Глазами тучи я слѣдилъ,
Руками молніи ловилъ

И очень естественнымъ послѣ этого является его вопросъ:

Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?

Много пришлось испытать, перестрадать Мцыри во время его скитаній; порою онъ изнемогалъ, но не могъ смириться, не могъ вернуться къ людямъ.

. . . . . Помощи людской
Я не искалъ. Я былъ чужой
Для нихъ на вѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если-бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, клянусь, старикъ
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ!

Вся эта исповѣдь принадлежитъ юношѣ больному, измученному, изстрадавшемуся, но въ ней слышится такая неукротимая энергія, такая непреодилимая сила души, которой мы не найдемъ и въ тысячахъ здоровыхъ людей; видна натура непреклонная, демоническая, нисколько не подходящая къ типу того поколѣнія, холодно-разсудительнаго, бездѣйственнаго, которое изображено въ «Думѣ» и отъ котораго поэтъ отворачивается съ такою горечью и призрѣніемъ. Этотъ типъ символически изображенъ

въ стихотвореніи «Парусъ», какъ такой человѣкъ, который «ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой». Этотъ же типъ мятежнаго скитальца, искателя бурь, такъ художественно представленъ въ «Демонѣ», «Измаилъ-Беѣ», и «Героѣ нашего времени». Таковъ былъ и самъ поэтъ, душа котораго «томилась, желаніемъ чуднымъ полна, и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли».

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья, демоническій типъ долго привлекалъ къ себѣ сочувствіе Лермонтова, однако съ годами мы видимъ признаки поворота въ отношеніяхъ поэта къ этому типу. Въ «Сказкѣ для дѣтей» Лермонтовъ такъ говоритъ объ этомъ поворотѣ:

«Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Мелькъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебной сладкой красотой,
Что было страшно... И душа тоской
Сжималася, и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ;
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался—стихами».

Какъ, однако, ни ясно въ этихъ словахъ ироническое отношеніе къ прежнему любимому образу титанической силы, отдѣлаться отъ него одними стихами еще мало, и нужно этому образу противопоставить другой, который обнаружилъ бы его слабыя стороны. Подобное критическое противопоставленіе мы находимъ у Лермонтова въ романѣ «Герой нашего времени». — И этотъ романъ, какъ и многія произведенія Лермонтова, имѣетъ связь съ произведеніями Пушкина. Какъ указалъ одинъ изъ критиковъ, сходство есть въ фамиліяхъ героевъ Пушкина и Лермонтова (Онѣгинъ—Онега, Печоринъ—Печора) и во многихъ подробностяхъ обоихъ романовъ, напр.: отношенія Печорина и Грушницкаго напоминаютъ отношенія Ленскаго и Онѣгина, и даже ссора, ведущая къ дуэли, въ обоихъ романахъ происходитъ на балу. Важнѣе всего, однако, сходство въ отношеніяхъ поэтовъ къ своимъ главнымъ героямъ: какъ Пушкинъ, задумавъ написать сатирическій романъ, развѣнчалъ Евгенія Онѣгина, такъ и Лермонтовъ осудилъ въ лицѣ Печорина типъ скитальца, разочарованнаго во всемъ и вслѣдствіе этого разочарованія доходящаго до крайняго эгоизма.

Хотя Печорину Лермонтовъ придалъ много чертъ своего собственнаго характера,—тѣмъ не менѣе мы ясно видимъ, что онъ осудилъ этотъ типъ. Присутствіе этихъ автобіографическихъ чертъ въ характерѣ Печорина нисколько не противорѣчитъ такому утвержденію: Лермонтовъ далеко не былъ такимъ человѣкомъ, который очарованъ самъ собою,—недовольство собою было въ немъ очень сильно. Развѣнчивается Печоринъ чуть ли не съ самаго начала романа; уже въ предисловіи Лермонтовъ говоритъ, что Печоринъ есть «портретъ, составленный изъ всѣхъ пороковъ нашего времени въ полномъ ихъ развитіи». Затѣмъ въ разговорѣ съ Максимомъ Максимычемъ о разочарованныхъ людяхъ, Лермонтовъ замѣчаетъ, что разочаровнаіе есть «мода, которая донашивается въ нижнихъ классахъ»;— о героѣ нельзя говорить такимъ образомъ, если его признавать дѣйствительно героемъ. Наконецъ, самое существенное, что заставляетъ насъ настаивать на развѣнчаніи Лермонтовымъ Печоринскаго типа— это противопоставленіе Печорину Максима Максимыча. Максимъ Максимычъ не отличается особенно высокимъ образованіемъ, это прямо даже необразованный человѣкъ, въ его различныхъ сужденіяхъ очень много первобытнаго, грубаго, дѣтски незрѣлаго, но у него такое нѣжное сердце, въ немъ такъ много человѣчности, что мы его сразу начинаемъ любить, а когда больше съ нимъ знакомимся, вполнѣ соглашаемся съ пожеланіемъ Бѣлинскаго: «Дай Богъ поболѣе встрѣтить на пути жизни Максимовъ Максимовичей».

Не образованіе, а необыкновенная деликатная чуткость сердца помогаетъ Максиму Максимычу понимать то, чего не понимаютъ даже высокообразованные и умные люди. Разсказывая объ объясненіи Печорина съ Бэлою и передавая, какъ Бэла бросилась на шею Печорину и зарыдала, Максимъ Максимычъ говоритъ: «Повѣрите ли, я, стоя за дверью, тоже заплакалъ, то есть, знаете, не то чтобы заплакалъ, а такъ «глупость»... Затѣмъ штабсъ-капитанъ замолчалъ.—«Да, признаюсь,—сказалъ онъ потомъ, теребя усы:—мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила». Конечно, мы поймемъ, что, «глупость» случилась съ Максимомъ Максимычемъ не отъ того, что его женщины такъ не любили, что тутъ причина ея была гораздо болѣе возвышенная. А какъ нѣжно любитъ Максимъ Максимычъ Печорина, и какое глубокое сочувствіе къ этому милому старику пробуждается въ насъ послѣ его свиданія съ

Печоринымъ, окатившимъ его ушатомъ холодной воды, какъ онъ намъ симпатиченъ и насколько этотъ простой человѣкъ становится въ нашихъ глазахъ выше Печорина, заѣденнаго рефлексіей! Въ этомъ противопоставленіи Печорина Максиму Максимычу заключается задатокъ той идеи, на которой построены многіе романы Достоевскаго, идеи противопоставленія людямъ рефлексіи, часто очень умнымъ, людей «простыхъ», но богатыхъ тѣмъ, что Достоевскій въ романѣ «Идіотъ» называетъ «главнымъ умомъ», людей, отличающихся чуткостью сердца. Эти простые люди у Достоевскаго оказываются всегда выше людей рефлектирующихъ, точно такъ же, какъ Максимъ Максимычъ выше Печорина.

Обращаясь отъ образовъ къ непосредственному выраженію чувствъ поэта въ его лирическихъ произведеніяхъ, мы тоже замѣтимъ преобладаніе мрачнаго мотива разочарованія, неудовлетворенности жизнью вслѣдствіе высокихъ требованій, предъявляемыхъ къ ней поэтомъ. Лучше всего идеальныя стремленія представлены Лермонтовымъ въ его знаменитомъ стихотвореніи «Ангелъ», изъ котораго мы видимъ, что поэтъ томится той дѣйствительностью, которая его окружаетъ, онъ какъ бы вспоминаетъ лучшій небесный міръ, котораго ему никакъ не можетъ замѣнить земное существованіе.

Среди людей, въ свѣтѣ поэтъ чувствуетъ себя всегда одинокимъ, и это не можетъ не вызывать въ немъ грустнаго настроенія, которое изливается уже въ юношескомъ стихотвореніи «Одиночество». Поэтъ говоритъ:

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить:
Дѣлить веселье всѣ готовы.—
Никто не хочетъ грусть дѣлить.
Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный,
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу, какъ, судьбѣ послушно,
Года уходятъ, будто сны,
И вновь приходятъ съ позлащенной,
Но той же старою мечтой...
И вижу гробъ уединенный—
Онъ ждетъ; что жъ медлить надъ землей?
Никто о томъ не сокрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ...

Тѣ же безотрадныя мысли видимъ мы и въ стихотвореніи «Смерть».

Закатъ горитъ огнистой полосой.
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мной,
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ:
То мысль объ ней... О! далеко она;
И надъ моимъ недвижнымъ блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуютъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...

Къ тому же 1830 году относятся два стихотворенія съ одинаковымъ заглавіемъ, «Смерть», выражающія такія же тягостныя мысли поэта. Въ одномъ онъ говоритъ о своемъ желаніи быть «дальше, дальше отъ людей» а, въ другомъ рѣшительно заявляетъ:

Довольно въ мірѣ пожилъ я,—
Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя и любя.

Если жизнь обманула поэта, то онъ отказывается вѣрить въ возможность счастья. Въ одномъ изъ стихотвореній 1831 г. онъ говоритъ:

Пусть жизнь моя въ буряхъ несется.
Я безпеченъ, я знаю давно,—
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ быть
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его міръ полюбить.

Отсюда является какая-то постоянная тревога, такъ хорошо изображенная въ «Парусѣ»: поэтъ «счастья не ищетъ», потому что въ него не вѣритъ,—ему нуженъ только покой, и въ стихотвореніи «Выхожу одинъ я на дорогу» онъ говоритъ:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ желалъ забыться и заснуть» и т. д.

Кромѣ покоя поэтъ ищетъ свободы, и это стремленіе къ свободѣ особенно сильно высказывается въ стихотвореніи «Отворите мнѣ темницу»... Разочарованіе доходитъ у Лермонтова до крайняго предѣла въ стихотвореніи «И скучно, и грустно». Здѣсь поэтъ, отказавшись отъ любви, отъ всякихъ желаній, восклицаетъ въ отчаяніи:

А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ [вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Дальше этого разочарованіе, отрицаніе жизни идти не можетъ, и у нѣкоторыхъ критиковъ Лемонтова является даже мысль, что дальнѣйшаго пути для развитія творчеству нашего поэта не открывалось, такъ что его ждала смерть поэтическая, т. е. если бы даже его не убили, то самый источникъ его творчества долженъ былъ бы изсякнуть.

Однако, съ подобнымъ мнѣніемъ трудно согласиться. Прежде всего надо замѣтить, что всякія вообще предсказанія могутъ быть только гадательными, тѣмъ болѣе если намъ приходится говорить о поэтѣ, умершемъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, какъ Лермонтовъ; что бы сказали подобные критики, желающіе быть пророками, если бы дѣятельность Пушкина оборвалась послѣ «Кавказскаго плѣнника?» По всей вѣроятности приговоръ о будущности нашего величайшаго поэта былъ бы крайне неблагопріятнымъ. Кромѣ этого, слѣдуетъ сказать, что для Лермонтова дѣйствительно открывалась возможность исхода изъ его разочарованія въ другихъ мотивахъ, которые, между тѣмъ сильнѣе выражались въ его поэзіи. Прежде всего изъ этихъ мотивовъ надо выдвинуть религіозное настроеніе, такъ ярко рисующееся намъ въ стихотвореніяхъ: «Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою», «Когда волнуется желтѣющая нива», «Въ минуту жизни трудную». Изъ этихъ стихотвореній мы видимъ, что сомнѣнія покидали поэта, что онъ проникался вѣрой, видѣлъ въ небесахъ Бога и признавалъ возможность постигнуть счастье на землѣ. За религіозными слѣдуютъ мотивы любви и дружбы: припомнимъ напр. такія стихотворенія, какъ «Памяти кн. А. И. Одоевскаго», «Разстались мы, но твой портретъ храню я на груди своей». Далѣе идетъ рядъ произведеній, показывающихъ, что Лермонтовъ все болѣе и болѣе начиналъ постигать и цѣнить простую русскую жизнь. Таково напр., его стихотвореніе «Ро-

дина», выражающее то же настроеніе, что мы находимъ у Пушкина въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Таково же и слѣдующее замѣчательное стихотвореніе «Изъ альбома С. Н. Карамзиной»:

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы
И бури тайныя страстей.
Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.
Люблю я больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ тихій разговоръ.

Рядомъ съ этой любовью къ простотѣ русской жизни является у Лермонтова, подъ вліяніемъ, можетъ быть, славянофиловъ, критическій взглядъ на западно-европейскую жизнь и сознаніе великихъ задачъ, предстоящихъ Россіи. Критическое отношеніе къ западу выразилось очень хорошо въ слѣдующихъ строкахъ изъ стихотворенія «Умирающій гладіаторъ»:

Не такъ ли ты, о Европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ, игралище дѣтей—
Осмѣянный ликующей толпой.
И предъ кончиною ты взоры обратилъ,
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья,
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно, для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ;
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья—
Насмѣшливыхъ льстецовъ необыточные сны.

Сознаніе силы Россіи и великихъ задачъ, которыя ей предстоитъ разрѣшить, ясно высказано Лермонтовымъ въ стихотвореніяхъ «Бородино» и «Споръ».

Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что чрезвычайно важнымъ средствомъ, которое могло спасти поэта отъ разочарованія, была проявлявшаяся у него объективность творчества. Въ этомъ от-

ношеніи недосягаемымъ образцомъ можетъ служить его знаменитая «Пѣсня про купца Калашникова», о которой уже сказано выше.

Все это позволяетъ примѣнить къ Лермонтову тѣ же слова, которыя онъ сказалъ о кн. А. И. Одоевскомъ:

Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество *).

Говоря о развитіи взглядовъ какого-либо писателя на творчество, мы имѣемъ въ виду разрѣшеніе вопроса объ отношеніи его къ двумъ основнымъ элементамъ творчества, реальному и идеальному, къ воспроизведенію дѣйствительности и къ тому освѣщенію, въ которомъ эта дѣйствительность представляется. По существу своему идеальный элементъ есть нѣчто первенствующее: въ немъ ярче всего выражается личность писателя, далеко для насъ не безразличная, такъ какъ приступая къ чтенію какой нибудь книги, мы не только ищемъ въ ней фактовъ, но и стремимся найти опору для своихъ сужденій о фактахъ, для чего какъ бы вступаемъ въ бесѣду съ писателемъ: идеальный элементъ есть та цѣль, для которой совершается самое воспроизведеніе дѣйствительности; онъ оправдываетъ это воспроизведеніе, не могущее, какъ извѣстно, никогда быть полнымъ и совершеннымъ. Основу поэтическому произведенію даетъ идея, и художникъ тотъ же мыслитель, но по выраженію Бѣлинскаго, мыслящій образами; послѣдніе же, если они даже фантастичны, даются художнику жизнью, слѣдовательно сила ихъ заключается въ ихъ реализмѣ въ широкомъ значеніи этого слова, въ ихъ правдивости.

Каковъ же взглядъ Гоголя на указанные два элемента творчества? Какъ этотъ взглядъ развивался и видоизмѣнялся? Подъ какими вліяніями находился Гоголь, вырабатывая свои взгляды на литературу? Отвѣтъ на эти вопросы можно найти въ его сочиненіяхъ, въ которыхъ частью имѣются непосредственныя показанія самого писателя, частью обнаруживается постепенное измѣненіе характера его творчества, находившееся подъ вліяніемъ его теоретическихъ взглядовъ.

Обращаясь къ его юношескимъ годамъ, мы прежде всего должны отмѣтить одно его показаніе, характеризующее въ немъ

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Имп. Академіи Наукъ 21 февраля 1902 года.

задатки будущаго реалиста, наблюдательность, соединенную съ особаго рода анализомъ, стремленіемъ дополнить наблюдаемую картину какими-либо оживляющими ее подробностями. Я имѣю здѣсь въ виду слѣдующія любопытныя воспоминанія во вступленіи къ VI главѣ «Мертвыхъ Душъ»: «Прежде, давно, въ лѣта моей юности,—говоритъ Гоголь,—въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка,—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинешенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города,—ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго. Богъ знаетъ изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ,—и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо,—я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша

и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь, со своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, и играми и вѣчною красавицей, меньшей сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу». (10 изд., т. III, стр. 107—8)

Такая же аналитическая наблюдательность составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ Гоголя и во время пребыванія его въ Нѣжинскомъ лицеѣ, и эту особенность, какъ онъ вспоминаетъ въ «Авторской исповѣди», замѣчали его товарищи. «Въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ,—сообщаетъ Гоголь,—находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то, что передразнить, но *угадать* человѣка, то есть, угадать, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей» (т. IV, стр. 248). Можетъ быть, это умѣнье угадывать человѣка, на которое впослѣдствіи, по свидѣтельству Гоголя, указывалъ и Пушкинъ, имѣло нѣкоторую связь съ той «охотой къ наблюденью внутреннему надъ человѣкомъ и надъ душой человѣческой», охотой, о которой Гоголь упоминаетъ въ письмѣ къ Жуковскому (тамъ же, стр. 281), какъ объ отличительномъ своемъ свойствѣ, «прежде чѣмъ сдѣлался писатель». Во всякомъ случаѣ любопытно для характеристики наблюдательности Гоголя отмѣтить собственное его показаніе объ оригинальномъ пріемѣ, при помощи котораго онъ добывалъ иногда свои наблюденія. «Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей,—говоритъ онъ въ письмѣ отъ 7 ноября 1838 г. къ М. П. Балабиной,—я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моимъ товарищемъ, и тотъ натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно; я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавши все о себѣ» (Письма, т. I, стр. 544).

При всей важности этихъ свѣдѣній о раннемъ развитіи на-

блюдательности Гоголя, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ, чтобы утверждать, что Гоголь въ школѣ пользовался матеріаломъ своихъ наблюденій для литературныхъ цѣлей. Какъ онъ самъ сообщаетъ, «мысль о писательствѣ никогда не всходила на умъ». Первыя его произведенія, до насъ не дошедшія, насколько извѣстно, не истекали изъ его наблюденій, а были результатомъ подражанія. «Первые мои опыты, говоритъ онъ, — первыя упражненія съ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся также вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками». Дѣйствительно, мы, знаемъ, что къ этому времени относятся повѣсть «Братья Твердиславичи», написанная «высокимъ стилемъ», трогательная баллада «Двѣ рыбки», трагедія «Разбойники», стихотворенія «Россія подъ игомъ татаръ» и «Непогода»; къ тому же Нѣжинскому періоду относится и «Ганцъ Кюхельгартенъ». Все это произведенія романтически-сентиментальнаго характера, и какимъ-то диссонансомъ къ нимъ является приведенное Кулишомъ сообщеніе Высоцкаго о томъ, что Гоголь написалъ сатиру подъ заглавіемъ «Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ». Хотя Кулишъ, со словъ Высоцкаго, сообщилъ и планъ этой сатиры, но въ достовѣрности этого показанія, намъ кажется, можно усумниться, и вотъ на какомъ основаніи: мы имѣемъ письмо Гоголя къ Высоцкому отъ 19 марта 1827 г., и въ этомъ письмѣ, передавая Высоцкому разныя нѣжинскія новости, между прочимъ и о выборахъ въ греческій магистратъ (вторая глава сатиры называлась, по словамъ Высоцкаго, «Выборы въ греческій магистратъ»), Гоголь разсказываетъ о «забавныхъ исторіяхъ и анекдотахъ» съ учителемъ латинскаго языка, И. Г. Кулжинскимъ: «Онъ теперь напечаталъ свое сочиненіе подъ названіемъ «Малороссійская деревня». Этотъ литературный уродъ причиною всѣхъ его бѣдствій: когда онъ только проходитъ черезъ классъ, тотчасъ ему читаютъ отрывки изъ «Малороссійской деревни» и почтенный князь бѣсится, сколько есть духу; когда онъ бываетъ въ театрѣ, то кто-нибудь изъ нашихъ объявляетъ громогласно о представленіи новой пьесы; ея заглавія: «Малороссійская

деревня» или «Законъ дуракамъ не писанъ», комедія-водевиль» (Письма, т. I, стр, 65). Не измѣнила ли въ этомъ случаѣ Высоцкому его память? Не обратилось ли это сообщеніе Гоголя въ воспоминаніе о его сатирѣ, заглавіе которой подходитъ къ заглавію комедіи-водевиля? Какъ бы то ни было, для насъ существенно, что яснаго представленія о своей будущей литературной дѣятельности и ея характерѣ у Гоголя не было при окончаніи курса Нѣжинскаго лицея.

Такая же невыясненность или, вѣрнѣе, безотчетность творчества замѣчается у Гоголя при первыхъ его шагахъ на литературномъ поприщѣ въ Петербургѣ. Не касаясь неудачныхъ «Ганца Кюхельгартена» (написаннаго раньше) и стихотворенія «Италія», если остановиться на «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки», то въ этихъ повѣстяхъ бросается въ глаза, съ одной стороны, безотчетное упоеніе созерцаемой красотой милой сердцу малороссійской природы и малороссійскаго крестьянскаго быта, сильно идеализированнаго, а съ другой—увлекательная веселость, къ которой отчасти подходитъ слѣдующая характеристика своихъ первыхъ произведеній, данная Гоголемъ: «Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать самого себя, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого какая выйдетъ польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала» (т. IV, стр. 248). Анализируя повѣсти, входящія въ составъ «Вечеровъ», мы видимъ въ нихъ не мало слѣдовъ той наблюдательности, о которой говорили, а въ освѣщеніи жизненнаго матеріала проявляется рядомъ съ идеализаціей, тотъ добродушный юморъ, который можетъ быть уподобленъ улыбкѣ матери, глядящей на шалости любимаго ребенка. Особенно такой характеръ безобидности юмора, любовности изображенія, ярокъ, когда Гоголь рисуетъ намъ крестьянскіе типы: въ отношеніи же его къ немногимъ фигурамъ помѣщиковъ, къ Ивану Ѳедоровичу Шпонькѣ, его тетушкѣ и Григорію Гигорьевичу Сторченко чувствуется нѣколько иной (правда, едва уловимый) оттѣнокъ юмора.

Въ этихъ же фигурахъ намѣчается та пошлость, которая наводитъ Гоголя на грустныя размышленія въ повѣстяхъ «Миргорода», въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» и въ «Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Безотчетная веселость смѣняется вдумчивымъ отношеніемъ къ жизни, и настроеніе автора обнаруживается заменитымъ восклицаніемъ: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Вполнѣ понятенъ поэтому отзывъ Бѣлинскаго о повѣстяхъ Гоголя: «почти каждая изъ нихъ есть смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями, и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнью. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь: сначала смѣшно, потомъ грустно».

Если «Миргородъ» представляетъ собою переходную ступень къ сознательности юмора, то такъ называемыя Петербургскія повѣсти, будучи частью проникнуты тѣмъ же грустнымъ настроеніемъ, интересны потому, что одна изъ нихъ можетъ считаться какъ бы самопризнаніемъ автора, выраженіемъ его взглядовъ на искусство. Эта повѣсть—«Портретъ». Оставляя въ сторонѣ не совсѣмъ, можетъ быть, удачную, мистическую обстановку этого произведенія, мы въ немъ встрѣчаемъ нѣсколько очень любопытныхъ замѣчаній о значеніи и характерѣ реализма въ искусствѣ. Въ повѣсти ярко выставлена нелѣпость требованій, зачастую предъявляемыхъ художнику толпой: художникъ становится модчымъ, когда начинаетъ льститъ вкусамъ толпы, т. е., забываетъ о правдѣ изображенія. Попробовавъ написать портретъ молоденькой свѣтской дѣвицы такъ, чтобы онъ соотвѣтствовалъ оригиналу, художникъ Чертковъ не удовлетворилъ желанію своей заказчицы, и только тогда удостоился похвалы, когда отступилъ отъ правды. Онъ взялся за старый свой этюдъ Психеи, и вотъ «типъ лица молоденькой свѣтской дѣвицы невольно сообщился Психеѣ, и чрезъ то получила она своеобразное выраженіе, дающее право на названіе истинно-оригинальнаго произведенія. Казалось, онъ воспользовался, по частямъ и вмѣстѣ, всѣмъ, что представилъ ему оригиналъ, и привязался совершенно къ своей работѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ занятъ только ею. И за этой самой работой засталъ его пріѣздъ знакомыхъ дамъ. Онъ не успѣлъ снять со станка картину. Обѣ дамы издали радостный крикъ изумленія и всплеснули руками.

«Lise, Lise! ахъ, какъ похоже! Superbe, Superbe! Какъ хорошо

вы вздумали, что одѣли ее въ греческій костюмъ! Ахъ, какой сюрпризъ!

Художникъ не зналъ, какъ вывести дамъ изъ пріятнаго заблужденія. Совѣстясь и потупя голову, онъ произнесъ тихо: «Это Психея».

«Въ видѣ Психеи? C'est charmant», сказала мать, улыбнувшись, при чемъ улыбнулась также и дочь. «Не правда ли, Lise, тебѣ больше всего идетъ быть изображенной въ видѣ Психеи? Quelle idée délicieuse! Но какая робота! Это Корреджъ. Признаюсь, я читала и слышала о васъ, но я не знала, что у васъ такой талантъ. Нѣтъ, вы непремѣнно должны написать также и съ меня портретъ». Дамѣ, какъ видно, хотѣлось тоже предстать въ видѣ какой-нибудь Психеи.

«Что мнѣ съ ними дѣлать?» подумалъ художникъ. «Если онѣ сами такъ хотятъ, такъ пусть Психея пойдетъ за то, что имъ хочется», и произнесъ вслухъ: «Потрудитесь еще немного присѣсть: я кое-что немножко трону».

«Ахъ я боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не... она такъ теперь похожа».

Но художникъ понялъ, что опасенія были насчетъ желтизны, и успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ только придастъ болѣе блеску и выраженья глазамъ. А по справедливости, ему было слишкомъ совѣстно и хотѣлось хотя сколько-нибудь болѣе придать сходства съ оригиналомъ, дабы не укорилъ его кто-нибудь въ рѣшительномъ безстыдствѣ. И точно, черты блѣдной дѣвушки стали наконецъ яснѣе выходить изъ облика Психеи.

«Довольно!» сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось, наконецъ, ужъ черезчуръ близко. Художникъ былъ награжденъ всѣмъ: улыбкой, деньгами, комплиментомъ, искреннимъ пожатіемъ руки, приглашеніемъ на обѣды,—словомъ, получилъ тысячу лестныхъ наградъ».

Поддавшись требованіямъ толпы, отступивъ отъ правды въ своихъ произведеніяхъ, художникъ скоро пріобрѣтаетъ, хотя дешевую, но широкую популярность, его заваливаютъ работами, такъ какъ «всѣ изумлялись искусству, съ какимъ онъ умѣлъ сохранить сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ придать красоту оригиналу». Однако эта популярность губитъ художника: обремененный всевозможными заказами, онъ скоро «увидѣлъ, что оканчивать рѣшительно было невозможно, что все нужно было замѣнить ловкостью и быстрой бойкостью кисти,—схватывать одно только

цѣлое, одно общее выраженіе и не углубляться кистью въ утонченныя подробности,—однимъ словомъ слѣдить природу въ ея оконченности было рѣшительно невозможно». Въ этихъ словахъ, въ требованіи воспроизводить «утонченныя подробности», выражается основное условіе реализма, и оно еще опредѣленнѣе представлено Гоголемъ въ томъ наставленіи, которое старый художникъ даетъ своему сыну; однако въ этомъ наставленіи есть нѣкоторое дополненіе, которое объясняетъ намъ цѣль и характеръ воспроизведенія дѣйствительности. «Изслѣдуй,—говоритъ художникъ,—изучай все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданія. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души... Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ и по тому одному оно уже выше всего».

Такимъ образомъ одного воспроизведенія «утонченныхъ подробностей» еще не достаточно, а необходимо сверхъ того идеальное освѣщеніе картины; иначе самый реализмъ можетъ оказаться ложью, его созданія будутъ произведеніемъ фальшиваго искусства, какъ это случилось съ художникомъ, написавшимъ портретъ ростовщика: несмотря на поразительное сходство, портретъ отталкиваетъ зрителей, вызывая впечатлѣніе антиэстетическое. Художникъ объясняетъ причину этого факта слѣдующимъ образомъ: «скажу только, что я съ отвращеніемъ писалъ его, я не чувствовалъ въ то время никакой любви къ своей работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и бездушно, заглушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ. Это не было созданье искусства, и потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него суть уже мятежныя чувства.

Совершенно иное впечатлѣніе производится созданіемъ истиннаго искусства: оно чаруетъ человѣка и, представляя дѣйствительность, поднимаетъ его надъ землей. Вотъ какъ характеризуется подобное впечатлѣніе въ той же повѣсти: «Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло предъ нимъ (Чертковымъ) произведеніе художника. Скромно, божественно, невинно и просто, какъ геній, возносилось оно надъ всѣми. Казалось, небесныя

фигуры, изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Съ чувствомъ невольнаго изумленія созерцали знатоки новую, невиданную кисть. Все тутъ, казалось, соединилось вмѣстѣ: изученье Рафаэля, отраженное въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Кореджія, дышавшее въ окончательномъ совершенствѣ кисти. Но властительнѣе всего видна была сила созданья, уже заключенная въ душѣ самого художника. Послѣдній предметъ въ картинѣ былъ имъ проникнутъ; во всемъ постигнутъ законъ и внутренняя сила; вездѣ была уловлена это плывучая округлость линій, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя и которая выходитъ углами у копіиста. Видно было, какъ все, извлеченное изъ внѣшняго міра, художникъ заключилъ сперва себѣ въ душу и уже оттуда, изъ душевнаго родника, устремилъ его одной согласной, торжественной пѣснью. И стало ясно даже непосвященнымъ, какая неизмѣримая пропасть существуетъ между созданіемъ и простой копіей съ природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которою невольно были объяты всѣ, вперившіе глаза на картину—ни шелеста, ни звука; а картина между тѣмъ ежеминутно казалась выше и выше: свѣтлѣй и чудеснѣй отдѣлялась отъ всего и вся превратилась, наконецъ, въ одинъ мигъ, плодъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли,—мигъ, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно только приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружавшихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію».

Реализмъ, какъ мы видимъ, выражается въ этой повѣсти уже не инстинктивнымъ стремленіемъ, какъ было у Гоголя раньше, но сознательнымъ опредѣленіемъ задачъ искусства. Эта сознательность реализма явилась у нашего писателя подъ вліяніемъ Пушкина, и любопытна потому, что въ тѣхъ же «Арабескахъ», въ которыхъ помѣщенъ «Портретъ», находится статья «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ». Для насъ эта статья, какъ оцѣнка Пушкина, уже не имѣетъ значенія, но она важна въ историческомъ отношеніи: съ одной стороны, она выдѣляется изъ массы отзывовъ того времени о Пушкинѣ вѣрнымъ пониманіемъ его реализма, съ другой же стороны, она характеризуетъ намъ требованія, предъявлявшіяся искусству самимъ Гоголемъ;

а такъ какъ изложеніе этого profession de foi связано съ именемъ Пушкина, то мы имѣемъ право думать, что взгляды на искусство у Гоголя, если не возникаютъ, то выясняются именно подъ вліяніемъ Пушкина, которое. конечно, выражалось не въ одномъ сообщеніи сюжетовъ для «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ».

Остановимся на этой характеристикѣ поэзіи Пушкина. «Будучи поражены—говоритъ Гоголь, смѣлостью кисти Пушкина и волшебствомъ картинъ (кавказской природы и быта), всѣ читатели его, и образованные и необразованные, требовали наперерывъ, чтобы отечественныя историческія происшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣе исполненный страстей бытъ русскій. Масса публики, предствляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: «изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были». Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: «это вяло, это слабо, это нехорошо, это ни мало не похоже на то, что было». Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ, совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ!»

Послѣднее сравненіе, какъ мы видѣли, разрослось въ «Портретѣ» въ цѣльный эпизодъ, характеризующій отношеніе толпы къ художественной правдѣ, такъ что въ этомъ эпизодѣ мы можемъ видѣть нѣкоторое отраженіе Пушкинскаго вліянія. Развивая далѣе свою оцѣнку Пушкина, Гоголь высказываетъ любопытныя мысли о выборѣ предметовъ для художественнаго воспроизведенія. «Никто—говоритъ онъ,—не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный, какъ воля, самъ себѣ и судья, и господинъ, гораздо ярче какого нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однакоже онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свобод-

ныхъ душъ. Но тотъ и другой, они оба—явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кромѣ неразсчета поэта—неразсчета передъ его многочисленною публикою, и не передъ собою; онъ ничуть не теряетъ своего достоинства; даже, можетъ быть, еще болѣе пріобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей» (т. V. стр. 209—210).

Это противоположеніе «обыкновеннаго» и «необыкновеннаго», какъ предметовъ, для искусства вполнѣ равноцѣнныхъ, выступаетъ передъ нами и въ извѣстной параллели въ VII главѣ «Мертвыхъ Душъ», между двумя писателями, изъ которыхъ одинъ «не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ», а другой «дерзнулъ вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи». Послѣдній писатель остается мало оцѣненнымъ толпою; «современный судъ назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданія, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ: ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій, восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги».

Возвращаясь къ статьѣ о Пушкинѣ, отмѣтимъ припоминаемый Гоголемъ, какъ иллюстрація къ общему положенію, эпизодъ изъ его дѣтства, показывающій, что разсматриваемый художественный вопросъ останавливалъ на себѣ вниманіе нашего писателя уже очень рано. «Я всегда—разсказываетъ Гоголь,—чув-

ствовалъ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: «Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущее, а не сухое. Въ дѣтствѣ мнѣ показалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпѣ». Изученіе поэзіи Пушкина, отличающейся простотою и правдивостью, приводитъ Гоголя къ выводамъ, прямо противоположнымъ тому, что высказалъ упомянутый сосѣдъ, «потому что, чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное, и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина» (т. V. стр. 211),

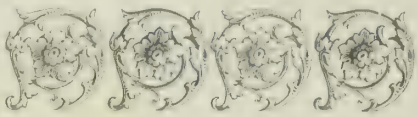
Кромѣ этого, такъ сказать, косвеннаго показанія, мы имѣемъ непосредственныя свидѣтельства самого Гоголя о томъ, какое значеніе имѣлъ для него Пушкинъ. Приведемъ одно изъ такихъ свидѣтельствъ. Получивъ извѣстіе о смерти Пушкина, Гоголь писалъ 30 марта 1837 г. изъ Рима Погодину: «Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить моей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой (т. е. «Мертвыя Души») есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобъ онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою». Почти то же самое говоритъ Гоголь въ письмѣ къ Плетневу, еще ярче характеризуя свое духовное общеніе съ Пушкинымъ: «Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное свое одобреніе—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы». Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 18 (6) апрѣля

того же года онъ говоритъ о «Мертвыхъ Душахъ»: «Я долженъ продолжать мною начатый, большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе». (Письма т. I, стр. 432, 434, 441).

Не имѣя вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ для точнаго отвѣта на вопросъ, въ чемъ же выражалось вліяніе Пушкина на Гоголя, мы можемъ, однако, предположительно высказать мнѣніе, что съ одной стороны, оно обнаружилось въ стремленіи къ воспроизведенію дѣйствительности, въ реализмѣ, какъ мы уже указали, а съ другой—это вліяніе могло быть умѣряющимъ элементомъ по отношенію къ тому мистицизму, который свойственъ былъ Гоголю съ давнихъ поръ. Думается, не даромъ этотъ мистицизмъ началъ такъ сильно развиваться въ Гоголѣ именно послѣ смерти Пушкина. Намъ трудно судить, какой характеръ получили бы «Мертвыя Души» или «Театральный разъѣздъ», если бы они создавались подъ наблюденіемъ Пушкина; но во всякомъ случаѣ вполнѣ вѣроятно, что свѣтлый геній Пушкина сумѣлъ бы иначе направить тѣ стремленія къ учительству общественному, которыя проявляются у Гоголя въ концѣ 1830-хъ годовъ. Врядъ ли возможно было бы появиться «Развязкѣ Ревизора» съ ея мистическимъ толкованіемъ знаменитыхъ типовъ, жизненность которыхъ такъ хорошо понималъ Пушкинъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія причины развитія въ Гоголѣ мистицизма, нельзя не видѣть крайне печальнаго факта, именно въ этомъ отношеніи, и въ устраненіи Пушкинскаго вліянія.

Тотъ идеальный элементъ, о которомъ говорилъ Гоголь въ «Портретѣ» и который придавалъ высшее освѣщеніе гуманности и справедливости его повѣстямъ, «Ревизору» и «Мертвымъ Душамъ», возбуждая въ читателяхъ то скорбь при видѣ людской пошлости, то жалость къ забитому, униженному человѣку, то негодованіе при видѣ поруганія образа Божія въ человѣкѣ, при видѣ всяческаго произвола и притѣснительства, этотъ идеальный элементъ, особенно сильный въ соединеніи съ правдивымъ изображеніемъ жизни, теперь въ поэтѣ перевѣшиваетъ его прежнія художественныя стремленія, заслоняетъ жизненную правду въ его произведеніяхъ: гармонія между воспроизведеніемъ жизни и ея освѣщеніемъ, гармонія, вполнѣ необходимая для поэта, какъ думалъ и самъ Гоголь, совершенно разрушается. Проповѣдь живыми образами уступаетъ мѣсто сухому поученію. Поэтъ обра-

щается къ совѣсти читателей, но онъ забылъ тотъ путь, который вѣрнѣе всего велъ его къ тайникамъ этой совѣсти, и онъ лишился своей прежней силы. Въ этотъ печальный періодъ своей дѣятельности, однако, Гоголь выдвигаетъ нѣкоторые очень важные вопросы. Самому ему не суждено было ихъ разработать, какъ слѣдуетъ, ихъ разрѣшеніе составило задачу многихъ художниковъ, явившихся его преемниками. Исканіе правды лучше всего связываетъ Гоголя съ Достоевскимъ и гр. Л. Н. Толстымъ, исканіе положительныхъ образовъ преемственно передалось отъ него Гончарову и Тургеневу.



Гоголь и русская повѣсть.

Критическая литература, посвященная произведеніямъ Гоголя, чрезвычайно обширна и заключаетъ въ себѣ не мало весьма цѣннаго матеріала для опредѣленія значенія нашего великаго сатирика; но, несмотря на это, вопросъ объ историческомъ положеніи Гоголя далеко не можетъ считаться исчерпаннымъ. И до сихъ поръ возможны разногласія относительно того, кто долженъ признаваться родоначальникомъ нашей новой литературы, Пушкинъ или Гоголь; не были также уяснены отношенія Гоголя къ его предшественникамъ. Бѣлинскій въ своей статьѣ объ «Арабескахъ» и «Миргородѣ» затронулъ этотъ послѣдній вопросъ, сказалъ о повѣстяхъ Марлинскаго, кн. Одоевскаго, Погодина, Павлова и Полевого, но, признавъ, что «у насъ еще нѣтъ повѣсти, въ собственномъ смыслѣ этого слова», устранился отъ прямого историко-литературнаго изслѣдованія связей Гоголя съ окружавшей его средой. Таково же было отношеніе и послѣдующихъ критиковъ, и такимъ образомъ тѣ элементы, изъ которыхъ слагалось творчество Гоголя, надолго оставались не изученными. Частью не сознавалась потребность подобнаго изученія, частью оно представлялось затруднительнымъ, такъ какъ необходимо было отдалиться отъ Гоголевской эпохи, чтобы открылась историческая перспектива, при которой объективная оцѣнка становится возможной. Однако, вопросъ долженъ былъ рано или поздно привлечь вниманіе научной критики, и въ прошломъ году изслѣдованіе было предпринято проф. Н. А. Котляревскимъ, въ его работѣ: «Н. В. Гоголь 1829—1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы» (Спб. 1903), печатавшейся первоначально въ журналѣ «Міръ Божій».

Талантливый авторъ поставилъ себѣ двоякую задачу: «во-первыхъ, возстановить съ возможной полнотой исторію психическихъ движеній загадочной души художника и, во-вторыхъ, изслѣдовать болѣе подробно ту взаимную связь, которая объединяетъ творчество Гоголя съ творчествомъ предшествовавшихъ и

современныхъ ему писателей». Первая задача, какъ признаетъ самъ изслѣдователь, «не допускаетъ полнаго рѣшенія», здѣсь приходится ограничиваться лишь догадками, и надо сказать, что мѣстами г. Котляревскій даетъ новое освѣщеніе фактамъ творчества Гоголя, хотя есть и кое-какіе пункты, по которымъ возможно и нѣсколько иное рѣшеніе. Указывая на эту возможность, мы все же должны помнить, что при настоящемъ состояніи матеріала (а, можетъ быть, и всегда) прочныхъ выводовъ мы не добудемъ. Въ виду этого гораздо интереснѣе остановиться на тѣхъ результатахъ, къ которымъ пришелъ г. Котляревскій при рѣшеніи второго поставленнаго имъ вопроса. Его книга даетъ много для опредѣленія историческаго значенія Гоголевскихъ повѣстей, для ознакомленія съ тѣми «помощниками» Гоголя, «которые своими трудами прокладывали ему дорогу или вмѣстѣ съ нимъ трудились надъ одной задачей и даже болѣе пристально присматривались иногда къ нѣкоторымъ сторонамъ жизни, на которыя нашъ сатирикъ не умѣлъ обратить должнаго вниманія».

Критика двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, выставляя требованіе народности и самобытности, обыкновенно относилась къ современной литературѣ крайне отрицательно и категорически иногда заявляла, что «мы нищіе, принужденные обкрадывать своихъ сосѣдей». Въ этомъ строгомъ приговорѣ было много правильнаго, но уже самая его категоричность требуетъ провѣрки. Вполнѣ признавая сильное вліяніе на нашу литературу западныхъ образцовъ, прямо невозможно допустить даже o priori, чтобы въ многочисленныхъ произведеніяхъ нашихъ тогдашнихъ писателей (а среди нихъ были, какъ мы знаемъ, люди съ незаурядными дарованіями) ни въ чемъ не проявилась ихъ оригинальность, нисколько не отразилось бы воздѣйствіе окружавшей ихъ жизненной обстановки. Вѣдь намъ извѣстно, что стремленіе сблизить литературу съ жизнью проявилось у нашихъ писателей уже въ XVIII вѣкѣ; правда, оно выражалось въ односторонней формѣ сатиры, не дававшей полнаго воспроизведенія дѣйствительности, но, тѣмъ не менѣе, оно было и перешло въ XIX столѣтіе. Этотъ сатирическій реализмъ выхватилъ изъ русской жизни нѣсколько очень яркихъ типовъ, хотя въ обрисовкѣ ихъ порой руководился пріемами западныхъ «сосѣдей». Кромѣ того, слѣдуетъ сказать, что въ произведеніяхъ нашихъ сентименталистовъ и романтиковъ русская дѣйствительность, такъ или иначе, все же проглядывала, такъ что г. Котляревскій съ пол-

нымъ основаніемъ утверждаетъ, «что всѣ наши писатели, какъ индивидуальныя лица, при всемъ подражаніи въ ихъ творчествѣ, были все-таки въ извѣстной степени самобытны и народны и никогда не перенимали чужого, не подмѣшавъ къ нему своего, и въ тогдашней литературѣ попадалось не мало романовъ и повѣстей, въ которыхъ современная жизнь находила себѣ уже прямое, достаточно вѣрное воспроизведеніе».

Приходится, слѣдовательно, признать, что наша критика того времени, слишкомъ строго оцѣнивая совокупность литературныхъ фактовъ, впадала незамѣтно для себя въ очень странную ошибку. Отчего это происходило? На этотъ вопросъ нашъ изслѣдователь даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Слишкомъ большая строгость критики находитъ себѣ отчасти объясненіе въ томъ довольно любопытномъ фактѣ, что наши наилучшія литературныя силы и дарованія тѣхъ годовъ, дѣйствительно, неохотно брались за изображеніе окружавшей ихъ жизни, обнаруживая очень мало склонности къ ея реальному воспроизведенію въ искусствѣ. За реальное же изображеніе этой дѣйствительности, изображеніе, которое, въ силу своего реализма, и имѣло больше всего шансовъ стать «народнымъ», взялись не они, а художники второго, иной разъ третьяго ранга, въ произведеніяхъ которыхъ, конечно, цѣль и намѣреніе не покрывались исполненіемъ. Критика, видя эти эстетическіе недохваты въ повѣстяхъ и романахъ нашихъ раннихъ реалистовъ, поторопилась скинуть ихъ работу со счетовъ и потому естественно должна была придти къ выводу, что наша современность въ литературѣ почти не находитъ отзвука». Обосновывая это объясненіе, г. Котляревскій разсматриваетъ въ общихъ чертахъ отношеніе къ «современности» первостепенныхъ дѣятелей и подробно характеризуетъ съ этой же точки зрѣнія работу менѣе выдающихся представителей повѣсти и романа первыхъ дѣятелей XIX вѣка. Слѣдя за этой аргументаціей почтеннаго автора, нельзя не сдѣлать ему нѣкоторыхъ возраженій частнаго характера, нельзя не сказать, что онъ нѣсколько увлекается, умаляя значеніе реальнаго элемента въ творчествѣ литературныхъ корифеевъ. Такъ, на нашъ взглядъ, не совсѣмъ правильно оцѣнены басни Крылова, изъ которыхъ, по словамъ автора, «огромное большинство не имѣло никакого мѣстнаго колорита»; для подобнаго отзыва нѣтъ прочнаго основанія, такъ какъ именно со стороны отношенія къ русской дѣйствительности Крыловскія басни совсѣмъ

почти не изучены, а есть данныя полагать, что весьма многое въ нихъ объясняется именно отраженіями русской жизни, и всяческіе плуты, глупцы и невѣжды, въ нихъ изображенные, не «самые общіе типы», какъ говоритъ г. Котляревскій, но подлинные русскіе люди. Настолько же намъ кажется приниженнымъ и значеніе Пушкина въ развитіи нашего реализма: если «Пушкинъ, какъ бытописатель русской жизни, по словамъ г. Котляревскаго, былъ извѣстенъ лишь, какъ авторъ одной поэмы и одного сборника разсказовъ, мало оцѣненныхъ», то не слѣдуетъ забывать, что эта поэма называлась «Евгеній Онѣгинъ» и была удивительнѣйшимъ ооразцомъ воспроизведенія современности.

Если эта сторона положенія, выставленнаго г. Котляревскимъ и можетъ вызывать нѣкоторыя возраженія, то его замѣчанія относительно менѣе видныхъ представителей нашего реализма заслуживаютъ полнаго вниманія. Совершенно правильно настаиваетъ авторъ на томъ, что «работу писателей второго ранга, а именно и третьяго, нельзя упускать изъ виду». Историческое изслѣдованіе должно показать, какъ въ этихъ второстепенныхъ работникахъ наростала общая тенденція сблизить литературу съ жизнью. «При ихъ работѣ медленно и постепенно крѣпли пріемы истинно-реальнаго творчества, вырабатывалась извѣстная техника и что въ особенности важно — при ней замѣтно расширялся кругозоръ художника, который пріучился включать въ сферу своего художественнаго наблюденія матеріалъ все болѣе и болѣе разнообразный. Вся эта, иной разъ кропотливая работа наблюдателей-жанристовъ и бытописателей, моралистовъ уравнивала дорогу, по которой долженъ былъ пойти истинно-сильный талантъ, призванный дать настоящую художественную форму этимъ разрозненнымъ наблюденіямъ надъ жизнью». Приближеніе къ дѣйствительности происходило въ длинномъ рядѣ такъ называемыхъ «нравственно-сатирическихъ» романовъ: поставивъ себѣ цѣлью дать извѣстное поученіе, обличить пороки, авторы подобныхъ романовъ естественно были приведены къ изображенію жизни. Страдало при этомъ художественное достоинство литературныхъ произведеній, творчество замѣнялось подбираніемъ ряда наблюденій для доказательства извѣстной моральной сентенціи, причемъ вырабатывался нѣкоторый постоянный шаблонъ, и романы отдѣльныхъ писателей отличались крайнимъ однообразіемъ плана, заранѣе намѣченнаго; но при всѣхъ этихъ недостаткахъ художественныхъ, при ремесленности такого пи-

санья, жизнь давала о себѣ знать въ той или иной формѣ, и романъ изъ «нравственно-сатирическаго» обращался въ «нравоописательный», захватывая тотъ или другой любопытный уголокъ дѣйствительности.

Наиболѣе распространенною формою для такихъ произведеній былъ унаслѣдованный еще отъ XVIII вѣка «романъ съ приключеніями». Какъ показала еще Н. А. Бѣлозерская въ своей работѣ о Нарѣжномъ, подобный романъ являлся удобной рамкой, въ которой беллетристъ помѣщалъ различныя свои наблюденія. На реалистическую цѣнность романовъ съ приключеніями указываетъ и г. Котляревскій. «Для облегченія своей работы мозаиста и классификатора—говоритъ нашъ изслѣдователь, писатель прибѣгалъ обыкновенно къ очень распространенному пріему: онъ заставлялъ главнаго героя своего разсказа—личность иногда менѣе интересную, чѣмъ всѣ второстепенныя лица, которые ее окружали—путешествовать или вообще передвигаться съ мѣста на мѣсто. Этотъ главный герой или героиня, которые не сами двигали дѣйствіе разсказа, а, наоборотъ, этимъ дѣйствіемъ приводились въ движеніе, имѣли, такимъ образомъ, случай столкновенія съ самымъ разнообразнымъ контингентомъ лицъ, попадали иногда не произвольно для себя, но съ умысломъ для автора, въ самыя различныя обстановки»... Необходимо, однако, замѣтить, что, при всей возможности пользоваться въ этой формѣ своими наблюденіями надъ реальной обстановкой, писатель весьма часто грѣшилъ сочинительствомъ: онъ рисовалъ опредѣленные, прочно установленные литературною традиціей и требуемые его поучительною цѣлью типы добродѣтельныхъ и разумныхъ или злыхъ и глупыхъ людей. Именно это господство литературнаго преданія, замѣнявшаго непосредственное наблюденіе, и педантизмъ были главными препятствіями въ выработкѣ истиннаго реализма въ повѣсти и романѣ первыхъ десятилѣтій XIX вѣка.

Освободиться въ большей или меньшей степени отъ этихъ недостатковъ было дѣломъ таланта того или другого писателя, и мы знаемъ, что нѣкоторымъ изъ нашихъ бытописателей удавалось иногда довольно хорошо выйти изъ затрудненія. Въ этомъ отношеніи очень замѣтной величиной былъ Нарѣжный, дѣятельность котораго только недавно получила настоящее историческое освѣщеніе: въ его романахъ замѣтны не только отдѣльныя черточки современной жизни, но отражаются и весьма существенныя общія явленія, такъ что нашъ изслѣдователь вполнѣ

справедливо выдвигаетъ «смѣлость» этого романиста. Изъ писателей николаевскаго времени ни одинъ (говоря о второстепенныхъ величинахъ) не можетъ сравниться съ Нарѣжнымъ, но и среди нихъ нельзя не оцѣнить такихъ людей, какъ Полевой, Марлинскій, Бѣгичевъ, Булгаринъ и др. При всей разности дарованій и цѣлей этихъ литераторовъ, жизнь не могла не отражаться въ ихъ произведеніяхъ, и въ этомъ смыслѣ они не лишены интереса, когда рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ Гоголя. Можно, конечно, находить въ ихъ писаніяхъ параллели къ гоголевскимъ типамъ и положеніямъ, но такая работа врядъ ли можетъ считаться особенно производительной, такъ какъ у Гоголя, какъ справедливо говоритъ г. Котляревскій, «никакого прямого заимствованія не было, онъ писалъ съ натуры такъ же, какъ и его предшественники, и потому совпаденія были неизбѣжны». Но, отвергая заимствованія, изслѣдователь не можетъ отрицать нѣкоторой «зависимости», и обзоръ нашихъ нравоописательныхъ романовъ приводитъ г. Котляревскаго къ такому выводу: «Пріемы реальнаго воспроизведенія жизни и интересъ къ бытовымъ ея сторонамъ, тенденція изображать не одну лишь лицевую сторону дѣствительности, а также ея изнанку, отсутствіе въ писателѣ отвращенія къ житейской пошлости и грязи, стремленіе эту грязь претворить въ художественный образъ — всѣ эти черты «натуральной школы», отцомъ которой считается Гоголь, существовали въ нашей литературѣ задолго до появленія его разсказовъ, и ему въ данномъ случаѣ пролагать новыхъ путей не приходилось».

Это вѣрно въ общемъ, путь былъ, дѣйствительно, намѣченъ раньше Гоголя, но въ томъ-то и заключается значеніе работы генія, что онъ на старомъ пути творитъ нѣчто новое, что онъ устраняетъ окончательно тѣ препятствія, съ которыми не могли справиться менѣе талантливые предшественники, подчинявшіеся установленнымъ шаблонамъ. Избавленіе отъ этихъ шаблоновъ стараго преданія и составляетъ заслугу Гоголя; онъ всегда пишетъ съ натуры, тогда какъ его предшественники часто заслоняютъ натуру дидактизмомъ и условными пріемами письма.

Но рядомъ съ этимъ огромнымъ шагомъ впередъ въ области реализма, въ дѣятельности Гоголя слѣдуетъ отмѣчать и другую черту, которая его тоже связываетъ съ его предшественниками и современниками. Эта черта—его романтизмъ. Какъ показываетъ г. Котляревскій, романтическія стремленія были очень

сильны въ нашемъ юмористѣ: они особенно ярки въ его раннихъ произведеніяхъ, но не исчезаютъ они и въ послѣдующіе періоды его творчества. Ихъ поддерживаетъ въ Гоголѣ литературная обстановка его сложной психической организаціи, но коренятся они въ самой глубинѣ его сложной психической организаціи, и присутствіе ихъ рядомъ съ реалистическимъ взглядомъ на жизнь ведетъ къ борьбѣ, отражающейся въ произведеніяхъ художника. Это столкновеніе реализма съ романтизмомъ особенно любопытно въ процессѣ выработки воззрѣній Гоголя на художественное творчество, и опять таки анализъ литературной обстановки его времени обнаруживаетъ, что Гоголь въ этомъ случаѣ совпадалъ съ нѣкоторыми изъ своихъ современниковъ. Кукольникъ, Полевой, Павловъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій своими произведеніями даютъ любопытную иллюстрацію борьбы этихъ двухъ теченій въ тогдашней литературѣ. Нельзя сказать, чтобы и эта сторона не имѣла значенія для будущаго литературнаго развитія; изъ нея именно и можно производить тотъ идеальный элементъ, который придаетъ такую великую цѣнность созданіямъ послѣдователей Гоголя, великихъ представителей нашей натуральной школы.

Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій.

Имена этихъ трехъ поэтовъ мы привыкли связывать съ именемъ Пушкина, благодаря прежде всего ихъ личнымъ отношеніямъ къ геніальному начинателю новаго періода нашей литературы. Это самые близкіе къ Пушкину люди изъ числа его сверстниковъ. Дружба Пушкина съ барономъ Дельвигомъ возникла уже на лицейской скамьѣ и продолжалась до самой смерти послѣдняго (1831 г.). Сблизились юноши на почвѣ общихъ литературныхъ интересовъ, какъ это прекрасно выразилъ Пушкинъ въ стихотвореніи «19 октября 1825 года», обращаясь къ Дельвигу:

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты—гордый—пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

•

Эта общность литературныхъ интересовъ остается основаніемъ дружбы обоихъ поэтовъ и впослѣдствіи: когда Дельвигъ основалъ «Литературную Газету», Пушкинъ оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ ея сотрудниковъ, такъ какъ самая мысль о подобномъ органѣ, всецѣло посвященномъ литературнымъ задачамъ, была всегда завѣтною мечтою Пушкина.

Съ Языковымъ познакомился Пушкинъ въ 1826 г. когда Языковъ пріѣхалъ въ Тригорское въ гости къ своему дерптскому товарищу, Вульфу. Дружба между поэтами установилась, повидимому, очень скоро, и ея основой было эпикурейское времяпровожденіе, при которомъ веселье въ честь Вакха и Киприды смѣнялось бесѣдою объ искусствѣ, увлекавшемъ обоихъ друзей. Яркую характеристику этой поры своей жизни даетъ Языковъ въ стихотвореніи «Тригорское»:

Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говоритъ поэтъ?
Жрецы высокаго искусства,
Пророки воли божества,
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!
Какъ быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и въ будущихъ вѣкахъ!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлыя кипятъ.
И грудь трепещетъ молодая,
И гордый вспыхиваетъ взглядъ;
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ;
Или въ тиши благословенной
Жилища Грацій, гдѣ цвѣтутъ
Каменами хранимый трудъ
И умъ изящно просвѣщенный.
Въ часы какъ сладостные тамъ
Дары Эвтерпы насъ плѣняли,
Какъ персты легкіе мелькали
По очарованнымъ ладамъ.
Съ нихъ звуки стройно поднимались,
И въ треляхъ чистыхъ и густыхъ
Они свивались, развивались—
И сердце чувствовало ихъ!

Знакомство Пушкина съ Баратынскимъ относится къ 1819 г. и, какъ видно изъ разныхъ писемъ Пушкина, это знакомство скоро перешло въ дружбу: Пушкинъ всегда интересуется новыми произведеніями Баратынскаго, ставя его рядомъ съ Жуковскимъ и выше Батюшкова, принимаетъ участіе и въ личныхъ дѣлахъ своего друга, ведя переговоры объ изданіи его сочиненій.

Таковы личныя отношенія этихъ трехъ поэтовъ къ Пушкину, но можно ли на основаніи подобной дружбы, дѣлать заключеніе объ особенной духовной близости поэтовъ? Можно ли этотъ поэтическій тріумвиратъ считать наиболѣе родственнымъ Пуш-

кину по самому характеру творчества [1])? Это вопросъ очень важный, такъ какъ, признавая названныхъ поэтовъ главными представителями теоріи чистаго искусства и видя личную близость къ нимъ Пушкина, многіе склонны приписать указанную теорію и самому Пушкину. Мы уже говорили въ статьѣ «Пушкинъ и поэзія дѣйствительности», насколько несправедливо по отношенію къ Пушкину подобное обвиненіе въ поэтической односторонности, насколько, напротивъ, гармонично объединяются въ его творчествѣ самые разнообразные мотивы и какъ близко его творчество къ жизни; теперь же попробуемъ охарактеризовать трехъ друзей Пушкина, какъ поэтовъ, чтобы уяснить себѣ, въ какой степени имъ можетъ принадлежать право на признаніе ихъ ближайшими выразителями Пушкинскаго направленія въ нашей поэзіи.

I.

Начнемъ съ барона Дельвига.

Наиболѣе выдающимся свойствомъ его характера была, какъ выражается его біографъ, покойный Вал. Вл. Майковъ, «склонность къ лѣни». Эту склонность замѣтили въ немъ еще его лицейскіе товарищи, охарактеризовавъ его въ одной шуточной пѣсенкѣ слѣдующими стихами.

Дельвигъ мыслитъ на досугѣ.
Можно спать и въ Кременчугѣ.

О той же склонности вспоминаютъ позже и Пушкинъ, называя своего друга «сыномъ лѣни вдохновеннымъ», и Коншинъ, убѣждая Дельвига «сложить всегдашней лѣни грузъ». Это отличительное свойство Дельвига, какъ человѣка, выразилось въ немъ, какъ въ поэтѣ, развитіемъ эпикурейскаго міросозерцанія, которое проявляется уже на школьной скамьѣ. Въ такомъ возрастѣ, когда всѣ обыкновенно мечтаютъ о славѣ, о блестящей будущности, Дельвигъ воспѣваетъ тихую жизнь; онъ говоритъ:

Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей
Ногою не шагнетъ, мечтой не унесется;
Кто не клянетъ судьбу, и съ милою своей
Какъ весело заснетъ, такъ весело проснется;

[1]) Такъ поступилъ, напр., кн. П. А. Вяземскій, говоря, что «Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій и Языковъ не только современностью, но и поэтическимъ соотношеніемъ, какимъ-то семейнымъ общимъ выраженіемъ образуютъ у насъ нераздѣльное явленіе».

Кто молоко отъ стадъ, хлѣбъ съ нивы золотой
И мягкую волну съ своихъ овецъ сбираетъ;
Кому домашній дубъ въ огнѣ трещитъ зимой,
И сонъ прохладою въ день лѣтній навѣваетъ.
Спокойно цѣлый вѣкъ проводитъ онъ въ трудахъ,
Полета быстраго часовъ не примѣчая;
Устанетъ, наконецъ,—и съ думой о друзьяхъ
Предастся смерти онъ, пріятно засыпая.
Такъ жизни и Дельвигу тихонько провести!
Умру—и скоро всѣ забудутъ о поэтѣ!...
Что нужды? Я блаженъ; я, живши, могъ найти,
Покой въ безвѣстности и счастіе въ Лилетѣ!

Это стремленіе къ «покою въ безвѣстности» отражается и во взглядѣ Дельвига на значеніе своей поэтической дѣятельности, какъ это видно изъ его посланія въ Сибирь къ лицейскому товарищу, Илличевскому:

Я благодатности труда
Еще, мой другъ, не постигаю!
Лѣниться, говорятъ, бѣда,
А я въ бѣдѣ сей утопаю
И, пробудившись, забываю,
О чемъ заботился вчера.
Мнѣ иногда твердятъ: «Пора—
Сдавить стишки твои станками:
Они раскупятся друзьями,
Друзья имъ прокричатъ: ура!
Веселые за полной чашей
Тогда, сударь, отъ славы вашей,
Или отъ вашего вина
Заговоритъ вся сторона
Отъ Бельта до Сибири скучной,
Куда съ запиской своеручной
Пошлете другу толстый томъ».
Все хорошо, но я не въ томъ
Свое блаженство полагаю:
За стихъ не ссорюся съ умомъ,
А къ риѳмѣ риѳму прилепляю,
Лѣниво глядя за перомъ.
Напишетъ мнѣ—я прочитаю;
Я прочитаю и друзьямъ:
Люблю внимать ихъ похваламъ,
Когда ихъ похвалы достоинъ.

Поэтъ отрекается отъ стремленія къ славѣ, на свое творчество не смотритъ какъ на серьезное дѣло и оно есть для него лишь одно изъ наслажденій, представляемыхъ излюбленною имъ

тихою жизнью, какъ это ясно выражается въ стихотвореніи «Къ Евгенію».

Вѣрнѣе въ храмѣ Цитереи.
Гдѣ сынъ ея намъ всѣмъ грозитъ,
Благоуханной головою
Поникнувъ, Лидіи младой
Пріятно нѣжитъ слухъ игрою,
Воспѣть безпечность и покой.
И сладострастія томленья,
И пламенный восторгъ любви.
Покинувъ гордыя желанья,
Въ вѣнокъ свой лавровъ не вплетать
И въ часъ веселаго мечтанья
Тихонько Флакку подражать
Въ наукѣ дивной наслажденья
И съ нимъ забавы лѣть свои.

Поэзія для Дельвига есть одинъ изъ видовъ наслажденія, она—«свободно-сладкое искусство» и служитъ къ болѣе полному осуществленію идеала пріятной и тихой жизни въ дружескомъ жкѣ. Обращаясь къ Баратынскому, онъ говоритъ:

Опять веселья, жизни полный,
Я счастливъ радостью друзей.
Земли и неба житель вольный
И тихой жизнію довольный,
Съ безпечной музою моей
Друзьямъ пою любовь, похмѣлье
И хлопотливое бездѣлье
Удалыхъ рыцарей стола,
За коимъ шалость и веселье.
Подъ звонъ блестящаго стекла
Поютъ, бокалы осушаютъ
И громкимъ смѣхомъ заглушаютъ
Часовъ однообразный бой.

Однако, рядомъ съ такимъ эпикурейскимъ взглядомъ на жизнь и поэзію у Дельвига иногда мелькаетъ иное воззрѣніе, являющееся рѣзкимъ диссонансомъ къ общему его настроенію: онъ начинаетъ говорить о безсмертіи и славѣ въ грядущихъ вѣкахъ, для него исчезаетъ идеалъ безбурной жизни, онъ вступаетъ въ разладъ со своими современниками, которые его гонятъ, презираютъ. Подобное положеніе поэта рисуется Дельвигомъ въ сонетѣ «Вдохновеніе»:

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ питомецъ музъ цѣнитъ,

Какъ мученикъ—съ землею разлученье.
Въ друзьяхъ обманъ, въ любви—разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ, восторженный піитъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье.
И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками,
Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей,
И дѣлится безсмертіемъ съ богами!

Если мы разсмотримъ небольшое поэтическое наслѣдіе, оставленное намъ Дельвигомъ, то мы увидимъ, что оно почти сплошь состоитъ изъ такихъ произведеній, которыя соотвѣтствуютъ его основному эпикурейскому воззрѣнію на поэзію, и лучшими изъ его стихотвореній надо считать его идилліи: въ нихъ поэтъ нашелъ свою сферу, рисуя безпритязательныя картинки тихой жизни, и изъ новѣйшихъ идиллій онѣ ближе всего подходятъ къ образцамъ, завѣщаннымъ классическимъ міромъ. Здѣсь нѣтъ разукрашенныхъ пастушковъ и пастушекъ, созданныхъ идилліей XVIII вѣка, здѣсь дѣйствительно представляется простая, будничная жизнь, идеализированная, но не искаженная. Видно, что такая жизнь болѣе подходитъ къ симпатіямъ самого поэта, и воплощая ее въ своемъ творчествѣ, онъ далъ нѣчто цѣнное «грядущимъ вѣкамъ».

Этого нельзя сказать о другихъ произведеніяхъ Дельвига. Правда, и въ нихъ поэтъ восхваляетъ дружбу, любовь, веселье, вино, но оригинальнаго въ нихъ нѣтъ ни въ формѣ, ни въ содержаніи. Онъ писалъ ихъ какъ-то между дѣломъ, дѣйствительно приплетая лѣниво риѳму къ риѳмѣ, отчего весьма часто получались разныя «поэтическія вольности, которыя скорѣе можно назвать крупными недочетами формы. Такъ, напримѣръ, мы находимъ не особенно удачныя риѳмы: «бомбастъ» и «часть», «запылалъ« и «обнялъ», «Зевесъ» и «слезъ», «вертясь» и «глазъ», «поднебесна» и «желѣзна», или архаическія формы «взмущаетъ», «мещетъ», неправильныя ударенія «дыша́тъ», «клони́тся», «цѣни́гъ», «про́спалъ», странную попытку ввести въ стихъ древній пріемъ сліянія: «другъ на другѣ остановите», при чемъ два слога (*другъ остановите*) сливаются въ одинъ.

Уже одна эта необработанность формы не позволяетъ слишкомъ сближать Дельвига съ Пушкинымъ; что же касается содер-

жанія, то слѣдуетъ сказать, что изъ богатѣйшаго разнообразія пушкинскихъ поэтическихъ мотивовъ Дельвигъ почерпнулъ очень немного. Онъ отмежевалъ себѣ самый незначительный уголокъ, но остался чуждъ многому изъ того, что волновало его геніальнаго друга. Ему совершенно чужды интересы общественные, и поэтическая свобода для него совсѣмъ не имѣетъ того значенія, какъ для Пушкина.

II.

Другой другъ Пушкина, Н. М. Языковъ, по содержанію своей поэзіи отличается большею широтою, чѣмъ Дельвигъ, но, пожалуй, въ такой же степени, какъ и Дельвигъ, имѣетъ мало правъ на титулъ хранителя Пушкинской традиціи.

Первое впечатлѣніе, произведенное стихотвореніями Языкова, было очень для нихъ благопріятнымъ. «Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его, — говоритъ Гоголь [1]), — всѣмъ послышалась новая лира, разгулъ и буйство силъ, удаль всякаго выраженія, свѣтъ молодого восторга и языкъ, который въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину еще не являлся дотолѣ ни въ комъ. Имя Языковъ пришлось ему недаромъ; владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно, заключитъ и замкнетъ такъ, что остановишься пораженный. Все, что выражаетъ силу молодости, не разслабленной, но могучей, полной будущаго, стало вдругъ предметомъ стиховъ его. Такъ и брызжетъ юношеская свѣжесть отъ всего, къ чему онъ ни прикоснется... Все, что вызываетъ въ юношѣ отвагу — море, волны, буря, пиры и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на дѣло, твердая какъ кремень, вѣра въ будущее, готовность ратовать за отчизну—выражается у него съ силою неестественною».

Почти въ то же время, когда написанъ былъ Гоголемъ этотъ отзывъ о поэзіи Языкова, мы встрѣчаемся съ діаметрально-противоположнымъ сужденіемъ, принадлежащимъ Бѣлинскому. Напомнивъ, что въ эпоху Пушкина произошла сильная реакція прежнему риторическому направленію поэзіи, причемъ, «всѣ захотѣли быть народными, каждый по своему», и «Языковъ началъ брать слова и предметы изъ житейскаго русскаго міра,

[1]) Сочиненія. т. IV, стр. 188.

запѣлъ русскимъ удальцомъ», Бѣлинскій указываетъ, что «тутъ прогрессъ былъ только въ намѣреніи, а въ исполненіе забралась та же риторика, которая водянила и прежнюю поэзію». Такимъ образомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, «риторизмъ есть главная основа всей поэзіи Языкова. Всѣ его ухарскія и мило-забубенныя выходки, его молодое буйство и чудное пьянство явились въ печати не какъ выраженіе дѣйствительности (чѣмъ должна быть всякая истинная поэзія), а такъ, только для *красоты слога*, какъ говоритъ Маниловъ. Кстати о риторикѣ: перечтите его пьесы: *Олегъ*, *Евпатій*, *Пѣсня короля Регнера*, *Ливонія*, *Кудесникъ*, *Новогородская пѣсня*, *Усладъ*, *Меченосецъ Аранъ*, *Пѣснь Баяна*; что такое все это, если не риторика, хотя и не лишенная своего рода изящества? Тутъ славяне полубаснословныхъ временъ Святослава и русскіе XIII вѣка говорятъ и чувствуютъ, какъ ливонскіе рыцари которые, въ свою очередь, очень похожи на нѣмецкихъ буршей; тутъ ни въ чемъ нѣтъ истины—ни въ содержаніи, ни въ краскахъ, ни въ тонѣ. А тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя, нѣтъ никакой истины въ чувствѣ, мысль придумана, произвольно кончена, стихъ блестящъ, бросается въ глаза, поражаетъ слухъ своею необыкновенностью, и читатель только до тѣхъ поръ признаетъ его прекраснымъ, пока не дастъ себѣ труда присмотрѣться и прислушаться къ нему». Приведя затѣмъ рядъ примѣровъ неточныхъ и вычурныхъ выраженій, встрѣчающихся въ стихотвореніяхъ Языкова, Бѣлинскій главнымъ недостаткомъ поэта признаетъ дѣланность и неискренность, особенно проявляющуюся въ стремленіи къ народному колориту. «Какъ ему (т. е. Языкову), говоритъ Бѣлинскій,—во что бы то ни стало, надо быть народнымъ и какъ поэзія для него есть только маскарадъ, то, являясь въ печати, онъ старается закрыть свой фракъ зипуномъ, поглаживаетъ свою накладную бороду, и, чтобы ни въ чемъ не отстать отъ народа, такъ и щеголяетъ въ своихъ стихахъ и грубостью чувствъ и выраженій. По его мнѣнію, это, значитъ быть народнымъ! Хороша народность! Кому не дано быть народнымъ и кто хочетъ сдѣлаться имъ насильно, тотъ непремѣнно будетъ простонароднымъ, или вульгарнымъ. У г. Языкова нѣтъ ни одного стихотворенія, въ которомъ не было бы хотя одного слова, некстати поставленнаго, или изысканнаго и фигурнаго... Правда, встрѣчаются у него иногда и весьма счастливые и ловкіе стихи, но они всегда перемѣшаны съ несчастными и неловкими... Въ эсте-

тическомъ отношеніи общій характеръ поэзіи Языкова чисто-риторическій, основаніе зыбко, паѳосъ бѣденъ, краски ложны, а содержаніе и форма лишены истины. Главный ея недостатокъ составляетъ та холодность, которую такъ справедливо находилъ Пушкинъ, въ своемъ произведеніи Русланъ и Людмила. Муза г. Языкова не понимаетъ простой красоты, исполненной спокойной внутренней силы: она любитъ во всемъ одну яркую и шумную, одну эффектную сторону... Повидимому, поэзія г. Языкова исполнена бурнаго, огненнаго вдохновенія; но это не болѣе, какъ разноцвѣтный огонь отразившагося на льдинѣ солнца» [1])...

Противопоставляя этотъ рѣзкій отзывъ Бѣлинскаго приведеннымъ выше словамъ Гоголя, мы должны, однако, оговориться, такъ какъ Гоголь въ той же самой главѣ изъ «Переписки съ друзьями» высказываетъ дальше и нѣсколько иное сужденіе о Языковѣ. «Всѣхъ глаза,—замѣчаетъ онъ,—устремились на Языкова. Всѣ ждали чего-то необыкновеннаго отъ новаго поэта, отъ стиховъ котораго пронеслась такая богатырская похвальба совершить какое-то могучее дѣло. Но дѣла не дождались. Вышло еще нѣсколько стихотвореній, повторившихъ слабѣе то же самое; потомъ тяжелая болѣзнь посѣтила поэта и отразилась на его духѣ. Въ послѣднихъ стихахъ его не было ничего, шевелившаго русскую душу. Въ нихъ раздались скучанія среди нѣмецкихъ городовъ, безучастныя записки разъѣздовъ, перечень однообразно-страдальческаго дня. Все это было мертво русскому духу. Не примѣтили даже необыкновенной отработки позднѣйшихъ стиховъ его. Его языкъ, еще болѣе окрѣпнувшій, ему же послужилъ въ улику: онъ былъ на тощихъ мысляхъ и бѣдномъ содержаніи, что панцырь богатыря на хиломъ тѣлѣ карлика. Стали говорить даже, что у Языкова нѣтъ вовсе мыслей, а одни пустозвонкіе стихи, и что онъ даже не поэтъ. Все пришло противу него въ ропотъ, отголоски этого ропота раздались нелѣпо въ журналахъ, но въ основаніи ихъ была правда».

Въ приведенныхъ отзывахъ съ разныхъ точекъ зрѣнія въ сущности указывается въ поэзіи Языкова одно основное свойство: какая-то широкая удаль, выражающаяся въ весьма яркихъ формахъ. Гоголь вѣритъ въ искренность вдохновенія Языкова, когда вспоминаетъ стихотворенія, относящіяся къ первой порѣ его творчества; Бѣлинскій же этой искренности почти совсѣмъ

[1]) Бѣлинскій. Сочиненія, т. IX. стр. 254—272.

не находитъ, видя въ произведеніяхъ Языкова одинъ лишь риторизмъ.

Но какъ же судитъ о своемъ творчествѣ самъ поэтъ? Каковы тѣ общія требованія, которыя имъ предъявляются къ поэзіи? Въ какой степени подходятъ его собственныя произведенія подъ указываемую имъ мѣрку?

Если мы начнемъ доискиваться отвѣта на эти вопросы, мы увидимъ, что онъ далеко не можетъ быть опредѣленнымъ, такъ какъ у Языкова проглядываетъ какая-то двойственность въ его воззрѣніяхъ на поэзію. Съ одной стороны, поэзія представляется ему, какъ важное дѣло, какъ исполненіе нѣкоторыхъ высшихъ велѣній, а съ другой—она оказывается простою забавою, одной изъ принадлежностей эпикурейски-вакхическаго времяпрепровожденія.

При возвышенномъ взглядѣ на поэзію, первымъ условіемъ ея развитія представляется ея свобода: поэтъ не ищетъ славы у толпы, онъ выше людской суеты и идетъ къ возвышенной идеальной цѣли совершенно самостоятельно. Эта мысль выражена Языковымъ въ стихотвореніи «Поэтъ», относящемся къ 1824 году.

Искать ли славнаго вѣнца
На полѣ рабскихъ состязаній,
Тревожа слабыя сердца,
Сбирая нищенскія дани?
Сія народная хвала,
Сей говоръ близкаго забвенія,
Вознаградитъ ли музѣ пѣнья
Ея священныя дѣла?
Кто ихъ постигнетъ? Геній вспыхнетъ—
Толпа любуется на свѣтъ,
Шумитъ, шумитъ, шумитъ—затихнетъ:
И это слава нашихъ лѣтъ!
Такъ мыслитъ юноша-поэтъ.
Пока въ душѣ его желанья
Мелькаютъ темныя, какъ сонъ,
И твердый гласъ самосознанья
Не возвѣстилъ ему, кто онъ.
И вдругъ надеждой величавой
Свои предвидя торжества
Безпечный—право иль не право
Его привѣтствуетъ молва—
За независимою славой
Пойдетъ любимецъ божества;
Въ немъ гордость смѣлая проснется:

Свободенъ, веселъ, полонъ силъ,
Орелъ великій встрепенется,
Расширитъ крылья и взовьется
Къ безсмертной области свѣтилъ!

Слава представляется поэту «независимой», а высшая его цѣль—стремленіе «къ безсмертной области свѣтилъ». Поэтъ желаетъ «свершить возвышенное дѣло», какъ онъ выражается въ стихотвореніи «Къ Вульфу», и смотритъ на себя, какъ на избранника небесъ, который священодѣйствуетъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ стихотворенія «Катенькѣ Моіеръ», относящагося къ 1827 году:

Благословенны тѣ мгновенья,
Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
Предъ онмамомъ вдохновенья
Священодѣйствуетъ поэтъ.
Какъ мысль о небѣ, величавы,
Торжественны его слова,
Ихъ принимаютъ крылья славы,
Имъ изумляется молва!
Но и тогда, какъ онъ играетъ
Своимъ возвышеннымъ умомъ,
Онъ преисполненъ, онъ сіяетъ
Его хранящимъ божествомъ.
И часто даромъ прорицанья
Творящей прихоти сыны,
Его небрежныя созданья,
Его мечты озарены.

Наиболѣе яркое выраженіе этого возвышеннаго взгляда на поэзію мы находимъ у Языкова въ прекрасномъ стихотвореніи «Поэту», написанномъ въ 1831 г. Вдохновеніе для поэта есть небесный даръ, и его творчество есть высокій подвигъ, подобный пророческому служенію. Паралелль между пророкомъ и поэтомъ прямо напоминаетъ извѣстное произведеніе Пушкина, а въ такомъ воззрѣніи на задачи поэзіи Языковъ дѣйствительно близокъ къ своему геніальному другу. Вотъ какъ обращается онъ къ поэту:

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда въ тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ:
Могучей мысли свѣтъ и жаръ

И огнедышущее слово:
Иди ты въ міръ.—да слышитъ онъ пророка;
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ.
Не лобызай сахарныхъ устъ порока.
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы.
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь. какъ голубица.
Смѣлъ и отваженъ. какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается. ихъ;
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!

Таковъ высокій удѣлъ поэта, если онъ вѣренъ своему божественному призванію, если онъ хранитъ свою духовную независимость; въ противномъ случаѣ, когда онъ начинаетъ угождать земнымъ силамъ, его ожидаетъ тяжкая судьбина:

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ·
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ.
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ.
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ.
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

Подобное же возвышенное представленіе о задачахъ поэзіи, какъ пророческаго дара возвѣщать божественную волю, выражать велѣнія идеальныя, мы видимъ у Языкова въ извѣстномъ стихотвореніи «Землетрясеніе», въ слѣдующихъ его словахъ:

Такъ ты. поэтъ. въ годину страха
И колебанія земли.
Носись душой превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли.
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины.
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Однако, всѣ приведенныя мнѣнія о высокомъ призваніи поэта, о необходимости для него духовной независимости, мнѣнія, со-

впадающія съ тѣмъ, что мы находимъ у Пушкина, высказываются Языковымъ часто рядомъ съ совершенно иными воззрѣніями, обнаруживается, какъ мы уже выше сказали, какая-то странная двойственность въ воззрѣніяхъ поэта, причемъ иногда эта двойственность замѣчается въ одномъ и томъ же произведеніи. Мы видимъ, что та свобода, которой поэтъ требуетъ для осуществленія высокихъ идеаловъ, оказывается нужной ему вовсе не для особенно важныхъ цѣлей, что она переходитъ въ какую-то совсѣмъ не идеальную разнузданность. Такъ, въ 1839 г. Языковъ обращается къ начинавшему свое литературное поприще графу В. А. Соллогубу съ слѣдующимъ привѣтомъ:

Привѣтствую тебя подъ знаменемъ Камены,
  На много, много славныхъ дѣлъ!
Люби ее всегда, не жди отъ ней измѣны
  Ея любовью твердъ и смѣлъ!
Обманчивой волной молвы не увлекайся,
  Не вѣрь ни бранямъ, ни хваламъ
Продажныхъ голосовъ, въ ихъ споры не мѣшайся,
  Въ ихъ непристойный крикъ и гласъ,
Но чувствуя себя, судьбы своей высокой
  Не забывая никогда,
Но тихъ и величавъ, проникнутый глубоко
  Святыней чистаго труда,
Будь самъ себѣ судьей, суди себя сурово...
  И паче всякаго грѣха
Бѣги ты лѣни: въ ней слабѣютъ умъ и слово,
  Полетъ мечты и звонъ стиха.
Ты будь неутомимъ!...

Казалось бы, послѣ такого привѣтствія, въ которомъ развивается извѣстная Пушкинская мысль о томъ, что поэтъ—«самъ свой высшій судъ», послѣ этого призыва къ плодотворной работѣ, совсѣмъ неумѣстно толковать о поэзіи, какъ объ одномъ изъ видовъ эпикурейскаго времяпрепровожденія, между тѣмъ нѣсколькими строками далѣе Языковъ, приглашая къ себѣ своего друга, говоритъ ему:

  Тогда каминъ, домашній другъ
Моихъ парнасскихъ дѣлъ, янтарнымъ, яркимъ пыломъ
  Освѣтитъ мирный нашъ досугъ,
И мы, по способу пѣвца Вильгельма Телля,
  Составимъ славное питье,
И будемъ бражничать и вмѣстѣ полны хмѣля,

Помянемъ дерптское житье,
И наши прошлыя, лирическія лѣта;
Потомъ давай твоихъ стиховъ
И прозы, все читай! и т. д.

Благодаря такому эпикуреизму во взглядѣ на поэзію, Языковъ иногда прямо не можетъ понять молодого дарованія, встрѣчающагося ему на пути. Чѣмъ, какъ не полнѣйшимъ непониманіемъ, можно объяснить посвященіе И. С. Аксакову, поэту, почти исключительно вдохновлявшемуся мотивами общественными, слѣдующаго стихотворенія?

Прекрасны твои пѣснопѣнья живыя,
И сильны, и чисты, и звонки они:
Да будутъ же годы твои молодые
Прекрасны, какъ ясные вешніе дни!
Бѣги ты далече отъ шумнаго свѣта,
Не знай вавилонскихъ работъ и заботъ:
Живи ты высокою жизнью поэта
И пой, какъ дубравная птица поетъ
На волѣ; и если тебя очаруетъ
Красавица—роза, не бойся любви:
Пускай она нѣжитъ, томитъ и волнуетъ
Глубоко всѣ юныя силы твои:
Въ груди благородной любовь пробуждаетъ
Высокія чувства—и ею полна,
Свѣтло, сладко-звучно бѣжитъ и сверкаетъ
Сердечнаго слова живая волна.
Безпечно и смѣло любви предавайся,
Поэтъ! и безъ умолку пой ты объ ней
Счастливыя пѣсни—и весь выпѣвайся
Красавицѣ-розѣ, пѣвецъ-соловей!
И бури, и грозы чтобъ вѣкъ не взрывали
Тѣхъ сѣней, гдѣ счастье себѣ ты нашелъ,
И пѣснямъ твоимъ чтобы тамъ не мѣшали
Ни хитрая кошка, ни критикъ-оселъ.

Только при полномъ непониманіи поэтической натуры И. С. Аксакова возможно было назвать его «пѣвцемъ-соловьемъ» и уподоблять его «дубравной птицѣ», и подобное курьезное непониманіе намъ объясняется, когда мы вглядываемся внимательнѣе въ сужденія Языкова вообще о поэзіи. Для него тѣ возвышенныя идеи, которыя выражены въ цитированныхъ нами его произведеніяхъ, были въ сущности лишь одними словами. Высокое вдохновеніе, о которомъ онъ говорилъ, порой отождествлялось для него съ громкой шумихой фразъ: не даромъ пресловутый

авторъ фальшивонадутыхъ одъ, гр. Д. И. Хвостовъ, представлялся Языкову «почтеннымъ старцемъ Аполлона», и другъ Пушкина, постоянно смѣявшагося надъ знаменитымъ одописцемъ, нашелъ возможнымъ посвятить графу Хвостову такіе стихи:

Слуга отечественной славы,
Ты пѣлъ побѣды и забавы
Благословеннаго царя,
Кубры серебряныя воды,
И ужасъ невской непогоды,
И юга бурныя моря.
Ты украшалъ, разнообразилъ
Странноприимный нашъ Парнасъ,
И зависти коварной глазъ
Твой поэзіи не сглазилъ.

Послѣ этого восхваленія Хвостову нисколько не удивительны тѣ восторги, съ которыми обращался Языковъ къ довольно посредственной поэтессѣ, Каролинѣ Павловой. Напыщенная риторика этой виршеслагательницы казалась Языкову истинной поэзіей, и онъ безъ всякой мѣры прославлялъ стихи Павловой, увѣряя, что ей

...дался языкъ нашъ чудной
Метальный, звонкій, самогудный,
Разумный, мѣткій нашъ языкъ.

Звучная форма для Языкова являлась часто самой сущностью поэзіи, отсюда истекалъ его собственный риторизмъ, такъ хорошо подмѣченный Бѣлинскимъ; отсюда же, пожалуй, происходили его сужденія о поэтической свободѣ, не имѣющія ничего общаго съ тѣми его воззрѣніями, о которыхъ мы говорили выше, Та свобода, которая необходима для высокихъ моментовъ вдохновенія, часто оказывалась просто разгуломъ, и Языковъ дѣлалъ такія признанія:

Мы, поэты, въ юны годы
Беззаботно мы живемъ,
Черезчуръ своей свободы
Упиваяся виномъ:
Таковы ужъ отъ природы
Всѣ поэты.—Но куда
Намъ главу склонить? Что краше
Молодой свободы нашей,
Чистой, ясной?

Лучше всего представленіе о подобной свободѣ характеризуется стихотвореніемъ «Кубокъ», въ которомъ Языковъ говоритъ объ источникахъ вдохновенія, далеко не общественныхъ. Въ виду такой характерности этого произведенія, позволяемъ себѣ привести его цѣликомъ:

Восхитительно играетъ
Драгоцѣнное вино!
Снѣжной пѣною вскипаетъ,
Златомъ искрится оно!
Услаждающая влага
Оживитъ тебя всего:
Вспыхнутъ радость и отвага
Блескомъ взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И, какъ волны за волнами,
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова.
Строенъ, пышенъ міръ житейскій
Развернется предъ тобой..
Много силы чародѣйской
Въ этой влагѣ золотой!
И любовь развеселяетъ
Человѣка, и она
Животворно въ немъ играетъ,
Столь же сладостно сильна:
Въ дни прекраснаго расцвѣта
Поэтическихъ заботъ
Ей дѣятельность поэта
Дани дивныя несетъ:
Молодое сердце бьется,
То притихнетъ и дрожитъ,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнетъ, взовьется
И куда-то улетитъ!
И послушно имя дѣвы
Встанетъ въ лики звучныхъ словъ,
И сроднятся съ нимъ напѣвы
Вѣчно-памятныхъ стиховъ!
Дѣва радость, величайся
Рѣдкой славою любви,
Настоящему ввѣряйся,
И мгновенія лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!
Кубокъ взялъ: душѣ угодны
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ;

Сѣлъ и напилъ: ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой:
Съ разу кубокъ выпиваетъ,
И высоко поднимаетъ,
И надъ буйной головой
Держитъ. Рѣчь его струится
Безмятежно весела,
А въ рукѣ еще таится
Жребій бреннаго стекла!

Какъ въ этомъ стихотвореніи, такъ и во множествѣ другихъ своихъ произведеній Языковъ воспѣваетъ вино, любовь, веселье, разгулъ. Въ сущности въ этомъ и заключается та «студентская» свобода, о которой онъ съ восторгомъ вспоминаетъ до послѣднихъ годовъ своей поэтической дѣятельности. Эти вакхическіе мотивы болѣе всего вдохновляютъ Языкова, и его «огнедышущее слово» слишкомъ ужъ часто является отраженіемъ его «чуднаго пьянства» и слишкомъ много рисуетъ сладострастныхъ образовъ. Нужно при этомъ замѣтить, что во всѣхъ этихъ восторгахъ постоянно чувствуется риторика, слышится трескъ громкихъ фразъ и не разъ являются повторенія. Сколько, напримѣръ, напускного въ слѣдующей «Элегіи»:

Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи
Тебя руками обогнуть:
Челомъ къ чело, очами въ очи,
Уста въ уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный твой лепетъ
Лобзаньемъ пылкимъ прерывалъ,
И смуглыхъ персей дикій трепетъ
То усыплялъ, то пробуждалъ!...
Но тотъ блаженнѣй, дѣва ночи,
Кто въ умиленіи любви
Глядитъ на огненныя очи,
На брови дивныя твои,
На свѣжесть устъ твоихъ пурпурныхъ,
На черноту младыхъ кудрей,
Забывъ и жаръ восторговъ бурныхъ,
И силы юности своей!

Тотъ же характеръ и другой «Элегіи»:

Ночь безлунная—звѣздами
Убирала синій сводъ;
Тихи были зыби водъ:
Подъ зелеными кустами

Сладко, дѣва красота,
Я сжималъ тебя руками;
Я горячими устами
Цѣловалъ тебя въ уста;
Страстнымъ жаромъ подымались
Перси полныя твои;
Разлетаясь, развивались
Черныхъ локоновъ струи;
Закрывала, открывала
Ты лазурь своихъ очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая къ моей.

Приведенные стихи, право, нисколько не лучше трескучихъ произведеній Бенедиктова; въ нихъ видна какая-то поддѣлка подъ чувство, и эта фальшь лишаетъ ихъ почти всякой поэзіи. Совершенно справедливо указываетъ Бѣлинскій, что «сладострастіе этихъ стиховъ холодное», что въ нихъ «шалость воображенія» и что муза Языкова только «прикидывается вакханкою». У Языкова именно нѣтъ той правдивости чувства и его выраженія, которая составляетъ отличіе истинной поэзіи и такъ насъ чаруетъ въ произведеніяхъ Пушкина, а безъ этой правдивости, дѣйствительно, является риторизмъ.

Тотъ же самый риторизмъ легко замѣтить въ разныхъ стихотвореніяхъ Языкова на историческія темы или съ характеромъ патріотическимъ. Настоящаго одушевленія въ нихъ совсѣмъ не найдемъ,—оно замѣняется тенденціозностью.

Есть, однако, такія сферы, въ которыхъ талантъ Языкова проявляется вполнѣ свободно и даетъ созданія высоко-художественныя; это русскій сказочный міръ и область религіозныхъ мотивовъ. Въ своихъ сказкахъ Языковъ вполнѣ народенъ, а касаясь религіозныхъ темъ, онъ достигаетъ высокаго паѳоса. Тутъ являются драгоцѣнные перлы поэзіи, потому что Языковъ вѣренъ тому высокому назначенію, которое, какъ мы видѣли, онъ самъ такъ прекрасно характеризовалъ. Особенно возвышеннымъ въ ряду религіозныхъ произведеній Языкова надо признать извѣстное «Подражаніе псалму XIV», начинающееся стихами: «Кому о, Господи, доступны Твои Сіонски высоты?» Въ этомъ подражаніи намъ еще разъ открывается взглядъ на поэзію, какъ на исполненіе божественныхъ велѣній. Поэтъ есть святой избранникъ Бога:

Возьметъ ли арфу: пивной злой
Духъ преисполнится его,
И какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

Если бы Языковъ могъ оставаться вѣрнымъ такому высокому настроенію, его поэзія имѣла бы, конечно, иное значеніе, и онъ былъ бы неизмѣримо ближе къ Пушкину, чѣмъ въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ его муза прикидывается вакханкою, или въ которыхъ иногда подъ видомъ свободы творчества является служеніе извѣстнымъ тенденціямъ. Но этого не было, и эстетическая оцѣнка поэзіи Языкова, произведенная Бѣлинскимъ, навсегда остается правильною.

III.

Не ослѣпленъ я музою моею.
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ,
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ
Ни склонности у нея, ни дара нѣтъ.
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой,
И онъ скорѣй, чѣмъ кѣмъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

Этими стихами Баратынскій самъ лучше всего охарактеризовалъ значеніе своей поэзіи; она дѣйствительно не привлекаетъ своей внѣшней красотой, въ ней нѣтъ блеска, роскоши картинъ, но тѣмъ не менѣе мимо нея нельзя пройти, не обративъ вниманія на ея «необщее выраженье». Въ ней есть какая-то своеобразная черта, которая не позволитъ отнестись къ ней небрежно, а, напротивъ, вызываетъ вдумчивое къ ней отношеніе, стремленіе проникнуть въ ея глубину. Если въ поэзіи Дельвига внѣ эпикуреизма почти не видно содержанія, если Языковъ слишкомъ часто впадаетъ въ холодный риторизмъ, то у Баратынскаго ясно обнаруживаются глубокая мысль и искреннее чувство, выраженныя притомъ въ прекрасной, высоко-поэтической формѣ.

«Необщимъ выраженьемъ», отличительной чертой музы Баратынскаго является элегическое раздумье, переходящее въ безотрадный пессимизмъ. Баратынскій, какъ на это указывалъ С. А.

Андріевскій,—самый пессимистическій изъ нашихъ поэтовъ. Созерцая дѣла людей, поэтъ рисуетъ себѣ мрачныя картины будущаго, и его настроеніе при этомъ можетъ быть кратко передано знаменитыми словами библейской книги: «суета суетъ и всяческая суета». Всего ярче подобное настроеніе высказалось въ стихотвореніи «Послѣдняя смерть», въ которомъ онъ разсказываетъ о видѣніи, представшемъ ему «во глубинѣ полночной темноты». Въ прекрасныхъ стихахъ онъ изображаетъ, какъ «раскрылися грядущіе года». Прежде всего появляется свѣтлая картина человѣческаго прогресса:

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ:
Вездѣ искусствъ, обилія примѣты;
Близъ веси весь и подлѣ града градъ,
Вездѣ дворцы, театры, водометы,
Вездѣ народъ и хитрый свой законъ
Стихіи всѣ признать заставилъ онъ;
Ужъ онъ морей мятежныя пучины
На островахъ искусственныхъ селилъ,
Ужъ разсѣкалъ небесныя равнины
По прихоти имъ вымышленныхъ крилъ;
Все на землѣ движеніемъ дышало,
Все на землѣ какъ будто ликовало.
Исчезнули безплодные годы,
Оратаи по волѣ призывали
Вѣтра, дожди, жары и холода;
И вѣрною сторицей воздавали
Посѣвы имъ, и хищный звѣрь исчезъ
Во тьмѣ лѣсовъ, и въ высотѣ небесъ,
И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ,
И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ.

Однако, эта чудная картина, созданная успѣхами человѣческаго разума, смѣняется другимъ видѣніемъ:

Наставшую эпоху я съ трудомъ
Постигнуть могъ смутившимся умомъ.
Глаза мои людей не узнавали:
Привыкшіе къ обилью дольныхъ благъ,
На все они спокойные взирали,
Что суеты рождало въ ихъ отцахъ,
Что мысли ихъ, что страсти ихъ, бывало,
Влеченіемъ всесильнымъ увлекало.
Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубаго влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья.

И въ полное владѣніе свое
Фантазія взяла ихъ бытіе.
И умственной природѣ уступила
Тѣлесная природа между нихъ:
Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ уносила
Живая мысль на крыльяхъ своихъ;
Но по землѣ съ трудомъ они ступали.
И браки ихъ безплодны требывали.

Но проходятъ еще вѣка, и видѣніе становится совсѣмъ ужаснымъ. Отъ того упадка, который представленъ въ предыдущей картинѣ, поэтъ переходитъ къ созерцанію полной гибели всего живого:

Ходила смерть по сушѣ по водамъ.
Свершалася живущаго судьбина.
Гдѣ люди! Гдѣ? скрывалися въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали:
Въ развалинахъ стояли города,
Но пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада:
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеяніе.
И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась.
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ,
По прежнему животворя природу.
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ надъ ней синѣя вился
И жертвою чистительной дымился.

Такъ должно въ концѣ-концовъ погибнуть все живущее, такъ исчезаетъ и то прекрасное зрѣлище успѣховъ человѣческаго просвѣщенія, которое предстало поэту въ первомъ видѣніи. Отсюда истекаетъ прямой выводъ о суетности тѣхъ благъ, которыя человѣкъ стремится пріобрѣсти наукой. Но вѣдь все это ожидаетъ насъ въ очень далекомъ будущемъ, до этого конца пройдетъ еще много вѣковъ, и за это время человѣчество насладится пріобрѣтеніемъ прогресса.

Въ этомъ сознаніи можно было бы найти много утѣшительнаго, однако, Баратынскій не можетъ примириться съ дѣйстви-

тельностью: матеріальный прогрессъ для него—та же суета; онъ жалѣетъ о минувшихъ временахъ, когда человѣкъ былъ проще, когда наука не касалась его и онъ жилъ одною жизнью съ природой.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
По-дѣтски вѣщаньемъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой.
Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала
. . . . . .
. . . . . .
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ:
Не чуждая жизнь въ ней дышала.

Но все измѣнилось съ просвѣщеніемъ, человѣкъ удалился отъ природы и лишился ея любви:

Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Просвѣщеніе уничтожаетъ всѣ тѣ идеальныя мечты, которыми живетъ человѣкъ, которыя ему безконечно дороги, и отсюда является рѣшеніе поэта отказаться отъ истины. Обращаясь къ истинѣ, онъ говоритъ:

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный
И страшенъ для живыхъ.
Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня; кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.
Прости! иль нѣтъ! когда мое свѣтило
На звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,
Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Предъ мыслью, которая снимаетъ всѣ покровы съ правды, «блѣднѣетъ жизнь земная», и наука представляется поэту только

какой-то суетной игрой, не приводящей ни къ какимъ плодотворнымъ результатамъ:

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ.
Старательно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнуть уповаемъ:
Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
Что наконецъ подсмотрятъ очи зорки?
Что наконецъ пойметъ надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ,
Что? Точный смыслъ народной поговорки.

Наука осмѣливается даже вторгаться въ чуждую ей область мечты и стремится даже ее поработить своимъ закономъ; наука хочетъ уничтожить въ насъ идеальныя стремленія,—насъ охватываетъ жизненная пошлость:

Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ.
Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь;
Намъ памятно небо родное,
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
Стремимся неяснымъ желаньемъ!...
Вотще! мы надолго отвержены имъ!
Сіяя красою надъ нами,
На бренную землю безпечно оно
Торжественный сводъ опираетъ...
Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ
Сгораетъ средь влаги прохладной,
Такъ, сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ,
Томимся мы жаждою счастья.

И это сознаніе бытія блаженнѣйшаго міра необходимо человѣку, мечта является его лучшею утѣшительницею въ бренномъ мірѣ, въ которомъ не можетъ быть счастья, а поэтому Баратынскому дорогъ его «бѣсенокъ», увлекающій его отъ созерцанія людской пошлости:

Когда въ задумчивомъ совѣтѣ
Съ самимъ собой, изъ-за угла
Гляжу на свѣтъ и, видя въ свѣтѣ
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильемъ сверженный законъ,
Я слабымъ сердцемъ возмущенъ:
Проворно шапку—невидимку
На шаръ земной набросить онъ;

Или въ мгновеніе зеницы,
Чудесный коврикъ—самолетъ
Онъ подо мною развернетъ
И коврикъ тотъ въ сады жаръ-птицы,
Въ чертоги дивной царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай, владѣнье грустной были,
Меня смущавшее доселѣ:
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

Мечта утѣшаетъ человѣка, вноситъ гармонію въ его возмущенную, тоскующую душу:

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупитъ заблужденье
И укротитъ бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И миръ отдастъ причастницѣ своей.

Полнѣе всего, по взгляду Баратынскаго, воплотилъ эту гармонію въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ Гете, и его памяти посвящено одно изъ лучшихъ стихотвореній нашего поэта; характеризуя разносторонность Гете, Баратынскій изображаетъ идеалъ творчества:

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ!
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.
Испытанъ, извѣданъ имъ весь человѣкъ.

Разносторонность есть одно изъ проявленій свободы творчества, поэтъ можетъ избирать для себя любой предметъ, такъ какъ «равны всѣ Музы красотой». Однако, будучи свободенъ въ выборѣ, онъ долженъ избѣгать «посторонней суеты», отъ дыханія которой исчезаютъ «созданья поэтической мечты».

Воспѣваетъ простодушный,
Онъ любовь и красоту,
И науки, чмъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля!

Поэтъ въ искусствѣ находитъ «возмездіе искусству», онъ устраняется отъ «заботы земной», уносясь въ «обитель духовъ» Онъ не обращаетъ вниманія на толпу, не ищетъ дешевой популярности, такъ какъ:

...Иногда толпы лѣнивый умъ
Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ.
И звучный отзывъ въ ней находитъ;
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголъ,
Что страстное земное перешелъ.

При подобномъ созерцательномъ взглядѣ на поэзію, какъ на нѣчто отрѣшенное отъ суетнаго земного міра, Баратынскій вполнѣ естестественно долженъ былъ чуждаться всякихъ попытокъ воздѣйствовать на людей, въ его творчествѣ совершенно исключался гражданскій, общественный элементъ, который былъ ему не по душѣ и на который онъ смотрѣлъ, какъ на вполнѣ безцѣльную трату дарованія. Въ посланіи къ Гнѣдичу онъ такъ объясняетъ это свое отчужденіе отъ гражданскихъ мотивовъ:

Того-ль я устрашу, кому не страшенъ судъ?
Кто въ сердцѣ должнаго укора не находитъ,
Кого и Божій гнѣвъ въ заботу не приводитъ,
Того-ли оскорбитъ язвительный языкъ!
. . . . . .
Нѣтъ, нѣтъ! разумный мужъ идетъ путемъ инымъ,
И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но сноситъ благонравно;
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, какъ дубу: будь осиной;
Межъ тѣмъ, какъ странны мы! Межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переиначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

Такимъ образомъ и въ поэзіи Баратынскаго, несмотря на ея высокое достоинство сравнительно съ произведеніями Дельвига и Языкова, мы находимъ болѣе узкое содержаніе, чѣмъ у Пушкина. Поэтъ рѣшительно исключаетъ изъ сферы своего творчества мотивы общественные, которые, какъ знаемъ мы, играли не малую роль въ поэзіи Пушкина. Ученіе о поэтической свободѣ понимается опять-таки иначе, чѣмъ Пушкинымъ, и Баратынскаго такъ же, какъ и Дельвига и Языкова, приходится считать послѣдователемъ Пушкина только въ весьма ограниченной степени, Всѣ эти поэты такъ называемой школы чистаго искусства въ своей дѣятельности выражали только отдѣльныя стороны богатѣйшаго поэтическаго наслѣдія, завѣщаннаго Пушкинымъ. Та высокая гармонія, которою отличается творчество Пушкина, могла быть доступна только генію, тогда какъ дарованія пѣвцовъ чистой поэзіи, далеко не могутъ считаться первостепенными, и для «грядущихъ вѣковъ» ихъ значеніе (особенно Дельвига и Языкова) весьма не велико.

Трудъ В. И. Семевскаго по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи [1].

О значеніи крестьянскаго вопроса во внутренней жизни русскаго государства въ послѣдніе два столѣтія было говорено такъ много, что распространяться о немъ вновь было бы повтореніемъ давно извѣстныхъ истинъ. Скажемъ только, что изъ внутреннихъ вопросовъ это былъ наиболѣе важный вопросъ, основной, касавшійся самыхъ устоевъ русской жизни, а между тѣмъ, несмотря на такую его важность, мы до сихъ поръ не имѣемъ полной его исторіи. Въ нашей литературѣ до послѣдняго времени не было отдѣльнаго труда, обнимающаго исторію крестьянскаго вопроса въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣковъ. Первую попытку представить очеркъ исторіи вопроса объ ограниченіи и уничтоженіи крѣпостного права до вступленія на престолъ императора Александра II сдѣлалъ г. Романовичъ-Славатинскій въ своемъ сочиненіи: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права». Того же вопроса касается г. Энгельманъ въ своей книгѣ «Die Leibeigenschaft in Russland», отдѣльныя стороны его затрагивали въ своихъ трудахъ гг. Мулловъ, Ходневъ, Иконниковъ, Вешняковъ, Заблоцкій-Десятовскій и др. Задачу, прослѣдить исторію вопроса во всемъ его объемѣ, какъ онъ отражался въ законодательныхъ и административныхъ сферахъ, въ литературѣ, наукѣ, въ общественныхъ кружкахъ, взялъ на себя В. И. Семевскій, авторъ извѣстнаго труда: «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II». Результатомъ его многолѣтнихъ работъ былъ цѣлый рядъ статей въ «Русской Мысли» и «Русской Старинѣ», составившихъ обширное двухтомное сочиненіе: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и въ первой половинѣ XIX вѣка».

Сочиненіе это составлено въ значительной степени на основаніи источниковъ неизданныхъ, хранящихся въ слѣдующихъ

[1]) Напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1889 г. № 7.

архивахъ: Вольно-экономическаго общества (отвѣты на задачи общества въ XVIII и первой четверти XIX вѣка, журналы и протоколы общества), министерства государственныхъ имуществъ (преимущественно дѣла бывшаго V отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи), кодификаціоннаго отдѣленія государственнаго совѣта (документы Екатерининской законодательной комиссіи и дѣла бывшаго II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи), Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (преимущественно переписка князей А. Д. и А. М. Голицыныхъ и нѣкоторыя рукописи библіотеки архива), рукописномъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки, Румянцевскомъ музеѣ и собраніи рукописей редакціи «Русской Старины», а также на основаніи принадлежащихъ автору рукописей (преимущественно копій съ дѣлопроизводства нѣсколькихъ секретныхъ комитетовъ въ царствованіе императора Николая по крестьянскому вопросу). Если къ этимъ матеріаламъ прибавить множество печатныхъ сочиненій, изданныхъ авторомъ, то получится чрезвычайно обширный кругъ источниковъ, и намъ станетъ понятна та полнота, которой авторъ достигъ въ своемъ изслѣдованіи.

Прежде чѣмъ познакомить читателей съ результатами труда В. И. Семевскаго, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его отношеніи къ своему предмету. Мы не можемъ отнестись иначе, какъ съ большимъ сочувствіемъ, къ объективности автора: представляя два общественныхъ направленія въ разбираемомъ имъ вопросѣ, консервативное и либеральное, авторъ проявляетъ далеко не заурядное безпристрастіе. Несмотря на свое сочувствіе либераламъ, стремившимся къ освобожденію крестьянъ, авторъ указываетъ, многія слабыя стороны ихъ проектовъ, происходившія частью отъ незнанія русской жизни, частью изъ эгоистическихъ побужденій, неоднократно высказываетъ мысль, что осуществленіе нѣкоторыхъ изъ ихъ проектовъ вмѣсто улучшенія крестьянскаго положенія должно было бы повести къ его ухудшенію, и признаетъ несомнѣнную заслугу за нѣкоторыми представителями консервативнаго направленія. Заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они удержали правительство отъ нѣкоторыхъ поспѣшныхъ шаговъ въ освобожденіи крестьянъ и указали, что освобожденіе не можетъ быть произведено безъ надѣла крестьянъ землею и безъ сохраненія общиннаго устройства, тогда какъ проекты нѣкоторыхъ либераловъ вели прямо къ обезземеленію крестьянъ и къ разрушенію общины. Такая

объективность позволила автору глубже вникнуть во многія стороны разбираемаго предмета и значительно увеличила цѣнность его труда. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы находимъ у автора рѣзкіе диссонансы съ общимъ тономъ произведенія: авторъ иногда не удерживается на почвѣ историческаго изслѣдованія и начинаетъ судить о близкой къ намъ современности, проводитъ параллели между старымъ и новымъ. Такъ, напр., изложивъ мнѣнія масона Поздѣева, отрицавшаго необходимость для крестьянъ свободы и требовавшаго отъ нихъ «предварительно освобожденія отъ слабостей и пороковъ», авторъ замѣчаетъ: «Какъ напоминаетъ это взгляды тѣхъ нашихъ современниковъ, которые такъ усердно кричатъ, что дѣло не въ общественныхъ реформахъ, а въ необходимости нравственнаго возрожденія людей, забывая, что извѣстный строй общества можетъ самымъ развращающимъ образомъ дѣйствовать на его членовъ, и что при этихъ условіяхъ проповѣдывать одно самоусовершенствованіе значитъ умышленно отвлекать вниманіе отъ настоятельной, необходимой и плодотворной работы». Послѣ этой тирады авторъ сравниваетъ мнѣніе Достоевскаго о современныхъ общественныхъ потребностяхъ со взглядами Поздѣева и Карамзина на крестьянскій вопросъ и продолжаетъ свою филиппику такимъ образомъ: «Этими указаніями мы хотимъ только побудить современныхъ защитниковъ общественнаго застоя поискать какихъ-нибудь новыхъ аргументовъ для подкрѣпленія своихъ взглядовъ, а не повторять затасканныхъ мнѣній Поздѣева, Карамзина и т. п. Если же они примыкаютъ къ нимъ въ одной части ихъ ученія, то для послѣдовательности слѣдовало бы принять и другую, т. е. объявить, что крѣпостное право было уничтожено преждевременно, и что если многіе освобожденные крестьяне находятся въ положеніи печальномъ, то это объясняется не недостатками самой реформы, не признаками экономическими, а нравственнымъ безобразіемъ народа, его наклонностью къ пьянству и другими пороками, получившими полный просторъ съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти. Только недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ провести далѣе эту поучительную параллель между крѣпостниками первой четверти нынѣшняго столѣтія и современными намъ защитниками общественнаго квіетизма».

Все это разсужденіе представляется чрезвычайно слабымъ и натянутымъ, опровергать его положительно не стоитъ труда, и мы очень довольны, что «недостатокъ мѣста» помѣшалъ автору

внести еще нѣсколько страницъ, которыя могли бы только портить его книгу.

Отмѣтимъ еще одно мѣсто, въ которомъ авторъ также отступаетъ отъ своего предмета, и также не совсѣмъ удачно. Объяснивъ роль славянофиловъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, авторъ обращается къ современному славянофильству и говоритъ: «Преемники стараго славянофильства должны были бы проявить уваженіе къ его принципамъ, употребивъ всѣ свои силы и способности на изученіе того народа, который такъ высоко ставили ихъ учителя. Но, за немногими исключеніями, они предпочли повторять общія отвлеченныя формулы славянофильства, не влагая въ нихъ новаго, живого содержанія, не примѣняя ихъ яснѣе къ потребностямъ жизни и иногда даже прямо игнорируя самыя настоятельныя народныя нужды (напомнимъ, напримѣръ, отношенія «Руси» къ вопросу о крестьянскомъ малоземельи). А въ то же время люди съ совершенно инымъ міровоззрѣніемъ, написавшіе на своемъ знамени «служеніе народу», положили много труда на изученіе русской народной жизни; теперь можно уже сказать безошибочно, что послѣдователямъ этихъ людей, а не недостойнымъ своихъ лучшихъ учителей эпигонамъ славянофильства принадлежитъ будущее». Рѣшительно не понимаемъ, къ чему понадобилось автору нападать на современныхъ славянофиловъ и даже обращать свой взоръ въ будущее, къ чему повторилъ онъ эти черезчуръ шаблонные и невѣрные упреки по адресу «эпигоновъ славянофильства». Вѣдь повторять такіе упреки, уничтожать однимъ почеркомъ пера цѣлое міросозерцаніе очень легко, но при томъ и не очень ли легкомысленно? Полагаемъ. что тирады, подобныя приведеннымъ, неумѣстны на страницахъ основательнаго, ученаго труда, какимъ является сочиненіе В. И. Семевскаго, и да не посѣтуетъ на насъ авторъ, если мы скажемъ, что подобныя мѣста въ его книгѣ производятъ самое непріятное впечатлѣніе. Но къ счастью такихъ мѣстъ очень немного, и они искупаются выдающимися достоинствами изслѣдованія.

Первая мысль объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи принадлежитъ извѣстному любимцу царевны Софьи, кн. В. В. Голицыну, который въ разговорѣ съ иностранцемъ Невилемъ высказалъ мнѣніе о необходимости «поставить Россію на одну доску съ другими государствами и первымъ средствомъ для этого считалъ

освобожденіе крестьянъ и предоставленіе имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ». Однако, Голицынъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу крестьянъ и первыя попытки остановить развитіе крѣпостного права относятся уже къ царствованію Петра Великаго. Петръ дозволилъ дворовымъ поступать въ военную службу и безъ согласія господина: крестьянамъ, производившимъ торговлю на извѣстную сумму, разрѣшено было приписываться къ городамъ и противъ желанія помѣщика; имѣнія помѣщиковъ, раззоряющихъ своихъ крестьянъ, приказано было отдавать въ управленіе родныхъ владѣльцевъ; сенату было повелѣно изыскать мѣры къ ограниченію продажи людей безъ земли. Но рядомъ съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что крѣпостное право усилилось при Петрѣ въ томъ отношеніи, что кабальные холопы, прежде освобождавшіеся со смертью владѣльца, были лишены этого права. При преемникахъ Петра крѣпостное право усиливалось и распространялось безъ всякихъ ограниченій: увеличилась численность крѣпостныхъ посредствомъ приписки по ревизіямъ и пожалованія населенныхъ имѣній, и кромѣ этого при императрицѣ Елизаветѣ помѣщикамъ предоставлено было право отправлять своихъ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе. Крѣпостное право казалось помѣщикамъ явленіемъ вполнѣ нормальнымъ, такъ какъ они сами были закрѣпощены государству вслѣдствіе обязательности службы, но манифестъ Петра III о вольности дворянства уничтожилъ это основаніе бытія крѣпостного права, и съ царствованія императрицы Екатерины II начинается рядъ мѣръ и проектовъ объ ограниченіи и окончательномъ упраздненіи зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Но прежде чѣмъ перейти къ царствованію Екатерины II, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ крестьянскому вопросу до-екатерининской литературы. Объ ограниченіи помѣщичьей власти говорилъ одинъ Посошковъ; онъ желалъ точнаго опредѣленія платежей и повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика и отдѣленія крестьянской земли отъ помѣщичьей. Татищевъ касался крестьянскаго вопроса только мимоходомъ, причемъ отзывался, что уничтоженіе крѣпостного права «съ нашею формою правленія монархическаго не согласуетъ, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно». Кантеміръ въ своихъ сатирахъ только изрѣдка говоритъ объ угнетенномъ положеніи крестьянъ. У Ломоносова мы находимъ только одну фразу, въ которой онъ упоминаетъ о «помѣщичьихъ отягошеніяхъ крестьянъ».

Обратимся къ императрицѣ Екатеринѣ, которая, какъ говоритъ В. И. Семевскій, «повидимому была самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы, если не довести до конца, то, по крайней мѣрѣ, начать измѣненіе быта крестьянъ». Еще будучи великой княгиней, она писала: «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными». Она предполагала уничтожить крѣпостное право, постепенно освобождая крестьянъ при переходѣ имѣній въ руки новыхъ владѣльцевъ; такое уничтоженіе рабства, по ея мнѣнію, должно было совершиться въ теченіе ста лѣтъ. Либеральныя вѣянія проявились сильнѣе всего въ началѣ царствованія Екатерины. По примѣру императрицы, и отчасти и по ея побужденію, крестьянскимъ вопросомъ стали заниматься въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Являются проекты ограниченія крѣпостнаго права (напр., П. И. Панина) и даже окончательнаго его упраздненія. Такъ, нашъ посланникъ въ Парижѣ, кн. Д. А. Голицынъ предлагалъ утвердить за крестьянами ихъ движимое имущество, дозволить имъ жаловаться на помѣщиковъ и даже даровать имъ личную свободу, безъ земли, при чемъ иниціатива такого освобожденія должна была прежде всего явиться въ дворцовыхъ имѣніяхъ; вся земля, по его предположеніямъ, должна была остаться за помѣщикомъ, крестьянинъ же обращался въ арендатора; конечно, такой либерализмъ былъ очень опасенъ: положеніе крестьянъ, если бы принять проектъ кн. Голицына, стало бы вполнѣ невыносимымъ. И. П. Елагинъ предлагалъ уступить крестьянамъ землю въ потомственное пользованіе и опредѣлить размѣръ ихъ платежей и работъ, но при этомъ онъ считалъ возможнымъ искусственно устроить дворы по 4 работника въ каждомъ, чѣмъ разрушалась крестьянская община. Не довольствуясь этими записками, императрица обратилась къ только что основавшемуся тогда вольному экономическому обществу съ вопросомъ объ устройствѣ крестьянской собственности. Общество объявило въ печати задачу на соисканіе преміи. Тема была поставлена такимъ образомъ: «что полезнѣе для общества,—чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности земли или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то и другое имѣніе простираться должны?». На эту задачу было прислано 162 отвѣта, изъ нихъ 7 русскихъ. Первую награду получилъ французъ Беарде-де-Лабей, онъ совѣтовалъ дать крестьянамъ личное освобожденіе и движимое имущество, земельный же надѣлъ, имъ предложенный,

слишкомъ малъ и обращаетъ крестьянина въ арендатора помѣщичьей земли. Наиболѣе либеральнымъ оказывается сочиненіе Граслена, который считалъ извращеніемъ естественнаго порядка какъ рабство, такъ и то положеніе вещей, когда правомъ собственности на землю пользуются люди, не занимающіеся ея обработкой. Изъ русскихъ сочиненій укажемъ мнѣніе Полѣнова:—онъ отнесся критически къ существовавшимъ отношеніямъ между помѣщиками и крѣпостными, требовалъ предоставленія крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе, прекращенія продажи крестьянъ въ розницу безъ земли, огражденія отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, точнаго опредѣленія его повинностей и предоставленія права выкупа на волю за опредѣленную сумму, хотя и ставилъ введеніе всѣхъ этихъ мѣръ въ зависимость отъ желанія помѣщиковъ. Сочиненіе Полѣнова оставалось не напечатаннымъ до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, такъ какъ критика современнаго строя отличается въ немъ большою рѣзкостью; напечатано было сочиненіе Беарде-де-Лабея.

Но прежде, чѣмъ рѣшено было печатать это произведеніе, крестьянскій вопросъ былъ поднятъ въ Комиссіи для составленія новаго уложенія. Изложенію преній Комиссіи предпошлемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ крестьянскому вопросу «Наказа» императрицы Екатерины. «Наказъ» составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ Монтескье, а у него мы находимъ такую фразу: «не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ»; поэтому и въ «Наказѣ» рѣчь идетъ не объ освобожденіи крестьянъ, а объ улучшеніи ихъ быта; главныя измѣненія, которыя требуются въ «Наказѣ»—были: опредѣленіе повинностей крестьянъ закономъ, огражденіе ихъ правъ на имущество, свобода ихъ браковъ и наказаніе помѣщиковъ, мучающихъ крестьянъ.

Обратимся къ Комиссіи для составленія новаго уложенія. Въ ней крестьянскій вопросъ возбудилъ сильнѣйшія пренія. Депутаты разныхъ сословій просили о разрѣшеніи владѣть крѣпостными и не дворянамъ, но эти притязанія встрѣтили энергичный отпоръ какъ со стороны дворянства, такъ и со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ не-дворянъ; такъ напр., сильно возражалъ противъ нихъ депутатъ Хоперской крѣпости, Алейниковъ. «Мы видимъ цѣлую Европу,—говорилъ онъ,—которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ. И не будетъ ли предо-

сужденія всѣмъ гг. депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами, когда по окончаніи сей высокославной комиссіи узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ, какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ и мы сами». Противъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ раздавалось въ Комиссіи не мало протестовъ, но дворяне отнеслись сочувственно только къ требованію запретить продажу людей по одиночкѣ. Особенно много возбудили споровъ предложенія депутата Коробьина: 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ, и 2) дать имъ право собственности на имѣніе. Въ предложеніи Коробьина была нѣкоторая неопредѣленность во второмъ пунктѣ, было не ясно, что понимаетъ онъ подъ «правомъ собственности на имѣніе»; нѣкоторые депутаты поняли его предложеніе такимъ образомъ, что онъ хочетъ отдать крестьянамъ въ собственность землю, и возстали противъ этого. Коробьинъ отвѣчалъ уклончиво, что въ его словахъ нѣтъ прямого требованія надѣлить крестьянъ землей, но все-таки не формулировалъ опредѣленно своихъ желаній. Сущность возраженій противъ перваго пункта предложенія Коробьина сводится къ тому, что невозможно опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Весьма важно было, что противники Коробьина указывали на вредъ, могущій произойти отъ предоставленія земли въ собственность крестьянамъ, съ правомъ ея отчужденія,—въ этихъ возраженіяхъ было указаніе на пагубность безземельнаго освобожденія.

Но каковъ же былъ результатъ всѣхъ этихъ записокъ, сочиненій на премію, разсужденій въ законодательныхъ комиссіяхъ? Результатъ былъ болѣе отвлеченный, теоретическій:—крестьянскій вопросъ былъ поставленъ въ первый разъ,—практическихъ же послѣдствій, какого-либо облегченія въ судьбѣ крѣпостныхъ, не было никакихъ. Тяжесть крѣпостнаго права вызвала среди крестьянъ сильное броженіе, а отъ теоретическихъ разсужденій имъ не становилось легче. Весьма возможно, что до нихъ доходили слухи о предлагаемыхъ реформахъ, и нетерпѣніе ихъ должно было еще болѣе разростаться. «Въ бывшей Комиссіи о сочиненіи уложенія», говоритъ авторъ одного изъ консервативныхъ разсужденій по крестьянскому вопросу, «неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли сію заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депу-

татами, и тщетно многими лучшими сынами отечества испроверженно было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить предлагаемаго имъ лѣкарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя несмышленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые по разъѣздѣ своемъ сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли». Но «злыя сѣмена» дали себя почувствовать только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда вспыхнула пугачевщина. Пугачевъ приманилъ къ себѣ крестьянъ обѣщаніемъ земли и свободы, чего не давала имъ императрица. Бибиковъ прекрасно понималъ значеніе Пугачева, говоря: «не Пугачевъ важенъ—важно общее негодованіе». Я. С. Сиверсъ, представляя по окончаніи бунта Государынѣ свои предположенія, что слѣдуетъ дѣлать, писалъ: «я позволю себѣ сказать, что неограниченное рабство погубитъ государство, и, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главною причиною волненій отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги». Но авторъ упомянутаго разсужденія не смущался такими соображеніями и полагалъ, что «за таковое всеобщее преступленіе слѣдовало бы крестьянъ, если бы и не были рабами, предать въ рабство, донеже искоренятся злыя сѣмена въ сердцахъ ихъ».

Въ обсужденіи крестьянскаго вопроса при Екатеринѣ II не малую роль играли литература и журналистика. Обличеніе злоупотребленій помѣщиковъ встрѣчаются въ сатирическихъ журналахъ, комедіяхъ императрицы, фонъ-Визина и Княжнина, стихотвореніяхъ и прозаическихъ статьяхъ Сумарокова, особенно же въ «Почтѣ Духовъ» и «Зрителѣ» Крылова. Но не всегда такія обличенія проходили свободно: такъ не была напечатана ода Катенина «На рабство», и Радищевъ жестоко поплатился за свое «Путешествіе». Замѣтимъ еще, что рядомъ съ обличеніями мы встрѣчаемъ иногда идеализацію быта крѣпостныхъ подъ управленіемъ благодѣтельныхъ помѣщиковъ.

Но, несмотря на всякія либеральныя вѣянія, подводя итоги сдѣланному въ пользу крестьянъ при Екатеринѣ, мы видимъ, что положеніе ихъ не только не улучшилось, но ухудшилось. Въ пользу ихъ было принято правительствомъ нѣсколько весьма несущественныхъ мѣръ (продажа людей безъ земли запрещена была только при продажѣ имѣній съ аукціона, запрещено вольноот-

пущеннымъ снова закрѣпощаться и др.), но за то было дозволено помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ каторжную работу съ правомъ взять ихъ обратно по своему усмотрѣнію, крѣпостное право введено въ Малороссіи и Слободской Украйнѣ, роздана масса населенныхъ имѣній. Однако, какъ замѣчаетъ В. И. Семевскій, «если необходимо признать, что въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и распространенія крѣпостного права, чѣмъ для его ограниченія, нельзя не считать ея большою заслугою, что она громко поставила вопросъ о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ».

Кратковременное царствованіе императора Павла ознаменовалось главнымъ образомъ неумѣренной раздачей казенныхъ крестьянъ [1]). Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла были прикрѣплены къ землѣ крестьяне на Дону и въ губерніяхъ: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической. Въ литературѣ крестьянскій вопросъ за это время находился подъ запретомъ. Однако же, на дѣлѣ были приняты нѣкоторыя мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ; въ Малороссіи было запрещено продавать ихъ безъ земли, и для всей Россіи опредѣленъ размѣръ барщины, въ количествѣ трехъ дней въ недѣлю. Относительно послѣдней мѣры надо замѣтить, что она мало исполнялась, а для Малороссіи являлась повышеніемъ крестьянскихъ повинностей,—такъ какъ тамъ установилась барщина двухдневная.

Восшествіе на престолъ императора Александра I было встрѣчено съ самыми радостными надеждами, ожидалось между прочимъ и облегченіе участи крестьянъ. Императоръ имѣлъ въ этомъ отношеніи весьма благія намѣренія. Его воспитатель, Лагарпъ въ своемъ историческомъ курсѣ старался внушить ему очень высокое мнѣніе о крестьянствѣ, какъ о сословіи, наименѣе испорченномъ и наиболѣе приносящемъ пользы; Лагарпъ съ сочувствіемъ разсказывалъ о возстаніяхъ рабовъ и гладіаторовъ, онъ говорилъ: «по какому праву человѣкъ можетъ безнаказанно угнетать себѣ подобныхъ и требовать отъ нихъ безропотнаго перенесенія жесточайшихъ страданій. Жестоко было бы зажимать ротъ страдальцамъ, чтобы не слышать ихъ криковъ и ры-

---

[1]) Объ этомъ смотри нашу статью: «Къ характеристикѣ императора Павла» «Истор. Вѣстникъ» 188, № 6, стр. 641—658.

даній, и въ высшей степени неблагоразумно доводить людей до отчаянія съ его гибельными послѣдствіями». Кружокъ, сгруппировавшійся около молодого императора, тоже весьма сочувственно относился къ крестьянству. Наиболѣе консервативнымъ изъ его членовъ былъ Новосильцовъ, но и онъ возставалъ противъ злоупотребленій помѣщиковъ. Дальше всѣхъ въ своихъ нападеніяхъ на крѣпостное право шелъ П. А. Строгоновъ, онъ доказывалъ, что дворянъ нечего бояться. «Чего не было сдѣлано,—говорилъ онъ,—въ прошедшее царствованіе противъ этихъ людей, противъ ихъ личной безопасности? Если когда-нибудь представлялся поводъ бояться чего-либо, то именно въ эту эпоху. Пришло ли это имъ на мысль? Напротивъ, всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительной точностью, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодѣ и чести сословія». Если бояться неудовольствія или возстанія, то его нужно, по мнѣнію гр. Строгонова, ожидать не со стороны дворянъ, а со стороны крестьянъ, которые «съ самаго дѣтства преисполняются ненавистью къ помѣщикамъ, своимъ притѣснителямъ». «Народъ всегда преданъ правительству: онъ вѣритъ, что императоръ готовъ его защищать, и если является какая нибудь стѣснительная мѣра, то ее приписываютъ не государю, а министрамъ». Опасность заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія. Подобныя рѣчи не проходили безслѣдно для молодого императора, онъ самъ разъ высказалъ, что «слѣдуетъ удовлетворить массу народа, которая, взволнуясь и узнавъ свою силу, можетъ сдѣлаться опасною». Но несмотря на либерализмъ окружащихъ, несмотря на собственныя либеральныя мечтанія, императоръ сдѣлалъ для крѣпостныхъ очень мало. Причиною этого въ первую половину царствованія являлась крайняя нерѣшительность императора, составлявшая одно изъ постоянныхъ свойствъ его характера, а во вторую половину преобразовательное движеніе было заторможено недовѣрчивостью, подозрительностью, постояннымъ опасеніемъ революціи, которыя развились въ императорѣ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ западныхъ консервативныхъ политическихъ дѣятелей.

Нерѣшительность Александра въ крестьянскомъ дѣлѣ обнаружилась съ самыхъ первыхъ шаговъ. Уже въ 1801 г. онъ высказалъ желаніе, чтобы была прекращена продажа людей безъ земли, но вмѣсто того, чтобы настоять на своемъ желаніи, онъ

уступилъ мнѣнію совѣта, отклонившаго эту мѣру. Все дѣло ограничилось именнымъ указомъ президенту Академіи Наукъ, барону Николаи, о непринимании ни отъ кого объявленія для помѣщенія въ вѣдомостяхъ о продажѣ людей безъ земли. Указъ не достигъ цѣли. Приличіе было соблюдено, и вмѣсто прежнихъ объявленій появились новыя, что такой-то крѣпостной человѣкъ или такая-то крѣпостная дѣвка отпускаются въ услуженіе, а это значило, что они попрежнему продавались. Вопросъ о запрещеніи продажи людей безъ земли возбуждается еще разъ въ 1820 г., но опять безуспѣшно. Характеренъ фактъ, что императоръ, когда ему до этого вторичнаго обсужденія вопроса доложили о случаѣ продажи крестьянъ безъ земли, забылъ, что она не отмѣнена, и сильно разсердился; такимъ образомъ, несмотря на сильное желаніе уничтожить продажу людей безъ земли, императоръ оба раза оказался крайне нерѣшительнымъ.

Одною изъ самыхъ важныхъ мѣръ въ пользу крестьянъ при Александрѣ I было учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Оно явилось по иниціативѣ гр. С. П. Румянцева, который предложилъ дозволить помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю вмѣстѣ съ землею; государь отнесся весьма сочувственно къ этой мысли и въ 1803 г. появился указъ, по которому помѣщикамъ было дозволено заключать съ крестьянами троякаго рода условія: 1) когда крестьяне получали свободу съ землею, внеся господину при самомъ освобожденіи извѣстную сумму, 2) когда при увольненіи плата разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности, и 3) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика, или навсегда, исполнять извѣстныя повинности, или платить оброкъ деньгами или продуктами. Въ этомъ законѣ было одно неудобное условіе: помѣщикъ дѣлилъ землю на участки, и каждый крестьянинъ получалъ опредѣленный надѣлъ съ планомъ на него—такимъ образомъ, общинное землевладѣніе обращалось въ подворное. Однако, это условіе обыкновенно не исполнялось и въ царствованіе Николая I было отмѣнено. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ произвелъ цѣлую бурю въ тогдашнемъ обществѣ, иниціатора его, гр. Румянцева вездѣ поносили, взводили на него разные клеветы и инсинуаціи.

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ своему другу Циціанову: «Румянцеву вѣрно захотѣлось или въ четвертый разъ въ службу,

или двухъ аршинъ голубой ленты. Но увы! отправленъ съ табакеркой! Ты представить себѣ легко можешь, что за волненіе въ Москвѣ все сіе произвело: и ефимоны перестали читать, чтобы бранить новаго спасителя рода человѣческаго, т. е. Сергѣя Петровича». Державинъ взвелъ на Румянцева чистѣйшую небылицу, будто крестьяне, отпущенные имъ на волю, были не крѣпостные его, а вольные, поселенные его отцомъ, фельдмаршаломъ, «на его земляхъ, вновь отъ Порты пріобрѣтенныхъ».

Важность закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ заключается въ томъ, что онъ отнималъ у помѣщиковъ возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами. А между тѣмъ, опасность обезземеленія крестьянъ въ эпоху Александра была довольно велика: при немъ совершилось безземельное освобожденіе въ Остзейскомъ краѣ, это было плохимъ прецедентомъ, и мысль о выгодности такого освобожденія для землевладѣльцевъ могла бы очень легко распространиться среди нашего дворянства. Поэтому весьма важны были протесты противъ безземельнаго освобожденія, исходившіе отъ такихъ вліятельныхъ людей, какъ Сперанскій.

Изъ другихъ мѣръ, принятыхъ въ царствованіе Александра для улучшенія быта крѣпостныхъ, отмѣтимъ слѣдующія: было прекращено пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность, хотя раздавались аренды; уничтожено правило: «по холопу раба»; запрещено запродавать трудъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещенъ торгъ крѣпостными на ярмаркахъ, уничтожено право помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ каторжную работу.

До сихъ поръ мы обращали вниманіе на положеніе крестьянскаго вопроса въ высшихъ правительственныхъ сферахъ; посмотримъ, какую роль въ его обсужденіи при императорѣ Александрѣ играли литература и наука. Вольное экономическое общество принимало въ разработкѣ вопроса постоянное и дѣятельное участіе; оно предложило цѣлый рядъ задачъ, рѣшеніе которыхъ должно было уяснить крестьянское дѣло: въ 1803 г. оно предложило тему о поднятіи трудолюбія въ нижнихъ состояніяхъ людей; въ 1804 г.—о причинахъ дороговизны на съѣстные припасы, въ 1809 г.—о сравнительной выгодѣ для помѣщиковъ и крестьянъ барщиннаго и оброчнаго хозяйства, въ 1812 г. двѣ задачи: 1) о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда и 2) объ отдѣленіи въ помѣщичьихъ

имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ. Всѣ эти задачи вызывали много отвѣтовъ самаго разнообразнаго направленія и весьма любопытныхъ. Наиболѣе интересными представляются отвѣты профессора харьковскаго университета, Якоби.

Въ литературѣ крестьянскій вопросъ затрагивался Батюшковымъ, Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ, Грибоѣдовымъ, Нарѣжнымъ и Державинымъ. Не будемъ излагать взглядовъ этихъ писателей, они большей частью извѣстны; скажемъ нѣсколько словъ о цензурныхъ стѣсненіяхъ, которыя имъ приходилось испытывать: не могли появиться въ печати «Уединеніе» Пушкина и многія стихотворенія кн. Вяземскаго, «Горе отъ ума» явилось въ свѣтъ въ слѣдующее уже царствованіе, и то съ урѣзками. Серьезные научные труды пропускались съ большими препятствіями; книга Пнина «Опытъ о просвѣщеніи» была запрещена во второмъ изданіи; диссертацію Кайсарова о крѣпостномъ правѣ нельзя было перевести съ латинскаго языка; курсъ политической экономіи Шторха, читанный великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, не могъ появиться на русскомъ языкѣ; профессора петербургскаго университета Арсеньевъ и Германъ были удалены отъ службы за то, что задѣвали въ своихъ лекціяхъ крѣпостное право. Относительно журналовъ въ 1818 г. состоялось слѣдующее распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицына: «обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было напечатано ничего въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ, не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства».

Цензура препятствовала гласному обсужденію крестьянскаго вопроса, но не могла остановить множества рукописныхъ мемуаровъ, посвященныхъ ему. Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ. Сперанскій желалъ постепеннаго уничтоженія крѣпостного права, причемъ настаивалъ на надѣлѣ крестьянъ землею,—однако, надо замѣтить, что онъ болѣе думалъ о политическомъ преобразованіи Россіи. Мордвиновъ протестовалъ противъ всякаго ограниченія крѣпостного права и желалъ созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи. Карамзинъ, Шишковъ и масоны, всѣ со своихъ особыхъ точекъ зрѣнія, защищали крѣпостное право, при этомъ масонъ Поздѣевъ высказывалъ замѣчательное презрѣніе къ русскому народу, рекомендуя «экзекут

нымъ духомъ» искоренять въ немъ «духъ иллюминатскій». И. И. Тургеневъ полагалъ, что «недозволительно думать о политической свободѣ» тамъ, гдѣ несчастные крестьяне «не знаютъ и простой свободы», и тѣмъ далъ отличный отпоръ теоретикамъ вродѣ Мордвинова и Сперанскаго. Одинаковыхъ взглядовъ въ этомъ отношеніи съ Тургеневымъ держался и Пушкинъ.

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ занималъ видное мѣсто въ планахъ декабристовъ: о немъ упоминается въ «конституціи» кн. Трубецкого: Пестель предполагалъ дать крестьянамъ надѣлъ, Рылѣевъ стоялъ за надѣленіе крестьянъ не только огородной, но и пашенной землей, временное правительство должно было выработать основныя начала освобожденія крестьянъ. Но декабристы были побѣждены, и новому императору пришлось взять на себя рѣшеніе части той задачи, которую они себѣ поставили, т. е. выработать основанія для освобожденія крестьянъ.

Императоръ Николай сознавалъ всю важность крестьянскаго вопроса, всю настоятельность возможно быстраго его рѣшенія. Эта мысль внушалась ему еще его преподавателемъ политической экономіи, Шторхомъ, хотя надо замѣтить, что въ проектахъ Шторха было много неопредѣленности, что происходило отъ незнанія условій русской жизни и поземельныхъ отношеній. Императоръ неоднократно имѣлъ случай высказать свои освободительныя стремленія. Въ 1834 г. онъ объявилъ гр. Киселеву: «Мы займемся этимъ (т. е. крестьянскимъ вопросомъ) когда-нибудь. Я знаю, что я могу разсчитывать на тебя: ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли, здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ государь высказалъ Киселеву свои намѣренія еще опредѣленнѣе: «Я говорилъ со многими изъ своихъ сотрудниковъ, и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые были совершенно противны; несмотря на то, я учредилъ комитетъ изъ 7 членовъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе. По отчету твоему о княжествахъ [1])

[1]) Молдавіи и Валахіи, которыми Киселевъ управлялъ въ теченіе 5 лѣтъ съ 1829 г.

я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого государь произнесъ рѣчь о крестьянскомъ дѣлѣ въ государственномъ совѣтѣ. «Нѣтъ сомнѣнія,—сказалъ онъ,—что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному одному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ коего въ началѣ его царствованія было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. Я также никогда на сіе не рѣшусь: если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще еще весьма далеко, то въ настоящую эпоху всякій замыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекращаемы, что конечно, и впередъ точно также будетъ предметомъ особенной и съ Божьей помощью успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда. Но если настоящее положеніе таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры безъ общаго потрясенія невозможны, то необходимо по крайности пріуготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не страшась передъ всякой перемѣной, хладнокровно обсуждать ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно открыть путь къ другому, переходному состоянію, связавъ съ нимъ ненарушимое право вотчинной собственности на землю. Я почитаю сіе священной своей обязанностью и обязанностью преемниковъ своихъ на престолѣ». Изъ всѣхъ приведенныхъ словъ императора мы видимъ, что онъ пре-

красно понималъ ненормальность крѣпостного права, называлъ его «рабствомъ», искренно желалъ его уничтоженія, но разными обстоятельствами, вѣроятнѣе всего противодѣйствіемъ, встрѣченнымъ имъ въ близкой ему средѣ, вынужденъ былъ отложить тотъ процессъ, который намѣревался вести противъ него, призналъ уничтоженіе крѣпостного права преждевременнымъ и своей задачей сталъ считать его смягченіе и подготовку средствъ къ совершенію великаго дѣла для своего сына.

Обратимся теперь къ лицамъ, окружавшимъ императора. Изъ нихъ наиболѣе выдается гр. Киселевъ. Онъ стремился не къ совершенному уничтоженію крѣпостного права, но къ обращенію его въ регулированное закономъ прикрѣпленіе къ землѣ. Въ 1840 г. онъ представилъ государю слѣдующую программу улучшенія быта крестьянъ: 1) устройство быта дворовыхъ людей; 2) назначеніе для крестьянъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права на движимую собственность; 3) взиманіе рекрутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, установленнымъ относительно отбыванія очередей для прочихъ сословій; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство между крѣпостными сельскаго управленія, съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста. Изъ этихъ предположеній, одобренныхъ государемъ, исполнены были очень немногія, да и то въ искаженномъ видѣ. Киселеву приходилось иногда вступать въ бурныя пренія съ своими противниками. Въ 1847 г., возражая гр. Уварову, онъ такъ характеризовалъ тактику своихъ оппонентовъ: когда защитники ограниченія крѣпостного права выставляютъ общее положеніе, то имъ возражаютъ, что внезапный переворотъ опасенъ и что нужно частями и послѣдовательно исправлять зло, отсѣкая его при каждомъ удобномъ случаѣ, а когда такой случай представляется, то находятъ, что текущее дѣло не можетъ возбуждать столь важныхъ сужденій. «Подобная теорія, — говоритъ Киселевъ, — ведетъ прямо къ тому, чтобы оставаться въ неподвижности и ожидать кровавыхъ событій, могущихъ вынудить правительство на то, въ чемъ отказать уже будетъ не въ силахъ». Дѣятельность Киселева возбуждала противъ себя неудовольствіе, про него пускали въ ходъ разныя клеветы, вродѣ того, что онъ очень выгодно продалъ въ казну свое имѣніе въ Харьковской губ., хотя такого имѣнія у него вовсе и не было; сотрудникъ Кисе-

лева, Заблоцкій-Десятовскій, по проискамъ кн. А. С. Меншикова, былъ забаллотированъ въ англійскомъ клубѣ. Изъ другихъ приближенныхъ императора въ пользу крестьянъ высказался гр. Бенкендорфъ. Онъ говорилъ: «при постоянныхъ опасеніяхъ ни до чего нельзя достигнуть. Причины взрыва, которыя во-время отклонить можно, не уничтожаются нерѣшимостью, а лишь укрѣпляются, и чѣмъ позднѣе будетъ сей взрывъ, тѣмъ сильнѣе и опаснѣе». Гр. Левашевъ полагалъ, «что въ дѣлѣ, такъ близко связанномъ съ интересами двухъ противоположныхъ сословій, лучше дѣйствовать рѣшительно; всякія полумѣры безполезны и даже вредны». Кн. Чернышевъ, Волконскій, Меншиковъ, Васильчиковъ, Орловъ стояли за сохраненіе status quo. Особенно энергичнымъ противникомъ Киселева выступалъ кн. Меншиковъ, допускавшій, впрочемъ, безземельное освобожденіе крестьянъ и ратовавшій при этомъ противъ общиннаго землевладѣнія. Безземельное освобожденіе допускалось и въ запискѣ Сперанскаго, поданной императору еще въ началѣ царствованія. Къ счастію, противъ безземелья высказались при императорѣ Николаѣ такіе авторитетные люди, какъ Киселевъ и Перовскій, хотя послѣдній и держался консервативнаго образа мыслей въ отношеніи къ крѣпостному праву. Наконецъ, упомянемъ, что въ консервативномъ смыслѣ высказывался въ это время и наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ: онъ былъ недоволенъ дѣятельностью Бибикова относительно введенія инвентарей въ Западномъ краѣ; въ комитетѣ 1848 г. онъ высказался за отмѣну закона, дарующаго крѣпостнымъ право выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона. Однако, мы должны оговориться, что взгляды цесаревича въ этотъ періодъ и мотивы, руководящіе его дѣйствіями, далеко еще не выяснены, и считать его направленіе вполнѣ консервативнымъ мы никакъ не можемъ; быть можетъ, заявленія его въ консервативномъ смыслѣ получатъ другую окраску, когда мы лучше ознакомимся съ обстоятельствами его жизни въ это время.

Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ окружавшихъ императора лицъ многія соглашались на ограниченіе крѣпостного права, но были у нихъ и противники, да и среди нихъ самихъ не было единогласія по вопросу о томъ, что считать наиболѣе полезнымъ и своевременнымъ: мѣра, предложенная однимъ, обыкновенно, встрѣчала противодѣйствіе со стороны другихъ. Съ начала царствованія императора Николая, мы видимъ, что учре-

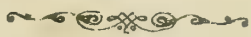
ждается цѣлый рядъ комитетовъ, спеціально занятыхъ крестьянскимъ дѣломъ; но результатъ работы этихъ комитетовъ оказывается весьма незначительнымъ: всему мѣшало указанное разногласіе приближенныхъ государя, входившихъ въ составъ комитетовъ. Ни одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ комитетамъ, вполнѣ разрѣшенъ не былъ. Несмотря на весьма обстоятельное разсмотрѣніе вопроса о запрещеніи продажи людей безъ земли, полнаго ея запрещенія не послѣдовало, и только не было позволено разлучать при этомъ членовъ семейства и запрещено покупать ихъ безъ земли иначе, какъ съ припискою къ населеннымъ имѣніямъ. Повинности крестьянъ опредѣлены были только въ Западномъ краѣ, благодаря энергической дѣятельности Д. Г. Бибикова. Вопросъ о запрещеніи перевода крестьянъ съ пашни во дворъ былъ рѣшенъ отрицательно и дворовымъ было позволено заключать договоры съ помѣщиками о своемъ увольненіи. Размѣръ выкупа при отпускѣ на свободу опредѣленъ не былъ. Въ 1847 г. на всю Россію было распространено право грузинскихъ крестьянъ выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона, но черезъ два года оно было отмѣнено. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ мѣра необязательная, имѣлъ мало значенія.

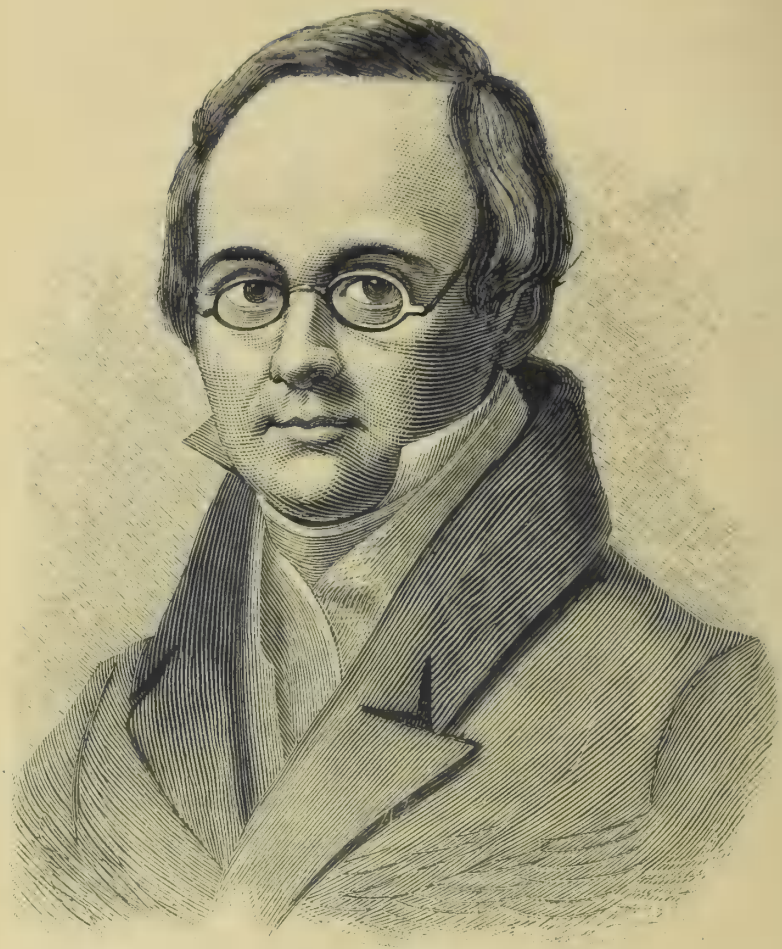
Неуспѣхъ правительственной дѣятельности по крестьянскому вопросу въ эту эпоху объясняется отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что разбираемый вопросъ составлялъ нѣчто въ родѣ канцелярской тайны. Комитеты, его обсуждавшіе, были секретные, келейные; гласность не допускалась. Печать была устранена отъ этого вопроса, она была не менѣе стѣснена, чѣмъ при Александрѣ I. Извѣстны тѣ цензурныя стѣсненія и искаженія, которымъ подвергались произведенія Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Некрасова, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ затрогивались помѣщичьи злоупотребленія. Сравнительно большая свобода выпала на долю И. С. Тургенева, но и ему пришлось поплатиться за «Записки охотника». Журналистика должна была избѣгать упоминаній о крѣпостномъ правѣ. Принимая въ мартѣ 1848 г. депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, императоръ сказалъ: «нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ, вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и впередъ этого не будетъ». Въ 1850 г. было постановлено, чтобы «сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что пе-

ремѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа». Несчастная боязнь революціонныхъ движеній, обуявшая наше правительство въ послѣдніе годы царствованія Николая, до чрезвычайности усилила этотъ цензурный гнетъ: профессорамъ на лекціяхъ было запрещено «въ неумѣренныхъ выраженіяхъ изъявлять сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ», въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ защиту крѣпостного права приводились тексты священнаго писанія.

Но вся эта «келейность» и «секретность», весь этотъ цензурный гнетъ, не могли заглушить въ обществѣ живѣйшаго интереса къ крестьянскому вопросу: литературу нельзя было заставить совсѣмъ молчать, освободительныя стремленія въ ней продолжали высказываться, университетская наука въ лицѣ нѣкоторыхъ профессоровъ не щадила крѣпостного права, общественные кружки славянофиловъ, Герцена, Бѣлинскаго, Петрашевскаго, однимъ изъ первыхъ пунктовъ своей программы ставили освобожденіе крестьянъ. По свидѣтельству Перовскаго, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія сдѣлался «однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ». Къ скорѣйшему рѣшенію вопроса побуждало и усиленіе протестовъ крестьянъ противъ помѣщичьей власти; особенно серьезно было обширное волненіе крестьянъ въ Витебской губ. въ 1847 г. и движеніе въ 10 губерніяхъ, начавшееся въ 1854 г., послѣ вызова охотниковъ въ гребную флотилію.

Вопросъ требовалъ разрѣшенія, но императору Николаю не суждено было его покончить. Черезъ годъ послѣ его смерти, его преемникомъ сказаны были знаменитыя слова московскому дворянству: «Существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу». Въ этихъ словахъ было повтореніе мыслей, высказанныхъ при Александрѣ I гр. Строгановымъ, при Николаѣ I гр. Бенкендорфомъ, Киселевымъ и Левашевымъ, но теперь эти слова привели къ 19 февраля, когда былъ положенъ конецъ всякой нерѣшительности и всякимъ полумѣрамъ.





Баронъ А. А. Дельвигъ.

А. К. БОРОЗДИНЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Девятнадцатый вѣкъ

Съ 18 портретами

Томъ II

ВЫПУСКЪ I

Цѣна 1 р. 75 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
1905

Печатается по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета. Спб. 14 ноября 1904 г.

Деканъ С. Платоновъ.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

Второй томъ нашихъ „Литературныхъ Характеристикъ“, при подготовкѣ къ печати, значительно разросся противъ ранѣе предположеннаго размѣра, почему и пришлось его раздѣлить на два выпуска. Въ настоящій выпускъ вошли характеристики главныхъ представителей западничества и славянофильства. Эти два теченія русской общественной мысли представляются намъ особенно важными для пониманія нашего литературнаго развитія въ переходную эпоху отъ сороковыхъ до шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, и по этой-то причинѣ мы посвятили имъ такъ много мѣста въ нашей книгѣ.

В. Г. Бѣлинскій.

Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики.

„Много я ѣздилъ по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодежи, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды, принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозятъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣчество. „Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ“, говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Они часто несутъ всякую чепуху и сами не видятъ, что путь ихъ оканчивается подлостью петербургскаго практицизма, но порицаніе и отрицаніе ихъ понятны. И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, чест-

наго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго".

Такъ писалъ своимъ родителямъ въ 1856 году И. С. Аксаковъ *). Правдивость этого свидѣтельства не можетъ подвергаться никакому сомнѣнію, хотя бы уже потому, что мы знаемъ Аксакова вообще, какъ безусловно правдиваго человѣка; но особенно для насъ важно то обстоятельство, что Аксаковъ былъ принципіальнымъ противникомъ Бѣлинскаго и, какъ видно изъ его словъ, совсѣмъ не сочувственно относился къ вліянію идей знаменитаго критика, и тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что это вліяніе распространяется именно среди хорошихъ, „честныхъ людей, способныхъ сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ". Лучшаго аттестата силѣ и этическому достоинству этихъ идей, чѣмъ этотъ отзывъ врага, нельзя себѣ представить, хотя этотъ врагъ и говоритъ, что упоминаемые имъ молодые честные люди „несутъ всякую чепуху".

Таково было вліяніе Бѣлинскаго въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи половины XIX столѣтія, но оно было еще сильнѣе въ кругѣ, ближайшемъ къ нашему критику, въ области литературной: Бѣлинскій явился непосредственнымъ вдохновителемъ цѣлой плеяды молодыхъ писателей, начавшихъ свою дѣятельность въ сороковыхъ годахъ, и установителемъ того направленія, по которому пошла почти вся наша послѣдующая критика. Правда, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ дѣлѣ онъ имѣлъ нѣкоторыхъ предшественниковъ: и въ указаніи задачъ для художниковъ, воспитавшихся подъ его воздѣйствіемъ, и въ направленіи критики онъ не былъ метеоромъ, упавшимъ съ неба, а потому, говоря о его вліяніи на послѣдующее развитіе, не будетъ излишнимъ припомнить и о томъ, что подготовляло самого Бѣлинскаго. Съ этого мы и начнемъ.

I.

Присматриваясь къ развитію литературно-эстетическихъ взглядовъ въ Россіи въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, мы замѣчаемъ сильное западное вліяніе, и соотвѣтственно съ

*) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть I, т. III, стр. 290—291.

этимъ вліяніемъ опредѣляются разныя ступени въ эволюціи нашей критики: въ то время, когда господствовало убѣжденіе въ непреложности нѣкоторыхъ литературныхъ правилъ, задача критики сводилась только къ тому, чтобы установить, на сколько данное произведеніе соотвѣтствуетъ, или же не соотвѣтствуетъ этимъ правиламъ; когда же самыя правила стали предметомъ критическаго анализа, и была признана ихъ условность и даже фальшивость, то очень естественно, что задача критики должна была кореннымъ образомъ измѣниться. Русская критика XVIII вѣка почти исключительно занята внѣшней стороной литературныхъ произведеній, чрезвычайно много и подробно говоритъ о правильности и художественности стиля, обстоятельно разсматриваетъ вопросъ о томъ, къ какому роду и виду, установленному въ риторикахъ и піитикахъ, надо отнести данное произведеніе, и въ какой степени въ этомъ произведеніи соблюдены или нарушены тѣ основныя правила, какія указаны для даннаго рода и вида авторитетными судьями по теоріи словесности, или же насколько соотвѣтствуетъ разбираемое произведеніе требованіямъ законодателей вкуса, Буало, Батте или другихъ, которые считаютъ своимъ предшественникомъ Аристотеля. Наиболѣе яркимъ представителемъ подобной критики былъ А. П. Сумароковъ, считавшій свои сужденія безапеляціонными. Разбирая одну изъ одъ Ломоносова, онъ нисколько не затруднился дать оцѣнку каждой строфѣ этой оды, благодаря чему получилось довольно курьезное дѣленіе на „строфы прекраснѣйшія, строфы прекрасныя, весьма хорошія, хорошія, изрядныя, строфы, по моему мнѣнію требующія большого исправленія, и строфы, о которыхъ я ничего не говорю“. Для образца подобной внѣшней критики приведемъ разборъ двухъ слѣдующихъ стиховъ Ломоносовской оды.

И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

Цитировавъ эти стихи, Сумароковъ разъяснялъ: „Трубный гласъ не гремитъ, гремятъ барабаны, а ежели позволено сказать вмѣсто трубнаго гласа трубный громъ, такъ можно сказать и громъ скрипицы, и громъ флейты. Если плачевный побѣжденныхъ стонъ глушитъ гласъ славы, то конечно изъ того слѣдуетъ, что возглашаетъ не громко. А потому

что слава громко возглашаетъ, то плачевный побѣжденныхъ стонъ гласу славы не мѣшаетъ. Гласъ славы далеко слышится, а побѣжденныхъ стонъ не далеко простирается".

Подобная стилистическая критика, безраздѣльно господствовавшая у насъ почти до конца XVIII вѣка, была вполнѣ естественна при крайне низменномъ взглядѣ на литературу, какъ на одно изъ средствъ забавлять общество. Серьезное общественное значеніе литературы было понятно лишь очень немногимъ ея представителямъ, для большинства поэзія была тѣмъ же „вкуснымъ лимонадомъ", которымъ ее призналъ Державинъ, хотя слѣдуетъ оговориться, что далеко не всѣ произведенія пѣвца Фелицы имѣли въ виду доставлять читателямъ удовольствіе: такія оды, какъ „Вельможа", „Властителямъ и судьямъ" и др., занимаютъ не послѣднее мѣсто въ ряду сатирическихъ произведеній Екатерининской эпохи. Представители сатирическаго направленія ведутъ къ болѣе серьезному взгляду на литературу, и особенно ярко обнаруживается это новое отношеніе къ дѣятельности писателя въ кружкѣ Новикова. Въ этотъ-то кружокъ прежде всего проникаютъ и тѣ новые взгляды на литературу, которые утверждаются съ половины XVIII вѣка въ Западной Европѣ. Возникнувъ въ Англіи, новое литературное направленіе получаетъ теоретическое обоснованіе во Франціи, въ критическихъ статьяхъ Дидро, и особенно въ Германіи, въ трудахъ Лессинга и вообще въ произведеніяхъ писателей „періода бури и натиска".

Въ кружкѣ Новикова слѣдятъ за этимъ литературнымъ движеніемъ, сочувствуютъ той свободѣ отъ условныхъ правилъ, которая пропагандируется новыми писателями, понимаютъ важность правдивости и искренности въ выраженіи чувства въ поэзіи, и не лишено значенія то обстоятельство, что первыя сентиментальныя произведенія русскія появляются именно въ журналахъ Новикова: уже въ „Трутнѣ" 1770 г. мы находимъ чувствительную пѣсенку, совсѣмъ не гармонирующую съ общимъ содержаніемъ журнала, въ болѣе позднихъ же изданіяхъ Новикова чувствительный элементъ становится гораздо сильнѣе. Въ томъ же Новиковскомъ кружкѣ видное положеніе занимаетъ одинъ изъ выдающихся представителей нѣмецкаго литературнаго движенія, поэтъ Ленцъ. Ему-то, вѣроятно, обязаны знакомствомъ

съ этимъ движеніемъ члены кружка, а среди нихъ наиболѣе крупною величиною (изъ младшаго поколѣнія) слѣдуетъ признать Карамзина, такъ какъ въ его произведеніяхъ и у писателей созданной имъ школы опредѣленнѣе всего выражается вліяніе новыхъ европейскихъ литературныхъ взглядовъ. Мы достаточно подробно уже говорили *) о развитіи литературныхъ и общественныхъ взглядовъ Карамзина, а потому мы не будемъ возвращаться къ этому предмету и ограничимся лишь самымъ общимъ указаніемъ на то мѣсто, которое Карамзинъ занимаетъ въ эволюціи нашей литературной критики. Несмотря на всѣ колебанія во взглядахъ на литературу, на всю непослѣдовательность въ разныхъ его сужденіяхъ о критикѣ, Карамзинъ можетъ считаться установителемъ новаго направленія въ нашей критикѣ. Въ своей статьѣ „Что нужно автору“ и въ другихъ произведеніяхъ онъ опредѣленно высказалъ, что писатель долженъ пробуждать въ людяхъ хорошія чувства, а для этого онъ самъ долженъ ихъ испытывать, т. е. первымъ условіемъ литературной дѣятельности Карамзинъ призналъ искренность. Понятно, что послѣ этого стилистическая критика утратила свое raison d'etre: вопросы формы, стиля становятся для критики второстепенными, а на первый планъ выдвигается содержаніе, выдвигаются тѣ чувства и стремленія, которыя руководили писателемъ при созданіи данной поэмы, драмы или лирическаго стихотворенія.

Послѣ этого перваго шага, сравнительно легкимъ было дальнѣйшее движеніе критики, которое совершалось параллельно съ развитіемъ самой литературы. Наши романтики обоихъ главныхъ типовъ, въ которыхъ выразилось романтическое западное вліяніе, и типа Жуковскаго, и типа декабристовъ, осложнили Карамзинское требованіе чувства стремленіемъ къ идеалу, заоблачному или жизненному, и при этомъ критика еще болѣе должна была стать содержательной. Если литература все болѣе и болѣе проникается стремленіями окружающей дѣйствительности, или, вѣрнѣе, стремленіями лучшихъ людей эпохи, то и критика, какъ истолковательница литературы, служитъ тѣмъ же стремленіямъ. Критикъ изъ простого комментатора становится руководи-

*) См. Литературныя Характеристики, т. I, стр. 20—78.

телемъ общества. Эта новая роль критика замѣтна уже въ статьяхъ Марлинскаго, еще ярче обнаруживается въ дѣятельности Н. А. Полеваго и становится вполнѣ опредѣленной для Бѣлинскаго. Мы не будемъ останавливаться на этихъ предшественникахъ, такъ какъ о нихъ мы уже говорили достаточно подробно *), и обратимся къ общей характеристикѣ самого Бѣлинскаго.

„Въ 1823 году, — разсказываетъ извѣстный историческій романистъ, И. И. Лажечниковъ, — ревизовалъ я чембарское училище. Новый домъ былъ только-что для него отстроенъ. Во время дѣлаемаго мною экзамена, выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребомъ), и отвѣчалъ, большею частію, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Грековъ) не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книгѣ (какъ я привыкъ видѣть и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. „Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лѣкаря“, сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотой привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книгу, на заглавномъ листѣ которой подписалъ „Виссаріону Бѣлин-

*) См. ibid. стр. 204—237.

скому за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то". Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства". Изъ этого разсказа обнаруживаются уже въ раннемъ дѣтствѣ Бѣлинскаго нѣкоторыя черты, которыя на всегда остаются наиболѣе для него характерными, въ особенности независимость, сознаніе собственнаго достоинства и какая-то страстность ума, та страстность, благодаря которой теперь Лажечниковъ назвалъ его „ястребкомъ", а впослѣдствіи друзья дали ему эпитетъ „неистоваго Виссаріона".

Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и мы видимъ такую характеристику „ястребка": „Въ гимназіи, разсказываетъ его учитель, Поповъ, — по возрасту и возмужалости, Бѣлинскій во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи; онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его между хорошенькими личиками другихъ дѣтей казались суровыми и старыми. На вакаціи онъ ѣздилъ въ Чембаръ; но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ въ Пензу; не помню, чтобы кто-нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ видимо былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ". Совершенно справедливо Поповъ заканчиваетъ этотъ отзывъ замѣчаніемъ, что Бѣлинскій „таковъ былъ и послѣ, такимъ пошелъ и въ могилу". Въ этомъ же раннемъ возрастѣ обнаруживается и самостоятельность литературныхъ сужденій Бѣлинскаго: онъ не преклоняется ни предъ какимъ авторитетомъ, и даже обаяніе великаго художника не настолько его захватываетъ, чтобы онъ безотчетно признавалъ прекраснымъ всякое произведеніе этого художника. „Тогда Бѣлинскій, передаетъ тотъ же свидѣтель, — по лѣтамъ своимъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену „Келья въ Чудовомъ монастырѣ". Онъ и въ то время не скоро подда-

вался на чужое мнѣніе. Когда я объяснилъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: „дайте, подумаю; дайте, еще прочту“. Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то бывало отвѣчалъ съ страшною увѣренностью: совершенно справедливо!“

Уже въ гимназіи Бѣлинскій страстно любитъ литературу и пытается самъ писать стихи, какъ это видно изъ собственнаго его свидѣтельства въ рецензіи 1835 г. на стихотворенія какого-то Коптева. „Вы не повѣрите, восклицаетъ онъ, какъ меня обрадовали стихотворенія г. А. Коптева, въ какое восхищеніе привели они меня! Они напомнили мнѣ то невинное, золотое время дѣтства, когда, еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я, въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ, когда я плакалъ, читая „Бѣдную Лизу“ и „Марьину Рощу“, и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ, при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ, à la Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа дала мнѣ самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, то онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже „Раисы“ Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума... Чтобы еще лучше объяснить вамъ, почему стихотворенія г. А. Коптева произвели на меня такое сильное дѣйствіе, скажу вамъ, что я, будучи ученикомъ уѣзднаго училища, самъ писалъ стихи точно въ такомъ же родѣ и съ такимъ же успѣхомъ въ этомъ родѣ, чисто классическомъ и совершенно чувствительномъ; съ романтическимъ я познакомился уже тогда, какъ во мнѣ совсѣмъ прошло стихотворное неистовство“.

Эти поэтическіе опыты Бѣлинскаго намъ неизвѣстны, но они скоро прекратились; по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ своего вступленія въ университетъ, на просьбу своего бывшаго учителя прислать стихи, для помѣщенія въ предполагавшійся альманахъ, Бѣлинскій отвѣчалъ: „Не могу вамъ описать, какое дѣйствіе произвели на меня эти строки:

мысль, что вы меня еще не забыли, что вы еще такъ же ко мнѣ благосклонны, какъ и прежде; ваше желаніе, котораго я, несмотря на пламенное усердіе, не могу исполнить,—все это привело меня въ необыкновенное состояніе радости, горести и замѣшательства. Бывши во второмъ классѣ гимназіи, я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго; но времена перемѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: кому онъ вѣрилъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя итти наперекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя—хочу ихъ выразить стихами, и не могу! Тщетно трудясь, бросаю съ досадою перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Риѳма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не уламываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатаго—и ничего оконченнаго и обработаннаго, даже такого, что бы могло помѣститься не только въ альманахѣ, гдѣ собирается все отличное, но даже и въ „Дамскомъ журналѣ“! Въ первый еще разъ я съ горестію проклинаю свою неспособность писать стихами и лѣность писать прозою“.

Сильный литературный интересъ поддерживается и во время студенчества. Неудовлетворительность университетскаго преподаванія того времени заставляетъ болѣе даровитыхъ юношей искать самостоятельныхъ путей образованія и развитія. Есть кружки занимающихся литературой и философіей, въ особенности Шеллинговскою, которая съ каѳедры пропагандируется талантливымъ профессоромъ Павловымъ. Среди этихъ студентовъ, увлекающихся наукой, искусствомъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ жилецъ 11 номера общежитія казеннокоштныхъ, Бѣлинскій. Къ нему сходятся товарищи, и въ его комнатѣ идутъ нескончаемые споры о разнообразныхъ вопросахъ. Можетъ быть, уже этимъ Бѣлинскій привлекаетъ къ себѣ особенное и далеко не бла-

госклонное вниманіе начальства, которое видитъ въ немъ безпокойнаго человѣка... Пришлось Бѣлинскому испытывать гнѣвъ начальства. Въ 1831 г. онъ опоздалъ изъ каникулярнаго отпуска, и произошло крайне тяжелое объясненіе. „Какъ только я пріѣхалъ, писалъ Бѣлинскій, — то ректоръ призвалъ меня въ правленіе и началъ бранить за то, что я поздно пріѣхалъ. Этимъ я обязанъ Перевощикову (прежнему инспектору), который тогда очень помнилъ меня и отрекомендовалъ ректору и Щепкину (новому инспектору). — Когда ректоръ говорилъ со мною, то онъ (Перевощиковъ) безпрестанно кричалъ, что меня надобно выгнать изъ университета. Наконецъ, ректоръ въ заключеніе спектакля сказалъ: „замѣтьте этого молодца, при первомъ случаѣ его надобно выгнать“. Многіе казенные же пріѣзжали гораздо послѣ меня, и имъ за это ни слова не сказали. Передъ окончаніемъ холеры я не ночевалъ ночи двѣ или три дома. Прихожу къ Щепкину за однимъ дѣломъ, и онъ начинаетъ меня ругать: говоритъ, что меня за это *онъ* отдастъ, какъ какого-нибудь *каналью*, въ солдаты, и наконецъ съ презрѣньемъ началъ выгонять изъ своихъ комнатъ... Надѣясь сорваться съ казеннаго кошта, я далъ себѣ клятву все терпѣть и сносить, и потому ничего ему не сказалъ“.

Между тѣмъ литературные интересы, поддерживаемые средой товарищей идеалистовъ, отразились въ такомъ фактѣ, который окончательно долженъ былъ вооружить начальство противъ Бѣлинскаго. Этотъ фактъ была „драматическая повѣсть, Дмитрій Калининъ“, написанная Бѣлинскимъ въ 1831 г. и долженствовавшая „выразить его внутренній міръ“. Въ этой повѣсти, по словамъ Бѣлинскаго, читатель „увидитъ не болѣе, какъ только порывъ души пламенной, — души, страстной ко всему высокому, изящному, — души, желающей излиться и борющейся между этимъ желаніемъ и слабостію силъ“. „Чтеніе поэтовъ, говоритъ Бѣлинскій, чтеніе исторіи, углубленіе въ самого себя, печали, радости, восторгъ, равнодушіе, волненіе страстей, порывъ къ чему-то неопредѣленному, тоска по чемъ-то невѣдомомъ, размышленіе о человѣкѣ, о непонятной смѣси добраго и злого, высокаго и низкаго, составляющей существо его, мысль о другомъ, таинственномъ мірѣ родятъ тысячи вопросовъ безотвѣтныхъ, волнующихъ юный неопытный умъ, какъ нераз-

рѣшимая, но слабо понимаемая какимъ-то темнымъ чувствомъ загадка. Въ это поэтическое состояніе душа человѣка воспламеняется какимъ-то неяснымъ, но сильнымъ желаніемъ выразить самое себя, грудь его волнуется какимъ-то тревожнымъ чувствомъ неизъяснимаго безпокойства, и онъ желаетъ раскрыть ее, показать свое сердце, чтобы могли прочитать и истолковать самому ему тѣ непонятныя буквы, которыя начертаны на немъ рукою невѣдомаго. Кому знакомы эти рѣдкія минуты восторга, тотъ пойметъ меня".

Въ своей драмѣ Бѣлинскій выступилъ рѣшительнымъ противникомъ крѣпостного права. Герой драмы—крѣпостной, „рабъ", но онъ получилъ образованіе и не можетъ примириться съ своимъ положеніемъ. Его возмущаетъ тяжелое, безправное состояніе крѣпостныхъ и онъ восклицаетъ: „Неужели же эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право – однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище — свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями, и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже, Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?" Какъ однако ни ярокъ этотъ протестъ противъ крѣпостного права, имъ не исчерпывается, по справедливому указанію С. А. Венгерова, „все оппозиціонное" въ драмѣ Бѣлинскаго, которая представляетъ собою энергичную защиту правъ чувства и разума противъ всякихъ предразсудковъ и внѣшнихъ стѣсненій. „Когда, восклицаетъ герой, законы противны правамъ природы и человѣчества, правамъ самаго разсудка, то человѣкъ можетъ и долженъ нарушать ихъ. Неужели я потому только не имѣю права любить дѣвушку, что отецъ ея носитъ на себѣ пустое званіе дворянина и что онъ богатъ, а я безъ имени и бѣденъ? Она меня

любить; вотъ неотъемлемое право и мнѣ отвѣчать ей тѣмъ же! Неужели людей соединяютъ ничтожные обряды, а не любовь?“ Въ подобныхъ заявленіяхъ Дмитрія Калинина высказывалось настроеніе самого Бѣлинскаго, и въ драмѣ поэтому, какъ отмѣчаетъ г. Венгеровъ, много автобіографическаго.

Бѣлинскій выразилъ въ драмѣ романтическія стремленія, одушевлявшія и его самого, и его сверстниковъ, но также въ ней высказалось и отношеніе Бѣлинскаго къ общественнымъ вопросамъ: это не индифферентизмъ, а страстное до боли негодованіе при видѣ общественныхъ золъ. Характерно, что протестъ направляется противъ коренного зла русской жизни, противъ крѣпостнаго права, такъ что этимъ связываются конецъ и начало литературной дѣятельности Бѣлинскаго. Извѣстно, что за этотъ юношескій протестъ Бѣлинскому пришлось поплатиться исключеніемъ изъ университета... Но эта бѣда не сломила Бѣлинскаго: его идеальныя, романтическія стремленія не были чѣмъ-либо поверхностнымъ, наноснымъ, и они ярко окрашиваютъ всю дальнѣйшую его дѣятельность.

Черезъ два года послѣ исключенія изъ университета, Бѣлинскій выступаетъ въ „Молвѣ“ Надеждина съ рядомъ статей подъ заглавіемъ „Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ“. Въ этихъ знаменитыхъ статьяхъ устанавливается прежде всего общее опредѣленіе литературы, какъ „собранія такого рода художественно-словесныхъ произведеній, которыя суть плодъ свободнаго вдохновенія и дружныхъ (хотя и не условленныхъ) усилій людей, созданныхъ для искусства, дышущихъ для одного его и уничтожающихся внѣ его, вполнѣ выражающихъ и воспроизводящихъ въ своихъ изящныхъ созданіяхъ духъ того народа, среди котораго они рождены и воспитаны, жизнію котораго они живутъ и духомъ котораго дышатъ, выражающихъ въ своихъ творческихъ произведеніяхъ его внутреннюю жизнь до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній“. Справедливо говоритъ при этомъ Бѣлинскій, что при такомъ пониманіи литературы въ ея исторіи „нѣтъ и не можетъ быть скачковъ: напротивъ, въ ней все послѣдовательно, все естественно, нѣтъ никакихъ насильственныхъ или принужденныхъ переломовъ, происшедшихъ отъ какого-нибудь чуждаго вліянія“.

Для того, чтобы отвѣтить на вопросъ подходитъ ли наша

словесность подъ приведенное опредѣленіе, Бѣлинскій рѣшается „бросить бѣглый взглядъ на ходъ нашей литературы отъ Ломоносова“. Этотъ блестящій обзоръ приводитъ Бѣлинскаго къ окончательному заключенію, что у насъ нѣтъ литературы. „У насъ, говоритъ Бѣлинскій, много талантовъ и талантиковъ, но мало, слишкомъ мало художниковъ по призванію, т. е. такихъ людей, для которыхъ писать и жить, жить и писать—одно и то же, которые уничтожаются внѣ искусства, которымъ не нужно протекцій, не нужно меценатовъ, или, лучше сказать, которые гибнутъ отъ меценатовъ, которыхъ не убиваютъ ни деньги, ни отличія, ни несправедливости, которые до послѣдняго вздоха остаются вѣрными своему святому призванію. У насъ была эпоха схоластицизма, была эпоха плаксивости, была эпоха стихотворства, эпоха романовъ и повѣстей, теперь наступила эпоха драмы, но еще не было эпохи искусства, эпохи литературы. Стихотворство наше кончилось; мода на романы видимо проходитъ; теперь терзаемъ драму. И все это безъ причины все это изъ подражательности.“ Но это отрицаніе литературы не заканчивается мрачнымъ пессимизмомъ по отношенію къ будущему; напротивъ, на вопросъ: „когда же наступитъ у насъ истинная эпоха искусства?“—Бѣлинскій рѣшительно отвѣчаетъ: „Она наступитъ, будьте въ томъ увѣрены! Но для этого надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, въ которомъ бы выразилась физіономія русскаго народа, надобно, чтобы у насъ было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, возращенное на родной почвѣ. У насъ нѣтъ литературы: я повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ. Присмотритесь хорошенько къ ходу нашего общества и вы согласитесь, что я правъ. Посмотрите, какъ новое поколѣніе, разочаровавшись въ геніальности и безсмертіи нашихъ литературныхъ произведеній, вмѣсто того, чтобы выдавать въ свѣтъ недозрѣлыя творенія, съ жадностью предается изученію наукъ и черпаетъ живую воду просвѣщенія въ самомъ источникѣ. Вѣкъ ребячества проходитъ видимо. И дай Богъ, чтобы онъ прошелъ скорѣе! Но еще болѣе дай Богъ, чтобы поскорѣе всѣ разувѣрились въ нашемъ литературномъ богатствѣ! Благородная нищета лучше мечтательнаго богатства! Придетъ время, просвѣщеніе разольется въ

Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученье! ученье! ученье!“

Такова эта первая статья Бѣлинскаго. Какъ видно даже изъ цитированныхъ отрывковъ, она проникнута необыкновеннымъ лиризмомъ: то увлеченіе, которое въ ней выразилось, было новостью въ нашей критикѣ и невольно должно было передаваться читателямъ. Являлись, правда, люди, которымъ паѳосъ Бѣлинскаго не нравился, такъ какъ они кореннымъ образомъ расходились съ нимъ во взглядахъ, но уже очень скоро у Бѣлинскаго образовалась обширная аудиторія. Этотъ лиризмъ, это увлеченіе составляютъ существенное отличіе Бѣлинскаго отъ его предшественника и учителя, Н. И. Надеждина, пріютившаго его въ своемъ журналѣ. Это-то отличіе и заставляетъ насъ скорѣе согласиться со взглядомъ на отношенія Бѣлинскаго къ Надеждину, высказаннымъ С. А. Венгеровымъ, чѣмъ съ прежними мнѣніями объ этомъ Н. Г. Чернышевскаго и А. Н. Пыпина. Положеніе „у насъ нѣтъ литературы“ до Бѣлинскаго высказывалось не однимъ Надеждинымъ, но и Марлинскимъ, и Полевымъ, и Сенковскимъ, у котораго Бѣлинскій прямо даже взялъ эпиграфъ для своей статьи. Показаніе нѣкоего Прозорова и нѣкоторая близость заглавія статьи Бѣлинскаго и болѣе ранней статьи Надеждина („Литературныя опасенія на будущій годъ“) слишкомъ слабыя основанія, чтобы связывать эти двѣ статьи, по существу крайне различныя.

„Литературными Мечтаніями“ начинается первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго, когда онъ увлеченъ романтизмомъ и шеллинговскою философіей. Общественный элементъ въ критикѣ Бѣлинскаго за это время выражается въ требованіи реализма, жизненности, народности отъ произведеній современной литературы, но въ сущности на первомъ планѣ для критика стоятъ требованія эстетическія.

Съ 1837 г. начинается второй періодъ, когда Бѣлинскій увлекается гегельянствомъ, и въ положеніи „все дѣйствительное разумно“ видитъ основаніе для оправданія современной ему русской дѣйствительности и для осужденія всякаго протеста противъ ненормальныхъ сторонъ дѣйствительности. Какъ ни сильно, ни ярко казалось это увлеченіе, ре-

зультатомъ котораго были статьи о „Горѣ отъ ума“, о Менцелѣ, „Бородинская годовщина“, но оно не соотвѣтствовало самой натурѣ Бѣлинскаго. Проповѣдывать примиреніе со всѣмъ окружающимъ было великою странностью въ устахъ того человѣка, который былъ призванъ бороться съ всякой пошлостью, рутиной, гнетомъ. Эту странность отлично оцѣнилъ Герценъ. „Бѣлинскій, говоритъ онъ, самая дѣятельная, порывистая, діалектически-страстная натура бойца, проповѣдывалъ тогда индѣйскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы. Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные: въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ: его совѣсть была чиста.—„Знаете-ли, что съ вашей точки зрѣнія, сказалъ я ему, думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ—вы можете доказать, что чудовищный деспотизмъ разуменъ и долженъ существовать.—Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ „Бородинскую годовщину“ Пушкина. Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ, кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, *заговорить*, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ, и оттуда далъ по насъ послѣдній яростный залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ „Бородинской годовщиной“.

Эта статья была дѣйствительно „послѣднимъ залпомъ“ въ прежнемъ направленіи, и съ 1842 года замѣчается поворотъ въ сторону такъ называемаго лѣваго гегельянства, которое должно было сблизить Бѣлинскаго съ общественными вопросами. Критикъ понимаетъ, что онъ долженъ руководить литературой, а черезъ нее и обществомъ, онъ долженъ указывать обществу пути свободнаго, нормальнаго развитія, и вмѣсто индѣйскаго покоя онъ снова начинаетъ призывать къ усиленной работѣ. Бѣлинскій приходитъ къ полному согласію съ тѣмъ, что такъ недавно имъ отрицалось; онъ, какъ тургеневскій Михалевичъ,

сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонялся всему, что сжигалъ.

Въ своихъ знаменитыхъ статьяхъ о Пушкинѣ, Бѣлинскій между прочимъ высказалъ мнѣніе, что нашъ великій поэтъ „умѣлъ глубоко страдать отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни, но смотритъ на нихъ съ какимъ-то самоотрицаніемъ (resignatio), какъ бы признавая ихъ роковую неизбѣжность и не нося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія“. Факты жизни и творчества Пушкина, неизвѣстные еще въ то время нашему критику, заставляютъ насъ кореннымъ образомъ измѣнить это сужденіе; но оно важно для насъ не по отношенію къ поэту, но по отношенію къ самому критику, такъ какъ вслѣдъ за приведенными словами Бѣлинскій разъясняетъ, въ чемъ заключаются его требованія отъ поэзіи. „Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе сдѣлались жизнью всякой истинной поэзіи“, - заявляетъ Бѣлинскій и, приведя поэтическое profession de foi Пушкина изъ стихотворенія „Чернь“, замѣчаетъ: „Дѣйствительно смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ риѳмами разныя нравоучительныя мысли и требуютъ отъ поэта непремѣнно, чтобъ онъ воспѣвалъ имъ все любовь да дружбу и проч., и которые неспособны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ. Но если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобы соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ, чтобы противорѣчить имъ,—а тѣмъ, чтобы, забывая о ихъ существованіи, смотрѣть на предметъ глазами разума. Не только поэты, съ ихъ „вдохновеніями, сладкими звуками и молитвами“, но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, еслибы набожная толпа не соприсутствовала алтарямъ и жертвоприношеніямъ. Толпа, въ смыслѣ массы народной, есть прямая хранительница народнаго духа, непосредственный источникъ талантливой психеи народной жизни. Народъ (взятый, какъ масса), духовная субстанція жизни котораго не въ состояніи порождать изъ себя великихъ поэтовъ, не стоитъ названія народа или націи,—съ него довольно чести называться просто племенемъ. Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной жизни своего народа, не можетъ ни

быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто, кромѣ людей ограниченныхъ или духовно-малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній".

Мысли, выраженныя въ приведенныхъ словахъ, встрѣчаются въ статьяхъ Бѣлинскаго уже съ 1842 года и составляютъ главную основу его литературныхъ взглядовъ въ послѣдніе годы его дѣятельности, когда онъ явился защитникомъ натуральной школы, какъ такого направленія, которое, исключая возможность искусства для искусства, сдѣлало литературу „выраженіемъ общественныхъ вопросовъ", когда онъ сталъ ратовать противъ такой объективности въ искусствѣ, которая представляется въ сущности общественнымъ индифферентизмомъ. „Право,—восклицаетъ онъ въ „Современныхъ замѣткахъ" 1847 года,—пора бы перестать вспоминать о какомъ-то чистомъ и абстрактномъ искусствѣ, котораго нигдѣ и никогда не бывало. Пора перестать думать, что можно возвысить искусство, представляя его то какимъ-то бродягою, безъ дома и отечества, то цыганкою, то прелестницею не изъ-за денегъ, а по страсти къ ремеслу". Эти взгляды Бѣлинскаго имѣютъ самое существенное значеніе для дальнѣйшаго развитія русской критики: общественная точка зрѣнія становится съ того времени первенствующею, и передъ ней должны стушеваться всякія эстетическія отвлеченности. Начиная съ Валеріана Майкова, который въ частныхъ вопросахъ какъ бы не соглашался съ Бѣлинскимъ, но, требуя отъ искусства „очеловѣченія жизни", въ сущности поддерживалъ своего предшественника, вся наша критика (за самыми незначительными исключениями) и понынѣ идетъ по пути, указанному Бѣлинскимъ, хотя нужно сказать, что далеко не всѣ ея представители умѣли такъ гармонично объединять общественныя требованія съ чувствомъ красоты, какъ это проявлялось въ пламенныхъ статьяхъ „неистоваго Виссаріона". Однако, присматриваясь

къ развитію у насъ взглядовъ на литературу, или иначе къ развитію нашего литературнаго самосознанія, мы не можемъ не признать извѣстной родственности между этими общественными стремленіями въ критикѣ и прежними ученіями о воздѣйствіи на добрыя чувства.

Первымъ въ ряду послѣдователей Бѣлинскаго на поприщѣ критики (послѣ Майкова, дѣятельность котораго была слишкомъ кратковременна, чтобы оказать сколько нибудь замѣтное вліяніе на литературу) былъ Н. Г. Чернышевскій, давшій въ своихъ „Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы“ раньше всѣхъ правильную оцѣнку трудовъ своего учителя, оцѣнку, къ которой дальнѣйшія научныя изслѣдованія прибавили по существу не особенно много новаго. Къ біографіи Чернышевскаго мы теперь и обратимся.

II.

Знаменитый публицистъ и критикъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій родился 12-го іюля 1828 г., въ Саратовѣ. Одаренный отъ природы отличными способностями, единственный сынъ своихъ родителей, Н. Г. былъ предметомъ усиленныхъ заботъ и попеченій всей семьи. Хотя и записанный въ духовное училище, онъ до 14-лѣтняго возраста „находился на домовомъ образованіи“ и подъ руководствомъ отца и своей старшей двоюродной сестры, Л. Н. Пыпиной, къ которой онъ очень былъ привязанъ, получилъ прекрасную подготовку къ семинаріи: онъ зналъ древніе и новые языки и чрезвычайно много читалъ литературныхъ и научныхъ книгъ. Немудрено поэтому, что, поступивъ въ 1842 г. въ низшее отдѣленіе (риторику) Саратовской семинаріи, Чернышевскій сразу выдѣлился изъ среды своихъ товарищей. Въ 1843 г. онъ аттестованъ былъ такимъ образомъ: „способностей отличныхъ, прилежанія ревностнаго, успѣховъ отличныхъ, поведенія весьма скромнаго“. Какъ передаетъ Ф. В. Духовниковъ *), „учителя были въ восторгѣ отъ Чернышевскаго, особенно учитель словесности, который входилъ съ рапортомъ въ семинарское правленіе, донося ему о сочиненіяхъ Чернышевскаго, какъ о замѣчательныхъ и образ-

*) Русская Старина, 1890 г. № 9.

Н. Г. Чернышевскій.

цовыхъ. Семинарское правленіе, въ лицѣ своихъ членовъ, было недовольно тѣмъ, что приходилось доносить о сочиненіяхъ Николая Гавриловича архіерею, который велѣлъ всѣ представленныя ему сочиненія, какъ выдающіяся, хранить въ библіотекѣ семинаріи". Много лѣтъ сберегались эти сочиненія, но потомъ куда-то исчезли. Такъ какъ по многимъ предметамъ Чернышевскій былъ впереди своихъ товарищей, то онъ могъ заниматься тѣмъ, что не входило въ обязательную программу: подъ руководствомъ извѣстнаго археолога-оріенталиста, Г. С. Саблукова, онъ изучилъ татарскій языкъ; занимался также арабскимъ и еврейскимъ языками; все же свободное время онъ посвящалъ чтенію, особенно интересуясь исторіей и словесностью.

Одно время Чернышевскій мечталъ по окончаніи семинаріи поступить въ духовную академію, но скоро, подъ вліяніемъ одного родственника, оставилъ это намѣреніе: въ ноябрѣ 1844 г. онъ подалъ прошеніе объ увольненіи изъ семинаріи. Получивъ въ томъ же году увольненіе, онъ сталъ готовиться къ университету и въ 1846 г., отлично выдержавъ почти всѣ вступительные экзамены, былъ принятъ въ С.-Петербургскій университетъ, въ 1 отдѣленіе философскаго факультета, по разряду общей словесности. Въ теченіе университетскаго курса Чернышевскій болѣе всего занимался древними языками, общей словесностью и славянскими нарѣчіями. Изученіе славяновѣдѣнія сблизило его съ И. И. Срезневскимъ, а черезъ него онъ познакомился съ Ир. И. Введенскимъ, на еженедѣльныхъ вечерахъ у котораго собирался кружокъ лицъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на выработку міросозерцанія Чернышевскаго: подъ ихъ воздѣйствіемъ, въ немъ пробуждаются новые интересы, онъ увлекается науками соціальными, экономическими, а затѣмъ и естествовѣдѣніемъ; въ это время уже выясняются первыя основы тѣхъ взглядовъ, которые проводятся Чернышевскимъ въ его послѣдующей критико-публицистической дѣятельности, т. е. матеріалистическій позитивизмъ въ философіи и соціализмъ въ общественныхъ вопросахъ.

Въ 1851 г. Чернышевскій окончилъ курсъ со степенью кандидата и былъ оставленъ при университетѣ, но въ слѣдующемъ году онъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ получилъ мѣсто учителя гимназіи. Его сослуживцы были люди совсѣмъ

иного склада воззрѣній, и потому онъ замыкается въ своей семьѣ и сближается лишь съ небольшимъ кружкомъ образованныхъ людей, между прочимъ съ Н. И. Костомаровымъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ сосланъ въ Саратовъ. Научно-литературныя занятія Чернышевскаго за это время, вѣроятно, сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ той же области, что и прежде, и онъ не оставляетъ славяновѣдѣнія: такъ можно, по крайней мѣрѣ, заключать по его рецензіи на сочиненіе Гильфердинга „О родствѣ славянскаго языка съ санскритскимъ“ („Отеч. Записки“, 1853 г., № 7). Въ 1852 г. Чернышевскій женился и вскорѣ послѣ женитьбы Высочайшимъ приказомъ 24-го января 1854 г. былъ перемѣщенъ во 2-й кадетскій корпусъ „на должность учителя 3-го рода“; однако на этомъ новомъ мѣстѣ онъ пробылъ всего около года и послѣ столкновенія съ однимъ дежурнымъ офицеромъ вышелъ въ отставку. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ воспоминаній, педагогическая работа въ это время уже не особенно интересовала Чернышевскаго: хотя онъ и увлекательно излагалъ свой предметъ, но совсѣмъ не заботился о томъ, чтобы ученики работали самостоятельно, не спрашивалъ ихъ, не задавалъ имъ сочиненій.

Еще будучи преподавателемъ, Чернышевскій сотрудничалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“; по выходѣ же въ отставку, онъ почти цѣликомъ отдается журналистикѣ, готовя однако свою магистерскую диссертацію. Самая тема и основныя идеи этой диссертаціи намѣчаются уже раньше, въ рецензіи на переводъ „Піитики“ Аристотеля, изданный Ордынскимъ. Рецензія эта, помѣщенная въ „Отеч. Зап.“ 1854 г., № 9, уже ясно характеризуетъ отрицательное отношеніе Чернышевскаго къ трансцендентальной эстетикѣ. Видно, что авторъ выступаетъ сторонникомъ эмпирическихъ методовъ изслѣдованія. „Всякая теоретическая наука, говоритъ онъ, основывается на возможно-полномъ и точномъ изслѣдованіи фактовъ. Но мы готовы предполагать, что у насъ многіе ошибаются еще относительно современныхъ понятій о томъ, что такое теорія и что такое философія. У насъ еще многіе думаютъ, что у современныхъ мыслителей господствуютъ трансцендентальныя идеи объ „апріорическомъ знаніи“, развитіи науки самой изъ себя, ohne Voraussetzung и т. п.: смѣемъ ихъ увѣрить, что, по мнѣнію современныхъ

мыслителей, эти понятія были очень хороши и, главное, необходимо нужны, какъ переходная ступень въ свое время, назадъ тому 40, 30 или, пожалуй, даже 20 лѣтъ, но не теперь: теперь они устарѣли, признаны односторонними и недостаточными. Смѣемъ увѣрить, что истинно-современные мыслители понимаютъ теорію точно такъ-же, какъ понимаетъ ее Бэконъ, а вслѣдъ за нимъ астрономы, химики, физики, врачи и другіе адепты положительной науки. Правда, по этимъ новымъ понятіямъ не написано еще, сколько намъ извѣстно, формальнаго „курса эстетики"; но понятія, которыя будутъ лежать въ его основаніи, ужъ достаточно обозначились и развились въ отдѣльныхъ маленькихъ статьяхъ и эпизодахъ большихъ сочиненій".

Отвергнувъ трансцендентальную эстетику, Чернышевскій по вопросу о значеніи искусства высказываетъ полное сочувствіе радикально-отрицательнымъ и утилитарнымъ взглядамъ Платона (въ поздній періодъ его философіи), Руссо и Кампе, изъ которыхъ послѣдній говорилъ, что „выпрясть фунтъ шерсти полезнѣе, нежели написать томъ стиховъ". Отвергая теорію „искусства для искусства", Чернышевскій говоритъ: „Мысль эта имѣла смыслъ тогда, когда надобно было доказывать, что поэтъ не долженъ писать великолѣпныхъ одъ, не долженъ искажать дѣйствительности въ угоду разнымъ произвольнымъ и приторнымъ сентенціямъ. Къ сожалѣнію, для этого она появилась уже слишкомъ поздно, когда борьба была кончена; а теперь и подавно она ни къ чему не нужна: искусство успѣло ужъ отстоять свою самостоятельность и должно думать о томъ, какъ ею пользоваться. „Искусство для искусства"—мысль такая же странная въ наше время, какъ „богатство для богатства", „наука для науки" и т. д. Всѣ человѣческія дѣла должны служить на пользу человѣку, если хотятъ быть не пустымъ и празднымъ занятіемъ: богатство существуетъ для того, чтобы имъ пользовался человѣкъ, наука для того, чтобы быть руководительницею человѣка; искусство также должно служить на какую-нибудь существенную пользу, а не на безплодное удовольствіе".

Говоря о пользѣ, приносимой искусствомъ, Чернышевскій не удовлетворяется тѣмъ мнѣніемъ, что искусство возвышаетъ душу человѣка, смягчаетъ его сердце: онъ

находитъ, что такое же дѣйствіе оказываютъ на человѣка всякія удовольствія, начиная хотя бы съ сытнаго обѣда, всякія пріятныя занятія, отъ которыхъ зависитъ хорошее расположеніе духа, и благодѣтельное вліяніе искусства состоитъ „почти исключительно въ томъ, что искусство—вещь пріятная“. „Здоровый человѣкъ,—аргументируетъ Чернышевскій,—гораздо менѣе эгоистъ, гораздо добрѣе, нежели больной, всегда болѣе или менѣе раздражительный и недовольный, хорошая квартира также болѣе располагаетъ человѣка къ добротѣ, нежели сырая, мрачная, холодная... И надобно сказать, что практическія, житейскія, серьезныя условія, довольство своимъ положеніемъ дѣйствуютъ на человѣка сильнѣе и постояннѣе, нежели пріятныя впечатлѣнія, доставляемыя искусствомъ. Для большинства людей оно—только развлеченіе, то-есть довольно ничтожная вещь, не могущая принести серьезнаго довольства. И, взвѣсивъ хорошенько факты, мы убѣдимся, что многія самыя неблестящія, обыденныя развлеченія больше вносятъ довольства и благорасположенія въ человѣческое сердце, нежели искусство: если бы явился между нами Платонъ, вѣроятно, сказалъ бы онъ, что, напримѣръ, сидѣнье на завалинѣ (у поселянъ) или вокругъ самовара (у горожанъ) больше развило въ нашемъ народѣ хорошаго расположенія духа и добраго расположенія къ людямъ, нежели всѣ произведенія живописи, начиная съ лубочныхъ картинъ до „Послѣдняго дня Помпеи“.

Отвергнувъ нравственно облагораживающее воздѣйствіе искусства, приравнявъ его съ этой стороны ко всякимъ другимъ пріятнымъ предметамъ, Чернышевскій видитъ пользу искусства въ отношеніи интеллектуальномъ и признаетъ его своего рода суррогатомъ науки. „Наука,—говоритъ онъ,—сурова и не заманчива въ своемъ настоящемъ видѣ: она не привлечетъ толпы. Наука требуетъ отъ своихъ адептовъ очень много приготовительныхъ познаній и, что еще рѣже встрѣчается въ большинствѣ,—привычки къ серьезному мышленію. Поэтому, чтобы проникнуть въ массу, наука должна сложить съ себя форму науки. Ея крѣпкое зерно должно быть перемолото въ муку и разведено водою для того, чтобы стать пищею вкусною и удобоваримою. Это достигается популярнымъ изложеніемъ науки. Но и популяр-

ныя книги еще не исполняютъ всего, что нужно для распространенія понятія о наукѣ въ большинствѣ публики: онѣ предлагаютъ чтеніе легкое, но не заманчивое, а большинство читателей хочетъ, чтобы книга была сладкимъ дессертомъ. Это обольстительное чтеніе представляютъ ему романы, повѣсти и т. д. Какъ изъ разговора съ образованнымъ человѣкомъ малообразованный всегда вынесетъ какія-нибудь новыя свѣдѣнія, хотя бы разговоръ, повидимому, и не касался ничего серьезнаго, такъ и изъ чтенія романовъ, повѣстей, по крайней мѣрѣ историческихъ, даже стихотвореній, которыя пишутся людьми, во всякомъ случаѣ стоящими по образованности выше, нежели большинство ихъ читателей, масса публики, не читающая ничего, кромѣ этихъ романовъ и повѣстей, узнаетъ многое... Если популярныя книги перечеканиваютъ въ ходячую монету тяжелый слитокъ золота, выплавленный наукою, то поэзія пускаетъ въ ходъ мелкія серебряныя деньги, которыя обращаются и тамъ, куда рѣдко заходитъ золотая монета, и которыя все-таки имѣютъ свою неотъемлемую цѣнность. Поэзія, какъ распространительница знаній и образованности, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для жизни. „Забава“ ею приноситъ пользу умственному развитію забавляющагося; потому, оставаясь забавою для массы читателей, поэзія получаетъ серьезное значеніе въ глазахъ мыслителей“.

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Чернышевскаго заключается зерно тѣхъ положеній, которыя обстоятельно развиты имъ въ его диссертаціи и затѣмъ явились главнымъ критическимъ мѣриломъ, съ которымъ онъ обращался къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Источникъ этихъ взглядовъ, которымъ суждено было играть такую видную роль въ послѣдующемъ развитіи русской литературной критики, можно видѣть въ публицистическомъ характерѣ европейской критики того времени, но особенно въ направленіи Бѣлинскаго въ послѣдній періодъ его дѣятельности, когда онъ, какъ упомянуто выше, говорилъ, что „пора перестать вспоминать о какомъ-то чистомъ и абстрактномъ искусствѣ, котораго нигдѣ и никогда не бывало“.

Диссертація Чернышевскаго: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ вышла въ 1855 г. По характеру изложенія и по самой темѣ сочиненіе представляло собою

явленіе, далеко не обычное въ то время, и авторъ уже въ предисловіи долженъ былъ оправдываться противъ упрека въ излишней широтѣ предмета изслѣдованія. Ему казалось, что необходимо пересмотрѣть основные вопросы науки, такъ какъ „выработаны матеріалы для новаго воззрѣнія“ на эти вопросы. Это новое воззрѣніе должно отличаться позитивнымъ направленіемъ. „Уваженіе къ дѣйствительной жизни,— говоритъ Чернышевскій,—недовѣрчивость къ апріорическимъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ—вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукѣ. Автору кажется, что необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія, если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ“. Послѣдняя фраза въ высшей степени характерна для всего трактата Чернышевскаго: онъ, дѣйствительно, можетъ считаться отрицаніемъ господствовавшей трансцендентальной эстетики, „разрушеніемъ эстетики“, какъ впослѣдствіи его назвалъ Писаревъ.

Авторъ рѣшительно отвергаетъ теорію о превосходствѣ произведеній искусства надъ произведеніями природы, а также и абстрактное опредѣленіе прекраснаго, какъ „полнаго проявленія общей идеи въ индивидуальномъ явленіи“, и, установивъ положеніе (уже ранѣе встрѣчающееся у Бѣлинскаго), что „прекрасное есть жизнь“, формулируетъ свой взглядъ на задачи искусства слѣдующимъ образомъ: „Существенное значеніе искусства—воспроизведеніе того, чѣмъ человѣкъ интересуется въ дѣйствительности. Но интересуясь явленіями жизни, человѣкъ не можетъ, сознательно или безсознательно, не произносить о нихъ своего приговора; поэтъ или художникъ, не будучи въ состояніи перестать быть человѣкомъ вообще, не можетъ, если бы и хотѣлъ, отказаться отъ произнесенія своего приговора надъ изображаемыми явленіями; приговоръ этотъ выражается въ его произведеніи—вотъ новое значеніе произведеній искусства, по которому искусство становится въ число нравственныхъ дѣятельностей человѣка. Бываютъ люди, у которыхъ сужденіе о явленіяхъ жизни состоитъ почти только въ томъ, что они обнаруживаютъ расположеніе къ извѣстнымъ сторонамъ дѣйствительности и избѣгаютъ другихъ,—это люди, у которыхъ умственная дѣятельность слаба; когда подобный человѣкъ—поэтъ или художникъ, его произведенія не имѣютъ другого значенія, кромѣ воспроизведенія

любимыхъ имъ сторонъ жизни. Но если человѣкъ, въ которомъ умственная дѣятельность сильно возбуждена вопросами, порождаемыми наблюденіемъ жизни, одаренъ художническимъ талантомъ, то въ его произведеніяхъ, сознательно или безсознательно, выразится стремленіе произнести живой приговоръ о явленіяхъ, интересующихъ его (и его современниковъ, потому что мыслящій человѣкъ не можетъ мыслить надъ ничтожными вопросами, никому, кромѣ его неинтересными), будутъ предложены или разрѣшены вопросы, возникающіе изъ жизни для мыслящаго человѣка; его произведенія будутъ, чтобы такъ выразиться, сочиненіями на темы, предлагаемыя жизнью. Это направленіе можетъ находить себѣ выраженіе во всѣхъ искусствахъ (напр., въ живописи можно указать на каррикатуры Гогарта); но преимущественно развивается оно въ поэзіи, которая представляетъ полнѣйшую возможность выразить опредѣленную мысль. Тогда художникъ становится мыслителемъ, и произведеніе искусства, оставаясь въ области искусства пріобрѣтаетъ значеніе научное. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи произведенія искусства не находятъ себѣ ничего соотвѣтствующаго въ дѣйствительности,—но только по формѣ: что касается до содержанія, до самыхъ вопросовъ, предлагающихся или разрѣшаемыхъ искусствомъ, они всѣ найдутся въ дѣйствительной жизни, только безъ преднамѣренности, безъ arrière-pensée“.

Такимъ образомъ, по взгляду Чернышевскаго, выраженному въ этой диссертаціи, искусство не простая популяризація науки, но относится къ дѣйствительности такъ же, какъ и наука, строящая для объясненія жизни рядъ формулъ: искусство при помощи своихъ спеціальныхъ средствъ также объясняетъ жизнь. „Все, что высказывается наукою и искусствомъ, найдется въ жизни, и найдется въ полнѣйшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, со всѣми живыми подробностями, въ которыхъ обыкновенно и лежитъ истинный смыслъ дѣла, которыя часто не понимаются искусствомъ и наукою, еще чаще не могутъ быть ими обняты; въ дѣйствительной жизни все вѣрно, нѣтъ недосмотровъ, нѣтъ односторонней узкости взгляда, которою страждетъ всякое человѣческое произведеніе,—какъ поученіе, какъ наука, жизнь полнѣе, правдивѣе, даже художественнѣе всѣхъ твореній ученыхъ и поэтовъ.

Но жизнь не думаетъ объяснять намъ своихъ явленій, не заботится о выводѣ аксіомъ; въ произведеніяхъ науки и искусства это сдѣлано; правда, выводы неполны, мысли односторонни въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ жизнь; но ихъ извлекли для насъ геніальные люди; безъ ихъ помощи наши выводы были бы еще одностороннѣе, еще бѣднѣе. Наука и искусство (поэзія)—Hadbuch для начинающаго изучать жизнь; ихъ значеніе приготовить къ чтенію источниковъ и потомъ отъ времени до времени служить для справокъ. Наука не думаетъ скрывать этого; не думаютъ скрывать этого и поэты въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ о сущности своихъ произведеній; одна эстетика продолжаетъ утверждать, что искусство выше жизни и дѣйствительности".

Сблизивъ въ такой степени области искусства и науки, Чернышевскій вполнѣ естественно пришелъ къ установленію параллели между исторіей и искусствомъ, потому что „искусство относится къ жизни совершенно такъ же, какъ исторія; различіе по содержанію только въ томъ, что исторія говоритъ о жизни человѣчества, искусство—о жизни человѣка, исторія—о жизни общественной, искусство—о жизни индивидуальной. Первая задача исторіи воспроизвести жизнь; вторая, исполняемая не всѣми историками,—объяснить ее; не заботясь о второй задачѣ, историкъ остается простымъ лѣтописцемъ, и его произведеніе только матеріалъ для настоящаго историка или чтеніе для удовлетворенія любопытства; думая о второй задачѣ, историкъ становится мыслителемъ, и его твореніе пріобрѣтаетъ черезъ это научное достоинство. Совершенно то же самое надо сказать объ искусствѣ".

Сдавъ магистерскій экзаменъ и защитивъ свою диссертацію, Чернышевскій однако не былъ удостоенъ искомой ученой степени, такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ отказалъ утвердить представленіе о немъ университетскаго совѣта. Оставивъ вслѣдствіе этого мечту о профессурѣ, Чернышевскій всецѣло отдается журналистикѣ, сотрудничая исключительно въ „Современникѣ". До средины 1857 г. онъ ведетъ въ этомъ журналѣ отдѣлъ критики и библіографіи, сравнительно мало касаясь вопросовъ политическихъ и экономическихъ. Этимъ вопросамъ посвящены лишь нѣкоторые разборы книгъ по статистикѣ („Стат. опис. Кіевской губерніи" Фундуклея, „Совр." 1856 г., №№

7 и 8) и по финансамъ („О золотѣ и серебрѣ“ Тарасенко-Отрѣшкова, „Совр.“ 1856 г. № 7, „Рѣчь Бакста о народномъ капиталѣ“, ibid., № 8 и др., а также „Хроника современныхъ военныхъ событій“ (Совр. 1856 г., №№ 1, 2, 5) и „Заграничныя извѣстія“ (ibid., №№ 7 и 8). Указанныя статьи, можетъ быть, по цензурнымъ условіямъ отличаются гораздо болѣе умѣреннымъ, спокойнымъ тономъ, чѣмъ болѣе поздніяя публицистическія произведенія Чернышевскаго или его критическія статьи по литературѣ этого времени. Въ послѣднихъ статьяхъ проглядываетъ уже стремленіе оцѣнивать произведенія словесности съ общественной точки зрѣнія, и проявляется рѣзкость и рѣшительность сужденій, несмотря на то, что оцѣниваемыя произведенія принадлежали иногда перу весьма выдающихся писателей. Эту рѣзкость тона Чернышевскій считалъ выраженіемъ „искренности въ критикѣ“ и заявлялъ, что „во многихъ случаяхъ это единственный тонъ, приличный критикѣ, понимающей важность предмета, а не холодно смотрящей на литературные вопросы“. Согласно съ своей общей эстетической теоріей, онъ требовалъ отъ литературы, если не содержанія, то „мысли, т. е. самаго стремленія къ содержанію, вѣянія въ книгѣ того субъективнаго начала, изъ котораго возникаетъ содержаніе“.

Изъ литературно-критическихъ статей Чернышевскаго иныя не утратили своего значенія и въ наше время, обнаруживая въ авторѣ иногда замѣчательную тонкость художественнаго пониманія. Такова, напр., статья о первыхъ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстого („Совр.“ 1856 г., № 12). Говоря о раздававшихся со всѣхъ сторонъ похвалахъ чрезвычайной наблюдательности и тонкому психологическому анализу гр. Толстого, критикъ замѣчалъ, что эти похвалы отличаются неопредѣленностью, представляютъ собою общія мѣста, приложимыя ко всякому крупному писателю; а потому онъ считалъ необходимымъ выяснить, какія „особенныя черты“ принадлежатъ гр. Толстому. Такою особенною чертою критикъ признаетъ прежде всего характеръ психологическаго анализа гр. Толстого. „Вниманіе графа Толстого, говоритъ онъ,—болѣе всего обращено на то, какъ одни чувства и мысли развиваются изъ другихъ; ему интересно наблюдать, какъ чувство, непосредственно возникающее изъ даннаго положенія или впечатлѣнія, подчиняясь вліянію

воспоминаній и силѣ сочетаній, представляемыхъ воображеніемъ, переходитъ въ другія чувства, снова возвращается къ прежней исходной точкѣ и опять и опять странствуетъ, измѣняясь, по всей цѣпи воспоминаній; какъ мысль, рожденная первымъ ощущеніемъ, ведетъ къ другимъ мыслямъ, увлекается дальше и дальше, сливаетъ грезы съ дѣйствительными ощущеніями, мечты о будущемъ съ рефлексіею о настоящемъ. Графа Толстого всего болѣе занимаетъ самъ психическій процессъ, его формы, его законы, діалектика души, чтобы выразиться опредѣлительнымъ терминомъ". Другой особенностью, великимъ достоинствомъ произведеній гр. Толстого Чернышевскій признаетъ „чистоту нравственнаго чувства", которое никогда не колебалось, сохранилось во всей юношеской непосредственности и свѣжести". Въ этомъ отзывѣ о первыхъ произведеніяхъ гр. Толстого въ сущности указаны тѣ главныя особенности, которыя отмѣчались и послѣдующею нашею критикою въ талантѣ гр. Толстого: и „правдивость", о которой говорилъ Н. Н. Страховъ, и „художественная память", охарактеризованная С. А. Андреевскимъ.

Не лишены также важныхъ достоинствъ и статьи Чернышевскаго о сочиненіяхъ Пушкина („Совр." 1855 г., №№ 2, 3, 7 и 8), въ которыхъ онъ развиваетъ обстоятельно нѣкоторыя мысли, высказанныя Бѣлинскимъ. Для характеристики литературно-критическихъ взглядовъ Чернышевскаго важны и его статьи о Лессингѣ, но наиболѣе цѣннымъ изъ его критическихъ трудовъ нужно признать обширное изслѣдованіе „Очерки гоголевскаго періода русской литературы" („Совр." 1855 г., № 12 и 1856 г., № 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11, 12). Эта работа появилась по поводу выхода въ свѣтъ новаго изданія сочиненій Гоголя и второго тома „Мертвыхъ душъ", но хотя уже въ самомъ началѣ Чернышевскій говорилъ, что „давно уже не было въ мірѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи",—предметомъ „Очерковъ" послужили не самыя произведенія Гоголя, но отношеніе къ нему критики. Поставивъ себѣ эту сравнительно ограниченную задачу, Чернышевскій почти съ самаго начала вышелъ изъ ея рамокъ и далъ обзоръ развитія нашей критики (въ ея принципіальныхъ взглядахъ) съ конца 20-хъ годовъ

XIX-го в. до смерти Бѣлинскаго. Здѣсь разсмотрѣна критическая дѣятельность Н. А. Полевого, Сенковскаго, И. В. Кирѣевскаго, Шевырева, Плетнева, кн. П. А. Вяземскаго, Надеждина и въ особенности Бѣлинскаго.

Въ этой книгѣ впервые охарактеризовано было умственное движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и, при богатствѣ фактическаго матеріала, Чернышевскій по нѣкоторымъ вопросамъ пришелъ къ вполнѣ прочнымъ выводамъ, справедливость которыхъ подтверждалась детальной разработкой позднѣйшихъ изслѣдователей, въ особенности трудами академика А. Н. Пыпина. Недостаткомъ изслѣдованія можно считать тотъ полемическій тонъ, который особенно замѣчается въ главѣ о Шевыревѣ; можетъ быть, именно вслѣдствіе этой полемики Шевыреву удѣлено слишкомъ много мѣста. Крупнымъ достоинствомъ книги является анализъ критической дѣятельности Полевого и Надеждина, причемъ дѣлается попытка выясненія отношеній послѣдняго изъ этихъ критиковъ къ Бѣлинскому. Въ этомъ отношеніи къ Чернышевскому какъ мы говорили выше, примыкаютъ, несмотря на отрицательные выводы С. А. Венгерова, академики И. Н. Ждановъ и А. Н. Пыпинъ. Наконецъ, самый обзоръ дѣятельности Бѣлинскаго настолько полонъ и справедливъ, что всѣ позднѣйшіе труды о Бѣлинскомъ принимаютъ схему, установленную Чернышевскимъ. Отмѣтивъ полемическій элементъ, слѣдуетъ указать и на замѣчательное проявленіе объективности по отношенію къ славянофиламъ, о которыхъ Чернышевскій высказалъ такое мнѣніе: „для развитія той части русской публики, которая ими увлекается, эти убѣжденія (т. е. славянофильскія) болѣе полезны, нежели вредны, служа переходною ступенью отъ умственной дремоты, отъ индифферентизма или даже вражды противъ просвѣщенія къ совершенно современному взгляду на вещи, къ совершенному разрыву съ нашей старинной бездѣйственностью и холодностью въ дѣлѣ общемъ. Потому то люди, которыхъ въ насмѣшку называли „западниками“, и славянофилы, несмотря на жаркіе споры между собою, были сподвижники въ одномъ общемъ стремленіи, которое тѣмъ и другимъ было въ сущности дороже всего остального, что ихъ раздѣляло“. Этимъ общимъ дѣломъ было, по указанію Чернышевскаго, стремленіе къ просвѣщенію.

Но, говоря о научной сторонѣ „Очерковъ“, нельзя не упомянуть и объ ихъ публицистической тенденціи, особенно выразившейся въ послѣднихъ главахъ, посвященныхъ Бѣлинскому. Авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, является поклонникомъ того направленія, которое усвоилъ себѣ Бѣлинскій въ послѣдніе годы жизни, и во взглядѣ на искусство мы видимъ тотъ же утилитаризмъ, что и въ „Эстетическихъ отношеніяхъ“. „Поэзія,—говоритъ Чернышевскій,—есть жизнь, дѣйствіе, страсть; эпикуреизмъ въ наше время возможенъ только для людей бездѣйственныхъ, чуждыхъ исторической жизни,—потому въ эпикуреизмѣ нашего времени очень мало поэзіи. И если справедливо, что живая связь съ разумными требованіями эпохи даетъ энергію и успѣхъ всякой дѣятельности человѣка, то эпикуреизмъ нашего времени не можетъ создать въ поэзіи ровно ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Дѣйствительно, всѣ произведенія, написанныя нашими современниками въ этой тенденціи, совершенно ничтожны въ художественномъ отношеніи: они холодны, натянуты, безцвѣтны и риторичны“. Литература не можетъ не быть служительницей того или другого направленія идей: это назначеніе, лежащее въ ея натурѣ, назначеніе, отъ котораго она не въ силахъ отказаться. Послѣдователи теоріи чистаго искусства, выдаваемаго намъ за нѣчто долженствующее быть чуждымъ житейскихъ дѣлъ, обманываются или притворяются: слова: „искусство должно быть независимо всегда отъ жизни“ всегда служили только прикрытіемъ для борьбы противъ не нравившихся этимъ людямъ направленій литературы, съ цѣлью сдѣлать ее служительницею другого направленія, которое болѣе приходилось этимъ людямъ по вкусу“.

Сообразно съ такимъ взглядомъ на литературу, и критика Чернышевскаго все болѣе и болѣе проникается элементами публицистическими; разборъ литературнаго произведенія есть для критики поводъ къ разсужденіямъ объ общественныхъ вопросахъ, и критикъ заявляетъ, что литературная сторона дѣла его мало занимаетъ.

Разбирая въ 1858 г. повѣсть Тургенева „Ася“, Чернышевскій между прочимъ замѣтилъ: „Богъ съ ними, съ эротическими вопросами,—не до нихъ читателю нашего времени, занятому вопросами объ административныхъ и су-

дебныхъ улучшеніяхъ, о финансовыхъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ". Эти слова не только важны для характеристики той знаменательной эпохи русской жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма опредѣленно рисуютъ намъ настроеніе и интересы самого критика, которому они принадлежатъ: мы видимъ, что вниманіе критика сосредоточивается главнымъ образомъ не на литературныхъ, а на общественныхъ вопросахъ; а такъ какъ среди этихъ вопросовъ первое мѣсто занято освобожденіемъ крестьянъ, то ему и долженъ посвятить критикъ важнѣйшія изъ своихъ работъ, тѣмъ болѣе, что уже съ половины 1857 г. оказалось возможнымъ чисто-литературную критику въ „Современникѣ" передать совсѣмъ въ руки Добролюбова, который, по собственному признанію Чернышевскаго, гораздо болѣе его подходилъ къ этой задачѣ.

Знакомясь со статьями Чернышевскаго по крестьянскому дѣлу, мы видимъ, что въ нихъ онъ почти не касался основнаго вопроса о самомъ освобожденіи крестьянъ: этотъ вопросъ представлялся ему безповоротно рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ, и послѣ дарованія крестьянамъ свободы впередъ выдвигались нѣкоторыя подробности въ устройствѣ быта крѣпостныхъ. Однако эти подробности оказывались на столько важными и существенными, что ими вполнѣ опредѣлялась удовлетворительность разрѣшенія всего крестьянскаго вопроса. Такими важнѣйшими подробностями были два коренныхъ вопроса: 1) внутреннее устройство крестьянскаго хозяйства, или общинное землевладѣніе и 2) выкупъ крестьянской земли у помѣщиковъ. Этимъ-то двумъ вопросамъ и посвящены наиболѣе важныя статьи Чернышевскаго по крестьянскому дѣлу.

По вопросу объ общинномъ владѣніи землей Чернышевскому пришлось выступить противъ очень у насъ въ то время распространенныхъ воззрѣній буржуазной школы политической экономіи. Представители этихъ взглядовъ, ссылаясь на сомнительные авторитеты Мишеля Шевалье, Бастіа и др., утверждали, что общинное землевладѣніе есть устарѣлая, первобытная форма, что оно должно быть вытѣснено принципомъ частной земельной собственности, при которой оказываются единственно возможными улучшенія въ хозяйствѣ и которая должна быть признана наиболѣе прочнымъ обезпеченіемъ благосостоянія земледѣльцевъ.

Возставая противъ этой теоріи, поддерживавшейся главнымъ образомъ въ журналѣ „Экономическій Указатель“ Чернышевскій выставилъ слѣдующія положенія:

„1) Принципъ общиннаго пользованія землей самъ по себѣ не можетъ быть признанъ несовмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства.

2) Напротивъ, по достиженіи государствомъ извѣстной степени экономическаго развитія, опредѣляемой сильнымъ развитіемъ торговли и устройствомъ улучшенныхъ путей сообщенія (пароходства и желѣзныхъ дорогъ), общинное пользованіе землей представляется единственнымъ средствомъ избавить огромное большинство земледѣльческаго населенія отъ бѣдствій, соединенныхъ съ батрачествомъ и нищетою, необходимымъ слѣдствіемъ батрачества.

3) Англія и Франція вступили уже въ этотъ періодъ.

4) Даже и въ предшествующее время, когда при слабомъ развитіи торговли и путей сообщенія, дѣйствія закона безграничной конкурренціи не были еще такъ ощутительны, мнимыя неудобства общиннаго пользованія землею для усиленія производства далеко превышаются выгодными слѣдствіями общиннаго пользованія для благосостоянія массы земледѣльческаго населенія.

5) Потому и въ настоящее время благо государства, тождественное съ благомъ большинства земледѣльческаго населенія, требуетъ сохраненія общиннаго пользованія землею.

6) Всѣ возраженія противъ общиннаго пользованія землею не касаются его принципа, а относятся только къ одному изъ способовъ этого пользованія (ежегодному передѣлу земель) и легко устраняются при другихъ способахъ, между прочимъ, при передѣлѣ на продолжительные сроки съ вознагражденіемъ отъ общины прежняго обрабатывателя за улучшеніе земли, если по передѣлу участокъ или клинъ участка переходитъ къ другому члену общины“.

Полемизируя въ пользу общиннаго начала въ крестьянскомъ землепользованіи, Чернышевскій показываетъ весьма убѣдительно, что его противники слишкомъ мало знакомы съ фактами; самъ же онъ пользуется матеріаломъ, представляемымъ знаменитою книгою барона А. Гакстгаузена „Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und

insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands". Въ этомъ обстоятельномъ изслѣдованіи Чернышевскій находитъ множество любопытныхъ примѣровъ, обнаруживающихъ великое значеніе общиннаго землевладѣнія; изъ этихъ примѣровъ становится очевиднымъ, что община нисколько не препятствуетъ прогрессу сельскаго хозяйства. Во всякомъ же случаѣ Чернышевскій отстаиваетъ свободу поземельныхъ отношеній крестьянъ. „Кто хочетъ успѣховъ нашему сельскому хозяйству (такъ говоритъ онъ, резюмируя мысли Гакстгаузена и Тенгоборскаго), тотъ не долженъ желать никакихъ принудительныхъ измѣненій въ порядкѣ общиннаго владѣнія. Довѣримся здравому смыслу нашихъ поселянъ; они сами съумѣютъ ввести въ обычай раздѣла тѣ улучшенія, какія окажутся нужными при дальнѣйшихъ успѣхахъ нашего земледѣлія. Менѣе, нежели кто-нибудь, расположены мы считать непогрѣшительнымъ кого-нибудь изъ живущихъ на землѣ вообще, или русскаго поселянина въ особенности, но неприлично и несправедливо кажется намъ доходить до другой крайности, въ которую увлекаются очень многіе между нами, такъ называемыми образованными людьми, и воображать, будто поселянинъ (русскій или иностранный, все равно) надѣленъ здравымъ смысломъ въ меньшей степени, нежели мы. Почему знать,—быть можетъ, онъ способенъ такъ же, какъ и мы, понимать свои выгоды и довольно благоразумно вести свои житейскія дѣла? Быть можетъ, даже излишнее наше вмѣшательство въ его дѣла приноситъ иногда ему больше вреда, нежели выгоды. Если ужъ мы такъ заботливы о его выгодахъ, то мы можемъ ограничиться только совѣтами, какъ ограничиваемся этимъ средствомъ въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Захочетъ онъ послушать нашего совѣта—хорошо; не послушаетъ—подумаемъ о томъ, хорошъ ли былъ нашъ совѣтъ... Доброе согласіе со стороны человѣка, судьбу котораго надо улучшить, мы считаемъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы судьба его дѣйствительно улучшалась. Безъ доброй воли и добровольнаго согласія человѣка невозможно сдѣлать ничего истинно полезнаго для него". Отстаивая неприкосновенность внутреннихъ крестьянскихъ распорядковъ, рѣшительно отвергая принудительное вмѣшательство въ народную жизнь, Чернышевскій естественно являлся противникомъ тѣхъ эман-

ципаторовъ, которые подъ видомъ заботъ о благѣ мужика, сохраняли крѣпостническій принципъ опеки надъ этимъ „младшимъ братомъ“, который по своему необразованію неспособенъ понимать свои выгоды.

Въ этой защитѣ крестьянской жизни отъ посторонняго вмѣшательства Чернышевскій очень сближается со славянофилами, которые такъ же, какъ и онъ (хотя по другимъ мотивамъ) высоко ставили значеніе общиннаго землевладѣнія. Интересно поэтому еще разъ отмѣтить сочувственный отзывъ Чернышевскаго объ этой партіи, съ которой онъ радикально расходился по многимъ принципіальнымъ вопросамъ. По вопросу объ общинномъ землевладѣніи славянофилы, какъ замѣчаетъ Чернышевскій, высказывали взгляды гораздо болѣе раціональные, чѣмъ многіе изъ такъ называемыхъ западниковъ. „Важность распространенія здравыхъ понятій о вопросѣ касательно необходимости для національнаго благосостоянія сохранить господствующее у насъ общинное пользованіе землею, говоритъ Чернышевскій, очень велика. Но примѣръ западнаго населенія, бѣдствующаго отъ утраты этого принципа, не имѣетъ надъ большинствомъ нашихъ экономистовъ такой силы, какъ лишенныя всякихъ дѣльныхъ основаній изреченія тѣхъ политико-экономическихъ авторитетовъ, которыхъ они привыкли держаться. Славянофилы въ этомъ случаѣ не таковы. Они знаютъ смыслъ урока, представляемаго намъ участью англійскихъ и французскихъ земледѣльцевъ, и хотятъ, чтобы мы воспользовались этимъ урокомъ. Они считаютъ общинное пользованіе землями, существующее нынѣ, важнѣйшимъ залогомъ, необходимѣйшимъ условіемъ благоденствія земледѣльческаго класса. Въ этомъ случаѣ они высоко стоятъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ, которые почерпаютъ свои убѣжденія въ устарѣлыхъ системахъ, принадлежащихъ по духу своему минувшему періоду односторонняго увлеченія частными правами отдѣльной личности, и которые необдуманно готовы возставать противъ нашего драгоцѣннаго обычая, какъ несовмѣстнаго съ требованіями этихъ системъ, несостоятельность которыхъ уже обнаружена наукою и опытомъ западно-европейскихъ народовъ. Всѣ теоретическія заблужденія, всѣ фантастическія увлеченія славянофиловъ съ избыткомъ вознаграждаются уже однимъ убѣжденіемъ ихъ,

что общинное устройство нашихъ селъ должно остаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ“.

Какъ однако ни сочувственъ этотъ отзывъ Чернышевскаго о славянофилахъ, его собственныя воззрѣнія на общинное землевладѣніе, въ конечныхъ результатахъ совпадавшія съ славянофильскими, имѣли, какъ мы уже упомянули совсѣмъ иной источникъ, и въ этомъ отношеніи они были всего ближе и тѣмъ взглядамъ на общину, которые высказывалъ Герценъ, и къ тѣмъ положеніямъ, которые были выдвинуты на Западѣ противниками буржуазной системы политической экономіи противъ чрезмѣрнаго господства принципа частной собственности. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытною представляется защита Чернышевскимъ общиннаго владѣнія при помощи Гегелевскаго діалектическаго метода. Анализировавъ разныя явленія физическаго міра и общественныхъ отношеній („общій ходъ планетарнаго развитія, прогрессивную лѣстницу классовъ животнаго царства вообще, высшіе классы животныхъ въ особенности, физическую жизнь человѣка, его языкъ, обращеніе съ другими людьми, его одежду, манеру держать себя, всѣ его общественныя учрежденія,—администрацію, войско и войну, судопроизводство, заграничную торговлю, торговое движеніе вообще, понятіе о справедливости“). Чернышевскій приходитъ къ тому выводу, что повсюду дѣйствуетъ одна норма развитія: „повсюду высшая ступень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытной формѣ, которая замѣнялась противоположною на средней степени развитія; повсюду очень сильное развитіе содержанія ведетъ къ возстановленію той самой формы, которая была отвергаема развитіемъ содержанія не очень сильнымъ“. Въ этой формулѣ вполнѣ ясна Гегелевская тріада: высшая ступень—synthesis, достигается отъ низшей (thesis) черезъ посредствующее отрицаніе (antithesis). Принявъ эту схему, Чернышевскій примѣняетъ ее къ развитію поземельныхъ отношеній слѣдующимъ построеніемъ:

„Первобытное состояніе (начало развитія). Общинное владѣніе землею. Оно существуетъ потому, что человѣческій трудъ не имѣетъ прочныхъ и дорогихъ связей съ извѣстнымъ участкомъ земли. Номады не имѣютъ земледѣлія, не

производятъ надъ землею никакой работы. Земледѣліе сначала также не соединено съ затратою почти никакихъ капиталовъ собственно на землю.

„Вторичное состояніе (усиленіе развитія). Земледѣліе требуетъ затраты капитала и труда собственно на землю. Земля улучшается множествомъ разныхъ способовъ и работъ, изъ которыхъ самою общею и повсемѣстною необходимостью представляется удобреніе. Человѣкъ, затратившій капиталъ на землю, долженъ неотъемлемо владѣть ею; слѣдствіе того—поступленіе земли въ частную собственность. Эта форма достигаетъ своей цѣли, потому что землевладѣніе не есть предметъ спекуляціи, а источникъ правильнаго дохода.

„Вотъ двѣ степени, о которыхъ толкуютъ противники общиннаго владѣнія,—но вѣдь только двѣ, гдѣ же третья? Неужели ходъ развитія исчерпывается ими?

„Промышленно-торговая дѣятельность усиливается и производитъ громадное развитіе спекуляціи; спекуляція, охвативъ всѣ другія отрасли народнаго хозяйства, обращается на основную и самую обширную вѣтвь его—на земледѣліе. Оттого поземельная личная собственность теряетъ свой прежній характеръ. Прежде землею владѣлъ тотъ, кто обрабатывалъ ее, затрачивалъ свой капиталъ на ея улучшеніе (система малыхъ собственниковъ, воздѣлывающихъ своими руками свой участокъ, также система эмфитевзовъ и половничества по наслѣдству, съ крѣпостною зависимостью или безъ нея); но вотъ является новая система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вслѣдствіе улучшеній, производимыхъ фермеромъ, идетъ въ руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало или только въ самой незначительной степени участвовало своимъ капиталомъ въ улучшеніи земли, а между тѣмъ пользуется всею прибылью, какую доставляютъ улучшенія. Такимъ образомъ личная поземельная собственность перестаетъ быть способомъ къ вознагражденію за затрату капитала на улучшеніе земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ обработка земли начинаетъ требовать такихъ капиталовъ, которые превышаютъ средства огромнаго большинства земледѣльцевъ, а земледѣльческое хозяйство требуетъ такихъ размѣровъ, которые далеко превышаютъ силы отдѣльнаго семейства, и по обширности хозяйственныхъ участковъ также исключаютъ (при частной

собственности) огромное большинство земледѣльцевъ отъ участія въ выгодахъ, доставляемыхъ веденіемъ хозяйства, и обращаютъ это большинство въ наемныхъ работниковъ. Этими перемѣнами уничтожаются тѣ причины преимущества частной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ, которыя существовали въ прежнее время. Общинное владѣніе становится единственнымъ способомъ доставить огромному большинству земледѣльцевъ участіе въ вознагражденіи, приносимомъ землею, за улучшенія, производимыя въ ней трудомъ. Такимъ образомъ общинное владѣніе представляется нужнымъ не только для благосостоянія земледѣльческаго класса, но и для успѣховъ самаго земледѣлія: оно оказывается единственнымъ разумнымъ и полнымъ средствомъ соединить выгоду земледѣльца съ улучшеніемъ земли и методы производства и съ добросовѣстнымъ исполненіемъ работы. А безъ этого соединенія невозможно вполнѣ успѣшное производство".

„Таково сильнѣйшее, непреоборимое расположеніе мысли, къ которому приводитъ каждаго, знакомаго съ основными воззрѣніями современнаго міросозерцанія, именно та самая черта первобытности, которую выставляютъ къ рѣшительной невыгодѣ для себя въ общинномъ владѣніи его противники. Именно эта черта заставляетъ считать его тою формою, которую должны имѣть поземельныя отношенія при достиженіи высокаго развитія; именно эта черта указываетъ въ общинномъ владѣніи высшую форму отношеній человѣка къ землѣ".

Вся эта аргументація въ пользу общиннаго владѣнія по своей логической послѣдовательности можетъ считаться прямо блестящею: въ самомъ дѣлѣ, если принять принципъ, выражаемый Гегелевской тріадой, то примѣненіе этого принципа къ поземельнымъ отношеніямъ сдѣлано Чернышевскимъ какъ нельзя лучше. Однако, именно та же строгая логичность заставляла предвидѣть возможность весьма существеннаго возраженія со стороны противниковъ общиннаго владѣнія. Если дѣйствительно въ ходѣ развитія поземельныхъ отношеній наблюдаются указанные три момента, то наше общинное владѣніе представляетъ собою лишь первый изъ этихъ моментовъ и, чтобы дойти до третьяго момента, о которомъ говорятъ защитники общиннаго владѣнія,

надо пережить и средній моментъ, т. е. періодъ господства частной поземельной собственности. Но Чернышевскій парируетъ это возраженіе такимъ тезисомъ: „Подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, подниматься съ низшей ступени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты“. Подобные факты постоянно наблюдаются въ жизни человѣческихъ обществъ (хотя бы напр. переходъ отъ вооруженія дубиною прямо къ штуцерамъ у дикарей), а поэтому и нѣтъ для Россіи никакой необходимости повторять тотъ же процессъ развитія поземельныхъ отношеній, какой наблюдается на Западѣ: сохраняя общинное владѣніе, можно прямо отъ его первобытныхъ формъ, минуя періодъ частной поземельной собственности, перейти къ тѣмъ совершеннымъ формамъ, которыя указываются западно-европейской жизнью и новѣйшей экономической наукой.

Вмѣсто того, чтобы отвергать общинное владѣніе, видѣть въ одной изъ связанныхъ съ нимъ особенностей (легко устранимой и далеко не повсемѣстно-распространенной) коренной его недостатокъ, людямъ, толкующимъ объ улучшеніи современнаго положенія, слѣдуетъ, по мнѣнію Чернышевскаго, искать причинъ неудовлетворительности этого положенія въ нѣкоторыхъ болѣе общихъ условіяхъ, а такими условіями Чернышевскій считаетъ „состояніе нашей администраціи и судебной власти“. „Позаботьтесь, говоритъ онъ, о томъ, чтобы мы получили хорошую администрацію и справедливый судъ; тогда вы увидите, что не нужно будетъ нашему земледѣлію прибѣгать къ раковымъ жерновкамъ (какъ это дѣлаютъ знахари при лѣченіи лихорадки)— къ раздѣленію общинныхъ земель на потомственные участки, — тогда вы увидите, что общинное владѣніе не будетъ мѣшать успѣхамъ сельскаго хозяйства, потому что тогда будетъ исчезать наша бѣдность, и явятся тѣ условія, которыхъ теперь нѣтъ и безъ которыхъ ни при какой системѣ землевладѣнія сельское хозяйство не можетъ притти въ удовлетворительное состояніе“.

Въ своей защитѣ общиннаго владѣнія Чернышевскій не былъ одинокъ. Какъ мы указали, за одно съ нимъ дѣйствовали Герценъ, голосъ котораго имѣлъ въ то время огромное

значеніе, славянофилы, изъ среды которыхъ вышли такіе энергичные дѣятели редакціонныхъ коммиссій, какъ кн. Черкасскій, Ю. Ѳ. Самаринъ и частью Н. А. Милютинъ. При такомъ положеніи дѣла статьи Чернышевскаго относительно общины имѣли прямо практическое значеніе, предохраняя отъ опасной ошибки, въ которую легко было бы впасть, принимая на вѣру принципы буржуазной школы западныхъ экономистовъ.

Тотъ же практическій характеръ имѣли и разсужденія Чернышевскаго по вопросу о выкупѣ, хотя тутъ слѣдуетъ оговориться, что въ силу многихъ обстоятельствъ проекты Чернышевскаго остались безъ осуществленія. Тѣмъ не менѣе эти соображенія нашего публициста, изложенныя въ статьяхъ „Труденъ ли выкупъ земли?“ и „О необходимости держаться возможно-умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадьбъ“, представляются настолько интересными, что мы считаемъ не лишнимъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, о нихъ напомнить. По словамъ Чернышевскаго, „выкупъ крѣпостныхъ крестьянъ съ землею не только по настоящему надѣлу, но и по надѣлу, значительно увеличенному до той мѣры, при которой онъ дѣйствительно удовлетворялъ бы потребностямъ ихъ благосостоянія,—такой выкупъ вовсе дѣло не трудное; мало сказать: дѣло не трудное,—нѣтъ, надобно сказать, онъ дѣло очень легкое, до такой степени легкое, что какъ ни поведите его, хотя бы и не самымъ легкимъ путемъ, онъ всетаки будетъ очень легокъ. Если весь онъ будетъ предоставленъ исключительно силамъ крестьянъ, крестьяне съ небольшимъ въ 20 лѣтъ уплатятъ его, сами не замѣчая, что платятъ выкупъ. Если правительство найдетъ возможнымъ, чтобы государство помогло крестьянамъ пожертвованіемъ всего только отъ 175 до 195 милліоновъ, онъ сократится до 13 лѣтъ; и само правительство можетъ избрать при вспоможеніи любой изъ многихъ способовъ, между которыми ни одинъ не былъ бы обременителенъ для государства, требуя лишнихъ расходовъ всего по нѣсколько милліоновъ рублей въ годъ въ теченіе 12, или 10, или даже менѣе лѣтъ. Наконецъ, если бы правительство захотѣло принять весь выкупъ на себя, такое великодушіе, или лучше сказать, такая благородная и вмѣстѣ расчетливая рѣшимость была-бы соединена съ увеличеніемъ

государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе финансовыхъ улучшеній, значительными суммами, отъ которыхъ, вѣроятно, оставался бы большой излишекъ на другія государственныя надобности, даже и въ продолженіе выкупной операціи, и которыя, по ея окончаніи, всѣ оставались бы въ распоряженіи казны".

Для того, однако, чтобы достигнуть этого прекраснаго результата, необходимо отказаться отъ „юридической казуистики", ограничить притязанія на чрезмѣрно-высокій размѣръ выкупныхъ платежей". „Важныя дѣла, говоритъ Чернышевскій, надобно рѣшать по совѣсти и по здравому смыслу, здравый смыслъ говоритъ, что раззореніе освобожденныхъ крестьянъ отзовется самыми невыгодными слѣдствіями на всемъ государственномъ организмѣ, и болѣе всего на самихъ помѣщикахъ. При слишкомъ высокой оцѣнкѣ выкупа, ежегодные взносы съ крестьянъ будутъ слишкомъ высоки. Слишкомъ высокими ежегодными взносами въ два-три года крестьяне раззорятся. Разорившись, они не будутъ въ состояніи платить не только высокаго, но и ровно никакого выкупа. Вся выкупная операція разстроится, когда помѣщики не успѣютъ еще получить и десятой части выкупа, и въ результатѣ окажется у помѣщиковъ въ дѣйствительномъ полученіи много 25 руб. съ души; а между освобожденными крестьянами окажется всеобщее раззореніе и неоплатныя недоимки. Отъ этого предостерегаетъ здравый смыслъ, говоря, что величина выкупа должна быть сообразна съ силами крестьянъ. Совѣсть говоритъ, что человѣкъ не долженъ, при полученіи вознагражденія за свой доходъ, цѣнить доходъ выше его дѣйствительной величины". Возможность легко провести выкупную операцію ведетъ къ неисчислимымъ выгодамъ и для государства, и для помѣщиковъ, и для крестьянъ. „Возродится все государство, выиграютъ всѣ — отъ правительства до послѣдняго солдата, отъ Финляндца, не знавшаго о крѣпостномъ правѣ между своихъ скалъ, до Сибиряка, забывшаго о немъ между своихъ тундръ. Увеличатся государственные доходы, облегчится администрація, возникнетъ правосудіе, разовьется промышленность и торговля, пріобрѣтетъ небывалую доселѣ безопасность собственность и личность каждаго, смягчатся нравы, ослабѣютъ пороки, все государство и каждый человѣкъ

въ государствѣ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ и богаче, и лучше, и счастливѣе, чѣмъ теперь. А кто выиграетъ отъ какого-нибудь дѣла, тотъ долженъ платить расходы по этому дѣлу. Выигрываетъ вся нація, слѣдовательно и расходы должна нести вся нація". Выкупъ, по мнѣнію Чернышевскаго, есть дѣло правительства и если казна принимаетъ на себя выкупную операцію, то выгоды этой операціи будутъ огромные прежде всего для самой казны.

Если по отношенію къ первому изъ указанныхъ вопросовъ Чернышевскій имѣлъ много союзниковъ, то и относительно выкупа онъ не былъ одинъ: почти тѣ же самые союзники были съ нимъ и въ этомъ вопросѣ. Однако рѣшеніе его далеко не было такъ легко и благопріятно, какъ полагалъ Чернышевскій. Въ этомъ вопросѣ приходилось уступать притязаніямъ помѣщиковъ, и результатъ получился далеко не вездѣ отрадный: надѣлъ оказался скуднымъ, а выкупъ слишкомъ высокимъ.

Крайній демократизмъ, обнаруживающійся и въ сужденіяхъ о крестьянскомъ вопросѣ, пропагандируется Чернышевскимъ всякими пріемами: то онъ предлагаетъ читателямъ „Современника" очерки изъ новѣйшей исторіи Франціи (Кавеньякъ, 1858 г. №№ 1 и 3, Борьба партій во Франціи, 1858 г. № 8 и 9, Іюльская монархія, 1860 г. № 1 и 2), въ которыхъ старается показать несостоятельность либеральной партіи и усиленно подчеркиваетъ свое сочувствіе тѣмъ, кто стоялъ за интересы работниковъ, демократамъ-радикаламъ и соціалистамъ; то даетъ онъ переводъ или пересказъ политической экономіи Милля съ обширными своими примѣчаніями, въ которыхъ подвергаетъ жестокой критикѣ господствовавшую буржуазную систему политической экономіи (Совр. 1860 г. №№ 2, 3, 4, 5, 7, 8, 11, 1861 г. №№ 6—12). Эти „примѣчанія" Чернышевскаго могутъ считаться однимъ изъ обстоятельнѣйшихъ очерковъ соціалистической теоріи, почему и заслужили весьма одобрительный отзывъ Карла Маркса.

Всѣ эти, на первый взглядъ, отвлеченныя темы въ изложеніи Чернышевскаго постоянно получали примѣненіе къ русской жизни. Ее-то прежде всего и стремился онъ перестроить на новыхъ началахъ. Все прежнее религіозное и философское міросозерцаніе представлялось Чернышевскому устарѣлымъ, не соотвѣтствующимъ ни современнымъ науч-

нымъ взглядамъ, ни современнымъ общественнымъ потребностямъ. На смѣну этому міросозерцанію Чернышевскій выдвигалъ теорію матеріалистическаго утилитаризма. Съ наибольшею рѣшительностью онъ изложилъ эту теорію въ статьѣ „Антропологическій принципъ въ философіи“ (Совр. 1860 г., №№ 4 и 5). Основаніемъ новаго міросозерцанія, всей теоріи нравственности служатъ для Чернышевскаго естественныя науки. Психологія (какъ на этомъ настаивалъ еще Герценъ въ „Письмахъ объ изученіи природы“) есть только отрасль физіологіи, такъ какъ никакой двойственности въ натурѣ человѣка нельзя замѣтить. Различіе между человѣкомъ и животными только количественное, и всѣ тѣ высокія чувства, которыми совсѣмъ неправильно гордится человѣкъ, имѣютъ въ основѣ своей эгоизмъ: человѣкъ дѣлаетъ то, что ему пріятно и полезно. На этомъ „разумномъ“ эгоизмѣ должна строиться вся общественная нравственность. Добро есть, какъ будто, „очень полезная польза“. Эта статья вызвала критику проф. Кіевской духовной академіи, Юркевича, который очень обстоятельно доказывалъ несостоятельность утилитаризма, но Чернышевскій не обратилъ вниманія на вѣскіе философскіе доводы Юркевича, объявилъ ихъ схоластикой и отвѣтилъ одними насмѣшками (Совр. 1851 г. № 6). Какъ ни были слабы философскія основанія утилитаризма, авторитетъ Чернышевскаго настолько былъ великъ въ глазахъ молодежи того времени, что его теорія получила чрезвычайную популярность. Радикализмъ воззрѣній Чернышевскаго встрѣчалъ рѣдкое сочувствіе въ молодежи, настроенной революціонно, и этимъ же радикализмомъ объясняется успѣхъ романа „Что дѣлать?“ написаннаго Чернышевскимъ уже послѣ ареста (Совр. 1863 г. №№ 4, 5, 6).

Арестованъ былъ Чернышевскій 7 іюля 1862 г. по обвиненію въ государственномъ преступленіи, въ участіи въ противоправительственной пропагандѣ, въ составленіи возмутительныхъ воззваній къ народу. По приговору Правительствующаго Сената 13-го іюля 1864 г., Чернышевскій былъ сосланъ въ Нерчинскіе заводы на 7 лѣтъ каторжной работы. Въ 1875 г., по отбытіи срока каторги, онъ былъ поселенъ въ г. Вилюйскѣ. Въ 1875 г. была попытка освободить Чернышевскаго изъ ссылки: 12-го іюля явился къ вилюйскому исправнику нѣкто Ипполитъ Мышкинъ, въ мундирѣ жандарм-

скаго офицера, назвавшійся Мещериновымъ, съ подложнымъ предписаніемъ сдать Чернышевскаго для перевода въ Благовѣщенскъ; однако, обманъ былъ обнаруженъ. Ссылка въ Сибирь окончилась для Чернышевскаго въ 1883 г., когда ему было разрѣшено поселиться въ Астрахани.

Во время ссылки, конечно, литературная дѣятельность Чернышевскаго должна была прекратиться, но отъ одного изъ товарищей Чернышевскаго по каторгѣ имѣются свѣдѣнія о его беллетристическихъ опытахъ за это время. Вообще беллетристика для Чернышевскаго была лишь средствомъ проведенія извѣстныхъ идей. Такимъ образомъ онъ пользовался беллетристической формой и до ссылки, когда написанъ былъ романъ „Что дѣлать?“, а также и въ ссылкѣ. Романъ „Что дѣлать?“ является популяризаціей утилитарной нравственности, такъ какъ его герои постоянно говорятъ, что ихъ дѣйствіями руководитъ эгоизмъ; а кромѣ того въ этомъ романѣ развивается теорія свободной любви и эмансипаціи женщины, а въ „снахъ“ Вѣры Павловны рисуется то счастье, которое предстоитъ человѣчеству при осуществленіи соціалистическихъ идеаловъ; провести же эти идеалы въ жизнь возможно только такимъ сильнымъ практическимъ дѣятелямъ, какъ Рахметовъ; однако, люди, подобные Рахметову, настоящему герою, явятся не сразу, они представляютъ собою, такъ сказать, идеалъ революціонныхъ дѣятелей, а подготовкой къ этому идеалу служатъ „новые люди“, каковыми надо считать Лопухова, Кирсанова и др.

На каторгѣ, въ 1865 г. въ Кадаѣ начата Чернышевскимъ трилогія романовъ, въ которыхъ онъ изображалъ общественное движеніе, сопутствовавшее крестьянской реформѣ; въ 1868 г. эти романы („Прологъ къ прологу“, „Дневникъ Левицкаго“ и „Прологъ“) были окончены. Въ этихъ романахъ Чернышевскій выводитъ самого себя, свою жену и Добролюбова, а также многихъ дѣятелей редакціонныхъ коммиссій. Предполагалъ Чернышевскій дать продолженіе этихъ романовъ, изобразить событія 1862—3 гг., но планъ не былъ осуществленъ: были лишь написаны отдѣльные эпизоды („Разсказы изъ Бѣлаго зала“), въ которыхъ дѣйствіе переносилось за границу. По тѣмъ же свѣдѣніямъ извѣстно о нѣкоторыхъ комедіяхъ („Другимъ нельзя“) и разсказахъ Чернышевскаго, сочиненныхъ также на каторгѣ. Во время ссылки

Чернышевскаго въ цюрихскомъ журналѣ „Впередъ“ въ 1874 г. были напечатаны „Письма безъ адреса“, написанныя Чернышевскимъ еще въ 1862 г., но по цензурнымъ условіямъ не могшія появиться въ Россіи. Въ этихъ „Письмахъ“ Чернышевскій рѣзко критикуетъ крестьянскую реформу, доказывая, что она повела къ несправедливому обремененію крестьянъ платежами въ пользу помѣщиковъ, что недостатки реформы произошли отъ бюрократическихъ пріемовъ ея подготовки и т. д.

По возвращеніи изъ ссылки, Чернышевскій получаетъ снова возможность заняться литературнымъ трудомъ. Живя сперва въ Астрахани, а въ 1889 г. въ Саратовѣ, онъ принимается за огромный трудъ перевода „Всеобщей исторіи“ Георга Вебера. Онъ успѣлъ перевести 11 томовъ и значительную часть XII-го. Къ нѣкоторымъ изъ переведенныхъ имъ томовъ Чернышевскій прилагалъ статьи философско-историческаго характера (т. I—„Очеркъ научныхъ понятій о возникновеніи обстановки человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ доисторическія времена; т. VI—о правописаніи мусульманскихъ и въ частности арабскихъ собственныхъ именъ; т. VII—о расахъ; т. VIII—о классификаціи людей по языку; т. IX—о различіяхъ между народами по національному характеру; т. X—Общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ; т. XI—Астрономическій законъ распредѣленія солнечной теплоты). И переводъ и приложенія являлись въ свѣтъ съ псевдонимомъ „Андреевъ“. Съ этимъ же псевдонимомъ Чернышевскій напечаталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ „статью „Характеръ человѣческаго знанія“, а въ „Русской Мысли“ стихотвореніе „Гимнъ дѣвѣ неба“ (1885 г., № 7). Въ томъ же журналѣ, съ подписью „Старый трансформистъ“ была напечатана статья „Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь“ (1888 г., № 9). Передъ смертью Чернышевскій началъ изданіе „Матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова (Рус. Мысль 1889 г., № 1 и 2 съ псевдонимомъ „Андреевъ“, а въ 1890 г. изд. Солдатенковымъ въ одномъ томѣ). Умеръ Чернышевскій 17-го октября 1889 г. въ Саратовѣ, гдѣ и похороненъ на Воскресенскомъ кладбищѣ.

Н. А. Добролюбовъ.

III.

Осенью 1856 г. въ „Современникѣ“ появляется обширная статья о журналѣ екатерининской эпохи „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“. По своему сюжету, статья, повидимому, должна примкнуть къ общей массѣ библіографическихъ работъ, которыя поставлялись въ изобиліи въ журналы того времени Галаховымъ, Аѳанасьевымъ, Дудышкинымъ, Анненковымъ и др. Эти почтенные библіографы и историки литературы выступаютъ въ качествѣ представителей новаго направленія въ нашей литературной критикѣ, которая должна, по ихъ мнѣнію, отказаться отъ широкихъ философскихъ обобщеній, составлявшихъ передъ тѣмъ ея отличительную черту, такъ какъ подобныя обобщенія построены на шаткомъ основаніи и не даютъ плодотворныхъ научныхъ результатовъ. Нужно обстоятельное библіографическое изслѣдованіе, которому лучше всего поддаются, конечно, памятники былой литературы, а потому наши журналы начала 1850-хъ годовъ поражаютъ чрезвычайной бѣдностью критическаго отдѣла.

По заглавію, статья о „Собесѣдникѣ“, принадлежащая перу студента 3-го курса педагогическаго института, Николая Добролюбова, подписавшагося псевдонимомъ „Лайбовъ“ (Нико*лай* Добролю*бовъ*), вполнѣ какъ бы отвѣчаетъ требованіямъ новыхъ критиковъ, однако, начинается она такимъ вступленіемъ, которое сразу показываетъ, что на литературное поприще выдвинулась сила совсѣмъ иного направленія, что юный авторъ рѣшается идти въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ, что къ критикѣ онъ предъявляетъ своеобразныя требованія. Дерзкій студентъ выступаетъ съ такимъ заявленіемъ: „Уважаю я трудъ библіографа, знаю, что и для него нужно нѣкоторое приготовленіе, предварительныя знанія, какъ для почтальона нужно знаніе городскихъ улицъ; но позвольте же мнѣ болѣе уважать критика, который даетъ намъ вѣрную, полную, всестороннюю оцѣнку писателя или произведенія, который произноситъ новое слово въ наукѣ или искусствѣ, который распространяетъ въ обществѣ свѣтлый взглядъ, истинныя, благородныя убѣжденія. Отъ этого критика я не узнаю, можетъ быть, даже на-

званій всѣхъ произведеній писателя, и тѣмъ менѣе то, гдѣ они были помѣщены и гдѣ писаны, но за-то мнѣ будетъ открытъ характеръ писателя, я буду ясно и вѣрно понимать лучшія его произведенія, горячо сочувствовать всему прекрасному, что въ нихъ заключается... И долго будетъ въ обществѣ отзываться звучный, ясный голосъ этого критика, долго будетъ чувствовать народъ благотворное вліяніе его убѣжденій, его горячей, смѣлой, задушевной проповѣди. Конечно, это направленіе тоже можетъ быть доводимо до крайностей: можно набросать громкихъ фразъ, не имѣя никакого собственнаго убѣжденія... Но и это не совершенно безполезно: по крайней мѣрѣ, подобная статья заставитъ читателя подумать... Библіографическіе же труды могутъ только составить чисто пассивное упражненіе памяти".

Судя по такому рѣшительному отрицанію библіографическихъ пріемовъ критики, можно было бы подумать, что юный авторъ просто не понимаетъ значенія научной разработки исторіи литературы, что подобная разработка ему, можетъ быть и не по силамъ; однако, присматриваясь внимательно къ его статьѣ, мы видимъ, что въ дѣйствительности онъ очень недурной библіографъ: знакомъ и съ первоисточниками, и съ изслѣдованіями, но библіографическая работа для него есть только подготовительная ступень къ серьезной критической оцѣнкѣ, есть, такъ сказать, работа черновая, которую онъ считаетъ нужнымъ прятать въ примѣчанія. Съ научной стороны, статья о „Собесѣдникѣ" и до сихъ поръ не утратила своей цѣнности, хотя главное ея значеніе заключалось въ томъ, что она выдвинула впередъ тѣ запросы, которые за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ уже предъявлялись къ критикѣ Бѣлинскимъ и которые въ это время начали предаваться забвенію. Литература, съ этой точки зрѣнія, есть выразительница общественныхъ стремленій, она даетъ отвѣты на вопросы времени или, по крайней мѣрѣ, она исполнена скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ. Если такова роль литературы, то критика, какъ истолковательница литературныхъ произведеній, тоже принимаетъ дѣятельное участіе въ общемъ жизненномъ движеніи, проводитъ въ общественное сознаніе извѣстный рядъ взглядовъ и убѣжденій, двигаетъ общество на пути разрѣшенія насущныхъ вопросовъ времени, слѣдовательно никакъ не мо-

жетъ оставаться въ области библіографическихъ изысканій или отвлеченныхъ эстетическихъ разсужденій. Критикъ есть своего рода публицистъ, высказывающій по поводу литературныхъ произведеній свои общественныя требованія, обращающійся къ читателямъ съ проповѣдью нравственныхъ и общественныхъ идей, содѣйствующихъ индивидуальному и общественному прогрессу.

Съ нѣкоторыми проявленіями подобной публицистики мы встрѣчаемся уже въ этой первой статьѣ нашего критика. Охарактеризовавъ направленіе екатерининской сатиры, Добролюбовъ обращается къ своему времени и замѣчаетъ: „Смотря на эту сильную, настойчивую борьбу съ главнѣйшими недостатками эпохи, нельзя съ сожалѣніемъ не припомнить нашей литературы послѣдняго времени, которая большею частью сражается съ призраками и бросаетъ слова на воздухъ, которая осмѣливается нападать только на то, что не простирается за предѣлы какого-нибудь очень тѣснаго кружка или что давно уже осмѣяно и оставлено самимъ обществомъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что съ нынѣшними своими средствами она могла бы сдѣлать гораздо больше для общества, нежели въ то время, когда она сама еще едва выходила изъ пеленокъ“.

Добролюбовъ указываетъ, что обличеніе въ литературѣ упало, что „комедія пробавляется картежниками, шулерами, вертопрахами, женящимися на богатыхъ купчихахъ, отцами, насильно отдающими дочерей замужъ, женами, обманывающими мужей, и т. д., всѣмъ, надъ чѣмъ уже давно притупили свое остроуміе комики всѣхъ народовъ“.

Литература, вызывающая такую строгую оцѣнку юнаго критика, очень скоро должна была ожить подъ вліяніемъ тѣхъ бодрящихъ вѣяній, которыя принесла съ собою эпоха великихъ реформъ, на порогѣ которой начинается дѣятельность Добролюбова. Критику открывается широкое поле для его работы. Жизнь выдвигаетъ множество важнѣйшихъ вопросовъ, а литература даетъ такія произведенія, которыя являются отвѣтомъ на эти вопросы, и критика получаетъ возможность развиваться именно въ публицистическомъ направленіи. Есть, конечно, нѣкоторые эпигоны старой эстетической школы или библіографическаго направленія, но не на ихъ сторонѣ симпатіи читающаго общества, ихъ голоса уже

никто не слушаетъ, а вождями критики становятся Чернышевскій и Добролюбовъ, изъ которыхъ первый своими „Эстетическими отношеніями искусства къ дѣйствительности“ нанесъ рѣшительный ударъ прежнему пониманію роли литературы и можетъ до нѣкоторой степени считаться руководителемъ Добролюбова.

Наиболѣе яркое отрицаніе старыхъ пріемовъ критики мы находимъ въ статьѣ Добролюбова по поводу тургеневскаго „Наканунѣ“. „Эстетическая критика,— говоритъ Добролюбовъ,—сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень“. Она состоитъ изъ ряда безсодержательныхъ, патетическихъ восклицаній о талантѣ автора, о необыкновенныхъ достоинствахъ его произведенія, но не затрогиваетъ фактовъ общественной жизни, изображенной въ этомъ произведеніи. Поэтому, отказавшись отъ роли „воспитателя эстетическаго вкуса публики“, Добролюбовъ ставитъ себѣ другую задачу. „Мы хотимъ,—говоритъ онъ,—просто подвести итогъ тѣмъ даннымъ, которыя разсѣяны въ произведеніи писателя и которыя мы принимаемъ, какъ совершившійся фактъ, какъ жизненное явленіе, стоящее передъ нами. Работа не хитрая, но нужная, потому что за множествомъ занятій и отдыховъ рѣдко кому придетъ охота самому всматриваться во всѣ подробности литературнаго произведенія, разобрать, провѣрить и поставить на свое мѣсто всѣ цифры, изъ которыхъ составляется этотъ сложный отчетъ объ одной изъ сторонъ нашей общественной жизни, и затѣмъ подумать объ итогѣ и о томъ, что онъ обѣщаетъ и къ чему насъ обязываетъ. Для насъ не столько важно то, что *хотѣлъ* сказать авторъ, сколько то, что *сказалось* имъ, хотя бы и ненамѣренно, просто вслѣдствіе правдиваго воспроизведенія фактовъ жизни. Мы дорожимъ всякимъ талантливымъ произведеніемъ именно потому, что въ немъ можемъ изучать факты нашей родной жизни“... Слѣдовательно, задача критика есть изученіе и истолкованіе именно *фактовъ жизни*“.

Тотъ же взглядъ высказанъ и въ статьѣ „Что такое обломовщина?“, въ которой мы находимъ слѣдующую ироническую характеристику существующихъ пріемовъ критики: „Обломовъ“ вызоветъ безъ сомнѣнія множество критикъ. Вѣроятно, будутъ между ними и корректурныя, которыя отыщутъ какія-нибудь погрѣшности въ языкѣ и слогѣ, и

патетическія, въ которыхъ будетъ много восклицаній о прелести сценъ и характеровъ, и эстетично-аптекарскія, съ строгою повѣркою того, вездѣ ли точно, по эстетическому рецепту, отпущено дѣйствующимъ лицамъ надлежащее количество такихъ-то и такихъ-то свойствъ, и всегда ли эти лица употребляютъ ихъ такъ, какъ сказано въ рецептѣ. Мы не имѣемъ ни малѣйшей охоты пускаться въ подобныя тонкости, да и читателямъ, вѣроятно, не будетъ особеннаго горя, если мы не станемъ убиваться надъ соображеніями о томъ, вполнѣ ли соотвѣтствуетъ такая-то фраза характеру героя и его положенію, или въ ней надобно нѣсколько словъ переставить и т. п.".

Такое пониманіе задачъ критики вызывало строгое осужденіе со стороны нѣкоторыхъ современниковъ Добролюбова, которые находили, что его статьи не объясняютъ самыхъ литературныхъ произведеній, а написаны только *по ихъ поводу*. Подобные отзывы слышались не только отъ тѣхъ людей, которые были противниками общественныхъ взглядовъ Добролюбова; иногда даже люди, сочувствовавшіе его направленію, находили, что критикъ слишкомъ увлекается въ сторону отъ разбираемаго произведенія, занимаясь разсмотрѣніемъ того или другого общественнаго вопроса. Подобный упрекъ Добролюбову приходится слышать и въ наше время, въ особенности со стороны нѣкоторыхъ критиковъ, желающихъ, подъ видомъ какой-то философской оцѣнки, возстановить старинные пріемы эстетико-стилистическаго разбора литературныхъ произведеній. Говорятъ, что у Добролюбова было ложнымъ самое основаніе его критическихъ пріемовъ, а отъ этого и происходили тѣ отступленія публицистическаго характера, которыя встрѣчаются въ его статьяхъ. Но справедливы ли всѣ эти упреки? Попробуемъ въ нихъ разобраться.

Начнемъ съ ложности основанія, принятаго критикомъ. Основаніе это состоитъ въ признаніи литературы факторомъ общественнаго развитія. Спрашивается, какой же иной взглядъ можно выставить на литературу? Если ее признавать средствомъ эстетическаго удовольствія, то приходится, во-первыхъ, до крайности суживать ея рамки, такъ какъ огромная масса литературныхъ произведеній возникаетъ не изъ одной потребности эстетическаго наслажденія; а, во-

вторыхъ, и самое эстетическое наслажденіе врядъ-ли можетъ считаться чѣмъ-либо стоящимъ внѣ общественнаго развитія: оно ему подчиняется съ одной стороны и вліяетъ на него съ другой. Если признавать литературу выраженіемъ вѣчныхъ идеаловъ истины, добра и красоты, то и въ этомъ случаѣ она есть факторъ общественнаго развитія, которое направляется къ осуществленію этихъ идеаловъ. Но можно сказать, что Добролюбовъ и другіе представители публицистической критики слишкомъ узко понимали общественное значеніе литературы, требуя отъ нея служенія общественнымъ потребностямъ лишь даннаго времени, данной среды. Такой упрекъ, пожалуй, покажется на первый взглядъ и болѣе справедливымъ, но только на первый взглядъ, такъ какъ по существу всякая критика, оцѣнивая *значеніе* литературнаго произведенія, стоитъ всегда на уровнѣ потребностей и пониманія своей эпохи. Наконецъ, выставляется противъ публицистической критики упрекъ въ крайнемъ ея субъективизмѣ. Если бы какое-нибудь изъ другихъ направленій критики могло похвастаться своей дѣйствительной объективностью, то подобный упрекъ могъ бы имѣть нѣкоторую силу. Однако, у эстетиковъ мы не найдемъ и тѣни объективнаго отношенія къ литературнымъ произведеніямъ: эстетическая оцѣнка не основывается на какихъ-нибудь непререкаемыхъ аксіомахъ, она всецѣло почти дѣло вкуса или нѣкоторыхъ чисто условныхъ положеній, которыхъ придерживается критикъ, и, слѣдовательно, въ ней мы напрасно стали бы искать объективности, которой требуютъ отъ критиковъ-публицистовъ. Пожалуй, даже субъективизмъ общественного направленія критики является гораздо болѣе цѣннымъ, чѣмъ субъективизмъ эстетическаго вкуса: все же въ нымъ болѣе широты и все же онъ болѣе содѣйствуетъ общественному прогрессу, чѣмъ отвлеченныя, туманныя разсужденія разныхъ сторонниковъ эстетическаго направленія въ критикѣ. Эти теоретики любятъ часто ссылаться на какіе-то общіе законы искусства, какъ на объективное основаніе ихъ сужденій о литературѣ; но, къ сожалѣнію, всѣ эти якобы законы искусства представляются чисто субъективными заключеніями, основанными на личныхъ вкусахъ критиковъ.

Обращаясь непосредственно къ Добролюбову, мы должны

разсмотрѣть, дѣйствительно ли его публицистическія стремленія отвлекали его отъ разбора литературныхъ произведеній. Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ сущности не представляетъ особенныхъ трудностей. Стоитъ только указать на нѣкоторыя статьи Добролюбова, посвященныя произведеніямъ Тургенева, Гончарова, Островскаго, Достоевскаго. Врядъ-ли мы найдемъ въ нашей критической литературѣ лучшій комментарій къ знаменитому роману Гончарова, какъ статья „Что такое обломовщина?“ Въ этой статьѣ дано такое глубокое объясненіе причинъ возникновенія обломовщины и такъ опредѣлено значеніе этого явленія въ русской жизни, что она положительно можетъ считаться существеннѣйшимъ дополненіемъ къ знаменитому роману. Кто, затѣмъ, лучше Добролюбова сумѣлъ объяснить смыслъ и значеніе первыхъ комедій Островскаго? Какъ бы мы ни цѣнили статьи Аполлона Григорьева, все-таки не его, а Добролюбова мы должны признать настоящимъ истолкователемъ „темнаго царства“: у Добролюбова именно мы находимъ широкое разъясненіе общественнаго смысла представленнаго Островскимъ самодурства. Если можно иногда указывать въ статьяхъ Добролюбова неправильность оцѣнки, какъ, напримѣръ, въ статьѣ „Забытые люди“, посвященной сочиненіямъ Достоевскаго, то подобная неправильность происходила отнюдь не отъ его публицистическаго увлеченія, а отъ разныхъ другихъ причинъ, хотя бы даже и отъ недостаточно полнаго изученія извѣстныхъ жизненныхъ фактовъ, лежавшихъ въ основѣ литературнаго произведенія. Могутъ указать, что Добролюбовъ не понялъ представителей такъ называемаго чистаго искусства, что онъ слишкомъ высоко цѣнилъ тенденціозную поэзію; но такое указаніе не будетъ вполнѣ справедливымъ, такъ какъ съ одной стороны можно много найти у Добролюбова очень суровыхъ отзывовъ именно о тенденціозныхъ прозведеніяхъ, а съ другой стороны цѣнность твореній школы искусства для искусства (по крайней мѣрѣ, тѣхъ ея представителей, о которыхъ приходилось говорить Добролюбову) и до сихъ поръ далеко не можетъ почитаться абсолютно-безспорной.

IV.

Разсматривая изложенные взгляды Чернышевскаго и Добролюбова безпристрастно, sine ira et studio, безъ традиціоннаго ужаса предъ отцами нигилизма, мы не увидимъ въ нихъ особенно рѣзкихъ отличій отъ того, что уже ранѣе высказывалось въ нашей литературѣ: мысль, что въ произведеніяхъ искусства нужно болѣе всего цѣнить содержаніе, идеи (или объясненіе, приговоръ надъ жизнью), высказывалась, какъ мы видѣли, уже съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, и даже ранѣе Карамзинъ ставилъ форму ниже содержанія; общественное значеніе литературы тоже давно намѣчалось. Такимъ образомъ новой критикѣ принадлежитъ болѣе точная формулировка, болѣе широкое развитіе тѣхъ идей, которыя въ зачаткахъ были уже въ прежней нашей литературѣ. Опасными эти идеи стали казаться въ примѣненіи къ отдѣльнымъ литературнымъ фактамъ, частью уже въ статьяхъ Добролюбова и Чернышевскаго, критика которыхъ, благодаря обстоятельствамъ эпохи, приняла боевой публицистическій характеръ, а еще въ большей степени стало внушать страхъ новое направленіе, когда его представителями оказались такіе прямолинейные люди, какъ блещущій литературнымъ талантомъ Писаревъ, и совсѣмъ не талантливый, но очень задорный Зайцевъ, доведшіе теорію своихъ учителей въ нѣкоторыхъ частныхъ примѣненіяхъ до абсурда.

Въ статьѣ „Разрушеніе эстетики“, изложивъ довольно обстоятельно содержаніе диссертаціи Чернышевскаго, Писаревъ указываетъ на значеніе ея для дальнѣйшаго направленія критики, такъ какъ „роль критика, проникнутаго мыслями „Эстетическихъ отношеній“, состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы прикладывать къ художественнымъ произведеніямъ различныя статьи готоваго эстетическаго кодекса, и вмѣсто того, чтобы исправлять должность безличнаго и безпристрастнаго блюстителя неподвижнаго закона, критикъ превращается въ живого человѣка, который вноситъ и обязанъ вносить въ свою дѣятельность все свое личное міросозерцаніе, весь свой индивидуальный характеръ, весь свой образъ мыслей, всю совокупность своихъ человѣческихъ и гражданскихъ убѣжденій, надеждъ и желаній“.

Д. И. Писаревъ.

Статья „Разрушеніе эстетики“, несмотря на громкое заглавіе, написана сравнительно въ умѣренномъ тонѣ, такъ какъ является собственно изложеніемъ взглядовъ Чернышевскаго; но настоящимъ „разрушеніемъ эстетики“, хотя тоже находящимся въ зависимости отъ Чернышевскаго, слѣдуетъ признать по крайней страстности аргументаціи статью „Реалисты“. „Въ томъ-то, говоритъ Писаревъ, и состоитъ пошлость всякихъ эстетическихъ приговоровъ, что они произносятся не вслѣдствіе размышленія, а по вдохновенію, по внушенію того, что называется голосомъ инстинкта или чувства. Взглянулъ, понравилось — ну, значитъ, хорошо, прекрасно, изящно. Взглянулъ, не понравилось—кончено дѣло: скверно, отвратительно, безобразно. А почему понравилось или не понравилось — этого вамъ не объяснитъ ни одинъ эстетикъ. Все объясненіе ограничится только ссылкой на внутренній голосъ непосредственнаго чувства. Эстетикъ выставитъ вамъ, конечно, цѣлую систему второстепенныхъ правилъ, но чтобы поставить весь этотъ затѣйливый эшафодажъ на какой-нибудь фундаментъ, онъ все-таки сошлется подъ конецъ на непосредственное чувство“. Однако такой ссылки, какъ полагаетъ Писаревъ, принять никоимъ образомъ невозможно, такъ какъ „внутренній голосъ непосредственнаго чувства повторяетъ только, какъ попугай, то, что нажужжали намъ въ уши съ самой ранней молодости“, и всѣ эстетическія теоріи, на которыя мы ссылаемся, представляются только предразсудками, своего рода idola fori и idola theatri, о которыхъ когда-то говорилъ Бэконъ. „Наши инстинкты, говоритъ Писаревъ, наши безсознательныя влеченія, наши безпричинныя симпатіи и антипатіи, словомъ— всѣ движенія нашего внутренняго міра, въ которыхъ мы не можемъ дать себѣ яснаго и строгаго отчета, и которыя мы не можемъ свести къ нашимъ потребностямъ или къ понятіямъ вреда или пользы,—всѣ эти движенія, говорю я, захвачены нами изъ прошедшаго, изъ той почвы, которая насъ выкормила, изъ понятій того общества, среди котораго мы развились и жили. Это наслѣдство и составляетъ силу и основаніе всѣхъ нашихъ эстетическихъ понятій. Что нравится намъ безотчетно, то нравится намъ только потому, что мы къ нему привыкли. Если эта безотчетная симпатія не оправдывается сужденіемъ нашей критической мысли,

то очевидно, что эта симпатія тормозитъ наше умственное развитіе. Если въ этомъ столкновеніи побѣдитъ трезвый умъ, мы подвинемся впередъ къ болѣе общеполезному взгляду на вещи. Если побѣдитъ эстетическое чувство,—мы сдѣлаемъ шагъ назадъ къ царству рутины, умственнаго безсилія, вреда и мрака. Эстетика, безотчетность, рутина, привычка—это все совершенно равносильныя понятія. Реализмъ, сознательность, анализъ, критика и умственный прогрессъ—это также равносильныя понятія, діаметрально-противоположныя первымъ. Чѣмъ больше мы даемъ простора нашимъ безотчетнымъ влеченіямъ, чѣмъ сильнѣе разыгрывается наше эстетическое чувство, тѣмъ пассивнѣе становятся наши отношенія къ окружающимъ условіямъ жизни, тѣмъ окончательнѣе и безвозвратнѣе наша умственная самостоятельность поглощается и порабощается безсмысленными вліяніями нашей обстановки. Люди, обожающіе красоту и эстетику, разсуждаютъ обыкновенно такъ: мнѣ это нравится, слѣдовательно, это хорошо. Утвердившись на той позиціи, что это хорошо, они начинаютъ подбирать второстепенныя условія, при которыхъ можетъ и должна развиться полная красота даннаго предмета, и этимъ подбираніемъ ограничивается то скромное шевеленіе мозговъ, которое называется эстетическимъ анализомъ. Мысль при этомъ вертится въ предѣлахъ того крошечнаго кружка, который очерченъ вокругъ нея заранѣе. Повертится, передвинетъ съ мѣста на мѣсто кое-какія пылинки, да на томъ и успокоится".

Литература есть одно изъ средствъ правильнаго развитія общественнаго мнѣнія, и она исполняетъ свое назначеніе, если ея содержаніе серіозно, если она не наполняется эстетическимъ хламомъ. „Задавать обществу психологическія задачи,—говоритъ Писаревъ,—показывать ему столкновенія между различными страстями, характерами и положеніями, наводить его на размышленія о причинахъ этихъ столкновеній и о средствахъ устранить подобныя непріятности, заставлять его сочувствовать въ книгѣ тому лицу или поступку, противъ котораго оно (общество) вооружилось бы въ дѣйствительной жизни вслѣдствіе своихъ закоренѣлыхъ предубѣжденій,—все это значитъ формировать общественное мнѣніе, значитъ—говорить обществу: вглядывайся, вдумывайся въ свою собственную жизнь, выметай изъ нея,

хотя понемногу, тотъ мусоръ ложныхъ понятій, на которомъ живые люди, твои же собственные члены, спотыкаются и ломаютъ себѣ ноги!“ При такомъ взглядѣ на задачи литературы, Писаревъ вполнѣ естественно приходитъ къ отрицанію формы, такъ какъ „теперь вниманіе читателей безраздѣльно направляется на содержаніе, то-есть на мысль. Отъ формы требуютъ только, чтобы она не мѣшала содержанію, то-есть, чтобы запутанные и тяжелые обороты рѣчи не затрудняли собой развитіе мысли. По нашимъ теперешнимъ понятіямъ, красота языка заключается единственно въ его ясности и выразительности, то-есть исключительно въ тѣхъ качествахъ, которыя ускоряютъ и облегчаютъ переходъ мысли изъ головы писателя въ голову читателя. Достоинство телеграфа заключается въ томъ, чтобы онъ передавалъ извѣстія быстро и вѣрно, а никакъ не въ томъ, чтобы телеграфная проволока изображала собой разныя извилины и арабески. Эту простую истину нашъ практическій вѣкъ понемногу, самъ того не замѣчая, приложилъ къ области поэтическаго творчества. Языкъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, именно средствомъ для передачи мысли. Форма подчинилась содержанію, и съ этого времени укладываніе мысли въ размѣренныя и риѳмованныя строчки стало казаться всѣмъ здравомыслящимъ людямъ ребяческой забавой и напрасной тратой времени. По привычкѣ къ старинѣ, мы еще не рѣшаемся громко сознаться въ томъ, что мы дѣйствительно такъ смотримъ на это дѣло, но живые факты сами говорятъ за себя“.

При такомъ реалистическомъ взглядѣ на литературу, Писаревъ, само собою разумѣется, долженъ былъ ополчиться противъ одного изъ наиболѣе существенныхъ, хотя въ то же время и слабыхъ, положеній эстетической теоріи о безсознательности и безцѣльности поэтическаго творчества. Его возраженія противъ этого конька отвлеченной эстетики надо признать положительно блестящими. „Истинный, полезный поэтъ,—говоритъ онъ,—долженъ знать и понимать все, что въ данную минуту интересуетъ самыхъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ представителей его вѣка и его народа. Понимая вполнѣ глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный, непремѣнно долженъ

всѣми силами своего существа любить то, что кажется ему добрымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святой и великой ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность. Эта любовь, неразрывно связанная съ этой ненавистью, составляетъ и непремѣнно должна составлять для истиннаго поэта душу его души, единственный и священный смыслъ всего его существованія и всей его дѣятельности. „Я пишу не чернилами, какъ другіе,— говоритъ Берне,—я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ“. Такъ, и только такъ долженъ писать каждый писатель. Кто пишетъ иначе, тому слѣдуетъ шить сапоги и печь кулебяки. Поэтъ самый страстный и впечатлительный изъ всѣхъ писателей, конечно, не можетъ составлять исключенія изъ этого правила. А чтобы дѣйствительно писать кровью сердца и сокомъ нервовъ, необходимо безпредѣльно и глубоко-сознательно любить и ненавидѣть. А чтобы любить и ненавидѣть, чтобы эта любовь и эта ненависть были чисты отъ великихъ примѣсей личной корысти и мелкаго тщеславія, необходимо много передумать и многое узнать. А когда все это сдѣлано, когда поэтъ охватилъ своимъ сильнымъ умомъ весь великій смыслъ человѣческой жизни, человѣческой борьбы и человѣческаго горя, когда онъ вдумался въ причины, когда онъ уловилъ крѣпкую связь между отдѣльными явленіями, когда онъ понялъ, что надо и что можно сдѣлать, въ какомъ направленіи и какими пружинами слѣдуетъ дѣйствовать на умы читающихъ людей, тогда безсознательное и безцѣльное творчество дѣлается для него безусловно невозможнымъ. Общая цѣль его жизни не даетъ ему ни минуты покоя; эта цѣль манитъ и тянетъ его къ себѣ; онъ счастливъ, когда видитъ ее передъ собой яснѣе и какъ будто ближе; онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ, что другіе люди понимаютъ его пожирающую страсть и сами съ трепетомъ томительной надежды смотрятъ въ даль, на ту же великую цѣль; онъ страдаетъ и злится, когда цѣль исчезаетъ въ туманѣ человѣческихъ глупостей, и когда окружающіе его люди бродятъ ощупью, сбивая другъ друга съ прямого пути“.

„И вы, господа эстетики,—восклицаетъ Писаревъ,—хотите,

чтобы такой человѣкъ, принимаясь за перо, превращался въ болтливаго младенца, который самъ не вѣдаетъ, что и зачѣмъ лепечутъ его розовыя губы! Вы хотите, чтобы онъ безцѣльно тѣшился пестрыми картинками своей фантазіи именно въ тѣ великія и священныя минуты, когда его могучій умъ, развертываясь въ процессѣ творчества, льетъ въ умы простыхъ и темныхъ людей цѣлые потоки свѣта и теплоты! Никогда этого не бываетъ и быть не можетъ. Человѣкъ, прикоснувшійся рукою къ древу познанія добра и зла, никогда не сумѣетъ, и, что всего важнѣе, никогда не захочетъ возвратиться въ растительное состояніе первобытной невинности. Кто понялъ и прочувствовалъ до самой глубины взволнованной души различіе между истиной и заблужденіемъ, тотъ волей-неволей въ каждое изъ своихъ созданій будетъ вкладывать идеи, чувства и стремленія вѣчной борьбы за правду. Итакъ, по моему мнѣнію, истиный поэтъ, принимаясь за перо, отдаетъ себѣ строгій и ясный отчетъ въ томъ, къ какой общей цѣли будетъ направлено его новое созданіе, какое впечатлѣніе оно должно будетъ произвести на умы читателей, какую святую истину оно докажетъ имъ своими яркими картинами, какое вредное заблужденіе оно подроетъ подъ самый корень. Поэтъ—или великій боецъ мысли, безстрашный и безукоризненный „рыцарь духа“, какъ говоритъ Гейне, или же ничтожный паразитъ, потѣшающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ мелкими фокусами безплоднаго фиглярства. Середины нѣтъ. Поэтъ или титанъ, потрясающій горы вѣкового зла, или же козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли. И это не фраза. Это—строгая психологическая истина. Дѣйствительно, каждый эстетикъ, конечно, согласится со мною, что искренность есть необходимѣйшее качество поэта. Драма, романъ, поэма, лирическое стихотвореніе, въ которыхъ хоть сколько-нибудь проглядываютъ натянутыя и обязательныя отношенія автора къ его предмету,—ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть названы поэтическими произведеніями. Это—риторическія упражненія на заданныя темы, а риторъ и поэтъ, разумѣется, не имѣютъ между собой ничего общаго. Искренность необходима; но поэтъ можетъ быть искреннимъ или въ полномъ величіи разумнаго міросозерцанія, или въ полной ограниченности мыслей, знаній, чувствъ и стремленій.

Въ первомъ случаѣ онъ—Шекспиръ, Дантъ, Байронъ, Гете, Гейне. Во второмъ случаѣ онъ—Фетъ. Въ первомъ случаѣ онъ поситъ въ себѣ думы и печали всего современнаго міра. Во второмъ—онъ поетъ тоненькой фистулой о душистыхъ локонахъ".

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ, если исключить изъ нихъ, какъ крайность, отрицаніе поэзіи индивидуальнаго чувства и презрѣніе къ поэтической формѣ, заключаются мысли вполнѣ здравыя и, можетъ быть, въ иныхъ нѣсколько формахъ и ранѣе выражавшіяся въ русской литературѣ; но именно указанныя крайности и привели Писарева, вмѣстѣ съ поверхностнымъ изученіемъ предмета, къ весьма несправедливому примѣненію его критеріума къ русской литературѣ. Поставивъ вопросъ, есть ли у насъ въ Россіи замѣчательные поэты, онъ отвѣчаетъ „безъ всякихъ обиняковъ, что у насъ ихъ нѣтъ, никогда не было, никогда не могло быть — и, по всей вѣроятности, очень долго еще не будетъ. У насъ были или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоѣдова; а къ числу пародій я отношу Пушкина и Жуковскаго". Возражать противъ такого безапелляціоннаго приговора не приходится, но онъ характеренъ, какъ показатель односторонности и легкомысленной отваги критической мысли прямолинейнаго реалиста. Объявивши Пушкина пародіей на поэта, Писаревъ въ этой же статьѣ признаетъ его только „великимъ стилистомъ" и называетъ рѣшительно вздоромъ мнѣніе, что Пушкинъ основалъ нашу новѣйшую литературу; при этомъ онъ обѣщаетъ впослѣдствіи разобрать дѣятельность Пушкина „съ точки зрѣнія послѣдовательнаго реализма". Обѣщаніе это, какъ извѣстно, было выполнено въ статьяхъ „Пушкинъ и Бѣлинскій", о которыхъ не стоило бы и говорить, еслибы онѣ не признавались наиболѣе яркимъ выраженіемъ несостоятельности реальной критики. Слабая сторона этихъ статей заключается именно въ крайне неумѣломъ, истекшемъ, можетъ быть, изъ пристрастнаго отожествленія Пушкина съ поэтами чистаго искусства, примѣненіи къ его произведеніямъ пріемовъ новой критики: Писаревъ совершенно не принялъ въ расчетъ, что публицистическіе пріемы, умѣстные при разборѣ произведеній текущей литературы, должны замѣняться историческими,

А. А. Григорьевъ.

когда дѣло идетъ о памятникахъ минувшаго, что общественное значеніе поэта всегда выясняется изъ исторической обстановки, въ которой онъ дѣйствовалъ; а кромѣ того, Писаревъ выхватилъ изъ всего поэтическаго наслѣдія Пушкина нѣсколько произведеній, толкуя ихъ крайне произвольно (отожествляя Пушкина съ Онѣгинымъ),—и, конечно, впалъ въ цѣлый рядъ ошибокъ. Но такъ какъ ошибки проистекли отъ нарушенія метода, то обращать ихъ въ орудіе противъ самаго метода есть въ свою очередь крайне грубая ошибка.

Критическое направленіе, сказавшееся въ дѣятельности Чернышевскаго и его ближайшихъ послѣдователей, находящееся въ преемственной связи съ взглядами Бѣлинскаго и болѣе раннихъ представителей нашего литературнаго самосознанія, встрѣтило не мало противниковъ, среди которыхъ самое видное мѣсто (хотя, какъ сейчасъ увидимъ, не въ силу разности основныхъ принциповъ критики) принадлежитъ Аполлону Григорьеву. Туманная терминологія этого критика, крайняя внѣшняя безпорядочность его сочиненій, которыя онъ называлъ „халатными статьями, писанными на распашку", а главное неопредѣленность, расплывчатость, даже невыясненность основъ его міросозерцанія, приводили къ тому, что онъ не могъ имѣть особенно сильнаго вліянія на общество, и даже немногочисленные, хотя и очень ревностные, его поклонники не всегда отдавали себѣ ясный отчетъ, въ чемъ собственно состоитъ его значеніе, и ограничивались почти исключительно безотчетными похвалами его проницательности и широтѣ взгляда. Такъ, уже при первомъ знакомствѣ со статьями Григорьева является темнымъ вопросъ о его отношеніи къ Бѣлинскому, которое и при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи остается не вполнѣ опредѣленнымъ. Мы видимъ, что Григорьевъ очень высоко цѣнитъ своего предшественника и въ одной изъ своихъ статей даетъ о немъ слѣдующій, глубоко сочувственный отзывъ: „Высокій удѣлъ, данный судьбою немногимъ изъ критиковъ,—едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не одному Бѣлинскому. И данъ этотъ удѣлъ совершенно по праву. Горячаго сочувствія при жизни и по смерти стоилъ тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать. Безстрашный боецъ за правду, онъ не усомнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее, и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упре-

кали его за измѣненія взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей только тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется даже, онъ созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ бы правда ни противорѣчила его взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала. Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ созналъ, и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто наперекоръ общему мнѣнію, все, что казалось ему ложнымъ или напыщеннымъ—заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ, никогда не ошибался. У него былъ ключъ къ словамъ его эпохи, и въ груди его жила могущественная и вулканическая сила. Теоріи увлекали его, какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ. У него — теоретики назовутъ это слабостью, а мы великою силою — никогда не достало бы духу развѣнчать во имя теоріи сегодня то, что созналъ онъ великимъ и прекраснымъ вчера". Однако этотъ сочувственный отзывъ не помѣшалъ Григорьеву признать понятіе Бѣлинскаго о жизни „голо логичнымъ", въ чемъ заключалось прямое противорѣчіе той смѣлости, честности и правдивости, которыя Григорьевъ видѣлъ въ Бѣлинскомъ.

Въ этомъ противорѣчіи лучше всего сказалась хаотичность понятій Григорьева, которая еще болѣе обнаруживается въ противопоставленіи имъ своей критики пріемамъ Бѣлинскаго, такъ какъ въ сущности онъ всегда стремился къ сочетанію историческихъ и эстетическихъ элементовъ, которое было у Бѣлинскаго и которое въ болѣе слабой степени проявлялось даже у его послѣдователей, враговъ Григорьева, „теоретиковъ" (по терминологіи Григорьева) Чернышевскаго и Добролюбова: оба послѣдніе умѣли довольно правильно цѣнить Пушкина, Добролюбовъ даже признавалъ достоинства „Черни", и даже enfant terrible „теоретиковъ", Писаревъ иногда говоритъ объ „истинѣ, добрѣ и красотѣ". Тотъ историческій принципъ, котораго держится Григорьевъ, раньше проводился Бѣлинскимъ, и если отбросить крайне путанныя, мистическія опредѣленія жизни, которая „есть нѣчто таинственное и неисчерпаемое, бездна, поглощающая всякій конечный разумъ, необъятная ширь, въ которой не-

рѣдко исчезаетъ, какъ волна въ океанѣ, логическій выводъ какой бы то ни было умной головы,—нѣчто даже ироническое и вмѣстѣ съ тѣмъ полное любви, производящее изъ себя міры за мірами“, если отбросить этотъ романтически-шеллингіанскій наборъ словъ, то принципы критики Григорьева окажутся довольно близкими къ взглядамъ „теоретиковъ“.

Такъ, въ статьѣ „Русская литература въ 1851 году“ мы находимъ слѣдующее изложеніе этихъ принциповъ: „Нашъ вѣкъ есть вѣкъ попреимуществу историческій, и повторимъ опять, мы менѣе всего отрицаемся отъ такого его значенія. Историческій взглядъ есть пріобрѣтеніе, завоеваніе, купленное многими тяжкими опытами, многими трудами. Странно бы было, еслибы эта общая схема не приложена была и къ искусству, странно было бы, еслибы не было исторической критики; скажемъ еще болѣе, мы сами думаемъ, что едва ли въ наше время можетъ и существовать иная критика, кромѣ исторической. 1) Историческая критика разсматриваетъ литературу, какъ органическій продуктъ вѣка и народа въ связи съ развитіемъ государственныхъ, общественныхъ и моральныхъ понятій. Такимъ образомъ всякое произведеніе является на судъ ея живымъ отголоскомъ времени, его понятій, вѣрованій и убѣжденій, и постольку замѣчательнымъ, поскольку отразило оно жизнь вѣка и народа. Но, такъ какъ во всемъ временномъ есть частицы вѣчнаго, неперемѣннаго, и такъ какъ это вѣчное, неперемѣнное остается постояннымъ масштабомъ для оцѣнки различныхъ видимыхъ явленій, то и слѣдуетъ отсюда прямо, что общіе эстетическіе законы подразумѣваются исторической критикой художественныхъ произведеній. 2) Историческая критика разсматриваетъ литературныя произведенія въ ихъ преемственной и послѣдовательной связи, выводя ихъ, такъ сказать, одно изъ другого, сопоставляя ихъ, сличая между собою, но не уничтожая одно въ пользу другого, не возвышая послѣдне-написаннаго на счетъ предшествовавшихъ. Показать относительное значеніе всѣхъ литературныхъ произведеній въ массѣ, опредѣлить каждому подобающее мѣсто, какъ органическому, живому продукту жизни,—и повѣрить каждое безотносительными законами изящнаго, непремѣнно повѣрить каждое—вотъ дѣло исторической критики. 3) Исто-

рическая критика, разсматривая литературное произведеніе, какъ живой продуктъ общественной и моральной жизни, опредѣляетъ, что внесло оно содержаніемъ своимъ въ массу познаній о человѣкѣ".

Въ той же статьѣ любопытно и замѣчаніе о поэтическомъ міросозерцаніи, которое „не есть что либо совершенно личное, совершенно принадлежащее самому поэту. Широта или узость міросозерцанія обусловливается эпохой, страной, однимъ словомъ,—временными и мѣстными историческими обстоятельствами. Геніальная натура, при всей своей крѣпкой и несомнѣнной самости или личности, является, такъ сказать, фокусомъ, отражающимъ крайніе, истинные предѣлы современнаго ей мышленія, послѣднюю истинную степень развитія общественныхъ понятій и убѣжденій. Это мышленіе, эти общественныя понятія и убѣжденія возводятся въ ней, по слову Гоголя, „въ перлъ созданія", очищаясь отъ грубой примѣси различныхъ уклоненій и односторонностей. Геніальная натура носитъ въ себѣ, такъ сказать, кладъ всего неперемѣннаго, что есть въ стремленіяхъ ея эпохи. Но, отражая въ себѣ эти стремленія, не служитъ имъ рабски, а владычествуетъ надъ ними, глядя яснѣе многихъ впередъ. Противорѣчія примиряются въ ней высшими началами разума, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и безконечная любовь".

По существу тѣ же самые взгляды на критику, съ незначительными видоизмѣненіями, съ болѣе опредѣленнымъ указаніемъ необходимости сочетать точки зрѣнія историческую и эстетическую, которыя въ отдѣльности ведутъ къ одностороннимъ и неправильнымъ сужденіямъ о произведеніяхъ искусства, развиваются Григорьевымъ и въ послѣдующихъ его статьяхъ, изъ которыхъ болѣе всего значенія имѣетъ „Критическій взглядъ на основы, значеніе и пріемы современной критики искусства". Какъ мы уже указывали, принципіальныя разнорѣчія Григорьева съ „теоретиками" были не особенно значительны: историческая критика не можетъ считаться противоположностью публицистической, а идеалъ отвергался теоретиками только на словахъ, такъ какъ мѣрки „честности", „правдивости", „добра", примѣняемыя Добролюбовымъ и Чернышевскимъ къ литературнымъ произведеніямъ, или понятія „общечеловѣческой солидарности"

и даже „истины, добра и красоты“, признаваемыя Писаревымъ, логически должны быть признаны тѣми самыми идеалами, о которыхъ такъ туманно говоритъ Григорьевъ. Разница заключалась главнымъ образомъ въ частныхъ приложеніяхъ: Григорьевъ какъ-то странно отрицалъ значеніе „Обломова“, въ комедіяхъ Островскаго видѣлъ не то, что въ нихъ видѣли „теоретики“, восхищался смиреніемъ, которое нашелъ въ Пушкинскомъ Бѣлкинѣ, почему этому типу приписалъ какое то изъ ряда вонъ выходящее, полумистическое значеніе, о которомъ врядъ ли когда помышлялъ и самъ Пушкинъ; Григорьевъ намѣтилъ въ нашей литературѣ параллельные ряды хищныхъ и смирныхъ типовъ и т. д. Во всемъ этомъ ему приходилось противорѣчить теоретикамъ, но главной основой противорѣчія былъ его взглядъ на народность: онъ примыкалъ къ славянофиламъ, тогда какъ теоретики были западниками, слѣдовательно различіе касалось не принциповъ искусства, а воззрѣній общественныхъ, и въ концѣ концовъ намъ приходится признать Григорьева такимъ же проводникомъ общественнаго критеріума въ вопросахъ искусства, какими были его антагонисты, такимъ же публицистомъ, какъ и они.

Рядомъ съ этими общественными настроеніями въ критикѣ шестидесятыхъ годовъ встрѣчаются, какъ археологическіе остатки, и чисто эстетическія стремленія, представляемыя Дудышкинымъ, Дружининымъ, Анненковымъ, Катковымъ и др., но нужно о нихъ сказать, что даже имъ не всегда удается удержаться на ихъ олимпійской высотѣ, соблюсти безразличное отношеніе къ фактамъ общественной жизни, а, кромѣ того, они не имѣютъ ровно никакого вліянія на общественное сознаніе, за исключеніемъ развѣ Каткова, хотя и онъ привлекъ къ себѣ вниманіе не тѣми отвлеченными разсужденіями, которыми наполнены его не лишенныя нѣкоторой цѣнности статьи о Пушкинѣ, а своей публицистической дѣятельностью.

V.

Говоря о значеніи Бѣлинскаго для послѣдующей русской критики, мы считаемъ не лишнимъ остановиться нѣсколько на его вліяніи на ходъ нашей литературы вообще, такъ какъ

критика и литература всегда въ своемъ развитіи тѣсно связаны: блестящія эпохи литературной производительности являются одинаково эпохами развитія критики, и наоборотъ, и даже далеко нельзя считать окончательно уясненнымъ, которое изъ сопутствующихъ другъ другу явленій имѣетъ болѣе правъ на названіе причины другого, литература или критика. Если мы иногда говоримъ о томъ, что талантливый критикъ сообщаетъ литературѣ извѣстное направленіе, то еще чаще мы замѣчаемъ, что критика извѣстнаго періода, являясь истолковательницей литературныхъ произведеній, подчиняется господствующему теченію современной литературы. Обращаясь къ нашей литературѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ, мы замѣчаемъ, что по своимъ общественнымъ тенденціямъ большинство ея талантливыхъ представителей идетъ по тому же пути, по которому двигается критика, этого времени; однако мы не можемъ сказать, чтобы они подчинялись этой критикѣ, и если мы поищемъ корней ихъ направленія, мы увидимъ, что ихъ учителемъ былъ именно Бѣлинскій.

Около него въ 40-хъ годахъ сгруппировался кружокъ молодыхъ писателей, изъ которыхъ инымъ суждено было стать главными силами нашей литературы въ ближайшую эпоху, въ достопамятную „этоху великихъ реформъ". Это были Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Достоевскій, Панаевъ, Некрасовъ, Дружининъ и др.; изъ нихъ Достоевскій впослѣдствіи отрекался отъ своего учителя, хотя и вспоминалъ о немъ иногда безъ раздраженія и даже признавалъ его великое значеніе; всѣ же остальные навсегда сохранили самое теплое, нѣжное отношеніе къ своему учителю. Остановимся на воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ Некрасова, Тургенева и Гончарова, которые лучше всего рисуютъ намъ образъ великаго критика-публициста.

Особенно глубокой симпатіей, преклоненіемъ передъ памятью учителя отличаются тѣ строки, которыя посвятилъ Бѣлинскому Некрасовъ въ стихотвореніи „Медвѣжья охота" Эти нѣсколько строфъ такъ ярко представляютъ намъ отношеніе Некрасова къ Бѣлинскому и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хорошо характеризуютъ Бѣлинскаго, что мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ цѣликомъ.

„Бѣлинскій (говоритъ Некрасовъ) былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
„Чернорабочій я—не бѣлоручка!“
Говаривалъ ты намъ—и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль на первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Не даромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ;
Но, предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ.

Не думалъ ты, что стóишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ не угасая,
Самимъ собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя—

То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ
Постыдно мы не убѣжимъ изъ строя—

То недовольство, что душѣ живой,
Не дастъ возстать противу новой силы
За то, что заслоняетъ насъ собой
И старцамъ говоритъ: „пора въ могилы!“

Очень много теплаго, искренняго чувства видимъ мы и въ воспоминаніяхъ И. С. Тургенева, который познакомился лично съ Бѣлинскимъ лѣтомъ 1843 года, хотя по статьямъ его зналъ его уже значительно раньше. Первое, чѣмъ пораженъ былъ начинающій писатель, была необыкновенная жажда истины, которая всю жизнь отличала Бѣлинскаго и не давала ему возможности спокойно принимать безъ провѣрки нѣкоторыя утвердившіяся шаблонныя положенія.

„Когда, вспоминаетъ Тургеневъ, я познакомился съ Бѣлинскимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ употреблялъ не однажды; но въ дѣйствительности и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучили его, лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его; онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла и мужа, и меня хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко.—„Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ,— а вы хотите ѣсть! Сознаюсь, что, написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что они могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова; и если при воспоминаніи объ этой небоязни смѣшнаго улыбка можетъ придти на уста, то развѣ улыбка умиленія и удивленія... Лишь добившись удовлетворившаго его въ то время результата, Бѣлинскій успокоился и, отложивъ размышленія о тѣхъ капитальныхъ вопросахъ, возвратился къ ежедневнымъ трудамъ и занятіямъ“.

Въ сущности то же самое страстное стремленіе къ истинѣ имѣетъ въ виду Тургеневъ, когда называетъ Бѣлинскаго „идеалистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова“. „Быть можетъ, спѣшитъ онъ оговориться, нѣкоторые читатели удивятся слову: „идеалистъ“, которымъ я почелъ за нужное охарактеризировать Бѣлинскаго. На это я замѣчу, что, во-первыхъ,

въ 59-мъ году не было возможности называть многія вещи настоящими ихъ именами; а во-вторыхъ, мнѣ — признаюсь въ томъ—доставило не малое удовольствіе объявить Бѣлинскаго „идеалистомъ“ передъ сборищемъ людей, которымъ имя его представлялось неразрывно связаннымъ съ понятіемъ о циникѣ, грубомъ матеріалистѣ и т. п. Къ тому же и самое названіе шло къ нему. Бѣлинскій былъ настолько же идеалистъ, насколько отрицатель; онъ отрицалъ во имя идеала. Этотъ идеалъ былъ свойства весьма опредѣленнаго и однороднаго, хотя именовался и именуется доселѣ различно: наукой, прогрессомъ, гуманностью, цивилизаціею,—Западомъ, наконецъ. Люди благонамѣренные, но недоброжелательные, употребляютъ даже слово: революція. Дѣло не въ имени, а въ сущности, которая до того ясна и несомнѣнна, что и распространяться о ней не стоитъ: недоразумѣнія тутъ немыслимы. Бѣлинскій посвятилъ всего себя служенію этому идеалу; всѣми своими симпатіями, всей своей дѣятельностью принадлежалъ онъ къ лагерю „западниковъ“, какъ ихъ прозвали ихъ противники. Онъ былъ западникомъ не потому только, что признавалъ превосходство западной науки, западнаго искусства, западнаго общественнаго строя; но и потому, что былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости воспріятія Россіей всего выработаннаго Западомъ — для развитія собственныхъ ея силъ, собственнаго ея значенія. Онъ вѣрилъ, что намъ нѣтъ другого спасенія, какъ итти по пути, указанному намъ Петромъ Великимъ, на котораго славянофилы бросали тогда свои отборнѣйшіе перуны. Принимать результаты западной жизни, примѣнять ихъ къ нашей, соображаясь съ особенностями природы, исторіи, климата, — впрочемъ, относиться и къ нимъ свободно, критически — вотъ какимъ образомъ могли мы, по его понятію достигнуть, наконецъ, самобытности, которою онъ дорожилъ гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Бѣлинскій былъ вполнѣ русскій человѣкъ, даже патріотъ — разумѣется не на ладъ М. Н. Загоскина; благо родины, ея величіе, ея слава возбуждали въ его сердцѣ глубокіе и сильные отзывы. Да, Бѣлинскій любилъ Россію; но онъ также пламенно любилъ просвѣщеніе и свободу: соединить въ одно эти высшіе для него интересы— вотъ въ чемъ состоялъ весь смыслъ его дѣятельности, вотъ къ чему онъ стремился. Увѣрять, что онъ изъ одного рабо-

лѣнпаго и неосмысленнаго смиренія недоучки преклонялся предъ Западомъ — значило не знать его вовсе; къ тому же не смиреніемъ грѣшатъ обыкновенно недоучки...

...Дѣло Петра Великаго было, точно, насиліемъ, было тѣмъ, что въ новѣйшее время получило названіе: coup d'état; но только по милости цѣлаго ряда этихъ насильственныхъ, свыше исходящихъ мѣръ были мы втолкнуты въ семью европейскихъ народовъ. Необходимость подобныхъ реформъ еще донынѣ не прекратилась. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно было бы привести самые недавніе примѣры. Какое мѣсто мы уже заняли въ этой семьѣ—это покажетъ исторія; но несомнѣнно то, что мы шли до сихъ поръ, и должны были итти другими путями, чѣмъ болѣе или менѣе органически развивавшіеся западные народы.—А что западническія убѣжденія Бѣлинскаго ни на волосъ не ослабили въ немъ его пониманія, его чутья всего русскаго, не измѣнили той русской струи, которая била во всемъ его существѣ, — тому доказательствомъ служитъ каждая его статья. Да, онъ чувствовалъ русскую суть, какъ никто. Не признавая нашихъ лжеклассическихъ, лженародныхъ авторитетовъ, ниспровергая ихъ,—онъ въ то же время тоньше всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ умѣлъ оцѣнить и дать уразумѣть другимъ то, что было дѣйствительно самобытнаго, оригинальнаго въ произведеніяхъ нашей литературы. Ни у кого ухо не было болѣе чутко; никто не ощущалъ болѣе живо гармонію и красоту нашего языка; поэтическій эпитетъ, изящный оборотъ рѣчи поражалъ его мгновенно и слушать его простое, нѣсколько однообразное, но горячее и правдивое чтеніе какого-нибудь Пушкинскаго стихотворенія или Лермонтовскаго „Мцыри“ было истиннымъ наслажденіемъ“.

Въ приведенныхъ словахъ обнаруживается сильнѣйшая симпатія Тургенева къ нашему великому критику, такую же симпатію проявляетъ Тургеневъ и тогда, когда онъ опредѣляетъ значеніе Бѣлинскаго для русскаго общества, хотя слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ у Тургенева проявляется какое-то странное, высокомѣрное отношеніе къ познаніямъ Бѣлинскаго. „Свѣдѣнія Бѣлинскаго, говоритъ Тургеневъ, были не обширны; онъ зналъ мало, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ отсутствіи трудолюбія, въ лѣни, даже враги не обвиняли его; но бѣдность, окружавшая его

съизмала, плохое воспитаніе, несчастныя обстоятельства, раннія болѣзни, а потомъ необходимость спѣшной работы изъ-за куска хлѣба, все это вмѣстѣ взятое, помѣшало Бѣлинскому пріобрѣсти правильныя познанія, хотя, напримѣръ, русскую литературу, ея исторію, онъ изучилъ основательно. Но скажу болѣе: именно это недостаточное знаніе является въ этомъ случаѣ характеристическимъ признакомъ, почти необходимостью. Бѣлинскій былъ тѣмъ, что я позволю себѣ назвать *центральной натурой*: онъ всѣмъ существомъ своимъ стоялъ близко къ сердцевинѣ своего народа, воплощалъ его вполнѣ, и съ хорошихъ, и съ дурныхъ его сторонъ. Ученый человѣкъ, не говорю: „образованный"—это другой вопросъ, но ученый человѣкъ, именно въ силу своей учености, не могъ бы быть въ сороковыхъ годахъ такой русской центральной натурой; онъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ бы той средѣ, на которую пришлось бы ему дѣйствовать; у него и у ней были бы различные интересы; гармоніи бы не было, и, вѣроятно, не было бы обоюднаго пониманія. Вожди своихъ современниковъ въ дѣлѣ критики общественной, эстетической, въ дѣлѣ критическаго самосознанія (мнѣ кажется, что мое замѣчаніе имѣетъ примѣненіе общее, но на этотъ разъ я ограничусь одной *этой* стороной) вожди современниковъ, говорю я, должны, конечно, стоять выше ихъ, обладать болѣе нормально устроенной головою, болѣе яснымъ взглядомъ, большей твердостью характера; но между этими вождями и ихъ послѣдователями не должно быть бездны. Одно слово „послѣдователь" уже предполагаетъ возможность шествія по одному направленію, тѣсной связи. Вождь можетъ возбуждать негодованіе, досаду въ тѣхъ, которыхъ онъ тревожитъ, поднимаетъ съ мѣста, двигаетъ впередъ; проклинать они его могутъ, но понимать они должны его всегда. Онъ долженъ стоять выше ихъ, но и близко къ нимъ; онъ долженъ участвовать не въ однихъ ихъ качествахъ и свойствахъ, но и въ недостаткахъ ихъ: онъ тѣмъ самымъ глубже и больнѣе чувствуетъ эти недостатки".

Хотя въ приведенномъ отвѣтѣ Тургеневъ какъ бы старается смягчить отрицательный приговоръ о „свѣдѣніяхъ" Бѣлинскаго замѣчаніемъ о томъ, что Бѣлинскій былъ не ученый, но образованный человѣкъ, однако въ тѣхъ же „Литературныхъ воспоминаніяхъ" мы находимъ отдѣльныя

черточки, показывающія слишкомъ строгое, какое-то полупрезрительное отношеніе Тургенева къ „свѣдѣніямъ“ Бѣлинскаго. Такъ, въ одномъ случаѣ онъ сообщаетъ, что Бѣлинскій не зналъ даже французскаго языка; въ другомъ мѣстѣ, какъ о великомъ дефектѣ, говоритъ, что Бѣлинскій „смѣшивалъ старшаго Питта (лорда Чатама) съ его сыномъ В. Питтомъ; ядовито замѣчаетъ Тургеневъ, что „бѣдный Бѣлинскій, конечно, не имѣлъ понятія, что за птица былъ господинъ Менцель“. Наконецъ, особенно характеризуется отношеніе Тургенева къ „свѣдѣніямъ“ Бѣлинскаго слѣдующимъ сообщаемымъ у него анекдотомъ: „Помню, въ Парижѣ онъ въ первый разъ увидалъ площадь Согласія, и тотчасъ спросилъ меня: „Не правда ли? Вѣдь это одна изъ красивѣйшихъ площадей въ мірѣ?“—И на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: „Ну, и отлично; такъ ужъ я и буду знать,—и въ сторону, и баста!“ и заговорилъ о Гоголѣ. Я ему замѣтилъ, что на самой этой площади во время революціи стояла гильотина и что тутъ отрубили голову Людовику XVI; онъ посмотрѣлъ вокругъ, сказалъ: а!—и вспомнилъ сцену Остаповой казни въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Разсказавъ этотъ эпизодъ, Тургеневъ поясняетъ: „Историческія свѣдѣнія Бѣлинскаго были слишкомъ слабы: онъ не могъ особенно интересоваться мѣстами, гдѣ происходили великія событія европейской жизни; онъ не зналъ иностранныхъ языковъ и потому не могъ изучать тамошнихъ людей“.

Послѣ этихъ снисходительныхъ замѣчаній Тургенева о „свѣдѣніяхъ“ Бѣлинскаго, весьма кстати привести мнѣніе И. А. Гончарова, которое можно считать прекраснымъ отвѣтомъ на подобныя сужденія. „Въ относительной необразованности, говоритъ Гончаровъ, можно упрекнуть всякаго, не исключая самыхъ образованныхъ. Но на него (т. е. Бѣлинскаго) обрушивался этотъ упрекъ, какъ будто онъ былъ неучъ, какъ будто невѣжество его въ чемъ-нибудь рѣзко обличало его и было замѣтнымъ недостаткомъ. Но сочиненія его передъ нами: гдѣ же грѣшитъ онъ въ нихъ какими-нибудь промахами противъ того или другого знанія, или слабостью въ пониманіи того или другого, о чемъ писалъ? А о чемъ онъ не писалъ и чего не касался? И нигдѣ нѣтъ никакихъ рѣзкихъ обличеній въ незнакомствѣ съ догматикой той или другой науки, того или другого предмета.

Матеріальный поводъ къ этому упреку, конечно, былъ тотъ, что онъ не кончилъ курса и не получилъ университетскаго диплома. За это прежде всего ухватились всѣ завистливыя посредственности, которыхъ значеніе блѣднѣло по мѣрѣ того, какъ развивался и обнаруживался талантъ Бѣлинскаго. У него, правда, не было ни оффиціальнаго значенія. ни оффиціальной учености, и за это его разжаловали въ необразованные, въ неучи, въ недоучки!.. Узнали, что Бѣлинскій не знаетъ по-нѣмецки, слѣдовательно, онъ-де, ни Гегеля, ни Гете, ни другихъ, въ подлинникѣ не читалъ, а говоритъ о нихъ такъ, какъ будто читалъ ихъ самъ: ну, значитъ, и неучъ!

„Но какъ далеко ниже его стояли многіе изъ упрекавшихъ его въ своей мнимой учености, нужды нѣтъ, что они занимали ученыя каѳедры и положенія, или сотрудничали въ журналахъ, говорили и писали о древнихъ и новыхъ литературахъ, не зная иногда ни одного, или зная только французскій языкъ. Нѣтъ, Бѣлинскій былъ образованнѣе всѣхъ своихъ сотоварищей (не ученѣе, а именно образованнѣе), за исключеніемъ развѣ одного Герцена, правильная подготовка котораго возводила его образованность на степень учености.

„Средства Бѣлинскаго были скудныя, пути образованія почти случайные (однако въ университетѣ, только безъ диплома). Знанія, пріобрѣтаемыя въ университетской аудиторіи, дополнялись въ кругу товарищей, при совмѣстномъ чтеніи и взаимномъ объясненіи оригиналовъ или переводовъ съ иностранныхъ языковъ, наконецъ, среди преній, разборовъ въ юныхъ кружкахъ, въ добываніи съ трудомъ и въ взаимной передачѣ книгъ. Развѣ это не школа, не академія, гдѣ гранились другъ о друга юные умы, жадно передавая другъ другу знанія, наблюденія, взгляды—вся эта жажда и любовь къ знанію? Какого же еще надо аѳинскаго портика, съ Платономъ въ вицъ-мундирѣ и очкахъ? Не такъ ли мы всѣ пріобрѣтали то, что есть въ насъ лучшаго и живого? Не тамъ ли, въ юношескихъ университетскихъ кружкахъ, и мы сортировали и осмысливали то, что уносили отъ каѳедры? Представьте же въ этой школѣ мальчика съ свѣтлой головой, съ впечатлительнымъ воображеніемъ, любознательнаго и талантливаго! Представьте необыкновенную остроту наблю-

дательности и пониманія до степени ясновидѣнія: сколько сокровищъ онъ вынесетъ изъ такой школы!

„А та масса русскихъ и французскихъ книгъ, которую онъ прочелъ по обязанности сотрудника, отъ *Молвы* до *Современника*, въ теченіе двадцати лѣтъ: это тоже своего рода школа! Тутъ ему не нуженъ былъ профессоръ; у него былъ свой регуляторъ и руководитель, который ближе свелъ его и съ Гегелемъ, и съ Шиллеромъ, и съ Гете—путями непроходимыми для другихъ, но доступными ему. Ссылаюсь на одинъ изъ любимыхъ авторитетовъ Бѣлинскаго, на Жоржъ Зандъ, которая гдѣ-то, говоря о краткости жизни и о трудности, даже невозможности познавать все, заключаетъ такъ: „On ne peut pas savoir tout, il faut se contenter de comprendre“. И Бѣлинскій дѣйствительно, „понималъ“ все, не только къ чему прикасался его сосредоточенный анализъ, но и то, что проносилось мимо его, на что онъ случайно обращалъ взглядъ. Онъ жилъ, непрерывно учась за перомъ, въ живыхъ бесѣдахъ съ друзьями и почитателями, и роясь въ безднѣ книгъ, проходившихъ черезъ его руки: и такъ, до конца жизни!...

...Только съ близкими онъ былъ свободенъ въ рѣчи, не остерегался ошибокъ и давалъ волю своимъ силамъ. И въ такихъ именно спорахъ онъ обнаруживалъ массу знаній, которыхъ въ покойномъ разговорѣ, внѣ всякаго увлеченія, нельзя было подозрѣвать въ немъ. Онъ ронялъ и сыпалъ ихъ нечаянно, какъ часто нечаянно въ печатныхъ статьяхъ сверкалъ остроуміемъ, удачными сравненіями, ссылками на тѣ или другіе авторитеты и т. п.“.

Съ приведеннымъ отзывомъ Гончарова намъ скорѣе можно согласиться, чѣмъ съ отрицательными сужденіями Тургенева: дѣйствительно, критеріумъ, указываемый Гончаровымъ, т. е. пересмотръ самыхъ сочиненій Бѣлинскаго, чрезвычайно многочисленныхъ и разнообразныхъ по своему содержанію, гораздо прочнѣе, чѣмъ тѣ заключенія, основанныя на чисто-случайныхъ личныхъ впечатлѣніяхъ, которыя мы находимъ у Тургенева. При томъ наивномъ невѣжествѣ, которымъ, по разсказу Тургенева, отличался Бѣлинскій, совершенно непонятнымъ становится вліяніе критика на ближайшій къ нему кружокъ молодыхъ писателей, въ числѣ которыхъ находился и самъ Тургеневъ. Какъ эпизодъ, иллюстрирующій

намъ это вліяніе, особенно любопытнымъ представляется намъ слѣдующій фактъ, сообщаемый тѣмъ же Гончаровымъ. „На меня, говоритъ нашъ художникъ, онъ иногда какъ будто накидывался за то, что у меня не было злости, раздраженія, субъективности. — „Вамъ все равно, попадется мерзавецъ, дуракъ, уродъ, или порядочная, добрая натура,—всѣхъ одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни къ кому!“ И это скажетъ (и не разъ говорилъ) съ какой-то доброю злостью, а однажды положилъ послѣ этого мнѣ руки на плечи и прибавилъ почти шопотомъ:—„а это хорошо, это и нужно, это признакъ художника!“ Тутъ Бѣлинскій допустилъ и Гончаровское безстрастіе, но на примѣрахъ Григоровича, Некрасова и того же Тургенева мы видимъ, что для нихъ онъ былъ учителемъ гуманной мысли, въ нихъ будилъ общественные интересы, и первымъ дѣломъ, къ которому онъ звалъ этихъ художниковъ,—была борьба противъ общаго врага, противъ крѣпостного права: въ этомъ случаѣ даже объективное воспроизведеніе этого явленія было сильнѣйшимъ его обличеніемъ, важнымъ общественнымъ подвигомъ. Что же касается дальнѣйшей литературы и критики русской, то въ нихъ традиція гуманной мысли, общественнаго интереса болѣе всего поддерживается, именно воспоминаніемъ о „неистовомъ Виссаріонѣ“, трогательный образъ котораго не можетъ быть помраченъ никакими мудрованіями современныхъ намъ „идеалистовъ“.

Александръ Ивановичъ Герценъ и крестьянскій вопросъ.

„Томно и однообразно шло для меня время въ странномъ аббатствѣ родительскаго дома. Не было мнѣ ни поощреній, ни разсѣяній, отецъ мой былъ почти всегда мною недоволенъ, онъ баловалъ меня только лѣтъ до десяти; товарищей не было, учителя приходили и уходили, и я украдкой убѣгалъ, провожая ихъ на дворъ, поиграть съ дворовыми мальчиками, что было строго запрещено. Остальное время я скитался по большимъ почернѣлымъ комнатамъ съ закрытыми окнами днемъ, едва освѣщенными вечеромъ, ничего не дѣлая или читая всякую всячину. Передняя и дѣвичья составляли единственное живое удовольствіе, которое у меня оставалось. Тутъ мнѣ было совершенное раздолье, я бралъ партію однихъ противъ другихъ, судилъ и рядилъ вмѣстѣ съ моими пріятелями ихъ дѣла, зналъ всѣ ихъ секреты и никогда не проболтался въ гостиной о тайнахъ передней“.

Такъ представляетъ А. И Герценъ возникновеніе своихъ симпатій къ крѣпостному, дворовому люду. Одинокій, рано развившійся и потому больнѣе чувствовавшій свое одиночество въ суровой домашней обстановкѣ, ребенокъ привязался къ крѣпостнымъ людямъ чисто инстинктивно, встрѣчая съ ихъ стороны нѣжность и ласку, которыхъ требовала его дѣтская природа. Въ нихъ онъ сразу привыкъ видѣть людей, научился ихъ цѣнить, входить въ ихъ интересы, понимать ихъ радость и горе. Ни отецъ Герцена, ни дядя-сенаторъ не были жестокими господами, они „не тѣснили физически“ своихъ дворовыхъ, тѣмъ не менѣе для ребенка не проходили безслѣдно проявленія помѣщичьей власти въ отношеніи тѣхъ людей, къ которымъ у него развилось чув-

А. И. Герценъ.

ство привязанности и симпатіи. „Тѣлесныя наказанія, разсказываетъ онъ, были почти неизвѣстны въ нашемъ домѣ, и два-три случая, въ которые сенаторъ и мой отецъ прибѣгли къ гнусному средству „частнаго дома“, были до того необыкновенны, что объ нихъ вся дворня говорила цѣлые мѣсяцы; сверхъ того они были вызываемы значительными проступками. Чаще отдавали дворовыхъ въ солдаты, наказаніе это приводило въ ужасъ всѣхъ молодыхъ людей; безъ роду, безъ племени они все же лучше хотѣли остаться крѣпостными, нежели двадцать лѣтъ тянуть лямку. На меня сильно дѣйствовали эти странныя сцены... являлись два полицейскіе солдата по зову помѣщика, они воровски, невзначай, въ расплохъ брали назначеннаго человѣка; староста обыкновенно тутъ объявлялъ, что баринъ съ вечера приказалъ отправить его въ присутствіе, и человѣкъ сквозь слезы куражился, женщины плакали, всѣ давали подарки, и я отдавалъ все, что могъ, т. е. какой нибудь двугривенный, шейный платокъ. Помню я еще, какъ какому-то старостѣ за то, что онъ истратилъ собранный оброкъ, отецъ мой велѣлъ обрить бороду. Я ничего не понималъ въ этомъ наказаніи, но меня поразилъ видъ старика лѣтъ шестидесяти; онъ плакалъ навзрыдъ, кланялся въ землю и просилъ наложить на него, сверхъ оброка, сто цѣлковыхъ штрафу, но помиловать отъ безчестья“. Врѣзались въ память мальчика два эпизода (разсказъ о нихъ Герцена мы приводимъ далѣе), особенно ярко представлявшіе ненормальность крѣпостныхъ отношеній: гибель отъ пьянства отличнаго, трудолюбиваго повара, котораго сенаторъ ни за что не пожелалъ отпустить на волю, и самоубійство несчастнаго молодого врача изъ крѣпостныхъ, Толочанова. Поневолѣ приходилось задумываться надъ подобными фактами, и, какъ впослѣдствіи вспоминалъ Герценъ, на него передняя не сдѣлала никакого дѣйствительно дурнаго вліянія. „Напротивъ, она съ раннихъ лѣтъ развила во мнѣ непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу. Бывало, когда я еще былъ ребенкомъ, Вѣра Артамоновна (няня), желая меня сильно обидѣть за какую-нибудь шалость, говорила мнѣ: „дайте срокъ, выростите, такой же баринъ будете, какъ другіе“. Меня это ужасно оскорбляло“.

Усвоивъ себѣ подобное настроеніе въ раннихъ дѣтскихъ

лѣтахъ, Герценъ не только не измѣняетъ ему впослѣдствіи, но даже, подъ вліяніемъ гнетущей обстановки той эпохи, еще болѣе въ немъ утверждается: настроеніе становится глубокимъ убѣжденіемъ, отражающимся во всей будущей литературной дѣятельности Герцена; онъ, можно сказать, такъ же, какъ и Тургеневъ, но значительно ранѣе его, даетъ Аннибаловскую клятву бороться противъ наиболѣе яркаго зла тогдашней русской жизни, противъ крѣпостного права.

Важнымъ моментомъ въ развитіи этой вражды къ крѣпостному праву было пребываніе Герцена въ Новгородѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Служа здѣсь въ должности совѣтника губернскаго правленія, Герценъ завѣдовалъ отдѣленіемъ, въ которомъ между прочимъ сосредоточивались дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, и вотъ эти-то дѣла ему пришлось, какъ онъ разсказываетъ, „сильно перетряхнуть". „Я сдѣлалъ все, что могъ, говоритъ онъ, и одержалъ нѣсколько побѣдъ на этомъ вязкомъ поприщѣ, освободилъ отъ преслѣдованія одну молодую дѣвушку и отдалъ подъ опеку одного морского офицера". Эти дѣла настолько характерны, такъ хорошо рисуютъ произволъ, царившій въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами, что считаемъ нелишнимъ привести яркое о нихъ повѣствованіе самого Герцена. Вотъ первое дѣло.

„Какая-то барыня,—разсказываетъ Герценъ,—держала у себя горничную, не имѣя на нее никакихъ документовъ, горничная просила разобрать ея права на вольность. Мой предшественникъ благоразумно придумалъ до рѣшенія дѣла оставить ее у помѣщицы въ полномъ повиновеніи. Мнѣ слѣдовало подписать; я обратился къ губернатору и замѣтилъ ему, что незавидна будетъ судьба дѣвушки у ея барыни послѣ того, какъ она подавала на нее просьбу.

— Что же съ ней дѣлать?

— Содержать въ части.

— На чей счетъ?

— На счетъ помѣщицы, если дѣло кончится противъ нея.

— А если нѣтъ?

По счастію въ это время взошелъ губернскій прокуроръ. Прокуроръ по общественному положенію, по служебнымъ отношеніямъ, по пуговицамъ на мундирѣ, долженъ быть врагомъ губернатора, по крайней мѣрѣ во всемъ перечить

ему. Я нарочно при немъ продолжалъ разговоръ; губернаторъ началъ сердиться, говорилъ, что все дѣло не стоитъ трехъ словъ. Прокурору было совершенно все равно, что будетъ и какъ будетъ съ просительницей, но онъ тотчасъ взялъ мою сторону и привелъ десять разныхъ пунктовъ изъ Свода законовъ. Губернаторъ, которому въ сущности еще больше было все равно, сказалъ мнѣ, насмѣшливо улыбаясь: „тутъ выходъ одинъ, или къ барынѣ, или въ острогъ“.

— Разумѣется, лучше въ острогъ, замѣтилъ я.

— Будетъ сообразнѣе съ смысломъ изображеннаго въ Сводѣ законовъ, замѣтилъ прокуроръ.

— Пусть будетъ по вашему, сказалъ еще болѣе смѣясь губернаторъ;—услужили вы вашей *протеже*; какъ посидитъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, поблагодаритъ васъ.

Я не продолжалъ пренія, цѣль моя была спасти дѣвушку отъ домашнихъ преслѣдованій; помнится, мѣсяца черезъ два ее выпустили совсѣмъ на волю“.

Можно себѣ представить, до какой силы доходили эти „домашнія преслѣдованія“, если имъ предпочиталась даже тюрьма... Другое дѣло является не менѣе яркимъ:

„Между нерѣшенными дѣлами моего отдѣленія,—разсказываетъ Герценъ,—была сложная и длившаяся нѣсколько лѣтъ переписка о буйствѣ и всякихъ злодѣйствахъ въ своемъ имѣньи отставного морского офицера, Струговщикова. Дѣло началось по просьбѣ его матери, потомъ крестьяне жаловались. Съ матерью онъ какъ-то поладилъ, а крестьянъ самъ обвинилъ въ намѣреніи его убить, не приводя впрочемъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ. Между тѣмъ изъ показаній его матери и дворовыхъ людей видно было, что человѣкъ этотъ дѣлалъ всевозможныя неистовства. Больше года дѣло это спало сномъ праведныхъ; справками и ненужными перепсками можно всегда затянуть дѣло—и потомъ *почисливъ* рѣшеннымъ, сдать въ архивъ. Надобно было сдѣлать представленіе въ сенатъ, чтобъ его отдали подъ опеку, но для этого необходимъ отзывъ дворянскаго предводителя.

Новгородскій предводитель, милиціонный дворянинъ, съ владимірской медалью, встрѣчаясь со мной, чтобъ заявить начитанность, говорилъ книжнымъ языкомъ до-карамзинскаго періода; указывая разъ на памятникъ, который новго-

родское дворянство воздвигнуло *самому себѣ*, въ награду за патріотизмъ въ 1812 г., онъ какъ-то съ чувствомъ отзывался о, такъ сказать, трудной, священной и тѣмъ не менѣе лестной обязанности предводителя.

Все это было въ мою пользу.

Предводитель пріѣхалъ въ губернское правленіе для свидѣтельства въ сумасшествіи какого-то церковника; послѣ того, какъ всѣ предсѣдатели всѣхъ палатъ истощили весь запасъ глупыхъ вопросовъ, по которымъ сумасшедшій могъ заключить о нихъ, что и они не совсѣмъ въ своемъ умѣ, и церковника возвели окончательно въ должность безумнаго, я отвелъ предводителя въ сторону и разсказалъ ему дѣло. Предводитель жалъ плечами, показывалъ видъ негодованія, ужаса, и кончилъ тѣмъ, что отозвался о морскомъ офицерѣ, какъ объ отъявленномъ негодяѣ, „кладущемъ тѣнь на благородное общество новгородскаго дворянства“.

— Вѣроятно, сказалъ я, вы такъ и отвѣтите письменно, если мы васъ спросимъ?

Предводитель, взятый врасплохъ, обѣщалъ отвѣчать по совѣсти, прибавивъ, „что честь и правдивость безпремѣнные аттрибуты россійскаго дворянства“.

Сомнѣваясь немного въ безпремѣнности этихъ аттрибутовъ, я таки пустилъ дѣло въ ходъ,—предводитель сдержалъ слово. Дѣло пошло въ сенатъ и я помню очень хорошо ту сладкую минуту, когда въ мое отдѣленіе былъ переданъ сенатскій указъ, назначавшій опеку надъ имѣніемъ моряка и отдававшій его подъ надзоръ полиціи“.

Во время пребыванія въ Новгородѣ, Герценъ познакомился и съ болѣе ужасными фактами, характеризовавшими крѣпостное право. Таково, напримѣръ, дѣло о какой-то псковской помѣщицѣ, Ярыжкиной. „Она засѣкла двухъ горничныхъ до смерти, попалась подъ судъ за третью и была почти совсѣмъ оправдана уголовной палатой, основавшей между прочимъ свое рѣшеніе на томъ, что третья горничная не умерла. Женщина эта выдумывала удивительнѣйшія наказанія—била утюгомъ, сучковатыми палками, валькомъ. Не знаю, что сдѣлала горничная, о которой идетъ рѣчь, но барыня превзошла себя, она поставила ее на колѣни на драть или на десницы, *въ которыхъ были набиты гвозди*. Въ этомъ положеніи она била ее по спинѣ и по головѣ

валькомъ и когда выбилась изъ силъ, позвала кучера на смѣну; по счастью его не было въ людской; барыня вышла, а дѣвушка, полубезумная отъ боли, окровавленная, въ одной рубашкѣ бросилась на улицу и въ частной домъ. Приставъ принялъ показанія, и дѣло пошло своимъ порядкомъ, полиція возилась, уголовная палата возилась съ годъ времени; наконецъ судъ, явнымъ образомъ закупленный, рѣшилъ премудро позвать мужа Ярыжкиной и внушить ему, чтобъ онъ удерживалъ жену отъ такихъ наказаній, а ее самое оставя въ подозрѣніи, что она способствовала смерти двухъ горничныхъ, обязать подпиской, ихъ впредь не наказывать. На этомъ основаніи барынѣ отдавали несчастную дѣвушку, которая въ продолженіе дѣла содержалась гдѣ-то. Дѣвушка, перепуганная будущностью, стала писать просьбу за просьбой; дѣло дошло до государя, онъ велѣлъ переслѣдовать его и прислалъ изъ Петербурга чиновника. Вѣроятно, средства Ярыжкиной не шли до подкупа столичныхъ дѣлопроизводителей, и дѣло приняло иной оборотъ. Помѣщица отправилась въ Сибирь на поселеніе, ея мужъ былъ взятъ подъ опеку. Всѣ члены уголовной палаты отданы подъ судъ".

Первымъ ударомъ, который Герценъ въ литературной формѣ направилъ противъ крѣпостного права, была повѣсть „Сорока-воровка", написанная въ 1846 году. Въ этой повѣсти рельефно была представлена одна изъ пагубныхъ сторонъ безправнаго положенія крестьянина, тотъ контрастъ между состояніемъ раба и сознаніемъ собственнаго достоинства, который естественно возникалъ для каждаго крѣпостного, образованіемъ поставленнаго выше своей среды. Тема эта затрогивалась и раньше другими писателями, но въ повѣсти Герцена являлось въ высшей степени драматическое освѣщеніе вопроса, такъ что повѣсть должна была обращать на себя общее вниманіе: молодая, рѣдко талантливая актриса изъ крѣпостныхъ гибнетъ потому, что остается равнодушной къ ухаживаньямъ деспота-барина, и невольно въ читателѣ возбуждается состраданіе къ загубленной жизни человѣка, которому при другихъ условіяхъ открылась бы блестящая артистическая карьера, невольно рождается горькое раздумье по поводу ненормальнаго положенія, приводящаго къ такимъ трагическимъ послѣдствіямъ.

Впечатлѣніе отъ этой повѣсти тѣмъ болѣе усиливалось,

что въ ней не было сочиненности, а представлялся фактъ, весьма близкій къ дѣйствительности того времени. По крайней мѣрѣ вскорѣ Герценъ, въ „Быломъ и думахъ“ разсказалъ изъ своихъ домашнихъ воспоминаній два эпизода, по существу вполнѣ аналогичные съ повѣстью; это—исторіи повара Алексѣя и доктора Толочанова. Вотъ эти „мрачные образы мучениковъ, безнадежныхъ страдальцевъ“:

„У сенатора былъ поваръ, необычайнаго таланта: трудолюбивый, трезвый, онъ шелъ въ гору; самъ сенаторъ хлопоталъ, чтобъ его приняли въ кухню государя, гдѣ тогда былъ знаменитый поваръ французъ. Поучившись тамъ, онъ опредѣлился въ англійскій клубъ, разбогатѣлъ, женился, жилъ бариномъ; но веревка крѣпостного состоянія не давала ему ни покойно спать, ни наслаждаться своимъ положеніемъ.

„Собравшись съ духомъ и отслуживши молебенъ Иверской, Алексѣй явился къ сенатору съ просьбой отпустить его за пять тысячъ ассигн. Сенаторъ гордился *своимъ* поваромъ, точно такъ, какъ гордился своимъ живописцемъ, а вслѣдствіе того денегъ не взялъ и сказалъ повару, что отпуститъ его даромъ послѣ своей смерти.

„Поваръ былъ пораженъ, какъ громомъ; погрустилъ, перемѣнился въ лицѣ, сталъ сѣдѣть и... русскій человѣкъ—принялся попивать. Дѣла свои повелъ онъ спустя рукава, англійскій клубъ ему отказалъ. Онъ нанялся у княгини Трубецкой; княгиня преслѣдовала его мелкимъ скряжничествомъ. Обиженный разъ ею черезъ мѣру, Алексѣй, любившій выражаться краснорѣчиво, сказалъ ей съ своимъ важнымъ видомъ, своимъ голосомъ въ носъ: „какая непрозрачная душа обитаетъ въ вашемъ свѣтлѣйшемъ тѣлѣ!“ Княгиня взбѣсилась; прогнала повара и, какъ слѣдуетъ русской барынѣ, написала жалобу сенатору. Сенаторъ ничего бы не сдѣлалъ, но, какъ учтивый кавалеръ, призвалъ повара, разругалъ его и велѣлъ ему итти къ княгинѣ просить прощенія.

„Поваръ къ княгинѣ не пошелъ, а пошелъ въ кабакъ. Въ годъ времени онъ все спустилъ: отъ капитала, приготовленнаго для взноса, до послѣдняго фартука. Жена побилась, побилась съ нимъ, да и пошла въ няньки куда-то въ отъѣздъ. Объ немъ долго не было слуха. Потомъ какъ-то

полиція привела Алексѣя, обтерханнаго, одичалаго; его подняли на улицѣ, квартиры у него не было, онъ кочевалъ изъ кабака въ кабакъ. Полиція требовала, чтобъ помѣщикъ его прибралъ. Больно было сенатору, а, можетъ, и совѣстно; онъ его принялъ довольно кротко и далъ комнату. Алексѣй продолжалъ пить, пьяный шумѣлъ и воображалъ, что сочиняетъ стихи; онъ дѣйствительно не былъ лишенъ какой-то безпорядочной фантазіи. Мы были тогда въ Васильевскомъ. Сенаторъ, не зная, что дѣлать съ поваромъ, прислалъ его туда, воображая, что мой отецъ уговоритъ его. Но человѣкъ былъ слишкомъ сломленъ. Я тутъ разглядѣлъ, какая сосредоточенная ненависть и злоба противъ господъ лежатъ на сердцѣ у крѣпостного человѣка: онъ говорилъ со скрипомъ зубовъ и съ мимикой, которая особенно въ поварѣ могла быть опасна. При мнѣ онъ не боялся давать волю языку; онъ меня любилъ и часто, фамильярно трепля меня по плечу, говорилъ: „добрая вѣтвь испорченнаго древа“.

„Послѣ смерти сенатора, мой отецъ далъ ему тотчасъ отпускную; это было поздно и значило сбыть его съ рукъ: онъ такъ и пропалъ.

„Рядомъ съ нимъ не могу не вспомнить другой жертвы крѣпостного состоянія. У сенатора былъ въ родѣ письмоводителя дворовый человѣкъ лѣтъ 35. Старшій братъ моего отца, умершій въ 1813 году, имѣя въ виду устроить деревенскую больницу, отдалъ его мальчикомъ какому-то знакомому врачу для обученія фельдшерскому искусству. Докторъ выпросилъ ему позволеніе ходить на лекціи медико-хирургической Академіи; молодой человѣкъ былъ съ способностями, выучился по-латыни, по-нѣмецки и лѣчилъ кое-какъ. Лѣтъ двадцати пяти онъ влюбился въ дочь какого-то офицера, скрылъ отъ нея свое состояніе и женился на ней. Долго обманъ не могъ продолжаться, жена съ ужасомъ узнала послѣ смерти барина, что они крѣпостные. Сенаторъ, новый владѣлецъ его, нисколько ихъ не тѣснилъ, онъ даже любилъ молодого Толочанова, но ссора его съ женой продолжалась; она не могла ему простить обмана и бѣжала отъ него съ другимъ. Толочановъ, должно быть, очень любилъ ее, онъ съ этого времени впалъ въ задумчивость, близкую къ помѣшательству, прогуливалъ ночи и, не имѣя своихъ средствъ, тратилъ господскія деньги; когда

онъ увидѣлъ, что нельзя свести концовъ, онъ 31 декабря 1821 года отравился.

Сенатора не было дома; Толочановъ взошелъ при мнѣ къ моему отцу и сказалъ ему, что онъ пришелъ съ нимъ проститься и проситъ его сказать сенатору, что деньги, которыхъ не достаетъ, истратилъ онъ.

— Ты пьянъ, сказалъ ему мой отецъ, поди и выспись.

— Я скоро пойду спать надолго, сказалъ лѣкарь, и прошу только не поминать меня зломъ.

Спокойный видъ Толочанова испугалъ моего отца, и онъ, пристальнѣе посмотрѣвъ на него, спросилъ:

— Что съ тобою? Ты бредишь?

— Ничего-съ, я только принялъ рюмку мышьяку.

Послали за докторомъ, за полиціей, дали ему рвотное, дали молока... когда его начало тошнить, онъ удерживался и говорилъ: „Сиди, сиди тамъ, я не съ тѣмъ тебя проглотилъ“... Часу въ двѣнадцатомъ вечера онъ спросилъ штабъ-лѣкаря по-нѣмецки, который часъ, потомъ сказавши: „вотъ и новый годъ, поздравляю васъ,—умеръ“.

Подобныя впечатлѣнія уже дома возбуждали сильнѣйшее негодованіе Герцена противъ крѣпостного права; покинувъ же отечество и начавши открыто обличать разныя неустройства тогдашней русской жизни, Герценъ очень скоро обратился снова къ тому же крестьянскому вопросу. Въ 1853 г. онъ печатаетъ отрывокъ изъ „Былого и Думъ“ подъ заглавіемъ „Крещеная собственность“. Характеризуя различіе города и села на Западѣ, Герценъ замѣчаетъ: „Мы, совсѣмъ напротивъ, государство сельское, наши города—большія деревни, тотъ же народъ живетъ въ селахъ и городахъ; разница между мѣщанами и крестьянами выдумана петербургскими нѣмцами. У насъ нѣтъ потомства побѣдителей, завоевавшихъ насъ, ни раздробленія полей въ частную собственность, ни сельскаго пролетаріата; крестьянинъ нашъ не дичаетъ въ одиночествѣ, онъ вѣчно въ міру и съ міромъ, коммунизмъ его общиннаго устройства, его деревенское самоуправленіе дѣлаютъ его сообщительнымъ и развязнымъ. При всемъ томъ, половина нашего сельскаго населенія гораздо несчастнѣе западнаго, мы встрѣчаемъ въ деревняхъ людей сумрачныхъ, печальныхъ, людей, которые тяжело и невесело пьютъ зеленое вино, у которыхъ подавленъ раз-

гульный славянскій нравъ, на ихъ сердцѣ очевидно лежитъ тяжкое горе. Это горе, это несчастіе—крѣпостное право. Сельскій пролетарій и крѣпостной мужикъ—два страшныхъ обличителя двухъ страшныхъ неправдъ нашего времени"... Затѣмъ представивъ въ краткомъ очеркѣ процессъ установленія крѣпостного права въ Россіи, Герценъ доказываетъ, что правительство можетъ „безъ сильнаго и внезапнаго потрясенія освободить крестьянъ съ землею". Иного освобожденія, какъ съ землей и съ сохраненіемъ общиннаго устройства, и быть не должно, такъ какъ освобожденіе безъ земли поведетъ къ созданію колоссальнаго сельскаго пролетаріата и къ установленію такихъ же ужасныхъ отношеній, какія существуютъ въ Ирландіи. „Русскіе, говорящіе легко о разрушеніи сельской общины, замѣчаетъ Герценъ, никогда не думали, что же станется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится". Безсмысленно разрушать общину „въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству". Община способна къ развитію, какъ это обнаруживается въ артеляхъ и въ казачествѣ, а поэтому нечего бояться, чтобы она не поглотила личности и не оказалась несовмѣстной съ развитіемъ индивидуума: община въ самой себѣ найдетъ средство къ устраненію этого недостатка. „Міръ западный, говоритъ Герценъ, утратилъ свое общинное устройство; хлѣбопашцы и несобственники были принесены на жертву развитія меньшинства; зато развитіе дворянства и горожанъ было велико и богато. Оно имѣло рыцарство съ его высокимъ понятіемъ независимой личности и среднее состояніе съ его непреклонной идеей права, оно имѣло искусство и литературу, науку и промышленность, наконецъ реформацію и революцію. Одна Россія, эта падчерица, эта Сандрильона между народами европейскими не имѣла никакой доли въ пріобрѣтеніяхъ и побѣдахъ своихъ сосѣдей. Народъ русскій такъ же мало былъ способенъ къ торжественному западному развитію трехъ послѣднихъ вѣковъ, какъ къ крестовымъ походамъ, какъ къ схоластикѣ и теологическимъ спорамъ, какъ къ римскому праву и германскому формализму. Народъ русскій ничего не пріобрѣлъ со временъ Владиміра и кіевскаго періода,—онъ сохранилъ только

свою незамѣтную, скромную общину, т. е. владѣніе сообща землею, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братскій раздѣлъ полей по числу работниковъ и собственное мірское управленіе своими дѣлами. Вотъ и все приданое Сандрильоны, зачѣмъ же отнимать послѣднее“...

Такъ устанавливается программа разрѣшенія крестьянскаго вопроса, выражаемая въ краткой формулѣ: освобожденіе крестьянъ съ землею и съ сохраненіемъ общины. Эта программа развивается въ подробностяхъ и примѣняется къ практическимъ соображеніямъ въ дальнѣйшихъ статьяхъ и изданіяхъ Герцена. Вопросъ крестьянскій есть центральный вопросъ и въ „Полярной Звѣздѣ“ и въ „Голосахъ изъ Россіи“, и онъ же становится на первый планъ и въ „Колоколѣ“. Въ программѣ „Колокола“, въ его первомъ номерѣ (1857 г.) указаны три задачи, поставленныя редакціей: 1) освобожденіе слова—отъ цензуры, 2) освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ и 3) освобожденіе податного состоянія—отъ побоевъ, т. е. отъ тѣлесныхъ наказаній. Уже въ слѣдующемъ № по поводу словъ императора Александра II къ московскому дворянству „лучше, чтобы эти перемѣны сдѣлались сверху,—нежели снизу“,—Герценъ писалъ: „Мы не только наканунѣ переворота, но мы вошли въ него. Необходимость и общественное мнѣніе увлекли правительство въ новую фазу развитія, перемѣнъ, прогресса. Общество и правительство натолкнулись на вопросы, которые вдругъ получили право гражданства, стали неотлагаемы“. Однако тотъ переворотъ, о которомъ сказано въ началѣ статьи, совсѣмъ не долженъ быть революціей, и нѣтъ нужды обращаться къ кровавымъ потрясеніямъ. Имѣя власть въ рукахъ и опираясь съ одной стороны на народъ, съ другой—на всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей въ Россіи, нынѣшнее правительство могло бы сдѣлать чудеса, безъ малѣйшей опасности для себя. Такого положенія, какъ Александръ II, не имѣетъ ни одинъ монархъ въ Европѣ“.

„Великія событія“, въ которыхъ выражался мирный переворотъ въ русской жизни, слѣдовали быстро одно за другимъ, такъ что уже черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ первыхъ статей, „Колоколъ“ на 1858 г. начинался заголовкомъ „Освобожденіе крестьянъ“ и статьей Н. П. Огарева съ „привѣтствіемъ“ императору Александру II „за начало освобожденія

крѣпостного состоянія". Уже были обнародованы знаменитые рескрипты виленскому и с.-петербургскому генералъ-губернаторамъ, рескрипты, которыми началась достопамятная реформа, и Огаревъ выражалъ убѣжденіе, что государь „не равнодушно приметъ горячее привѣтствіе свободныхъ людей русскихъ—царю, уничтожающему рабство". Еще ярче высказано сочувствіе начинавшейся реформѣ въ знаменитой статьѣ Герцена въ № 8 „Колокола" отъ 15 февраля 1858 г. „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!"—восклицалъ Герценъ.— „И намъ легко это сказать потому, что у насъ въ нашей борьбѣ не замѣшано ни самолюбіе, ни личность... Съ того дня, какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій, что онъ со стороны освобожденія крестьянъ, что онъ его хочетъ, съ тѣхъ поръ наше положеніе къ нему измѣнилось... Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра окончилось, если-бъ онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розгъ — все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ"... Что касается до насъ — нашъ путь впередъ назначенъ, мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ; въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ живой голосъ, и какъ бы нашъ колоколъ ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ разъ, что мы убѣждены, что Александръ II не равнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію—но также сильно любятъ и свободу, которымъ не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждутъ, ничего не просятъ. Но ничего не прося, они желали бы, чтобъ Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе, во всемъ ограничивающемъ независимость — но не враговъ! Они потому этого хотятъ, что имъ стало дорого мнѣніе освободителя крестьянъ! Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!"

Съ этого времени въ каждомъ номерѣ „Колокола" мы находимъ статьи по крестьянскому вопросу: частью это сообщенія изъ Россіи о ходѣ реформы, о дѣйствіяхъ помѣщиковъ, частью критическія обозрѣнія Огарева, посвященныя работамъ редакціонныхъ комиссій и главнаго коми-

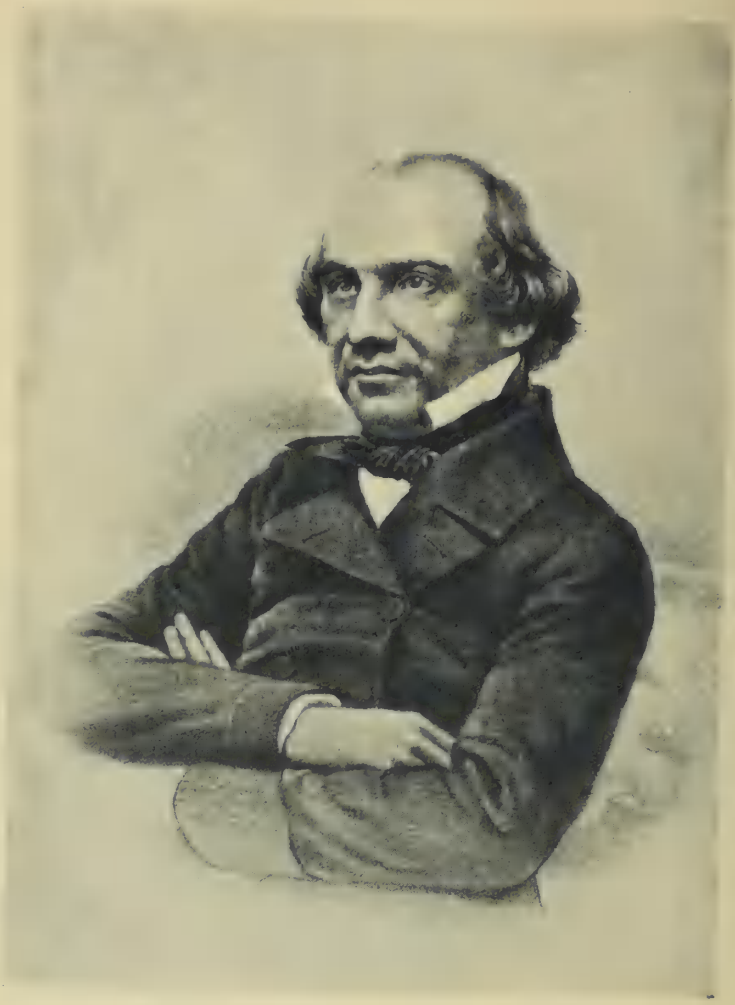
тета по крестьянскому дѣлу, частью передовыя статьи самого Герцена. По объему гораздо болѣе мѣста занимаютъ статьи Огарева, въ нихъ разсматривается дѣло въ мельчайшихъ подробностяхъ, но въ статьяхъ Герцена мы видимъ главныя начала, которыми руководится редакція „Колокола“: они-то и составляютъ основаніе для всѣхъ пространныхъ и обстоятельныхъ разсужденій Огарева и другихъ единомышленниковъ Герцена. Вопросъ разрѣшался въ подробностяхъ по той же программѣ, которая въ общемъ намѣчена была Герценомъ въ очеркѣ „Крещеная собственность“, т. е. Герценъ продолжалъ настаивать на земельномъ надѣлѣ для крестьянъ и на сохраненіи сельской общины. Но рядомъ возникали нѣкоторые новые вопросы, которыхъ ранѣе при чисто теоретическомъ обсужденіи нельзя было предвидѣть и которые выдвигались самой жизнью, были подняты и въ губернскихъ комитетахъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Это были вопросы о размѣрѣ надѣла, о размѣрѣ и способахъ выкупа, о такъ называемомъ срочно-обязательномъ состояніи, о переходномъ періодѣ отъ крѣпостного права къ свободѣ крестьянъ, объ опредѣленіи отношеній освобождаемыхъ крестьянъ къ ихъ прежнимъ помѣщикамъ, къ государству. Всѣ эти частности, при ближайшемъ обсужденіи, представлялись далеко не маловажными: сильная, хотя и глухая оппозиція освободительнымъ стремленіямъ императора Александра II обнаруживалась во всемъ помѣстномъ дворянствѣ, въ которомъ только незначительное меньшинство искренно и безкорыстно готово было отказаться отъ своихъ привилегій; то же противодѣйствіе реформа встрѣчала и среди ближайшихъ сотрудниковъ государя, выставлявшихъ ее, то какъ вопіющее нарушеніе собственности помѣщиковъ, то какъ подготовку къ кровавому бунту. Все это не могло не отражаться на самомъ ходѣ предпринятаго великаго дѣла, то замедляя его, то давая ему направленіе нежелательное и даже несогласное съ волею государя. Защитникамъ освобожденія казалось, что и самъ государь колеблется въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи, и это вело къ горькимъ сѣтованіямъ съ ихъ стороны. Съ подобными сѣтованіями мы встрѣчаемся въ „Колоколѣ“, но слѣдуетъ сказать, что они сравнительно рѣдки, и напротивъ, Герценъ чаще всего высказываетъ увѣренность, что Государь не из-

мѣнитъ разъ высказанныхъ намѣреній, что освобожденіе произойдетъ именно въ той формѣ, какая представляется наиболѣе желательной, причемъ размѣръ надѣла не будетъ до крайности урѣзанъ и выкупъ произойдетъ какъ можно легче для крестьянъ. Это сочувствіе ярко высказалось и въ той статьѣ, которая посвящена окончательному акту по упраздненію крѣпостного права, манифесту 19-го февраля 1861 г. „Александръ II, восклицалъ Герценъ, сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія, противъ хищной толпы закоснѣлыхъ негодяевъ—и сломилъ ихъ! Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ освободителя!“

Однако манифестомъ дѣло еще не было закончено, предстояло привести въ исполненіе Высочайшую волю, и въ этомъ періодѣ крестьянскаго дѣла обнаружились съ одной стороны недостатки „Положенія“, а съ другой—неумѣлость мѣстныхъ властей. Извѣстны печальные эпизоды, сопровождавшіе введеніе реформы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи... Эти факты не могли не возбуждать горькаго чувства, и Герценъ не разъ останавливался на нихъ... Однако главная цѣль, которую онъ выставлялъ въ „Колоколѣ“, была достигнута, сдѣланъ былъ первый, самый важный шагъ, слѣдовало ждать и дальнѣйшихъ шаговъ въ томъ же направленіи...

Присматриваясь къ настроенію русской интеллигенціи того времени, легко замѣтить, что желанія Герцена, конечно, не были чѣмъ либо исключительнымъ. Если оставить въ сторонѣ (правда, очень значительную и энергичную въ своемъ противодѣйствіи реформѣ) партію крѣпостниковъ, то окажется, что Герценъ и Огаревъ были выразителями того стремленія, которымъ было одушевлено все образованное русское общество; и славянофилы, и тѣ западники, которые сгруппировались въ редакціи „Современника“, пользовавшагося громаднымъ вліяніемъ на всю читающую Россію, и даже „Русскій Вѣстникъ“ того времени, всѣ вслѣдъ за правительствомъ шли къ упраздненію крѣпостного права. Выражать это стремленіе въ совершенно свободныхъ формахъ, не стѣсняясь цензурными условіями, выпало на долю

Герцена, и это счастливое обстоятельство въ соединеніи съ громаднымъ литературнымъ талантомъ нашего публициста, придавало его слову необычайную силу. „Колоколъ“ оказался въ положеніи необычайномъ: запрещенный журналъ эмигранта, объявленнаго государственнымъ преступникомъ, былъ выписанъ для руководства членовъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу. Правительство такимъ образомъ само признавало значеніе этого заграничнаго органа русской мысли; что же касается общественныхъ круговъ, то въ нихъ вліяніе „Колокола“ было безпримѣрно: Герценъ повсюду имѣлъ въ Россіи корреспондентовъ, обличавшихъ крѣпостническія тендеціи; обличаемые считали необходимымъ оправдываться, иногда даже рискуя своимъ служебнымъ положеніемъ. Важнѣе всего однако, что призывъ „Vivos voco“, бывшій девизомъ „Колокола“, увлекъ за собой огромное большинство выступившаго на общественную арену интеллигентнаго молодого поколѣнія: изъ этого поколѣнія вышли тѣ дѣятели, которымъ суждена была энергичная и достопамятная работа по осуществленію „великихъ реформъ“ Императора Александра II; это поколѣніе поставило множество дѣятелей, какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціяхъ, дѣятелей, честно послужившихъ обновленію русской жизни.



Т. Н. Грановскій.

Тимоѳей Николаевичъ Грановскій.

„Рѣдкій человѣкъ проходилъ у насъ въ жизни съ такимъ поэтическимъ ореоломъ, какъ Грановскій; рѣдкій внушалъ къ себѣ столько сочувствія и умѣлъ такъ глубоко сочувствовать другимъ. Послѣ него, изъ видимаго осязательнаго наслѣдства осталось только два тома сочиненій; невидимое наслѣдство осталось громадное,—въ воспоминаніяхъ о немъ, въ томъ, что думалось и дѣлалось хорошаго и честнаго посреди насъ, подъ вліяніемъ, по наитію, въ память Грановскаго. Пройдетъ одно какое-нибудь поколѣніе, и имя этого замѣчательнаго русскаго общественнаго дѣятеля будетъ жить развѣ еще въ разсказахъ отцовъ дѣтямъ, но никогда не исчезнутъ и не изгладятся въ Россіи плоды честной его мысли и честной его дѣятельности.... Только тупая близорукость способна сказать, глядя на два не слишкомъ большихъ тома сочиненій Грановскаго: что же такого замѣчательнаго сдѣлалъ прославленный московскій профессоръ? Гдѣ его труды? гдѣ его заслуги? Труды его въ тѣхъ поколѣніяхъ, которыя съ университетской скамьи понесли въ русскую жизнь честный образъ мыслей, честный трудъ, сочувственно отозвались къ дѣлу преобразованія; заслуги его въ воззрѣніяхъ, выработавшихся въ московскихъ кружкахъ, въ умственной работѣ которыхъ онъ принималъ такое живое и дѣятельное участіе и въ которыхъ занималъ такое видное мѣсто“.

Такими словами характеризуетъ значеніе Грановскаго его младшій товарищъ по каѳедрѣ московскаго университета, единомышленникъ и другъ, К. Д. Кавелинъ. Въ этомъ отзывѣ особенно подчеркивается вліяніе Грановскаго, какъ

профессора, и дѣйствительно каѳедра была для Грановскаго истиннымъ призваніемъ: не смотря даже на нѣкоторый органическій недостатокъ рѣчи, Грановскій былъ именно профессоромъ, т. е. человѣкомъ, не только сообщающимъ извѣстную систему знаній своей аудиторіи, но ставящимъ своею цѣлью и извѣстное нравственное воздѣйствіе на своихъ слушателей и даже, быть можетъ, въ этомъ нравственномъ воздѣйствіи полагающимъ всю сущность своего дѣла. Еще только готовясь къ профессурѣ, онъ говорилъ въ одномъ письмѣ къ друзьямъ изъ Вѣны: „Мнѣ хочется работать, но такъ, чтобы результатъ моей работы былъ въ ту же минуту полезенъ другимъ. Пока я внѣ Россіи—этого нельзя сдѣлать. Мнѣ кажется, что могу дѣйствовать при настоящихъ моихъ силахъ, и *дѣйствовать именно словомъ*. Что такое даръ слова? Краснорѣчіе? У меня есть оно, потому что у меня есть *теплая душа и убѣжденія*. Я увѣренъ, что меня будутъ слушать студенты. У меня еще нѣтъ свѣдѣній, нужныхъ для историка въ настоящемъ смыслѣ; я еще не знаю исторіи, но мнѣ кажется, что понимаю и чувствую ее“. И такъ съ самаго начала дѣятельности Грановскаго опредѣляется ея задача: дѣйствовать на слушателей своимъ словомъ и внушать имъ свои убѣжденія; при такомъ пониманіи, сущность краснорѣчія заключается именно въ теплой душѣ и убѣжденіяхъ.

Но кромѣ профессуры вѣдь есть еще одинъ важный путь воздѣйствія словомъ: это литература, въ особенности же журналистика... И мы знаемъ, что Грановскій мечтаетъ и о такомъ воздѣйствій, даже одно время желаетъ издавать научно-литературный журналъ, о характерѣ котораго пишетъ Станкевичу такимъ образомъ: „Наука строгая, но въ формѣ доступной каждому истинно образованному человѣку. Педантскія разсужденія о подробностяхъ, не имѣющихъ общаго человѣческаго интереса—вонъ. Распространеніе Humanität—вотъ цѣль. Дрянной публикѣ мы угождать не станемъ“. Однако, при всѣхъ этихъ литературныхъ планахъ, Грановскій всегда сознаетъ, что его прямое дѣло — профессура. Такъ, въ 1844 г. онъ пишетъ своей женѣ: „Мечты твои о деревенской жизни, Лиза, едва ли скоро сбудутся. Я люблю деревню, но я люблю эту жизнь, какъ *отдыхъ* (курсивъ Грановскаго), Я привыкъ къ дѣятельности, и моя настоящая

дѣятельность дорога мнѣ — я не могу отъ нея отказаться. Ты скажешь, что я могу работать, писать и въ деревнѣ, но *я еще не знаю, есть ли у меня литературный талантъ, а какъ профессоръ я сознаю въ себѣ призваніе къ этому дѣлу и способность* (курсивъ нашъ)... Мы можемъ каждое лѣто проводить въ деревнѣ, но постоянная жизнь въ деревнѣ не для меня, до тѣхъ поръ пока мнѣ можно будетъ оставаться при университетѣ. Я не могу принять незаслуженнаго отдыха, покоя прежде усталости. Это не согласно съ моимъ взглядомъ на жизнь... Мнѣ нуженъ трудъ, люди и, скажу правду, вліяніе на людей, т. е. возможность дѣлиться съ ними моими учеными и другими мнѣніями. Все это даетъ мнѣ университетъ".

Дѣйствительно, сила словеснаго воздѣйствія Грановскаго на его аудиторію была прямо изумительною. Особенно въ этомъ отношеніи характерно то, что намъ извѣстно о впечатлѣніи, произведенномъ его публичнымъ курсомъ 1843 г. по исторіи среднихъ вѣковъ. „Чтенія Грановскаго, говоритъ А. Н. Станкевичъ, принимались аудиторіей съ такимъ сочувствіемъ и восторгомъ, что упреки и обвиненія немногихъ голосовъ замолкли подъ вліяніемъ общаго настроенія. Между слушателями и преподавателемъ установилась внутренняя, взаимная связь, живительно дѣйствовавшая на обѣ стороны. Аудиторія, увлеченная словомъ преподавателя, усиливала его энергію и одушевленіе. Казалось, онъ самъ развивался во время чтеній. Онъ росъ и крѣпнулъ на каѳедрѣ. Въ концѣ апрѣля Грановскій читалъ заключительную лекцію своего публичнаго курса. Приведемъ строки изъ письма слушателя, присутствовавшаго на этой лекціи: „Аудиторія была биткомъ набита, Грановскій заключилъ превосходно; онъ постигъ искусство какъ-то нѣжно, тихо коснуться тайныхъ, заповѣдныхъ сторонъ сердца, такъ что оно само радуясь трепещетъ и обливается кровью. Публика, можетъ, сначала стала собираться шутя, курьеза ради; но вскорѣ она была увлечена ей вовсе невѣдомымъ наслажденіемъ энергической всенародной рѣчи; смѣлая чистота и романтическая нѣжность, открыто-благородный образъ мыслей, вѣра въ прогрессъ и любовь къ каждой увядающей формѣ возбуждали трепетное сочувствіе. Окончивъ, онъ всталъ. Благодарю, говорилъ онъ, тѣхъ, которые сочувствовали съ

моими убѣжденіями и оцѣнили добросовѣстность, благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, благородно высказывали мнѣ свое несогласіе. При этихъ словахъ онъ какъ-то весь трепеталъ, и слезы были на глазахъ, когда онъ еще разъ сказалъ: „еще разъ благодарю васъ". — Послѣ заключительныхъ словъ Грановскаго вся аудиторія поднялась съ восторженными рукоплесканіями, раздались крики: браво! прекрасно! трескъ, шумъ; дамы махали платками, другіе бросились къ каѳедрѣ, жали руки преподавателя, требовали портрета. Онъ хотѣлъ уйти изъ аудиторіи, но толпа преграждала путь ему. Онъ стоялъ блѣдный, сложа руки и склоня голову, хотѣлъ произнести нѣсколько словъ, и не могъ. Шумъ одобренія поднялся съ новою силою, росъ и длился. Студенты толпою заняли лѣстницу, по которой при тѣхъ же выраженіяхъ восторга, Грановскій, изнемогавшій отъ волненія, едва могъ пробраться въ залу университетскаго совѣта".

Причины такого успѣха Герценъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Лекціи Грановскаго, сказалъ мнѣ Чаадаевъ, выходя съ третьяго или четвертаго чтенія изъ аудиторіи, биткомъ набитой дамами и всѣмъ московскимъ свѣтскимъ обществомъ, имѣютъ *историческое значеніе*. Я совершенно съ нимъ согласенъ. Грановскій сдѣлалъ изъ аудиторіи гостиную, мѣсто свиданья, встрѣчи—beau-mond'a. Для этого онъ не нарядилъ исторіи въ кружева и блонды, совсѣмъ напротивъ, его рѣчь была строга, чрезвычайно серьезна, исполнена силы, смѣлости и поэзіи, которыя мощно потрясали слушателей, будили ихъ. Смѣлость его сходила ему съ рукъ не отъ уступокъ, а отъ кротости выраженій, которая ему была такъ естественна, отъ отсутствія сентенцій à la française, ставящихъ огромныя точки на крошечныя і, въ родѣ нравоученій послѣ басни. Излагая событія, художественно группируя ихъ, онъ говорилъ *ими*, такъ что мысль, не сказанная имъ, но совершенно ясная—представлялась тѣмъ знакомѣе слушателю, что она казалась его собственною мыслію".

Объ этомъ же самомъ публичномъ курсѣ мы имѣемъ другой современный отзывъ, объясняющій внутреннія причины успѣха Грановскаго. Этотъ отзывъ появился въ „Москвитянинѣ" 1844 г. и состоялъ въ слѣдующемъ: „Главный характеръ чтеній Грановскаго: чрезвычайно развитая чело-

вѣчность, сочувствіе, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, сочувствіе, готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами. Нигдѣ, ничему не вырвалось слова ненависти въ его чтеніяхъ, онъ проходилъ мимо гробовъ, вскрывалъ ихъ—но не оскорбилъ усопшихъ. Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни человѣческой—далека была отъ его наукообразнаго взгляда, онъ вездѣ покорялся объективному значенію событій и стремился только раскрыть смыслъ ихъ... Умѣть во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ проявленіяхъ найти съ любовію родное, человѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ бы они рубищѣ ни были, въ какомъ бы неразумномъ возрастѣ мы ихъ ни застали; видѣть сквозь туманныя испаренія временнаго просвѣчиваніе вѣчнаго начала, т. е. вѣчной цѣли — великое дѣло для историка. Много разъ, когда я слушалъ Грановскаго, живо представлялся мнѣ Гораціо, съ стѣсненнымъ сердцемъ повѣствующій повѣсть о Гамлетѣ, возлѣ помоста, на которомъ покоится тѣло его. Въ Гораціо и мысли нѣтъ воскресить принца; смерть Гамлета для него событіе, онъ самъ сквозь слезы указываетъ на юнаго Фортинбраса, которому завѣщана кровавая порфира, но онъ не можетъ отказать въ грусти падшему;—такъ и въ сочувствіи Грановскаго къ среднимъ вѣкамъ не было ничего вспять текущаго, обращающаго назадъ. Любовь и сочувствіе къ побѣжденному—верхъ побѣды... Грановскій (несмотря на упреки, дѣланные ему въ началѣ курса) прекрасно понялъ, каковъ долженъ быть русскій языкъ о западномъ дѣлѣ. Онъ ни разу не внесъ въ катакомбы чужихъ праотцевъ ни одного слова, ни одного намека изъ сегодняшнихъ споровъ ихъ наслѣдниковъ; не для того взята была имъ въ руки запыленная хартія среднихъ вѣковъ, чтобы въ ней сыскать опору себѣ, своему образу мыслей: ему не нужна средневѣковая инвеститура, онъ стоитъ на иной почвѣ. Отъ этого его преподаваніе получило тотъ характеръ искренности и добросовѣстности, ту многостороннюю простоту и пластичность, которая такъ рѣдко встрѣчается въ исторіи; событія, не сгнетаемыя никакой личной теоріей, являлись въ его разсказѣ совершенно ожившими. Мнѣ случалось много разъ слышать

нелѣпые вопросы, почему онъ не высказывается яснѣе, что онъ хочетъ доказать, какая цѣль его? Онъ и любитъ феодализмъ, и радъ паденію его и пр.... Многосторонность живаго наводитъ страхъ и уныніе на одностороннихъ людей, они требуютъ du positif!... Но Грановскій слишкомъ историкъ въ душѣ, чтобы впасть въ ненужную односторонность... Грановскій миновалъ другой подводной камень, опаснѣйшій, нежели пристрастіе въ воззрѣніи на феодальныя событія. Знакомый съ писаніями великихъ германскихъ мыслителей, онъ остался независимъ. Онъ прекрасно опредѣлилъ современное состояніе философіи исторіи во второмъ чтеніи, но не подчинилъ живаго развитія никакой оцѣпеняющей формулѣ... Принимая исторію за правильно развивающійся организмъ, онъ нигдѣ не подчинилъ событій формальному закону необходимости и искусственнымъ гранямъ. Необходимость являлась въ его разсказѣ какою-то сокровенною мыслію эпохи; она ощущалась издали, какъ нѣкій Deus implicitus, предоставляющій полную волю и полный разгулъ жизни".

Интересно послушать отзывы бывшихъ учениковъ Грановскаго. Одинъ изъ нихъ, С. М. Соловьевъ самъ впослѣдствіи прославился своимъ историческимъ трудомъ, и вотъ что говоритъ онъ о своемъ учителѣ, только что начинавшемъ свое преподаваніе: „Когда перешли на второй курсъ, то пріѣхалъ изъ-за границы Грановскій, начавшій читать среднюю и новую исторію. Грановскій, какъ и Крюковъ, не былъ самостоятеленъ, былъ поклонникомъ того же Гегеля, но былъ художникъ первоклассный въ историческомъ изложеніи. Между талантомъ Крюкова и талантомъ Грановскаго была такая же большая разница, какъ и между ихъ наружностью. Крюковъ имѣлъ чисто-великороссійскую физіономію: круглое, полное лицо, бѣлый цвѣтъ кожи, свѣтло-русые волосы и свѣтло-каріе глаза. Талантъ его болѣе поражалъ съ внѣшней стороны, поражалъ музыкальностью голоса, изящною обработкою рѣчи, къ нему какъ нельзя болѣе шло прилагательное elegantissimus, какъ мы, студенты, его величали. Но при этой элегантности, щегольствѣ, въ немъ самомъ, въ его рѣчи, въ чтеніяхъ, было что-то холодное; его рѣчь производила впечатлѣніе, какое производитъ художественное изваяніе. Грановскій имѣлъ малороссійскую,

южную физіономію; необыкновенная красота его производила сильное впечатлѣніе не на однихъ женщинъ, но и на мущинъ. Своею наружностью онъ всего лучше доказывалъ, что красота есть завидный даръ, очень много помогающій человѣку въ жизни. Онъ имѣлъ смуглую кожу, длинные, черные волосы, черные, огненные, глубоко смотрящіе глаза".

„Онъ не могъ, подобно Крюкову, похвастать внѣшнею изящностью своей рѣчи: говорилъ онъ очень тихо, требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова. Но внѣшніе недостатки исчезали передъ внутреннимъ достоинствомъ рѣчи, передъ внутреннею силою и теплотою, которая давала жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывала вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченнымъ лицамъ и событіямъ. Если изложеніе Крюкова производило впечатлѣніе, какое производятъ изящныя изваянія, то изложеніе Грановскаго можно сравнить съ изящною картиною, которая дышитъ теплотой, гдѣ всѣ фигуры ярко расцвѣчены, живутъ, дѣйствуютъ передъ вами. И въ общественной жизни между этими людьми замѣчалось то же различіе, оба были благороднѣйшіе люди, превосходные товарищи. Но Крюковъ могъ внушать къ себѣ только большое уваженіе, не внушая сильной сердечной привязанности, ибо въ немъ было что-то холодное, сдерживающее. Въ Грановскомъ же была неотразимая притягательная сила, которая собирала около него многочисленную семью молодыхъ и немолодыхъ людей, но что всего важнѣе, людей порядочныхъ, ибо съ увѣренностью можно сказать, что тотъ, кто былъ врагомъ Грановскаго, былъ человѣкъ дурной".

Отзывъ Соловьева относится къ началу профессуры Грановскаго, и въ сопоставленіи съ нимъ интересенъ отзывъ студента, слушавшаго его въ послѣдній годъ его дѣятельности. „Первую лекцію, говоритъ этотъ свидѣтель, читалъ Т. Н. Грановскій. Еще въ гимназіи мы привыкли благоговѣть передъ этимъ именемъ, читали и восхищались его диссертаціею „Аббатъ Сугерій", предвкушая минуту, когда услышимъ его живое слово. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ аудиторія ждала появленія профессора. Уже сама по себѣ она производила впечатлѣніе импозантное: громадная зала была биткомъ набита студентами, задолго до начала поспѣшавшими занять ближайшія мѣста; на каѳедрѣ по

обѣимъ боковымъ колонкамъ стояли два студента въ выжидающихъ позахъ, съ тетрадками и готовымъ карандашомъ въ рукахъ; всѣ ступеньки, окружавшія каѳедру, были заняты; толпа виднѣлась сзади каѳедры и въ промежуткахъ между скамьями и на подоконникахъ широкихъ рамъ. Въ залѣ стоялъ оглушительный гулъ молодыхъ голосовъ, мелькали оживленныя лица, чинились перья и карандаши, видно было, что вся эта шумная толпа готовилась къ чему-то необычному, праздничному, интересному. Но вотъ все стихло, угомонилось; въ мертвой тишинѣ откуда-то издали послышались тяжелые шаги, и вслѣдъ затѣмъ Тимоѳей Николаевичъ своею грузною походкою взошелъ на каѳедру. Первое впечатлѣніе не оправдало ожиданій; передъ нами сидѣлъ пожилой господинъ съ круглымъ брюшкомъ, огромною лысиною, красный и толстый, сидѣлъ неподвижно, молчалъ и отдувался (Т. Н. страдалъ одышкою). Началъ онъ лекцію тихо шепелявымъ голосомъ, присюсюкивая; вся фигура выражала не то апатію, не то усталость. Но это впечатлѣніе исчезло очень скоро, съ первыхъ же фразъ отрывочныхъ, нерѣдко безсвязныхъ (Т. Н. читалъ безъ конспекта), произносимыхъ съ долгими интервалами и тяжелыми вздохами. Передъ аудиторіею, какъ бы застывшею въ глубочайшемъ вниманіи, стали понемногу развертываться одна за другой картины средневѣковой жизни, исполненныя смысла и красоты; цѣлыя фаланги повѣствуемой эпохи живыми вставали передъ ней; чѣмъ дальше говорилъ знаменитый профессоръ, тѣмъ дальше отодвигалась окружающая дѣйствительность; онъ уводилъ свою аудиторію въ сѣдую глубь вѣковъ, воскрешалъ передъ ней давно минувшіе идеалы, оживлялъ въ чарующихъ образахъ давно сошедшіе со сцены типы, а надъ всѣмъ этимъ, какъ-то незамѣтно, сами собой вставали въ сердцахъ слушателей великія начала человѣчности, свѣта, правды и добра. Рядомъ съ мастерски очерченными историческими фактами слушатели воспринимали и тѣ руководящіе принципы, тѣ гражданскія чувства, которыя, вложенныя въ молодую душу, вели и охраняли ее потомъ на предстоявшемъ жизненномъ пути до старости и даже у этой старости отнимали присущіе недуги индифферентизма, черствости и ретроградства. Намъ, вчерашнимъ гимназистамъ, сразу стало понятнымъ значеніе университетскаго преподаванія,

наше сердце уже навсегда было отдано ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ зародилась возможность критическаго, сравнительнаго отношенія къ другимъ лекторамъ, вырабатывалась самостоятельность мысли, складывались убѣжденія и взгляды. Легко себѣ представить наше горе, весь нашъ ужасъ, когда послѣ нѣсколькихъ такихъ лекцій пронеслась грозная вѣсть, что Т. Н. внезапно скончался, и вскорѣ затѣмъ мы, вмѣстѣ съ несмѣтною толпою, уже провожали тѣло дорогого учителя на Пятницкое кладбище! Эта преждевременная, неожиданная смерть сообщила особенный характеръ тому впечатлѣнію, какое успѣло на счастье нашему выпуску образоваться отъ коротенькаго ряда прослушанныхъ лекцій, оно стало для насъ какъ бы завѣщаніемъ, свято и нерушимо хранимымъ".

Чтобы понять значеніе Грановскаго, чтобы оцѣнить лучше его профессорскую дѣятельность, производившую такое обаятельное впечатлѣніе на современниковъ, надо остановиться на трехъ вопросахъ: во-первыхъ, каково было то время, когда читалъ Грановскій; во-вторыхъ, какова была подготовка, съ которою онъ приступилъ къ своимъ лекціямъ, и въ третьихъ, какъ смотрѣлъ онъ на исторію и на задачи преподаванія. Къ этимъ вопросамъ мы и обратимся, при чемъ считаемъ нужнымъ предупредить, что остановимся лишь на общемъ ихъ рѣшеніи, не входя въ детальное разсмотрѣніе.

Время, въ которое Грановскій началъ свою профессуру, было сравнительно лучшимъ въ мрачную полосу Николаевской реакціи, которая была, такъ сказать, не столь интенсивна, какъ въ первые годы царствованія, или же какъ она стала впослѣдствіи. Тѣмъ не менѣе біографъ Грановскаго не находитъ особенно свѣтлыхъ красокъ при характеристикѣ этого времени, и нельзя сказать, чтобы онъ не былъ правъ въ этомъ случаѣ. „Апатическое спокойствіе, говоритъ онъ, царило въ массѣ русскаго общества, которому не было доступа ни къ какимъ общественнымъ дѣламъ и заботамъ. Ни обстоятельства, ни правительство не вызывали и не допускали въ немъ никакого движенія, не тревожили его никакими перемѣнами, не тревожили его никакими вопросами. Жизнь русскаго общества текла тогда неслышно и невидно. За то отсутствіе общественныхъ интересовъ, даже внѣшняго движенія, сильнѣе сосредоточивало вниманіе образованнаго меньшинства на умственныхъ, литературныхъ и эстетиче-

скихъ интересахъ. Слово науки, умная или живая статья въ журналѣ, удачная повѣсть, поэтическое стихотвореніе были важнымъ, серьезнымъ явленіемъ для этой части русскаго общества. При строгости цензуры мысль, углубляясь въ самое себя, искала и находила себѣ скромное, но достойное выраженіе, сильное собственною силой, безъ громкихъ фразъ, безъ задорнаго крика, безъ легкомысленной болтовни. Не всегда досказанная, затаенная, она влекла къ себѣ не дерзостью, а искренностью. Въ тридцатыхъ годахъ, когда замолкла свѣтлая поэзія Пушкина, изгнаніе Лермонтова не помѣшало ему пѣть свои гордо-тоскливыя пѣсни. Отсутствіе правды и смысла въ оффиціальныхъ слояхъ современнаго общества было художественно представлено геніальнымъ комикомъ, создавшимъ „Ревизора". Литературная критика Бѣлинскаго будила въ читателяхъ эстетическій смыслъ и живое нравственное чувство. Народная русская пѣсня въ поэзіи Кольцова, а русская мелодія въ музыкѣ Глинки стремились къ художественному развитію. Даже въ сферѣ пластическаго искусства, гдѣ нечего было ждать при отсутствіи исторической подготовки, преданія и школы, явился однако же блестящій талантъ Брюллова. Въ эти-то годы, когда пробуждающееся сознаніе лучшей части русскаго общества проявлялось, по преимуществу въ сферѣ изящной литературы и искусства, прибыли въ Московскій университетъ молодые профессора изъ Германіи"...

Это были талантливые люди, прекрасно усвоившіе уроки нѣмецкихъ учителей и создавшіе новую русскую науку, и если даже они сами не дали глубоко-ученыхъ трудовъ, все же они выдвинули рядъ учениковъ, которые пошли уже своимъ путемъ. Эти молодые профессора были—Н. И. Крыловъ, Крюковъ, Рѣдкинъ, Чивилевъ, — къ ихъ числу принадлежалъ и Грановскій. „Они, говоритъ Герценъ, сильно двинули впередъ московскій университетъ, исторія ихъ не забудетъ. Люди добросовѣстной учености, ученики Гегеля, Ганса, Риттера и др., они слушали ихъ именно въ то время, когда остовъ діалектики сталъ обростать мясомъ, когда наука перестала считать себя противоположною жизни, когда Гансъ приходилъ на лекцію не съ древнимъ фоліантомъ въ рукѣ, а съ послѣднимъ нумеромъ парижскаго или лондонскаго журнала. Діалектическимъ построеніемъ пробовали

тогда рѣшить историческіе вопросы въ современности; это было невозможно, но привело факты къ болѣе свѣтлому сознанію. Наши профессора привезли съ собою эти завѣтныя мечты, горячую вѣру въ науку и людей; они сохранили весь пылъ юности, и каѳедры для нихъ были святыми налоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину; они являлись въ аудиторію не цеховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи".

Благодаря этимъ молодымъ профессорамъ, московскій университетъ въ сороковыхъ годахъ стоялъ на такой высотѣ, на которую ему не приходилось подыматься ни прежде, ни послѣ этого славнаго времени. Но европейскія событія 1848 года, внушившія серьезныя опасенія нашему правительству, вызвали, какъ извѣстно, новое обостреніе реакціи, и московскому университету суждено было испытать также тягоссь новаго положенія. Эту тягость съ какой-то „разъѣдающей, мертвящей грустью" чувствовалъ Грановскій, изливавшій свое настроеніе въ письмахъ къ Герцену. „Положеніе наше, пишетъ онъ въ 1850 году, становится нестерпимѣе день ото дня. Всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два раза собирали справки. Но что значитъ личная опасность въ сравненіи съ общимъ страданіемъ и гнетомъ. Университеты предполагалось закрыть, теперь ограничились слѣдующими уже приведенными въ исполненіе мѣрами: возвысили плату со студентовъ и уменьшили ихъ число закономъ, въ силу котораго не можетъ быть въ университетѣ больше 300 студентовъ. Въ московскомъ 1400 человѣкъ студентовъ, слѣдовательно надобно выпустить 1200, чтобы имѣть право принять сотню новыхъ. Дворянскій институтъ закрытъ, многимъ заведеніямъ грозитъ та же участь, напр. Лицею. Для кадетскихъ корпусовъ составлены новыя программы. Іезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы. Священнику предписано внушать кадетамъ, что величіе Христа заключалось преимущественно въ покорности властямъ. Онъ выставляется образцомъ подчиненія и дисциплины. Учитель исторіи долженъ разоблачать мишурныя добродѣтели древнихъ республикъ и показывать величіе непонятой историками римской имперіи, которой недоставало только одного—наслѣдственности!..

Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во-время. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее,—когда же развалится этотъ міръ?.. Я рѣшился не идти въ отставку и ждать на мѣстѣ совершенія судебъ. Кое-что можно дѣлать, пусть выгонятъ сами".

Таково было тяжелое состояніе, которое Грановскому приходилось переживать въ послѣдніе годы своей дѣятельности; но начало этой дѣятельности прошло въ гораздо лучшихъ условіяхъ: Грановскій могъ работать на пользу того юношества, которому онъ себя посвятилъ, и продуктивность этой работы болѣе всего зависѣла отъ предварительной подготовки, отъ той школы, которую прошелъ самъ профессоръ. Очень немного, почти ничего не дало для этой подготовки ученье дома, въ Россіи, и почти все было результатомъ упорныхъ занятій въ заграничномъ университетѣ. Въ Берлинѣ Грановскій слушалъ лекціи такихъ людей, какъ Ранке, Савиньи, Карлъ Риттеръ. Каждый изъ этихъ профессоровъ былъ творцомъ въ своей спеціальности, прокладывалъ новые пути для научнаго развитія: Ранке поставилъ на научную почву изученіе новой европейской исторіи и образовалъ цѣлую школу послѣдователей; Савиньи указалъ новый методъ изученія римскаго права, методъ историческій, благодаря которому уяснилось многое въ юридической жизни древняго Рима; Карлъ Риттеръ своимъ сравнительнымъ методомъ дѣйствительно обратилъ географію въ науку изъ того набора фактовъ, которымъ она была до него. Такіе учителя, конечно, должны были оказать огромное вліяніе на Грановскаго, а къ ихъ лекціямъ присоединялось изученіе Гегелевской философіи, подъ руководствомъ одного изъ усердныхъ послѣдователей Гегеля, профессора Вердера. Знакомство съ этой геніальной системой не могло пройти безслѣдно для Грановскаго, и, какъ показалъ П. Н. Милюковъ, построеніе университетскаго курса Грановскаго находилось въ сильной зависимости отъ Гегеля.

Конечно, каѳедра въ Берлинѣ сдѣлала много для Грановскаго, она и дала ему положительныя знанія, и методъ для дальнѣйшей научной работы, но это не все, чѣмъ обязанъ Грановскій Берлину: здѣсь онъ встрѣтилъ Н. В. Станкевича и другихъ юныхъ русскихъ идеалистовъ, и вотъ

ихъ-то общество было, пожалуй, наиболѣе благотворнымъ образовательнымъ элементомъ. Въ бесѣдахъ съ друзьями уяснялись многіе важные научные вопросы, формировалось опредѣленное міросозерцаніе, вырабатывалась программа будущей дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія; для кружка немыслимо было погрузиться въ филистерство, научная работа, философская мысль связывались съ жизненными требованіями... Такимъ образомъ біографъ Грановскаго имѣлъ полное право сказать, что Грановскій „приготовился къ своей профессорской дѣятельности долгимъ и упорнымъ трудомъ, многостороннимъ изученіемъ источниковъ, пособій и матеріаловъ науки“. Напротивъ того, совершенно неправы люди, утверждавшіе, что ученость Грановскаго была невелика, что подготовка его была слаба: для этихъ людей истинная ученость представлялась въ томъ, что по существу должно быть признано ученымъ балластомъ, въ педантическомъ уснащеніи живого изложенія мертвымъ матеріаломъ; отсутствіе цитатъ въ трудахъ Грановскаго казалось этимъ критикамъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ незнакомства Грановскаго съ первоисточниками, тогда какъ оно было только результатомъ тщательнѣйшей обработки формы своихъ произведеній.

Съ такимъ научнымъ запасомъ, съ такою подготовкою Грановскій выступилъ на каѳедру, но онъ прекрасно сознавалъ, что профессура требуетъ постояннаго, упорнаго труда, что для профессора нѣтъ возможности (конечно, если онъ добросовѣстно смотритъ на дѣло) остановиться на разъ пріобрѣтенныхъ результатахъ, что необходимо постоянное движеніе впередъ, постоянная разработка научныхъ вопросовъ, постоянное углубленіе изслѣдованія. Послѣдствіемъ такого сознанія была усиленная работа во все время профессуры. „Грановскій, говоритъ его біографъ, постоянно готовился къ каждой предстоящей лекціи справками, обдумываніемъ и соображеніемъ всего, что относилось къ его предмету. Но являясь на каѳедрѣ, онъ не приносилъ съ собою сырого матеріала науки въ видѣ тяжелаго запаса. Онъ не любилъ ни многочисленныхъ цитатъ, ни щегольства съ ссылками на имена и заглавія научной литературы, никакого ученаго наряда. Все внѣшнее содержаніе науки казалось было обственностью его духа. Излагая исторію человѣ-

чества, онъ, казалось, исповѣдовалъ передъ слушателями свои личныя, пустившія глубокіе корни въ душѣ его воспоминанія. Изящество формы его чтеній было слѣдствіемъ поэтическаго строя его души, изученія изящныхъ произведеній литературы и творческой фантазіи, которою одарила его природа и безъ которой, по его собственному замѣчанію, невозможенъ великій историкъ".

Способность живого устнаго изложенія была такъ велика у Грановскаго, что людямъ мало вдумчивымъ его лекціи могли казаться импровизаціями, тогда какъ онѣ всегда были слѣдствіемъ самой серьезной умственной работы. „Онъ признавался, что несмотря на постоянную подготовку къ своимъ лекціямъ, лучшимъ часто являлось въ нихъ то, что приходило ему на мысль во время самого чтенія. Если случалось ему, хотя и очень рѣдко, явиться на каѳедрѣ съ приготовленною письменно лекціею, то рукопись оставалась у него въ карманѣ, и аудиторія слышала отъ него не то, что было имъ приготовлено письменно. Несомнѣнно, что талантъ Грановскаго былъ по преимуществу талантъ живого слова, отчасти даже, можно сказать, талантъ импровизатора, если только позволительно назвать импровизаціею рѣчь, къ кототорой произносящій подготовленъ долгимъ трудомъ изученія и постоянно дѣятельной мыслью. Такое свойство таланта Грановскаго было среди другихъ причинъ едва ли не главною причиною того, что многіе изъ задуманныхъ имъ трудовъ не были исполнены, а начатые труды оставались недоконченными. Людямъ, бесѣдовавшимъ съ нимъ о какомъ-нибудь историческомъ вопросѣ, объ эпохѣ или историческомъ лицѣ, занимавшихъ его мысль, нерѣдко случалось слышать отъ него намѣреніе скоро представить публикѣ свое изслѣдованіе объ этихъ предметахъ или сказать печатно объ нихъ свое слово. Это уже у меня готово, говорилъ онъ. Очень ошибся бы тотъ, кто понялъ бы изъ этихъ словъ, что его изслѣдованіе написано, что у него приготовлена статья для печати. Все это было дѣйствительно готово, но только въ самомъ Грановскомъ. Для того, чтобы готовое явилось для слушателей, для публики, нуженъ былъ поводъ, случай, болѣе всего нужна была живая аудиторія, сочувственно настраивающая его сообщительную душу и вызывающая изъ глубины ея скрытые въ ней, но уже готовые образы, пред-

ставленія и думы". Та постоянная работа надъ вопросами науки, которая происходила въ Грановскомъ, выражалась не только въ университетскихъ или публичныхъ курсахъ, но и въ домашнихъ чтеніяхъ, въ которыхъ профессоръ дѣлился своими обширными свѣдѣніями съ лучшими изъ студентовъ и съ нѣкоторыми своими друзьями.

Мы видимъ, что Грановскій постоянно и много работалъ по своему предмету, сперва какъ ученикъ, потомъ какъ профессоръ. Но каковы же были его общія историческія воззрѣнія? Какъ онъ смотрѣлъ на значеніе исторіи, какъ науки и какъ предмета преподаванія? Какъ онъ вообще думалъ о задачахъ всякаго преподаванія?

Для отвѣта на эти вопросы обратимся къ собственнымъ словамъ Грановскаго. „У исторіи, говорилъ онъ, двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣчества, въ другой — независимыя отъ него, данныя природою условія его дѣятельности. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣйствіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ, основныхъ началъ, т. е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія". И такъ историкъ долженъ имѣть всегда въ виду связь своей науки съ естествовѣдѣніемъ, однако при этомъ слѣдуетъ помнить, что природа „есть только подножіе исторіи, въ сферѣ которой совершается главный подвигъ человѣка, онъ самъ является зодчимъ и матеріаломъ". Но отвергая такимъ образомъ подчиненіе исторіи естествовѣдѣнію, Грановскій указывалъ на необходимость и для исторіи тѣхъ же точныхъ методовъ, что сослужили такую великую службу развитію естествознанія, онъ указывалъ, что исторіи „предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ же подвигъ, какой совершенъ естествовѣдѣніемъ въ принадлежащей ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли вѣковые и вредные предразсудки, затмѣвавшіе взглядъ человѣка на природу; знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуютъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приведетъ къ

результатамъ такого же рода. Оно положитъ конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни, ибо обличитъ ихъ противорѣчіе съ вѣчными цѣлями, поставленными человѣку Провидѣніемъ. Исторія сдѣлается въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣльный организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодѣйствіи". Съ этой точки зрѣнія исторія имѣетъ, несомнѣнно, важнѣйшее практическое значеніе. „Конечно, ни народы, ни ихъ вожди не повѣряютъ поступковъ своихъ съ учебниками всеобщей исторіи и не ищутъ въ ней примѣровъ и указаній для своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать въ самыхъ массахъ извѣстнаго историческаго смысла, болѣе или менѣе развитаго на основаніи сохранившихся преданій о прошедшемъ. Въ лицахъ, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, этотъ смыслъ переходитъ, по необходимости, въ отчетливое сознаніе отношеній, существующихъ между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей".

Понимая такимъ образомъ значеніе исторіи, Грановскій естественно долженъ былъ возставать противъ односторонне-практическаго направленія въ педагогіи, которое признавало право на преподаваніе въ школѣ только за естественными науками; онъ находилъ вреднымъ преобладаніе въ системѣ воспитанія реальныхъ наукъ. „Задача педагогіи, говорилъ онъ, состоитъ въ равномѣрномъ (гармоническомъ) развитіи способностей учащагося, изъ которыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву другой. Знакомя юношу только съ внѣшней природой и съ ея механическими и химическими законами, естествознаніе, отрѣшенное отъ ученій, имѣющихъ предметомъ духовныя стороны бытія, неминуемо приводитъ къ матеріализму. Само по себѣ оно не въ состояніи удовлетворить нравственнымъ потребностямъ человѣка. Шлецеръ, говоря о вліяніи отдѣльныхъ наукъ на просвѣщеніе народовъ, сказалъ, что можно представить себѣ цѣлый народъ отличныхъ математиковъ, погруженный въ глубокое варварство. Почти то же можно сказать и о естествовѣдѣніи. Можно предположить существованіе народа натуралистовъ, безъ всякихъ опредѣ-

ленныхъ и твердыхъ понятій о добрѣ и злѣ. Прибавимъ, что въ настоящую минуту естественныя науки находятся на особенной ступени развитія. Гордясь недавними дѣйствительно блестящими успѣхами, онѣ присвоиваютъ себѣ право окончательнаго рѣшенія вопросовъ, въ продолженіе тысячелѣтій занимающихъ разумъ человѣческій и постоянно вынуждающихъ у него сознаніе собственнаго безсилія. Такое самоупоеніе науки, конечно, не можетъ быть продолжительно. Рано или поздно она должна признать снова существованіе роковыхъ граней, за которыя не дано перешагнуть нашей любознательности. Но въ ожиданіи неизбѣжнаго возврата къ болѣе трезвымъ и согласнымъ съ законами разума воззрѣніямъ, естествовѣдѣніе сообщаетъ юнымъ умамъ холодную самоувѣренность и привычку выводить изъ недостаточныхъ данныхъ рѣшительныя заключенія. Оно много содѣйствовало къ развитію въ образованномъ поколѣніи Запада той безотрадной и безсильной на великіе нравственные подвиги положительности, которая принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ явленій нашей эпохи".

Познакомившись однако со взглядомъ Грановскаго на отношеніе естествознанія къ исторіи, мы поймемъ, что вооружаясь противъ одной крайности въ дѣлѣ воспитанія, онъ не допустилъ бы и другой односторонности, не допустилъ бы совершеннаго исключенія изъ воспитанія наукъ естественныхъ, такъ какъ онѣ, по его мнѣнію, являлись „подножіемъ" для историческаго изученія. Вообще нужно сказать, что всякая односторонность, въ чемъ бы она ни проявлялась, претила широкому гуманистическому взгляду Грановскаго. Какъ съ односторонностью, онъ не могъ примириться съ славянофильствомъ, которое представлялось ему узкимъ націонализмомъ, хотя лично онъ глубоко уважалъ первыхъ славянофиловъ и говорилъ: они „очень умные и замѣчательные люди. Съ ихъ убѣжденіями невозможно согласиться, но у нихъ по крайней мѣрѣ есть глубокое участіе, знаніе и логика. Мы не сходимся близко, но я ихъ отъ души уважаю". Память Петра Великаго была дорога для Грановскаго именно потому, что царь-преобразователь возсталъ противъ національной односторонности и пріобщилъ насъ къ общечеловѣческому развитію, которое до сихъ поръ выражалось въ ростѣ западно-европейской цивилизаціи. Дальнѣйшее движеніе

этой цивилизаціи должно привести къ осуществленію великихъ идеаловъ гуманности, правды и добра. Этимъ идеаламъ посвятилъ всю свою жизнь Грановскій, въ ихъ-то проповѣди была обаятельная сила его профессорскаго слова. Пониманіе этого свойства дѣятельности Грановскаго выразилось очень хорошо въ слѣдующихъ стихахъ Некрасова, которыми мы и закончимъ нашу характеристику:

„Грановскаго я тоже близко зналъ—
Я слушалъ лекціи его три года.
Великій умъ! Счастливая природа!
Но говорилъ онъ лучше, чѣмъ писалъ.
Оно и хорошо—писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило!
. . . . . .
Передъ рядами многихъ поколѣній
Прошелъ твой свѣтлый образъ; чистыхъ впечатлѣній
И добрыхъ знаній много сѣялъ ты,
Другъ истины, добра и красоты!
Пытливъ ты былъ; искусство и природа,
Наука, жизнь—ты все познать желалъ,
И въ новомъ творчествѣ ты силы почерпалъ
И въ геніи угасшаго народа...
И всѣмъ дѣлиться съ нами ты хотѣлъ!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умѣлъ
И брата узнавалъ въ рабѣ иноплеменномъ,
Отъ насъ вѣками отдаленномъ!
Готовилъ родинѣ ты честныхъ сыновей,
Провидя лучъ зари за непроглядной далью.
Какъ ты любилъ ее! Какъ ты скорбѣлъ о ней!
Какъ рано умеръ ты, терзаемый печалью!
Когда надъ бѣдной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрѣлъ недугъ, посѣянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

К. Д. Кавелинъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу.

I.

Одинъ изъ видныхъ земскихъ дѣятелей эпохи императора Александра II, Н. П. Колюпановъ, вспоминая о своихъ студенческихъ годахъ, характеризуетъ популярнѣйшаго изъ своихъ профессоровъ, К. Д. Кавелина, и разсказываетъ объ утреннихъ воскресныхъ бесѣдахъ, на которыхъ у Кавелина собирались и студенты и нѣкоторыя постороннія лица. Въ этихъ бесѣдахъ затрогивались и спеціально-научные вопросы, но „преобладающее мѣсто занималъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ". Большинство студентовъ тогда, какъ говоритъ Колюпановъ, „принадлежало къ помѣщикамъ, къ рабовладѣльцамъ, какъ не стѣсняясь заявлялъ имъ въ глаза Константинъ Дмитріевичъ. Его рѣзкій безпощадный протестъ противъ крѣпостнаго права имѣлъ громадное значеніе. Въ умѣ всякаго шевельнулось сомнѣніе; болѣе или менѣе, но невольно протестъ этотъ переходилъ въ слушателей. Какъ-то совѣстно становилось обращаться къ этому явленію такъ спокойно и безразлично, какъ это дѣлалось до знакомства съ Константиномъ Дмитріевичемъ. И эта дѣятельность не прошла безслѣдно. Не мало его слушателей явилось впослѣдствіи и въ числѣ меньшинства губернскихъ комитетовъ, и въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Такимъ образомъ дѣло, которому Кавелинъ посвятилъ цѣлую свою жизнь,—онъ началъ еще въ молодости, съ первыхъ шаговъ своей профессорской дѣятельности, въ то время, когда для большинства крѣпостное право представлялось незыблемымъ устоемъ русской жизни".

Дѣйствительно крестьянское дѣло, сперва освобожденіе

крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а потомъ устроеніе ихъ быта при новыхъ условіяхъ, составило главный интересъ жизни К. Д. Кавелина. Профессура, къ которой онъ обращался три раза, была формою его дѣятельности, и хотя она сильно привлекала его къ себѣ, хотя онъ много отдавалъ изъ своихъ умственныхъ богатствъ учащемуся юношеству, хотя, наконецъ, онъ не разъ съ любовью сосредоточивался на чисто теоретическихъ научныхъ изысканіяхъ въ областяхъ права, психологіи и этики, — тѣмъ не менѣе важнѣйшимъ практическимъ дѣломъ, которому онъ отдавался весь цѣликомъ, былъ вопросъ крестьянскій.

Въ то время, когда начиналась общественная дѣятельность Кавелина, разсуждать объ упраздненіи крѣпостного права и даже о нѣкоторомъ облегченіи участи крестьянъ, возможно было только въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ, публично, гласно затрогивать этотъ вопросъ строго запрещалось, такъ какъ крѣпостное право оффиціально признавалось однимъ изъ важнѣйшихъ устоевъ русскаго государственнаго строя, хотя въ то же время императоръ Николай Павловичъ учреждалъ рядъ секретныхъ комитетовъ изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ съ цѣлью постепенной подготовки освобожденія крестьянъ. Зло крѣпостнаго права не представлялось правительству настолько сильнымъ, какъ оно было въ дѣйствительности; казалось, что можно не спѣшить съ разрѣшеніемъ вопроса, и въ гласности его обсужденія видѣлась серьезная государственная опасность. Государство было могущественно, все въ немъ, по офиціальной формулѣ, обстояло благополучно, и поэтому представлялось возможнымъ пребывать въ „полномъ гордаго величія покоѣ“, не смущаемомъ никакими стремленіями къ ненужнымъ и зловреднымъ преобразованіямъ.

Но разразилась гроза, Крымская война обнаружила нашу слабость даже въ военной подготовкѣ, раскрыла глубокія язвы всего государственнаго организма, показала, что убѣжденіе въ силѣ и богатствѣ Россіи было ошибочнымъ, и что „едва-ли можно найти другое государство, гдѣ бы благосостояніе было на такой низкой ступени, гдѣ бы меньше было капиталовъ въ обращеніи, и бѣдность была такъ равномѣрно распространена между всѣми классами“. Правда открылась сама собою, и о ней уже нельзя было молчать... Лучшіе

люди общества заговорили о нашихъ бѣдахъ и недостаткахъ, послужившихъ причиною этихъ бѣдствій, о необходимости коренныхъ преобразованій, и въ это-то время на первый планъ выдвинулся крестьянскій вопросъ. Несмотря на всяческіе цензурные запреты, объ этомъ вопросѣ всѣ стали разсуждать, явился рядъ проектовъ его разрѣшенія, и само правительство не только сняло съ вопроса покровъ тайны, но даже признало общественное обсужденіе лучшимъ средствомъ правильнаго его окончанія.

Заговорилъ и К. Д. Кавелинъ, и въ числѣ проектовъ освобожденія крестьянъ однимъ изъ первыхъ явилась его „Записка", представленная Императору Александру II въ 1855 году. „Причинъ нашей бѣдности, говорилъ Кавелинъ въ этой „Запискѣ", очень и очень много, какъ-то: ошибочная система управленія; отсутствіе строгаго правосудія и правильнаго кредита; цѣлый кодексъ стѣснительныхъ для промышленности и торговли правилъ, вслѣдствіе которыхъ ни та, ни другая не могутъ свободно развернуться, какъ въ другихъ странахъ; гибельное начало хозяйственныхъ заготовленій и хозяйственнаго управленія вообще, имѣющее въ нашей государственной администраціи, къ несчастію, такое обширное примѣненіе; глубокое невѣжество всѣхъ классовъ народа, не исключая и высшихъ, изъ которыхъ большею частью пополняются ряды чиновниковъ и правительственныхъ лицъ. Всѣ эти причины дѣйствуютъ болѣе или менѣе гибельно. Но ни одна не проникаетъ такъ глубоко въ народную жизнь, ни одна такъ не поражаетъ промышленной дѣятельности народа въ самомъ ея зародышѣ, ни одна такъ не убиваетъ всякій нравственный и матеріальный успѣхъ Россіи, какъ *крѣпостное право*, которымъ опутана цѣлая половина сельскаго народонаселенія имперіи".

Указавъ далѣе на два главныхъ вида крѣпостного права, государственное и частное, и охарактеризовавъ тѣ злоупотребленія, которыя неизбѣжно связываются съ этими видами, Кавелинъ приходитъ къ слѣдующему общему выводу: крѣпостное прово есть неизсякаемый источникъ насилій, безнравственности, невѣжества, праздности, тунеядства, и всѣхъ проистекающихъ отсюда пороковъ и даже преступленій. Всѣ общественныя и частныя отношенія заражены у насъ вліяніемъ крѣпостнаго права; у нашихъ чиновниковъ нѣтъ

чувства права и справедливости, потому что они большею частью изъ господъ; у насъ нѣтъ честности въ гражданскихъ сдѣлкахъ, потому что вслѣдствіе крѣпостного права два главныхъ сословія въ Россіи, владѣльцы и крѣпостные, съ малолѣтства привыкаютъ къ обманамъ и не считаютъ своихъ словъ и обѣщаній обязательными; у насъ существуетъ не мало безполезныхъ должностей и мѣстъ, только для того, чтобъ пристроить разорившихся маменькиныхъ сынковъ, имѣющихъ связи; у насъ нѣтъ порядочной домашней прислуги, даже наемной, потому что ряды ея наполняются крѣпостными, бывшими или настоящими, уже развращенными рабствомъ; у насъ нѣтъ надежныхъ второстепенныхъ органовъ промышленности и гражданскихъ сдѣлокъ — конторщиковъ, приказчиковъ, стряпчихъ, повѣренныхъ и т. п., потому что и эти званія наполняются или изъ бѣднаго дворянства, или изъ вольноотпущенныхъ. Дѣти господъ и крѣпостныхъ съ колыбели подпадаютъ подъ горестное вліяніе этого несчастнаго права и черезъ всю жизнь несутъ на себѣ неизгладимую печать людей, несправедливо господствующихъ или несправедливо зависящихъ".

Отражаясь нравственнымъ развращеніемъ, какъ на крѣпостныхъ, такъ и на ихъ господахъ, рабство грозитъ и всякими политическими бѣдствіями. Не говоря о томъ, что народъ имъ тяготится и что при извѣстныхъ обстоятельствахъ оно можетъ стать источникомъ сильнѣйшихъ народныхъ волненій, крѣпостное право опасно и въ другомъ отношеніи. „Крѣпостное право, какъ объясняетъ Кавелинъ, есть камень преткновенія для всякаго успѣха и развитія въ Россіи. Владѣльцы, почти исключительно составляющіе наше правительство, боясь, что освобожденіе крѣпостныхъ почти неизбѣжно повлечетъ за собой насильственный переворотъ, что польются потоки крови и что во всякомъ случаѣ помѣщики должны будутъ, съ упраздненіемъ крѣпостного права, понести болѣе или менѣе значительныя матеріальныя потери,—вмѣсто того, чтобы понять необходимость нечувствительнымъ образомъ подготовлять это неизбѣжное преобразованіе постепенными законодательными и административными мѣрами, предпочитаютъ стоять за крѣпостное право грудью, до послѣдней крайности, и не позволять до него прикасаться. Оттого, неблагоразумно слагая съ себя всякую

отвѣтственность за разныя ошибочныя распоряженія, угодливо и раболѣпно скрывая передъ лицомъ монарха всю опасность въ настоящемъ и будущемъ различныхъ законодательныхъ мѣръ, внушаемыхъ нерѣдко минутными и случайными впечатлѣніями, владѣльцы, какъ одинъ человѣкъ, сопротивляются не только всякой, даже малѣйшей попыткѣ смягчить крѣпостное право, но возстаютъ даже противъ всякаго намека, словеснаго или письменнаго, о ненормальности этого права. Какъ ни былъ рѣшителенъ и настойчивъ въ своихъ велѣніяхъ покойный государь (императоръ Николай Павловичъ), но и онъ не могъ сломить тайнаго и явнаго сопротивленія владѣльческихъ партій и, говорятъ, унесъ съ собой въ могилу убѣжденіе, что въ будущемъ крѣпостное право готовитъ Россіи великое горе.

„Отстаивая это право такъ послѣдовательно, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости упорно отвергаетъ и всевозможныя другія внутреннія преобразованія, своевременность и даже настоятельность которыхъ сознаютъ единогласно и правительство, и народъ. Нельзя отрицать, что, дѣйствуя такъ, дворянство поступаетъ очень послѣдовательно, ибо всѣ сколько-нибудь значительныя внутреннія преобразованія въ Россіи, безъ изъятія, такъ неразрывно связаны съ упраздненіемъ крѣпостного права, что одно невозможно безъ другого, а потому очень естественно, сопротивляясь одному, сопротивляться и другому. Такъ, напримѣръ, преобразованіе рекрутскаго устава невозможно, потому что оно повело бы къ уничтоженію крѣпостного права; невозможно измѣнить теперешнюю податную систему, потому что корень ея въ томъ же правѣ; нельзя по той же самой причинѣ ввести другую, болѣе разумную, паспортную систему; невозможно распространеніе просвѣщенія на низшіе классы народа, преобразованіе судоустройства и судопроизводства, уголовнаго и гражданскаго, полиціи и вообще администраціи и теперешней цензуры, убійственной для науки и изящной литературы,—потому что всѣ эти преобразованія прямо или косвенно повели бы къ ослабленію крѣпостного права, а этого-то ни подъ какимъ видомъ и не хотятъ владѣльцы. Вотъ почему Россія осуждена окаменѣть, существовать въ теперешнемъ видѣ, не подвигаясь на шагъ впередъ. И ничто не въ силахъ измѣнить этого положенія, пока крѣ-

постное право будетъ составлять основу нашей общественной и гражданской жизни, ибо это гордіевъ узелъ, къ которому сходятся всѣ наши общественныя язвы. Самыя благонамѣренныя усилія государей и отдѣльныхъ лицъ, правительственныхъ и не правительственныхъ, поправить наше теперешнее внутреннее положеніе, дѣйствительно требующее безотлагательнаго и рѣшительнаго улучшенія, останутся тщетными, не принесутъ никакой пользы, пока существуетъ крѣпостное право".

Въ виду такой зловредности крѣпостного права, Кавелинъ считаетъ невозможнымъ откладывать его упраздненіе, а такъ какъ дѣло должно быть рѣшено безъ оттяжекъ и проволочекъ, то онъ категорически осуждаетъ прежнія слабыя и нерѣшительныя попытки правительства облегчить положеніе крѣпостного населенія, онъ заявляетъ, что прежній путь долженъ быть оставленъ и правильнаго исхода изъ затрудненій надо искать въ новыхъ пріемахъ. „Само правительство, говоритъ онъ, какъ будто нарочно отнимало у себя способы достигнуть предположенной цѣли. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ есть важнѣйшій, существеннѣйшій изъ всѣхъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ. Поэтому, принимаясь за его разрѣшеніе, правительству слѣдовало сосредоточить на немъ всѣ силы, обставить его самыми благопріятными условіями, воспользоваться всѣмъ, что могло вести къ предположенной цѣли. Къ сожалѣнію ничего этого сдѣлано не было. Въ государственномъ совѣтѣ никто въ этомъ вопросѣ не поддерживалъ видовъ правительства. Министры своими распоряженіями противодѣйствовали имъ всѣми силами; гласныя совѣщанія дворянъ объ освобожденіи крѣпостныхъ были запрещены и, несмотря на ходатайства о разрѣшеніи такихъ совѣщаній, они остались недозволенными; даже запрещено было обсуждать печатно, въ политическомъ отношеніи совершенно безвредную, а для разрѣшенія вопроса весьма существенную, экономическую сторону крѣпостного права, — именно о преимуществѣ вольнаго труда надъ крѣпостнымъ въ государственномъ, частномъ, сельско-хозяйственномъ и другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, правительство хотѣло невозможнаго: оно хотѣло произвести важнѣйшую въ Россіи реформу секретно, не приготовивъ общественнаго мнѣнія, не

опираясь на разумное убѣжденіе, не ознакомивъ съ главною мыслью задуманнаго преобразованія того класса, котораго матеріальные интересы затрогивались самымъ чувствительнымъ образомъ. Оттого и успѣхъ не увѣнчалъ благонамѣренныхъ и благодѣтельныхъ усилій покойнаго императора. Крѣпостное право продолжаетъ у насъ существовать и до сихъ поръ, съ каждымъ днемъ дѣлая внутреннее положеніе наше все болѣе и болѣе затруднительнымъ, шаткимъ, опаснымъ и безъисходнымъ. Каждый день болѣе и болѣе уноситъ надежду на возможность мирнаго разрѣшенія этого вопроса и приближаетъ насъ къ страшной катастрофѣ, слабые образчики которой въ Галиціи, въ тарновскомъ округѣ, еще такъ недавно привели всю Европу въ смятеніе и ужасъ... Мирное, благодѣтельное для Россіи разрѣшеніе вопроса о крѣпостномъ помѣщичьемъ правѣ сдѣлается возможнымъ лишь съ той минуты, когда всѣ стороны этого вопроса будутъ приняты въ соображеніе, всѣ связанные съ ними интересы, государственные и частные—взвѣшены и уважены, и когда, на основаніи предварительнаго, зрѣлаго обсужденія, составится подробный, обстоятельный планъ упраздненія крѣпостного состоянія, который правительство приметъ себѣ въ непремѣнное руководство во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ".

При обсужденіи вопроса объ упраздненіи крѣпостного права, необходимо прежде всего установить, каковы должны быть основанія, на которыхъ у насъ совершится освобожденіе крестьянъ; а для этого нужно анализировать интересы, затрагиваемые предполагаемой реформой, какъ частные, такъ и государственные. „Интересъ владѣльцевъ, говоритъ Кавелинъ, въ крѣпостномъ правѣ очевиденъ: они защищаютъ въ немъ свое имущество, дошедшее къ нимъ законнымъ порядкомъ, и потому во всякомъ случаѣ составляющее ихъ неотъемлемую гражданскую собственность. Этого ихъ права добросовѣстно отрицать нельзя: всѣ историческіе доводы и юридическія тонкости, приводимые въ опроверженіе помѣщичьей власти, какъ гражданскаго права, не колебля ее ни мало, только запутываютъ и затемняютъ вопросъ.—Столь же очевиденъ и интересъ крѣпостныхъ. Онъ заключается въ полномъ личномъ освобожденіи ихъ отъ владѣльцевъ съ удержаніемъ той земли, которою владѣютъ и пользуются

для себя, избы, въ которой живутъ, и всего движимаго и недвижимаго имущества, которое пріобрѣли собственными трудами или наслѣдовали отъ отцовъ своихъ. Наконецъ интересы государства совершенно совпадаютъ съ пользами владѣльцевъ и крѣпостныхъ. По изложеннымъ выше причинамъ, для государства необходимо, чтобы крѣпостное право прекратилось въ Россіи, но такъ однако, чтобы при этомъ права и интересы обѣихъ сторонъ — помѣщиковъ, и крѣпостныхъ—были вполнѣ сохранены и уважены. Необходимость послѣдняго условія очевидна даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ. Государство не можетъ ни желать, ни допустить освобожденія крестьянъ безъ вознагражденія владѣльцевъ, и на это имѣетъ самыя основательныя причины. Освобожденіе крестьянъ безъ вознагражденія помѣщиковъ, во-первыхъ, было бы весьма опаснымъ примѣромъ нарушенія права собственности, котораго никакое правительство нарушить не можетъ, не поколебавъ гражданскаго порядка и общежитія въ самыхъ основаніяхъ; во-вторыхъ, оно внезапно повергло бы въ бѣдность многочисленный классъ образованныхъ и зажиточныхъ потребителей въ Россіи, что по крайней мѣрѣ сначала, могло бы во многихъ отношеніяхъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія для всего государства; въ третьихъ, владѣльцы тѣхъ имѣній, гдѣ обработка земли наймомъ больше будетъ стоить, чѣмъ приносимый ею доходъ, съ освобожденіемъ крѣпостныхъ совсѣмъ лишатся дохода отъ этихъ имѣній. Не получивъ вознагражденія, многіе изъ нихъ на первый разъ, а иные, можетъ быть, и навсегда, были бы осуждены на самое бѣдственное существованіе, или даже остались бы на рукахъ у правительства, которое черезъ это было бы вовлечено въ чрезвычайно обременительныя издержки и пожертвованія.—По соображеніямъ столько же важнымъ и настоятельнымъ, правительство вынуждено также обратить все свое вниманіе и на возможно большее личное и вещественное обезпеченіе крестьянъ при освобожденіи ихъ отъ власти помѣщиковъ. Такъ, въ видахъ общественной тишины и порядка, правительство не можетъ допустить сохраненія хотя бы тѣни зависимости бывшихъ крѣпостныхъ отъ ихъ помѣщиковъ; иначе безпрестанныя столкновенія между тѣми и другими, неудовольствія, безконечныя тяжбы и несправедливыя взаимныя претензіи раз-

множились и продолжались бы вѣчно, а на безпристрастное разбирательство и рѣшеніе процессовъ между помѣщиками и ихъ прежними крѣпостными долго еще нельзя разсчитывать, потому что много пройдетъ времени послѣ освобожденія, а судебная и полицейская власти еще будутъ находиться по преимуществу въ рукахъ дворянства и землевладѣльцевъ. Равнымъ образомъ, правительство ни подъ какимъ видомъ не можетъ согласиться на увольненіе крѣпостныхъ безъ земли, потому что чрезъ это сельское населеніе было бы поставлено, если не по праву, то на самомъ дѣлѣ, въ слишкомъ большую зависимость отъ владѣльцевъ, или даже, наскучивъ этою зависимостью, потеряло бы мало-по-малу осѣдлость, для водворенія которой въ низшихъ сословіяхъ столько принесено жертвъ, столько сдѣлано усилій,—и стало бы, по прежнему, перекочевывать изъ одного края Россіи въ другой, къ явной опасности для государства во всѣхъ отношеніяхъ".

Исходя изъ такихъ соображеній, Кавелинъ заключаетъ, что главными основаніями для освобожденія крестьянъ надо признать слѣдующія положенія:

1) *крѣпостныхъ слѣдовало бы освободить вполнѣ, совершенно, изъ-подъ зависимости отъ ихъ господъ*;

2) *ихъ надлежало бы освободить не только со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, но и непремѣнно съ землею, и*

3) *освобожденіе можетъ совершиться во всякомъ случаѣ не иначе, какъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ*".

Послѣдній пунктъ, т. е. вознагражденіе владѣльцевъ, Кавелинъ считалъ очень важнымъ, такъ какъ безъ его соблюденія въ дѣло освобожденія внесена была бы несправедливость; вознаградить же помѣщиковъ предполагалось такимъ способомъ: „оцѣнить крѣпостныхъ со слѣдующею имъ землею, по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ, какъ можно добросовѣстнѣе, какъ можно ближе къ истинѣ, и затѣмъ выдавать всю выкупную сумму сполна, при самомъ отчужденіи крѣпостныхъ изъ частнаго владѣнія. Только такой способъ выкупа, не внося въ важное государственное дѣло освобожденія никакихъ искусственныхъ и произвольныхъ условій, напротивъ, принимая за исходную точку существующій нынѣ порядокъ дѣлъ, въ состояніи приготовить преобразованіе сельско-хозяйственнаго быта Россіи, почти не-

замѣтно; но только при помощи такого способа, примиряющаго пользы всѣхъ, новое начнетъ заступать мѣсто стараго безъ перерыва и съ необходимою постепенностью".

Уяснивъ затѣмъ техническія, такъ сказать, подробности дѣла освобожденія крестьянъ, ихъ надѣленія землей и выкупа и указавъ, что освобожденіе для опыта можно начать въ одной лишь части Россіи, хотя бы, напримѣръ, въ западныхъ девяти губерніяхъ, Кавелинъ настаиваетъ на необходимости рѣшительныхъ дѣйствій и опровергаетъ толки о возможности бунта въ остальной Россіи, при началѣ освобожденія хотя бы въ одной губерніи. „Опасностью грозитъ, говоритъ онъ, конечно, не надежда, а безнадежность крѣпостныхъ когда-нибудь получить свободу. Такая безнадежность начинаетъ уже въ нихъ тамъ и сямъ проглядывать; они, къ несчастію, начинаютъ нападать на опасную, по своимъ послѣдствіямъ, мысль: будто бы правительство держитъ сторону господъ, будто бы оно не хочетъ подумать о защитѣ и покровительствѣ крѣпостныхъ отъ произвола и угнетенія помѣщиковъ. Конечно, мысль эта далеко еще не овладѣла массами; горе, если она найдетъ вѣру у большинства! А теперешнее невмѣшательство правительства въ отношенія владѣльцевъ и крѣпостныхъ можетъ и должно питать ее во всѣхъ концахъ Россіи. Что же? Лучше будетъ такое несчастное заблужденіе, чѣмъ вѣра, что вотъ-де царь и надъ нами сжалился и насъ сдѣлаетъ вольными: сегодня тамъ, а завтра и до насъ очередь дойдетъ? Кто знаетъ Россію, кто понимаетъ ея великое призваніе, тотъ не сомнѣвается, что ей прежде всего необходимы мирные успѣхи, которые, впрочемъ, не только у насъ, но и вездѣ вѣрнѣе и прочнѣе развитія сомнительнымъ и тяжкимъ путемъ переворотовъ и смертельныхъ опытовъ; а несомнѣнный залогъ мирныхъ успѣховъ въ Россіи есть твердая вѣра народа въ царя. Чтобы поддержать эту-то вѣру, и необходимо прежде и больше всего освобожденіе крестьянъ, и безъ отлагательства! Да не обольщаетъ себя никто въ этомъ отношеніи; пройдетъ еще немного времени, и даже этого средства будетъ уже недостаточно. — Къ несчастію, съ нѣкотораго времени всѣ понятія у насъ какъ будто извратились; нерѣшительность, отсутствіе опредѣленныхъ идей и стремленій, даже робость правительства выдаются у насъ за высокую поли-

тическую осторожность, чуть-чуть не за альфу и омегу всякой государственной мудрости. Какъ несогласно это съ уроками русской исторіи! Кто рѣшится сказать, что Петръ I, что Екатерина II были неосторожны и неблагоразумны, что имъ недоставало государственной мудрости? Великія дѣла этихъ двухъ царствованій громко говорятъ за себя. И что же? Оба отличались большою твердостью и рѣшительностью; Петръ, конечно, болѣе геніальною, Екатерина—болѣе хитрою и умною. Петръ воевалъ въ одно и то же время съ сильнѣйшимъ внѣшнимъ и съ сильнѣйшими внутренними врагами; тѣхъ и другихъ онъ какъ-будто нарочно вызывалъ на бой и громилъ безпощадно. То же въ существѣ, хотя и въ другихъ формахъ дѣлала Екатерина. Но съ вѣнскаго конгресса у насъ какъ будто исчезло и самое преданіе объ этой спасительной рѣшимости. Во всѣхъ важныхъ внутреннихъ вопросахъ правительство, при кажущейся энергіи, дѣйствуетъ вяло и неопредѣленно. Отъ этой добровольной искусственной дремоты, овладѣвшей только вслѣдствіе ошибочнаго взгляда, пора встрепенуться, особливо въ отношеніи къ крѣпостному вопросу. Правительству стоитъ только рѣшиться овладѣть этимъ вопросомъ и повести его къ развязкѣ, — и весь народъ пойдетъ по указанному пути съ довѣріемъ и любовью. Начавъ выкупъ крѣпостныхъ въ одной мѣстности, слѣдовало бы, въ то же время, содѣйствовать къ упраздненію крѣпостного права и во всѣхъ прочихъ разными *косвенными мѣрами и полумѣрами*, которыя, не касаясь существа этого права, подготовили и значительно облегчили бы выполненіе выкупа, въ обширныхъ размѣрахъ, во всей Россіи".

Черезъ два года послѣ представленія этой „Записки" императору Александру II, началось великое дѣло освобожденія крестьянъ, предвозвѣщенное Государемъ при самомъ его вступленіи на престолъ. Въ 1858 г. послѣдовали знаменитые рескрипты виленскому и санктъ-петербургскому губернаторамъ, которыми было положено начало работамъ по упраздненію крѣпостнаго права. Вся Россія встрепенулась, но нужно сказать, что далеко не вездѣ вѣсть о грядущемъ освобожденіи привѣтствовалась радостно, — въ большинствѣ владѣльческій классъ увидѣлъ въ намѣреніи правительства нѣчто идущее противъ его интересовъ и приготовился къ

энергичной, хотя и скрытной, оппозиціи: въ „благородномъ“ дворянскомъ сословіи только меньшинство оказалось способнымъ къ отреченію отъ сословнаго эгоизма, къ дѣятельному сочувствію тому гуманному дѣлу, къ которому призывалъ Россію Царь-Освободитель. Конечно, въ этомъ меньшинствѣ было мѣсто для К. Д. Кавелина, и онъ привѣтствовалъ великодушную рѣшимость Государя рѣчью, произнесенной въ Москвѣ на обѣдѣ литераторовъ 28 декабря 1858 г. Предлагая тостъ за иниціатора освобожденія, за „державнаго Миротворителя“, Кавелинъ говорилъ: „Только будущее, скрытое отъ насъ, смутно лишь предугадываемое, можетъ выказать всѣ матеріальныя, гражданскія и нравственныя послѣдствія великаго дѣла, начатаго 20-го ноября. Нашъ долгъ и призваніе приготовиться къ нему достойнымъ образомъ; ибо мы видимъ начало разрѣшенія задачи, сложившейся цѣлыми вѣками русской исторіи; но многіе изъ насъ еще не ступятъ на святую обѣтованную землю. Пусть же другіе, послѣ насъ, не упрекнутъ насъ въ легкомысленномъ къ нему равнодушіи, но съ благодарностью вспомнятъ труды и любовь, которые и мы принесли на общее дѣло, насколько мы могли и умѣли! 20-е ноября открываетъ для насъ возможность озаботиться о правильномъ устройствѣ нашего экономическаго быта,—я говорю возможность, потому что нашему благоразумію и любви къ отечеству предоставлено пріискать среднія мѣры для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчащихъ интересовъ. Чтобы оцѣнить весь глубокій смыслъ этого довѣрія, вспомнимъ, что общественная жизнь неудержимо развивается, и не въ человѣческихъ силахъ измѣнить ея ходъ, подчиненный неизмѣннымъ законамъ; но отъ людей зависитъ путь, по которому развивается народная жизнь. Люди и предугадываютъ общественныя потребности и мудро направляютъ въ этомъ смыслѣ свои дѣйствія; или они отступаютъ передъ задачей, и, увлекаясь разными побужденіями, отклоняются отъ предстоящаго, ближайшаго дѣла. Въ первомъ случаѣ жизнь совершается стройно, послѣдовательно, трудности устраняются безъ существенныхъ пожертвованій, со всевозможною пощадою интересовъ всѣхъ и каждаго; во второмъ—задача все-таки рѣшается, но только сама собою, какъ придется, съ матеріальными ущербомъ и безъ чьей-либо заслуги,—напротивъ, съ утратою нравствен-

наго достоинства, — въ подтвержденіе неоспоримой истины, что правда, нравственность и выгода соединены нерасторжимыми узами.— Начало предстоящаго святого дѣла счастливо предзнаменуетъ первый путь. Задача указана и поставлена въ разумныхъ предѣлахъ. Просвѣщеннѣйшему сословію, стоящему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другого рѣшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль. Въ этомъ скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха. Кто просвѣщеннѣе другихъ, тотъ, естественно, и разумнѣе; кто высоко стоитъ на общественной лѣстницѣ, тотъ и способнѣе обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей, а высокое призваніе нравственно подымаетъ каждаго человѣка, тѣмъ болѣе сословіе, принимающее дѣятельное участіе въ судьбахъ народа".

Благородный идеализмъ, глубокая вѣра въ человѣческое достоинство, въ безкорыстное отношеніе къ великому дѣлу со стороны дворянства, слышались въ этой рѣчи Кавелина, несмотря на проявлявшееся уже кое-гдѣ оппозиціонное настроеніе дворянства; въ томъ же идеальномъ свѣтѣ рисовалъ себѣ Кавелинъ и будущую роль дворянскаго сословія, задачи его послѣ завершенія великой реформы: онъ ожидалъ, что оно, отрекшись отъ узко-эгоистическихъ разсчетовъ, посвятитъ себя служенію общественнымъ и государственнымъ интересамъ. „Кромѣ занятій хозяйствомъ и поправленія своихъ дѣлъ, писалъ Кавелинъ въ 1862 г., дворянству слѣдуетъ особенно озаботиться и о томъ, чтобы сблизиться съ прочими классами народа и привлечь ихъ къ себѣ. Для этого не нужно ни тратъ, ни чрезмѣрныхъ усилій: отсутствіе всякаго чванства и спѣси, ласковость, твердое знаніе дѣла, вѣрность въ словѣ и честность въ разсчетахъ,—вотъ качества, которыя требуются для того, чтобы снискать общее къ себѣ довѣріе и благорасположеніе въ массахъ народа. Чѣмъ рѣже встрѣчаются у насъ эти качества, тѣмъ они выше цѣнятся. Но прежде и больше всего дворянству должно стараться свято исполнить всѣ свои обязанности относительно крѣпостныхъ. На этомъ пунктѣ нельзя довольно на-

ставать, потому что отъ него будетъ зависѣть все остальное. Пусть дворянство самымъ добросовѣстнымъ образомъ рекомендуетъ мировыхъ посредниковъ, пусть воспользуется своимъ вліяніемъ, чтобы разойтись и разсчитаться съ крѣпостными безъ всякой для нихъ обиды и притѣсненій. Ничто такъ не послужитъ ему въ пользу и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Справедливый надѣлъ землею, возможно скорое отпущеніе на оброкъ, добросовѣстное и честное составленіе уставныхъ грамотъ, возможно скорый переходъ къ выкупу крестьянъ съ землею, по соглашенію или при содѣйствіи казны,—вотъ чего мы ожидаемъ, чего мы требуемъ отъ дворянства, для его же пользы. Чѣмъ скорѣе оно совсѣмъ разстанется съ крѣпостнымъ правомъ, чѣмъ скорѣе изъ владѣльцевъ дворяне обратятся въ сосѣдей бывшихъ своихъ крѣпостныхъ, тѣмъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ, потому что тѣмъ скорѣе у дворянства будутъ развязаны руки. Съ прошедшимъ надобно покончить во что бы то ни стало, хотя бы съ пожертвованіями. Въ крѣпостномъ правѣ весь узелъ развязки, въ его правильномъ прекращеніи—ключъ къ возрожденію дворянства и Россіи.

„Въ общественной дѣятельности дворянству слѣдуетъ стремиться къ той же цѣли. Общественная дѣятельность должна служить ему средствомъ для сближенія съ прочими классами народа, для пріобрѣтенія на нихъ вліянія, для занятія въ мнѣніи общества того же высокаго положенія и значенія, какое принадлежитъ ему теперь матеріально и юридически, и которымъ оно, къ сожалѣнію, такъ дурно пользуются. Множество мѣстъ замѣщается теперь выборными отъ дворянства: пусть же оно выбираетъ лучшихъ людей, самыхъ образованныхъ, знающихъ, безпристрастныхъ, дѣятельныхъ, честныхъ. Это внушитъ общее довѣріе къ дворянскому сословію. Оно по закону можетъ имѣть вліяніе на народное образованіе и воспитаніе; пусть же воспользуется этимъ, чтобы распространять грамотность и просвѣщеніе во всѣхъ классахъ народа, пусть заводитъ школы, улучшаетъ по возможности училища, поощряетъ частныя учебныя заведенія; чѣмъ народъ образованѣе, тѣмъ высшему сословію лучше, тѣмъ возможнѣе сближеніе классовъ, тѣмъ вѣрнѣе вліяніе образованнѣйшаго класса на прочіе. Дворянству вмѣстѣ съ другими сословіями предоставлено по закону участіе въ со-

ставленіи смѣтъ, раскладкѣ и учетѣ земскихъ сборовъ на мѣстныя потребности; пусть же оно пользуется этимъ своимъ правомъ настойчиво и серьезно; пусть сдѣлается сберегателемъ общественныхъ денежныхъ интересовъ; это придастъ ему огромное значеніе въ глазахъ всѣхъ платящихъ, т. е. въ глазахъ всего мѣстнаго населенія, не говоря уже о томъ, что чрезъ сокращеніе издержекъ оно само много выиграетъ въ матеріальномъ отношеніи. По своему положенію и связямъ съ центральнымъ управленіемъ, дворянство имѣетъ большое личное, закулисное вліяніе на мѣстное управленіе и дѣла; пусть же пользуется этимъ вліяніемъ не во вредъ себѣ, какъ теперь, не для извлеченія минутныхъ выгодъ и личныхъ протекцій, а на общую пользу, для упроченія за собою виднаго и почетнаго нравственнаго положенія въ глазахъ цѣлой губерніи. Оно имѣетъ право ходатайствовать о своихъ пользахъ и нуждахъ, дѣлать правительству представленія, приносить жалобы; пусть же пользуется этимъ великимъ правомъ для блага всѣхъ. Что нужды, что эти ходатайства, представленія и жалобы, можетъ быть, и не будутъ сперва уважены; дворянство должно продолжать настойчиво ходатайствовать, представлять, жаловаться; если право на его сторонѣ и оно не выйдетъ изъ предѣловъ закона, придется напослѣдокъ уважить, особливо когда дворянство всѣхъ или большинства губерній будетъ дѣйствовать въ одномъ духѣ; интриги и происки могутъ заглушать справедливыя желанія лишь на нѣкоторое время, а не навсегда; выдержка, твердость, сознаніе своего права и строгое пребываніе въ границахъ закона должны наконецъ восторжествовать надъ предубѣжденіями, недобросовѣстностью и рутиной“.

„Не въ безплодныхъ мечтахъ о представительномъ правленіи,—говорилъ далѣе Кавелинъ,—должно искать дворянство выхода изъ теперешняго труднаго своего положенія. Ему прежде всего надобно самому переродиться, самому разстаться съ привычками неумѣренной роскоши, дарового добыванія денегъ отъ крестьянъ или отъ службы и правительства, забыть жизнь спустя рукава; ему надо перестать думать только о своихъ минутныхъ пользахъ и выгодахъ и серьезно подумать о будущемъ, о пользѣ другихъ сословій страны, государства; ему надо много трудиться, обра-

зовать себя, какъ слѣдуетъ, привыкнуть дѣйствовать по началамъ строгой справедливости и безпристрастія въ ежедневномъ частномъ быту, въ убѣжденіи, что только трудъ, знаніе и безусловная добросовѣстность ставятъ сословіе высоко въ мнѣніи народа и доставляютъ ему вліяніе и власть. Переродившись нравственно и поправя свои матеріальныя средства, дворянство найдетъ на первый разъ обширное и достойное поприще для гражданской дѣятельности въ сферѣ провинціальной, губернской, гдѣ теперь столько дѣла, и которая никогда не очистится и не улучшится, пока за это не примется дѣятельно высшее, образованнѣйшее сословіе. Сдѣлать провинціальную жизнь не только возможной и сносной, но даже удобной и пріятной— вотъ ближайшее призваніе дворянства, и, повторяемъ, это оно можетъ сдѣлать, на это оно имѣетъ всѣ средства. Россія еще во всѣхъ отношеніяхъ печальная пустыня; ее надо сперва воздѣлать, начиная дѣло снизу, а не сверху. Когда жизнь мало-по-малу отвлечется отъ столицъ и большихъ центровъ въ провинцію, тогда произойдетъ и желаемая всѣми административная децентрализація. Во всякомъ случаѣ, самоуправленіе, эта любимая мечта всего просвѣщеннаго и либеральнаго въ Россіи, можетъ начать осуществляться только въ провинціи, при дѣятельномъ содѣйствіи дворянства. Въ этой плодотворной школѣ оно и приготовится, какъ слѣдуетъ, къ дальнѣйшей болѣе обширной политической дѣятельности, которая безъ того навсегда останется неосуществимой фантазіей. Опытъ показываетъ, что даже въ небольшихъ государствахъ невозможна гражданская и политическая свобода, безъ сильнаго развитія мѣстныхъ интересовъ и мѣстной жизни; какъ же будетъ она возможна безъ этого условія въ такой огромной странѣ, какъ Россія? Будемъ же благоразумны и, не растрачивая напрасно силъ на идеалы, займемся тѣмъ, чѣмъ можно и что у каждаго изъ насъ подъ руками. Время принесетъ свое, когда мы будемъ готовы. Отъ насъ зависитъ ускорить или замедлить его ходъ".

Эти прекрасныя мечтанія идеалиста уже въ то время, когда писалась статья Кавелина, далеко не находили какого-либо соотвѣтствія въ окружавшей неприглядной дѣйствительности, но вотъ прошло всего тринадцать лѣтъ, и мы

слышимъ отъ Кавелина о нашемъ дворянствѣ очень горькія рѣчи, полныя разочарованія. „Кто-то, говоритъ онъ,—сочинилъ, очевидно, на французскій манеръ, что „дворянство есть опора престола и отечества“, что „государь—первый дворянинъ“, что „дворянство за царя и отечество кровь свою проливало“, и вотъ всѣ мы повторяемъ эти фразы въ сласть, и что всего забавнѣе, повторяемъ въ увѣренности, что въ нихъ заключается нѣчто, исключительно принадлежащее дворянству, составляющее предметъ только его гордости, чести и славы. Но опору отечества и престола, сколько извѣстно, составляютъ и купцы, и мужики, и чиновники, и духовные, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и дворянство; кровь свою проливаютъ за царя и отечество ужъ, конечно, не одни дворяне; а феодальное представленіе о царѣ-дворянинѣ вовсе намъ чуждо. Въ народной сказкѣ сказывается, что Иванъ Грозный былъ крестьянскій парень Ванюха, выбранный на царство въ Москвѣ, но о царѣ-дворянинѣ нѣтъ ни малѣйшаго понятія въ народѣ. Царь у насъ для всѣхъ сословій и званій царь, а не для однихъ дворянъ. Дворянству, какъ служилому классу, было естественно и удобно оттирать другія званія и выставлять на видъ свои заслуги, преимущественно передъ всѣми прочими. Но вѣдь въ сущности ни власть, ни сами дворяне не принимаютъ этихъ фразъ за чистыя деньги. Обѣ стороны отлично понимаютъ, что въ устахъ дворянства такія увѣренія не больше, какъ самохвальство и не безъ разсчета на царскія милости, а со стороны власти—простой комплиментъ, изъ котораго ничего не слѣдуетъ. Смѣшно и странно, когда люди мыслящіе и ученые вдругъ принимаютъ эти фразы за нѣчто серьезное, вѣрятъ имъ, какъ выраженіямъ будто бы дѣйствительныхъ фактовъ. Выставляютъ, напримѣръ, заслуги дворянства, какъ сословія, въ спасеніи отечества въ 1812 году. Но вѣдь не одно же дворянство спасло Россію! Спасали его всѣ, отъ мала до велика, отъ царя до послѣдняго мужика. Какая же тутъ особенная заслуга дворянства? Теперь вошло въ моду говорить и повторять, что дворянство совершило безпримѣрный въ исторіи подвигъ самоотверженія, уничтоживъ собственными руками крѣпостное право въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и принеся на алтарь отечества свое матеріальное благосостояніе. Подождали бы

по крайней мѣрѣ, пока вымретъ поколѣніе, видѣвшее своими глазами, какъ происходило освобожденіе крестьянъ, и тогда бы пустили въ ходъ эту самохвальную фразу! Освобожденіе крѣпостныхъ, какъ и всѣ великія преобразованія въ Россіи, совершено незамѣтнымъ меньшинствомъ, въ ту минуту, когда власть была расположена это сдѣлать. Дворянство, какъ сословіе, было тутъ рѣшительно не при чемъ. Что касается огромнаго большинства дворянъ, то они всегда относились къ этому преобразованію крайне враждебно, мѣшали ему, сколько было возможно, и при Александрѣ I, и при Николаѣ, и въ нынѣшнее царствованіе. Оно, это большинство, сколько могло, тормозило освобожденіе, урѣзывало землю у крестьянъ на мѣстахъ, урѣзывало цифры ихъ надѣла въ государственномъ совѣтѣ, уступило царской волѣ крайне неохотно и до сихъ поръ продолжаетъ вздыхать по крѣпостномъ правѣ, гдѣ и когда можетъ срывая душу на мужикѣ. Дворяне, освоившіеся съ свободою крестьянъ, примирившіеся съ новымъ положеніемъ дѣла, и теперь еще далеко не составляютъ большинства. Ссылаются на то, что главные дѣятели реформы были, въ огромномъ большинствѣ, дворяне; это безспорно; но при этомъ забываютъ, что дѣятели эти составляютъ въ дворянствѣ незамѣтное меньшинство, что они были для дворянства предметомъ ненависти, что это меньшинство призвано было къ отмѣнѣ крѣпостного права не по выбору или назначенію самаго дворянства, а по выбору и назначенію власти и правительства, которое заботилось о томъ, чтобы въ члены губернскихъ присутствій и мировые посредники попали люди, расположенные къ дѣлу; но и это, при всемъ стараніи, удалось не вполнѣ,— такъ незначительно было меньшинство, сочувствующее освобожденію. Послѣдствія блистательно доказываютъ справедливость того, что я говорю. Когда бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ (гр. П. А. Валуевъ), враждебно относящійся къ отмѣнѣ крѣпостного права не на остзейскій манеръ и по направленію своему вполнѣ выражающій стремленія и надежды большинства дворянства, не только пересталъ поддерживать меньшинство, но началъ его тѣснить и преслѣдовать, оно исчезло, затерялось въ массѣ. Всѣ знаютъ, каковы были новые мировые посредники въ сравненіи съ первыми, и до какой степени въ ихъ рукахъ дѣло осво-

божденія исказилось въ самомъ своемъ основаніи. Нѣтъ, не дворянское сословіе самоотверженно и великодушно отказалось отъ крѣпостного права! Дѣятели освобожденія призваны были правительствомъ изъ меньшинства дворянской среды, заявившаго себя противъ крѣпостнаго права и вслѣдствіе того ставшаго предметомъ преслѣдованій со стороны огромнаго большинства дворянскаго сословія. Между тѣмъ и другимъ, я надѣюсь, большая разница.

II.

Манифестомъ 19 февраля 1861 года и Положеніемъ о крестьянахъ было отмѣнено крѣпостное право, крестьянамъ предоставленъ надѣлъ за извѣстный выкупъ, внутренній бытъ крестьянства былъ устроенъ на новыхъ основаніяхъ... Казалось бы, послѣ этого должно было наступить для крестьянъ состояніе чуть ли не счастливое, особенно по сравненію съ прошлымъ періодомъ рабства... Между тѣмъ во многомъ дѣйствительность обманула ожиданія, и произошло это именно потому, что крѣпостническое большинство приложило всѣ старанія, чтобы парализовать благія дѣйствія великой освободительной реформы: съ одной стороны крѣпостникамъ удалось ввести въ Положенія о крестьянахъ крайне нежелательные пункты, а съ другой стороны—и это самое важное—дѣйствуя на мѣстахъ, крѣпостники оказали такое вліяніе на примѣненіе Положеній, что крестьяне остались совсѣмъ обездоленными... „Гдѣ только можно было, Положенія 19 февраля и послѣдующія крестьянскія законоположенія примѣнялись не въ пользу крестьянъ, а въ пользу владѣльцевъ; укрѣпленіе за крестьянами земель, купленныхъ въ прежнее время на ихъ деньги, часто отклонялось подъ самыми ничтожными предлогами; надѣлы отводились вопреки смыслу Положеній, къ невыгодѣ крестьянъ и къ выгодѣ владѣльцевъ; выкупные платежи и оброки взыскивались съ безпощадною и разорительною строгостью, причемъ не обращалось никакого вниманія на обстоятельства, дѣлавшія разсрочку или отсрочку не только справедливой, но и необходимой, въ видахъ сохраненія платежныхъ силъ крестьянъ на будущее время. Всякіе пріемы

съ цѣлью обмануть крестьянъ при отводѣ имъ надѣла, по возможности стѣснить ихъ, установить экономическую ихъ зависимость отъ владѣльцевъ, не только считались позволенными, но владѣльцы и управляющіе ими гордились и хвастали". Близорукій эгоизмъ дворянства, не понявшаго своей связи съ крестьянами, повелъ къ вреднымъ послѣдствіямъ для обѣихъ сторонъ: владѣльческія хозяйства пришли въ упадокъ въ такой же степени, какъ и крестьянское благосостояніе. Такимъ образомъ отмѣна крѣпостнаго права во многомъ не привела къ тѣмъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ, которыя отъ нея ожидались, и улучшеніе быта крестьянъ всетаки осталось задачей будущаго.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ неудачи крестьянской реформы Кавелинъ признаетъ, кромѣ указаннаго противодѣйствія крѣпостниковъ, незнаніе нашего сельскаго люда въ административныхъ и интеллигентныхъ кругахъ. „Практически,—говоритъ Кавелинъ,—у насъ знаютъ крестьянъ только тѣ, кто по необходимости и роду занятій находится съ ними въ болѣе или менѣе частыхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, именно мѣстные помѣщики, низшее духовенство, военные, имѣющіе непосредственное дѣло съ солдатами, купцы, промышленники, уѣздные чиновники и т. п. Но въ этихъ слояхъ рѣдко кто старается осмыслить, свести къ общимъ выводамъ свои наблюденія. Что же касается высшаго административнаго персонала и интеллигенціи, пополняемыхъ преимущественно людьми, живущими почти безвыѣздно въ столицахъ или за границей и имѣющими съ крестьянами лишь рѣдкія и случайныя сношенія, то этотъ слой общества почти ихъ не знаетъ и судитъ о нихъ лишь по отрывочнымъ впечатлѣніямъ или по словеснымъ и печатнымъ разсказамъ, которые, кстати замѣтить, сравнительно недавно серьезно занялись деревней и ея обитателями. Такой крайне скудный и недостаточный матеріалъ свѣдѣній дополняется и поясняется отчасти цвѣтами воображенія, отчасти представленіями о европейскихъ народныхъ массахъ... Прибавимъ къ этому поверхностное знакомство съ русской исторіей, которую, правду сказать, и до сихъ поръ нельзя ни узнать, ни въ особенности понять изъ книгъ, несмотря на то, что ею теперь много и усердно занимаются. Каковы же могутъ быть, при такихъ условіяхъ, наши взгляды на крестьянство и наши

понятія о русскомъ простомъ народѣ? Они поражаютъ своею фантастичностью и нелѣпостью. Что для владѣльцевъ, которые не съумѣли поладить съ мужиками и вслѣдствіе того разорились, сельскій людъ представляется какимъ-то извергомъ, отребьемъ рода человѣческаго, лишеннымъ всякихъ понятій о законѣ, нравственности, справедливости, долгѣ—это, положимъ, понятно. Въ нихъ говоритъ страсть, злоба. Но послушайте друзей и враговъ крестьянства по принципу—и у васъ невольно руки опустятся. Они, какъ есть, ничего не понимаютъ въ мужикѣ!

„Для однихъ наши крестьяне чуть-чуть не аркадскіе пастушки. Эти друзья крестьянъ добродушно переносятъ въ село и деревню сцены изъ „Жизни за Царя“ и театральные дивертисменты. Приторную фальшь и маниловщину этихъ представленій обильно питаютъ иллюстраціи и дѣтская литература. Добрые люди, составившіе себѣ идиллическія представленія о деревенскихъ Вахромѣяхъ и Маланьяхъ, горько разочаровываются, приходя въ соприкосновеніе съ дѣйствительнымъ сельскимъ людомъ, и зачастую быстро превращаются въ ярыхъ его ненавистниковъ и презирателей. А кто въ этомъ виноватъ? Ужъ конечно не крестьяне.

„Другіе, изъ самыхъ почтенныхъ побужденій, переносятъ на крестьянъ всѣ самые свѣтлые и высокіе идеалы человѣческаго совершенства. Правда, сознаются они, во внѣшнихъ своихъ формахъ, въ бытовыхъ условіяхъ и отношеніяхъ, крестьяне не всегда выказываютъ сокровища, скрытыя въ ихъ нравственной природѣ; но формы, условія и отношенія—одна внѣшняя формальность, дѣло наживное и потому не особенно важное. Важно сердце, умъ, душа,—а они у крестьянъ самыя идеальныя, неподражаемыя, превосходныя. Многіе изъ поборниковъ такихъ воззрѣній, въ пламенномъ энтузіазмѣ, восклицаютъ: не у насъ, образованныхъ людей, учиться крестьянамъ, а намъ у нихъ! Но даже при самомъ невыгодномъ понятіи о нравственности образованныхъ слоевъ нашего общества, нельзя согласиться съ такимъ взглядомъ, сколько бы мы ни приводили въ своемъ умѣ и совѣсти смягчающихъ обстоятельствъ въ пользу сельскаго люда. Некрасива нравственность нашего, такъ называемаго, культурнаго слоя и интеллигенціи; да некрасива же она, надо сказать, и у нашихъ крестьянъ. Обѣ хуже! Самое дурное

то, что за такими туманными сентенціями, неизвѣстно къ чему относящимися, обыкновенно, всего чаще безсознательно, скрывается желаніе возвести въ идеалъ формы быта, воззрѣній и отношеній, которыя роковымъ ходомъ развитія и исторіи осуждены переродиться и уступить мѣсто другимъ...

„Но самый обыкновенный и распространенный у насъ взглядъ на нашъ сельскій людъ есть тотъ, который, сознательно или безсознательно, переноситъ на крестьянина европейское понятіе о простомъ народѣ; а подъ нимъ подразумѣваются обыкновенно жители городовъ и городскіе рабочіе. Въ Европѣ такое понятіе совершенно естественно. Тамъ весь бытъ опредѣлился по городскому типу и подъ его вліяніемъ: типъ сельчанина удаленъ на второй планъ и не играетъ роли. У насъ такое понятіе, въ примѣненіи къ народнымъ массамъ, не имѣетъ смысла; а между тѣмъ оно-то и лежитъ въ основаніи взглядовъ, разсужденій и выводовъ огромнаго большинства образованныхъ и мыслящихъ людей и служитъ исходной точкой законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. По этому взгляду предполагается, что большинство нашихъ крестьянъ не только грамотны, но и имѣютъ нѣкоторый достатокъ, что они не только знаютъ свои права, но и вполнѣ способны цѣпко за нихъ держаться и ихъ защищать въ случаѣ нарушенія; что имъ, слѣдовательно, не только не нужна опека, но подобно всѣмъ прочимъ классамъ и сословіямъ не нужны ни покровительство, ни поддержка“.

Этотъ послѣдній взглядъ оказался особенно вреднымъ для крестьянъ, сдѣлавъ ихъ совершенно беззащитными противъ всякаго рода хищниковъ, на нихъ обрушившихся. „Они получили, говоритъ Кавелинъ, всѣ гражданскія права и юридически свободны; а экономически они лишены всякой поддержки и помощи, и пришли въ худшее положеніе, чѣмъ были до отрѣзки надѣловъ, отнятія лѣсовъ и значительнаго возвышенія сборовъ и повинностей. Знаемъ, что защита и помощь крестьянамъ, со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ, были не Богъ вѣсть какія; знаемъ, что подъ предлогомъ покровительства, надъ крестьянами совершались негодныя дѣла и творились большія злоупотребленія; знаемъ также, что помощью и защитой далеко не окупались стѣс-

ненія и лишенія, которымъ крестьяне подвергались вслѣдствіе крѣпостной зависимости и административной опеки. Но все же помѣщики и вѣдомства были болѣе или менѣе заинтересованы въ томъ, чтобы крестьяне не были разорены въ конецъ,—первые хозяйственнымъ разсчетомъ, послѣднія страхомъ суда и отвѣтственности. Главное же то, что въ законѣ возводилось въ принципъ, что экономическій бытъ крестьянъ требуетъ поддержки и помощи, что они должны быть оберегаемы и защищаемы. Но изъ новаго законодательства этотъ принципъ вычеркнутъ, и о немъ нѣтъ больше помину. „Думай и заботься самъ о себѣ, какъ хочешь; а если пропадешь, тѣмъ хуже для тебя“,—вотъ девизъ новаго законодательства о крестьянахъ, выведенный послѣдовательно и логически правильно изъ представленія о нихъ, какъ о самостоятельныхъ и полноправныхъ гражданахъ въ европейскомъ смыслѣ. Кромѣ щеголеватой формы, оно, это представленіе оказывалось и съ практической стороны очень удобнымъ. Во-первыхъ, оно совершенно освобождало администрацію отъ массы скучныхъ заботъ о сельскомъ населеніи; а во-вторыхъ, оно давало бывшимъ помѣщикамъ желанную возможность, безъ особеннаго труда и хлопотъ, замѣнить упраздненную юридическую зависимость крестьянъ зависимостью экономической, болѣе благовидной и на первый взглядъ болѣе выгодной, чѣмъ обветшалое, уродливое и до наивности простодушное крѣпостное право“.

Наконецъ, Кавелинъ отмѣчаетъ еще одинъ неправильный взглядъ на наше крестьянство, какъ „на простой народъ, чернь въ европейскомъ смыслѣ“. „Мы, говоритъ онъ, слыхали, что въ Европѣ чернь представляетъ безпокойную массу людей, недовольныхъ своимъ положеніемъ, готовыхъ, при малѣйшей искрѣ, обратиться въ огнедышащій вулканъ, опасный для государства и существующихъ въ немъ порядковъ; что массы народныя—элементъ вѣчнаго движенія, которому, чтобъ удерживать его въ границахъ, необходимо противопоставить оплотъ консервативныхъ силъ, каковыми являются крупное землевладѣніе, капиталъ и высшая интеллигенція. Нашлись люди, которые цѣликомъ перенесли и это воззрѣніе на нашъ деревенскій людъ. На этомъ воззрѣніи построены, напримѣръ, удивительныя политическія комбинаціи въ книгѣ генерала Фадѣева „Чѣмъ намъ быть“.

По его мнѣнію, наше крестьянство—клокочущій кратеръ, готовый каждую минуту произвести взрывъ и разрушить нашъ политическій и гражданскій строй. Генералу Фадѣеву принадлежитъ безспорно честь, что онъ изъ ошибочной предпосылки логически вывелъ ея крайнія послѣдствія. Зато, изъ той же предпосылки были, съ тою же строгой логикой, выведены совсѣмъ другія крайнія послѣдствія, за что мы поплатились нашими лучшими талантливыми молодыми силами, цѣлымъ поколѣніемъ, погибшимъ жертвою иллюзій, одинаковыхъ по исходной точкѣ зрѣнія съ иллюзіями генерала Фадѣева. Невольно вспоминается при этомъ замѣчаніе И. С. Аксакова, обращенное много лѣтъ тому назадъ къ нашимъ консерваторамъ фадѣевскаго пошиба: „вы одѣлись въ бѣлый цвѣтъ; не удивляйтесь же и не сѣтуйте, что другіе наряжаются въ красный“. Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ тѣхъ и другихъ воззрѣній лежитъ одна и та же роковая ошибка“.

Такое смѣшеніе понятій, такое незнаніе прямо непростительны по отношенію къ крестьянскому вопросу, такъ какъ онъ по справедливости долженъ считаться важнѣйшимъ изъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣлъ, хотя бы уже потому, что, какъ показываетъ статистика, у насъ „восемьдесятъ процентовъ населенія принадлежатъ къ крестьянскому сословію, и только двадцать приходится на всѣ остальныя сословія—дворянство, духовенство, купцовъ, горожанъ, служилый классъ и войско“. Статистическія данныя, какъ говоритъ Кавелинъ, „достаточно хорошо характеризуютъ русское государство; и если многіе зовутъ его, полушутя, полусерьезно, „мужицкимъ царствомъ“, то нельзя не согласиться, что такое названіе весьма мѣтко обозначаетъ Россію по ея наиболѣе характерному признаку. Англію, гдѣ сельчанъ почти нѣтъ, никто и въ шутку не назоветъ мужицкой державой. Къ государствамъ западной Европы, гдѣ города и городскія сословія играли въ исторіи такую видную роль— и крестьянство совсѣмъ заслонено и отодвинуто на послѣдній планъ, гдѣ горожане или равны ему, или превосходятъ его числомъ, точно также никакъ не шло бы это названіе. Во всей Европѣ оно идетъ только къ намъ, потому что имъ дѣйствительно опредѣляется наша особенность. Она представляется чрезвычайно знаменательной, если припомнимъ, что

ни въ московскомъ государствѣ, ни въ развившейся изъ него Россійской имперіи, ни дворянство, ни церковь, ни города и городскія сословія никогда не возвышались, какъ въ западной Европѣ, до степени политически-самостоятельныхъ факторовъ общественной и государственной жизни. Хорошо это или дурно—это другой вопросъ, но оно такъ, и съ этимъ волей - неволей надо помириться. Любимъ мы сельскій людъ, или не любимъ, мы не можемъ передѣлать или устранить тотъ фактъ, что онъ составляетъ у насъ подавляющее большинство населенія, передъ которымъ остальные классы или разряды представляются лишь исключеніемъ. Какъ численно преобладающій элементъ, крестьянство, самымъ фактомъ своего существованія, должно имѣть огромное вліяніе на весь нашъ бытъ, на весь строй нашей общественной и государственной жизни и, слѣдовательно, составляетъ нашъ главнѣйшій національный интересъ, совершенно независимо отъ того, отвѣчаетъ-ли оно нашимъ личнымъ симпатіямъ, или нѣтъ. Центръ нашей національной жизни въ крестьянствѣ. Мыслящіе иностранцы, сколько - нибудь знакомые съ Россіей, понимаютъ это. Только для насъ самихъ это кажется еще сомнительнымъ вопросомъ, отъ котораго многіе очень желали бы отчураться ссылками на гражданственность, науку и исторію западной Европы. Но противъ реальнаго факта всякія заклинанія безсильны. . . . Сильное преобладаніе въ нашемъ населеніи крестьянства не есть только статистическій фактъ, а основная причина своеобразныхъ особенностей, которыми нашъ общественный и государственный бытъ отличается отъ быта всей остальной Европы. Въ этомъ не трудно убѣдиться всякому, кто вдумывался въ различіе между населеніемъ городскимъ и сельскимъ... Различныя условія существованія сельчанъ и горожанъ проводятъ рѣзкія различія не только въ образѣ жизни, нравахъ и привычкахъ тѣхъ и другихъ, но и въ ихъ воззрѣніяхъ и въ цѣломъ ихъ умственномъ и нравственномъ складѣ. Горожанинъ — новаторъ, космополитъ; сельчанинъ, напротивъ, цѣпко держится за существующее, за преданіе. Горожанинъ считаетъ свое положеніе и свою фортуну дѣломъ собственныхъ усилій и труда; сельчанинъ далеко не такъ вѣритъ въ себя и яснѣе сознаетъ свою зависимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; онъ гораздо больше

горожанина чувствуетъ, что судьба его всегда виситъ на волоскѣ отъ событій, которыхъ человѣкъ отвратить не въ состояніи".

Изъ всѣхъ приведенныхъ соображеній вполнѣ логически вытекаетъ заключеніе, что въ „мужицкомъ царствѣ" крестьянскій вопросъ есть вопросъ центральный, что устройство крестьянъ есть важнѣйшее національное русское дѣло, что ему должны быть посвящены лучшія силы русской интеллигенціи. „О крестьянскомъ вопросѣ нѣтъ, говоритъ Кавелинъ, и не можетъ быть въ русской печати двухъ мнѣній; могутъ быть только оттѣнки, изъ-за которыхъ враждовать не приходится. Всѣ, кому дороги судьбы и интересы рускаго государства и народа, очень хорошо знаютъ и понимаютъ, что отъ экономическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія четырехъ пятыхъ народонаселенія зависитъ весь нашъ бытъ. Въ какомъ положеніи находятся крестьяне, въ такомъ будутъ и образованные классы. Зажиточность и богатство послѣднихъ обусловливается достаточностью первыхъ. Мысль, что для владѣльцевъ выгоднѣе бѣдные мужики, чѣмъ богатые, потому что они дешевле нанимаются въ работу, не можетъ же быть возведена въ государственный принципъ. Невѣжество крестьянъ, ихъ грубость, отсутствіе у нихъ потребностей образованной жизни гибельно отражается на ходѣ и развитіи нашей производительности и промышленности и на состояніи всей нашей гражданственности; нельзя и исчислить, сколько напрасныхъ издержекъ мы изъ-за одного этого несемъ, сколько силъ у насъ только изъ-за этого тратится и пропадаетъ даромъ. Общая польза всѣхъ и всего государства находится въ этомъ отношеніи въ прямомъ противорѣчіи съ узко-эгоистическими, своекорыстными, хищническими, безсердечными и въ концѣ концовъ близорукими и неразсчетливыми стремленіями многихъ, къ несчастію, очень многихъ,—всѣми мѣрами мѣшать развитію крестьянства въ Россіи".

Если крестьянскій вопросъ такъ важенъ для Россіи, то конечно невозможно признавать нормальнымъ то положеніе, въ которомъ очутилось крестьянство послѣ упраздненія крѣпостнаго права и еще болѣе невозможно индифферентное отношеніе къ этому положенію. Задача улучшенія народнаго быта, поднятія благосостоянія народа чрезвычайно трудна,

для ея разрѣшенія понадобятся годы упорнаго труда, къ которому должны быть привлечены всѣ лучшія силы государства и общества,—но какъ ни трудно дѣло, а можетъ быть, именно потому, что оно такъ трудно, отъ него отступать нельзя, и чѣмъ скорѣе мы за него примемся, тѣмъ будетъ, по мнѣнію Кавелина, лучше и легче осуществленіе великой цѣли. „Мѣры для улучшенія положенія крестьянъ, говоритъ Кавелинъ, должны обнимать всѣ стороны ихъ быта—матеріальную, умственную и нравственную. Было бы большой ошибкой думать, что одно улучшеніе матеріальныхъ условій въ состояніи поднять умственный и нравственный уровень крестьянъ, или что одни уроки нравственности и грамотности могутъ повести ихъ къ матеріальному довольству. Нужно совокупное дѣйствіе и того, и другого, Если не зажиточность, то по крайней мѣрѣ безбѣдность есть, конечно, одно изъ необходимыхъ условій образованія и культуры; но одна достаточность и богатство къ нимъ еще не ведутъ. Это видно на умственномъ и нравственномъ состояніи тѣхъ слоевъ нашего же русскаго общества, которые не имѣютъ причины жаловаться на матеріальную нужду и лишенія. Но точно также одно умственное и нравственное развитіе, вопреки довольно распространенному у насъ мнѣнію, еще не ведетъ къ матеріальному благосостоянію. Въ дѣйствительности все находится въ тѣснѣйшей взаимной связи, особливо въ быту народныхъ массъ, живущихъ непосредственною жизнью; у нихъ чувство, мысль и матеріальные факты связаны между собою несравненно тѣснѣе, чѣмъ у развитыхъ и образованныхъ людей. Вотъ почему мы убѣждены, что улучшеніе быта крестьянъ станетъ у насъ возможнымъ лишь съ той минуты, когда мѣры для поднятія ихъ экономическаго положенія, ихъ умственнаго и нравственнаго уровня, поведутся дружно, рядомъ, поддерживая и дополняя другъ друга. Безъ этого ни одна изъ нихъ не приведетъ къ предположенной цѣли и не подвинетъ крестьянскаго дѣла впередъ“.

Изъ матеріальныхъ условій, вредно отзывающихся на крестьянскомъ быту, Кавелинъ прежде всего останавливается на малоземельи крестьянъ, которое дѣйствительно является наиболѣе существенною причиною ихъ бѣдственнаго положенія. „Недостаточность во многихъ мѣстностяхъ крестьян-

скаго земельнаго надѣла, утверждаетъ Кавелинъ, ни для кого не тайна. Объ этомъ говорятъ люди практическіе—помѣщики, купцы, духовные, чиновники, которыхъ трудно подозрѣвать въ разрушительныхъ идеяхъ, а что касается нелѣпыхъ толковъ крестьянъ, то они питаются и поддерживаются дѣйствительнымъ, крайнимъ недостаткомъ земли у многихъ крестьянскихъ обществъ и совершенно безвыходнымъ ихъ положеніемъ. Пользуясь этимъ, сосѣдніе землевладѣльцы нерѣдко немилосердно и близоруко возвышаютъ арендныя платы за свои земли до баснословныхъ цѣнъ, а правительство не только отказываетъ крестьянамъ въ какой бы то ни было помощи и содѣйствіи къ переселенію на свободныя казенныя земли, но, напротивъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, всѣми мѣрами затрудняло его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно происходило само собою. Министерство государственныхъ имуществъ отдавало свои оброчныя статьи въ содержаніе разнымъ промышленникамъ, отъ которыхъ крестьяне получали ихъ за непомѣрно возвышенную арендную плату, и раздавало множество государственныхъ земель, удобныхъ для поселенія, частнымъ лицамъ въ собственность даромъ, или за ничтожную плату. Доведенные до совершенной крайности и отчаянія, крестьяне и фантазируютъ" (т. е. объ общемъ передѣлѣ земель). Кромѣ малоземелья, крестьяне страдаютъ отъ крайне неудобнаго распредѣленія своихъ угодій, отъ черезполосицы ихъ или вслѣдствіе отдаленности отъ мѣстъ жительства. „Каждому, говоритъ Кавелинъ, кто видалъ крестьянскій бытъ вблизи, не разъ случалось наблюдать, что даже полные надѣлы и хорошаго качества отведены крестьянамъ такъ неудобно и невыгодно, что пользованіе ими почти невозможно, или же сопряжено съ крайними затрудненіями. Во многихъ случаяхъ, устройство землевладѣнія ставитъ ихъ въ полную, чрезвычайно тягостную и разорительную зависимость отъ сосѣднихъ владѣльцевъ, большею частью отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ. Намъ лично извѣстны случаи отвода части пашенной земли крестьянамъ, при увольненіи ихъ изъ крѣпостной зависимости, за пятнадцать верстъ отъ селенія; гораздо чаще, почти вездѣ, допущена вредная черезполосность крестьянскихъ надѣловъ съ землями ихъ бывшихъ владѣльцевъ; нерѣдко надѣлы отведены такимъ образомъ, что господская

земля подходитъ къ самому селенію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ положеніе крестьянъ самое тяжкое. Ни оберегать, ни обрабатывать пашни, находящейся въ далекомъ разстояніи отъ селенія, крестьяне внутреннихъ губерній не могутъ, и вынуждены отдавать ихъ въ наемъ; а это уменьшаетъ, болѣе или менѣе, и безъ того скудныя ихъ пашни. Черезполосица съ бывшими помѣщиками вынуждаетъ крестьянъ во многихъ мѣстахъ, занимать или арендовать у владѣльцевъ промежуточныя ихъ земли на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, только изъ того, чтобъ получить возможность спокойно пользоваться своею землею; а близкое сосѣдство господскихъ земель къ селеніямъ служитъ безконечнымъ источникомъ безпрестанныхъ неудовольствій, ссоръ и взаимныхъ претензій. Курица перескочила изъ деревни на землю помѣщика, овца, жеребенокъ, свинья забрели туда,—что, при близкомъ сосѣдствѣ, небрежности крестьянъ и невозможности сторожить, неизбѣжно и случается безпрестанно,—и начинается взысканіе произвольныхъ штрафовъ, тягостныхъ для крестьянъ; отношенія обостряются, переходятъ во взаимное недоброжелательство и вражду, которыя разрѣшаются нерѣдко „краснымъ пѣтухомъ“, пущеннымъ въ хлѣбникъ, сѣнной сарай, домъ и другія строенія помѣщика. Прогонъ скота и лошадей черезъ помѣщичьи черезполосныя земли точно также служитъ источникомъ безконечныхъ взаимныхъ претензій, судбищъ, и въ послѣднемъ результатѣ крайне стѣсняетъ и разоряетъ крестьянъ“.

Указавъ затѣмъ на несовершенство современнаго общиннаго устройства крестьянъ, Кавелинъ говоритъ о недостаткахъ крестьянскаго управленія. „Они сводятся, какъ онъ полагаетъ, къ двумъ слѣдующимъ: по имени, по названію, по наружнымъ формамъ, принципъ его есть самоуправленіе; на самомъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, самоуправленія вовсе не существуетъ. На дѣлѣ крестьянами управляютъ разнаго рода власти, назначаемыя правительствомъ, выбранныя отъ земства и отъ дворянства, и это *дѣйствительное* управленіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудовлетворительно. Органы крестьянскаго самоуправленія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ поставлены въ полную, совершенную зависимость отъ уѣздныхъ и губернскихъ властей, и всѣ, указанныя въ законѣ, гарантіи ихъ

самодѣятельности и самостоятельности существуютъ только на бумагѣ. Съ этимъ, пожалуй, можно было бы кое-какъ и помириться, еслибъ отсутствіе самоуправленія выкупалось несомнѣнными достоинствами заведенныхъ для крестьянъ на дѣлѣ порядковъ: строгою законностью и справедливостью, безукоризненною честностью, вниманіемъ къ нуждамъ и потребностямъ крестьянъ, просвѣщенною заботливостью о ихъ матеріальномъ благосостояніи, умственномъ и нравственномъ развитіи. Къ несчастью, такія черты встрѣчаются въ крестьянскомъ управленіи здѣсь и тамъ, въ видѣ рѣдкаго изъятія. Часто, напротивъ, встрѣчаются примѣры полнѣйшаго произвола, явнаго нарушенія несомнѣнныхъ правъ, злоупотребленій съ корыстною цѣлью, грубаго невѣжества и незнанія законовъ, а чаще и больше всего, почти въ видѣ общаго правила, замѣчается совершеннѣйшее пренебреженіе къ прямымъ обязанностямъ, полное бездѣйствіе, полное равнодушіе къ интересамъ, нуждамъ и положенію крестьянъ. Результатъ всего этого есть хаосъ, безурядица и анархія въ управленіи ими".

Разсмотрѣвъ дѣйствія разныхъ органовъ управленія по отношенію къ крестьянамъ и выяснивъ полную неудовлетворительность существующихъ условій, Кавелинъ опять-таки указываетъ, что все зло происходитъ отъ того обстоятельства, что крестьяне предоставлены исключительно своимъ слабымъ силамъ, лишены какой бы то ни было авторитетной помощи и защиты. „Только благодаря незнанію и непониманію русской дѣйствительности, попечительство надъ крестьянами могло быть забыто во время крестьянской реформы и вычеркнуто изъ числа крестьянскихъ учрежденій. Давно пора его установить вновь, въ формахъ, соотвѣтствующихъ новому положенію вещей. Необходимо, чтобы крестьяне имѣли, когда имъ нужно и когда они сами захотятъ, къ кому обратиться съ полнымъ довѣріемъ за указаніемъ, совѣтомъ, помощью и защитою по дѣламъ судебнымъ и административнымъ. Къ ихъ услугамъ должны быть поставлены люди добросовѣстные, знающіе, опытные, назначенные правительствомъ и имъ рекомендуемые. Потребность въ такихъ попечителяхъ или ходатаяхъ и стряпчихъ для крестьянъ указывается самою жизнью. Въ кругѣ присяжной адвокатуры есть не мало почтенныхъ лицъ съ выдающимся поло-

женіемъ и именемъ, которыя охотно и безкорыстно отдаютъ свое время и свои труды на защиту крестьянъ въ судахъ. Въ нашемъ молодомъ образованномъ поколѣніи сочувственное отношеніе къ крестьянству составляетъ характеристическую черту. Изъ этого матеріала было бы легко выработать институтъ оффиціальныхъ крестьянскихъ попечителей и стряпчихъ, въ замѣну теперешнихъ невѣжественныхъ, полуграмотныхъ и недобросовѣстныхъ ходатаевъ, къ которымъ крестьяне невольно попадаютъ въ руки, не зная, къ кому обратиться. При заботливомъ и тщательномъ выборѣ лицъ не по однимъ внѣшнимъ признакамъ, а по дѣйствительнымъ качествамъ, достоинствамъ и любви къ дѣлу, такіе попечители и ходатаи, оффиціально признанные въ этомъ званіи, съ обязанностью давать совѣтъ и помощь крестьянамъ, съ правомъ вести ихъ дѣла въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, за условное или опредѣленное умѣренное вознагражденіе, принесли бы огромную пользу, предохраняя крестьянъ во многихъ случаяхъ отъ большихъ потерь и разоренія. Такіе оффиціальные повѣренные и стряпчіе должны быть учреждены во всѣхъ городахъ и во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ; смотря по надобности, ихъ должно быть по нѣскольку. О существованіи ихъ должно быть объявлено во всеобщее свѣдѣніе понятнымъ и доступнымъ и для малограмотныхъ людей образомъ, чтобы крестьяне знали, къ кому могутъ съ полнымъ довѣріемъ обратиться съ своими дѣлами и нуждами".

Но откуда же взять такихъ попечителей и ходатаевъ? Гдѣ вообще искать людей, которые безкорыстно, самоотверженно посвятили бы себя народнымъ, крестьянскимъ нуждамъ и интересамъ? Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ Кавелинъ показалъ себя такимъ же идеалистомъ, какимъ былъ онъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, во время крестьянской реформы, хотя теперь для его идеализма представлялось гораздо уже болѣе реальныхъ основаній, чѣмъ это было прежде. Тогда Кавелинъ возлагалъ благія надежды на благоразуміе дворянства, теперь онъ видитъ силу, которая можетъ быть направлена на служеніе крестьянству, въ современномъ молодомъ поколѣніи, образованномъ и преисполненномъ наилучшихъ альтруистическихъ стремленій, жаждущемъ пло-

дотворной общественной работы. Этими благородными стремленіями молодежи необходимо воспользоваться, не теряя времени, такъ какъ въ русской жизни происходитъ чрезвычайно важный внутренній процессъ перестройки міросозерцанія, основъ общественныхъ взаимоотношеній, и въ это-то переходное время особенно цѣнны интеллигентные самоотверженные работники.

„Пока мы, говоритъ Кавелинъ, съ ожесточеніемъ споримъ о народной правдѣ и народномъ духѣ, котораго никто еще не разгадалъ, прежній бытъ крестьянскихъ массъ, ихъ міросозерцаніе и вѣрованія разлагаются, и это разложеніе, какъ вездѣ и всегда, обнаруживается въ крайне ненормальныхъ, отталкивающихъ явленіяхъ, рядомъ съ свѣтлыми проблесками, указывающими на попытки замѣнить старинныя основанія жизни и воззрѣній другими, ближе подходящими къ стремленіямъ и понятіямъ культурныхъ слоевъ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это явленіе, но оно показываетъ, что навстрѣчу направленію, побуждающему образованные классы сближаться съ крестьянскими массами, въ послѣднихъ тоже идетъ безсознательная, темная, стихійная работа, приближающая ихъ, пока еще медленно, къ культурнымъ и образованнымъ слоямъ. Посреди хаоса и мрака, въ которыхъ мы влачимъ нашу убогую жизнь, каждому мыслящему человѣку, безъ сомнѣнія, случалось наталкиваться на факты, доказывающіе, что такая двоякая работа у насъ дѣйствительно совершается. Только крайняя близорукость или вольное и невольное ослѣпленіе могутъ помѣшать ихъ разглядѣть или понять ихъ громадное значеніе для нашего настоящаго и ближайшаго будущаго. Что результатомъ такой работы будетъ, рано или поздно, коренное перерожденіе и высшихъ, и низшихъ слоевъ русскаго народа,—это можно предсказать уже теперь, не будучи пророкомъ. Пора отнестить къ этому нарождающемуся факту, благодатному зародышу лучшаго будущаго, со всею серьезностью и вниманіемъ, какихъ онъ заслуживаетъ по своей неизмѣримой важности. Пора, давно пора, разстаться съ напрасными надеждами снова забрать крестьянство въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ или капиталистовъ, промышленной и торговой буржуазіи, или, напротивъ, воспользоваться крестьянскими массами для политическаго или соціальнаго переворота; но пора также и

перестать бояться соприкосновенія интеллигенціи и нарождающихся молодыхъ силъ съ крестьянскимъ населеніемъ. Такая боязнь совершенно понятна со стороны тѣхъ, которые все еще надѣются тѣмъ или другимъ способомъ, въ томъ или другомъ видѣ, удержать народныя массы въ черномъ тѣлѣ и забрать ихъ въ руки высшихъ слоевъ; но съ точки зрѣнія правильной внутренней политики подобная боязнь— большое недоразумѣніе и ошибка, уже повлекшія за собою самыя горестныя послѣдствія. Судить по нѣкоторой и притомъ небольшой части молодежи о всей молодежи такъ же странно и несправедливо, какъ по нѣкоторымъ органамъ печати, или по нѣкоторымъ офицерамъ и чиновникамъ произносить приговоръ всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ. Интеллигентная молодежь вездѣ отражаетъ въ себѣ, въ преувеличенномъ видѣ, мысли и направленія образованнаго общества, котораго нельзя же разобщить съ простымъ народомъ. Вмѣсто того, чтобы задерживать естественный порывъ молодыхъ силъ къ дѣятельности,—ими, напротивъ, надо воспользоваться въ интересахъ общества и государства и направить ихъ туда, гдѣ онѣ всего нужнѣе.

„Безкорыстная, самоотверженная, крайняя любовь молодежи къ народу нашла бы наилучшій себѣ исходъ въ служеніи на пользу грубыхъ и темныхъ массъ, заѣденныхъ нищетой, невѣжествомъ и дурнымъ управленіемъ,—въ должностяхъ народныхъ учителей, низшихъ полицейскихъ служителей, письмоводителей, становыхъ, исправниковъ, мировыхъ судей и членовъ съѣздовъ, земскихъ управъ, въ званіи фельдшеровъ и т. п. Такая мысль покажется инымъ безумной, пожалуй, даже злонамѣренной и преступной; но мы глубоко убѣждены, что будь она осуществлена ранѣе, не было бы многихъ несчастій, которыя мы пережили, много сохранилось бы молодыхъ силъ, потраченныхъ и погибшихъ даромъ, безплодно, и броженіе, найдя естественный выходъ, не приняло бы остраго характера, который надѣлалъ столько зла. Не зная народа, склада его ума и воззрѣній, мы, со словъ генерала Фадѣева и ему подобныхъ, воображаемъ, что наши земледѣльческія крестьянскія массы — волнующееся море западно-европейскихъ рабочихъ и пролетаріевъ, что стоитъ бросить въ нихъ искру, чтобъ произвести всеобщій пожаръ; а на повѣрку оказывается, что и европейскіе фа-

бричные рабочіе и пролетаріи совсѣмъ не такой легковоспламеняющійся матеріалъ, какимъ намъ его изображали писатели скарятинскаго *) образа мыслей; наши же сельскія массы и подавно далеко не такъ политически подвижны, какъ многимъ думается. Еслибъ нашей интеллигентной молодежи были настежь открыты двери въ низшія должности, имѣющія непосредственное отношеніе къ крестьянству, изъ этого не вышло бы ничего, кромѣ хорошаго, отраднаго и желаннаго. Фразеры, болтуны, рисующіеся либерализмомъ, скоро бы соскучились въ средѣ, гдѣ фразами и словами ничего не подѣлаешь и гдѣ жадныхъ слушателей, апплодирующихъ либеральнымъ воззрѣніямъ, не существуетъ. Простой народъ въ деревняхъ фразами не поднимешь. Ему, въ его низменной долѣ, нужны дѣла, услуги, факты: имъ только онъ повѣритъ, но и то не вдругъ, а годами. Дѣльная, умная, трудолюбивая молодежь, увлекающаяся либерализмомъ, скоро увидѣла бы и поняла жизнь, какова она есть, и найдя себѣ полезное дѣло, занялась бы имъ съ увлеченіемъ и великою пользою для крестьянъ и для службы, въ средѣ, гдѣ теперь царятъ мракъ, невѣжество и вопіющія злоупотребленія. Въ этой средѣ, способной отрезвить хоть кого, изъ порядочной молодежи, послѣ двухъ-трехъ-лѣтней службы, выработались бы превосходные общественные и государственные дѣятели, отлично знающіе крестьянскій людъ, и что всего важнѣе, съ сложившимся, окрѣпшимъ въ трудѣ характеромъ. Съ такими людьми можно провести какую угодно полезную реформу, устроить какое угодно правильное управленіе. Теперь такихъ полезныхъ дѣятелей было бы уже много между нами. Очистивъ темныя дебри сельскаго и низшаго чиновничества, они бы пригодились и въ провинціальной, и центральной службѣ".

Развивши обстоятельнѣйшимъ образомъ планъ улучшеній въ матеріальномъ положеніи крестьянства, въ его земельномъ обезпеченіи, въ его административномъ устроеніи, указавъ пути къ осуществленію своихъ предположеній, намѣтивъ организацію попечительства о крестьянскихъ дѣлахъ и выяснивъ пользу привлеченія молодежи къ работѣ для

---

*) Скарятинъ — редакторъ консервативно-крѣпостнической газеты „Вѣсть" въ 60-хъ годахъ.

крестьянства, Кавелинъ говоритъ и о духовной потребности народа, о его умственномъ и нравственномъ развитіи, которое, по его мнѣнію, должно быть поднято одновременно съ матеріальнымъ его благосостояніемъ и настолько тѣсно съ нимъ связано, что одно невозможно безъ другого. „Какъ бы ни были, доказываетъ Кавелинъ, сами по себѣ полезны и благотворны мѣры, предлагаемыя для устройства и поднятія у насъ крестьянскаго быта, онѣ, смѣло можно сказать, не приведутъ ни къ чему, пока наши крестьяне будутъ оставаться на той степени умственнаго, нравственнаго и гражданскаго развитія и культуры, на какой теперь находятся. Мы говоримъ преимущественно о великорусскихъ крестьянахъ, съ которыми ближе знакомы. Они составляютъ огромное большинство въ русскомъ государствѣ и потому естественно занимаютъ самое видное мѣсто во всѣхъ разсужденіяхъ и заботахъ объ устройствѣ сельскаго населенія имперіи. Теперешнее культурное состояніе нашихъ крестьянъ составляетъ самую существенную самую непобѣдимую помѣху не только для улучшенія ихъ быта, но и вообще для всего нашего развитія. Объ нее, какъ о подводный камень, разбиваются въ прахъ всѣ самыя энергическія усилія, откуда бы они ни шли, къ улучшенію нашего внутренняго положенія. О чемъ бы мы ни заговорили—о самоуправленіи, гражданскихъ и политическихъ правахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, о водвореніи у насъ добрыхъ нравовъ, о промышленности, торговлѣ, судѣ, полиціи,—вездѣ и во всемъ мы лицомъ къ лицу встрѣчаемся съ невѣжествомъ крестьянъ, ихъ неразвитостью, отсутствіемъ въ нихъ азбучныхъ культурныхъ понятій и привычекъ. Они представляютъ то упорнѣйшее, непобѣдимое препятствіе, передъ которымъ всякая сила въ концѣ концовъ ослабѣваетъ, въ сознаніи своей несостоятельности и ничтожества. Народное образованіе — вотъ къ чему, въ послѣднемъ выводѣ, сводится теперь все. Его успѣхами будутъ отнынѣ измѣряться всѣ наши успѣхи. Безъ образованія народныхъ массъ мы не можемъ ступить шагу, и всякія улучшенія будутъ мнимыми, кажущимися, а не настоящими, прочными, дѣйствительными“.

И такъ надо озаботиться о доставленіи крестьянству образовательныхъ средствъ, изъ нихъ же на первомъ мѣстѣ стоитъ школа. Кавелинъ много мѣста посвящаетъ вопросу

объ устройствѣ и задачахъ народной школы, но мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ его разсужденій о школѣ и укажемъ только, какія главныя требованія онъ къ ней предъявляетъ: онъ никакъ не можетъ согласиться на ограниченіе задачъ школы однимъ сообщеніемъ грамотности или профессіональныхъ навыковъ, и для него народная школа есть учрежденіе воспитательно-образовательное, долженствующее дать крестьянину прочное нравственное и умственное развитіе, содѣйствовать выработкѣ опредѣленнаго міросозерцанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дать средства для жизненной борьбы.

Таковы взгляды Кавелина на крестьянское дѣло. Анализируя ихъ, мы видимъ замѣчательную устойчивость Кавелина въ самой основѣ его отношеній къ крестьянамъ, устойчивость въ защитѣ правъ крестьянина, который всегда представляется Кавелину не только равнымъ съ представителями другихъ сословій, но имѣющимъ даже преимущество передъ ними. Въ Кавелинѣ всю жизнь говоритъ яркій идеализмъ людей сороковыхъ годовъ: этотъ идеализмъ не позволялъ имъ никогда съ пренебреженіемъ относиться къ интересамъ народныхъ массъ. Въ крестьянахъ эти люди видѣли своихъ братьевъ, и проповѣдь гуманнаго отношенія къ крестьянству была вполнѣ понятна въ ихъ устахъ; въ этомъ гуманизмѣ сходились и западники и славянофилы, и не даромъ искренняя дружба связывала западника Кавелина съ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей славянофильства, съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Въ сущности различія между двумя направленіями были не такъ велики, и ихъ стремленія, какъ это прекрасно уяснялъ въ своихъ извѣстныхъ воспоминаніяхъ другой великій западникъ, А. И. Герценъ, сливались въ одной общей цѣли. Эту цѣль, по отношенію къ Кавелину, прекрасно поняли его слушатели, офицеры военно-юридической академіи, назвавъ его учителемъ „права и правды“. Этого-то права и этой правды Кавелинъ всю жизнь добивался и для нашего крестьянства.

С. Т. Аксаковъ.

Семья Аксаковыхъ.

Бываютъ роды или семьи, особенно выдѣляющіеся по своей дѣятельности въ извѣстной спеціальной области, административной, военной, технической, научной или литературной. Такая группировка людей одной спеціальности въ предѣлахъ семьи или рода объясняется, можетъ быть, до нѣкоторой степени извѣстнымъ вліяніемъ наслѣдственности, а, можетъ быть, еще въ большей степени воспитательнымъ воздѣйствіемъ старшаго поколѣнія на младшее, которое уже въ силу общей всѣмъ людямъ подражательности склоняется въ сторону спеціальности своихъ отцовъ и дѣдовъ. Обращаясь къ исторіи нашей литературы, мы находимъ въ ней нѣсколько подобныхъ семействъ, и изъ нихъ особенно выдаются семейства Тургеневыхъ и Аксаковыхъ. Начиная съ извѣстнаго члена Новиковскаго кружка, Ивана Петровича, первая изъ названныхъ семей подарила русской литературѣ такихъ видныхъ работниковъ, какъ Андрей, Николай и Александръ Ивановичи, какъ знаменитый Иванъ Сергѣевичъ. Изъ второй семьи вышли три замѣчательнѣйшихъ человѣка: беллетристъ — Сергѣй Тимоѳеевичъ и два его сына, историкъ—Константинъ Сергѣевичъ и публицистъ—Иванъ Сергѣевичъ. Къ ихъ характеристикѣ мы теперь и обратимся.

I.

„Я написалъ, разсказываетъ С. Т. Аксаковъ, нѣсколько стихотвореній и статью въ прозѣ, подъ названіемъ „Дружба“, и показалъ моему другу Александру (Панаеву), который ихъ одобрилъ, но сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, показавшихся мнѣ однако неосновательными. Помѣщаю здѣсь мои первые ребячьи стихи, которыхъ впрочемъ не

помню и половины, и праздную тѣмъ мой пятидесятилѣтній юбилей на поприщѣ бумагомаранья; считаю нужнымъ прибавить, что у меня не было никакой жестокой красавицы, даже ни одной знакомой дѣвушки.

Къ соловью.

Другъ весны, пѣвецъ любезнѣйшій,
Будь единый мнѣ отрадою,
Уменьши тоску жестокую,
Что снѣдаетъ сердце страстное.
Пой красы моей возлюбленной,
Пой любовь мою къ ней пламенну
Исчисляй мои страданья всѣ
Исчисляй моей дни горести.
Пусть услышитъ она голосъ твой,
Пусть узнаетъ, кто училъ тебя,
Можетъ быть, тогда, жестокая,
Хоть изъ жалости вздохнетъ по мнѣ.
Можетъ быть, она узнаетъ тутъ,
Что любовь для насъ есть счастіе;
Можетъ быть, она почувствуетъ,
Что нельзя вѣкъ не любя прожить.

(Здѣсь не достаетъ нѣсколько куплетовъ)

Истощи свое умѣнье все,
Возбуди ея чувствительность;
Благодаренъ буду вѣкъ тебѣ
За твое искусство дивное . . . . . .

„Вотъ какими виршами безъ риѳмъ дебютировалъ я на литературной аренѣ нашей гимназіи въ 1805 году! Впрочемъ, я скоро призналъ эти стихи *недостойными моего пера* и не помѣстилъ ихъ въ нашемъ журналѣ 1806 года. Всѣ послѣдующіе стихи писалъ я уже съ риѳмами; всѣ они не имѣютъ никакого даже относительнаго достоинства и не показываютъ ни малѣйшаго признака стихотворнаго дарованія“.

Прочитавъ этотъ отрывокъ воспоминаній Аксакова, нельзя не признать справедливости его отрицательнаго приговора о своихъ стихахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не подивиться, что авторъ долго не могъ понять, что стихи не его призваніе, что у него нѣтъ стихотворнаго дарованія, и въ теченіе почти 25 лѣтъ не оставлялъ попытокъ писать стихами. Хотя эти стихотворенія онъ, должно быть, признавая достойными своего пера постоянно печаталъ, надо однако сказать, что

они ниже даже посредственности. Какъ, напримѣръ, слабо слѣдующее антологическое „Призываніе“!

Приди, всемощный богъ сладчайшихъ наслажденій:
Прелестна божества—прелестное дитя!
Какъ мнѣ любимымъ быть, подай мнѣ наставленій.
Искусство легкое любить—ужъ знаю я,
Приди, о мать утѣхъ, съ улыбкою прелестной
Элизу научить: она любимой быть
Умѣетъ ужъ давно; ей только неизвѣстно
Искусство легкое—любить.

Характерно по своей неуклюжести и слѣдующее посвященіе перевода Лагарповскаго „Филоктета“ актеру Шушерину:

Когда бы я владѣлъ такимъ въ стихахъ искусствомъ,
Какимъ одушевленъ къ тебѣ почтенья чувствомъ,
Славнѣй Софоклова гремѣлъ бы Филоктетъ,
И въ восхищеніи ему внималъ бы свѣтъ;
Но скуденъ даръ во мнѣ чувствъ выражать премѣны,
Гоненія судьбы, страстей противныхъ брань:
Пріими жъ, о Шушеринъ, любимецъ Мельпомены,
Таланту своему благоговѣнья дань!

Такими же дубовыми виршами исполненъ и весь переводъ „Филоктета“; вотъ образецъ:

Улисса болѣ всѣхъ въ злодѣйствахъ сихъ виня,
Изрыгни тысячу хуленій на меня.
Для славы моея не чти то оскорбленьемъ:
Могу ль быть оскорбленъ отечеству служеньемъ!
Но если Филоктетъ проникнетъ хитрый ковъ,
Который уловить его уже готовъ,
И если совершить мой замыслъ не потщишься,
То предъ отечествомъ измѣнникомъ явишься!
Не льстись надеждою, она есть тщетный сонъ,
Безъ стрѣлъ Алкидовыхъ разрушить Иліонъ и т. д.

Не удавались Аксакову не только такія попытки классическаго стихотворства, но и опыты въ новомъ вкусѣ; между тѣмъ онъ долго старался достигнуть литературной извѣстности или стихами, или театральными пьесами, причемъ къ работѣ для театра влекло его главнымъ образомъ то обстоятельство, что онъ самъ былъ недурной актеръ. Въ концѣ 20-хъ годовъ Аксаковъ перестаетъ писать стихи и лишь въ 1857—8 г.г. онъ обмолвился двумя стихотвореніями гораздо болѣе удачными, изъ которыхъ одно посвящено А. Н. Майкову, а другое написано по поводу начала

освобожденія крестьянъ. Оба эти стихотворенія неизмѣримо превосходятъ прежнія вирши, и въ особенности въ „Посланіи къ Майкову“ можно указать на истинно поэтическія черточки, въ которыхъ выразилась любовь Аксакова къ природѣ:

Люблю я звонкій свистъ синицы,
Скрыпъ снигирей въ моихъ кустахъ,
И бѣлыя гусей станицы
На изумрудныхъ озимяхъ.
Люблю я, зонтикомъ прикрытый,
Въ рѣчномъ изгибѣ, подъ кустомъ,
Сидѣть отъ вѣтра подъ защитой,
Согрѣтый теплымъ зипуномъ—
Сидѣть и ждать съ терпѣньемъ страстнымъ,
Закинувъ удочки мои
Въ зеленоватыя струи,
Въ глубь Вожи тихой и неясной.
Глазъ не спускаю съ наплавка—
Хоть онъ лежитъ безъ измѣненья,
Но вдругъ чуть видное движенье,
И вздрогнетъ сердце рыбака!
. . . . . .
Люблю ершей осенній клевъ;
Берутъ они не вдругъ, не живо,
Но я безъ скуки ждать готовъ!
Трясется наплавокъ—терпѣнье...
Идутъ кружочки—пустяки!
Пусть погрузитъ: мнѣ наслажденье
Ерша тащить со дна рѣки.
Весь растопыренный, сердитый,
Упорно лѣзетъ изъ воды
Густою слизью ершъ покрытый,
Поднявши иглы для защиты...
Но нѣтъ спасенья отъ бѣды!

Въ этихъ стихахъ обращаетъ на себя вниманіе не одна форма, несравненно лучшая, чѣмъ прежде, но и то живое чувство природы, которое ихъ проникаетъ. Видно, что они писаны человѣкомъ, тонко понимающимъ жизнь природы и умѣющимъ просто ее воспроизводить; видно, что Аксаковъ уже не прежній виршеслагатель, подражатель разныхъ классическихъ образцовъ, что въ его литературной работѣ совершился какой-то поворотъ. Этотъ поворотъ впервые обозначился въ 1834 году въ очеркѣ „Буранъ“, напечатанномъ безъ подписи въ альманахѣ „Денница“ и вызвавшемъ почти вос-

торженную похвалу со стороны литературнаго врага Аксакова, Н. А. Полеваго. Приведемъ изъ этого очерка изображеніе зимней вьюги, которое критикъ призналъ „мастерскимъ“: „Все по прежнему казалось ясно на небѣ и тихо на землѣ. Солнце склонялось къ западу и, косыми лучами скользя по необозримымъ громадамъ снѣговъ, одѣвало ихъ брилліантовой корой; а изуродованная налипнувшимъ инеемъ роща, въ снѣговомъ и ледяномъ своемъ уборѣ, представляла издали чудные и разновидные обелиски, осыпанные также алмазнымъ блескомъ. Все было великолѣпно... Но стаи тетеревовъ вылетали съ шумомъ изъ любимой рощи искать себѣ ночлега на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ; но лошади храпѣли, фыркали, ржали и какъ будто о чемъ-то перекликались между собою; но бѣловатое облако, какъ голова огромнаго звѣря, выплывало на восточномъ горизонтѣ неба; но едва замѣтный, хотя и рѣзкій вѣтерокъ потянулъ съ востока къ западу,—и наклоняясь къ землѣ, можно было замѣтить, какъ все необозримое пространство снѣговыхъ полей бѣжало легкими струйками, текло, шипѣло какимъ-то змѣинымъ шипѣньемъ, тихимъ, но страшнымъ!.. Быстро поднималось и росло бѣлое облако съ востока, и когда скрылись за горой послѣдніе бѣлые лучи закатившагося солнца—уже огромная снѣговая туча заволокла большую половину неба и посылала изъ себя мелкій снѣжный прахъ; уже закипѣли степи снѣговъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался иногда какъ будто отдаленный плачъ младенца, а иногда вой голоднаго волка. . . . Снѣговая бѣлая туча, огромная какъ небо, обтянула весь горизонтъ, и послѣдній свѣтъ красной, погорѣлой вечерней зари задернула густою пеленою. Вдругъ настала ночь... Наступилъ буранъ со всей яростью, со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольи, взрылъ снѣговыя степи, какъ пухъ лебяжій, вскинулъ ихъ до небесъ... Все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой темной осенней ночи! Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо превратилось въ пучину кипящаго, снѣжнаго праха, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханье, ревѣлъ, свисталъ, вылъ, стоналъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, обвивался, какъ змѣй, и душилъ все, что ему ни попадалось“.

Быть можетъ, очеркъ „Буранъ“ связанъ съ рядомъ дру-

гихъ оренбургскихъ воспоминаній автора, а, можетъ быть, онъ является вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ; но какъ бы то ни было, съ него начинается поворотъ на новый путь, и вскорѣ, въ 1840 году, Аксаковъ, отчасти подъ вліяніемъ Гоголевскаго направленія, начинаетъ набрасывать свою знаменитую „Семейную Хронику". Въ 1856 г. въ „Московскомъ Сборникѣ" напечатаны нѣкоторые отрывки изъ этого произведенія, а въ 1847 г. является первая замѣчательная книга Аксакова, обратившая на него общее вниманіе „Записки объ уженіи рыбы". Книга какъ бы предназначалась для практическихъ цѣлей, какъ руководство для любителей рыбной ловли, но уже въ предисловіи къ ней мы встрѣчаемся съ разсужденіемъ, которое показываетъ, что авторъ не будетъ относиться къ своему предмету, какъ составитель обычнаго руководства, что его одушевляетъ поэтическая любовь къ природѣ, и что онъ хочетъ эту любовь передать и своимъ читателямъ.

„Чувство природы, говорилъ Аксаковъ, врождено намъ, отъ грубаго дикаря до самаго образованнаго человѣка. Противоестественное воспитаніе, насильственныя понятія, ложное направленіе, ложная жизнь — все это вмѣстѣ стремится заглушить мощный голосъ природы и часто заглушаетъ, или даетъ искаженное развитіе этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человѣка, который былъ бы совершенно равнодушенъ къ такъ называемымъ *красотамъ природы*, то есть: къ прекрасному мѣстоположенію, живописному далекому виду, великолѣпному восходу и закату солнца, къ свѣтлой мѣсячной ночи; но это еще не любовь къ природѣ: это любовь къ ландшафту, декораціямъ, къ призматическимъ преломленіямъ свѣта; это могутъ любить люди самые черствые, сухіе, въ которыхъ никогда не зарождалось или совсѣмъ заглохло всякое поэтическое чувство: за то ихъ любовь этимъ и оканчивается. Приведите ихъ въ таинственную сѣнь и прохладу дремучаго лѣса, на равнину необитаемой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте ихъ въ тихую, жаркую лѣтнюю ночь на берегъ рѣки, сверкающей въ тишинѣ ночного мрака, или на берегъ соннаго озера, обросшаго камышами; окружите ихъ благовоніемъ цвѣтовъ и травъ, прохладнымъ дыханіемъ водъ и лѣсовъ, неумолкающими голосами ночныхъ птицъ и насѣкомыхъ, всею жизнію творенія:

для нихъ тутъ нѣтъ красотъ природы, они не поймутъ ничего! Ихъ любовь къ природѣ внѣшняя, наглядная, они любятъ картинки, и то не надолго; смотря на нихъ, они уже думаютъ о своихъ пошлыхъ дѣлишкахъ и спѣшатъ домой въ свой грязный омутъ, въ пыльную душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовоніемъ загнившихъ прудовъ въ ихъ жалкихъ садахъ, или вечерними испареніями мостовой, раскаленной дневнымъ солнцемъ... Но, Богъ съ ними! Деревня, не подмосковная, далекая деревня,—въ ней только можно чувствовать полную, не оскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, миръ, тишина, спокойствіе! Безыскусственность жизни, простота отношеній! Туда бѣжать отъ праздности, пустоты и недостатка интересовъ; туда же бѣжать отъ неугомонной, внѣшней дѣятельности, мелочныхъ, своекорыстныхъ хлопотъ, безплодныхъ, безполезныхъ, хотя и добросовѣстныхъ мыслей, заботъ и попеченій! На зеленомъ, цвѣтущемъ берегу, надъ темной глубью рѣки, или озера, въ тѣни кустовъ, подъ шатромъ исполинскаго осокоря, или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями въ свѣтломъ зеркалѣ воды, на которомъ колеблются, или неподвижно лежатъ наплавки ваши,—улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточныя надежды! Природа вступитъ въ вѣчныя права свои, вы услышите ея голосъ, заглушенный на время суетней, хлопотней, смѣхомъ, крикомъ и всей пошлостью человѣческой рѣчи! Вмѣстѣ съ благовоннымъ, свободнымъ, освѣжительнымъ воздухомъ, вдохнете вы въ себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхожденіе къ другимъ и даже къ самому себѣ. Непримѣтно, мало-по-малу, разсѣется это недовольство собою, эта презрительная недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, твердости воли и чистотѣ помышленій—эта эпидемія нашего вѣка, эта черная немочь души, чуждая здоровой натурѣ русскаго человѣка, но заглядывающая къ намъ за грѣхи наши...“

При такомъ отношеніи къ природѣ, понятно, что авторъ вездѣ въ ней сумѣетъ открыть красоту и показать эту красоту своимъ читателямъ. Говоря о самомъ прозаическомъ предметѣ, о выборѣ мѣста для уженья рыбы, Аксаковъ рисуетъ прямо увлекательную картину. „Если, поучаетъ онъ,

вы случайно заѣдете, или постоянно живете на такой мѣстности, гдѣ на рѣкѣ есть мельница и прудъ—спѣшите туда: тамъ найдете вы самое разнообразное уженье и приволье въ выборѣ мѣста, о чемъ я буду говорить ниже. Я долженъ признаться, что пристрастенъ къ запруженной рѣкѣ. Видъ пруда и мельницы, стукъ ея снастей, шумъ падающей воды—приводятъ въ тихое и сладкое волненіе душу стараго рыбака. Чѣмъ-то дорогимъ прошедшимъ глядятъ воды и водяныя травы, шумятъ вертящіяся колеса, дрожитъ мельничный амбаръ и пѣнятся кипящія подъ нимъ волны! Кустами обросшая плотина, дорожки, протоптанныя прохожими, помольцами и хозяевами, переходы черезъ воду изъ жердочекъ — все говоритъ о чемъ-то давно знакомомъ, близкомъ сердцу. Гдѣ мельница — тамъ и рыба. Прудъ ея — притокъ и гульбище! Тамъ много всякой пищи, тамъ привольно метать икру и выводиться маленькой рыбешкѣ. Около мельницы, во всѣ времена года, во всякую пору дня, охотникъ найдетъ и достанетъ рыбу. Въ раннюю весну, въ позднюю осень, въ дурную погоду — она держится больше въ материкѣ, въ верховьяхъ пруда; въ теплое время, въ лѣтніе жары — она гуляетъ по полямъ, въ травахъ и камышахъ; въ холодное ненастье — жмется по теченію материка къ теплой навозной плотинѣ; но особенно любитъ она держаться въ ямахъ, подъ спусками вешняка или подъ водяными колесами. Напрасно низвергающійся потокъ относитъ назадъ стаи мелкихъ рыбокъ; онѣ сторонкой, безпрестанно возвращаются на самую быстрину, и хищныя породы рыбъ хватаютъ мелюзгу, обезсиленную борьбою съ стремленіемъ воды. Рыбакъ вскарабкается на мокрый лежень, на которомъ тяжело ходитъ мельничный валъ, и подъ навѣсомъ водяныхъ трубъ, обросшихъ зеленымъ мохомъ, подъ каплями и нитями просачивающейся воды, вздрагивая на своемъ мѣстѣ при каждомъ оборотѣ колеса—бросаетъ удочку, насаженную червякомъ, или всего лучше рыбкой, въ самую быстрину, въ волны и пѣну — и таскаетъ жадныхъ окуней и небольшихъ щукъ...“

Такое же любовное созерцаніе природы помогаетъ Аксакову дать, напримѣръ, слѣдующее описаніе: „Полдневное уженье на лодкѣ имѣетъ, по крайней мѣрѣ для меня, своего рода совершенно особенную прелесть. Для многихъ она покажется непонятною; для многихъ даже невыносимы палящіе лучи

лѣтняго, полдневнаго солнца, которое, отражаясь въ водѣ, дѣйствуетъ съ удвоенною силою; но я всегда любилъ и люблю жары нашего кратковременнаго лѣта... Пышетъ знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнетъ зеленый, какъ весенній лугъ, широкій прудъ, затканный травами, точно спитъ въ отлогихъ берегахъ своихъ; камыши стоятъ неподвижно. Материкъ и чистые отъ травъ протоки блестятъ, какъ зеркала; все остальное пространство воды сквозь проросло разновидными водяными растеніями. То яркозеленые, то темноцвѣтные листья стелются по водѣ, но глубоко ушли корни ихъ въ тинистое дно; бѣлыя и желтыя водяныя лиліи, цвѣтъ лопуховъ, попросту называемыя кувшинчиками, и красные цвѣточки темной травы, торчащіе надъ длинными вырѣзными листьями, — разнообразятъ зеленый коверъ, покрывающій поверхность пруда. Какая роскошь тепла! Какая нѣга и льгота тѣлу! Какъ пріятна близость воды и возможность освѣжить ею лицо и голову! Рыбѣ также жарко: она какъ будто сонная стоитъ подъ тѣнью травъ. Завидя лакомую пищу, только на мгновеніе лѣниво выплываетъ она на чистыя мѣста, пронзаемая солнечными лучами, хватаетъ добычу и спѣшитъ подъ зеленые свои навѣсы".

Читая такія описанія, мы видимъ, что авторъ не просто задался цѣлью показать намъ рядъ прекрасныхъ картинъ природы, но имѣетъ въ виду и нѣчто иное, а именно онъ какъ бы для самого себя хочетъ оживить нѣкоторыя дорогія воспоминанія, вызвать въ себѣ вновь тѣ радостныя ощущенія, которыя онъ испыталъ отъ близости къ природѣ. Онъ и самъ признается въ этомъ стремленіи переиспытать старыя наслажденія. „Нужно-ли говорить послѣ этого, восклицаетъ онъ, что рыбакъ-охотникъ глядитъ на всякую рыбу еще съ большею, особенною любовью, а на крупную и почему-нибудь рѣдкую глядитъ съ восхищеніемъ, съ радостнымъ трепетомъ сердца! Не-охотникамъ, можетъ быть, покажутся смѣшны такія выраженія; я не буду тѣмъ оскорбляться—я говорю охотникамъ, и они поймутъ меня. Каждый изъ нихъ, достигнувъ старости, находитъ отраду въ воспоминаніи того живого чувства, которое одушевляло его въ молодости, когда съ удочкой въ рукѣ, забывая и сонъ и усталость, страстно предавался онъ своей любимой охотѣ. Онъ, вѣрно, съ удовольствіемъ вспоминаетъ это золотое время... И я помню его,

какъ давнишній, сладкій и не совсѣмъ ясный сонъ; помню знойные полдни, берегъ, заросшій высокими, душистыми травами и цвѣтами, тѣнь ольхи, дрожащую на водѣ, глубокій омутъ рѣки молодого рыбака, прильнувшаго къ наклоненному надъ водою древесному пню, съ повисшими внизъ волосами, неподвижно устремившаго очарованные глаза въ темно-синюю, но ясную глубь... И сколько рыбы кишѣло въ ней! Какіе язи, голавли, окуни... И какъ замирало сердце юноши, какъ стѣснялось дыханье... Давно уже это было, очень давно!“

Благодаря такому любовному отношенію къ своему предмету, авторъ изучилъ его отлично, до мельчайшихъ подробностей... Эти подробности даютъ душу всей окружающей природѣ, и авторъ старается проникнуть въ психологію всѣхъ изображаемыхъ имъ существъ. Такъ, напримѣръ, онъ не считаетъ возможнымъ ограничиться однимъ описаніемъ рыбъ,— онъ говоритъ объ ихъ „правахъ“. „Настоящему рыбаку, охотнику артисту, поясняетъ онъ, необходимо изученіе нравовъ рыбъ, а это и самое трудное и темное дѣло, хотя рыбы живутъ и въ прозрачныхъ чертогахъ. Нравы ихъ должно отгадывать; данныхъ очень немного, и потому надобно имѣть и проницательность, и соображеніе, а сколько труда, безпокойства!.. Вечерняя и утренняя заря—наилучшее время для наблюденія нравовъ рыбъ, относительно ихъ пищи, а лѣтомъ, какъ говорится, заря съ зарей сходится... и такъ наблюдателю немного часовъ остается спать. Если бы кто-нибудь вздумалъ спросить меня, хотя ради шутки: что я разумѣю подъ словами „нравы рыбъ“? то я отвѣчалъ бы, что подъ этими словами я разумѣю вообще природныя свойства рыбъ, то есть: въ какихъ водахъ преимущественно любятъ жить такія-то породы рыбъ, что составляетъ ихъ любимую пищу, въ какое время года и въ какое время дня держится рыба въ такихъ-то мѣстахъ, и проч., и проч. Надобно признаться, что мы очень мало знаемъ эту любопытную сторону натуральной исторіи въ *жизни* обитателей водъ. Все, что мнѣ случалось читать, весьма неудовлетворительно, а иногда и очевидно не вѣрно. Разсказы рыбаковъ по ремеслу, которые, впрочемъ, рѣдко и мало занимаются ловлею на удочку, конечно, могутъ быть очень полезны; но эти люди часто смотрятъ съ отвращеніемъ на свое ежедневное, трудовое занятіе,

работу, доставляющую имъ скудный кусокъ насущнаго хлѣба. У нихъ нѣтъ любви къ своему дѣлу, слѣдовательно не можетъ быть вниманія и наблюдательности образованнаго человѣка; но повторяю, что разсказами ихъ очень можно воспользоваться".

Подобная „любовь къ дѣлу", подобная „наблюдательность образованнаго человѣка" помогаютъ Аксакову набрасывать такія, напримѣръ, картины рыбьихъ „нравовъ". „Самые драгоцѣнные часы для уженья—раннее утро. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время рыба голоднѣе, беретъ охотнѣе и смѣлѣе, потому что вода еще не такъ прозрачна, и что отъ того рыба заклевываетъ вѣрнѣе. Вечеромъ также рыба беретъ охотнѣе, чѣмъ въ продолженіе дня, особенно поздно вечеромъ: тогда и крупная рыба начнетъ смѣло ходить около береговъ, даже на мѣстахъ очень чистыхъ и мелкихъ, и хотя рыба ѣстъ во всякое время дня, но вечеромъ она жаднѣе ищетъ корма. Чѣмъ жарче погода, тѣмъ надобно удить ранѣе: среди лѣта, въ ясные знойные дни, едва блеснетъ бѣлая полоса на востокѣ, охотникъ долженъ быть на мѣстѣ уженія: мы разумѣемъ уженье крупной рыбы, и особенно на прикормленномъ мѣстѣ; покуда рыбакъ броситъ прикормку, разовьетъ и насадитъ старательно удочки, уже займется заря, начнутъ выскакивать пузыри со дна на поверхность воды отъ идущей со всѣхъ сторонъ рыбы, и клевъ наступаетъ немедленно. Онъ не продолжается долго, часовъ до шести. Какъ только солнце хорошенько обогрѣетъ и лучи его поглотятъ утреннюю прохладу, ступайте на другое мѣсто удить среднюю или мелкую рыбу, или ступайте съ своей добычею домой и и ложитесь спать. Въ дождливую и прохладную погоду не нужно начинать удить такъ рано, особенно весной и осенью, даже можно удить почти цѣлый день".

Замѣчательной обстоятельностью и рельефностью отличается хотя бы и слѣдующее описаніе рыбьихъ передвиженій: „Весною, при наступленіи водополья, какъ скоро вода сдѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подниматься,— рыба также поднимается кверху и идетъ противъ воды, сначала около береговъ: тутъ ловятъ ее во множествѣ саками. Когда же рѣки выступятъ изъ береговъ и разольются по поемнымъ мѣстамъ, рыба также разбредется по полоямъ, не переставая упорно стремиться противъ теченія воды. Это

интенсивное стремленіе бываетъ такъ сильно, что не видавши, трудно повѣрить: несмотря на ужасную быстрину, съ которою летитъ спертая полая вода, вырываясь въ вешнякахъ или спускахъ, изъ переполненныхъ прудовъ; рыба доходитъ до самаго послѣдняго, крутого паденія воды и, не имѣя уже никакой возможности плыть противъ летящаго отвѣсно внизъ каскада — прыгаетъ снизу вверхъ; безпрестанно сбиваемыя силою воды, падая назадъ и нерѣдко убиваясь до смерти о деревянный помостъ или камни, новыя станицы рыбъ безпрестанно повторяютъ свои попытки, и многія успѣваютъ въ нихъ, то-есть попадаютъ въ прудъ. Во время весеннихъ разливовъ рыба заходитъ въ самыя вершины рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ; заходитъ въ такія мѣста, что трудно повѣрить, стоя на такомъ мѣстѣ лѣтомъ, чтобы тутъ ловили крупную рыбу крыленами или ветелями, ставя ихъ сначала по теченію, а потомъ противъ теченія воды. Но какъ скоро *дрогнетъ* вода, то-есть, пойдетъ на убыль, рыба поворачиваетъ назадъ, и съ такимъ же стремленіемъ скатывается внизъ, съ какимъ до сихъ поръ шла вверхъ, для чего немедленно бросается она изъ мелкихъ мѣстъ въ глубокія, изъ разливовъ—въ материкъ. Нерѣдко случается, однако, что, зайдя слишкомъ высоко или далеко въ луговые поймы, не находитъ она водяного пути для возвращенія въ рѣку и остается въ ямахъ и бакалдинахъ: если увидятъ люди, что поймаютъ ее, а если нѣтъ, и бакалдины высыхаютъ уединенно, рыба гибнетъ и достается на пищу воронамъ и разнымъ другимъ птицамъ— иногда и свиньямъ. Рыба, застигнутая внезапно обмелѣніемъ водяныхъ сообщеній въ ямахъ, или, по-московски, въ бочагахъ, переходитъ иногда изъ одного въ другой *сухопутно*, прыгая по тому мокрому слѣду, гдѣ недавно бѣжала вода. Если же хотя крошечный ручеекъ останется, она перепрыгаетъ по немъ внизъ непремѣнно. Даже изъ копанныхъ сажалокъ или прудковъ, сквозь которые протекаетъ ручеекъ, рыба уходитъ этимъ самымъ способомъ, если только берега низки. Такія весеннія путешествія рыбы снизу вверхъ и обратно повторяются отчасти при всякой случайной, но значительной прибыли воды: при внезапномъ прорывѣ огромныхъ прудовъ и при *наводкахъ*, случающихся отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей".

Давая такія общія характеристики рыбьихъ „нравовъ",

Аксаковъ съ неменьшею рельефностью и обиліемъ живыхъ подробностей описываетъ и отдѣльныя породы рыбъ. Читателю постоянно даются разныя практическія наставленія, касающіяся уженья рыбы; но всегда видно, что эти наставленія идутъ отъ человѣка, проникнутаго „любовью къ дѣлу“ и обладающаго „наблюдательностью и вниманіемъ“. Вотъ для примѣра коротенькое описаніе лошка: „Самое имя этой красивой рыбки, говоритъ авторъ, указываетъ, что оно уменьшительное отъ имени рыбы „лохъ“, и оно не даромъ дано ей: красныя, черныя и бѣлыя крапинки, которыми она испещрена, очень похожи на крапинки лоха или красули, достигающей огромной величины; но рыбка, о которой я говорю— самая маленькая рыбка: лошокъ въ два вершка — рѣдкость по величинѣ. Они водятся въ маленькихъ родниковыхъ рѣчкахъ и всегда появляются большими стаями. Иногда въ омуточкѣ прозрачнаго ручья вдругъ видишь, что свѣтлое вездѣ дно покрыто чѣмъ-то чернымъ: это лошки, которые въ нѣсколько рядовъ стоятъ другъ на другѣ, и обыкновенно покрупнѣе внизу, а самые мелкіе сверху. Не трудно наловить ихъ сколько угодно *надоткой* изъ рѣдинки, частымъ сакомъ или *хребтугомъ*, привязаннымъ двумя узкими боками къ двумъ палкамъ; но если не случится подъ руками и этихъ нехитрыхъ рыболовныхъ снастей, а есть небольшая удочка, то лошки станутъ безпрестанно брать на навознаго червяка (безъ хвостика вѣрнѣе) и простую муху: чѣмъ удочка меньше, тѣмъ лучше, Разумѣется, никто не станетъ удить лошковъ безъ особенной надобности; я самъ помню, что уживалъ ихъ только въ ребячествѣ; но они очень могутъ понадобиться, ибо составляютъ превосходную насадку для уженья окуней и всякой хищной рыбы средней величины. Я видѣлъ лошковъ только въ Оренбургской губерніи; тамъ водились они въ большомъ изобиліи и даже не въ маленькихъ рѣчкахъ, а въ такихъ, на которыхъ стояли мельницы постава на четыре, и я очень помню безчисленныя станицы лошковъ, лежащія на днѣ подъ мельничными водяными колесами. Но умножившееся народонаселеніе взмутило чистоту и прозрачность тамошнихъ прекрасныхъ рѣчекъ и ручьевъ, и лошковъ становится гораздо меньше. Жареные лошки на сковородѣ составляютъ вкусное блюдо: ихъ готовятъ не чищенныхъ, а выдавливаютъ руками и хорошенько промываютъ“.

Черезъ пять лѣтъ послѣ „Записокъ объ уженьѣ рыбы“, въ 1852 г. Аксаковъ, ободренный ихъ успѣхомъ, издалъ „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“, а въ 1855 г. появились его „Разсказы и воспоминанія охотника“. Успѣхъ этихъ книгъ былъ не меньшій: читатели были привлечены не техническими ихъ достоинствами (надо замѣтить, что техническая сторона, какъ объяснялъ И. С. Тургеневъ, сильно устарѣла въ „Запискахъ“ Аксакова), но литературнымъ мастерствомъ изложенія, необыкновенною художественностью изображеній природы. Описывая, напримѣръ, охоту въ Оренбургской губерніи, авторъ рисовалъ великолѣпную картину прилета дичи: „Птицы бывало такое множество, что всѣ болота, разливы рѣкъ, берега прудовъ, долины и овражки съ весенними ручьями, вспаханныя поля—бывали покрыты ею. *Стонъ стоялъ въ воздухѣ* (какъ говорятъ крестьяне) отъ разнороднаго птичьяго писка, свиста, крика и отъ шума ихъ крыльевъ, во всѣхъ направленіяхъ, разсѣкающихъ воздухъ; даже ночью, сквозь оконныя рамы, не давалъ онъ спать горячему охотнику. Птица была вездѣ: въ саду, въ огородахъ, на гумнахъ, на улицѣ... Это уже слишкомъ, кажется; но я увѣряю, что много разъ, выѣзжая или выходя рано утромъ на охоту, находилъ я дикихъ утокъ и голубей, сидѣвшихъ на грязи и лужахъ среди улицы. Когда подъѣдешь, бывало, къ болоту или весеннему разливу около рѣки, то совершенно потеряешься: по краямъ стоятъ, ходятъ и бѣгаютъ различныя породы куликовъ и куличковъ. Стаи разноцвѣтныхъ курухтановъ снуютъ между ними во всѣ стороны. Утки, съ пестрыми селезнями своими, отъ крупной, тяжеловѣсной *кряквы* до маленькаго, проворнаго *чирка*, бродятъ по грязи, плаваютъ по водѣ, сидятъ на кочкахъ. Изъ-подъ ногъ, съ крикомъ, какъ бѣшеные, вырываются бекасы, вскакиваютъ дупели и гаршнепы. Въ то же время независимо отъ сидящихъ, новыя стаи всего разноплеменнаго птичьяго царства летаютъ, кружатся надъ вашею головою, опускаются, поднимаются, перелетываютъ съ мѣста на мѣсто, сопровождая каждое свое движеніе радостнымъ, веселымъ, особеннымъ крикомъ. Въ большое затрудненіе приходитъ молодой охотникъ — къ кому подъѣзжать? къ кому подходить? въ кого стрѣлять? и отъ излишняго богатства происходила иногда бѣдность... Но немногіе уже изъ охотниковъ по-

мнятъ такіе прилеты птицы въ Оренбургской губерніи". Въ этомъ описаніи виденъ человѣкъ, не только чувствующій красоту природы, но и прекрасно владѣющій словомъ для передачи этой красоты. Какъ замѣтилъ С. А. Венгеровъ, Аксаковъ обладаетъ и тѣмъ обиліемъ глаголовъ и именъ существительныхъ, которое дается только первоклассным мастерамъ слова, какъ это видно напримѣръ, изъ слѣдующаго приводимаго г. Венгеровымъ, отрывка: „На вѣтвяхъ деревъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ, и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно - мелодически перекликаются иволги, стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, и все многочисленное, крылатое мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ".

Прекрасный отзывъ данъ о „Запискахъ ружейнаго охотника" великимъ знатокомъ природы, И. С. Тургеневымъ. Въ письмѣ къ Некрасову, напечатанномъ въ „Современникѣ" 1852 г., Тургеневъ говоритъ: Аксаковъ „смотритъ на природу (одушевленную и неодушевленную) не съ какой-нибудь исключительной точки зрѣнія, а такъ, какъ на нее смотрѣть должно: ясно, просто и съ полнымъ участіемъ; онъ не мудритъ, не хитритъ, не подкладываетъ ей посторонних намѣреній и цѣлей; онъ наблюдаетъ умно, добросовѣстно и тонко; онъ только хочетъ узнать, увидѣть. А передъ такимъ взоромъ природа раскрывается и даетъ ему „заглянуть" въ себя. Оттого, вы будете смѣяться, но я васъ увѣряю, что когда я прочелъ, напримѣръ, статью о тетеревѣ, мнѣ, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно... Если бы тетеревъ могъ разсказать о себѣ, онъ бы, я въ томъ увѣренъ, ни слова не прибавилъ къ тому, что о немъ повѣдалъ намъ г. Аксаковъ. То же самое должно сказать о гусѣ, уткѣ, вальдшнепѣ, — словомъ, обо всѣхъ птичьихъ породахъ, съ которыми онъ насъ знакомитъ. Нѣмцы считаютъ гуся, эту обдуманную, осторожную птицу,

глупымъ; русскій человѣкъ, напротивъ, замѣтилъ, что даже громъ обращаетъ на себя вниманіе гусей; дѣйствительно, при каждомъ ударѣ онъ, скрививъ голову, смотритъ въ небо. Правда, онъ отъ этого не становится умнѣе, но эту участь онъ раздѣляетъ со многими философами. Говоря безъ шутокъ, я не могу довольно налюбоваться „птичьими физіономіями“ г. Аксакова. Я вовсе не намѣренъ сравнивать его съ Бюффономъ и не дерзаю отрицать великихъ заслугъ „отца естественной исторіи“, но я долженъ сознаться, что такія блестящія риторическія описанія, каково напримѣръ, всѣмъ намъ съ дѣтства извѣстное описаніе коня: „Конь самое благородное завоеваніе человѣка“ и т. д., въ сущности очень мало знакомятъ насъ съ тѣми животными, которымъ они посвящены. Мнѣ, право, кажется, что такого рода краснорѣчивыя разрисовки представляютъ гораздо меньше затрудненій, чѣмъ настоящія, теплыя и живыя описанія; точно также, какъ несравненно легче сказать горамъ, что онѣ „побѣги праха къ небесамъ“, утесу—что онъ хохочетъ, молніи — что она „фосфорическая змѣя“, чѣмъ поэтически ясно передать намъ величавость утеса надъ моремъ, спокойную громадность горъ или рѣзкую вспышку молніи... И оно понятно: ничего не можетъ быть труднѣе человѣку, какъ отдѣлиться отъ самого себя и вдуматься въ явленія природы... Гремите, не сходя съ мѣста, всѣми громами реторики: вамъ большого труда это не будетъ стоить; попробуйте понять и выразить, что происходитъ хотя бы въ птицѣ, которая смолкаетъ передъ дождемъ, и вы увидите, какъ это нелегко... Слогъ Аксакова мнѣ чрезвычайно нравится. Это настоящая русская рѣчь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нѣтъ вычурнаго и ничего лишняго, ничего напряженнаго и ничего вялаго—свобода и точность выраженія одинаково замѣчательны. Эта книга написана охотно и охотно читается. Я уже неоднократно замѣчалъ, какъ мастерски умѣетъ г. Аксаковъ описывать. Теперь мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство: бываютъ тонко-развитыя, нервическія, раздражительно-поэтическія личности, которыя обладаютъ какимъ-то особеннымъ воззрѣніемъ на природу, особеннымъ чутьемъ ея красотъ; онѣ подмѣчаютъ многіе оттѣнки, многія часто почти неуловимыя частности, и имъ удается выразить ихъ

иногда чрезвычайно счастливо, мѣтко и граціозно; правда, большія линіи картины отъ нихъ ускользаютъ, либо онѣ не имѣютъ довольно силы, чтобы схватить и удержать ихъ. Про нихъ можно сказать, что имъ болѣе всего доступенъ запахъ красоты, и слова ихъ душисты. Частности у нихъ выигрываютъ на счетъ общаго впечатлѣнія. Къ подобнымъ личностямъ не принадлежитъ г. Аксаковъ, и я очень этому радъ. Онъ и тутъ не хитритъ, онъ не подмѣчаетъ ничего необыкновеннаго, ничего такого, до чего добираются „немногіе“, но и то, что онъ видитъ, видитъ онъ ясно, и твердой рукой, сильной кистью пишетъ стройную и широкую картину. Мнѣ кажется, что такого рода описанія ближе къ дѣлу и вѣрнѣе: въ самой природѣ нѣтъ ничего ухищреннаго и мудренаго, она никогда ничѣмъ не щеголяетъ, не кокетничаетъ; въ самыхъ своихъ прихотяхъ она добродушна. Всѣ поэты съ истинными и сильными талантами не становились въ „позитуру“ предъ лицомъ природы; они не старались, какъ говорится, „подслушать, подсмотрѣть“ ея тайны; великими и простыми словами передавали они ея простоту и величіе; она не раздражала ихъ, она ихъ воспламеняла, но въ этомъ пламени не было ничего болѣзненнаго“.

Успѣхъ всѣхъ этихъ „Записокъ“ открылъ самому Аксакову истинное свойство его художественнаго дарованія, онъ понялъ, что его удѣлъ воспроизводить результаты своего многолѣтняго жизненнаго опыта и наблюденія, а область этого наблюденія далеко не могла ограничиваться міромъ рыбъ, птицъ, звѣрей или неодушевленной природой. Жизнь дала Аксакову не малое количество образовъ людей во всякихъ положеніяхъ; одни непосредственныя наблюденія въ кругу своей семьи, въ кругѣ близкихъ родичей давали ему богатѣйшій матеріалъ для художественной обработки, и послѣдніе годы своей жизни Аксаковъ посвящаетъ усиленнымъ литературнымъ занятіямъ. Онъ пишетъ „Семейную хронику“, которая появляется въ свѣтъ въ 1856 г.; черезъ два года онъ издаетъ продолженіе этой книги, подъ заглавіемъ „Дѣтскіе годы Багрова внука“; тогда же пишетъ онъ свои „Воспоминанія“.

Этотъ новый рядъ произведеній Аксакова еще болѣе поднялъ его литературную извѣстность. Многіе привѣтствовали ихъ съ восторгомъ, готовы были признать Аксакова

главою всей новой русской литературы. По свидѣтельству Н. А. Добролюбова, „художественныя достоинства произведеній С. Т. Аксакова были такъ ярки, что обратили вниманіе многихъ на нравственныя качества самого автора и доставили ему всеобщее уваженіе, уже просто какъ человѣку: поразительное доказательство этого уваженія мы видѣли недавно въ студентахъ казанскаго университета, праздновавшихъ свой университетскій юбилей. Но еще болѣе разительный примѣръ представили петербургскіе студенты: задумавши издавать „Сборникъ“ своихъ ученыхъ трудовъ, они сочли долгомъ испросить на него одобреніе г. Аксакова, и были въ великомъ восторгѣ, когда авторъ „Семейной хроники“ одобрилъ ихъ намѣреніе издавать ученый сборникъ. Вскорѣ послѣ этого одинъ студентъ, писавшій въ „Молву“ письма о томъ, что онъ „Молвѣ“ очень сочувствуетъ, и петербургскихъ журналовъ не терпитъ за то, что они ограничиваются случайными воззрѣніями своихъ случайныхъ сотрудниковъ, этотъ самый студентъ, отъ лица всего петербургскаго университета, называлъ С. Т. Аксакова другомъ человѣчества и русскаго народа и даже „мѣриломъ истины и справедливости“.

Въ новыхъ книгахъ Аксакова проявились тѣ же особенности его литературной физіономіи, которыя обозначились и въ прежнихъ „Запискахъ“ и уже тогда доставили автору выдающійся успѣхъ, то же художественное вниманіе и наблюдательность, о которыхъ говорилъ Тургеневъ, та же непосредственность созерцанія природы, то же истинно-любовное отношеніе къ красотѣ природы и умѣнье находить эту красоту тамъ, гдѣ другіе ея не видятъ, и дать другимъ людямъ почувствовать чары природы. Совершенно справедливо говоритъ С. А. Венгеровъ, что „человѣкъ, проявившій поразительную наблюдательность относительно нравовъ птицъ, рыбъ и звѣрей, тѣмъ въ большей степени долженъ былъ проявить ее, когда дѣло коснулось близкихъ ему людей и обстановки, среди которой онъ провелъ наиболѣе впечатлительные годы жизни“, и что въ „Семейной хроникѣ“ „поразительное богатство деталей придало всему произведенію удивительную сочность и жизненность“. Дѣйствительно, прекрасны были и не могли не привлекать своей красотой и проникающимъ ихъ задушевнымъ лиризмомъ

хотя бы, напримѣръ, такія описанія природы: „Прекрасенъ ты, чудесный край! Свѣтлы и прозрачны, какъ глубокія огромныя чаши, стоятъ озера твои—Кандры и Каратабынь. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыбъ твои рѣки, то быстротекущія по долинамъ и ущельямъ между отраслями Уральскихъ горъ, то свѣтло и тихо незамѣтно-катящіяся по ковылистымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, нанизаннымъ на нитку. Чудны эти степныя рѣки, всѣ въ безчисленныхъ глубокихъ водоеминахъ, соединяющихся узкими и мелкими протоками, въ которыхъ только и примѣтно теченіе воды. Въ твоихъ быстрыхъ родниковыхъ ручьяхъ, прозрачныхъ и холодныхъ, какъ ледъ даже въ жары знойнаго лѣта, бѣгущихъ подъ тѣнью деревъ и кустовъ,—живутъ всѣ породы форелей, изящныхъ по вкусу и красивыхъ по наружности, скоро пропадающихъ, когда человѣкъ начнетъ прикасаться нечистыми руками своими къ дѣвственнымъ струямъ ихъ свѣтлыхъ, прозрачныхъ жилищъ. Чудесной растительностью блистаютъ твои тучные, черноземные, роскошные луга и поля, то бѣлѣющіе весной молочнымъ цвѣтомъ вишенника, клубничника и дикаго персика, то покрытые лѣтомъ, какъ краснымъ сукномъ, ягодами ароматной полевой клубники и мелкою вишнею, зрѣющею позднѣе и темнѣющею къ осени. Обильной жатвой награждается лѣнивый и невѣжественный трудъ пахаря, кое-какъ и кое-гдѣ всковырявшаго жалкой сохою или неуклюжимъ сабаномъ твою плодоносную почву! Свѣжи, зелены и могучи стоятъ твои разнородные черные лѣса, и рои дикихъ пчелъ шумно населяютъ нерукотворныя борти твои, занося ихъ душистымъ липовымъ медомъ. И уфимская куница не перевелась еще въ лѣсистыхъ верховьяхъ рѣкъ Уфы и Бѣлой! Мирны и тихи патріархальные первобытные обитатели и хозяева твои, кочевыя башкирскія племена! Много уменьшились, но еще велики многочисленные конскіе табуны, и коровьи, и овечьи стада ихъ. Еще по прежнему, послѣ жестокой, буранной зимы, отощалые, исхудалые, какъ зимнія мухи, Башкирцы съ первымъ весеннимъ тепломъ, съ первымъ подножнымъ кормомъ, выгоняютъ на привольныя мѣста на половину передохшіе отъ голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними, съ женами и дѣтьми... И вы никого не узнаете черезъ двѣ или три недѣли! Изъ

лошадиныхъ остововъ явятся бодрые и неутомимые кони, и уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка! Раздобрѣли тощія, зимнія стада коровъ, полны питательной влагой вымя и сосцы ихъ. Но что башкирцу до ароматнаго коровьяго молока! Уже поспѣлъ живительный кумысъ, закисъ въ кобыльихъ турсукахъ, и все, что можетъ пить, отъ грудного младенца до дряхлаго старика, пьетъ до пьяна цѣлительный, благодатный, богатырскій напитокъ, и дивно исчезаютъ всѣ недуги голодной зимы и даже старости: полнотой одѣваются осунувшіяся лица, румянцемъ здоровья покрываются блѣдныя, впалыя щеки. Но страшный и грустный видъ представляютъ покинутыя селенія! Наскачетъ иногда на нихъ ничего подобнаго не видавшій, заѣзжій путешественникъ, и поразится видомъ опустѣлой, какъ бы вымершей деревни! Дико и печально смотрятъ на него окна разнообразныхъ юртъ съ бѣлыми трубами, лишенныя пузырчатыхъ оконницъ, какъ человѣческія лица съ вытянутыми глазами... Кое-гдѣ лаетъ на привязи сторожевой песъ, котораго изрѣдка навѣщаетъ и кормитъ хозяинъ, кое-гдѣ мяучитъ одичалая кошка, сама промышляющая себѣ пищу, — и никто больше, ни одной души человѣческой... Какъ живописны и разнообразны, каждая въ своемъ родѣ, лѣсная, степная и гористая полоса твоя, особенно послѣдняя, по скату Уральскаго хребта, всѣми металлами богатая, золотоносная полоса! Какое пространство отъ границъ Вятской и Пермской губерніи, гдѣ по зимамъ не въ рѣдкость замерзаніе ртути, до Гурьева городка на границѣ Астраханской губерніи, гдѣ растетъ мелкій виноградъ на открытомъ воздухѣ, чихиремъ котораго прохлаждаются въ лѣтніе жары, грѣются зимою и торгуютъ Уральскіе казаки! Что за чудесное рыболовство по Уралу! Единственное и по вкусу добываемой красной рыбы, и по своему исполненію. Багреньемъ называется это рыболовство, и ждетъ оно горячей и вѣрной кисти, чтобы возбудить общее вниманіе...“ Въ приведенномъ описаніи проявляется удивительная свѣжесть чувства, какъ будто оно принадлежитъ не старику, а полному надеждъ юношѣ. Описаніе настолько поэтично, что къ нему вполнѣ подходитъ примѣненное къ нему г. Протопоповымъ названіе „стихотворенія въ прозѣ“.

Но воспоминанія Аксакова привлекали къ себѣ еще другими свойствами, которыхъ не замѣчалось въ прежнихъ его „Запискахъ“: въ этихъ воспоминаніяхъ Аксаковъ заговорилъ о жизни людей, и естественно, что эта жизнь представила еще болѣе интереса, чѣмъ міръ рыбъ, птицъ и звѣрей. Изображеніе оказалось на столько оригинальнымъ по своему характеру, на столько своей манерой письма Аксаковъ сталъ особнякомъ, по выраженію его сына, Константина, что приговоры критики того времени, въ высшей степени благопріятные для самого произведенія, по содержанію представились прямо противоположными другъ другу; съ одной стороны критика увидѣла въ „Семейной хроникѣ“ положительную картину жизни, а съ другой стороны критики противнаго лагеря замѣтили въ книгѣ самое рѣзкое обличеніе. Конечно, намѣренія обличать у Аксакова не было, но факты, переданные имъ со всею правдивостью, громко говорили о ненормальности изображеннаго имъ быта. Однако авторъ этого вывода не дѣлалъ, а напротивъ своимъ эпическимъ спокойствіемъ какъ бы старался смягчить мрачное впечатлѣніе картины.

Въ этомъ спокойномъ тонѣ повѣствованія есть что-то поразительное, какія-то гомеровскія черты. Эти эпическіе пріемы повѣствованія нисколько не изумляютъ, когда авторъ разсказываетъ о „добромъ днѣ Степана Михайловича Багрова“, но совсѣмъ другое дѣло, когда онъ намъ представляетъ гнѣвъ того же Степана Михайловича. Въ этомъ случаѣ его безстрастіе, дѣйствительно, не можетъ быть сравниваемо ни съ чѣмъ, кромѣ Гомеровскаго разсказа. Вотъ эта картина: „И этотъ добрый, благодѣтельный и даже снисходительный человѣкъ омрачался иногда такими вспышками гнѣва, которыя искажали въ немъ образъ человѣческій и дѣлали его способнымъ на ту пору къ жестокимъ, отвратительнымъ поступкамъ. Я видѣлъ его такимъ въ моемъ дѣтствѣ,—и впечатлѣніе страха до сихъ поръ живо въ моей памяти! Какъ теперь гляжу на него: онъ прогнѣвался на одну изъ дочерей своихъ, кажется, за то, что она солгала и заперлась въ обманѣ; двое людей его водили подъ руки; узнать было нельзя моего прежняго дѣдушку; онъ весь дрожалъ, лицо дергали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости. „Подайте мнѣ ее

сюда!“ вопилъ онъ задыхающимся голосомъ. Бабушка кинулась было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣлъ съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ, не только виноватая, но и всѣ другія сестры и даже братъ ихъ съ молодою женою и маленькимъ сыномъ убѣжали изъ дома и спрятались въ рощу, окружавшую домъ; даже тамъ ночевали, только молодая невѣстка воротилась съ сыномъ, боясь простудить его, и провела ночь въ людской избѣ. Долго бушевалъ дѣдушка на просторѣ, въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, уставши колотить Такайченка и Мазана, уставши таскать за косы Арину Васильевну, повалился онъ въ изнеможеніи на постель и наконецъ впалъ въ глубокій сонъ, продолжавшійся до ранняго утра слѣдующаго дня. Свѣтелъ, ясенъ проснулся на зарѣ Степанъ Михайловичъ, весело крикнулъ свою Аришу, которая сейчасъ прибѣжала изъ сосѣдней комнаты съ самымъ радостнымъ лицомъ, какъ будто вчерашняго ничего не бывало. „Чаю, гдѣ дѣти, Алексѣй, невѣстушка? Подайте Сережу“—говорилъ проснувшійся безумецъ, и всѣ явились спокойные и веселые, кромѣ невѣстки съ сыномъ. Это была женщина съ сильнымъ характеромъ, и никакія просьбы не могли ее заставить такъ скоро броситься съ ласкою къ вчерашнему дикому звѣрю, да и маленькій сынъ безпрестанно говорилъ: „боюсь дѣдушки, не хочу къ нему“. Чувствуя себя въ самомъ дѣлѣ не хорошо, она сказалась больною и не пустила сына. Всѣ пришли въ ужасъ, ждали новой грозы. Но во вчерашнемъ дикомъ звѣрѣ сегодня уже проснулся человѣкъ. Послѣ чаю и шутливыхъ разговоровъ, свекоръ самъ пришелъ къ невѣсткѣ, которая дѣйствительно была нездорова, похудѣла, перемѣнилась въ лицѣ и лежала въ постели. Старикъ присѣлъ къ ней на кровать, обнялъ ее, поцѣловалъ, назвалъ красавицей-невѣстынькой, обласкалъ внука и наконецъ ушелъ, сказавши, что ему „безъ невѣстыньки будетъ скучно“. Черезъ полчаса невѣстка, щегольски, по городскому разодѣтая, въ томъ самомъ платьѣ, про которое свекоръ говорилъ, что оно особенно идетъ ей къ лицу, держа сына за руку, вошла къ дѣдушкѣ. Дѣдушка встрѣтилъ ее почти со слезами: „Вотъ и больная невѣстка себя не пожалѣла, встала, одѣлась и

пришла развеселить старика“, сказалъ онъ съ нѣжностью. Закусили губы и потупили глаза свекровь и золовки, всѣ не любившія невѣстку, которая почтительно и весело отвѣчала на ласки свекра, бросая гордые и торжествующіе взгляды на своихъ недоброхотокъ..... Но я не стану болѣе говорить о темной сторонѣ моего дѣдушки“.

То же эпическое спокойствіе видимъ мы и въ разсказѣ Аксакова о Прасковьѣ Ивановнѣ Куролесовой и о неистовствахъ и безобразіяхъ ея мужа. Аксаковъ умѣетъ найдти нѣчто смягчающее и при изображеніи этого изверга и заканчиваетъ свое повѣствованіе такими словами: „Не могу умолчать, что лѣтъ черезъ сорокъ, сдѣлавшись владѣльцемъ Парашина, внукъ Степана Михайловича нашелъ въ крестьянахъ свѣжую, благодарную память объ управленіи Михайлы Максимовича, потому что чувствовали постоянную пользу многихъ его учрежденій; забыли его жестокость, отъ которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умѣнье отличать праваго отъ виноватаго, работящаго отъ лѣниваго, совершенное знаніе крестьянскихъ нуждъ и всегда готовую помощь. Старики разсказывали улыбаясь, что у Куролесова была поговорка: „плутуй, воруй, да концы хорони, а попался, такъ не пеняй“.

Эта мягкость отношеній даже къ извергу, этотъ эпическій тонъ повѣствованія и необыкновенная правдивость разсказа были главною причиною успѣха, который имѣли книги Аксакова, и онъ самъ лучше всего опредѣлилъ причины этого успѣха. „Вы знаете,—писалъ онъ одному знакомому, — что мое самолюбіе не заносчиво, и оно остается такимъ, несмотря на всѣ печатныя, письменныя и устныя похвалы, которыя иногда доходятъ до нелѣпостей. Я всегда зналъ, что у меня есть дарованіе, и говаривалъ, что я потому не пишу, что некому меня заставить писать; и меня заставили писать полуслѣпота и деревня. Я прожилъ жизнь, сохранилъ теплоту и живость воображенія, и вотъ отчего обыкновенный талантъ производитъ необыкновенное дѣйствіе“.

II.

С. Т. Аксаковъ въ послѣдніе годы своей жизни занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ кругу тѣхъ дѣятелей нашей

литературы и науки, которыхъ ихъ противники окрестили именемъ славянофиловъ, иронически приравнивая ихъ къ прежнимъ славянофиламъ начала XIX вѣка, во главѣ которыхъ стоялъ знаменитый адмиралъ А. С. Шишковъ. Съ этими прежними славянофилами Аксаковъ когда-то былъ очень близокъ и сходился во многихъ воззрѣніяхъ, какъ это видно изъ его воспоминаній и изъ стихотворнаго посланія къ Казначееву: въ этомъ посланіи онъ энергично возстаетъ противъ обуявшей русское общество галломаніи, и въ этомъ случаѣ прямо повторяетъ нападки Шишкова. Но если Аксаковъ былъ идейно близокъ къ Шишкову, то близость его къ болѣе позднимъ славянофиламъ объясняется только его родственными связями: его сыновья—наиболѣе видные представители этого направленія русской мысли 30-хъ и 40-хъ годовъ, и благодаря имъ, и его имя попадаетъ въ списокъ славянофиловъ, хотя по своимъ идеямъ, по тому, что онъ называетъ „русскимъ направленіемъ“. онъ глубоко отличается отъ этого новаго славянофильства: въ то время, какъ въ новомъ славянофильствѣ есть многіе элементы яркаго либерализма (котораго оно, однако, признавать не хочетъ), славянофилы шишковскаго типа являются типичными консерваторами и даже реакціонерами.

Славянофильство К. С. Аксакова есть либерализмъ на почвѣ историческихъ изученій: по крайней мѣрѣ требованіе свободы слова, совѣсти, жизни внутренней, признаніе важности общественнаго мнѣнія нельзя не считать проявленіемъ либерализма, но основанія для этихъ требованій указываются въ исторіи древней Руси. Эти основанія существенны для доктрины славянофильской, и К. С. Аксаковымъ намѣчаются они прежде всего въ его историческихъ статьяхъ, въ которыхъ онъ говоритъ о семейно-общинномъ бытѣ славянъ, о древней до-петровской жизни Руси. Но наиболѣе яркое, систематическое изложеніе государственная теорія Аксакова (а съ нимъ и вообще славянофильства) нашли себѣ въ „Запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи“ К. С. Аксакова, представленной Императору Александру II въ 1855 г. Къ возможно болѣе подробному обзору содержанія этой „Записки“ мы и обратимся.

Представляя Государю свою „Записку“, Аксаковъ прежде всего считалъ необходимымъ указать, какіе мотивы побудили

К. С. Аксаковъ.

его обратиться къ верховной власти съ соображеніями о внутреннемъ состояніи Россіи. „Что, говоритъ онъ, можетъ сдѣлать гражданинъ, какъ принести своему Отечеству всѣ свои силы и всю любовь свою? Что можетъ лучшаго сдѣлать подданный, какъ принести своему Государю правду и неизмѣнность? Постоянная дань правды отъ подданнаго своему Государю становится особеннымъ долгомъ въ первыя минуты царствованія. Всякій въ эти минуты долженъ сказать правду своему Государю, всякій, кто видитъ въ настоящемъ состояніи Россіи что-либо, о чемъ объявить Государю считаетъ онъ нужнымъ и полезнымъ. Встрѣчаясь съ людьми всѣхъ сословій, любя простой народъ и дорожа всякимъ случаемъ узнавать его, не въ качествѣ господина или чиновника, а сколько возможно въ качествѣ ближняго, брата по вѣрѣ и родной землѣ, занимавшись много лѣтъ и постоянно нашими лѣтописями, нашею древнею исторіею, я имѣлъ возможность увидать самостоятельную сторону въ Русскомъ народѣ. Самостоятельность эту, кажется, такъ не трудно понять; но долго, долго была она не понята, вслѣдствіе привившихся къ намъ не русскихъ взглядовъ. Какъ бы то ни было, весь плодъ моихъ наблюденій и замѣчаній, всю истину о Россіи, какъ я ее понимаю, считаю я долгомъ сказать Тебѣ, Государь, сказать со всею силою правды“.

Въ своей запискѣ Аксаковъ хочетъ уяснить основы русскаго общественнаго и государственнаго строя и показать, въ чемъ современная русская дѣйствительность уклонилась отъ этихъ основъ и каковы средства для устраненія коренныхъ недостатковъ. Все разсужденіе ведется въ общемъ, не касаясь частностей, отдѣльныхъ сторонъ быта. Первою, главною особенностью русскаго народа Аксаковъ считаетъ отреченіе отъ политическихъ правъ и привилегій. „Русскій народъ,— говоритъ онъ, — есть народъ не государственный, т. е. не стремящійся къ государственной власти, не желающій для себя политическихъ правъ, не имѣющій въ себѣ даже зародыша народнаго властолюбія. Самымъ первымъ доказательствомъ тому служитъ начало нашей исторіи: добровольное призваніе чужой государственной власти въ лицѣ варяговъ, Рюрика съ братьями. Еще сильнѣйшимъ доказательствомъ служитъ тому Россія 1612 года, когда не было царя, когда все государственное устройство лежало вокругъ

разбитое вдребезги, и когда побѣдоносный народъ стоялъ, еще вооруженный, въ умиленіи торжества надъ врагами, освободивъ свою Москву: что сдѣлалъ этотъ могучій народъ, побѣжденный при царѣ и боярахъ, побѣдившій безъ царя и бояръ, съ стольникомъ княземъ Пожарскимъ, да мясникомъ Козьмою Мининымъ во главѣ, выбранными имъ же? Что сдѣлалъ онъ? Какъ нѣкогда въ 862 году, такъ и въ 1612 году народъ призвалъ государственную власть, избралъ царя и поручилъ ему неограниченно судьбу свою, мирно сложивъ оружіе и разошедшись по домамъ. Эти два доказательства такъ ярки, что прибавлять къ нимъ, кажется, ничего не нужно!"

Отъ историческихъ доказательствъ Аксаковъ переходитъ къ фактамъ современной жизни и въ нихъ находитъ новое подтвержденіе своей мысли объ отсутствіи политическихъ притязаній русскаго народа. Указавъ на то, что никогда народъ не бунтовалъ противъ царя, указавъ на отсутствіе политическаго элемента въ расколѣ, авторъ заключаетъ: „Не правительственныя мѣры предосторожности удерживали и удерживаютъ порядокъ въ Россіи, а духъ народный не хочетъ нарушать его; безъ этого обстоятельства не помогли бы никакія стѣснительныя мѣры, а скорѣе послужили бы поводомъ къ нарушенію порядка. Залогъ тишины и безопасности для правительственной власти — въ духѣ народномъ. Будь это хоть немного иначе, — давно бы въ Россіи была конституція; случаевъ и возможностей исторія русская и внутреннее состояніе Россіи давали къ тому довольно; но русскій народъ государствовать не хочетъ. Эта особенность духа русскаго народа несомнѣнна. Одни могутъ огорчаться и называть это духомъ рабства, другіе—радоваться и называть духомъ законнаго порядка, но и тѣ другіе ошибаются, ибо судятъ о Россіи по западнымъ взглядамъ либерализма и консерватизма. Трудно понять Россію, но отрѣшившись отъ западныхъ понятій, на основаніи которыхъ всѣ мы хотимъ видѣть въ каждой странѣ и поэтому въ Россіи — или революціонный или консервативный элементы; но и тотъ и другой суть точки зрѣнія намъ чуждыя; и тотъ и другой суть противоположныя стороны политическаго духа; ни того, ни другого нѣтъ въ русскомъ народѣ, ибо въ немъ нѣтъ самаго духа политическаго. Какъ бы ни объясняли отсут-

ствіе политическаго духа и проистекающую отсюда неограниченность правительственной власти въ Россіи,—мы оставляемъ всѣ такіе толки въ сторонѣ. Довольно съ насъ уже того, что такъ понимаетъ дѣло, того требуетъ Россія".

При такомъ пониманіи основныхъ свойствъ русскаго народа вполнѣ увѣренно можно сказать, что революція у насъ невозможна и потому понятно, что Аксаковъ высказываетъ изумленіе по поводу того, что опасенія революціи раздѣляются правительствомъ. „Не странно ли,—говоритъ онъ,—послѣ этого, что правительство въ Россіи беретъ постоянно какія-то мѣры противъ возможности революціи, опасается какого-то политическаго возстанія, которое прежде всего противно существу русскаго народа! Всѣ такія опасенія какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ, происходятъ отъ того, что не знаютъ Россіи и короче знакомы съ исторіей западно-европейской, чѣмъ съ русской; а потому видятъ въ Россіи западные призраки, которыхъ въ ней и быть не можетъ. Такія мѣры предосторожности со стороны нашего правительства, мѣры не нужныя, не имѣющія никакого основанія,—непремѣнно вредны, какъ лѣкарство, даваемое здоровому, не нуждающемуся въ немъ человѣку. Если онѣ и не произведутъ того, противъ чего безъ нужды принимаются, то онѣ разрушаютъ довѣренность между правительствомъ и народомъ; а это одно — вредъ великій и вредъ напрасный, ибо русскій народъ, по существу своему, никогда не посягнетъ на власть правительственную".

Но если русскій народъ не есть народъ государственный, не имѣетъ политическихъ притязаній, отрекся отъ всякихъ политическихъ правъ, то чего же онъ искалъ для себя, что онъ поставилъ себѣ задачей на мѣсто политическаго элемента, который представляетъ такую великую силу въ исторіи западныхъ народовъ? „Онъ,—отвѣчаетъ на это Аксаковъ,—хотѣлъ оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой бытъ,—жизнь мирную духа. Еще до христіанства, готовый къ его принятію, предчувствуя его великія истины,— народъ нашъ образовалъ въ себѣ жизнь общины, освященную потомъ принятіемъ христіанства. Отдѣливъ отъ себя правленіе государственное, народъ русскій оставилъ себѣ общественную жизнь и поручилъ государству давать ему (народу) возмож-

ность жить этою общественною жизнію. Не желая *править*, народъ нашъ желаетъ *жить*, разумѣется, не въ одномъ животномъ смыслѣ, а въ смыслѣ человѣческомъ. Не ища свободы политической, онъ ищетъ свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, народной жизни внутри себя. Какъ единый, можетъ быть, на землѣ народъ христіанскій (въ истинномъ смыслѣ слова), — онъ помнитъ слова Христа: *воздайте Кесарево Кесареви, а Божіе Богови*, и другія слова Христа: *Царство мое нѣсть отъ міра сего*; — и потому, предоставивъ государству царство отъ міра сего, онъ, какъ народъ христіанскій, избираетъ для себя иной путь, путь къ внутренней свободѣ и духу, къ царству Христову: *Царство Божіе внутрь васъ есть*. Вотъ причина его безпримѣрнаго повиновенія власти, вотъ причина совершенной безопасности русскаго правительства, вотъ причина невозможности никакой революціи въ русскомъ народѣ, вотъ причина тишины внутри Россіи".

Это существеннѣйшее свое положеніе Аксаковъ оправдываетъ ссылкою на старую русскую жизнь. „Хотя, — говоритъ онъ, — слова эти не требуютъ доказательствъ, — ибо здѣсь достаточно одного пристальнаго взгляда на русскую исторію и на современный русскій народъ, — однако можно указать на нѣкоторыя, особенно ярко выдающіяся черты. Такою чертою можетъ служить древнее раздѣленіе всей Россіи, въ пониманіи русскаго человѣка, на *государство* и *землю* (правительство и народъ),—и, оттуда явившееся, выраженіе: *государево и земское дѣло*. Подъ *государевымъ дѣломъ* разумѣлось все дѣло *управленія* государственнаго, и внѣшняго, и внутренняго, — и по преимуществу дѣло военное, какъ самое яркое выраженіе государственной силы. Государева служба доселѣ значитъ въ народѣ: служба военная. Подъ *государевымъ дѣломъ* разумѣлось однимъ словомъ все правительство, все государство. Подъ *земскимъ дѣломъ* разумѣлся весь бытъ народный, вся *жизнь* народа, куда относится, кромѣ духовной, общественная его жизнь, и матеріальное его благосостояніе: земледѣліе, промышленность, торговля. Поэтому людьми *государевыми* или *служилыми* назывались всѣ тѣ, которые служатъ въ государственной службѣ; а людьми *земскими* — всѣ тѣ, которые въ государственной службѣ не служатъ и составляютъ ядро государ-

ства: крестьяне, мѣщане (посадскіе), купцы. Замѣчательно, что и служилые и земскіе люди имѣли свои оффиціальныя наименованія: служилые люди, въ просьбахъ Государю напримѣръ, назывались его *холопями*, отъ перваго боярина до послѣдняго стрѣльца. Земскіе люди назывались его *сиротами*; такъ писались они въ своихъ просьбахъ Государю. Именованія эти вполнѣ выражали значеніе и того и другого отдѣла или класса. Слово *холопъ* получило у насъ теперь унизительное и почти бранное значеніе, но первоначально оно значило не болѣе, какъ слуга; холопъ государевъ значило: слуга государевъ. Итакъ весьма понятно, что служилые люди назывались слугами государевыми, слугами начальника государства, къ кругу дѣятельности котораго они принадлежали. Что же значило слово *сирота?* Сирота, на русскомъ языкѣ, не значитъ orphelin, ибо часто о родителяхъ, лишившихся дѣтей, говорятъ, что они осиротѣли. Слѣдовательно, сиротствомъ выражается безпомощное состояніе; сирота есть безпомощный, нуждающійся въ опорѣ, въ защитѣ. Понятно отсюда, почему земскіе люди называются сиротами. Земля нуждается въ защитѣ государства и, называя его своимъ защитникомъ, называетъ себя нуждающеюся въ защитѣ или его сиротою. Такъ, въ 1612 г., когда еще не вступалъ на престолъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, когда государство еще не было возстановлено, земля называла себя *сирою, безгосударною* и скорбѣла о томъ".

Установивъ это дѣленіе земли и государства, какъ историческій фактъ, Аксаковъ находитъ, что оно имѣетъ весьма важное значеніе не для одной Россіи. „Кромѣ того, что такое устройство согласно съ духомъ Россіи,—слѣдовательно уже по одному этому для нея необходимо, — утвердительно можно сказать, что такое устройство, само по себѣ, есть единое истинное устройство на землѣ. Великій вопросъ государственно-народный лучше рѣшенъ быть не можетъ, какъ рѣшилъ его русскій народъ. Призваніе человѣка есть нравственное приближеніе къ Богу, къ Спасителю своему; законъ человѣка—внутри его самого; этотъ законъ: полная любовь къ Богу и ближнему. Если-бъ таковы были люди, если-бъ они были святы, то тогда не нужно было бы государства, тогда было бы уже царствіе Божіе на землѣ. Но люди не таковы, и сверхъ того не таковы въ разной степени.

Разбойникъ, не имѣющій въ душѣ внутренняго закона и не сдерживаемый закономъ внѣшнимъ, можетъ убить честнаго, добродѣтельнаго человѣка и творить всякое зло. И такъ, ради слабости и грѣховности людской, необходимъ законъ внѣшній, необходимо государство,—власть отъ міра сего. Но призваніе человѣка остается все то же, нравственное, внутреннее: государство служитъ къ тому только пособіемъ. Чѣмъ же должно быть государство въ понятіи народа, который нравственное стремленіе ставитъ выше всего, который стремится къ свободѣ духа, свободѣ Христовой,—однимъ словомъ, чѣмъ должно быть государство въ понятіи народа, въ истинномъ смыслѣ христіанскаго? *Защитою*, а отнюдь не цѣлью властолюбивыхъ желаній. Всякое стремленіе народа и государственной власти отвлекаетъ его отъ внутренняго нравственнаго пути и подрываетъ, свободою политической, внѣшней,—свободу духа, внутреннюю. Государствованіе становится тогда цѣлью для народа,—и исчезаетъ высшая цѣль: внутренняя правда, внутренняя свобода, духовный подвигъ жизни. Правительствомъ народъ быть не долженъ. Если народъ—государь, народъ—правительство,—тогда нѣтъ народа.—Съ другой стороны, если государство, въ понятіи народа,—защита, а не цѣль желаній, то и государство само должно быть этою защитою для народа, должно оберегать свободу его жизни, да на просторѣ развиваются въ немъ всѣ духовныя его силы подъ хранительною сѣнію государства".

При такой организаціи государства, правительство должно обладать неограниченною властью, а подобная власть можетъ принадлежать только лицу. „Поэтому здѣсь необходимъ Государь, Монархъ. Только власть Монарха есть власть неограниченная. Только при неограниченной власти монархической народъ можетъ отдѣлить отъ себя государство и избавить себя отъ всякаго участія въ правительствѣ, отъ всякаго политическаго значенія, предоставивъ себѣ жизнь нравственно-общественную и стремленіе къ духовной свободѣ. Такое монархическое правительство и поставилъ себѣ народъ русскій. Сей взглядъ рускаго человѣка есть взглядъ человѣка *свободнаго*. Признавая государственную неограниченную власть, онъ удерживаетъ за собою свою совершенную независимость духа, совѣсти, мысли.—Слыша въ себѣ эту независимость нравственную, русскій человѣкъ, по справедли-

вости, не есть рабъ, а человѣкъ свободный. Монархическое неограниченное правительство, въ русскомъ пониманіи является не врагомъ, не противникомъ, а другомъ и защитникомъ свободы, свободы духовной, истинной, выражающейся въ открыто возвѣщаемомъ мнѣніи. Только при такой полной свободѣ можетъ быть народъ полезенъ правительству. Свобода политическая не есть свобода. Только при совершенномъ отрѣшеніи народа отъ государственной власти, только при неограниченной монархіи, вполнѣ предоставляющей народу всю его нравственную жизнь, — можетъ на землѣ существовать свобода истинная народа, та, наконецъ, свобода, которую давалъ намъ Искупитель нашъ: *идѣже духъ Господень,—ту свобода*".

„Намъ, продолжаетъ Аксаковъ, ясно теперь, какое значеніе имѣетъ въ Россіи правительство и какое народъ. Другими словами, намъ ясно, что Россія представляетъ въ себѣ двѣ стороны: Государство и Землю. Правительство и народъ или Государство и Земля, хотя ясно разграничены въ Россіи, тѣмъ не менѣе, если не смѣшиваются, то соприкасаются. Какое же взаимное ихъ отношеніе? — Прежде всего: народъ не вмѣшивается въ правительство, въ порядокъ управленія; государство не вмѣшивается въ жизнь и бытъ народа, не заставляетъ народъ жить насильственно, по сдѣланнымъ отъ государства правиламъ: странно было бы, если-бъ государство требовало отъ народа, чтобъ онъ вставалъ въ 7 часовъ, обѣдалъ въ 2 и тому подобное; не менѣе странно, если-бъ оно требовало, чтобы народъ такъ причесывалъ свои волосы, или носилъ бы такую одежду. Итакъ, первое отношеніе между правительствомъ и народомъ есть отношеніе *взаимнаго невмѣшательства*. Но такое отношеніе (отрицательное) еще не полно; оно должно быть дополнено отношеніемъ положительнымъ между Государствомъ и Землею. Положительная обязанность государства относительно народа есть защита и охраненіе жизни народа, есть внѣшнее его обезпеченіе, доставленіе ему всѣхъ способовъ и средствъ, да процвѣтаетъ его благосостояніе, да выразитъ онъ все свое значеніе и исполнитъ свое нравственное призваніе на землѣ. Администрація, судопроизводство, законодательство, — все это, понятое въ предѣлахъ *чисто государственныхъ*, принадлежитъ неотъемлемо къ области правительства. Не подлежитъ спору,

что правительство существуетъ для народа, а не народъ для правительства. Понявъ это добросовѣстно, правительство никогда не посягнетъ на самостоятельность народной жизни и народнаго духа.—Положительная обязанность народа относительно государства есть исполненіе государственныхъ требованій, доставленіе ему силъ для приведенія въ дѣйствіе государственныхъ намѣреній, снабженіе государства деньгами и людьми, если они нужны. Такое отношеніе народа къ государству есть только прямое необходимое слѣдствіе признанія государства: это отношеніе подчиненное, а не самостоятельное; при такомъ отношеніи, *народъ самъ* государству еще *не виденъ*. Какое же *самостоятельное* отношеніе неполитическаго народа къ государству? Гдѣ государство, такъ сказать, *видитъ народъ самый?* Самостоятельное отношеніе безвластнаго народа къ полновластному государству есть только одно: *общественное мнѣніе*. Въ общественномъ или народномъ мнѣніи нѣтъ политическаго элемента, нѣтъ другой силы, кромѣ нравственной, слѣдовательно нѣтъ и принудительнаго свойства, противоположнаго нравственной силѣ. Въ общественномъ мнѣніи (разумѣется, выражающемъ себя гласно) видитъ государство, чего желаетъ страна, какъ понимаетъ она свое значеніе, какія ея нравственныя требованія, и чѣмъ слѣдовательно должно руководиться государство, ибо цѣль его — способствовать странѣ исполнить свое призваніе. Охраненіе свободы общественнаго мнѣнія, какъ нравственной дѣятельности страны, есть, такимъ образомъ, одна изъ обязанностей государства. Въ важныхъ случаяхъ государственной и земской жизни, для правительства бываетъ нужно самому вызывать мнѣніе страны, но только *мнѣніе*, которое (разумѣется) правительство свободно принять и не принять. *Общественное мнѣніе*,—вотъ чѣмъ самостоятельно можетъ и долженъ служить народъ своему правительству, и вотъ та живая, нравственная и нисколько не политическая связь, которая можетъ и должна быть между народомъ и правительствомъ. Мудрые цари наши это понимали: да будетъ имъ вѣчная за то благодарность! Они знали, что при искреннемъ и разумномъ желаніи счастія и блага странѣ, нужно знать и въ извѣстныхъ случаяхъ вызывать ея мнѣніе. И потому цари наши часто созывали Земскіе Соборы, состоявшіе изъ выборныхъ всѣхъ сословій Россіи, гдѣ пред-

лагали на обсужденіе тотъ или другой вопросъ, касающійся государства и земли. Цари наши, хорошо понимая Россію, нимало не затруднялись созывать такіе Соборы. Правительство знало, что оно черезъ то не теряетъ и не стѣсняетъ никакихъ своихъ правъ, а народъ зналъ, что онъ черезъ то никакихъ правъ ни пріобрѣтаетъ, ни распространяетъ. Связь между правительствомъ и народомъ не только отъ того не колебалась, но еще тѣснѣе скрѣплялась. Это были дружественныя, полныя довѣренности отношенія правительства и народа".

Сказавъ затѣмъ о нѣкоторыхъ другихъ способахъ, при помощи которыхъ выражалось общественное мнѣніе въ древней Руси, и отмѣтивъ, что благодаря этому мудрому порядку взаимныхъ отношеній государства и земли, Россія крѣпла и росла во всѣхъ отношеніяхъ, постепенно, безъ крутыхъ поворотовъ, шла къ просвѣщенію, Аксаковъ обращается къ оцѣнкѣ Петровской реформы, которую онъ считаетъ переворотомъ. „У меня, говоритъ онъ, нѣтъ намѣренія входить въ исторію Петровскаго переворота; нѣтъ намѣренія возставать на величіе Петра, величайшаго изъ великихъ людей. Но переворотъ Петра, несмотря на весь внѣшній блескъ свой, свидѣтельствуетъ, какое глубокое внутреннее зло производитъ величайшій геній, какъ скоро онъ дѣйствуетъ одиноко, отдаляется отъ народа и смотритъ на него, какъ архитекторъ на кирпичи. При Петрѣ началось то зло, которое есть и зло нашего времени. Какъ всякое неизлѣченное зло, оно усилилось съ теченіемъ времени и составляетъ опасную коренную язву нашей Россіи. Я долженъ опредѣлить это зло. — Если народъ не посягаетъ на государство, то и государство не должно посягать на народъ. Только тогда союзъ ихъ проченъ и благодатенъ. На Западѣ идетъ эта постоянная вражда и тяжба между государствомъ и народомъ, не понимающими своихъ отношеній. Въ Россіи этой вражды и тяжбы не было. Народъ и правительство, не смѣшиваясь, жили въ благоденственномъ союзѣ: бѣдствія были или внѣшнія, или происходили отъ несовершенства природы человѣческой, а не отъ ложнаго пути, не отъ смѣшенія понятій. Русскій народъ такъ и остался вѣренъ своему взгляду и не посягнулъ на государство;—но государство, въ лицѣ Петра, посягнуло на народъ, вторгнулось въ его

жизнь, въ его бытъ, измѣняло насильственно его нравы, его обычаи, самую его одежду; сгоняло, черезъ полицію, на ассамблеи; ссылало въ Сибирь даже портныхъ, шившихъ русское платье. Служилые люди, соединенные прежде, въ своемъ частномъ, не государственномъ значеніи, съ землею единствомъ понятій, образа жизни, обычаевъ и одежды, — всего болѣе подверглись насильственнымъ требованіямъ Петра, именно со стороны жизненной, нравственной, и переворотъ осуществился въ нихъ во всей силѣ. Хотя тѣ же требованія отъ правительства простирались и на всѣ сословія, даже на крестьянъ, но не столь настойчиво, и впослѣдствіи оставлено было намѣреніе, уже высказанное, чтобы ни одинъ крестьянинъ не смѣлъ выѣзжать въ городъ съ бородою: за бороду стали, вмѣсто того, брать пошлину. Наконецъ, земскимъ людямъ оставлена была возможность ходить и жить по прежнему; но положеніе ихъ измѣнилось. Произошелъ общественный разрывъ. Служилые люди, или верхніе классы, оторвались отъ русскихъ началъ, понятій, обычаевъ, и вмѣстѣ отъ русскаго народа,—зажили, одѣлись и заговорили по иностранному. Москва стала не угодна Государю, и онъ перенесъ столицу на край Россіи, въ новый, построенный имъ городъ, Санктъ-Петербургъ, которому онъ далъ и названіе нѣмецкое. Въ Петербургѣ около Государя образовалось цѣлое пришлое населеніе новопреобразованныхъ Русскихъ,—чиновниковъ, лишенныхъ даже почвы народной, ибо туземное населеніе Петербурга—иностранное. Такъ совершился разрывъ Царя съ народомъ, такъ разрушился этотъ древній союзъ земли и государства; такъ, вмѣсто прежняго союза, образовалось *иго* государства надъ землею, и Русская земля стала какъ бы завоеванною, а государство завоевателемъ. Такъ русскій монархъ получилъ значеніе деспота, а свободно-подданный народъ—значеніе раба—невольника въ своей землѣ! Новопреобразованные Русскіе, увлеченные частью насиліемъ, частью соблазномъ на иностранный путь, скоро сжились съ своимъ положеніемъ, ибо вольность заемныхъ нравовъ, тщеславіе, блескъ свѣта, наконецъ, новыя права дворянскія сильно льстили страстямъ и слабости человѣческой. Презрѣніе къ Россіи и къ русскому народу скоро стало какъ бы принадлежностью образованнаго русскаго человѣка, цѣлью котораго было — подражаніе Западной Европѣ. Въ то же

время, новопреобразованные русскіе, подпавъ государственному гнету даже со своей жизненной, съ нравственной стороны, и ставъ въ новое, въ рабское отношеніе къ власти,— ощутили въ себѣ политическое властолюбіе. Въ классахъ, оторванныхъ отъ народнаго быта, преимущественно въ дворянствѣ, сейчасъ обнаружилось стремленіе къ государственной власти; пошли революціонныя попытки и, чего не бывало прежде, престолъ россійскій сталъ беззаконнымъ игралищемъ партій".

Если смута была возможна въ высшихъ классахъ, которые измѣнили русскимъ началамъ, то народъ, не измѣнившій прежнему духу, былъ спокоенъ и являлся истинной опорой престола, и будущее зависитъ отъ того, измѣнится ли народъ, или нѣтъ. „Пока, говоритъ Аксаковъ, русскій народъ остается русскимъ, до тѣхъ поръ тишина внутренняя и безопасность правительства обезпечены. Но Петровская система и вмѣстѣ иностранный духъ, съ нею нераздѣльный, продолжаютъ дѣйствовать, и мы видѣли, какое дѣйствіе производятъ они въ той массѣ русскихъ людей, которую увлекли. Мы видѣли, какъ съ чувствомъ рабскимъ, которое порождаетъ власть правительственная, входящая въ самую жизнь человѣка, — какъ съ этимъ рабскимъ чувствомъ соединяется чувство бунтовщика, ибо рабъ не видитъ рубежа между собою и правительствомъ, который видитъ человѣкъ свободный, живущій внутреннею самостоятельною жизнью; рабъ видитъ только одну разницу между собою и правительствомъ: онъ угнетенъ, а правительство угнетаетъ; низкая подлость всякую минуту готова перейти въ наглую дерзость; рабы сегодня — бунтовщики завтра; изъ цѣпей рабства куются безпощадные ножи бунта. Русскій народъ, простой народъ собственно, держится своихъ древнихъ началъ и противится доселѣ—и рабскому чувству и иностранному вліянію верхняго класса. Но Петровская система продолжается уже полтораста лѣтъ; она начинаетъ, наконецъ, проникать и въ народъ своею, повидимому, пустою, но вредною стороною. Уже въ нѣкоторыхъ селахъ бросаютъ русскую одежду, уже и крестьяне начинаютъ говорить о модѣ, — а вмѣстѣ съ этими пустыми, повидимому, дѣлами входитъ чуждый образъ жизни, чуждыя понятія, и шатаются исподволь русскія начала. Какъ скоро правительство отнимаетъ по-

стоянно *внутреннюю, общественную* свободу народа, оно заставитъ наконецъ искать свободы внѣшней, политической. Чѣмъ долѣе будетъ продолжаться Петровская правительственная система,—хотя по наружности и не столь рѣзкая, какъ при немъ,—система, столь противоположная Русскому народу, вторгающаяся въ общественную свободу жизни, стѣсняющая свободу духа, мысли, мнѣнія, и дѣлающая изъ подданнаго—раба: тѣмъ болѣе будутъ входить въ Россію чуждыя начала; тѣмъ болѣе людей будетъ отставать отъ народной русской почвы, тѣмъ болѣе будутъ колебаться основы Русской земли, — тѣмъ грознѣе будутъ революціонныя попытки, которыя сокрушатъ, наконецъ, Россію, когда она перестанетъ быть Россіей".

Говоря о современномъ ему состояніи Россіи, Аксаковъ рисуетъ въ высшей степени мрачную картину. „Современное состояніе Россіи представляетъ внутренній разладъ, прикрываемый безсовѣстной ложью. Правительство, а съ нимъ и верхніе классы, отдалилось отъ народа и стало ему чуждымъ. И народъ и правительство стоятъ теперь на разныхъ путяхъ, на разныхъ началахъ. Не только не спрашивается мнѣнія народа, но всякій частный человѣкъ опасается говорить свое мнѣніе. Народъ не имѣетъ довѣренности къ правительству; правительство не имѣетъ довѣренности къ народу. Народъ въ каждомъ дѣйствіи правительства готовъ видѣть новое угнетеніе; правительство постоянно опасается революціи и въ каждомъ самостоятельномъ выраженіи мнѣнія готово видѣть бунтъ; просьбы, подписанныя многими или нѣсколькими лицами, у насъ теперь не допускаются, тогда какъ въ древней Россіи онѣ-то бы и были уважаемы. Правительство и народъ не понимаютъ другъ друга, и отношенія ихъ не дружественны. И на этомъ-то внутреннемъ разладѣ, какъ дурная трава, выросла непомѣрная, безсовѣстная лесть, увѣряющая во всеобщемъ благоденствіи, обращающая почтеніе къ царю въ идолопоклонство, воздающая ему, какъ идолу, божескую честь. Одинъ писатель выразился въ „Вѣдомостяхъ" подобными словами: „Дѣтская больница была освящена по обряду православной церкви; въ другой разъ была освящена посѣщеніемъ Государя Императора". Принято выраженіе, что „Государь *изволилъ* пріобщаться Святыхъ Таинъ", тогда какъ христіанинъ иначе сказать не можетъ, что онъ

сподобился или *удостоился*. Скажутъ, это нѣкоторые случаи; нѣтъ, таковъ у насъ всеобщій духъ отношеній къ правительству. Это только легкіе примѣры поклоненія земной власти; этихъ примѣровъ имѣется слишкомъ довольно и въ словахъ, и въ дѣлахъ; ихъ исчисленіе составило бы цѣлую книгу. При потерѣ взаимной искренности и довѣренности, все обняла ложь, вездѣ обманъ. Правительство не можетъ, при всей своей неограниченности, добиться правды и честности; безъ свободы общественнаго мнѣнія это и невозможно. Всѣ лгутъ другъ другу, видятъ это, продолжаютъ лгать, и неизвѣстно, до чего дойдутъ. Всеобщее развращеніе или ослабленіе нравственныхъ началъ въ обществѣ дошло до колоссальныхъ размѣровъ. Взяточничество и чиновный организованный грабежъ страшны. Это до того вошло, такъ сказать, въ воздухъ, что у насъ не только тѣ воры, кто безчестные люди: нѣтъ, очень часто прекрасные, добрые, даже въ своемъ родѣ честные люди—тоже воры: исключеній немного. Это сдѣлалось уже не личнымъ грѣхомъ, а общественнымъ; здѣсь является безнравственность самого положенія общественнаго, цѣлаго внутренняго устройства".

Безнравственно это устройство потому, что государство вторглось въ непринадлежащую ему область внутренней, духовной жизни и деспотически въ ней распоряжается. „Все зло происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы жизни, свободы мнѣнія, свободы нравственной, ибо на свободу политическую притязаній въ Россіи нѣтъ. Гнетъ всякаго мнѣнія, всякаго проявленія мысли, дошелъ до того, что иные представители власти государственной запрещаютъ изъявлять мнѣніе, даже благопріятное правительству, ибо запрещаютъ всякое мнѣніе. Они не позволяютъ даже хвалить распоряженія начальства, утверждая, что до одобренія подчиненныхъ начальству дѣла нѣтъ, что подчиненные не должны смѣть разсуждать и даже находить хорошимъ то или другое въ своемъ правительствѣ или начальствѣ. Къ чему же ведетъ такая система? Къ полному безучастію и полному уничтоженію всякаго человѣческаго чувства въ человѣкѣ, отъ человѣка не требуютъ даже того, чтобъ онъ имѣлъ хорошія мысли, а чтобъ онъ не имѣлъ никакихъ мыслей. Эта система, еслибъ могла успѣть, то обратила бы

человѣка въ животное, которое повинуется не разсуждая и не по убѣжденію! Но еслибъ люди могли быть доведены до такого состоянія, то неужели найдется правительство, которое предположитъ себѣ такую цѣль? Тогда въ человѣкѣ погибъ бы человѣкъ: изъ чего же живетъ человѣкъ на землѣ, какъ не изъ того, чтобы быть человѣкомъ въ возможно полномъ, возможно высшемъ смыслѣ? Да и къ тому же люди, у которыхъ отнято человѣческое достоинство, не спасутъ правительства. Въ минуты великихъ испытаній понадобятся люди, въ настоящемъ смыслѣ;—а гдѣ оно тогда возьметъ людей, гдѣ возьметъ оно сочувствія, отъ котораго отучило, дарованій, одушевленія, дѣла наконецъ?... Но доведеніе людей до животнаго состоянія не можетъ быть сознательною цѣлью правительства. Да и дойти до состоянія животныхъ люди не могутъ; но въ нихъ можетъ быть унижено человѣческое достоинство, можетъ отупѣть умъ, огрубѣть чувство,—и слѣдовательно человѣкъ приблизится къ скоту. Къ тому ведетъ, по крайней мѣрѣ, система угнетенія въ человѣкѣ самобытности жизни общественной, мысли, слова! Такая система, пагубно дѣйствуя на умъ, на дарованія, на всѣ нравственныя силы, на нравственное достоинство человѣка, порождаетъ внутреннее неудовольствіе и уныніе. Та же угнетательная правительственная система изъ государя дѣлаетъ идола, которому приносятся въ жертву всѣ нравственныя убѣжденія и силы. „Моя совѣсть“, скажетъ человѣкъ. „Нѣтъ у тебя совѣсти, возражаютъ ему, какъ смѣешь ты имѣть свою совѣсть? Твоя совѣсть—государь, о которомъ ты и разсуждать не долженъ“.—„Мое отечество“, скажетъ человѣкъ. „Это не твое дѣло, говорятъ ему: что касается Россіи—то тебя, безъ дозволенія, не касается; твое отечество—государь, котораго ты и любить свободно не смѣешь, а которому ты долженъ быть рабски преданъ“.—„Моя вѣра“, скажетъ человѣкъ. „Государь есть глава церкви, отвѣтятъ ему (вопреки православному ученію, по которому глава Церкви—Христосъ). Твоя вѣра—государь“.—„Мой Богъ“, скажетъ наконецъ человѣкъ. „Богъ твой—государь; онъ есть земной Богъ“. И государь является какою-то невѣдомою силою, ибо объ ней и говорить и разсуждать нельзя, и которая между тѣмъ вытѣсняетъ всѣ нравственныя силы. Лишенный нравственныхъ силъ, человѣкъ становится безду-

шенъ и, съ инстинктивною хитростью, гдѣ можетъ,—грабитъ, воруетъ, плутуетъ. Эта система не всегда обнаруживается ярко и откровенно; но внутренній смыслъ ея, но духъ ея таковъ и нисколько не преувеличенъ. Велика внутренняя порча Россіи, порча, которую лесть старается скрыть отъ взоровъ государя; сильно отчужденіе правительства и народа другъ отъ друга, которое также скрываютъ громкія слова рабской лести. Вторженіе правительственной власти въ общественную жизнь продолжается; народъ заражается болѣе и болѣе, и общественное развращеніе усиливается въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, изъ которыхъ взяточничество и служебное воровство стало почти всеобщимъ и какъ бы дѣломъ признаннымъ. Тайное неудовольствіе всѣхъ сословій растетъ".

Если такъ велико зло, такъ силенъ недугъ, разъѣдающій русскую жизнь, то къ его врачеванію надо приступать возможно скорѣе. Но какія же средства для устраненія зла, для уврачеванія больного организма? Аксаковъ указываетъ на единственное и дѣйствительное средство исцѣленія—„понять Россію и возвратиться къ русскимъ основамъ, согласнымъ съ ея духомъ". „Какъ скоро, говоритъ онъ, правительство пойметъ Россію, такъ оно пойметъ, что всякое побужденіе къ государственной власти противно духу русскаго народа; что страхъ какой-нибудь революціи въ Россіи есть страхъ, не имѣющій ни малѣйшаго основанія, и что множество шпіоновъ распространяютъ около себя только безнравственность; что правительство неограниченно и безопасно именно по убѣжденію русскаго народа. Народъ желаетъ для себя одного: свободы жизни, духа и слова. Не вмѣшиваясь въ государственную власть, онъ желаетъ, чтобы государство не вмѣшивалось въ самостоятельную жизнь быта его и духа, въ которую вмѣшивалось и которую гнело правительство полтораста лѣтъ, доходя до мелочей, до одежды. Нужно, чтобы правительство поняло вновь свои коренныя отношенія къ народу, древнія отношенія государства и земли, и возстановило ихъ. Ничего болѣе не нужно. Такъ какъ эти отношенія нарушены только со стороны правительства, вторгнувшагося въ народъ, то оно можетъ это нарушеніе отстранить. Это не трудно и не сопряжено ни съ какимъ насильственнымъ дѣйствіемъ. Стоитъ

лишь уничтожить гнетъ, наложенный государствомъ на землю, и тогда легко можно стать въ истинныя русскія отношенія къ народу. Тогда возобновится самъ собою полный довѣренности и искренній союзъ между государемъ и народомъ. Наконецъ, въ довершеніе этого союза, надобно, чтобы правительство, не удовлетворяясь тѣмъ, что мнѣніе народное существуетъ, само захотѣло знать это мнѣніе народное, и въ извѣстныхъ случаяхъ само бы вызывало и требовало отъ страны мнѣнія, какъ это было нѣкогда при царяхъ".

Сказавъ затѣмъ, что въ настоящее время земскаго собора быть не можетъ, и выразивъ пожеланіе, чтобы правительство созывало отдѣльныя собранія сословій, Аксаковъ настаиваетъ на томъ, что первою мѣрою правительства должно быть освобожденіе слова отъ внѣшнихъ стѣсненій. „Давая свободу жизни и свободу духа, правительство даетъ свободу общественному мнѣнію. Какъ же можетъ выразиться общественная мысль? Словомъ устнымъ и письменнымъ. Слѣдовательно необходимо снять гнетъ съ устнаго и письменнаго слова. Пусть государство возвратитъ землѣ ей принадлежащее: мысль и слово; и тогда земля возвратитъ правительству то, что ему принадлежитъ: свою довѣренность и силу. Человѣкъ созданъ отъ Бога существомъ разумнымъ и говорящимъ. Дѣятельность разумной мысли, духовная свобода есть призваніе человѣка. Свобода духа болѣе всего и достойнѣе всего выражается въ свободѣ слова. Поэтому — свобода слова: вотъ неотъемлемое право человѣка. Въ настоящее время этотъ единственный органъ земли находится подъ тяжкимъ гнетомъ. Наибольшій гнетъ тяготѣетъ надъ словомъ письменнымъ (я разумѣю и печатное слово). Понятно, что при такой системѣ цензура должна была дойти до невѣроятныхъ несообразностей. И точно; многочисленные примѣры такихъ несообразностей извѣстны всѣмъ. Надобно, чтобъ этотъ тяжкій гнетъ, лежащій на словѣ, былъ снятъ. Разумѣется ли подъ этимъ уничтоженіе цензуры? Нѣтъ. Цензура должна остаться, чтобъ охранять личность человѣка. Но цензура должна быть какъ можно болѣе свободна относительно мысли и всякаго мнѣнія, какъ скоро оно не касается личности. Я не вхожу въ обозначеніе предѣловъ этой свободы, но скажу только, что чѣмъ шире будутъ они, тѣмъ

лучше. Если найдутся злонамѣренные люди, которые захотятъ распространять вредныя мысли, то найдутся люди благонамѣренные, которые обличатъ ихъ, уничтожатъ вредъ и тѣмъ доставятъ новое торжество и новую силу правды. Истина, дѣйствующая свободно, всегда довольно сильна, чтобъ защитить себя и разбить въ прахъ всякую ложь. А если истина не въ силахъ сама защитить себя, то ее ничто защитить не можетъ. Но не вѣрить въ побѣдоносную силу истины, значило бы не вѣрить въ истину. Это безбожіе своего рода: ибо Богъ есть истина. Со временемъ должна быть полная свобода слова и устнаго и письменнаго, когда будетъ понято, что свобода слова неразрывно соединена съ неограниченною монархіею, есть ея вѣрная опора, ручательство за порядокъ и тишину, и необходимая принадлежность нравственнаго улучшенія людей и человѣческаго достоинства".

Въ „Дополненіи" къ этой „Запискѣ" Аксаковъ особенно энергично отстаиваетъ именно этотъ пунктъ своихъ пожеланій, такъ какъ онъ является основою всѣхъ возможныхъ улучшеній въ русской жизни. „При нравственной свободѣ и нераздѣльной съ ней свободѣ слова, только и возможна неограниченная, благодѣтельная монархія; безъ нея она — губительный, душевредный и недолговѣчный деспотизмъ, конецъ котораго — или паденіе государства, или революція. Свобода слова есть вѣрная опора неограниченной монархіи; безъ нея, — она (монархія) непрочна. Времена и событія мчатся съ необычайной быстротой. Настала строгая минута для Россіи. Россіи нужна правда. Медлить некогда. Не обинуясь скажу я, что, по моему мнѣнію, свобода слова необходима безъ отлагательствъ. Какую же пользу принесетъ свобода слова? спросятъ, быть можетъ, нѣкоторые. Это объяснить, кажется, не трудно. Откуда происходятъ внутренній развратъ, взяточничество, грабительство и ложь, переполнившіе Россію? Отъ общаго униженія нравственнаго. Слѣдовательно, надобно нравственно возвысить Россію. Какъ же возвысить нравственно? Признать и уважать въ человѣкѣ—человѣка; а это иначе быть не можетъ, какъ тогда, когда признаютъ за человѣкомъ право слова, свободнаго слова, неразлучнаго съ нравственной, духовной свободой, которая есть неотъемлемая принадлежность высокаго духов-

наго существа человѣческаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе избавиться отъ взяточничества и другихъ неправдъ? Вы устраните однихъ взяточниковъ: на мѣсто ихъ явятся другіе, еще хуже, порождаемые безпрерывно испорченною нравственною почвою, образующіеся изъ униженія человѣческаго достоинства. Одно средство противъ этого зла: возвысить нравственно человѣка; а безъ свободы слова это невозможно. И такъ, свобода слова, уже сама по себѣ, непремѣнно возвыситъ нравственно человѣка. Конечно, воры всегда будутъ встрѣчаться, но это уже будетъ частный, личный грѣхъ; тогда какъ теперь взяточничество и другія подобныя гнусныя дѣла—грѣхъ общественный. Кромѣ того, когда по всей Россіи грянетъ одинъ общій открытый голосъ на взятки и грабежъ, когда вся Россія укажетъ всенародно на піявицъ, сосущихъ ея лучшую кровь, тогда поневолѣ придутъ въ ужасъ самые отчаянные воры и взяточники. Правда любитъ день и свѣтъ, а неправда ночь и темноту. Стѣсненіе общественнаго слова распространяло въ Россіи столь благопріятную для неправды ночь. Съ свободою слова взойдетъ день, котораго такъ боится неправда; свѣтъ вдругъ озаритъ безбожныя дѣла въ обществѣ на показъ всему міру; имъ негдѣ будетъ укрыться, и они должны будутъ бѣжать изъ общества. Къ тому же все станетъ видно и для правительства, праведный громъ котораго грянетъ вѣрно. Наконецъ, при свободѣ слова, общественное мнѣніе укажетъ на многія полезныя мѣры, на многихъ достойныхъ людей, равно какъ на многія ошибки и на многихъ людей недостойныхъ".

„Дополненіе" подводитъ итогъ всему высказанному въ „Запискѣ", и группируя окончательные свои выводы, Аксаковъ устанавливаетъ слѣдующія положенія:

I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя, и государствовать не хочетъ.

II. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

III. Въ замѣнъ того, русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть, безъ вмѣшательства въ нее народа,—можетъ быть только неограниченная монархія.

V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому)—неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли, слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству,—это мнѣніе, (слѣдовательно сила чисто нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять.

VI. Эти истинныя начала могутъ быть нарушены и съ той, и съ другой стороны.

VII. При нарушеніи ихъ со стороны народа, при ограниченіи власти правительства, слѣдовательно при вмѣшательствѣ народа въ правительство,—не можетъ быть нравственной свободы народной. Вмѣшиваясь въ правительство, народъ прибѣгаетъ къ внѣшней принудительной силѣ, измѣняетъ своему пути внутренней духовной свободы и силы—и непремѣнно портится нравственно.

VIII. При нарушеніи этихъ началъ со стороны правительства, при стѣсненіи правительствомъ въ народѣ свободы нравственной, свободы жизни и духа, — неограниченная монархія образуется въ деспотизмъ, въ правительство безнравственное, гнетущее всѣ нравственныя силы и развращающее душу народа.

IX. Начала русскаго гражданскаго устройства не были нарушены въ Россіи со стороны народа (ибо это коренныя народныя начала);—но были нарушены со стороны правительства. То есть: правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова), и перешло такимъ образомъ въ душевредный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа, и наконецъ обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи, и общественнымъ развращеніемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ, наконецъ, свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь. И тотъ, и другой исходъ ужасны, ибо и тотъ и другой гибельны: одинъ въ мате-

ріальномъ и нравственномъ, другой въ одномъ нравственномъ отношеніи.

X. И такъ, нарушеніе, со стороны правительства, русскаго гражданскаго устройства, похищеніе у народа нравственной его свободы, однимъ словомъ: отступленіе правительства отъ истинныхъ русскихъ началъ,—вотъ источникъ всякаго зла въ Россіи.

XI. Поправленіе дѣла, очевидно, зависитъ отъ правительства.

XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнетъ на Россію; оно должно снять этотъ гнетъ. Правительство отступило отъ истинныхъ началъ русскаго гражданскаго устройства; оно должно воротиться къ этимъ началамъ, а именно:

Правительству—неограниченная власть государственная; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа. Правительству — право дѣйствія и слѣдовательно закона; народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова.

Вотъ единственный, существенно жизненный совѣтъ для Россіи въ настоящее время.

XIII. Но какъ же его привести въ исполненіе?

Отвѣтъ на это находится въ самомъ указаніи общихъ началъ. Духъ живетъ и выражается въ словѣ. Свобода духовная или нравственная народа есть свобода слова.

XIV. И такъ, свобода слова, вотъ что нужно Россіи, вотъ прямое приложеніе общаго начала къ дѣлу, до того съ нимъ нераздѣльное, что свобода слова есть и начало (принципъ), и явленіе (фактъ).

XV. Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а потому и общественное мнѣніе, существуетъ, правительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе. Какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?

Отвѣчая на тотъ послѣдній вопросъ, Аксаковъ указываетъ на земскіе соборы, „на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи“ и которые „имѣли значеніе *только мнѣнія*, которое Государь можетъ принять и не принять“. Какъ *практическій* выводъ, выставляется Аксаковымъ слѣдующее положеніе: „для внутренняго состоянія Россіи, отъ котораго зависитъ и внѣшнее ея состояніе, нужна

полная *свобода слова*, устнаго, письменнаго и печатнаго—всегда и постоянно; и *земскій соборъ*,—въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ узнать мнѣнія страны.

Такова эта замѣчательная „Записка“, представляющая собою сводъ тѣхъ заключеній, къ которымъ пришелъ К. С. Аксаковъ, какъ послѣ историческихъ своихъ изслѣдованій, такъ и послѣ наблюденій надъ современной русской жизнью. Въ отдѣльности тѣ же мысли выражены Аксаковымъ въ его историческихъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ говоритъ объ общинно-семейномъ бытѣ древней Руси, о реформахъ Петра Великаго, о земскихъ соборахъ. Тѣ же идеи выражаются имъ и въ его стихотвореніяхъ, причемъ иногда въ стихахъ повторяется почти буквально то же, что находимъ въ прозаическомъ изложеніи. Такова, напримѣръ, стихотворная защита свободы слова:

Ты—чудо изъ Божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложе,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье для лжи и порока.
Враждуетъ ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой . . .
Неправдѣ опасно одно,
Свободное слово!
Ограды властямъ никогда,
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода;
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей—
На ножъ онъ мѣняетъ оковы . . .
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово!
О, слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ
Тотъ путь человѣку иной—
Путь рабства преступный укажетъ.

На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Такую же аналогію къ „Запискѣ“ представляютъ и слѣдующія, напримѣръ, строки изъ стихотворенія „Петру“.

Могучій мужъ! желалъ ты блага,
Ты мысль великую питалъ,
Въ тебѣ и сила, и отвага,
И духъ великій обиталъ.
Но истребляя зло въ отчизнѣ,
Ты всю отчизну оскорбилъ;
Гоня пороки русской жизни
Ты жизнь безжалостно давилъ.
На самобытный трудъ, стремленье,
Не вызывалъ народъ ты свой,
Въ его не вѣрилъ убѣжденья
И весь закрылъ его собой.

Одна идея проникаетъ всѣ сочиненія К. С. Аксакова, эта идея составляла основное содержаніе всей его жизни. Это— идея свободнаго развитія духовныхъ силъ русскаго народа. Въ сущности въ любви къ русскому народу не было различія между нимъ и западниками, и потому понятны тѣ сочувственныя строки, которыя посвятилъ К. С. Аксакову въ своихъ воспоминаніяхъ его принципіальный противникъ, А. И. Герценъ. „Константинъ Аксаковъ, говоритъ авторъ „Былого и Думъ“, не смѣялся, какъ Хомяковъ, и не сосредоточивался въ безвыходномъ сѣтованіи, какъ Кирѣевскіе. Мужающій юноша, онъ рвался къ дѣлу. Въ его убѣжденьяхъ не неувѣренное пытанье почвы, не печальное сознаніе проповѣдника въ пустынѣ, не темное придыханіе, не дальнія надежды--а фактическая вѣра, нетерпимая, втѣсняющая, односторонняя, та, которая предваряетъ торжество. Аксаковъ былъ одностороненъ, какъ всякій воинъ, его покойно взвѣшивающимъ эклектизмомъ нельзя сражаться. Онъ былъ окруженъ враждебной стѣной, стѣной сильной и имѣвшей надъ нимъ большія выгоды, ему надобно было пробиваться рядомъ всевозможныхъ непріятелей и водрузить свое знамя. Какая тутъ терпимость! Вся жизнь его была безусловнымъ протестомъ противъ петровской Руси, противъ петербургскаго періода во имя непризнанной, подавленной жизни русскаго народа. Его діалектика уступала діалектикѣ Хомя-

кова, онъ не былъ поэтъ-мыслитель, какъ И. Кирѣевскій, но онъ за свою вѣру пошелъ бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, они становятся страшно убѣдительны. Онъ въ началѣ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель. Онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ и, послѣдовательный до дѣтства, первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ рубашку съ кривымъ воротомъ. „Москва—столица русскаго народа, говорилъ онъ, а Петербургъ только резиденція Императора". „И замѣтьте, отвѣчалъ я ему, какъ далеко идетъ это различіе, въ Москвѣ васъ непремѣнно посадятъ на съѣзжую, а въ Петербургѣ сведутъ на гауптвахту". Аксаковъ остался до конца жизни вѣчнымъ восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей, онъ увлекался, былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ. К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. „Мнѣ было слишкомъ больно, сказалъ онъ, проѣхать мимо и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься". Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту ссоры.

III.

Третій крупный представитель семьи Аксаковыхъ, знаменитый публицистъ, Иванъ Сергѣевичъ, родился въ 1823 г. въ Уфимской губерніи, гдѣ и прошло его дѣтство до четырехъ лѣтъ, когда его родители переѣхали въ Москву. По свидѣтельству его біографа, онъ „былъ очень молчаливымъ и угрюмымъ ребенкамъ и между многочисленными, гораздо болѣе его оживленными, братьями и сестрами, особенно въ сравненіи съ старшимъ братомъ, маленькимъ ораторомъ

Константиномъ, онъ слылъ не очень даровитымъ мальчикомъ. Семи лѣтъ онъ заболѣлъ скарлатиной, и, чтобы оградить другихъ дѣтей отъ прилипчивой болѣзни, сослали маленькаго Ивана въ мезонинъ дома, гдѣ жило семейство. Онъ тамъ очень скучалъ въ одиночествѣ и ради развлеченія написалъ братьямъ и сестрамъ въ нижній этажъ краснорѣчивое и живое посланіе, которое такъ удивило родителей, что они перемѣнили взглядъ на дарованія молчаливаго мальчика. Сергѣй Тимоѳеевичъ вообще относился съ осмысленнымъ сочувствіемъ къ личности каждаго изъ своихъ дѣтей, и онъ рано понялъ даровитость, скрытую подъ неотесанною, неуклюжею наружностью третьяго его сына. Въ письмѣ, гдѣ онъ характеризуетъ своихъ дѣтей, онъ пишетъ: „А что мнѣ сказать про Ивана? Могу сказать только, что Иванъ меня удивляетъ“. И по прочтеніи одного изъ дѣтскихъ произведеній сына, Сергѣй Тимоѳеевичъ сказалъ: „Иванъ будетъ великій писатель“.

„О первоначальномъ обученіи Ивана Сергѣевича осталось мало свѣдѣній. Его дома готовили къ поступленію въ общественное заведеніе, и, судя по его успѣхамъ, ученіе было серьезно и основательно, хотя безъ педантства и формализма. Иванъ Сергѣевичъ самъ относилъ свое раннее развитіе тому, что въ его семействѣ *дѣтская* не существовала, т. е. не существовалъ тотъ сомкнутый, разгороженный уголокъ, гдѣ подъ надзоромъ наемныхъ педагоговъ возрастаетъ молодое поколѣніе въ какой-то искусственной, прѣсной атмосферѣ, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительной жизнью. Въ семействѣ Аксаковыхъ дѣти были постоянно съ родителями, со старшими, жили ихъ жизнью, интересовались ихъ интересами съ десятилѣтняго возраста, мальчикъ Иванъ страстно читалъ газеты, страстно слѣдилъ за политическими событіями въ Европѣ; его уже волнуетъ революціонное броженіе въ Испаніи; онъ восторженный карлистъ. Наказаніемъ за какую-нибудь провинность служитъ ему лишеніе читать газеты. Въ немъ уже сказывается будущій страстный публицистъ“.

Въ 1838 г. отецъ привезъ Ивана Сергѣевича на вступительный экзаменъ въ незадолго передъ тѣмъ открытое Императорское училище правовѣдѣнія. Испытаніе прошло блистательно, судя по дошедшимъ до насъ отзывамъ профессора

исторіи Кайданова и преподавателя русскаго языка, Иванова. Первый изъ этихъ экзаминаторовъ чуть не съ восторгомъ говорилъ: „Какъ отлично отвѣчалъ мнѣ Аксаковъ! Распространяетъ отвѣтъ шире поставленнаго вопроса, разбираетъ всѣ относящіяся къ событію обстоятельства. Отлично отвѣчалъ. Что твой профессоръ. Просто я слушалъ, а онъ мнѣ лекцію читалъ. Я ужасно люблю такихъ“. При такой подготовкѣ Аксаковъ сильно выдѣлялся изъ среды товарищей и во время пребыванія, не столько, однако, по успѣхамъ въ ученьи, сколько по серьезности своего умственнаго и нравственнаго склада: онъ учится не для балловъ, не изъ честолюбія, зная, что отъ этого его „истинное образованіе ни на шагъ не подвинется“... Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ много читаетъ, изучаетъ литературу, вырабатываетъ свое міросозерцаніе, къ концу училищнаго курса опредѣляется, что въ будущемъ онъ мечтаетъ не о карьерѣ, а о полезной дѣятельности. „Я, пишетъ Аксаковъ, совершенно здоровъ, какъ физически, такъ, полагаю, и морально. Я полонъ твердой рѣшимости и жажды труда, но труда тяжелаго, великаго и благодѣтельнаго. Мужчина, не смущаясь посторонними обстоятельствами, долженъ продолжать твердо свой путь и жить, пока живъ, не въ страхѣ безпрестанномъ и не въ томленіи, а въ дѣятельномъ стремленіи къ достиженію цѣли. Итакъ, покуда живы, будемъ работать и предпринимать такіе труды, какъ будто бы вовсе мы не должны были умирать“.

При такомъ настроеніи, вполнѣ естественно, что Аксакова не могла удовлетворять чиновничья служба со своимъ формализмомъ, и это должно было обнаружиться тотчасъ же послѣ окончанія курса въ 1842 г. и поступленія на службу въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ онъ исправлялъ должность секретаря. Отрицательный взглядъ Аксакова на чиновничество ярко выразился въ первомъ, извѣстномъ намъ его литературномъ произведеніи, написанномъ именно въ это время, въ „мистеріи въ трехъ періодахъ“: „Жизнь чиновника“. Въ первомъ „періодѣ“ представлены колебанія молодого человѣка, вступающаго въ жизнь и мучимаго вопросомъ о характерѣ своей будущей дѣятельности, вопросомъ о томъ, отдать ли свои силы службѣ или стремиться къ осуществленію юношескихъ идеаловъ. Будущій чиновникъ находится въ глубокомъ размышленіи:

Служить? иль не служить? да, вотъ вопросъ!
Какъ сильно онъ мою тревожитъ душу!
Не я-ль мечталъ для общей пользы жить?
Ужель теперь я свой обѣтъ нарушу?
Не службою достигну ль цѣли я?
Но благородныя движенья,
Тревожная дѣятельность моя
Найдутъ ли въ ней себѣ вознагражденье?
Отраду ли пошлетъ въ моей глуши
То поприще, что предо мной открылось?
Спокоитъ ли стремленіе души?
Въ груди моей всегда такъ много билось!

Чиновникъ не знаетъ, какому изъ своихъ стремленій отдать предпочтеніе: съ одной стороны „таинственный голосъ“ говоритъ ему о высокихъ цѣляхъ „славы и труда“, напоминаетъ ему о томъ, что онъ „Божьей искрой свыше надѣленъ; а съ другой стороны является „демонъ службы“ и пытается соблазнить молодого человѣка перспективой матеріальной обезпеченности и движенія по служебной лѣстницѣ:

Будешь жить спокойно, кругло и счастливо;
Лучше лавра гордаго мирная олива!
Пылкія и смѣлыя рушатся мечты,
Такъ съ судьбой заранѣе примирися ты.
Самъ достопочтенный, ревностный чиновникъ
Подчиненныхъ счастія будешь ты виновникъ.
И начальство высшее, дорожа тобой,
Грудь украситъ лентою, осѣнитъ звѣздой!
Не ища фортуны милости случайной,
Будешь ты Дѣйствительный, будешь ты и Тайный!
Не толкуя о вещахъ превратно
И любя приличія и миръ,
Приходи на службу аккуратно,
Надѣвай зеленый вицъ—мундиръ.
Лишь войдешь въ Присутствіе,—учтиво
Всѣхъ привѣтствуй, прочь отбросивъ спѣсь;
А войдетъ начальникъ,—торопливо
Ты почтительный поклонъ отвѣсь...
На столѣ реестры и таблицы
Взоръ привычныя манятъ на себя;
Буквъ чернильныхъ бѣлыя страницы
Просятъ жадно-жадно у тебя;
Благородной службою довольный,
На бумагахъ номера отмѣть!
Свой реестръ перебери настольный:

И. С. Аксаковъ.

Надо всюду зоркій глазъ имѣть!
Вечеромъ съ супругою достойной,
Чуждый всѣхъ безсмысленныхъ тревогъ,
Будешь чай вкушать съ душой спокойной,—
А малютки рѣзвятся у ногъ!..
Годъ за годомъ такъ промчится мимо,
Чинъ за чиномъ станетъ приходить,
И начальствомъ, и судьбой хранимый,
Будешь долго въ лонѣ мира жить!
И когда наступитъ часъ урочный,
Въ сердцѣ той-же ревностью горя,
Обрѣтешь знакъ службы безпорочной,
Пансіонъ по милости царя.
Да! повѣрь! Сатурномъ убѣленный,
Жизнь свою на службу посвятивъ,
Гражданинъ полезный и почтенный,
Будешь ты уваженъ и счастливъ.

Демонъ говоритъ чиновнику о тщетѣ всякихъ идеальныхъ порывовъ и мечтаній, указываетъ, что они должны исчезнуть съ годами:

. . . . . Туманъ проходитъ,
И съ настоящимъ примирясь,
Ватага прежняя безумцевъ
Нисходитъ въ жизненную грязь,
Въ ханжей, въ рабовъ изъ вольнодумцевъ!
Поглотитъ ихъ толпа людей
Обычной пошлостью своей!
Къ превосходительнымъ чинамъ
Стремятся Бруты, Александры!

Всѣ эти внушенія и соблазны оказываются гораздо болѣе сильными, чѣмъ призывъ таинственнаго генія общей пользы; слова „демона службы“ проникаютъ въ душу молодого человѣка, и онъ рѣшается идти на службу.

Черезъ пятнадцать лѣтъ открывается дѣйствіе второго періода мистеріи. Авторъ рисуетъ, съ большимъ сарказмомъ, обстановку канцеляріи, тѣхъ „грязныхъ палатъ, гдѣ брызжатъ чернила, гдѣ перья скрипятъ“. Чиновники сознаютъ свою силу, свое значеніе; они поютъ:

Огромной машины
Колеса вертимъ!
Здѣсь нашему брату
Раздольный пріютъ.
И добрую плату

Беремъ мы за трудъ!
Богачъ ли спѣсивый,
Бѣднякъ ли зайдетъ,
Отъ всѣхъ намъ пожива
И дань и почетъ!
И казнь и прощенье,
И радость и страхъ,
Все въ нашемъ владѣньи
Все въ нашихъ рукахъ!

Чиновники не дѣлаютъ никакого полезнаго дѣла, и даже, наоборотъ, ихъ работа можетъ считаться прямо вредною, такъ какъ состоитъ во всякихъ способахъ обходить „услужливый законъ“, въ томъ, чтобы иной разъ „преступленіе законно извинить“ и т. п. Въ этой-то канцеляріи служитъ тотъ чиновникъ, съ которымъ мы встрѣтились 15 лѣтъ тому назадъ. Онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ, увѣщаній „таинственнаго“ генія науки онъ даже и не слышитъ и съ ироніей отзывается о всякихъ мечтателяхъ, которые отрицательно судятъ о чиновничествѣ. Онъ говоритъ:

Пятнадцать лѣтъ служу я; каждый день
Хожу въ Присутствіе; и съ совѣстью спокойной
Могу сказать, что долгъ служебный свой
Я исполнялъ усердно и достойно!
И счастливъ я: моя прекрасная жена
Толпой рѣзвящихся дѣтей окружена!..
Лишь орденъ бы еще мнѣ дали для почета,
Да денегъ отъ казны, да генеральскій чинъ—
Тогда бъ Иванъ Ильичъ! служилъ ты безъ расчета,
Чиновникъ ревностный и добрый семьянинъ!
А праздникъ нынѣ! всѣ толпятся на гулянье:
Туда и модники, туда бородачи!
Вотъ сколько молодыхъ въ курьезномъ одѣяньи,
Спѣсивый все народъ и вѣрно богачи!
Я ихъ не жалую: они народъ ученый,
И смотрятъ все на насъ, какъ будто право мы
Здѣсь безполезный классъ, на плутни лишь смышленый;
Что-жъ ихъ работаютъ великіе умы?
Болтаютъ цѣлый день, да ни объ чемъ не тужатъ,
А между тѣмъ, туда-жъ, о пользѣ говорятъ.
Служить не такъ легко: за то они не служатъ,
А нашу братію безжалостно бранятъ!

Послѣ работы чиновникъ отдыхаетъ, а въ это время къ нему является курьеръ, который привозитъ отъ начальства

новый орденъ, и чиновникъ чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ... Но проходитъ еще тридцать лѣтъ, чиновникъ украшенъ всевозможными лентами и звѣздами, и тутъ-то просыпается въ немъ сознаніе своей безполезности, даромъ потраченной жизни. „Мой путь свершенъ, говоритъ онъ,

И на краю могилы
Я вспоминаю все, о чемъ давно забылъ!
Куда бывалыя свои растратилъ силы,
Съ какою цѣлію и для чего я жилъ?
Когда назадъ я мыслью обращаюсь,
Прошедшее окину взоромъ я,
Скорблю тогда и духомъ я смущаюсь:
Какая жизнь ничтожная моя!
Безцвѣтной я и ровною тропою
Шелъ за другими вслѣдъ и такъ же, какъ они,
Съ лѣтами дождался, чего по службѣ стою:
Пустыя, мертвыя лишь почести однѣ!
Да! Счастье пошлое судьба мнѣ даровала,
Занятья дѣльныя мой изсушили умъ,
И грудь чиновника ничто не волновало:
Лишь служба—вотъ предметъ моихъ привычныхъ думъ.
А памятны мнѣ прежніе тѣ годы,
Когда былъ молодъ я и на своемъ пути
Такъ смѣло выжидалъ житейскія невзгоды...
Но жизнь прожить—не поле перейти!
Душа тогда прекрасное любила,
Порывы доблести мнѣ волновали грудь!
Но жизнь бумажная въ ней свѣжесть погубила,
И охватилъ меня избранный мною путь.
И грустно думать мнѣ, что тщетно я трудился,
Что даромъ отдалъ жизнь на жертву службѣ я,
Что труженикомъ здѣсь ничтожнымъ я явился,
Что не своей я шелъ дорогой бытія!
Что отъ моей усердной, долгой жизни,
Отъ моего служебнаго труда,
Ни пользы никому, ни блага для отчизны,
Ни свѣтлой памяти, ни яснаго слѣда!
О тяжело! во мнѣ проснулись снова
Всѣ прежнія движенія души!
Я будто слышу вновь таинственное слово,
Давно будившее меня въ ночной тиши!

Раскаяніе пришло поздно, въ этомъ третьемъ „періодѣ“ чиновникъ умираетъ, а затѣмъ въ эпилогѣ авторъ показываетъ похороны чиновника. При великолѣпной церемоніи присутствуетъ толпа народу, идутъ разные разговоры, и осо-

бенно характернымъ является, на вопросъ, кто былъ покойникъ, объясненіе какого-то неизвѣстнаго: „Чиновникъ, точно. А что, если правду сказать, вѣдь вѣрно былъ такой же мошенникъ! Впрочемъ, бываютъ всякіе!..“

Это юношеское произведеніе, при всемъ несовершенствѣ своей формы, представляется очень важнымъ для характеристики настроенія Аксакова, такъ какъ выражаетъ намъ тѣ сомнѣнія и колебанія, которыя испытывалъ авторъ, вступая въ жизнь. Эти колебанія, по справедливому указанію С. А. Венгерова, „характеризуютъ необыкновенно высокій душевный строй молодого Аксакова“. Стоитъ присмотрѣться къ окружавшей средѣ, чтобы понять значеніе подобныхъ сомнѣній и колебаній. „Въ тѣ времена, поясняетъ г. Венгеровъ, когда, не смотря на столѣтнюю давность грамоты о вольности дворянской, имѣлась спеціальная классификація: „неслужащій дворянинъ“ и когда особи этой породы составляли такую же рѣдкость, какъ бѣлый слонъ или черный лебедь, всякій поступалъ на службу безъ малѣйшаго раздумья, одни для того, чтобы „числиться“, другіе для того, чтобы достичь степеней извѣстныхъ. Объ „общемъ благѣ“ не думали при поступленіи не службу не только люди средняго калибра, но даже люди высшихъ умственныхъ и нравственныхъ требованій. Одновременно съ Аксаковымъ поступалъ, напримѣръ, на службу Тургеневъ, но никакихъ, однако, сомнѣній при этомъ не испытывалъ“.

Ясно, что Аксаковъ не могъ смотрѣть на предстоявшую ему службу такъ, какъ это было обычно въ его время, какъ на синекуру или на средство достиженія „степеней извѣстныхъ“. Въ службѣ онъ видѣлъ серьезный, упорный трудъ на „пользу общую“. Будучи, какъ выше упомянуто, назначенъ секретаремъ Правительствующаго Сената, Аксакова довольно скоро испытываетъ разочарованіе въ своей дѣятельности, начинаетъ жаловаться, что „годы юности проходятъ, не оставляя бодрыхъ слѣдовъ“, недоволенъ онъ и „условностью, связующей нашу дѣйствительную жизнь“, и естественно, что онъ ищетъ новой работы, не фиктивной, а настоящей. Въ концѣ 1843 г. такая работа, повидимому, найдена: Аксаковъ назначается въ ревизіонную коммиссію кн. Гагарина въ Астрахань. Здѣсь онъ пробылъ почти цѣлый годъ, и объ его отношеніи къ дѣлу мы имѣемъ интересное

свидѣтельство его сослуживца, барона Бюлера. „Не могу, говоритъ Бюлеръ, пройти молчаніемъ, что насъ, съ правителемъ канцеляріи, было при сенаторѣ 12 чиновниковъ разныхъ лѣтъ, и что Аксаковъ положительно работалъ болѣе, чѣмъ всѣ остальные 11 вмѣстѣ. Онъ занимался по 16 часовъ въ день, постоянно писалъ, читалъ, рылся въ Сводѣ Законовъ, и лишь когда одолѣетъ бывало какое-нибудь трудное дѣло, то для отдохновенія и забавы примется за стихи. Работалъ онъ скоро и легко, причемъ весьма серьезно и добросовѣстно относился къ служебнымъ занятіямъ. Сравнительную зрѣлость свою и воспріимчивость къ труду объяснялъ онъ тѣмъ, что ему родители дали физически окрѣпнуть и довольно поздно начали учить грамотѣ, такъ что вообще наука досталась ему легко“.

По возвращеніи изъ Астрахани, Аксаковъ нѣсколько мѣсяцевъ продолжаетъ занятія въ Москвѣ въ той же ревизіонной коммиссіи, которая должна теперь разрабатывать матеріалы, собранные въ Астрахани. За это время сравнительнаго служебнаго отдыха Аксаковъ отдается снова литературѣ и пишетъ небольшую поэму „Зимняя дорога“. Въ этомъ произведеніи отражаются споры западниковъ и славянофиловъ, при чемъ видно, что послѣднимъ Аксаковъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ брата своего, Константина, сочувствуетъ гораздо болѣе, чѣмъ западникамъ. Не даромъ въ спорѣ оказывается значительно сильнѣе славянофилъ Архиповъ, которому влагается въ уста слѣдующая краснорѣчивая защита русской народной самобытности:

Мы любимъ жить чужимъ умомъ,
Свое чужимъ аршиномъ мѣрить,
И пировать въ пиру чужомъ,
Кому не нужны мы—о томъ
И хлопотать и лицемѣрить!

Но если въ комъ не даромъ кровь
Волнуетъ пылкое стремленье,
Зоветъ пространная любовь,
Чтобъ угнетаемому—вновь
Воздать все прежнее значенье,—

Такъ чѣмъ глядѣть по сторонамъ,
Въ чужомъ пиру искать похмѣлья
И по проложеннымъ тропамъ

Идти во слѣдъ чужимъ стопамъ,
Ковать ненужныя издѣлья,—

Пусть пелену съ себя сорветъ,
Пусть ближе онъ допуститъ къ сердцу,
Что отзывъ въ немъ родной найдетъ,
Что чужестранецъ не пойметъ
Что будетъ дико иновѣрцу!

Пусть онъ почувствуетъ въ себѣ
Всю святость узъ своихъ къ народу...
Но не проложеннымъ слѣдомъ,
Не по стопамъ чужимъ и узкимъ,
Народъ, въ развитіи своемъ
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ,
Самостоятельнымъ и русскимъ!

Услышь, Господь, усердный зовъ,
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разсѣяло враговъ
И иго нравственныхъ оковъ
Съ себя, презрѣнное, сорвало.

Вернувшись весною 1845 г. на прежнюю должность въ Сенатѣ, Аксаковъ вскорѣ испытываетъ то же настроеніе, которое было въ немъ до поѣздки въ Астрахань. Въ немъ просыпается то же скептическое отношеніе къ чиновничьей службѣ, и онъ пишетъ своему товарищу по Училищу Правовѣдѣнія, кн. О. А. Оболенскому: „Пока мы не выбьемся изъ тѣсной колеи служебнаго механизма, ничего толку не будетъ. Я рѣшительно убѣждаюсь, что на службѣ можно приносить только двѣ пользы: 1) отрицательную, т. е. не брать взятки, 2) частную, и то только тогда, когда позволишь себѣ нарушить законъ. Что проку, что законъ соблюдается, когда это соблюденіе закона не уничтожаетъ зла, не вознаграждаетъ невинность. Если бы ты зналъ, любезный другъ, съ какимъ отвращеніемъ вступилъ я съ Ѳомина понедѣльника опять на службу. Несдержимый потокъ дѣлъ, гнусныя хари, недостатокъ писцовъ, безплодная и скучная дѣятельность, отнимающая время и всякое расположеніе къ другимъ занятіямъ, разстраивающая духъ; съ другой стороны выѣзды, знакомые, вечера, мнѣ сильно надоѣвшіе, отсутствіе всякаго поэтическаго расположенія, все это наводитъ на меня сильную тоску. Рѣшительно не хочу мѣста прокурорскаго, хочу уединиться

въ губерніи (ибо службу оставить нельзя), службою заниматься слегка и заняться тѣмъ, что сильнѣе меня къ себѣ манитъ".

Вскорѣ послѣ этого Аксаковъ былъ назначенъ въ Калугу товарищемъ предсѣдателя Уголовной палаты. Здѣсь его ждало знакомство съ извѣстной губернаторшей, А. О. Смирновой, и въ своихъ письмахъ онъ говоритъ, какъ его интересуетъ эта умная женщина, особенно „по тѣмъ отзывамъ, которые находятся въ письмахъ Гоголя". Но сперва пришлось (правда не надолго) ему разочароваться, какъ это видно изъ письма къ Оболенскому. „Я ждалъ, говоритъ онъ, А. О. съ нетерпѣніемъ. Письма ея, которыя мнѣ удалось прочесть, привели меня въ восторгъ неописанный. Я никогда, ты знаешь, не мечталъ, не очаровывался, но тутъ вообразилъ себѣ, что все въ ней гармонія, все диво, все выше міра и страстей... повторялъ себѣ стихи: „Пусть въ ней душа какъ пламень ясный" и т. д. Думалъ, что одинъ видъ ея породитъ такія волненія въ душѣ, дастъ столько стиховъ, да какихъ, не прежнихъ. Все это было очень глупо, какъ ты видишь. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня А. О., было самое непріятное. Я засталъ ее въ самую дисгармоническую минуту, въ какомъ-то нервическомъ разстройствѣ, когда ее сердило все на свѣтѣ: и что лампа не такъ горитъ, и что дверь не довольно широка. Что она умна, какъ чортъ, какъ бѣсъ, это видно съ перваго взгляда; но она явилась мнѣ такою эгоисткою, такъ мало, казалось, въ ней любви и состраданія, что это меня огорчило и поразило очень непріятно. Впечатлѣніе это изгладилось; я у нея бываю почти каждый день, по ея настоятельному требованію, и хоть непріятно знать, что съ вами бесѣдуютъ отъ нечего дѣлать или за неимѣніемъ лучшаго (ты знаешь вѣдь, что я гораздо умнѣе на бумагѣ и въ стихахъ, чѣмъ въ разговорѣ, гдѣ я ни остроуменъ, ни краснорѣчивъ), но тѣмъ не менѣе общество ея имѣетъ необыкновенную прелесть. Она поставила меня прямо въ такія простыя, короткія отношенія, какъ будто я былъ съ ней знакомъ 20 лѣтъ; за это я ей очень благодаренъ, ибо мнѣ теперь такъ свободно съ ней, что я говорю вовсе не стѣсняясь. Впрочемъ, пока она не источникъ вдохновенія, и мнѣ даже непріятно думать, что я прочту ей всѣ мои стихи, особенно тѣ, гдѣ много грустной и скорбной думы".

Аксаковъ дѣлается постояннымъ посѣтителемъ дома А. О. Смирновой, бесѣдуетъ съ этой умной женщиной и объ общественныхъ дѣлахъ, и о литературѣ, и о своихъ планахъ; онъ читаетъ ей свои стихи, выслушиваетъ ея замѣчанія, споритъ съ ней. Вообще эти отношенія представляютъ не малый интересъ по тому колебанію, которое замѣчается въ сужденіяхъ и приговорахъ Аксакова о Смирновой: то онъ превозноситъ умъ своей собесѣдницы; то онъ усиленно говоритъ о ея пустотѣ. Первыя впечатлѣнія его менѣе благопріятны. Такъ, въ письмѣ къ брату, отъ 24 ноября 1845 года, онъ сообщаетъ: „Мнѣ все хандрится; я было уже успѣлъ настроить душу на мягкій тонъ, придти къ теплотѣ воззрѣнія, но А. О., какъ нѣкій злой демонъ, огорчивъ, оскорбивъ, смутивъ меня, растравивъ мое тщеславіе и самолюбіе, нарушила строй души. Я часто видаюсь съ нею, но постоянно выношу непріятное впечатлѣніе, такъ что она иногда мнѣ становится въ тягость. Я разскажу подробно о томъ, какъ она обращается со мною и что говоритъ. Ея простота и фамильярность имѣютъ въ себѣ что-то оскорбительное, какое-то пренебреженіе къ вашему мнѣнію и сужденію. Разговоръ почти всегда пустой, состоитъ изъ анекдотовъ, до которыхъ она большая охотница. Часто прихожу я въ серединѣ подобнаго разговора, который для меня нисколько не измѣняется, продолжаетъ идти тою же пустою колеею; наконецъ, часу въ 12-мъ я ухожу, мнѣ скажутъ: прощайте, до свиданья, и опять обращаются къ продолженію того же разговора. Я хотѣлъ бы потолковать о томъ, о другомъ, что такъ серьезно, такъ важно для насъ, о поэзіи, о стихахъ, о человѣкѣ, но меня кормятъ такими вздорами, даромъ умными рѣчами, побасенками (разумѣется, — не Гоголевскими). Все это можно было бы тогда, когда люди узнали другъ друга, высказали другъ другу завѣтныя убѣжденія, и тогда всякій, даже пустой разговоръ имѣлъ бы свой смыслъ и значеніе. Но что, конечно, обидно,—такъ это видѣть, что вовсе и не заботятся о томъ, чтобы узнать васъ съ другой стороны, между тѣмъ, какъ я именно хотѣлъ бы ее видѣть въ другомъ свѣтѣ. Не принимая почти участія во всей этой болтовнѣ и внутренно досадуя на это,—я большею частію молчу или говорю также пустяки, ища случая ввернуть свое словцо. Между тѣмъ она знаетъ или должна же знать по

моимъ стихамъ, что во мнѣ лежатъ серьезные вопросы... Иногда сдѣлаешь серьезное замѣчаніе, скажешь не пошлую и не старую мысль, она или не дослушаетъ, или не захочетъ узнать ее пространнѣе, вникнуть подробнѣе, придраться къ этому, чтобы завести разговоръ поискреннѣе, поглубже, прерветъ васъ анекдотомъ или перейдетъ съ такою же легкостью и одинаковымъ участіемъ къ другимъ, ничтожнымъ предметамъ. Разъ сказала она мнѣ, чтобы я принесъ ей свои стихи (мелкіе,—„Чиновника“ она слышала прежде). Я читалъ ей „26-е сентября“ и „Очеркъ“, не обратившій на себя ни малѣйшаго вниманія и сопровожденный затруднительнымъ и конфузнымъ молчаніемъ. Кажется, въ ней нѣтъ поэтическаго чувства; есть вещи, гдѣ много ума мѣшаетъ, гдѣ много слышитъ сердце изъ тона, изъ строя, изъ музыки стиховъ.— Я забылъ сказать, что всему этому предшествовала „Марія Египетская“. Она сдѣлала очень умныя замѣчанія, сказала, что въ стихѣ:

Про недоступную *отважность*
Трудовъ и подвиговъ святыхъ,—

слово: отважность не годится, ибо означаетъ какой-то временный порывъ,—что справедливо, а мнѣ это прежде очень нравилось. Говорила часто: это очень хорошо; замѣтила, что она бы пространнѣе развила эту мысль: любить иначе не могла и пр., словомъ, характеръ ея съ этой стороны, не одно описаніе внѣшней красоты. Это также можетъ быть справедливо, хотя Марія въ первомъ своемъ состояніи мало, не сознательно, не глубоко является по характеру внутреннему, и внѣшняя красота составляла больше половины ея самой.— Сказала также, что у меня въ „Маріи“ стихи неровные: одни сильны, другіе слабы... По крайней мѣрѣ это былъ одинъ вечеръ, въ который читались стихи и говорила она свое мнѣніе, но съ тѣхъ поръ прошло болѣе недѣли, и она ни разу не упомянула о стихахъ, не просила новыхъ и обращается со мною, какъ съ человѣкомъ, съ которымъ и говорить нельзя ни о чемъ“.

Не смотря на частыя свиданья со Смирновой, Аксаковъ жалуется, что не могъ еще ее разгадать. „Въ ней много Хомяковскаго, говоритъ онъ и съ изумленіемъ восклицаетъ: „неужели во всѣ эти свиданія она, хоть бы невзначай, не

явилась бы съ другой стороны? Можетъ быть, Гоголь считаетъ ее идеаломъ русской женщины вотъ почему: она, не хлопоча объ эманципаціи, какъ женщина Запада, довольно свободна, выше всѣхъ этихъ предразсудковъ, условій и приличій, давно признанныхъ ложными и смѣшными, но которыя еще сохраняютъ надъ нами власть привычки, все можетъ понять, видѣть и говорить, не пачкаясь тѣмъ, что видитъ и говоритъ, оставаясь чистою, можетъ свободнымъ смѣхомъ смѣяться всему смѣшному и стать открытымъ, не жеманнымъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью и природой. Вѣра въ ней искренна, безъ ханжества и суевѣрія; она проста и откровенна въ обращеніи, безъ аффектаціи... Такъ, можетъ быть, понимаетъ ее Гоголь, но, чортъ знаетъ, это все какъ-то не такъ. Что касается до Самарина, то надо вспомнить, что онъ встрѣтилъ ее въ Петербургѣ, надо вообразить себѣ его изумленіе — найти свѣтскую женщину, чуждую предразсудковъ, все читавшую, восхищающуюся тѣмъ, что большой свѣтъ, не понимая, находитъ неприличнымъ, умную такъ, какъ нѣтъ никого въ большомъ свѣтѣ... Этого уже довольно, чтобы плѣнить одиноко-безотраднаго Самарина въ Петербургѣ. А мы, мы все это уже знали за ней и искали еще высшаго и, можетъ быть, ошиблись. А можетъ быть, мы ея еще не разгадали... По крайней мѣрѣ до сихъ поръ она продолжаетъ производить на меня непріятное ощущеніе, и благодѣтельнаго въ звѣздѣ, приведшей меня къ ней, ничего не вижу. Вечера мои у ней скучны и мнѣ въ тягость".

Подобныя неблагопріятныя впечатлѣнія испытываются Аксаковымъ не разъ отъ встрѣчъ со Смирновой, но въ его отношеніяхъ къ этой женщинѣ есть какая-то двойственность: онъ ищетъ ея общества, бесѣдуетъ съ ней о разныхъ вопросахъ и въ то же время почти постоянно отмѣчаетъ какую-то пошлость ея сужденій. „Теперь А. О., говоритъ онъ, знаетъ всѣ мои стихи, кромѣ „Зимней Дороги". Я самъ ей не читалъ ихъ, но братъ ея взялъ у меня книгу и отдалъ ей. Что же вы думаете, изо всѣхъ стиховъ, мною написанныхъ, обратило на себя вниманіе? „Въ тихой комнатѣ моей мнѣ привольно и просторно", „Душевныхъ смутъ разсказъ печальный" не замѣченъ; „Слабѣетъ нынѣ высокій строй моей души"—также мало почувствованъ и замѣченъ, даже въ отно-

шеніи стиха, какъ какое-нибудь; подайте мнѣ котлетку. Она непремѣнно требовала, чтобы я вмѣсто *комнатѣ* поставилъ: комнаткѣ. Но я на это не согласился, сказавъ ей, что это было бы слишкомъ мило; въ самомъ дѣлѣ, походило бы на какую-то баюкальную пѣснь. Потомъ ей понравилась „Ночь", но первая половина, до луны; между тѣмъ, какъ во второй половинѣ, можетъ быть, гораздо болѣе истинной поэзіи, нежели въ первой, гдѣ много философствованія... Оставивъ книгу у себя, она списала собственноручно: „Въ тихой комнатѣ моей" и „26-е сентября" и послала къ Самарину. Это однако большой недостатокъ — не понимать ни строя, ни склада, ни размѣра, ни музыки стиховъ. Не говоря ей ничего о своихъ стихахъ, я однако же сказалъ ей это и спросилъ—понимаетъ ли она возможность сказать, помните въ „Зимней Дорогѣ": „затѣмъ, что столько есть прекрасныхъ" и проч. Она откровенно призналась, что не понимаетъ и не раздѣляетъ этого, что ничей стихъ, ни Пушкина, ни Лермонтова никогда не пробуждалъ въ ней никакого особеннаго ощущенія, никакого сердечнаго движенія, не производилъ ничего такого, что производятъ стихи на насъ всѣхъ... но что все это у ней сосредоточилось въ музыкѣ, которую она понимаетъ, знаетъ и любитъ больше всего на свѣтѣ".

Низкій уровень литературнаго пониманія Смирновой прямо иногда бывалъ поразителенъ для Аксакова, который все болѣе и болѣе убѣждался, что она гораздо менѣе замѣчательная женщина, чѣмъ это думали другіе. Такъ, величайшею странностью было ея мнѣніе, что настоящій удѣлъ Ю. Ѳ. Самарина *быть homme de salon*. Такимъ же курьезомъ было ея отношеніе къ произведеніямъ Гоголя. „На нынѣшней недѣлѣ, разсказываетъ Аксаковъ, прочли мы между прочимъ „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ" и „Шинель". Читалъ ея братъ, не очень хорошо. И то и другое, кажется, читалъ А. О. самъ Гоголь въ Римѣ". Впрочемъ, она говоритъ, что теперь только начинаетъ цѣнить Гоголя... Какъ я бѣсился внутренно, когда, при чтеніи въ „Мертвыхъ Душахъ"—„этихъ чортъ знаетъ какихъ чудныхъ страницъ о дорогѣ, ночи и пр. и пр.,—она вдругъ вспомнитъ про Жоржъ-Зандъ и скажетъ, что она также очень хорошо описываетъ впечатлѣнія путешествій!.. Въ этотъ разъ, впрочемъ, я ей это замѣтилъ.— Среди „Шинели", въ самыхъ чудесныхъ мѣстахъ, она вдругъ,

по поводу какого-нибудь квартальнаго, вспомнитъ какіе-нибудь глупые стихи Мятлева и скажетъ или пропоетъ: „напился, какъ *каналья*, пьянъ“ и т. п., всегда съ особеннымъ удовольствіемъ“.

Подобная пошлость не могла не раздражать Аксакова, иногда онъ обращался къ своей собесѣдницѣ съ горькими упреками и обличеніями. Такъ, на ея мудрыя практическія наставленія онъ отвѣтилъ рѣзкимъ стихотвореніемъ, въ которомъ, отказываясь отъ „примиренія съ житейской мудростью и ложью“, давалъ слѣдующую ея характеристику:

...Вамъ въ душу недостойно
Начало порчи залегло,
И чувство женское покойно
Развратомъ тѣшиться могло!
Пускай досада и волненье
Не возмущаютъ вашу кровь;
Но, право, ваше примиренье—
Не христіанская любовь!
И вы къ покою и прощенью
Пришли въ развитіи своемъ
Не сокрушенія путемъ,
Но... равнодушіемъ и лѣнью!
А много, много дивныхъ силъ
Господь вамъ въ душу положилъ!
И тяжело и грустно видѣть,
Что вами все соглашено,
Что неспособны вы давно
Негодовать и ненавидѣть!..

Прочитавъ эти стихи, Смирнова поступила, какъ свѣтская дама, и повѣдала ихъ калужскому обществу. Понятно, что такого отношенія Аксаковъ перенести не могъ, и появляется новое обличеніе:

Когда-то я порывъ негодованья
Сдержать не могъ, и въ пламенныхъ стихахъ
Вамъ высказалъ души моей роптанья,
Мою тоску, смятеніе и страхъ!
Я былъ водимъ надеждой безпокойной,
Вашъ путь къ добру я строго порицалъ,
Затѣмъ, что я такъ искренно желалъ
Увидѣть васъ на высотѣ достойной,
Въ сіяніи чистѣйшей красоты...
Безумный бредъ, безумныя мечты!

И этотъ бредъ горячаго стремленья,—
Что вамъ однимъ я въ тайнѣ назначалъ,—
Съ холодностью разсчитанной движенья
И съ дерзостью обидною похвалъ,
Вы предали толпѣ на судъ безплодный:
Ей страненъ былъ отважный и свободный
Мой искренній, восторженный языкъ,
И понялъ я, хоть поздно, въ этотъ мигъ,
Что ждать нельзя иного мнѣ отвѣта,
Что дама вы, блистательная, свѣта!..

Время пребыванія Аксакова въ Калугѣ является особенно плодотворнымъ для развитія его поэтическаго творчества, не только по числу написанныхъ имъ теперь стихотвореній, но и потому, что для него уясняются въ значительно большей степени, чѣмъ раньше, задачи поэтической дѣятельности, а также опредѣленнѣе становится представленіе о собственномъ своемъ значеніи. Молодой поэтъ переживалъ періодъ тягостнаго сомнѣнія въ своихъ силахъ и способностяхъ, въ своемъ призваніи, и это отражается, между прочимъ, и въ его перепискѣ. „Обращался къ самому себѣ. пишетъ онъ брату, и въ самомъ дѣлѣ находилъ въ себѣ способность все понять, но не находилъ этого цѣльнаго, живого пламени таланта: одни сомнѣнія, раздвоеніе, трусость, робость, тщеславіе и совершенную безотрадность въ прошедшемъ и будущемъ. Потому что нѣтъ для меня никакого веселья и радостей на землѣ (исключая семейныхъ), и моя скучная, суровая, утомительная жизнь мнѣ часто въ тягость. Во мнѣ нѣтъ молодого человѣка, а что же во мнѣ есть: ничего. Творческихъ мыслей никакихъ, одинъ отголосокъ, и то недостойный, чужихъ мыслей; дара слова—также нѣтъ, а говорю заученными, давно, заранѣе придуманными выраженіями, изобрѣтательности нѣтъ; стихи мои... Но нѣтъ въ нихъ магическаго очарованія, на всѣхъ одинаково, безъ авторитета дѣйствующаго; это какой-то мозаичный сборъ стиховъ, и когда вспомню, сколько каждые стихи стоятъ мнѣ заботы и времени, сколько, несмотря на труды и усилія, въ нихъ неровностей, недостатковъ, мнѣ дѣлается стыдно и совѣстно; не такъ пишутъ поэты, не такіе стихи внушаетъ истинное вдохновеніе... Но ужасно, ужасно чувствовать въ себѣ внутреннія требованія и сознавать въ то же время, что ты не въ силахъ ихъ исполнить, чувствовать себя бездар-

нымъ, когда самолюбіе имѣетъ притязаніе на дарованіе... А я все бы на свѣтѣ отдалъ за истинный пламень дарованія, за минуту искренняго вдохновенія... Если же во мнѣ нѣтъ ничего, никакого дара, то что же я? Право, лучше быть чиновникомъ. Я хорошій чиновникъ и шелъ бы себѣ да шелъ по этой колеѣ, еслибъ меня не сбили съ толку; но тутъ примѣшивается вопросъ политическій, и не далѣе, какъ вчера вечеромъ, мнѣ хотѣлось быть капустникомъ, сапожникомъ далеко, далеко, въ Кременчугѣ, въ Алешкахъ, чортъ знаетъ гдѣ, туда, на край свѣта, въ Американскіе, дѣвственные лѣса... Мнѣ хотѣлось бы совершеннаго ничтожества, обратиться въ прахъ, въ пыль, безо всякаго безсмертія души. Пожалуйста, не пиши мнѣ въ отвѣтъ никакихъ утѣшеній и увѣреній, я совсѣмъ не для того пишу, но разбери мнѣ, что это все такое—раздраженное ли тщеславіе и самолюбіе, которыхъ не могу, не могу еще убить въ себѣ, или внутренній голосъ сознанія, котораго слѣдовало бы послушаться. Потому что, мнѣ кажется, я могу прожить и безъ писанія стиховъ, это ужъ я такъ, сдѣлалъ себѣ привычку изъ этого труда и увѣрилъ, что это потребность".

Особенно безпокоитъ Аксакова несовершенство формы его стихотвореній, такъ какъ ему ясно, что между содержаніемъ и формой должна быть извѣстная гармонія. „Чувствую, говоритъ онъ, что надо овладѣть формою, тамъ что Константинъ ни говори о какофоніи! Ничто не должно мѣшать и смущать впечатлѣнія, а у меня—часто неясности, темноты, надо всякій разъ комментарій... „Въ другомъ письмѣ къ отцу Аксаковъ, однако, высказывается о своихъ поэтическихъ произведеніяхъ и объ ихъ формѣ болѣе снисходительно, хотя все же настаиваетъ на нѣкоторыхъ ихъ недостаткахъ. „Если, пишетъ онъ, мысль моя зрѣла и выразилась въ чемъ-нибудь, такъ ужъ, конечно, выразилась она въ послѣднихъ двухъ моихъ стихотвореніяхъ. Они нравятся мнѣ больше всѣхъ моихъ прежнихъ, что еще не значитъ, чтобъ я ими былъ совершенно доволенъ. Замѣтятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонъ не выдержанъ; но признаюсь, я даже люблю это, когда стихотвореніе соскакиваетъ съ своихъ рельсовъ, и человѣкъ заговоритъ такъ просто: „ахъ, чортъ возьми, да хорошо это и только!" Мнѣ кажется, что я уже больше владѣю формою, чѣмъ прежде, что я подвинулся впередъ, тамъ что ни говори

Гоголь... Я еще не знаю вашего мнѣнія, но чувствую самъ, что много въ этихъ стихахъ недостатковъ. За то мнѣ кажется, что эти недостатки я со временемъ исправлю. Право, когда пишешь стихи, подобные этимъ, то думается, что стихотвореніе это само по себѣ существуетъ уже въ природѣ внѣ васъ, что даже не вы его авторъ, а вы только припоминаете и никакъ не можете припомнить иного стиха, а онъ есть, непремѣнно есть. Точно древнюю статую, занесенную пескомъ и землею, расчищаешь, откапывая; показывается голова, шея, грудь, ноги и, наконецъ, является вся она во всей своей чудесной красотѣ; но отбита рука и еще не найдена, а была она сдѣлана древнимъ художникомъ... И вотъ придѣлываешь поневолѣ гипсовую руку; но раскопавшій статую и вызвавшій ее на свѣтъ всякій разъ смущается и всякій разъ полонъ душевнаго огорченія, когда глаза его, пробѣгая по твердымъ и бѣлизной сверкающимъ очеркамъ мрамора, вдругъ переходятъ къ мягкой и матовой поверхности гипса... Но лѣнь, столь сродная русскому человѣку, недостойная поэта, несвойственная даже истинному художнику, постепенно овладѣваетъ имъ, и вмѣсто того, чтобы отыскивать отбитую руку, онъ говоритъ: „ничего, живетъ и такъ, живетъ и съ гипсовой!“

Но колебанія и сомнѣнія возникали не только по поводу формы, но и по поводу самого содержанія поэзіи, по поводу задачъ творчества; невольно выдвигался впередъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли поэзія какое-нибудь значеніе для жизни общественной, или же творчество уноситъ поэта въ другія сферы, совершенно отрѣшенныя отъ окружающей дѣйствительности. Этотъ вопросъ разрѣшался Аксаковымъ порой въ духѣ художественнаго эпикуреизма, и поэтъ говорилъ:

...Слабѣетъ нынѣ
Высокій строй моей души!
Когда напѣвъ забытыхъ пѣсенъ
Вдругъ пронесется надо мной,
То мнится мнѣ, что міръ мой тѣсенъ,
Но что прекрасенъ міръ иной!
Что много въ жизни упоенья
Даруетъ образъ красоты,
Что есть возможность увлеченья,
Что власти много у мечты!
Что тяжко иго силъ желѣзныхъ,

И что бездѣйствіе иныхъ
Полезнѣй всѣхъ трудовъ полезныхъ,
Отраднѣй всѣхъ даровъ земныхъ!
Что ты, высокое искусство,
Противно жизни трудовой:
Всегда съ тобой риомустъ чувство,
Какъ неразлучный спутникъ твой!

Но если искусство въ этомъ случаѣ представлялось Аксакову, въ извѣстной, правда, мѣрѣ однимъ изъ средствъ эпикурейскаго наслажденія, то надо сказать, что тутъ же у него рождались иныя мысли о значеніи искусства, и онъ рѣшительно признавалъ его средствомъ человѣческаго прогресса. Такъ, въ стихотвореніи „Голосъ вѣка“ онъ говорилъ:

...вижу я, печальный и смущенный,
Свои глаза ты обращаешь вновь
Къ той области, отъ міра отрѣшенной,
Гдѣ властвуютъ искусство и любовь!
Но берегись, чтобы въ избыткѣ чувства
Не ослабѣла крѣпкая душа:
Блаженство дастъ тебѣ искусство,
Но силъ не дастъ для доли боевой...

Не время намъ теперь скитаться
Въ садахъ Аркадіи златой,
Гражданскій бытъ готовъ распасться,
Грозитъ намъ близкою бѣдой!
Въ изящномъ, сладостномъ забвеньѣ,
Ужели станешь ты дремать,
Когда на славное служенье
Мы собираемся возстать!
Для насъ *искусство стало средствомъ*,
Науки путь избрали мы:
Грядущей горестью и бѣдствомъ
Да преисполнятся умы!
Услышь мой зовъ! ужели руки
Теперь ты сложишь навсегда?
Нѣтъ, въ пользу дѣла и науки
Ты принесешь мечты и звуки
И жаръ обильнаго труда!

Признавъ искусство *средствомъ*, Аксаковъ указываетъ ему высокую, идеальную цѣль, и на привѣтствіе поэта старшаго поколѣнія, Н. М. Языкова, онъ отвѣчаетъ:

Ты знаешь самъ: въ заботахъ службы
Тянулась долго жизнь моя!
Истративъ годы золотые

Въ дѣлахъ усердныхъ и пустыхъ,
Ужель для подвиговъ иныхъ
Назначенъ я?.. Когда впервые,
Средь утомительныхъ трудовъ,
Мое раздалось пѣснопѣнье,
Мнѣ страненъ былъ моихъ стиховъ
Языкъ, и ново – вдохновенье...
Такъ указать свою судьбу
Дерзнетъ ли воля молодая,
Вопросовъ внутреннихъ борьбу
Самонадѣянно рѣшая?..
Но если смутно и темно
Въ груди таится дарованье,
Да воспитается оно,
Да оправдается призванье!
Да будетъ міръ души моей
Высокой думою настроенъ,
Да не угаснетъ пламень сей,
Да буду въ вѣкъ его достоинъ!
Да тяжесть нашего грѣха
И поклоненіе обману
Могучей силою стиха
Изобличать не перестану!..
Пускай же юности моей
Не возмущаютъ дѣвы розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свѣжительныя грозы!
Но всюду намъ среди пировъ
И всякихъ суетныхъ занятій
Да будутъ слышны вопли братій,
И стонъ молитвъ, и громъ проклятій,
И звуки страшные оковъ!

Но если поэтъ отзывается на общественные запросы, если онъ не можетъ быть глухъ къ „воплямъ братій“, изъ этого еще не слѣдуетъ отрицаніе свободы его творчества:

Но ты, поэтъ, толпы призывамъ
Не вѣрь послушно и сполна:
Морскимъ отливамъ и приливамъ
Подобна въ мнѣніяхъ она!
Не мысли подвигъ благородный
Разсчетамъ мелкимъ подчинять;
Страшись, поэтъ, твой даръ свободный
Къ случайной цѣли приковать!
Блаженъ, кто, чистъ и неизмѣненъ,
Искусству вѣчному служилъ,
Онъ постоянно, современенъ,
Онъ для людей полезенъ былъ!

Полезны намъ его мечтанья,
Его надежда—хороша!
По нимъ путемъ образованья
Проходитъ юная душа!
Нерѣдко стихъ его летучій
Даетъ святой отрады часъ,
И прелесть тайная созвучій
Перевоспитываетъ насъ!
Блаженъ, кому въ удѣлъ служенье
Искусству—дали небеса,
Кому чрезъ трудъ и откровенье
Его доступны чудеса!
Весь міръ въ немъ дивно отразится,
И все, чѣмъ душу міръ проникъ,
Въ огнѣ души преобразится
И обрѣтетъ себѣ языкъ!..
Трудись, поэтъ, трудись келейно,
Исполнись вѣры и любви
И совершай благоговѣйно
Священнодѣйствія твои!
И день придетъ, еще далекій,
Когда они благословятъ
Досуговъ праздныхъ длинный рядъ,
Твой тихій трудъ и одинокій,
И трезвость думъ и чистоту
Твоихъ возвышенныхъ созданій,
И благодать твоихъ страданій
И бурь душевныхъ красоту!..

Въ стихотвореніи, посвященномъ Ю. Жадовской, Аксаковъ называетъ свою поэзію „непрерывнымъ разсказомъ о страшныхъ вопросахъ, волнующихъ насъ“, и дѣйствительно, большая часть его произведеній этого времени такъ или иначе относится къ этимъ страшнымъ вопросамъ. Его поэзія есть почти постоянный призывъ къ дѣятельности, такъ какъ:

Вокругъ тебя кипятъ задачи,
Вокругъ тебя мольбы и плачи,
И торжествующее зло...

Аксаковъ не можетъ допустить равнодушнаго отношенія къ общественной неправдѣ, не можетъ признать благоразумнаго примиренія съ этимъ торжествующимъ зломъ. Молчаніе, смиреніе при видѣ окружающихъ бѣдствій являются грѣхомъ передъ Богомъ, и Аксаковъ восклицаетъ:

Предъ Богомъ лѣнью не грѣши!
Стряхни ярмо благоразумья!

Люби ревниво, до безумья,
Всѣмъ пыломъ дерзостнымъ души!
Освободясь, въ стремленьи новомъ,
Отъ плѣна ложнаго стыда,
Позорь, греми укорнымъ словомъ,
Подъемля насъ всевластнымъ зовомъ
На тяжость общаго труда!
Безумцемъ слыть тебѣ у всѣхъ!
Но предъ святыней убѣжденья
Ничтожны міра оскорбленья
И прелесть жизненныхъ утѣхъ!
О, въ этой душной нашей ночи,
Кому изъ насъ безстрашной мочи
Достанетъ правду возлюбить?
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ?
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лучей ея добыть!

Однако, возможность общественной работы до крайности уменьшена, „стѣсненъ порывъ, робѣетъ слово, перу свободы не дано“, и Аксаковъ невольно отдается мрачному размышленію о будущемъ, у него мелькаетъ даже отчаянная мысль о подчиненіи житейской пошлости, какъ это выражено въ стихотвореніи: „Преферансъ“:

Куда идти? и гдѣ дорога?
Куда дѣвать богатство силъ?
Я долго ждалъ, я слишкомъ много
Въ мечтѣ досуговъ погубилъ!
Не лучше-ль съ Васъ мнѣ брать примѣры?
Завиденъ жребій, чортъ возьми:
Вы примиряетесь съ людьми,
Всѣ люди годны вамъ въ партнэры!
Быть такъ; рѣшаюсь, наконецъ.
Хочу—моимъ досугомъ править
Отнынѣ картамъ предоставить...

Но отъ этого минутнаго порыва слабости, внушаемаго провинціальной спячкой, Аксаковъ съ ужасомъ отшатывается и восклицаетъ:

Но нѣтъ, спаси меня, Творецъ,
Отъ безнадежности покорной,
Отъ сна лѣниваго души,
Отъ жизни долгой, скучной, вздорной,
Отъ прозябанія въ тиши!

Не можетъ Аксаковъ удовлетвориться и однимъ пустымъ осужденіемъ окружающей обстановки, къ которому часто

бываютъ способны прекраснодушные люди, праздно теряющіе время въ разговорахъ, стремящіеся только разсѣять тоску, жалующіеся на свои страданія, но совсѣмъ не пытающіеся найти работу на пользу общую. Такіе люди вызываютъ въ немъ негодованіе:

Мы всѣ страдаемъ и тоскуемъ,
Съ утра до вечера толкуемъ
И ждемъ счастливѣйшей поры.
Мы негодуемъ, мы пророчимъ,
Мы суетимся, мы хлопочемъ...
Куда ни взглянешь—всѣ добры!

Обманъ и ложь! Работы черной
Намъ ненавистенъ трудъ упорный;
Не жжетъ насъ пламя нашихъ думъ,
Не разрушительны страданья!
Умомъ ослаблены мечтанья,
Мечтаньемъ обезсиленъ умъ!
. . . . . .
Въ замѣну собственныхъ движеній,
Спѣшимъ, набравшись убѣжденій,
Души наполнить пустоту:
Твердимъ, кричимъ и лжемъ отважно,
И горячимся очень важно,
Мы за заемную мечту!

И предовольные собою,
Гремучей тѣшимся борьбою,
Себя увѣривъ безъ труда,
Что прямодушно, не безплодно,
Приносимъ „Мысли“ благородно
Мы въ жертву лучшіе года!
Но свыкшись съ скорбью ожиданья,
Давно мы сдѣлали „страданья“
Житейской роскошью для насъ:
Безъ нихъ тоска! а съ ними можно
Разсѣять скуку—такъ тревожно,
Такъ усладительно подчасъ!

При видѣ такихъ людей, которые „рѣчь умную, но праздную ведутъ,

О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ
И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!

поэтъ испытываетъ „тайную досаду“, онъ недоумѣваетъ отно-

сительно значенія этихъ людей, думаетъ указать имъ производительную работу, которая избавила бы ихъ отъ праздныхъ разглагольствованій:

И хочется мнѣ имъ, взамѣнъ досужей скуки,
Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
И толки прекратя объ участи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой.

Совсѣмъ другое, однако, въ высшей степени негодующее настроеніе проникаетъ поэта при созерцаніи свѣтской пустоты, и онъ разражается энергичнымъ обличеніемъ:

Съ преступной гордостью—обидныхъ,
Тупыхъ желаній и надеждъ,
Рѣчей безъ смысла, думъ постыдныхъ,
И остроумія невѣждъ,
Въ весельяхъ наглыхъ и безбожныхъ
Средь возмутительныхъ забавъ,
Гніете вы,—условій ложныхъ
Надменно вытвердя уставъ!
Блестящей свѣтской мишурою
Свою прикрывши нищету,
Ужель не видите порою
Вы вашихъ помысловъ тщету?
Того, что вамъ судьба готовитъ,
Еще ли страхъ васъ не проникъ?
Все такъ же лжетъ и срамословитъ
И раболѣпствуетъ языкъ!
Не стыдно вамъ пустыхъ занятій,
Богатствъ и прихотей своихъ,
Вамъ ни по чемъ страданья братій
И стоны праведные ихъ!..
Господь! Господь! вонми моленью,
Да прогремитъ бѣдами громъ
Земли гнилому поколѣнью,
И впрахъ разсыплется Содомъ!

Однако, несмотря на это рѣзкое обличеніе, несмотря на обращеніе къ Божьимъ громамъ противъ современнаго гнилого поколѣнія, Аксаковъ не можетъ отречься отъ завѣтовъ гуманности и рѣшается остановить свой строгій судъ, сдержать готовые укоры и внимательно всмотрѣться въ чужую душу. Онъ говоритъ обличителю:

Вѣрь: въ каждой презрѣнной и пошлой (т. е. душѣ)
Въ ея невѣдомой глуби,
И въ каждой молодости прошлой

Отыщешь много струнъ живыхъ,
Мгновеній чистыхъ и прекрасныхъ,
Порывовъ доблестныхъ и страстныхъ,
И тайну помысловъ святыхъ.

Житейская пошлость есть нѣчто внѣшнее, за нею должно умѣть открыть истинную, прекрасную сущность человѣка:

Да не смутитъ же соръ и хламъ,
На сердце жизнью наносимый,
Твоихъ очей! пусть смѣло тамъ
Они провидятъ міръ незримый.
Любовью кроткою дыша,
Вглядись въ него: и предъ очами
Предстанетъ каждая душа
Съ своими вѣчными правами.
Повѣрь: нетлѣнной красоты
Душа не губитъ безъ возврата;
И въ каждомъ ты послышишь брата,
И Бога въ немъ почуешь ты!

Таковы главные мотивы стихотвореній, написанныхъ И. С. Аксаковымъ въ эту пору его дѣятельности; но рядомъ съ этими гражданскими темами онъ не чуждался иногда и обыденныхъ картинокъ жизни и природы, при чемъ, конечно, стушевывались, исчезали всякія обличительныя стремленія. Поэтъ является передъ нами чистымъ художникомъ въ слѣдующемъ, хотя бы, изображеніи осенняго заката солнца:

Ужъ вѣетъ все зимой могучею и грозной
Холодной ясностью сверкаетъ синева;
Октябрьской осени день пышный и морозный,
Готовясь сумраку отдать свои права,
Склонялся къ западу... Прощальные, наводятъ
Тоску, предшествуя медлительной ночи,
И косвеннымъ столбомъ по комнатѣ проходятъ—
Отъ солнца пыльные лучи!..
Но вдругъ природа вся какъ будто встрепенулась
И свѣтомъ розовымъ подернулась... Тогда
По небу далеко и быстро растянулась
Волнистыхъ облаковъ румяная гряда;
Зарей багровою край неба обложился,
И солнца—ярко золотой,
Невыносимый блескъ въ доступный измѣнился,
Въ шарообразно-огневой!
Мгновенно вспыхнули и жарко погорѣли
И стекла, и дома, и куполы церквей...
А тѣни, падая, ложились вкось, чернѣли,
Все безобразнѣй и длиннѣй!.

Но закатился шаръ... Средь быстрыхъ измѣненій
Заря потухла... Свѣтъ погасъ;
Стемнѣло. Сумерки... раздумья грустный часъ,
Надеждъ несбыточныхъ и горькихъ сожалѣній!..

Какъ красива эта картина, и какъ она въ то же время проста! Въ этой простотѣ есть что-то напоминающіе Пушкинскія описанія. То же находимъ мы и въ слѣдующемъ описаніи дождя:

Тепло и тихо; ливень крупный
Гудитъ, стуча, по мостовой.
Скорѣй, скорѣй! Пріютъ доступный
Еще далекъ передо мной!
По желобамъ вода струится,
Шумящимъ падаетъ ручьемъ;
По скатамъ бѣшено катится
Потокомъ грязи въ водоемъ.
На крыльца, подъ навѣсъ, тревожно
Досужій прячется народъ;
Кой-гдѣ по камнямъ, осторожно,
Ступаетъ мокрый пѣшеходъ,
Да шляпу завернувъ въ бумажный
Широкій клѣтчатый платокъ,
Закинувъ голову, отважный,
Спѣшитъ купеческій сынокъ.
Порой чрезъ улицу мелькаетъ
Огромный зонтикъ иногда,
Тяжелый, синій; и вода
По прутьямъ низко ниспадаетъ.
Да въ лужѣ цѣлою ступней,
Походкой пьяной и кривой,
Мужикъ шагаетъ, распѣвая...
Порой мѣщанка молодая,
Подолъ забравши безъ затѣй,
Красуясь бѣлыми чулками,
Проходитъ ловкими ногами
По ребрамъ вымытыхъ камней!
Но вотъ, блестящая карета
Несется шумно. Въ ней сидитъ
Съ лорнетомъ, сморщенъ и сердитъ,
Какой-то франтъ большого свѣта;
Небрежно смотритъ, развалясь
На дождикъ; золъ и полонъ гнѣва...
Кругомъ направо и налѣво
Колеса вскидываютъ грязь!..

Пребываніе Аксакова въ Калугѣ продолжалось до весны 1847 г., и хотя за два года имъ написано было довольно много, онъ съ радостью разставался съ Калугою. Вернувшись въ Москву, онъ писалъ кн. Д. А. Оболенскому: „Я много времени потерялъ даромъ въ безплодныхъ исканіяхъ, въ отвлеченномъ раздумьѣ, самоуслаждаясь въ разныхъ душевныхъ страданіяхъ, сомнѣніяхъ, погружаясь въ вопросы, ни къ чему не ведущіе—и усталъ. Пытливый, докучливый анализъ умертвилъ во мнѣ много жизни, и потому теперь, переѣхавъ въ Москву, хочу заниматься хоть какимъ-нибудь трудомъ. Константинъ хочетъ непремѣнно окунуть меня въ „Земскомъ Дѣлѣ“. Но я хочу прежде пополнить хотя отчасти тѣ невѣжественные пробѣлы, которыми полны наши познанія, особенно мои, словомъ—хочу читать и заниматься, оставя преслѣдованіе поэзіи“.

Будучи назначенъ снова въ Сенатъ (оберъ-секретаремъ), Аксаковъ весь отдается службѣ, такъ что у него не остается почти совсѣмъ времени для другихъ занятій. Посылая свои прежніе стихи кн. Оболенскому, онъ пишетъ: „Вотъ тетрадь моихъ стиховъ; я не имѣлъ духа, или, лучше сказать терпѣнія пересмотрѣть ихъ—стиховъ новыхъ нѣтъ; теперь уже мѣсяцевъ шесть, какъ я не пишу стиховъ, да кажется, ужъ и вовсе писать не буду. Я дѣлаюсь все болѣе и болѣе положительнымъ. Право! Безъ шутокъ, я служу теперь оберъ-секретаремъ и чрезвычайно усердно. Потребность дѣятельности общественной и общеполезной не чѣмъ удовлетворять у насъ въ Россіи... Призваній другихъ къ наукѣ или поэзіи я не имѣю (да поэзія еще не дѣятельность), а потому остается одна служба, какъ ни ограничена эта сфера, но приходится удовольствоваться тѣми размѣрами дѣятельности, какіе представляетъ дѣйствительность. Нечего дѣлать, и я служу, правда съ затаенною тоскою несбывшихся ожиданій“... „Я думаю, говорится въ другомъ письмѣ, нѣтъ нигдѣ такой работы, какъ въ должности оберъ-секретаря! Я, конечно, не лѣнивъ, но иногда выбиваешься изъ силъ, особенно теперь къ концу года и вообще съ нашими добросовѣстными требованіями“. Къ этому времени относится стихотвореніе „Отдыхъ“, въ которомъ Аксаковъ отказывается отъ всѣхъ своихъ идеальныхъ мечтаній для прозаической, чиновничьей работы:

Въ жизни путь предназначивъ себѣ,
На него я безъ страха гляжу,
И скупой покорившись судьбѣ,
Твердо цѣль я простую слѣжу.

Много было вопросовъ въ груди,
Всякихъ смѣлыхъ порывовъ и грезъ,
И надеждъ предо мной впереди
И ненужныхъ страданій и слезъ.

Всѣ мечты обличить я умѣлъ,
Не пришлось имъ меня обманутъ,
И понявъ ежедневный удѣлъ,
Я побрелъ въ незаманчивый путь...

Тяжела однако была эта борьба съ идеальными порывами, и въ томъ же стихотвореніи Аксаковъ признавался, что:

Все, что въ сердцѣ давно улеглось,
Что таила души тишина,
Все нежданно съ глуби поднялось,
Всколебалось до самаго дна!

Объ этомъ стихотвореніи онъ впослѣдствіи самъ писалъ, что оно относится къ тѣмъ годамъ службы, когда онъ „заставлялъ себя работать, дабы не обольщаясь праздными мечтами, быть полезнымъ. Тутъ и сказалась внутренняя борьба поэтическаго и художественнаго призванія съ сознаніемъ долга гражданскаго. Надо вспомнить, что я тогда служилъ, заставлялъ себя служить, считалъ себя не въ правѣ сложить руки, сказать—я-де поэтъ, и потому-то бездѣйствую“.

Тягостно было положеніе Аксакова не только вслѣдствіе этой борьбы поэтическихъ стремленіи съ служебнымъ долгомъ, но и отъ другой борьбы, еще болѣе удручавшей его, чуждаго всякихъ компромиссовъ... Ему приходилось служить въ судѣ, въ томъ судѣ, который по отзыву Хомякова, былъ полонъ „неправды черной“, и эта-то неправда должна была причинять великія нравственныя страданія молодому идеалисту. Въ одномъ изъ некрологовъ Аксакова было очень хорошо охарактеризовано его душевное состояніе. „Знавшіе Ивана Сергѣевича, говорится здѣсь, въ эту пору его дѣятельности, знаютъ, какъ томилась и мучилась молодая еще тогда душа его въ эту суровую эпоху и какъ поборалъ онъ въ себѣ чувство личнаго отвращенія, чтобы несть эту тяже-

лую службу, зная, что несеніемъ этого креста ему удается, все-таки, уменьшить хотя немного количество обильно расточаемыхъ плетей, пролагать хоть ничтожный просторъ правдѣ и справедливости. Извѣстная литературному міру Авдотья Петровна Елагина послала ему мраморное распятіе, на которомъ ликъ облеченнаго терновымъ вѣнцомъ Спасителя представлялся ей особенно хорошо выражающимъ глубь нравственнаго страданія. Въ письмѣ, которымъ сопровождалась эта посылка, старая уже и тогда Авдотья Петровна писала, что, взирая на этотъ ликъ представителя высшаго страданія, она всегда вспоминала о тѣхъ внутреннихъ мукахъ, о той нравственной пыткѣ, которую приходится переживать Ивану Сергѣевичу на добровольномъ поприщѣ его служенія".

Изъ писемъ Ивана Сергѣевича видно, что вскорѣ его ревностная преданность служебнымъ занятіямъ была нарушена также и политическими интересами. „Ну вотъ, писалъ онъ въ 1848 г., и настали событія, отъ которыхъ духъ захватываетъ! Въ какое время живемъ мы: во-очію совершается исторія, ощупью слышишь великія судьбы міра! и кто бы могъ ожидать этого! Теперь-то, когда весь западъ отрекается ото всѣхъ началъ, которыми управлялся во всю свою исторію, когда онъ такъ запутался въ лабиринтѣ своихъ умствованій, что и выйти не можетъ, теперь-то вырастаетъ огромное значеніе Россіи, и всякій пойметъ, что одно спасеніе намъ въ нашей самостоятельности. Теперь дѣло обращенія къ самимъ себѣ будетъ гораздо легче: не за что ухватиться на западѣ,—все кругомъ раскачалось и качается.—Великое время для насъ. Уничтожили они тамъ себѣ аристократовъ и вообще праздный богатый классъ, а теперь, я самъ читалъ въ одной газетѣ, взываютъ къ богатымъ, чтобы они продолжали свою роскошную, развратную жизнь, ибо иначе сотни тысячъ работниковъ останутся безъ хлѣба. Тамъ, при развитіи промышленности мануфактурной, нельзя иначе. Отвратительно сердятся нѣмцы и въ то же время смѣшны. Говорятъ, что въ княжествѣ Рейсъ смущеніе и что правительство увеличило войско 8 человѣками. Правда ли?—Прошу покорно теперь заниматься Сенатомъ и писать стихи!"

Скоро борьба съ судейской черной неправдой оказалась не по силамъ Аксакову. Могущество неправды было несокрушимо, и почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого Акса-

ковъ писалъ: „Старый судъ! При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!.. мы имѣемъ право такъ говорить. Пишущій эти строки посвятилъ служебной дѣятельности въ старомъ судѣ первые, лучшіе годы своей молодости. Воспитанникъ Училища Правовѣдѣнія, стало быть, обязательно поступившій на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи, еще въ сороковыхъ годахъ—онъ извѣдалъ вдоль и поперекъ все тогдашнее уголовное правосудіе, въ провинціи и столицѣ, въ канцеляріяхъ, и въ составѣ суда (въ послѣднемъ какъ членъ по назначенію отъ правительства). Это было во-истину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ! Со всѣмъ пыломъ юношескаго негодованія ринулся онъ, вмѣстѣ съ своими товарищами по воспитанію, въ неравную борьбу съ судейской неправдой,—и точно такъ же, какъ иногда и теперь, встревоженная этимъ натискомъ стая кривосудовъ поднимала дикій вопль: „вольнодумцы! бунтовщики! революціонеры!..“ Помнимъ, какъ однажды молодой оберъ-секретарь Сената, опираясь на забытую и никогда не примѣнявшуюся статью Свода Законовъ, отказался скрѣпить истинно неправедное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ—и съ какимъ шумомъ, съ какимъ гнѣвомъ встрѣтили сановные старики такое необычайное дерзновеніе! Помнимъ, какъ рябой нахалъ съ знатнымъ именемъ подавалъ нашему товарищу для доклада Присутствію свое письменное оправданіе, рекомендуясь, что „по милости Царской—онъ сынъ барской“, и какъ никакими доводами нельзя было предотвратить пристрастнаго въ пользу „барскаго сына“ рѣшенія... Передъ нами невольно встаютъ воспоминанія — одно возмутительнѣе другого. Какія муки, какія терзанія испытывала душа, сознавая безсиліе помочь истинѣ, невозможность провести правду черезъ путы и сѣти тогдашняго формальнаго судопроизводства“.

Упоминаемый въ приведенныхъ словахъ оберъ-секретарь сената, отказавшійся скрѣпить приговоръ по дѣлу одного молодого князя, который совершилъ возмутительнѣйшее преступленіе, но благодаря связямъ былъ оправданъ,—этотъ оберъ-секретарь—самъ И. С. Аксаковъ, рѣшившій, не смотря на то, что дѣло было по Высочайшему повелѣнію пересмотрѣно и преступникъ понесъ кару, бросить службу по су-

дебному вѣдомству. Въ 1848 г. Аксаковъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, подъ начальство гр. Перовскаго, который отправилъ его въ Бессарабію для изученія раскола и для нѣкоторыхъ другихъ изслѣдованій (между прочимъ, и положенія евреевъ въ Бессарабіи). Въ этой командировкѣ Аксаковъ пробылъ почти до конца 1848 г.

Занимаясь усердно служебнымъ порученіемъ, Аксаковъ пишетъ въ это время свою поэму „Бродяга", начатую еще въ Москвѣ. Приходилось писать урывками, но работа увлекала автора, и въ первыхъ числахъ декабря была закончена первая часть поэмы. Очень заботилъ Аксакова вопросъ о формѣ его произведенія, и онъ писалъ отцу: „Не знаю, какъ вы найдете. Я долженъ былъ по ходу самой поэмы, по живости излагаемыхъ обстоятельствъ, наконецъ откинуть риѳму и заговорить складомъ русской пѣсни. Переходъ не только естественъ, но внутренно логиченъ и необходимъ;—какъ онъ исполненъ и каковы эти речитативы—вотъ вопросъ.

„Это ужасно трудно. Легче написать пять тысячь стиховъ риѳмованныхъ, нежели десять стиховъ не риѳмованныхъ. Кромѣ того въ русскихъ пѣсняхъ есть неправильность въ размѣрѣ, которая однако же не нарушаетъ вполнѣ размѣра, и уловить эту неправильность, сохранить границы, избѣжать аккуратно отдѣлки позднѣйшихъ пѣсенъ, а между тѣмъ удержать и свой характеръ самобытности, такъ чтобы ваши стихи не походили на подражаніе—вотъ задачи, мудреныя въ исполненіи. Я боюсь, что испортилъ этимъ всю свою поэму, хотя знаю, что при хорошемъ выполненіи это могло бы выйти очень хорошо"... Черезъ двѣ недѣли послѣ этого письма, Аксаковъ снова говоритъ о своей поэмѣ: „Я переписалъ и почистилъ окончаніе первой части „Бродяги", написанное здѣсь. Вышло пять съ половиною листовъ. Тутъ являются два новыя лица: старикъ бродяга, тертый калачъ, и барышня. Стихи исполняютъ свое дѣло, постукиваютъ риѳмами, все какъ слѣдуетъ; но надо обратить вниманіе на то, какъ, хорошо ли выражены эти фигуры, которыя могутъ и не возбуждать большого сочувствія. Словомъ, такія мѣста, которыя Константинъ скоро и безъ участія читаетъ, несмотря на то, что они, можетъ быть, въ художественномъ отношеніи стоятъ гораздо выше описаній красоты природы, а для пишущаго несравненно труднѣе".

Закончивъ свои изслѣдованія въ Бессарабіи, Аксаковъ уже въ январѣ 1849 г. былъ въ Петербургѣ. Представивъ свой отчетъ министру, онъ ожидалъ новаго порученія, но съ этимъ дѣло затянулось: предполагалось отправить Аксакова въ Казанскую губернію, однако это предположеніе было оставлено, и нѣсколько мѣсяцевъ пришлось Аксакову провести въ Петербургѣ безъ дѣла, или вѣрнѣе, почти безъ дѣла, такъ министръ поручилъ ему, на основаніи его бессарабскихъ наблюденій, составить записку о царанахъ, т. е. особомъ родѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Эта статья и извѣстіе о пріобрѣтеніи крестьянъ для его брата, Григорія Сергѣевича вызываютъ у Аксакова рядъ интересныхъ соображеній о крѣпостномъ правѣ. „И такъ, пишетъ онъ, Гриша дѣлается помѣщикомъ. Конечно, ему иначе нельзя; но я уже по одному этому боюсь жениться. Еслибъ я былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, я, разумѣется, хлопоталъ бы изо всѣхъ силъ о ихъ благосостояніи, а въ Россіи это благосостояніе пріобрѣтается помѣществованіемъ. Я же далъ себѣ слово никогда не имѣть у себя крѣпостныхъ и вообще крестьянъ, что бы ни говорили, а искусительныя выгоды помѣщичьяго званія нарушаютъ чистоту взгляда на крестьянъ, мѣшаютъ дѣйствовать... Нѣтъ, Богъ съ ними. Я же держусь того мнѣнія, что помѣщики непремѣнно должны понести правомѣрный убытокъ при эмансипаціи крестьянъ за то, что цѣлыя столѣтія пользовались безобразными правами надъ собственностью и лицомъ крестьянина; я считаю, или, лучше сказать, я не вывожу этого логически, но душа моя говоритъ мнѣ, что крестьянинъ, обработывающій землю, крестьянинъ, для котораго она единственная мать и кормилица, болѣе меня имѣетъ на нее правъ. И странно какъ-то въ настоящее время пріобрѣтать помѣстья!.. Одинъ братъ дѣлается помѣщикомъ, другой изо всѣхъ силъ будетъ хлопотать лишить его многихъ помѣщичьихъ выгодъ!.. Не знаю, писалъ ли я вамъ, что я теперь пишу статью о царанахъ, по оффиціальнымъ документамъ, которые Ханыковъ досталъ мнѣ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Я пишу по собственной охотѣ. Это будетъ поучительная повѣсть о трудности согласить помѣщичье званіе съ выгодами и свободою крестьянъ; въ ней изложится исторія всѣхъ попытокъ и дѣйствій администраціи относительно ихъ и необходи-

мость вмѣшательства правительства въ это дѣло, которое иначе никогда не рѣшится. Это двое тяжущихся, которымъ нуженъ посредникъ... Впрочемъ, объ этомъ когда-нибудь подробнѣе. Объ Остзейскихъ крестьянахъ есть уже обработанная статья. Такимъ же образомъ надо будетъ обработать статьи о половникахъ въ Вологодской губерніи, о контрактныхъ крестьянахъ въ западныхъ и т. д. Между тѣмъ Бѣляевъ напишетъ исторію крестьянскаго сословія въ Россіи до Петра. Одного изъ своихъ товарищей я засадилъ за выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ, изо всѣхъ указовъ, начиная съ Петра, гдѣ упоминаются крѣпостные; надо бы также сдѣлать выписку изо всѣхъ уголовныхъ дѣлъ съ Петра, гдѣ видны отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Все это поможетъ изучить настоящій бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и, слѣдовательно, подвинуть дѣло эмансипаціи, которое должно быть впереди всѣхъ другихъ. Безъ него едва ли прочія возможны... Я хочу писать въ родѣ того, какъ существуютъ Beautés de l'histoire Romaine, Grecque,— beautés изъ исторіи помѣщичьяго быта, гдѣ изложить всѣ ужасные случаи помѣщичьей власти, знакомые мнѣ и другимъ по уголовнымъ дѣламъ".

Но всѣ такіе планы могли быть осуществлены только въ будущемъ, такъ какъ современная обстановка была весьма неблагопріятна и вызывала у Аксакова самыя тягостныя размышленія. „Грустно, писалъ онъ отцу, когда поглядишь вокругъ и увидишь всю безтолковщину и подлость общества. Я не знаю, какъ дѣйствуетъ на Константина современное состояніе общества, въ которомъ онъ столько лѣтъ проповѣдывалъ. Гнусно и грустно! А между тѣмъ затрудненъ пріемъ въ университеты лицъ низшаго состоянія; профессоръ Куторга посаженъ на 10 дней подъ арестъ и отрѣшенъ отъ профессорства за то, что будучи когда-то цензоромъ (ужъ онъ давно и не цензоръ), пропустилъ въ печати какіе-то нѣмецкіе стихи, о которыхъ никто и не помнитъ! А между тѣмъ всякая честная мысль клеймится названіемъ якобинства, и торжество стараго порядка вещей въ Европѣ даетъ торжествовать и нашему гнилому обществу. Елачичъ помогъ было на время, но это продолжалось не долго. Хоть бы убѣдилось правительство въ мирномъ характерѣ, въ благочестіи нашихъ убѣжденій и нашего направленія. Какъ-то на прошедшей недѣлѣ я по-

чувствовалъ это особенно тяжко и написалъ стихи, выраженіе этого тягостнаго состоянія". Эти стихи представляются крайнимъ проявленіемъ мрачнаго отчаянія, которое охватило тогда Аксакова и многихъ его единомышленниковъ при видѣ царившаго вокругъ зла и лжи. Вотъ эти стихи:

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! вы не нужны!
Смирися, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!
Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!
Такъ сокрушись, души гордыня!
Въ борьбѣ неравной ты падешь.
Сплошного зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ напрасныхъ
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!..
Ликуй же, ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Клейми прозваньемъ вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабѣйте жъ, силы!.. вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Тяготитъ Аксакова и обычный строй, обычная обстановка жизни въ Петербургѣ, пустота и пошлость общества. „Трудно представить себѣ, жалуется онъ отцу, до какой степени жизнь въ Петербургѣ дѣлаетъ всѣхъ этихъ господъ тупоумными! Что особенно противно здѣсь, такъ это самодовольствіе, написанное на всѣхъ лицахъ, особенно же на лицахъ господъ, принадлежащихъ къ высшему обществу. Все это

необыкновенно счастливо, довольно самимъ собою, обществомъ, прогрессомъ, чортъ знаетъ, чѣмъ! Говорятъ, что сравнить нельзя теперешняго общества съ тѣмъ, которое было лѣтъ за 10 и 15! Положимъ, то было просто глупо и не занималось никакими вопросами, а теперь и времена и обстоятельства не тѣ. Необыкновенно противно видѣть, какъ эти господа сдѣлали себѣ тѣсто изъ одной доли христіанства, изъ двухъ четвертей языческой мудрости и изъ остальныхъ долей собственной человѣческой подлости, и изъ этого тѣста вылѣпили себѣ какой-то короткохвостый идеалъ нравственности, которымъ и удовлетворились и стали необыкновенно покойны и счастливы. Не говоря уже о томъ, какъ я Васъ хочу видѣть, обнять и успокоить, мнѣ просто нужно освѣжиться ощущеніями природы, народа, труда... и поэзіи! Мнѣ такъ хочется отрезвиться стихами, Бродягой, а здѣсь никакъ не пишется".

Находясь въ такомъ настроеніи, Аксаковъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ разрѣшенія дѣла о командировкѣ въ Казанскую губернію, но изъ-за различныхъ формальностей эта командировка все оттягивалась, и приходилось пока ограничиваться чтеніемъ дѣлъ министерства, относящихся къ Казанской губерніи. Предполагалось поручить Аксакову ревизію городовъ Казанской губерніи въ хозяйственномъ административномъ и торговомъ отношеніяхъ, составленіе ихъ статистическаго описанія, съ цѣлью поднятія ихъ экономическаго положенія. Работа казалась Аксакову интересной, хотя онъ и признавался, что предстоитъ много скучныхъ, мелочныхъ подробностей. Но и эти мелочи не пугали его. „Другого порученія, писалъ онъ, въ виду не имѣется; жить безъ дѣла служебнаго въ Петербургѣ мнѣ, привыкшему къ служебнымъ занятіямъ, тоска невыносимая. Надо же работать, работать для пользы общей, какъ бы она ни была ограничена, какъ бы ни малы были плоды, и исполнять по крайней мѣрѣ долгъ честнаго человѣка! Я почти заранѣе знаю, что будущій трудъ мой о Казанской губерніи, по окончаніи порученія, будетъ положенъ къ *таковымъ же*, какъ это до сихъ поръ дѣлалось со всѣми прочими ревизіями городовъ, что никакого результата изъ того не выйдетъ, но какъ же быть? Вотъ и теперь отчетъ мой о бессарабскихъ раскольникахъ, хоть и былъ расхваленъ, преспо-

койно лежитъ себѣ у Надеждина и никакихъ ростковъ не пускаетъ! Все это очень грустно; но тѣмъ не менѣе я вижу, что для моей дѣятельности только два поприща: служба и поэзія. Поэзія одна неспособна удовлетворить меня и наполнить мое время; въ службѣ я все же могу найти возможность быть полезнымъ, хоть совершенно случайно; къ тому же она дастъ мнѣ средства познакомиться ближе съ Россіей"...

Въ тотъ самый день, когда писалось письмо, изъ котораго нами приведена послѣдняя цитата, Аксаковъ былъ арестованъ и привезенъ въ штабъ корпуса жандармовъ: „Поводомъ къ аресту Ивана Сергѣевича, какъ объясняетъ издатель его писемъ, была близость его съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, рѣзкость нѣкоторыхъ его выраженій въ семейныхъ письмахъ, попавшихъ въ руки тайной полиціи, и наконецъ, неосновательное подозрѣніе, возникшее въ оффиціальныхъ сферахъ,—что начавшееся въ Москвѣ славянофильское направленіе находится въ связи съ панславистскимъ ученіемъ на Западѣ". Арестъ Аксакова продолжался всего четыре дня. Въ это время ему предложенъ былъ рядъ письменныхъ вопросовъ, отвѣты на которые были представлены Императору Николаю Павловичу. Прочитавъ эти отвѣты и сдѣлавъ по поводу ихъ много отдѣльныхъ замѣчаній, Государь возвратилъ рукопись шефу жандармовъ, гр. А. Ѳ. Орлову съ резолюціей: „Призови, прочти, вразуми, отпусти".

Въ своихъ отвѣтахъ Аксаковъ далъ, въ очень сжатой формѣ, изложеніе сущности славянофильскихъ воззрѣній, и въ этомъ отношеніи особенно интересенъ третій пунктъ, который мы и приводимъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ примѣчаніями Императора Николая Павловича. Вопросъ былъ предложенъ такой: „Въ бумагахъ Вашихъ находится письмо Вашего родителя, въ которомъ онъ, отвѣчая на ваше письмо отъ 25 февраля, дѣлаетъ Вамъ замѣчаніе за рѣзкость и неточность выраженій, особенно за то, что Вы не договариваете Вашихъ мыслей, отчего выходитъ такой смыслъ, что иной можетъ принять Васъ за либерала. Объясните съ полною откровенностью все содержаніе упомянутаго письма Вашего и, если сохранила Ваша память, изложите оное точными словами, особенно тѣ мѣста, за которыя Вы получили замѣчаніе отъ Вашего родителя?" Вотъ пространный отвѣтъ Аксакова: „Готовъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ полною откровенностью,

хотя она можетъ быть для меня невыгодною. Поводомъ къ письму моего отца было мое письмо къ нему слѣдующаго содержанія. Я писалъ: „возвращеніе стараго порядка вещей въ Европѣ наводитъ улыбку гордой радости на лица нашихъ Петербургскихъ аристократовъ. Они вдругъ всѣ пріободрились. Всякій разъ послѣ прогулки по Невскому проспекту овладѣваетъ мною великая скорбь. Вы не повѣрите, какъ возмущается душа моя при видѣ этихъ господъ полу-французовъ, полу-нѣмцевъ, все что угодно, только не русскихъ, коверкающихъ свой родной языкъ, ослѣпляющихъ насъ роскошью произведеній Запада и живущихъ уже совсѣмъ не по-русски! На лицахъ ихъ написано: „Слава Богу, теперь мы безопасно можемъ дѣлать то, что дѣлали прежде, т. е. роскошничать, развратничать и разорять нашихъ крестьянъ!“ Когда въ прошломъ году, испуганные Европейскими смутами, они пѣли хвалебный гимнъ Россіи и русскому народу, то въ этихъ словахъ слышались мнѣ другія слова: „какой у насъ въ самомъ дѣлѣ добрый, терпѣливый, удобный народъ: мы презираемъ его, выжимаемъ изъ него послѣднюю денежку, и онъ сноситъ все и даже не питаетъ къ намъ ненависти“. Вотъ выраженія, за неточность которыхъ упрекалъ меня отецъ мой, говоря, что оттого выходитъ такой смыслъ, который можетъ подать обо мнѣ ложное понятіе, будто я либералъ, тогда какъ, прибавляетъ онъ, западный либерализмъ противенъ душѣ твоей. И онъ совершенно правъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы дополнить невысказанную мысль и изложить ее съ искреннимъ чистосердечіемъ. По моему мнѣнію, старый порядокъ вещей въ Европѣ такъ же ложенъ, какъ и новый *). *Онъ уже ложенъ потому, что привелъ къ новому, какъ къ логическому, непремѣнному своему послѣдствію. Ложныя начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увѣнчаться безвѣріемъ, анархіей, пролетаріатствомъ, эгоистическимъ устремленіемъ всѣхъ помысловъ на одни матеріальныя блага и гордымъ, безумнымъ упованіемъ на однѣ человѣческія силы, на возможность замѣнить человѣческими учрежденіями Божія постановленія* **). *Вотъ къ чему привели Западъ авторитетъ католицизма, раціо-*

*) Совершенно справедливо (Примѣчаніе Государя, какъ и послѣдующія примѣчанія).

**) Святая истина!

нализмъ протестантизма и усиленное преобладаніе личности, противное духу смиренія Христіанской общины.—Не такова Русь *). *Православіе спасло ее и внесло въ ея жизнь совершенно другія начала, свято хранимыя народомъ* **). Народъ смотритъ на Царя, какъ на самодержавнаго Главу всей пространной русской православной Общины, который несетъ за него все бремя заботъ и попеченій о его благосостояніи; народъ вполнѣ вѣритъ ему и знаетъ, что всякая гарантія только нарушила бы искренность отношеній и только связала бы безъ пользы руки дѣйствующимъ, наконецъ, что только то ограниченіе истинно, которое налагается на каждаго христіанина въ отношеніи къ его ближнимъ духомъ Христова ученія. Взглядъ русскаго народа на правительство вообще высказанъ былъ въ оффиціальномъ объясненіи на извѣстный манифестъ, изданномъ въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ словахъ: всякая форма правительственная, какъ бы совершенна она ни была, имѣетъ свои недостатки и проч.—Да не подумаютъ, что я хочу льстить,—Боже сохрани! ***) Но вотъ мои убѣжденія: При Петрѣ Великомъ верхніе слои общества отчуждались отъ народа и поддались обаянію Запада, увлеклись блестящимъ соблазномъ его цивилизаціи и презрѣли коренныя, основныя начала русской народности. Не одни художества и ремесла были вводимы въ Россію! Нѣтъ! Русскіе портные ссылались на каторгу за шитье русскаго платья, русскій языкъ былъ весь изломанъ, исковерканъ и нашпигованъ иностранными выраженіями; администрація, съ ея нѣмецкими учрежденіями и названіями, подавила жизнь своимъ формализмомъ; чиновники, съ своими нѣмецкими чинами, были поставлены въ неискреннія и странныя отношенія къ народу, которому было трудно не только понять, но и выговорить имена ихъ. Дворянство совершенно оторвалось отъ народа, присвоивъ своей жалкой цивилизаціи право: не вѣрить, *когда онъ вѣритъ;* не соблюдать уставы Церкви, *имъ соблюдаемые;* не знать языка, *которымъ онъ говоритъ* ****), забыть свою исторію и преданія и глядѣть на него, какъ на удобный матеріалъ къ извлеченію

*) Слава Богу!

**) Напечатанное курсивомъ подчеркнуто Государемъ.

***) Все это справедливо.

****) Справедливаго много, хотя, слава Богу, не въ общемъ примѣненіи.

изъ него доходовъ. Послѣдующія поколѣнія шли по данному толчку, не оглядываясь, не сознавая, и общество въ томъ виновато передъ правительствомъ, что заслоняло отъ него народъ и мѣшало правительству понимать Россію въ настоящемъ свѣтѣ... Между тѣмъ, какъ *образованное* общество жило заемной жизнью, обезьянски шло за Западомъ и добровольно задавало себѣ въ чужомъ пиру похмелье, — народъ, слава Богу, оставался тѣмъ же или почти тѣмъ же. Я говорю: *почти*, потому, что примѣръ разврата, нами подаваемый, начинаетъ проникать и въ села. Разумѣется, простой народъ, живущій въ столицахъ, сначала оскорблялся, видя напримѣръ, въ Москвѣ, что въ великій постъ, когда онъ говѣетъ, постится, идетъ къ заутрени или возвращается съ исповѣди, высшее общество *) съ факелами, пѣсельниками, цыганами и цыганками, бѣшено наслаждается ночными катаньями съ горъ,—но потомъ и народъ мало-по-малу привыкаетъ къ этому, и, чего добраго, пожалуй заведетъ и у себя то же. Въ нынѣшнее царствованіе во многихъ сердцахъ пробудились угрызенія совѣсти. Спрашивали себя: не виноваты ли мы передъ русскимъ народомъ, старались воскресить въ себѣ русскаго человѣка. Это возрожденіе русской народности проявилось въ наукѣ и литературѣ. Люди, всѣми силами, всѣми способностями души преданные Россіи, смиренно изучавшіе сокровища духовнаго народнаго богатства, свято чтущіе коренныя начала его быта, неразрывныя съ православіемъ, *люди эти, Богъ вѣсть почему,* **) *прозваны были славянофилами, хотя въ ихъ отношеніяхъ къ западнымъ славянамъ было только одно сердечное участіе къ положенію единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ братій. Я принадлежу къ этимъ людямъ и думаю, что намъ, т. е. образованному обществу, слѣдуетъ покаяться, нравственно перевоспитаться и стать русскими людьми.* Въ началѣ прошлаго года проис-

*) Конечно, если это такъ, то это неприлично и не должно было бы быть допущено мѣстными властями...

**) Потому что подъ видомъ участія къ мнимому утѣсненію славянскихъ племенъ таится преступная мысль о возстаніи противъ законной власти сосѣднихъ и отчасти союзныхъ государствъ и объ общемъ соединеніи, котораго ожидаютъ не отъ Божьяго произволенія, а отъ возмущенія, гибельнаго для Россіи!.. И мнѣ жаль, потому что это значитъ смѣшивать преступное съ святымъ... Прекрасно, но посмотримъ, что есть русскій человѣкъ въ мысляхъ г. Аксакова.

шествія въ Европѣ заставили насъ думать, что общество образумится, перевоспитается. Но вышло не то. Общество, въ особенности Петербургское, сперва испугалось: новое доказательство, что оно не знаетъ русскаго народа, потому что всякое возстаніе, всякій насильственный, революціонный путь ненавистенъ, противенъ его нравственнымъ убѣжденіямъ и основамъ его быта, проникнутаго духомъ вѣры. Общество скоро успокоилось, не видя, впрочемъ, что, ругая Западъ, оно хранитъ въ себѣ его начала, продолжаетъ жить заемною жизнью, словомъ, какъ выразился не помню кто, думаетъ устроить на Руси свой домашній Западъ и безнаказанно упиваться сладостью всѣхъ тѣхъ же грѣховъ, которые погубили Западъ. Поэтому, говорю откровенно, противно мнѣ бывало смотрѣть *) на какого-нибудь износившагося въ пустой и развратной жизни франта, владѣтеля цѣлыхъ десятковъ тысячъ душъ крестьянъ, которые въ потѣ лица работаютъ кротко и усердно на удовлетвореніе безумной роскоши своего господина. А господинъ этотъ **) полонъ глубокаго презрѣнія къ „грубому и невѣжественному“ мужику, не умѣетъ безъ ошибокъ подписывать своего имени и считаетъ себя уволеннымъ отъ обязанности, если не вѣрить, то почитать Церковь и ея уставы. Вмѣсто того, чтобы поучаться у народа его мудрости и смиренію, онъ, вступивъ въ службу, готовъ будетъ сейчасъ учить его по своему и навязывать ему Богъ знаетъ какія, только не русскія теоріи. Такихъ господъ много. Они на каждомъ шагу попадаются въ Санктъ-Петербургѣ.—Отецъ мой говоритъ, что негодованіе мое можетъ быть принято въ другомъ смыслѣ, т. е. въ либерально-западномъ. Если такъ, то весьма ошибутся тѣ, которые это подумаютъ ***). Я уже сказалъ, что всякій насильственный путь противенъ русскому народу, а слѣдовательно и всѣмъ тѣмъ, которые, какъ я, имѣютъ претензію держаться русскаго духа. Я убѣжденъ, что насиліе порождаетъ насиліе, нару-

---

*) Очень понятно.

**) Бываютъ такіе, но они неминуемо должны подвергнуться презрѣнію и осужденію всѣхъ благомыслящихъ людей, которыхъ еще довольно и которыхъ, слава Богу, съ каждымъ днемъ болѣе.

***) А потому и не надо подавать къ тому повода разными сужденіями, преувеличеніями и выходками, которыя одною надменностью и неопытностью отзываются и искажаютъ чистоту намѣреній.

шаетъ нравственную чистоту дѣла и никогда не приводитъ къ добру; я считаю даже, что никакая цѣль никогда не оправдываетъ средствъ, и вѣрю Спасителю, сказавшему ученику Своему, когда тотъ хотѣлъ Его защитить (слѣдовательно, сдѣлать, кажется, святое дѣло): „всякій поднявшій мечъ мечемъ и погибнетъ“.—И потому я желалъ бы только, чтобы мы сами, открывая другъ другу мирнымъ путемъ убѣжденія наши заблужденія, постарались попасть на прямую дорогу, устремили всѣ свои силы на изученіе родной страны, на пользу Россіи и ея народа, при содѣйствіи правительства, которое всегда благонамѣренно, но не всегда успѣваетъ въ своихъ желаніяхъ, и которое во сто разъ благонамѣреннѣе самого нашего общества. Только правительство можетъ практически осуществить возрожденіе русской народности и самобытное развитіе русской жизни.—Объясненіе мое на этотъ вопросъ нѣсколько длинно; но я счелъ нужнымъ распространиться и начать издалека, дабы предупредить всякія недоразумѣнія. Все написанное мною изложено съ самою полною откровенностью *).

Изъ другихъ вопросныхъ пунктовъ, предложенныхъ Аксакову, два касались его поэтическихъ произведеній, и особенно любопытенъ изъ нихъ вопросъ 11-й: „объясните, какую главную мысль предполагаете вы выразить въ поэмѣ Вашей „Бродяга“ и почему избрали бѣглаго человѣка предметомъ сочиненія? На этотъ вопросъ Аксаковъ далъ объясненіе такое: „Отчего выбралъ я бродягу предметомъ поэмы?.. Оттого, что образъ его показался мнѣ весьма поэтичнымъ; оттого, что это одно изъ явленій нашей народной жизни; оттого, что бродяга, гуляя по всей Россіи какъ дома, даетъ мнѣ возможность сдѣлать стихотворное описаніе русской природы и русскаго быта въ разныхъ видахъ; оттого, наконецъ, что этотъ типъ мнѣ, какъ служившему столько лѣтъ по уголовной части, хорошо знакомъ. Крестьянинъ, отправляющійся бродить вслѣдствіе какого-то безотчетнаго влеченія по всему широкому пространству русскаго царства (гдѣ есть гдѣ разгуляться!), потомъ наскучившій этимъ и добровольно являющійся въ судъ—вотъ герой моей поэмы“.

---

*) Вѣрю, но и въ добрыхъ намѣреніяхъ можно ошибаться. C'est le ton qui fait la musique.

Объясненія Аксакова были признаны удовлетворительными, и освобожденный отъ кратковременнаго своего ареста, онъ уже въ половинѣ мая 1849 г. былъ въ Ярославлѣ, куда былъ командированъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Казанской губерніи для изученія раскола и для ревизіи хозяйственнаго положенія городовъ Ярославской губерніи. Замѣчательно, что при этомъ правительственномъ порученіи, Аксаковъ былъ поставленъ подъ тайный надзоръ полиціи, и вслѣдствіе этого сразу создались довольно странныя отношенія къ нему мѣстнаго общества. „Я состою, пишетъ онъ отцу, подъ надзоромъ полиціи—это сказывалъ Бутурлинъ (губернаторъ) по секрету Муравьеву, прибавляя, что объ этомъ есть приказаніе и у жандармскаго штабъ-офицера и что объ этомъ, къ сожалѣнію, знаетъ почти все общество. Оно знало это еще до моего пріѣзда, и этимъ объясняется для меня странность пріема. Если бы я отданъ былъ подъ надзоръ за шуллерство въ картахъ или тому подобное, то меня бы приняли съ распростертыми объятіями,— а теперь отдать меня подъ надзоръ полиціи въ губерніи, безъ извѣстной для нихъ причины, значитъ отдать меня подъ надзоръ всего общества. Я ни съ кѣмъ изъ нихъ объ этомъ предметѣ не объяснялся; но можете себѣ представить, какому теперь странному толкованію могутъ подвергнуться всякія мои слова. Заговорилъ я о двери... думаютъ: нѣтъ, шутишь, экъ куда метнулъ! какого туману напустилъ *) и проч. Я уже имѣлъ этому доказательства, а потому принялъ за правило ничего не говорить, или по крайней мѣрѣ какъ можно меньше. Впрочемъ все это касается высшаго губернскаго общества. Въ другіе слои это не перешло, и они охотно со мною бесѣдуютъ. Я нисколько не боюсь тайнаго надзора и бояться мнѣ нечего, но только умнаго, а боюсь надзора глупаго. Впрочемъ, если бы что-нибудь такое вышло, то я, благодаря Перовскаго, воспользуюсь позволеніемъ написать ему о томъ въ собственныя руки“.

Если ярославское общество насторожилось въ отношеніи поднадзорнаго чиновника, то и самъ Аксаковъ особенной симпатіи къ этому обществу не ощутилъ, и первыя же его впечатлѣнія были совсѣмъ неблагопріятны. „Удивительное,

---

*) Ревизоръ, д. II, сцена VI.

писалъ онъ, свойство большей части губернскихъ городовъ: это совершеннѣйшая пошлость, ничтожность людей. Общество почти вездѣ таково, но въ Москвѣ и Петербургѣ вы всегда найдете человѣкъ пять, съ которыми можно говорить обо всемъ; здѣсь-же ни одного. Здѣсь я нашелъ много умныхъ купцовъ, это правда, но вѣдь разговоръ съ ними не есть мой постоянный разговоръ, мы слишкомъ раздѣлены и образованіемъ и интересами и сферами дѣятельности. Но что касается до общества здѣшняго, до ярославскаго beau-monde, то это самое жалкое, ничтожное общество. Въ этомъ обществѣ, боясь упрека въ невѣжествѣ, не скажутъ ни одного слова по-русски, да и не нужно: если бы они говорили о чемъ-нибудь серьезномъ и задушевномъ, то прибѣгли-бы къ русскому языку, но какъ подобныхъ разговоровъ здѣсь не ведется, то обходятся посредствомъ французскаго. Все это съ страшною претензіей на bon genre, роскошь непозволительная, читаютъ вздоръ, живутъ всѣ заемною жизнью столичныхъ обществъ".

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ, Аксаковъ испытывалъ иногда сильнѣйшую тоску. „Жизнь — удивительное дѣло! — восклицалъ онъ. Какъ она умѣетъ жить всюду! И какъ это особенно чувствуется путешественникомъ, стоящимъ внѣ созерцаемой имъ жизни. Стоитъ только внимательно всмотрѣться въ ежедневность, и убѣдишься, что каждая минута въ ней имѣетъ свою поэтическую сторону. Въ жизни все можетъ быть художественно; надобно только умѣть отрывать ее отъ случайности. Во мнѣ, какъ и во многихъ, лежитъ эта способность. На что ни глядятъ глаза, они какъ будто сейчасъ обрамливаютъ предметъ, будто переносятъ его на бумагу (и не словами собственно, а будто рисункомъ) и даютъ ему мѣсто и значеніе въ вѣчномъ ряду явленій. Будто останавливаешь каждый мигъ жизни, сознаешь его и отпустишь. Но это занятіе, которое можетъ быть названо и дѣломъ и праздностью, и полезнымъ и вреднымъ, во всякомъ случаѣ наводитъ грусть на душу и нерѣдко усталость, и не всегда передаетъ истину. То есть оно передаетъ, можетъ быть, другую, сокровенную истину, но истины житейской, минутной не передаетъ. Такъ, напримѣръ, вѣрно и вамъ приходила не разъ въ голову мысль объ отдаленномъ и мирномъ городкѣ, о домикахъ съ чистыми окошками, съ

зелеными ставнями, о чиновникахъ городка, собравшихся въ неуклюжихъ мундирахъ въ каменный, древній соборъ и проч. и проч. и проч. Неправда-ли! И оно дѣйствительно такъ, и глядя съ этой стороны, не живешь самою жизнью, не чувствуешь скуки, тоски и пустоты. Но влѣзьте въ кожу каждаго изъ нихъ, какъ я всегда дѣлаю, говорите съ ними, подъ условіемъ свѣтскихъ приличій... Какое болѣзненное часто испытываешь ощущеніе. Будь они просты, они были-бы хороши... И скучно дѣлается вамъ толковать съ Марьей Ивановной о пошломъ вздорѣ и видѣть ея ужимки, и бѣжишь домой и торопишься вонъ изъ мирнаго, отдаленнаго городка съ чистыми домиками, съ зелеными ставнями... Еще простилъ бы, если бы между ними цвѣла красота; но нѣтъ ничего, кромѣ пошлой миловидности! А потому всегда и во всемъ остаешься созерцателемъ. Что бы тамъ ни говорили, но намъ людямъ нервическимъ, людямъ сознанія, внѣ созерцанія необходимы для общества, для постояннаго сообщенія мысли, для раздѣла трапезы жизни (извините за фигуральность: во мнѣ она есть), необходимы натуры утонченныя. Оттого-то за этимъ созерцательнымъ моимъ занятіемъ стоитъ, будто на стражѣ, тоска... Помощникъ мой часто утѣшаетъ меня. Онъ сынъ небогатыхъ родителей, получилъ недавно только первый оберъ-офицерскій чинъ и съ чиномъ довольно хорошее содержаніе... Онъ признался мнѣ, что теперь, какъ самъ выражается, смотритъ по этому случаю на жизнь „съ розовой точки зрѣнія!“ Каково мнѣ слышать это! Онъ находитъ, что жизнь ему улыбается, что все такъ хорошо, а главное, благородное обхожденіе начальника, т. е. моей особы. Мной они чрезвычайно довольны. И въ самомъ дѣлѣ какое благородство въ обращеніи, какъ мило шутитъ Его Высокоблагородіе!.. Господи, что за дрянь человѣкъ!.. Я знаю обхожденіе съ подчиненными; оно весьма дешево стоитъ. Отпустишь дурацкую шутку, посадишь, бросишь нѣсколько словъ, обнаруживающихъ внимательность,—и подчиненный счастливъ! И такая подлость въ человѣческой натурѣ, что я вѣдь и самъ, пожалуй, если покопаться, чувствовалъ не разъ удовольствіе отъ начальническаго обхожденія“.

Но кромѣ пустоты и пошлости, Аксакову при ближайшемъ знакомствѣ съ провинціальной жизнью, открылось

множество такихъ фактовъ, которые рисовали произволъ провинціальнаго чиновничества, всякія его злоупотребленія, которые характеризовали тягость крѣпостного права, произволъ помѣщиковъ. Приходилось наталкиваться иногда на казусы въ родѣ слѣдующаго, обнаруженнаго при ревизіи дѣлъ Норскаго посада. „При требованіи моемъ: куда же дѣваются суммы, не выказываемыя въ оффиціальныхъ доходахъ, мнѣ представили тетради и отчеты слободского старосты обществу; слободской же староста расходуетъ по распоряженію домашнему ратуши. Въ этихъ тетрадяхъ написаны слѣдующіе расходы: на поздравленіе съ днемъ ангела правителя канцеляріи губернатора, исправника и многихъ другихъ; на поздравленіе ихъ съ Новымъ годомъ и съ Пасхой; на табакъ и водку пріѣзжающимъ чиновникамъ; на издержки по земской полиціи по случаю найденнаго въ посадѣ мертваго тѣла и все въ такомъ же родѣ. Общество не отвергаетъ правильности и необходимости этого красиваго расхода, но говоритъ, что въ прежніе года расходовалось на это гораздо меньше и изъ другихъ частныхъ ихъ суммъ, и полагаетъ, что половину этихъ расходовъ выказали ложно и взяли себѣ. Мнѣ всегда непріятнѣе видѣть мошенника—общественнаго человѣка (какъ выражаются всегда мѣщане), нежели мошенника—чиновника. Вы скажете на это, что бургомистръ съ ратманами тѣ же чиновники. Такъ, но все же не совсѣмъ. Они выбираются, да и въ отношеніи суммъ неоффиціальныхъ являются общественными людьми. Можно извинить кражу у казны и вообще изъ суммъ, носящихъ на себѣ характеръ казенный, но вѣдь они этимъ деньгамъ давали значеніе не казенное, а общественное и считали нужнымъ отдавать въ нихъ отчетъ обществу, безо всякаго вѣдома и участія Правительства, и лгали въ этихъ отчетахъ и надували само общество. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что половина суммъ, показанная расходомъ на чиновниковъ, взята ими себѣ. Само собою разумѣется, что всѣ чиновники при спросѣ отрекутся, и деньги взыщутся съ ратуши. Я долженъ былъ потребовать отъ губернатора смѣны присутствующихъ и произведенія настоящаго слѣдствія. Какъ бы вы ни объясняли и ни оправдывали это явленіе, но согласитесь, что за слабая натура у русскаго человѣка, что онъ становится мошенникомъ, какъ скоро переходитъ въ чиновники! Какъ будто онъ не

знаетъ, что должно переносить и туда понятія честности и правды! Какъ будто чиновникъ перестаетъ быть христіаниномъ!“ То же самое взяточничество, производящее удручающее впечатлѣніе, характеризуется Аксаковымъ и въ другомъ его письмѣ. „Боже мой! восклицаетъ онъ,—сколько скуки, сколько пошлости и подлости въ жизни общества уѣзднаго городка! Во-первыхъ, городничій—воръ! Даже и этотъ музыкантъ, у котораго я обѣдалъ и о которомъ сейчасъ послѣ обѣда сталъ дѣлать внимательные разспросы, оказался не послѣднимъ воромъ. Городничій воръ и взяточникъ, жена его—тоже взяточница, впрочемъ очень милая женщина. Исправникъ еще больше воръ; жена его, любезная дама, распоряжается уѣздомъ, какъ своею деревней; окружной, лѣсничій, начальникъ инвалидной команды, почтмейстеръ, стряпчій, секретарь и ихъ жены — все это воры, переворы, и все это общество чиновниковъ живетъ съ претензіями на большую ногу и даетъ балы и вечера на взяточныя деньги! И никакого образованія, кромѣ внѣшняго, никакого порядочнаго стремленія, никакого участія къ меньшимъ, кромѣ презрѣнія, и ко всему этому пошлость, звенящая пошлость души, мыслей, всего. Я часто думалъ, могъ ли бы я ужиться въ какомъ-нибудь уѣздномъ городкѣ... Нѣтъ! прервать сношенія съ движущимся, стремящимся, волнующимся, умственнымъ міромъ невозможно человѣку умствующему. Еслибъ еще были всѣ книги и газеты подъ рукой! Какъ-то на этой недѣлѣ, придумывая разные проекты и убѣждаясь въ невозможности довѣриться русскимъ чиновникамъ, я невольно воскликнулъ; Господи, что это за подлая русская натура! Каюсь въ этомъ выраженіи, но серьезно, подумайте, отчего у насъ столько взяточниковъ: Вѣдь смѣшно объяснять это древнимъ обыкновеніемъ: служилый народъ не живетъ инстинктивною жизнью и очень хорошо понимаетъ, что взятка—взятка, что и благодарности за исполненіе своего долга брать не слѣдуетъ и проч. Въ насъ нѣтъ ложнаго чувства чести, да и страху Божьяго нѣтъ, и выходитъ, что съ чувствомъ чести—было бы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше. Какъ будто ужъ званіе чиновника мѣшаетъ русскому человѣку быть честнымъ!“

Соприкосновеніе съ реальной жизнью, созерцаніе недо-

статковъ современности русской вызываетъ у Аксакова протестъ противъ нѣкоторыхъ славянофильскихъ объясненій, которыя даются его братомъ, Константиномъ Сергѣевичемъ: „Я, говоритъ онъ, не могу, подобно Константину, утѣшаться такими фразами: „главное—принципъ, остальное—случайность“, или „что русскій народъ ищетъ Царствія Божія!..“ и т. д. Равнодушіе къ пользамъ общимъ, лѣнь, апатія и предпочитаніе собственныхъ выгодъ—признаются за исканіе царства Божія! Что касается до принципа, то, признаюсь, это выраженіе Константина заставило меня улыбнуться. Это все равно, что говорить голодному: другъ мой, ты будешь сытъ на томъ свѣтѣ, а теперь голодай—это случайность; намажь хлѣбъ принципомъ вмѣсто масла, посыпай принципомъ—и вкусно; нужды нѣтъ, что сотни тысячъ умрутъ, другія сотни уйдутъ—это случайность. Легкое утѣшеніе! Если бы я такъ вѣрилъ въ принципъ и *жизненность* этого принципа въ русскомъ народѣ, то, право, и горевать бы не сталъ, возмущаютъ меня факты,—ничего, вынулъ изъ кармана табакерку, понюхалъ принципа—и счастливъ! Гдѣ онъ—этотъ принципъ? Куда затесался? Поди, Константинъ, достань пыльную лѣтопись, поищи его въ XII и XIII вѣкѣ, когда князья терзали русскую землю, воюя другъ у друга удѣлы... Поздравляю съ этой находкой“.

Возстаетъ Аксаковъ иногда очень энергично противъ нѣкоторыхъ историческихъ пристрастій Константина Сергѣевича, противъ безусловной идеализаціи древняго русскаго быта, видя истинное выраженіе русской народности въ жизни крестьянской. „Нѣтъ, пишетъ онъ, крестьянинъ настоящій, служа выраженіемъ истиннаго типа русской народности, русскаго духа вообще, какъ въ старину, такъ и теперь, не можетъ служить выраженіемъ древняго боярина. И какъ горячо я люблю перваго, такъ не лежитъ моя душа къ послѣднему. Бояринъ былъ человѣкъ служилый, правительственный и этимъ однимъ уже много отличался отъ крестьянина, человѣка земскаго. Служилое сословіе было у насъ наслѣдственное. Сынъ боярина не былъ бояринъ, но не выходилъ изъ служилаго сословія никогда. Потомокъ дружины никогда не смѣшивался съ земскимъ человѣкомъ; а отъ того-то такъ легко было Петру и Екатеринѣ отдѣлить подъ общимъ наименованіемъ дворянъ все служилое сословіе,

которому и занятія другого не было, кромѣ службы—привычка, сохраненная нами и доселѣ. И я убѣжденъ, что несмотря на „тождество языка, понятій, вѣры и вкусовъ“, различіе между служилымъ и земскимъ человѣкомъ существовало въ живомъ быту не по одной внѣшности. Далѣе. Въ самихъ нравахъ разница была немалая. Холопъ государевъ подчинился вліянію татарскаго и византійско-царедворнаго элементовъ въ милліонъ разъ болѣе, чѣмъ крестьянинъ. Затворничества женщинъ не было въ быту крестьянскомъ, дородство не уважалось въ немъ. Въ ковахъ, крамолахъ, доносахъ, опалахъ, въ спѣси боярской (которая вошла въ пословицу), въ тяжбахъ о мѣстничествѣ, въ разрядныхъ книгахъ,—словомъ, во всей этой жизни Московскаго двора—слышите ли вы, чуете ли вы крестьянина? Въ эпоху 1612 года народъ явился на сцену и осрамилъ бояръ. Не говорю про великаго выскочку Ляпунова и про талантливаго, честнаго простяка Пожарскаго. Развѣ въ быту боярскомъ до Петра, особенно около его времени, не слышите ли вы застоялости упорной, чопорной? Въ этомъ можно сознаться и не оправдывая всѣхъ дѣйствій Петра и совершенно порицая явленія современной жизни. Но не къ народу относится этотъ упрекъ застоялости, какъ не можетъ онъ относиться къ нему и теперь. Что и говорить: не было тогда такой разницы, какъ теперь, но была разница въ старину не въ одной цѣнности одеждъ. Поэтому-то съ появленіемъ Петра гнилое боярское сословіе мигомъ полетѣло вверхъ тормашкой, чего бы не могло быть, еслибъ въ немъ уже не лежало смерти; а образа смерти нѣтъ въ быту современнаго крестьянина. Отъ боярина несло запахомъ гнили и трупа; отъ крестьянина вѣетъ *жизнью*. Да возьмите вы хоть одно отсутствіе хоровода и пѣсни въ быту боярскомъ. Развѣ этого мало? Въ оргіяхъ царя Ивана Васильевича, не говоря уже о другомъ ихъ значеніи, я вижу гораздо болѣе русскаго характера, чѣмъ въ быту боярскомъ, даромъ, что безнравственностью своею эти оргіи противоположными кажутся быту крестьянъ. Въ этихъ оргіяхъ слышится желаніе сбросить съ себя цѣпи чопорности, чванства и спѣси боярской,—насмѣшка надъ ними. Но нападая на древняго боярина, я вполнѣ признаю древнія начала жизни, лежавшія не въ быту боярскомъ, а въ самой церкви и въ народѣ. Теперь о купцахъ. Современный ку-

пецъ ближе къ крестьянамъ, нежели мы. Какъ ни считали *мы* себя близкими къ народу, мы отдѣлены отъ него пропастью: сознаніемъ и анализомъ жизни. Въ купцѣ этого нѣтъ. Въ лѣстницѣ сословій оба эти сословія стоятъ рядомъ. Набожностью, благотворительностью и одеждою своею купецъ сходенъ съ мужикомъ, сходенъ съ нимъ и рѣчью, ибо если купецъ и любитъ иногда выражаться красною безсмыслицею, то онъ умѣетъ владѣть и народною рѣчью. При всемъ томъ онъ очень отъ него далекъ и въ немъ есть нѣкоторыя черты, не принадлежащія нашему сословію, но напоминающія древняго баярина. Это то же затворничество женщинъ, спѣсь, чванство и какая то чопорность, крахмальность въ жизни. Только онъ лучше боярина, потому что ближе къ народу. И потому-то, я повторяю, я въ купцѣ чую часто древняго боярина, хоть, разумѣется, всего этого нельзя принимать вполнѣ и рѣшительно и, если буду когда-нибудь изображать древняго боярина, то припомню себѣ современнаго купца и его отличія отъ крестьянскаго быта, и думаю, что выйдетъ удачно. Что касается до чернозубія купчихъ, то, упоминая объ этомъ, я нападалъ на безусловное поклоненіе Константина древнимъ платьямъ и изяществу. Конечно, когда ему укажешь, онъ сознается, что то и другое скверно, но удивительно умѣетъ все это забывать, когда отъѣдетъ въ похвалы. Румяна, бѣлила и чернозубіе не современная принадлежность купчихъ, но древняя“.

Когда Аксаковъ возражаетъ противъ славянофильски-археологическихъ увлеченій своего старшаго брата, передъ нами обнаруживается происходившій въ немъ за это время мучительный процессъ борьбы разныхъ взглядовъ, окончательной провѣрки основъ своего міросозерцанія. Принимать безъ критики, на вѣру положенія славянофильской школы онъ не хотѣлъ, а жизнь современная казалась ему лучшимъ критеріемъ для оцѣнки тѣхъ выводовъ, которые были извлечены изъ историческаго изученія. „Подумалъ я, говоритъ Аксаковъ, что слишкомъ мы рѣшительны въ своихъ выводахъ a priori о русскомъ народѣ, что изучая народъ по древнимъ памятникамъ, мы сами себѣ ставимъ рамки— слишкомъ правильныя, повидимому же строго логическія, какъ иностранцы, слишкомъ правильно говорящіе на чужомъ языкѣ; подумалъ, не посягаемъ ли мы черезчуръ на сво-

боду жизненнаго народнаго тока, если это выраженіе не покажется слишкомъ вычурнымъ... Я не имѣю твердости убѣжденій Константина, рѣшился смиренно, безъ взглядовъ a priori, изучать современныя явленія и факты и, признаюсь, поколебалось во мнѣ многое, оробѣли мои умствованія, потерялъ я вѣру въ свои выводы. Выдвигая какое-нибудь положеніе, я говорю: „Да можетъ быть, а можетъ быть и нѣтъ“! Ужасный 1848 годъ и просто жизнь въ комъ не поколебали вѣры въ человѣческія истины... Но что касается до внутренняго моего духа, то онъ прожилъ тяжелое, удушливое время,— да и теперь не легко“.

Кромѣ основныхъ принциповъ разногласіе между братьями проявлялось иногда и при обсужденіи частныхъ вопросовъ, а въ этомъ отношеніи считаемъ не лишнимъ привести весьма любопытное мнѣніе Ивана Сергѣевича о народномъ образованіи. „Ты говоришь, пишетъ онъ брату:—„надо предложить народу средства просвѣщенія, а не самое просвѣщеніе“. Что же это значитъ? Это значитъ дать народу въ руки опасное орудіе, которымъ онъ можетъ уколоться, поставить его въ прямое сосѣдство съ гнилымъ просвѣщеніемъ безъ благонадежнаго посредника, сдѣлать его доступнымъ къ вредной пищѣ, не подготовивъ къ здоровой. Ты забываешь, что уже стоитъ рядомъ съ народомъ зло нашей цивилизаціи, и средства просвѣщенія сдѣлаютъ его воспріимчивѣе къ ней. Въ Ярославской губерніи болѣе всего грамотныхъ. Не говорю уже о горожанахъ: между мѣщанами—неграмотный рѣдкое исключеніе. Стало, средства просвѣщенія по твоему у нихъ есть. Что же они читаютъ? „Прекрасную Грузинку или битву русскихъ съ кабардинцами“, „Козла бунтовщика“. „Вѣроломную маску“, — всю эту дрянь, продающуюся на ярмаркахъ по пяти копеекъ серебромъ за романъ. Межъ тѣмъ какъ подлые спекулянты подчуютъ народъ этими помоями, (и народъ ихъ читаетъ, т. е. народъ грамотный, кромѣ раскольниковъ, благо дешево! А заплативши деньги, мужикъ уже непремѣнно прочтетъ книгу), межъ тѣмъ какъ хищные волки расхищаютъ стадо, выражаясь слогомъ высокимъ и, конечно, весьма высокимъ для гг. Кузьмичева, Ѳедотова и другихъ,—ты не хочешь дать народу болѣе здороваго чтенія, потому что ты не рѣшилъ еще, точно ли оно будетъ здорово... Оно во всякомъ случаѣ здоровѣе Поль-де-

Кока въ переводѣ и т. п. Не думай, что я преувеличиваю. Это точно правда, по крайней мѣрѣ относительно Ярославской губерніи: а Ярославскій крестьянинъ—вѣнецъ созданія въ Великороссіи—по своимъ дарованіямъ. На безчисленныхъ здѣшнихъ сельскихъ ярмаркахъ и рынкахъ этихъ книжонокъ продается безчисленное множество. Ты говоришь дальше: это средство есть грамотность церковно-славянская и русская и деревенская библіотека, состоящая изъ церковно-славянскихъ книгъ духовнаго содержанія. Конечно, просвѣщеніе должно быть основано на религіозныхъ началахъ: въ этомъ и спора нѣтъ; но я нѣсколько другого мнѣнія объ исключительномъ чтеніи духовныхъ книгъ. Вся жизнь должна быть проникнута духомъ Христова ученія,—но ни Новый Завѣтъ, ни въ особенности Ветхій не должны сдѣлаться исключительнымъ предметомъ пытливости и дѣятельности *ума*. Умъ мой возбужденъ, въ немъ кипятъ силы, и мнѣ не на что ихъ употребить, какъ на чтеніе духовныхъ книгъ. Что жъ изъ этого выйдетъ? Что я или брошу наконецъ эти книги, потерявъ всякую вѣру, или же привяжусь къ каждой буквѣ, сдѣлаюсь толкователемъ, *начетчикомъ* (какъ называютъ крестьяне доку въ Свящ. Писаніи). Священное Писаніе пусть будетъ книгою успокоительною, книгою—прибѣжищемъ, книгою—вѣры, книгою—души, книгою, къ которой умъ, наработавшись въ области знанія, прибѣгалъ бы за отрадою,—но не такою книгою, на которую устремились бы всѣ дѣятельныя силы живого человѣческаго ума. Я видалъ этихъ начетчиковъ и жалѣю, что у нихъ не было другихъ книгъ, кромѣ книгъ духовнаго содержанія; я убѣжденъ, что они опасны для единства Церкви. Не говорю уже о томъ, что по настоящему прежде, чѣмъ давать въ руки народу церковныя книги, надлежало бы исправить переводы Ветхаго Завѣта и другихъ книгъ, гдѣ встрѣчаются безсмыслицы. Мой пріятель-начетчикъ, пошехонскій мужикъ, страстный охотникъ до чтенія, выучилъ наизусть Библію и сильно вретъ, споткнувшись на Апокалипсисѣ... Словомъ, постоянное и исключительное чтеніе этихъ книгъ ведетъ къ тому, что или книги не выдержатъ критики ума, или умъ не устоитъ и зайдетъ за разумъ. Словомъ, ихъ дѣло только смирять буйство ума и духа, а уму должна быть своя живая пища. Ты предлагаешь великодушно по-

ставить въ деревенскую библіотеку собраніе русскихъ лѣтописей. Помилуй, Константинъ! Развѣ ты не видишь, что это занятіе предполагаетъ нѣкоторую отвлеченность въ человѣкѣ, да и языкъ лѣтописей не совсѣмъ доступенъ... Другое дѣло — знакомиться съ нею въ живомъ разсказѣ. За лѣтопись надо приняться, познакомясь съ общимъ очеркомъ исторіи. Мы сами спотыкаемся на каждой строкѣ... Но впрочемъ пусть стоятъ въ библіотекѣ и лѣтописи. Но этого мало. Ты говоришь: народъ самъ выучится, дайте ему средства. Но вѣдь умѣніе читать и писать, *когда читать нечего*, не ведетъ ни къ чему, какъ бы его и совсѣмъ не было; умѣнье читать, устремленное только на чтеніе Ветхаго Завѣта, Четьи-Минеи и т. п., при отсутствіи другой дѣятельности уму,—ведетъ къ односторонности, къ безвѣрію, къ суевѣрію, къ фанатизму, къ аскетизму, къ юродивости... Умѣнье читать и писать, употребленное на чтеніе романовъ, продающихся такъ соблазнительно дешево,—ведетъ къ явному вреду. Самый лучшій способъ обученія заключается въ живомъ преподаваніи учителя, въ умѣніи его возбуждать въ ученикахъ любовь къ свѣту знанія. Такими учителями по самому положенію своему представляются сельскіе священники. Но къ сожалѣнію не таковы они на самомъ дѣлѣ. Что же дѣлать: это не въ нашихъ рукахъ; мы ихъ съ тобой не передѣлаемъ. Достаточно и того, что онъ можетъ передать вкратцѣ содержаніе Священной исторіи, катихизиса и растолковать крестьянину, что изъ буки азъ, даже и безъ видимой услужливости буквы еръ, выходитъ *ба*, т. е. выучить его читать. Конечно, мы не должны принимать съ народомъ тонъ гувернеровъ, учителей, нѣжныхъ отцовъ; конечно, не должны ему толковать философію Гегеля, но есть свѣдѣнія, которыя сообщать ему, кажется, не грѣшно и не вредно, напр. науки положительныя и естествоиспытаніе... Сверхъ того, согласись, можешь ли ты предвидѣть время, когда ты себѣ скажешь: теперь мы можемъ передать народу наши знанія... По объему твоихъ требованій это могло бы случиться черезъ 200 лѣтъ. Но знай, если бы ты прожилъ и 200 лѣтъ, ты не увидалъ бы этого событія, потому что оно бы совершилось не въ томъ видѣ, не съ того боку, не такъ, какъ ты ожидаешь... Ты самъ себя осуждаешь на бездѣйствіе. Странный ты человѣкъ! Ты, вѣдь, лучше народа

знаешь, что ему нужно: ты говоришь, что цивилизація трактирная, галстучная и жилетная не годится народу, а народъ съ дуру или инстинктивно влечется къ ней путемъ скорымъ и легкимъ, съ охотою. Если ты это лучше народа знаешь, отчего не сказать тебѣ этого народу? Впрочемъ, если ты начнешь ему это говорить, онъ тебя не пойметъ и тебѣ не повѣритъ! Я говорю и повторяю, что мы съ тобою сходимъ съ горы, а онъ идетъ на гору вслѣдъ за другими изъ нашего сословія. Ты хочешь дѣйствовать на наше сословіе, но покуда ты достигнешь своей цѣли въ желанномъ размѣрѣ, всѣ уже перебываютъ на горѣ, и Богъ вѣсть,— воротятся ли оттуда живы и здоровы. Этого стремленія не удержишь иначе, какъ захвативъ его на дорогѣ образованіемъ такимъ, разумѣется, которое бы освѣтило ему иной путь. Впрочемъ, ты соглашаешься самъ, что мы можемъ передать народу наши знанія, хоть нѣкоторыя, общія, не вредныя, но по твоему мнѣнію недостатокъ въ томъ, что нѣтъ довѣрія. Дѣйствительно, все, что исходитъ отъ казны, по приказу,—не пользуется довѣріемъ, но есть другой путь. Пусти книгу въ пять копеекъ серебромъ и она разойдется по крайней мѣрѣ въ двухъ, трехъ промышленныхъ губерніяхъ, а тамъ и дальше. Пусть Суздальскіе литографы нарисуютъ вмѣсто мученій ада, грѣшной жены—событіе изъ исторіи, географическую карту и т. п. Мало того, я бы пустилъ, хотя бы для раскольниковъ, много книгъ свѣтскаго содержанія на церковно-славянскомъ языкѣ, на которомъ они читаютъ охотнѣе... Да что тутъ толковать! Пусть каждый изъ васъ напишетъ книгу для народа, взявъ себѣ какую-нибудь область знанія, потомъ представитъ ее въ общій вашъ судъ, и тогда вы скажете по совѣсти: повредитъ ли народу чтеніе этой книги, напечатанной, конечно, съ одобренія правительства и пущенной въ продажу дешевле грибовъ“...

Рядомъ съ этой внутренней работой, при которой выяснялись основы и подробности міросозерцанія, Аксаковъ поглощенъ и работой внѣшней, исполненіемъ того порученія, которое дано ему было министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Мы встрѣчаемся въ его письмахъ съ многочисленными указаніями на то, какъ много времени отнимало у него исполненіе министерскаго порученія, какъ много для него

требовалось силъ духовныхъ, такъ какъ формально относиться къ дѣлу Аксаковъ не могъ по самой своей натурѣ. Онъ весь отдается дѣлу, и чиновничій міръ справедливо отзывался о немъ: „Онъ не знаетъ отдыха“. Работа ему уясняетъ все болѣе и болѣе современную русскую жизнь, и порою у него являются и весьма мрачныя обобщенія. Такъ, послѣ допроса, произведеннаго какому-то важному раскольнику, онъ пишетъ отцу: „Я убѣдился, что пропаганда раскола становится все сильнѣе и сильнѣе, и убѣжденъ, что ей суждено еще долго распространяться. Право, Россія скоро раздѣлится на двѣ половины: православіе будетъ на сторонѣ казны, правительства, невѣрующаго дворянства и отвращающаго отъ вѣры духовенства, а всѣ прочіе обратятся къ расколу. Берущіе взятку будутъ православные, дающіе взятку — раскольники. Въ здѣшней губерніи православный значитъ гуляка, пьяница, табачникъ и невѣжда. Если бы вы знали, какъ иногда дѣлается страшно. Кора все больше и больше сдирается, и язва является вашимъ глазамъ во всемъ отвратительномъ могуществѣ. Причина язвы—въ крови. Всѣ соки испорчены и едва ли есть исцѣленіе. Кажется, намъ суждено только понять болѣзнь и созерцать, какъ она пожираетъ постепенно еще не вполнѣ зараженные члены“.

Множество служебной работы заполняло почти весь досугъ Аксакова, времени для любимаго занятія поэзіей почти не оставалось, да и настроеніе часто бывало таково, что вдохновеніе не приходило. „Стихи не пишутся“, жаловался иногда Аксаковъ, а между тѣмъ въ нихъ для него былъ душевный отдыхъ. „За стихами, признавался онъ, я забываю всѣ эти вопросы и, дурно ли, хорошо ли, грѣшно или безгрѣшно, я жажду этихъ наслажденій, отъ которыхъ по крайней мѣрѣ не вижу видимаго зла“. Несмотря, однако, на неблагопріятное настроеніе, Аксаковъ занимается внѣшней обдѣлкой и продолженіемъ своей поэмы „Бродяга“, пишетъ лирическія стихотворенія, принимается даже за переводъ санскритскихъ стиховъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ приводитъ слѣдующій любопытный отрывокъ этого перевода, жалобу брамина на бѣдственное положеніе отечества.

Клеймо домашняго позора
Мы носимъ славные извнѣ;
Въ могучемъ краѣ нѣтъ отпора,

Въ пространномъ царствѣ нѣтъ простора,
Въ родимой душно сторонѣ!
Ее, въ своемъ безумьѣ яромъ,
Гнетутъ усердные рабы!..
А мы глядимъ, слабѣемъ жаромъ
И съ каждымъ днемъ сдаемся даромъ,
Въ безплодность вѣруя борьбы!
И слово правды оробѣло,
И рѣже шопотъ смѣлыхъ думъ;
И сердце въ насъ одебелѣло;
Порывовъ нѣтъ; въ забвеньѣ дѣло;
Спугнули мысль, сталъ празденъ умъ.

Какъ однако ни незначительны были поэтическія занятія Аксакова въ Ярославлѣ, они вредно отразились на его служебномъ положеніи. До свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ дошло, что Аксаковымъ „написано стихотвореніе „Бродяга“ предосудительнаго содержанія“. Потребовавъ отъ Аксакова рукопись, министръ не нашелъ въ его сочиненіи „ни предосудительныхъ мыслей, ни сомнительнаго направленія по цѣли“. Тѣмъ не менѣе министръ счелъ необходимымъ сдѣлать Аксакову слѣдующее внушеніе: „Разсматривая этотъ трудъ въ другомъ отношеніи, т. е., какъ занятіе, требующее и времени и даже исключительнаго интереса, не могу не замѣтить, что человѣкъ, посвятившій себя службѣ и занятый подобно Вамъ, исполненіемъ важнаго порученія, довѣріемъ начальства на него возложеннаго, едва ли можетъ найти, безъ ущерба для службы, довольно свободнаго времени для литературныхъ или другихъ постороннихъ занятій. Посему желательно, чтобы Вы, оставаясь на службѣ, прекратили авторскіе труды, которые иногда могутъ повести хотя и къ неосновательнымъ, но все-таки непріятнымъ для Васъ предположеніямъ“.

Подобнаго внушенія Аксаковъ не могъ оставить безъ энергичнаго отпора. „Не только, писалъ онъ, правомъ, но и обязанностью своею считаю объяснить Вашему Сіятельству, что не служба терпитъ отъ моихъ литературныхъ занятій, а литературныя занятія, нравственное и умственное образованіе мое принесены въ жертву службѣ. Никто никогда не могъ и не можетъ упрекнуть меня въ лѣности, или въ нерадивомъ исполненіи своего долга, потому что къ дѣятельному служенію побуждаюсь я отвѣтственностью—не передъ

начальствомъ моимъ,—а передъ моею собственною совѣстью. Напротивъ того, упорные, утомительные непрерывные труды по возложеннымъ на меня многоразличнымъ и многосложнымъ порученіямъ лишаютъ меня не только возможности предаваться какому-либо нравственному отдыху, но нерѣдко и такого досуга, на который имѣетъ право даже и поденщикъ... Предпослѣдняя глава изъ „Бродяги“ написана была въ декабрѣ 1848 г.; послѣдняя черезъ годъ, въ декабрѣ 1849-го, и съ тѣхъ поръ къ „Бродягѣ“ не прибавлено ни строчки, хотя съ того времени прошло уже почти 14 мѣсяцевъ... Не думаю, чтобъ эта, тягостная автору, задержка его труда была доказательствомъ предпочтенія мною литературныхъ занятій служебнымъ,—тѣмъ болѣе, что о послѣднихъ могутъ свидѣтельствовать вся здѣшняя губернія и представленные уже мною въ министерство труды мои по службѣ. Авторскія занятія мои такъ рѣдки и службѣ моей посвящается мною столько времени, что я не могу убѣдиться въ необходимости прекратить труды, которые, если и не имѣютъ особеннаго литературнаго достоинства,—зато важны для меня, какъ единственный способъ освѣженія моихъ, утомленныхъ службою, нравственныхъ силъ“.

Въ отвѣтъ на это объясненіе Аксакову было объявлено что министръ „находитъ вообще весь тонъ этого письма совершенно неприличнымъ“, что онъ „отступилъ отъ самаго основнаго правила службы—отъ строгой подчиненности“, что его „возгласы и жалобы странны и крайне неумѣстны“. Получивъ это замѣчаніе, Аксаковъ немедленно, 16 февраля 1891 г. подалъ въ отставку. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ писалъ отцу: „Я совершенно покоенъ духомъ. Я не герой, потому что это все въ отношеніи къ цѣлому вопросу—буря въ стаканѣ воды,—и не жертва (сохрани Богъ!). Я только честный человѣкъ или по крайней мѣрѣ хочу быть такимъ, хочу оставаться неуклонно вѣрнымъ своимъ правиламъ, а потому что бы ни случилось,—въ выигрышѣ—я. И думаю, если-бъ опять, съизнова возобновилась эта исторія, я опять поступилъ бы именно такъ, хотя ѣхать съ порученіемъ въ Вятку—у меня нѣтъ никакого желанія: куда угодно, только не на Сѣверъ и не на Востокъ, а на Югъ или даже Западъ... Впрочемъ, кругъ служебной дѣятельности уже давно сжимается и сокращается для меня. Я уже рѣшилъ самъ въ

себѣ, что слѣдствій отнынѣ производить я не буду (исключая нѣкоторыхъ казусовъ); я уже рѣшилъ, что порученій отнынѣ—безполезныхъ, безплодныхъ, а между тѣмъ сухихъ, утомительныхъ и лишающихъ всякаго досуга, какъ вредныхъ нравственному бытію моему—исполнять не буду. Я уже давно говорю своимъ товарищамъ, что моя служебная карьера кончилась, и что быть губернаторомъ я не намѣренъ, потому что на этомъ мѣстѣ буду я вынужденъ дѣйствовать противно моимъ правиламъ. Я знаю, что я съ каждымъ годомъ становлюсь честнѣе, т. е. по крайней мѣрѣ хочу, чтобы внѣшніе поступки мои были честны, и никакія препятствія для меня не существуютъ, даже если-бъ пришлось ѣхать съ порученіемъ и въ Вятку. Все это очень просто, и геройство весьма мелкое, даже въ моихъ собственныхъ глазахъ... Вы скажете, что поводъ ко всѣмъ моимъ поступкамъ былъ пустой,—не совсѣмъ. Тутъ я отстаивалъ принципъ домашней, нравственной свободы служащаго, самостоятельность чиновника, служащаго не Перовскому и не правительству, а самому дѣлу, никогда ничего не испрашивающаго, и требующаго себѣ должнаго воздаянія. Не такой же я вѣтреникъ, что не зналъ будто, къ чему это все поведетъ,—и ужъ раскаиваться не буду. Только будьте увѣрены, что я теперь въ самомъ мирномъ расположеніи духа, даже пою пѣсни, чего со мной уже давно не было, и очень занятъ запиской. Подивились бы вы моему терпѣнію, терпѣнію моей раздражительной натуры, если бы посмотрѣли меня за этимъ скучнымъ трудомъ".

Рѣшеніе Аксакова выйти въ отставку поразило многихъ близкихъ къ нему людей, и между прочимъ Ю. Ѳ. Самаринъ написалъ ему письмо, уговаривая отказаться отъ этого рѣшенія. Но Аксаковъ твердо стоялъ на своемъ и отвѣчалъ Самарину: „Я рѣшительно не согласенъ дозволить вамъ разорвать мой рапортъ и прислать мнѣ клочки въ конвертѣ... Вы сами бы этого не сдѣлали. Съ одной стороны нѣтъ достаточныхъ причинъ для такого поступка: что положу я на вѣсы? Пользу общественную? Я ей не довольно вѣрю. Частныя мои выгоды? Этого я въ разсчетъ никогда не принимаю и принимать не буду. Съ другой стороны—такимъ поступкомъ я теряю свою *позицію*. Для того чтобы я могъ съ пользою дѣйствовать на службѣ, необходимо мнѣ уваженіе и нѣ-

который авторитетъ: и того и другого я лишенъ, если я поступлю такъ, какъ вы совѣтуете. Я не хочу, чтобы отношенія ко мнѣ моего начальства походили на общія казенныя отношенія; я хочу имѣть право на откровенное живое слово. Возьмите всѣ мои бумаги, писанныя въ теченіе девятилѣтней разнообразно-дѣятельной моей службы, возьмите всѣ мои рапорты и записки, писанные въ министерство: о расколѣ и о другихъ предметахъ: вездѣ слышится искренній, а не оффиціально лживый языкъ. По одному дѣлу о расколѣ мнѣ пришлось писать совершенно противъ мнѣнія, принятаго министерствомъ... Во всемъ этомъ есть что-то для меня утѣшительно-честное, послѣ утомительныхъ, нерѣдко подлыхъ работъ служебныхъ. Я хочу, чтобы мнѣ можно было служить *по моему*: иначе я не могу. Если возможно возстановить *прежнія* отношенія, если министръ подъ той или другой формой уничтожитъ дѣйствіе его оскорбительныхъ бумагъ и дастъ мнѣ длинный отпускъ,—я согласенъ остаться. Я не признаю за министромъ права обижаться письмомъ моимъ. Все это вамъ покажется, можетъ быть, особенно среди петербургской атмосферы и вѣрующихъ въ свою дѣятельность петербургскихъ администраторовъ, большею частью благородно-подлыхъ,—смѣшно, дико, *незрѣло*... А со мною странное совершается, чѣмъ болѣе уходитъ моя молодость, чѣмъ дальше въ жизнь, чѣмъ зрѣлѣе становлюсь я,—тѣмъ сильнѣе и сильнѣе во мнѣ потребность говорить словомъ правды, тѣмъ живѣе чувствую я въ себѣ возможность *неблагоразумныхъ*, *непрактическихъ*, но честныхъ поступковъ, тѣмъ гаже и гаже дѣлается для меня ложь оффиціальности, тѣмъ противнѣе самонадѣянная, довольная собою и игнорирующая живую жизнь манія администраціи".

Выйдя въ отставку и поселившись въ Москвѣ, Аксаковъ, по совѣту А. И. Кошелева, принимается за редактированіе славянофильскаго изданія „Московскій Сборникъ", которое предполагалось выпускать четыре раза въ годъ. Первая книга „Сборника" вышла въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1852 г., вызвала нѣкоторые враждебные отзывы западнической критики и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила опасенія въ цензурѣ. Министръ народнаго просвѣщенія обратилъ вниманіе на „предосудительность направленія" „Московскаго Сборника", выражавшаго неудовлетворительность для русскихъ образованности

западной и необходимость обратиться къ собственнымъ началамъ просвѣщенія. Министръ полагалъ, что „хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе, безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ“. Особенно вредною показалась министру статья И. В. Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“, такъ какъ въ ней заключались отрицательные отзывы о реформѣ Петра Великаго. Вслѣдствіе такой предосудительности „Сборника“ министръ приказалъ слѣдующіе томы представлять въ Главное управленіе цензуры въ рукописи, вмѣстѣ „съ заключеніемъ цензурнаго комитета объ общемъ направленіи каждаго тома вообще и о позволительности или непозволительности каждой статьи въ особенности“. Вслѣдъ за этимъ, 27 мая 1852 г. состоялось распоряженіе: „впредь всякіе вообще сборники подвергать тѣмъ правиламъ цензуры, какимъ подлежатъ журналы, и, между прочимъ, не разрѣшать выхода подобныхъ сборниковъ чаще, чѣмъ одинъ разъ въ годъ!

Вслѣдствіе этого распоряженія слѣдующій томъ „Сборника“ могъ бы выйти только въ 1853 г. Аксаковъ представилъ въ цензурный комитетъ программу дальнѣйшихъ томовъ, и въ рукописи весь второй томъ, а комитетъ отправилъ эту рукопись въ главное управленіе цензуры. Рѣшеніе этого главнаго управленія было крайне неблагопріятное для „Сборника“, такъ какъ въ немъ найдено было „не мало статей, которыя по предосудительности выраженныхъ въ нихъ мыслей, высказывающихъ недоброжелательство къ настоящему порядку вещей и косвенное неодобреніе предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ ко благу народному, не только не могутъ войти въ составъ второго тома „Московскаго Сборника“, но и вообще не могутъ быть допущены къ печатанію и должны быть подвергнуты строгому запрещенію“. Такими запрещенными произведеніями были признаны слѣдующія статьи: 1) А. С. Хомякова. Нѣсколько словъ по поводу статьи И. В. Кирѣевскаго. О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи, 2) К. С. Аксакова. Богатыри временъ великаго князя Владиміра по

русскимъ пѣснямъ, 3) два стихотворенія и пять статей И. С. Аксакова, въ особенности статья „Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ“, и 4) статья кн. В. А. Черкасскаго. „О подвижности народонаселенія въ древней Россіи“. Вообще объ этихъ статьяхъ было сказано такимъ образомъ: „въ статьяхъ Хомякова, Константина и Ивана Аксаковыхъ замѣтно какое-то недовольство настоящимъ образованіемъ, образомъ жизни и даже учрежденіемъ правительства и высказывается стремленіе выставить нашъ древній русскій бытъ въ преувеличенно лучшемъ видѣ, какъ заслуживающій безусловнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, одобренія и подражанія“. Вслѣдствіе этого комитетъ полагалъ, что „означенныя статьи (кромѣ статьи кн. Черкасскаго), какъ вредныя, по развиваемымъ въ нихъ началамъ, несогласнымъ съ видами правительства, должны быть подвергнуты запрещенію“.

Инкриминированныя статьи „Сборника“ подверглись довольно подробному разбору въ представленіи комитета, причемъ старательно изыскивались въ нихъ слѣды всякихъ разрушительныхъ для государства тенденцій. Такъ, напримѣръ, крайне неблагонамѣренною признана была статья Хомякова за то, что онъ относился сочувственно къ общинному началу въ древней Руси, и окончательный выводъ комитета излагается въ такой формѣ: „во всей статьѣ Хомяковъ показываетъ любовь свою къ отечеству; но онъ, по этой любви, не ищетъ въ нашей исторіи тѣхъ событій, которыя клонятся къ поддержанію величія нынѣшней Россіи, а старается открывать признаки какихъ-то общинъ, братства, въ родѣ общинъ коммунистовъ и фурьеристовъ; древнихъ государей нашихъ старается представить не имѣвшими самодержавной власти, и все склоняетъ къ надеждамъ и желаніямъ, чтобы порядокъ общинный былъ возстановленъ въ нынѣшней Россіи. Съ такою цѣлью славянофилы роются въ нашихъ древностяхъ! Хотя же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи своей Хомяковъ выражаетъ мысли и благонамѣренныя, но послѣднія остаются въ тѣни; и если онъ не имѣлъ возмутительной цѣли (ибо въ такомъ случаѣ не представилъ бы самъ сочиненія своего въ цензуру), то во всякомъ случаѣ умъ и занятія его получили направленіе весьма вредное“.

О статьѣ К. С. Аксакова сказано слѣдующее: „Подобно Хомякову, К. Аксаковъ старается отыскивать въ сказкахъ и

пѣсняхъ признаки того же, небывалаго въ Россіи общиннаго порядка дѣла. Въ одной пѣснѣ сказано, что Владиміръ, дѣлая пиръ у себя, приказалъ брать со всякаго званнаго по 10 рублей, и К. Аксаковъ говоритъ: „Весьма замѣчательное указаніе: и такъ, этотъ княжескій пиръ—складчина; пиры складчиною—явленіе совершенно русское и древнее; вспомнимъ братчины, напримѣръ, братчину Никольщину, гдѣ складочный пиръ и вмѣстѣ союзъ, въ которомъ выбирается и пировой староста; это также чисто общинное явленіе; это вольное видоизмѣненіе самородной общины, ея отпрыскъ... Къ такимъ же общиннымъ явленіямъ, возникшимъ изъ самой коренной общины, причисляемъ мы артель и даже казацкое устройство“. Этого мало, даже въ хороводѣ сочинитель видитъ образъ русской общины. Изъ другихъ пѣсней К. Аксаковъ выводитъ, что богатыри сидѣли у Владиміра не по аристократическому праву породы, и прибавляетъ, что „аристократическое понятіе, образовавшееся на западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси; на богатырской скамьѣ сидѣли и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ, сынъ гостя (купца), и, наконецъ, Илья Муромецъ, крестьянинъ; всѣмъ имъ равный почетъ“. Отношенія богатырей къ великому князю почтительны, но не подобострастны; они вольно собрались вокругъ него, зовутъ его краснымъ солнцемъ, солнцемъ кіевскимъ, охотно служатъ ему службы, но ни въ чемъ не выражается униженное или придворное ихъ отношеніе къ великому князю... битвы и подвиги, свадьбы и пиры составляютъ внѣшній строй этой жизни, въ которой слышится воля и приволье“, К. Аксаковъ указываетъ на мѣста въ пѣсняхъ, гдѣ Соловей-разбойникъ называетъ великаго князя воромъ; богатырь Тугаринъ Змѣевичъ цѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя, а Алеша Поповичъ чуть не назвалъ ее сукою. Еще въ одной пѣснѣ говорится, что Владиміръ, желая отбить жену у богатыря Данилы, отправилъ его на явную смерть и потомъ повелѣлъ убить его; но Данило предупредилъ его и самъ лишилъ себя жизни. К. Аксаковъ прибавляетъ къ этому: когда сила побѣждена силою, когда нѣтъ болѣе ея оскорбительнаго притязанія, Данило говоритъ: видно, я сталъ не угоденъ князю,—и убиваетъ себя; въ этихъ словахъ вовсе не видать ни подобострастія, ни рабскаго чувства;

отношенія богатырей къ великому князю основаны на свободной привязанности. Сверхъ того, К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калина. Хотя это непріятельскій царь, но все неприлично, что сочинитель выписываетъ изъ пѣсни слѣдующіе стихи:

Собака, проклятый ты, Калинъ царь!
Васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.

„Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, большею частью напечатаны; всѣ читали ихъ, относя безцеремонные поступки богатырей къ простотѣ древнихъ нравовъ или къ вымыслу составителей сказокъ; одинъ К. Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ—небывалыя въ Россіи—общину, вольницу и дерзость богатырей ставить противъ великаго князя. Константинъ Аксаковъ написалъ еще „Примѣчанія къ статьѣ Шепинга: Коляда и Купало“. Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ нѣсколько разъ опять упоминаетъ объ общинной жизни въ древней Россіи, утверждая, будто бы общинное начало неотъемлемо соединено съ существомъ славянина. Онъ говоритъ также: „лѣсъ, поле, рѣка принадлежатъ всѣмъ; тамъ семья исчезаетъ“. Мысль совершенно коммунистическая. Еще въ „Московскомъ Сборникѣ“ находятся два стихотворенія Константина Аксакова, ничтожныя по содержанію, но въ нихъ есть непонятныя мысли и говорится о человѣкѣ, котораго духъ *свободенъ* и открытъ“.

Самъ редакторъ „Московскаго Сборника“, И. С. Аксаковъ подвергся подозрѣнію цензурнаго комитета прежде всего за два стихотворенія подъ заглавіемъ, „Подражанія еврейской поэзіи“, которыя признаны темными, неясными. Первое изъ этихъ стихотвореній написано еще въ Калугѣ и является призывомъ къ дѣятельности, обращеннымъ къ человѣку индифферентному. Это стихотвореніе, которое черезъ три года послѣ этого оказалось возможнымъ напечатать въ журналѣ „Русская Бесѣда“, приведено нами уже ранѣе (на стр. 210—211), здѣсь же цитируемъ второе стихотвореніе, написанное Аксаковымъ въ Ярославлѣ въ концѣ 1850 года и ярко характеризующее его душевное настроеніе въ эту переходную для него пору:

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ.
Не упрекнутъ бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску: какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.
Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво,
И мнится мнѣ,—досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право...
Въ былые дни поэтовъ чаровалъ
Блаженства сонъ, эдемъ въ неясной дали...
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ,
И намъ теперь смѣшны его печали!
Но осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній:
Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній.
Всѣ помыслы, всю силу, всю любовь
Направилъ я. и громъ далекій слышалъ!...
Лгала и ты, о молодая кровь,
Изчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ!
И понялъ я, что спитъ желанный громъ,
Что, вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духомъ
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемся съ обухомъ!
И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла,—и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался подвигъ скучный!
Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые поровы
Опасны намъ—затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.
Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень.
Невзрачный путь! Тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья!
Но слышно мнѣ, порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время!
Когда же власть твоя, скажи, пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя?...

Кромѣ стихотвореній Аксаковъ думалъ помѣстить въ сборникѣ нѣкоторыя прозаическія статьи, но и онѣ оказались предосудительными, въ особенности статья „Объ об-

щественной жизни въ губернскихъ городахъ". Въ этой статьѣ Аксаковъ чрезвычайно ярко изображаетъ пошлость и пустоту провинціальной жизни того времени. Прежде всего онъ указываетъ на стремленіе провинціаловъ подражать столичнымъ жителямъ и на ихъ успѣхъ въ этомъ направленіи. „Въ послѣдніе 10 лѣтъ говоритъ онъ, провинція шла исполинскими шагами по пути „Сивилизаціи" и изгнала все смѣшное съ своихъ провинціальныхъ паркетовъ. Вы поразитесь теперь и свѣжестью дамскихъ нарядовъ, сдѣланныхъ по послѣдней парижской картинкѣ, еще не получившей даже полнаго законодательнаго смысла и для московскихъ дамъ, и свѣтскою изящностью кавалеровъ, и роскошью мебели, и убранствомъ комнатъ въ новѣйшемъ вкусѣ... словомъ, все благоприлично, все въ высшей степени comme il faut; фраки безукоризненны, жилеты безпорочны, на парадныхъ балахъ галстухи непремѣнно бѣлые, русскаго языка и не услышишь, развѣ только за преферансомъ солидныхъ чиновниковъ; вездѣ раздаются звуки щегольской французской рѣчи, привѣтствія и фразы, les jolies petits riens, какъ говорятъ французы, такъ и сыплются. Есть и благотворительныя дамскія общества, и общества лошадиныхъ охотниковъ, и благородные спектакли, и лотереи въ пользу бѣдныхъ и маскарады съ высокою; нравственною цѣлью... Чего же больше? Не правда ли, утѣшительное зрѣлище! Да, не разъ видали мы, съ какимъ безкорыстнымъ, искреннимъ умышленіемъ радовались этимъ успѣхамъ фешенебельные ревнители отечественнаго просвѣщенія, залетѣвшіе въ провинцію изъ столицы по службѣ, или для личнаго сбора своихъ деревенскихъ доходовъ; съ какимъ благодушнымъ снисхожденіемъ расточали они дѣятелямъ этого провинціальнаго прогресса свои похвалы и поощренія! Въ самомъ дѣлѣ есть чему порадоваться! Скажите: уступятъ ли въ чемъ губернскіе гастрономы столичнымъ? Не вездѣ ли заведены дворянскіе клубы? Сохраняется ли гдѣ, въ большей мѣрѣ, эта благородная сословная гордость?.. Мы съ своей стороны не только не станемъ отрицать всѣ эти достойныя качества провинціи, но готовы подкрѣпить сказанное нами доказательствами положительными и неопровержимыми. Мало того, мы даже можемъ дополнить описаніе новыми чертами, потому что намъ приводилось живать подолгу въ разныхъ

губернскихъ городахъ русской имперіи и довольно близко знакомиться съ соотавомъ губернскихъ обществъ и вообще со всею провинціальною общественною жизнью. Такъ напримѣръ, присутствуя на великолѣпномъ балѣ у NN, „столичный гость“ оставался въ невѣдѣніи, а мы хорошо знали, что оркестръ, подъ громкіе звуки котораго прыгала въ полькахъ, кружилась въ вальсахъ, неслась въ галопахъ блестящая губернская молодежь,—состоялъ—изъ крѣпостныхъ людей хозяина, нерѣдко, по милости ихъ, угощавшаго провинціальный beau—monde и музыкальными вечерами; что въ тотъ же день утромъ альта и флейта были высѣчены за фальшивую поту въ симфоніи Бетховена, до котораго хозяинъ, какъ слѣдуетъ просвѣщенному человѣку, былъ большой охотникъ,—а гобой собственноручно приколоченъ. Любуясь на этихъ благородныхъ помѣщиковъ солидныхъ лѣтъ (обыкновенно „бель-омы“ съ здоровыми, румяными, нѣсколько отвисшими щеками, въ усахъ, съ бѣлыми отвороченными воротничками на полной шеѣ, въ черныхъ бархатныхъ жилетахъ, ловко облегающихъ красивыя округлости ихъ статной груди и не малаго желудка, съ массивными золотыми цѣпочками, изящно рисующимися на жилеткахъ), любуясь не этихъ благовидныхъ помѣщиковъ, мы въ то же время имѣли вѣрныя свѣдѣнія, что эти красивые господа только вчера воротились изъ своихъ деревень, гдѣ собирали порядочныя суммы съ крестьянскихъ дѣвокъ, откупившихся отъ замужества. Что же касается до благородной сословной гордости, то мы можемъ разсказать случай, бывшій съ нами въ вокзалѣ на минеральныхъ водахъ одной изъ великорусскихъ губерній. Въ самомъ разгарѣ бала, въ ту самую минуту, какъ одинъ петербугскій пріѣзжій, предполагавшій встрѣтить въ провинціалахъ чуть не медвѣдей, передавалъ намъ свое восхищеніе при видѣ такого блистательнаго общества и въ такой отдаленности отъ столицы,—послышался шумъ въ углу залы: оказалось, что помѣщикъ У... и помѣщикъ Ю... (принесшіе нѣсколько сотенъ крестьянскихъ душъ въ жертву благородной страсти къ игрѣ) выгоняли вонъ изъ залы одного знакомаго намъ молодого купца, очень образованнаго и даже одѣтаго въ приличное нѣмецкое платье. На вопросъ нашъ оба помѣщика отвѣчали, что молодой человѣкъ, хотя и заплатилъ деньги за билетъ, но какъ „неблагородный“,

не имѣетъ права находиться, въ благородномъ собраніи, что изгнанія его требуетъ какая-то дама „съ высшимъ образованіемъ“, не желающая танцовать въ одной кадрили съ купцомъ, что наконецъ „всѣ присутствующіе дворяне этимъ оскорбляются“! Когда же мы, по своей неопытности, рѣшились было замѣтить, что званіе купца едва ли мѣшаетъ этому молодому человѣку быть благороднѣе многихъ гг. помѣщиковъ, то выставившіеся на насъ отъ удивленія глаза всего благороднаго сословія—убѣдили насъ въ совершенной неумѣстности подобныхъ толкованій... Крѣпостной оркестръ заигралъ снова, и вмѣсто отвѣта, помѣщикъ У... и помѣщикъ Ю..., подхвативъ дамъ „съ высшимъ образованіемъ“, продолжали прерванные танцы, заставляя ихъ весело смѣяться разсказу (разумѣется, на французскомъ языкѣ) о странномъ мнѣніи, высказанномъ однимъ изъ посѣтителей. Читатели, конечно, отдадутъ должную справедливость этой чертѣ провинціальнаго благородства!.. А губернскіе балы? Что передъ ними балы въ какомъ-нибудь вокзалѣ на минеральныхъ водахъ! „Хоть бы въ Петербургѣ!“ скажетъ вамъ съ понятною гордостью хозяинъ дома, глядя на ловко танцующую губернскую молодежь. Въ самомъ дѣлѣ посмотрите на этихъ ловкихъ молодыхъ кавалеровъ. Вы хотите знать какое стремленіе живетъ у нихъ въ сердцѣ, надъ этими бѣлыми жилетами, ни въ чемъ не уступающими жилетамъ петербургской работы? И мы отвѣтимъ вамъ, что бьется у всѣхъ въ груди одно и то же горячее стремленіе: вполнѣ походить на столичныхъ свѣтскихъ джентельментовъ; мы порадуемъ васъ увѣреніемъ, что ни денегъ, ни времени не щадятъ они для достиженія такой возвышенной цѣли. Да, знайте, что исполненные этой благородной заботы, они уже нѣсколько лѣтъ сряду не берутъ ни одной книги въ руки, развѣ только изрѣдка прочтутъ Польдекока; что—озабоченные свѣтскими обязанностями, трудясь добросовѣстно и усиленно надъ всею внѣшнею обдѣлкою, они не имѣютъ досуга даже подумать о чемъ-либо менѣе важномъ, о какомъ-либо иномъ призваніи въ жизни“.

Указывая на отсутствіе духовныхъ интересовъ въ провинціальномъ обществѣ, на исключительно-внѣшній характеръ подражанія столицамъ, Аксаковъ говоритъ: „Можетъ, щекотливое самолюбіе нѣкоторыхъ гг. провинціаловъ и раздра-

жится нашими словами, но повторяемъ, эти господа сами во всемъ виноваты. Они выбрали ложное направленіе и увлеклись подражаніемъ внѣшней сторонѣ общественной столичной жизни и всему тому, чему подражать не трудно, что не требуетъ самостоятельнаго труда мысли, — упустили вовсе изъ виду другую сторону жизни столичныхъ образованныхъ сословій, дѣятельность умственную. Между тѣмъ подражаніе всегда ставитъ подражающаго въ рабскія отношенія къ своему образцу, и провинція несмотря на всѣ усилія придать явленіямъ своей общественной жизни какой-то самостоятельный характеръ естественной, необходимой потребности людей просвѣщенныхъ, невольно всегда отзовется провинціею. Оно даже обличитъ себя самого ретивостью въ усвоеніи себѣ всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ формъ цивилизаціи, которыя составляютъ, по ея мнѣнію, принадлежность истиннаго просвѣщенія. Попросту сказать, провинція всегда пересолитъ. Блистательная губернская львица, старающаяся выказать передъ новопріѣзжимъ столичнымъ гостемъ совершенство своей французской рѣчи и опасающаяся проронить въ разговорѣ хоть одно русское слово, не подозрѣваетъ, что эта ея заботливость обнаруживаетъ въ ней истинную провинціалку; что не только въ Москвѣ, но даже и въ Петербургѣ дамы начинаютъ стыдиться своего невѣжества въ русскомъ языкѣ и довольно много говорятъ по-русски, что наконецъ вести русскимъ, въ наше время, между собою, въ Россіи, непремѣнно и упорно, безо всякой нужды, разговоръ по-французски—почитается или принадлежностью людей стараго времени или чистѣйшимъ провинціализмомъ. Едва заслышала провинція объ эмансипаціи женщинъ, какъ тотчасъ же съ горячностью приняла это ученіе; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ завелись дамскіе клубы (чего даже нѣтъ и въ Москвѣ), и почти во всѣхъ, барышни и дамы стали втрое эмансипированнѣе и развязнѣе столичныхъ. Эта эмансипація впрочемъ нисколько не мѣшаетъ имъ обнаруживать притомъ такія помѣщичьи наклонности, вкусы и привычки, которыя можно встрѣтить только въ провинціи. Двѣ, три дамы въ Петербургѣ закурили папиросы, и дымъ повалилъ столбомъ отъ множества папиросъ, которыя закурили въ губернскихъ городахъ дамы и дѣвицы, почти всѣ безъ исключенія, что продолжается и понынѣ. Пронесся слухъ о дѣт-

скомъ балѣ въ Петербургѣ, и нововведеніе, это вызвавъ сильную оппозицію въ Москвѣ и даже не разъ печатное возраженіе, сдѣлалось въ провинціи какимъ-то необходимымъ явленіемъ общественной жизни: всѣ семейства ретиво соперничаютъ другъ съ другомъ,—въ этомъ душегубствѣ дѣтей, придумывая даже разныя усовершенствованія, напримѣръ, дѣтскіе маскарады, folles journées и т. п. Въ извѣстномъ мнѣ губернскомъ городѣ было дано въ одну зиму дѣтскихъ баловъ болѣе, чѣмъ въ ту же зиму въ Москвѣ и въ Петербургѣ вмѣстѣ. А благотворительные балы, лотереи, спектакли, базары и концерты? Какое благородное соревнованіе между всѣми губерніями въ этомъ отношеніи! Правда, эти празднества требуютъ большихъ расходовъ, новыхъ пышныхъ нарядовъ... Но вѣдь деревня подъ рукою, наложить лишнюю повинность на крестьянъ, или прибавить оброка ничего не значитъ! Нерѣдко для подобныхъ благотворительныхъ и другихъ подвиговъ провинціальныя благотворительницы, а также Жоржъ-Зандистки и ésprits forts пріѣзжаютъ въ губернскій городъ изъ отдаленныхъ уѣздовъ *на своихъ*, т. е. на лошадяхъ своихъ крестьянъ, обязанныхъ, вѣроятно, также участвовать въ дѣлахъ общественнаго благотворенія. Такимъ образомъ настаетъ цѣлый рядъ веселостей, предпринятыхъ съ благотворительною цѣлью, хотя, вѣроятно, никто изъ участвующихъ и пяти минутъ не подумалъ о бѣдныхъ, въ пользу которыхъ онъ такъ трудился. Все это дѣлается преимущественно для того, чтобы похвастать передъ Москвою и Петербургомъ, чтобы губернскій фельетонистъ затрубилъ объ этихъ празднествахъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, откуда перепечатаются его слова въ вѣдомостяхъ столичныхъ, наконецъ, все что дѣлается большею частью изъ угожденія волѣ Ея Превосходительства. На самомъ же дѣлѣ бѣдные люди прокармливаются и содержатся иждивеніемъ купцовъ, къ которымъ все до сихъ поръ сказанное нисколько не относится...

„Двѣ черты губернскихъ обществъ, продолжаетъ Аксаковъ, въ особенности поражаютъ всякаго вновь пріѣзжаго изъ столицы. Это какой-то полупатріархальный, домашній, семейный характеръ отношеній общественныхъ, служебныхъ и оффиціальныхъ, и наоборотъ—какой-то отблескъ служебныхъ и оффиціальныхъ отношеній—на отношеніяхъ обще-

ственныхъ и даже частныхъ. Постараемся пояснить наше замѣчаніе нѣкоторыми подробностями губернскаго быта. Пріѣзжая въ губернскій городъ, вы, въ силу обычая, дѣлаете заразъ визиты всѣмъ служащимъ и не служащимъ и такимъ образомъ, пріобрѣтаете себѣ вдругъ до 40 или 50 домовъ знакомыхъ, которые всѣ, въ скоромъ времени, становятся вашими короткими знакомыми. Всѣ семейныя тайны извѣстны въ губернскомъ городѣ каждому, всѣ другъ друга знаютъ, видаютъ другъ друга каждый день, собираются въ публичныхъ мѣстахъ, на балахъ и раутахъ почти всѣмъ комплектомъ, вѣдаютъ другъ про друга почти все и не перестаютъ заниматься другъ другомъ. Поэтому и всякое дѣло, даже въ присутственныхъ мѣстахъ, обдѣлывается очень запросто: стоитъ только попросить Петра Ивановича или Ивана Петровича, и все уладится какъ нельзя лучше; васъ знаютъ и канцелярскіе чиновники, и полицейскіе служители, и станціонные смотрителя, и извощики, и лавочники... Проѣхалъ-ли кто мимо вашего окна, вы сами знаете, кто проѣхалъ, куда, зачѣмъ и къ кому; именинница-ли Марья Ивановна? Присутствіе почти во всѣхъ мѣстахъ закрывается часомъ раньше, и экипажи всѣхъ предсѣдателей, часу во второмъ, уже стоятъ на дворѣ Марьи Ивановны, къ которой въ этотъ день собирается весь городъ служащій, имѣющій завтра собраться точно такимъ-же образомъ у Александры Андреевны, по случаю дня ея рожденія, а послѣзавтра у Татьяны Карповны по случаю именинъ ея старшей дочери... Куда ни оглянешься—все знакомыя лица, *все свои!* Дѣвицы, танцующія нѣсколько лѣтъ сряду, на однихъ и тѣхъ-же паркетахъ, въ однѣхъ и тѣхъ-же комнатахъ, почти съ одними и тѣми-же кавалерами, до такой степени освоиваются и съ кавалерами и съ этой публичной жизнью, что свобода обращенія въ губернскихъ городахъ далеко оставляетъ за собою столичную. Прибавьте къ этому, что всѣ скандалезныя исторіи, которыхъ можно и не знать въ Москвѣ или Петербургѣ, въ провинціяхъ совершаются почти явно на глазахъ у всѣхъ и потому извѣстны всѣмъ—отъ стариковъ до малолѣтнихъ барышень. Эта ежедневность свиданія, это знакомство всѣхъ со всѣми, заключаемое не во имя сочувствія или одинаковости убѣжденій, порождаетъ въ жителяхъ губернскихъ городовъ необыкновенную терпи-

мость къ взаимнымъ прегрѣшеніямъ. Да и въ самомъ дѣлѣ Иванъ Петровичъ и Петръ Ивановичъ, слывущіе въ городѣ прекрасными и премилыми людьми, очень хорошо знаютъ. что каждому въ городѣ во всей подробности извѣстны источники ихъ нечистыхъ доходовъ, а потому они уже не находятъ надобности скрываться или вообще сколько-нибудь церемониться въ этомъ отношеніи; самые строгіе, честные люди, поживя нѣсколько лѣтъ въ губернскомъ городѣ, до такой степени свыкаются съ этими Иванами Петровичами и Петрами Ивановичами, что нравственное въ нихъ чувство поневолѣ тупѣетъ, и порокъ, не раздражаемый никакимъ протестомъ, никакимъ обличеніемъ, принимаетъ характеръ какой-то наивной, просто сердечной откровенности, какого-то добродушно-безобразнаго цинизма. Не думайте, чтобы сплетни очень много значили. Сплетни—просто невинное препровожденіе времени, сплетни—единственный признакъ умственной дѣятельности провинціи. Вамъ, какъ пріѣзжему, тотчасъ разскажутъ такія черныя дѣла какого-нибудь Карпа Сидоровича, что волосы станутъ у васъ дыбомъ, и вы никакъ не рѣшитесь ѣхать на вечера къ Карпу Сидоровичу, отъ котораго уже успѣли получить приглашеніе... Будьте-же увѣрены, что весь городъ, вполнѣ знакомый со всѣми страшными подробностями жизни Карпа Сидоровича провеселится у него до поздней ночи; всѣ съ Карпомъ Сидоровичемъ пріятели, потому что Карпъ Сидоровичъ даетъ обѣды, вечера, поитъ шампанскимъ, вслѣдствіе чего и на выборахъ станетъ играть не послѣднюю роль. Завтра такимъ-же образомъ пропируетъ все общество у NN., извѣстнаго хлѣбосола-взяточника, а послѣзавтра у другого гостепріимнаго негодяя. Скажите по совѣсти, знакомые мнѣ жители губернскихъ городовъ, развѣ все это не чистая правда?—Для молодого человѣка провинція вообще очень опасна. Пріѣзжая въ губернскій городъ, онъ бываетъ сначала непріятно пораженъ тою холодностью, съ какой встрѣчаютъ на службѣ его честный пылъ, его благородное негодованіе,—потомъ непримѣтно для себя, увлекается легкостью и дешевизною успѣховъ, пріобрѣтаемыхъ имъ въ губернскомъ свѣтскомъ обществѣ, если только онъ хоть нѣсколько comme il faut, если пріемы его, складъ рѣчи и познанія хоть нѣсколько свѣжѣе, чѣмъ у туземцевъ. Губернскія дамы и дѣвицы, отъ нечего дѣлать, за недостаткомъ

кавалеровъ и потому, что такъ уже повелось, часто влюбляются въ него по нѣскольку вдругъ, даже безъ особенныхъ хлопотъ съ его стороны; совершенно незаслуженно и къ великому своему удивленію, получаетъ онъ отъ провинціальныхъ красавицъ эпитеты и ученаго, и поэта, и краснорѣчиваго оратора, и даже опаснаго для сердецъ человѣка, чуть-чуть не ловеласа. Въ первое время еще стыдится онъ такихъ незаслуженныхъ успѣховъ и борется съ обольщеніями своего самолюбія, но потомъ постепенно имъ поддается и наконецъ, совершенно привязывается къ пустотѣ свѣтской провинціальной жизни, въ которой онъ не приходитъ въ соприкосновеніе, какъ иногда въ столицѣ, съ современными духовными интересами, въ которой добываетъ онъ такъ легко значеніе и видное мѣсто героя, пуская въ ходъ однѣ старыя свѣдѣнія, безъ пріобрѣтенія новыхъ, безъ труда мысли, безъ всякаго умственнаго напряженія. Такимъ образомъ, день за день утрачиваетъ онъ свои прежнія чистыя нравственныя стремленія... Въ самомъ дѣлѣ, пожимая съ утра до ночи, по закону свѣтскаго приличія, руки такимъ людямъ, при одной мысли о которыхъ краска негодованія нѣкогда бросалась ему въ лицо,—посѣщая ихъ вечера, обѣды и балы вмѣстѣ со всѣмъ свѣтскимъ beau monde, онъ мало-по-малу дѣлается снисходительнѣе и отступаетъ отъ своихъ прежнихъ строгихъ требованій. Дешевизна свѣтскихъ успѣховъ помогаетъ ему свыкнуться съ пошлымъ однообразіемъ губернской ежедневности, съ ограниченностью провинціальной умственной среды, съ мелочностью губернскихъ общественныхъ заботъ... Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и вотъ: уже и служитъ онъ не такъ, какъ понималъ службу въ молодые годы, уже проникается терпимостью къ разнымъ служебнымъ грѣшкамъ своихъ сотоварищей, время свое проводитъ въ праздности, въ пустомъ любезничаньѣ съ губернскими львицами и дѣвицами, со вниманіемъ прислушивается къ сплетнямъ, а потомъ и самъ пускается сплетничать, лѣниться умомъ и душою, принимаетъ съ важностью къ сердцу всѣ ничтожные интересы провинціальной общественной жизни, и бури въ стаканѣ воды признаетъ чуть-ли не за истинныя бури. Много, много пошлости, оскорблявшей нѣкогда его чуткое молодое сердце, вкрадывается ему въ душу, и уже трудно становится ему жить въ столицѣ

и разстаться съ тѣмъ значеніемъ, котораго не придется ему имѣть ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Хорошо, если осужденный на долгую жизнь въ провинціи, будетъ онъ зорко блюсти свою душу и ограничитъ свое знакомство тѣми немногими домами, гдѣ еще можно подышать чистымъ воздухомъ; еще лучше, когда онъ вовсе откажется отъ провинціальнаго свѣта и посвятитъ свое время, если онъ служитъ, на открытую борьбу съ злоупотребленіями, уже давно переставшими колоть глаза губернскому обществу, на изученіе края, всегда любопытное и полезное, на сближеніе съ другими классами общества".

Заканчивая свое описаніе отдѣльныхъ сторонъ провинціальной жизни, Аксаковъ подводитъ итоги и говоритъ, что эта жизнь представляетъ собою „съ одной стороны блестящую внѣшность, почти ни въ чемъ не уступающую столичной, съ роскошью, съ публичной благотворительностью, мужскими и дамскими клубами, французскимъ языкомъ и свѣтскимъ воспитаніемъ; внѣшность, заставляющую провинціаловъ гордиться собою и воображать, что они стоятъ чуть-ли не на самой верхушкѣ просвѣщенія... Съ другой стороны: незастѣнчивость помѣщичьяго быта, откровенность барскихъ вкусовъ и привычекъ даже у дамъ и дѣвицъ; полнѣйшее отсутствіе всякой духовной дѣятельности, ограниченность мыслительнаго горизонта, недостатокъ всякаго иного стремленія, кромѣ стремленія къ подражанію столичной великосвѣтской суетѣ; мелочность ежедневныхъ интересовъ, яркое невѣжество всѣхъ тѣхъ задачъ и вопросовъ, которые вырабатываетъ движеніе мысли въ столицахъ; сплетни, переливаніе изъ пустого въ порожнее, вялое и праздное препровожденіе времени, не освѣжаемое никакимъ чистымъ и честнымъ влеченіемъ! Да, эта пошлость одуряющая, растлѣвающая, убійственная пошлость, эта мертвенность душевныхъ движеній, это безмолвіе всѣхъ нравственныхъ требованій, эта снисходительность къ неправдѣ, это смотрѣніе сквозь пальцы на всякія злоупотребленія, это радушное панибратство съ развратомъ и взяточничествомъ, это хлѣбосольство со всякимъ порокомъ въ богатой оправѣ... вотъ что, къ сожалѣнію, являетъ по большей части общественная жизнь русскаго губернскаго города! Немногіе выдерживаютъ борьбу съ такою жизнью, тѣмъ болѣе, что

въ провинціи эта борьба труднѣе, чѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ вамъ легче уединиться, гдѣ всегда отыщете вы людей одномыслящихъ, тогда какъ въ провинціи вамъ приходится бороться почти одному, безъ опоры и союзниковъ. Большая часть молодыхъ людей оканчиваетъ совершеннымъ примиреніемъ".

Въ противоположность этой пошлости Аксакову рисуется свѣтлый идеалъ разумной жизни въ провинціи. „А вѣдь могло-бы, восклицаетъ онъ, быть иначе! Если-бы провинція вмѣсто того, чтобъ быть рабской копіей съ копіи и подражать тѣмъ, которые въ свою очередь подражаютъ образцу чужеземному,—постаралась сильнѣе скрѣпить свою связь съ народнымъ бытомъ, къ которому она ближе, чѣмъ столицы—она могла-бы получить важное значеніе въ дѣлѣ истинно русскаго просвѣщенія. Если-бы губернскіе жители, вмѣсто того, чтобы увлекаться блестящею пустотой столичной свѣтской жизни, пріобщились къ общему движенію человѣческой мысли, въ особенности къ той, которая въ послѣднее время въ Москвѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разрабатывается, которая стремится насъ сдѣлать людьми изъ обезьянъ и самостоятельными дѣятелями изъ жалкихъ подражателей,—если бы, повторимъ, губернскіе жители были не чужды этого направленія, они нашли-бы около себя много полезнаго и благого дѣла. Провинціализмъ могъ бы занять законное мѣсто въ разработкѣ всѣхъ особенныхъ сторонъ многосторонняго русскаго духа. Но и безъ этого требованія, не всѣмъ доступнаго,—провинціальныя общества имѣютъ гораздо болѣе средствъ и удобствъ для всякой истинной доброй и прекрасной дѣятельности, чѣмъ общества столичныя, живущія какъ-то разрозненно. Самая эта полупатріархальность общественныхъ и офиціальныхъ отношеній, весьма естественная въ городѣ немноголюдномъ, это знакомство всѣхъ между собою, это легко пріобрѣтаемое значеніе, даютъ возможность каждому изъ губернскихъ жителей сдѣлать добра на службѣ больше инаго немаловажнаго столичнаго чиновника, облегчаютъ изученіе края, распространеніе полезныхъ идей и знаній, возбужденіе общества отъ сна и апатіи. Пусть только молодой человѣкъ, осужденный служить въ губернскомъ городѣ, не побоится борьбы,—и примѣръ его подѣйствуетъ спасительно на мно-

гихъ; можетъ быть, какой-нибудь мелкій отдаленный честный чиновникъ, до котораго провинціальная молва шумно донесетъ вѣсть о вновь появившемся честномъ человѣкѣ, ободрится и освѣжится дошедшими до него слухами и, уже утомленный, найдетъ въ нихъ новыя силы и для своей безвѣстной святой борьбы! Такимъ образомъ соберутся около него немногіе честные люди и станутъ крѣпкимъ союзомъ на дѣло добра и правды! Въ томъ-то и состоитъ выгода провинціальной дѣятельности, что она не остается не замѣченною обществомъ, что въ провинціи легко распознать людей и отличить окончательно уснувшихъ отъ способныхъ еще къ пробужденію. Пусть только не лѣнится молодой человѣкъ и не кладетъ оружія преждевременно, испугавшись тяжелой и долгой борьбы... Вездѣ и всюду можно найти много серьезнаго дѣла, и въ службѣ, и въ хозяйствѣ, даже въ свѣтѣ, во всѣхъ положеніяхъ и званіяхъ, а серьезный трудъ всегда благотворно дѣйствуетъ на душу человѣка. Пусть-же вѣдаетъ каждый, какъ опасна среда, въ которой онъ живетъ, пусть сторожитъ свою душу, пусть найдетъ себѣ опору въ трудѣ, въ просвѣщеніи, въ чтеніи, въ союзѣ честныхъ людей, чтобы не увязнуть постепенно въ тинѣ общественной пошлости!“

Судя по тому, что цензурный комитетъ сдѣлалъ выписки именно изъ этой послѣдней части статьи, можно думать, что въ ней, по его мнѣнію, заключалось болѣе всего предосудительныхъ элементовъ... Но какъ бы то ни было, „Московскій Сборникъ“ подвергся запрещенію, а Ивану Сергѣевичу, какъ и остальнымъ членамъ кружка, не только было предписано представлять всѣ свои произведенія въ главное управленіе цензуры, но даже было запрещено, когда бы то ни было, выступать издателемъ или редакторомъ журнала. Самое имя его стало чѣмъ-то запретнымъ: такъ, въ 1854 г., когда онъ былъ командированъ Императорскимъ географическимъ обществомъ для изученія малороссійскихъ ярмарокъ, цензоръ не пропустилъ въ отчетѣ общества его имени и онъ былъ названъ „особымъ изслѣдователемъ“, тогда какъ другіе изслѣдователи всѣ были названы по фамиліямъ.

Оставшись такимъ образомъ даже безъ литературныхъ занятій, Аксаковъ, узнавъ объ отправленіи въ Камчатку

фрегата „Діана“, рѣшается на кругосвѣтное путешествіе и обращается съ письмомъ къ шефу жандармовъ, гр. А. Ѳ. Орлову, прося его „исходатайствовать у Государя Императора дозволеніе отправиться на фрегатѣ на собственный счетъ или на счетъ министерства народнаго просвѣщенія и географическаго общества, если послѣднія будутъ согласны дать какое-нибудь порученіе“. Но и въ этой просьбѣ было отказано, и Аксаковъ съ радостью ухватился за порученіе географическаго общества произвести изслѣдованіе малороссійскихъ ярмарокъ. Уже въ концѣ 1853 года онъ приступилъ къ исполненію этого порученія, и 21 ноября онъ былъ въ Сумахъ. Эта командировка продолжалась цѣлый годъ и дала возможность Аксакову ознакомиться обстоятельно съ малороссійской жизнью. „Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ“, напечатанное лишь въ 1859 г., было удостоено премій и наградъ Географическимъ Обществомъ и Академіей Наукъ и представляется особенно замѣчательнымъ потому, что весь статистическій матеріалъ Аксакову приходилось добывать самостоятельно, такъ какъ имѣвшіяся оффиціальныя данныя были неполны и недостовѣрны. Отчетъ этотъ нѣсколько запоздалъ, такъ какъ съ 1855 г. Аксаковъ былъ отвлеченъ отъ своей работы тогдашними политическими событіями. Во время тяжкаго испытанія Крымской войны Аксаковъ не считалъ для себя возможнымъ оставаться въ сторонѣ,—онъ подалъ прошеніе въ штабъ дѣйствующей арміи, но активное участіе пришлось ему принять лишь въ организаціи Серпуховской дружины Московскаго ополченія. Этому дѣлу Аксаковъ отдался всей душой. Занимая должность казначея, онъ, по свидѣтельству одного изъ его некрологистовъ, поразилъ „оффиціальный міръ мужествомъ честности. Командующій московскимъ ополченіемъ даже не рѣшился подписать отчетъ, представленный изумительнымъ казначеемъ, ибо отчетъ этотъ былъ въ силу великой экономіи обвинительнымъ актомъ чуть не всѣхъ другихъ поголовно. Отчетъ такъ и остался неподписаннымъ, несмотря на всѣ настоянія Аксакова“. „Ополченская служба Ивана Сергѣевича, сообщаетъ Гиляровъ-Платоновъ, сопровождалась полемикою литератора-ополченца съ командовавшимъ всею московскою дружиною, графомъ Строгановымъ. Оригинальная полемика, философская и политическая, вед-

шаяся подъ видомъ оффиціальныхъ приказовъ и оффиціальныхъ рапортовъ, гдѣ Аксаковъ-ополченецъ былъ тотъ же непреклонный боецъ за меньшую братію, какъ Аксаковъ, редакторъ „Дня“, „Москвы“ и „Руси“. „Это Аксаковское вліяніе“, — воскликнулъ графъ Строгановъ, когда при роспускѣ ополченія, собравъ дружину, обратился къ рядамъ съ предложеніемъ, не хочетъ ли кто изъ ратниковъ перейти на военную службу и когда въ отвѣтъ на его слова „кто хочетъ, ребята, пусть подыметъ руку“, послышался каламбуръ: „Кто же, ваше сіятельство, на себя руку подниметъ“ *).

Кончилась война, въ русской жизни началась новая, приснопамятная эпоха обновленія, послѣ долгаго молчанія подъ цензурнымъ гнетомъ явилась возможность говорить открыто, безбоязненно, и конечно, должно было для Аксакова приблизиться время избавленія отъ цензурнаго запрета, легшаго на него послѣ исторіи съ „Московскимъ Сборникомъ“. Новое направленіе правительственной дѣятельности вызвало радостный откликъ со стороны Аксакова въ стихотвореніи „На новый 1858 годъ“.

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно, прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ.
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ много лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все простилъ онъ безъ разсчета
Устоявшій въ дни тревогъ, —

*) Венгеровъ. Критико-біографическій словарь, т. I, стр. 326.

Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.
Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ.
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Однако оффиціальное допущеніе Аксакова къ журналистикѣ (въ качествѣ редактора) состоялось лишь въ серединѣ 1858 года, до этого же времени онъ редактировалъ „Русскую Бесѣду“ негласно. Получивъ въ августѣ разрѣшеніе издавать газету „Парусъ“, Аксаковъ началъ изданіе съ января 1859 г. Въ передовой статьѣ перваго номера „Паруса“ онъ писалъ: „Мы считаемъ не только не лишнимъ, но и необходимымъ: прежде всего оглядѣться, отдать самимъ себѣ ясный отчетъ въ нашемъ положеніи, установить, если возможно, разъ навсегда наши отношенія не къ публикѣ, не къ читателямъ, а къ тѣмъ, или къ тому... Какъ бы выразить это половчѣе?.. Къ тому, что на условномъ литературномъ языкѣ разумѣется подъ „обстоятельствами, отъ редакціи независящими“. Не скроемъ отъ читателя, что плаваніе предстоитъ намъ трудное и опасное, да и вѣтры съ сѣвера дуютъ не совсѣмъ попутные. Опытные плаватели обыкновенно начинаютъ тѣмъ, что измѣряютъ глубину, изучаютъ дно, берега и теченіе воды. Но разсказываютъ, что на Волгѣ чрезвычайно мудрено составить карту рѣчного дна и промѣровъ; отмели и подводные камни безпрестанно мѣняются, и бѣдные лоцмана никакъ не могутъ приноровиться къ своенравію могущественной рѣки: нынче въ такомъ-то мѣстѣ теченіе свободно, нѣтъ преградъ для плаванія, завтра нежданные, негаданные мель или камень; нынче глубина воды, легко поднимающая самыя тяжелыя суда, завтра подуетъ „выгонный вѣтеръ“ и нашлетъ мелководье! И хорошо еще, когда лоцманъ успѣетъ во-время замѣтить опасность, остеречься, принять спасительныя мѣры,— но часто случается, что понадѣется онъ на свою догадку и знаніе, обманется внѣшнимъ видомъ воды,—и управляемое имъ судно садится на мель или разбивается о камень. Мы

отчасти находимся въ такомъ же положеніи. При всемъ нашемъ желаніи совершить спокойное плаваніе, при всемъ стараніи изучить свойства мѣстности и погоды, мы не разъ испытывали нѣчто въ родѣ кораблекрушенія, и потому, не довѣряя своему искусству, сознавая несостоятельность въ настоящемъ случаѣ всякихъ логическихъ выводовъ и соображеній, мы обращаемся просто съ заклинаніемъ ко всѣмъ подводнымъ владыкамъ, духамъ и демонамъ, древнимъ и новымъ, чужимъ и доморощеннымъ, отъ Нептуна съ его троезубцемъ до Русскаго синяго Водяного, съ тритонами, нереидами, русалками и со всѣмъ ихъ причтомъ: да даруютъ они намъ плаваніе ровное и безмятежное, да покоятся смирно въ своихъ кристальныхъ чертогахъ, не всплывая наверхъ, не пугая пловцовъ, не воздвигая подводныхъ преградъ, а съ ними вмѣстѣ стремнинъ и водоворотовъ, всегда и всегда опасныхъ!“

Касаясь современныхъ обстоятельствъ, Аксаковъ указываетъ на существованіе не малаго количества мелей и камней подводныхъ, представляющихъ серьезную опасность для этого крайне желательнаго, спокойнаго плаванія. „Съ искреннею радостью, говоритъ онъ, привѣтствуя наше богатое надеждами время, мы однако вынуждены сознаться, что эпоха, въ которую мы живемъ, многознаменательная и великая по своимъ послѣдствіямъ, съ высоты историческаго созерцанія,—представляетъ, тѣмъ не менѣе, въ ежедневной жизни, много странныхъ, противорѣчащихъ явленій, имѣетъ такія стороны, которыя подчасъ очень и очень невыгодны для отдѣльныхъ лицъ и частныхъ случаевъ. Примѣровъ искать не далеко. Люди, стоящіе во главѣ, нерѣдко одушевлены самыми благими намѣреніями, но исполнители плохи или неискренни, и доброе на дѣлѣ выходитъ вреднымъ. Состарѣвшіеся опекуны, послѣ долгой, всѣ сроки перешедшей опеки, ревниво и съ недоумѣніемъ смотрятъ на своихъ бывшихъ питомцевъ: какъ это они ходятъ сами безъ помочей, и бумаги подписываютъ, и имуществомъ распоряжаются! Все сдѣлалось щекотливо и обидчиво до крайности. Раздраженныя фантазіи создаютъ чудовищные призраки, которыми пугаютъ и себя и другихъ. Сознается необходимость гласности и общественнаго мнѣнія, сознается даже и отсталыми, но, привыкнувъ къ долголѣтнему шопоту, эти несчастные—

самою скромною рѣчью, произносимою самымъ обыкновеннымъ голосомъ, поражаются будто раскатами грома. Да и слова у нихъ въ ушахъ отдаются какъ-то иначе. Особенно странный резонансъ въ Петербургѣ, и къ законамъ петербургской акустики мы никакъ не могли приладиться. Лучшимъ для насъ доказательствомъ служатъ тѣ ложныя толкованія, которымъ подверглось наше собственнное объявленіе о „Парусѣ". Повѣрятъ ли читатели... Да нѣтъ, мы и сами отказываемся вѣрить, мы даже съ нѣкоторымъ негодованіемъ отвергаемъ это, какъ клевету; повѣрятъ ли будто нашлись люди, которые наше выраженіе „знамя народности" сочли чуть не преступленіемъ! Они не поняли, что это извѣстный литературный оборотъ рѣчи, означающій принципъ, начало; они вообразили, что чуть ли мы не соорудили настоящаго древка съ полотномъ и выставили его надъ домомъ, занимаемымъ редакціею *). Противъ такихъ обвиненій не убережешься!.. Но оставимъ шутки.

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

„Неужели еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ? Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а го-

*) Здѣсь подразумѣваются толки, вызванные объявленіемъ о „Парусѣ", гдѣ говорилось слѣдующее: „Вполнѣ уважая и Европейскую мысль, и науку, и сознавая необходимымъ постоянно изучать смыслъ современныхъ явленій,—редакція „Паруса" считаетъ своею обязанностью прямо объявить, что „Парусъ", будучи вполнѣ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ изданіемъ, принадлежитъ къ одному направленію съ „Русской Бесѣдой", къ тому нерѣдко осмѣянному и оклеветанному направленію, которое съ радостью видитъ, что многія выработанныя имъ положенія принимаются и повторяются теперь самыми горячими его противниками. Итакъ, не боясь ложныхъ упрековъ въ исключительности, мы смѣло ставимъ наше знамя. Наше знамя—Русская народность. Народность вообще—какъ символъ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развитія, какъ символъ права, до сихъ поръ попираемаго тѣми же самыми, которые стоятъ и ратуютъ за право личности, не возводя своихъ понятій до сознанія личности народной! Народность Русская, какъ залогъ новыхъ началъ, полнѣйшаго жизненнаго выраженія общечеловѣческой истины. Таково наше знамя!"

ворить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ!.. Было такое время, когда ни воздуху, ни свѣту не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и величалась оффиціальная ложь, одна—владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Или уроки исторіи пропали для насъ даромъ? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношеніе къ себѣ? Гласность, лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ правительству и настоящее положеніе дѣлъ, и его отношенія къ обществу, и въ чемъ заключаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему совершить или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованій путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ „Парусѣ“ съ полною откровенностью и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ вопросовъ, разумѣется, всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели это намъ не будетъ дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія, стѣсняющія искренность слова, что еще, видно, не созрѣла пора для безоглядочной правды“...

Заканчивая свою первую статью и объясняя ее, какъ необходимое вступленіе къ изданію „Паруса“, Аксаковъ очень проницательно говорилъ: „Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что наша газета будетъ пользоваться, конечно, весьма лестнымъ, но не совсѣмъ выгоднымъ, усиленнымъ вниманіемъ лицъ, не слишкомъ дружественно къ ней расположенныхъ и готовыхъ объяснять каждое ея слово въ дурную сторону. Такъ, напримѣръ, мы почти заранѣе убѣждены, что эта наша передовая статейка породитъ множество самыхъ ложныхъ толкованій; что найдутся, пожалуй, и такіе неблагонамѣренные люди, которые опрокинутся (разумѣется, не съ литературной точки зрѣнія) и на нѣкоторыя помѣщаемыя вслѣдъ за симъ статьи и стихотворенія, тогда какъ онѣ по

мысли и цѣли своей, самыя строгія, самыя миролюбивыя... Онѣ проникнуты уваженіемъ къ святости человѣческаго званія, онѣ указываютъ на путь свободнаго, разумнаго развитія, какъ на единый мирный и способный отвратить опасности, вызываемыя грубою силою... Нападать на эти статьи значитъ сочувствовать грубой силѣ, а сочувствовать грубой силѣ—значитъ желать своему отечеству опасныхъ бурь и волненій, къ которымъ, напротивъ, мы питаемъ глубокое отвращеніе"...

Аксаковъ вполнѣ угадалъ: именно его статья и тѣ статьи, на которыя онъ тутъ намекалъ, оказались мотивомъ преслѣдованія противъ „Паруса", но еще лишнимъ толчкомъ къ этому преслѣдованію послужила передовая статья 10 января, помѣщенная въ № 2 газеты. Въ этой статьѣ Аксаковъ уже безъ вступленій обращается къ „задачамъ и событіямъ современной дѣйствительности", указывая на множество противорѣчій въ отдѣльныхъ фактахъ наступившаго оживленія. „Странная, странная эпоха, въ которую мы живемъ!—восклицаетъ онъ. И радуешься, и боишься, и сочувствуешь ей и безпрестанно поражаешься уродствомъ, безобразіемъ, аномаліей современныхъ явленій! Эпоха попытокъ, разнообразныхъ стремленій, движенія впередъ, движенія назадъ; эпоха крайностей, одна другую отрицающихъ, деспотизма науки и теоріи надъ жизнью, отрицанія науки и теоріи во имя жизни; насилія и либерализма, консервативнаго прогресса и разрушительнаго консерватизма, раболѣпства и дерзости, утонченной цивилизаціи и грубой дикости, свѣта и тьмы, грязи и блеску! Все въ движеніи, все въ броженіи, все тронулось съ мѣста, возится, копошится, просится жить! И слава Богу! Что можетъ быть выше, прекраснѣе, законнѣе этого требованія?.. Но въ то же время, всматриваясь пристальнѣе, вы невольно смущаетесь мыслью, что цвѣтущая зелень, покрывшая ниву—еще не хлѣбные зеленя, медленно и туго пробивающіе земную поверхность, что это, можетъ быть, только сорныя травы, заглушающія ходъ плодотворныхъ зеренъ, что много потребуется тяжкаго труда для очищенія нивы отъ постороннихъ скороспѣлыхъ произрастеній... Все недовольно, все кричитъ о прогрессѣ, о преобразованіяхъ, улучшеніяхъ, усовершенствованіяхъ, искорененіяхъ, нововведеніяхъ. Нетерпѣливые прогрессисты нашего образованнаго

общества перетрогали чуть не всѣ клавиши, чуть не всѣ струны громаднаго инструмента и оглашаютъ воздухъ такимъ страшнымъ диссонансомъ, такой разладицей звуковъ,— которая, безъ сомнѣнія, въ тысячу разъ отраднѣе храпѣнья и сопѣнья цѣлыхъ милліоновъ соннаго населенія, — но за которою подчасъ не слышно ни основныхъ тоновъ жизни, ни строгой, серьезной рѣчи народа:—какъ не желать улучшеній, какъ не сочувствовать прогрессу! Но бѣда въ томъ, что наше общество, порвавшее связь съ преданіями, отторгнутое отъ народной жизни, сознавая потребность преобразованій, въ то же время забываетъ, что только то прочно и плодотворно, что выростаетъ органически, изнутри, держится корнями за народную почву, связано съ бытомъ, преданіями, исторіей, со всѣмъ духовнымъ строемъ народной жизни. Бѣда въ томъ, что присущій Петровской реформѣ элементъ презрѣнія къ народной жизни глубоко проникъ въ наше образованное общество, и каждый изъ членовъ его готовъ сдѣлаться деспотомъ во имя общаго блага, во имя свободы, во имя гуманизма и науки. Какъ, по большей части, относятся къ прогрессу наши доктринеры чиновники, чиновники con amore, молодые ученые, смотрящіе администраторами, и т. д.? Не отдавая себѣ никакого отчета въ дѣйствительныхъ потребностяхъ Русской земли, даже не считая этого нужнымъ, не понимая и не желая понимать основъ народной жизни, вѣруя безусловно въ преимущество Европейской цивилизаціи,—они съ жадностью хватаются за разные образцики Европейскаго прогресса, французскіе, нѣмецкіе, англійскіе, и проч., и проч. Нужно, напримѣръ, преобразовать намъ гражданское или уголовное судопроизводство. Вотъ и думаютъ наши прогрессисты: „Какое бы изъ судоустройствъ выбрать: не то прусское, не то французское? или ужъ сардинское, съ примѣсью голландскаго? А вѣдь не дурно бы и англійское?—Точь въ точь Агаѳья Тихоновна въ „Женитьбѣ“ Гоголя, когда она говоритъ: что—если бы губы Никанора Ивановича приставить къ носу Ивана Кузьмича, да прибавить дородности Ивана Павловича, да взять ноги Петра Матвѣевича, такъ куда красивый вышелъ бы мужчина!—Никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ, что прежде всего не мѣшало бы узнать поближе потребности и юридическія воззрѣнія народа, которому придется питаться

такъ великодушно состряпаннымъ для него винегретомъ; что только тотъ законъ можетъ быть полезенъ, который является органическимъ продуктомъ народной жизни, вытекаетъ изъ общественнаго сознанія, а не падаетъ, какъ снѣгъ на голову!“

Изъ всѣхъ возвѣщенныхъ и предпринятыхъ правительствомъ преобразованій самое важное, конечно,—освобожденіе крестьянъ. „Оно, говоритъ Аксаковъ, составляетъ самое крупное явленіе современной исторіи, преобразованіе самое существенное, самое жизненное, громадное по своему размѣру, необъятное по своимъ послѣдствіямъ. Однажды совершенное, оно поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ крестьяниномъ, внесетъ въ жизнь нашего образованнаго общества стихію народную, смыслъ жизни дѣйствительной;—оно сдѣлаетъ смѣшными и невозможными покушенія нашихъ самонадѣянныхъ доктринеровъ—вылѣпить изъ народной массы ту или другую форму, по своему усмотрѣнію“.

По своему смѣлому характеру эти статьи, даже въ то время относительной свободы печатнаго слова, не могли не вызвать нареканій на новую газету; онѣ, какъ разсказывалъ Аксаковъ, „произвели шумъ и гулъ страшный“; особенно возмущена была группа реакціонеровъ, имѣвшихъ большое вліяніе, Тимашевъ, кн. Долгорукій, гр. Панинъ и др., и „Парусъ“ былъ немедленно пріостановленъ. Предположеніе замѣнить „Парусъ“ другою газетою, „Пароходъ“, подъ гласной редаціей Ѳ. В. Чижова, не осуществилась, и Аксаковъ замолкъ почти на 2 года, такъ какъ вскорѣ прекратилась и „Русская Бесѣда“. Въ этотъ періодъ литературнаго бездѣйствія Аксаковъ совершилъ путешествіе въ славянскія земли, сопровождая больного своего брата, Константина, на островъ Занте. Непосредственное знакомство съ славянствомъ, съ его литературными и общественными дѣятелями, конечно, было чрезвычайно важно для Аксакова, еще лучше уяснивъ ему значеніе славянскаго вопроса, крѣпость духовной связи между Россіей и другими славянскими племенами.

Въ 1861 г., вернувшись изъ-за границы, Аксаковъ получаетъ разрѣшеніе издавать еженедѣльную газету „День“, съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ ней не было отдѣла иностранной политики, причемъ цензура должна была имѣть особенно бдительное наблюденіе за новой газетой. Съ конца года га-

зета выходитъ въ свѣтъ и сразу привлекаетъ къ себѣ симпатіи публики, что выразилось въ очень большой по тому времени цифрѣ подписчиковъ (4000 человѣкъ). Въ своей газетѣ Аксаковъ выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ реформъ императора Александра II, изъ которыхъ на первомъ планѣ стояло освобожденіе крестьянъ. Въ это время примѣнялись на практикѣ „Положенія“ 19 февраля, и во всѣхъ частныхъ вопросахъ, возникавшихъ при осуществленіи освободительной реформы, „День“ выступалъ постоянно горячимъ защитникомъ интересовъ крестьянства.

За этой первой реформой должны были слѣдовать другія, но главнымъ, существеннѣйшимъ условіемъ для правильной работы правительства Аксаковъ объявлялъ свободу слова. „Правительство, освободившее 20 милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, не можетъ, говорилъ Аксаковъ не желать освобожденія русской печати отъ зависимости, стѣснявшей до сихъ поръ ея правильное, спокойное развитіе,—а русское общество въ правѣ ожидать, что вслѣдъ за улучшеніемъ матеріальнаго быта значительной части русскаго народа, неминуемо произойдетъ и улучшеніе общественнаго положенія мысли и слова въ Россіи. Впрочемъ, по нашему личному убѣжденію, реформѣ законовъ о книгопечатаніи приличнѣе было бы стать не только не на послѣднемъ, но на первомъ мѣстѣ въ ряду реформъ, непосредственно слѣдовавшихъ за уничтоженіемъ крѣпостного права, и предшествовать всѣмъ правительственнымъ преобразованіямъ, не исключая даже и судебнаго: освобожденная печать приготовила бы для нихъ надежную опору въ общественномъ сознаніи, вспахала бы и разрыхлила бы почву для всякаго добраго правительственнаго насажденія. Нельзя ни провѣтрить, ни очистить, и тѣмъ менѣе убрать дома—въ темнотѣ, съ заколоченными наглухо окнами: необходимо растворить настежь двери и ставни, впустить воздуха и свѣта, какъ можно болѣе воздуха, какъ можно болѣе свѣта!.. А что же такое свобода мысли и слова, какъ не воздухъ и свѣтъ,—необходимыя условія общественнаго бытія, внѣ которыхъ нѣтъ ни развитія, ни жизни,—а только плѣсень и смерть!“

Въ другой статьѣ Аксаковъ настаиваетъ на томъ положеніи, что свобода слова есть conditio sine qua non суще-

ствованія общественнаго. Для доказательства этой мысли онъ прибѣгаетъ къ параллели. „Какъ дерево, говоритъ онъ, можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока въ немъ есть жизнь сердцевины; какъ съ прекращеніемъ этой жизни, сохнетъ и каменѣетъ кора, такъ и государство—когда уже разъ возникло общество—можетъ существовать *только* до тѣхъ поръ, пока живетъ общество. Зерно способно долго сохраняться какъ зерно, но если оно разъ начало жить, какъ дерево, въ корняхъ, стволѣ и листьяхъ,—дерево уже не можетъ быть остановлено въ своемъ развитіи, въ своей дѣятельности, не можетъ быть лишено воздуха, свѣта, тепла,—иначе оно *погибнетъ*. Орудіе дѣятельности общества—есть *слово*, по преимуществу печатное. Поэтому *стѣсненіе печатнаго слова*, когда явилась въ немъ потребность, когда, стало быть, въ народѣ возникло общество,—есть нарушеніе правильныхъ отправленій общественнаго организма, есть *умерщвленіе жизни общества*, и слѣдовательно, *опасно для самого государства*, допускающаго такое стѣсненіе. Напрасно воображаютъ нѣкоторые, что свобода слова, устнаго или печатнаго есть политическая свобода. Послѣ этого, и свобода ѣсть пить, спать, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами, есть также политическая „прерогатива“! Свобода слова относится точно такъ же къ сторонѣ нравственной человѣка, какъ свобода ѣсть, спать—къ физической сторонѣ. Злоупотребленіе слова точно такъ же возможно, какъ и злоупотребленіе рукъ, но если бы въ предупрежденіе золъ, которыя можно учинить руками, связать всѣмъ людямъ руки за спину, то уничтожилась бы всякая возможность дѣятельности, слѣдовательно, и существованія, какъ связываемыхъ, такъ и вяжущихъ. Никакія въ мірѣ либеральныя учрежденія не замѣнятъ свободы общественнаго слова, никакія консервативныя охраны не замѣнятъ охранительной силы свободнаго слова (если только есть что достойное охраненія), никакіе законы не имѣютъ прочности и живительнаго дѣйствія безъ свободнаго слова. Какъ противъ отолщенія кожи нѣтъ другихъ лѣкарствъ, кромѣ возбужденія дѣятельности прочихъ органовъ, такъ и государство, противъ его болѣзненнаго роста *внутрь*, можетъ спасти—*только* общество съ своею свободою дѣятельности, свободою критики, *свободою слова*.—Слѣдовательно,—стѣсненіе печати *гибельно для самаго госу-*

дарства, и государство, въ видахъ собственнаго сохраненія, должно предоставить полнѣйшую свободу дѣятельности общественнаго сознанія, выражающейся преимущественно въ литературѣ. Однимъ словомъ, если государство желаетъ *жить*, то должно соблюдать непремѣнныя *условія жизни*, внѣ которыхъ—*смерть* и *разрушеніе*; условіе жизни государства—есть жизнь общества; *условіе жизни общества—есть свобода слова*, какъ орудія общественнаго сознанія. Поэтому цензура, какъ орудіе стѣсненія слова, есть *опасное* для государства учрежденіе, ибо не будучи въ силахъ остановить дѣятельность мысли, сообщаетъ ея развитію характеръ раздраженнаго противодѣйствія и вноситъ въ область печатнаго слова начало лжи и лицемѣрія".

„День" дождался нѣкотораго улучшенія въ положеніи нашей печати, извѣстныхъ правилъ 6 апрѣля 1865 г., и дѣйствіе правила объ освобожденіи отъ предварительной цензуры было распространено на газету Аксакова 11 сентября того же года. Привѣтствуя новый порядокъ, Аксаковъ не могъ не сказать о томъ гибельномъ вліяніи на литературу, какое оказывали прежнія условія ея существованія. „Но, спрашиваетъ онъ, не было ли бы, однако, дѣломъ великодушія пощадить отъ упрековъ прежній порядокъ и предать забвенію старое?.." На этотъ вопросъ слѣдуетъ рѣшительное отрицаніе: „Мы не будемъ великодушны. Мы считаемъ такое великодушіе неумѣстнымъ. Мы поминаемъ лихомъ,—мы не можемъ, мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась русская печать, равно какъ не можемъ и не должны оставлять безъ рѣшительнаго осужденія всякій положительный, существенный вредъ, наносимый духовному развитію русскаго общества, всякое посягательство на истину и извращеніе правды. Къ тому же это „старое" еще вовсе не есть что-либо окончательно отжившее и схороненное, чему бы можно было пожелать—почивать съ миромъ; напротивъ, оно еще живетъ, обнаруживаетъ и обнаружитъ еще не разъ живучесть своего принципа, хотя и подъ другими формами. Такимъ образомъ этотъ принципъ еще продолжаетъ заслуживать полной и строгой оцѣнки... Прежній цензурный порядокъ внесъ *кривду* въ область самого печатнаго слова. Мало было намъ кривды во всемъ строѣ нашего общественнаго развитія,—

мы добились до того, что самыя слова искривились у насъ въ своемъ значеніи и получили иносказательный смыслъ, что писатель искусился и успѣвалъ проводить свою мысль въ публику—такъ сказать воровски, между строкъ; что между читателемъ и авторомъ установился условный языкъ обиняковъ, намековъ, вразумительный только имъ обоимъ и недоступный даже для цензуры. Авторъ, садясь за работу, думалъ уже не о томъ, чтобы какъ можно яснѣе выразить свое искреннее убѣжденіе, или чтобы какъ можно полнѣе и отчетливѣе передать на общій судъ свою доктрину, а только о томъ, чтобы какъ-нибудь протащить свою мысль контрабандой сквозь цензурную стражу,—и мысль тихонько прокрадывалась, закутанная въ двусмысленные обороты рѣчи!

Радостно встрѣчая, въ виду такихъ воспоминаній, новый порядокъ, Аксаковъ высказывалъ пожеланія, чтобы свобода, предоставляемая слову, была широкой, истинной, не поддѣльной. „Необходимо, говорилъ онъ, чтобы сознаніе вреда, происходившаго до сихъ поръ отъ стѣсненія слова, вполнѣ проникло въ нашу правительственную среду. Будемъ надѣяться, что возвратъ къ этому вреду сталъ уже невозможенъ, что все шире и шире будутъ раздвигаться предѣлы искренности въ русскомъ печатномъ и устномъ словѣ. Будемъ надѣяться, что самая свобода, даруемая теперь печати, станетъ дѣйствительной правдой, а не *подобіемъ*... Подобіе правды! Неужели намъ еще не надоѣло подобіе? Всмотритесь пристальнѣе кругомъ себя,—что вы увидите? Толпу призраковъ, тѣней, или, вѣрнѣй сказать, *подобій*, вы окружены *подобіемъ* всего живого, дѣйствительнаго, реальнаго, но только подобіемъ,—а все не самымъ тѣмъ живымъ, дѣйствительнымъ, реальнымъ. Все у насъ существуетъ *будто бы*; ничто не кажется серьезнымъ, настоящимъ, а имѣетъ видъ чего-то временнаго, поддѣльнаго, показнаго и все это отъ самыхъ мелкихъ явленій до крупныхъ. У насъ *будто-бы* есть и законы, и даже пятнадцать томовъ Свода Законовъ, обнимающихъ всѣ отрасли управленія, регламентирующихъ всѣ отправленія государственной и общественной жизни, а между тѣмъ половина этихъ управленій въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, а законы не уважаются. У насъ есть очень либеральныя учрежденія, такія либеральныя, что либеральнѣе ихъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ, но и это все *будто-бы*, всѣ

эти либеральныя права не вносятъ въ общественную жизнь, и просто даже въ душу отдѣльныхъ людей, никакой животворной свободы,—все исполняется по наружности, все либеральничаетъ по формѣ и данному образцу, а плоды порождаетъ, какъ извѣдано опытомъ, самые непригодные!— Мы чуть не восторженно привѣтствовали отмѣну тѣлесныхъ наказаній, но однако не лишены права сказать, что тѣлеснаго наказанія въ Россіи не существуетъ:—его *будто-бы* нѣтъ, и дѣйствительно нѣтъ по суду, но оно есть, да и въ какомъ еще широкомъ размѣрѣ, налагаемое по усмотрѣнію полицейской власти! Правительство истощается въ благородныхъ усиліяхъ, желая создать какую-нибудь живую дѣятельную силу въ обществѣ, но и тутъ успѣваетъ создать только—видимость... Подобіе правосудія, подобіе муниципалитетовъ (на самомъ дѣлѣ признающихъ свои муниципальныя права за повинность, отъ которой муниципалы спѣшатъ уклоняться), подобіе самоуправленія (примѣръ городскихъ думъ въ столицахъ, не смѣющихъ израсходовать двухъ рублей съ полтиною безъ разрѣшенія начальства); подобіе просвѣщенія, подобіе науки, подобіе классическаго образованія, подобіе университетовъ,—подобіе либерализма, прогресса, независимости церкви, порядка, общественной силы, общественныхъ дѣйствительныхъ интересовъ, общественнаго мнѣнія,—подобіе самостоятельности у публицистовъ, подобіе правды въ отчетахъ, подобіе жизни... Пожалуй, явится скоро у насъ подобіе народности и подобіе „политической“ свободы! Въ древней Руси не было никакого *подобія*,—все было правдой, хотя бы и самою некрасивой; въ крестьянской Руси также нѣтъ покуда „подобія“, нѣтъ желанія казаться не тѣмъ, что она есть; но очень можетъ быть, что съ успѣхами нашей цивилизаціи, и въ крестьянскіе суды и управы также заберется эта страсть къ подобіямъ... Правды, правды! — вотъ чего намъ не достаетъ, вотъ что намъ особенно нужно! Пусть міръ подобій замѣнится міромъ правды! Правда необходима намъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, не только правда на судѣ, а правда слова, чувства,—правда развитія, правда взаимныхъ отношеній земли и государства, общества и правительства. И это не значитъ, чтобы люди перестали лгать и чтобъ мы мечтали о такой золотой эпохѣ, гдѣ бы и лгуновъ не было. Совсѣмъ нѣтъ.

Мы говоримъ о такомъ состояніи общества, гдѣ каждый можетъ и имѣетъ право *быть правдивымъ*, если захочетъ; гдѣ не стѣснена мысль, гдѣ она развивается и выражается безбоязненно, гдѣ мнѣніе искренно и не робко, гдѣ, однимъ словомъ, не трусятъ правды. Этотъ недостатокъ правдивости въ русскомъ обществѣ и вообще въ русской жизни, эта непривычка высказывать свою мысль со всею откровенностью, во всей ея полнотѣ, безъ унизительныхъ для нея двусмысленностей, оговорокъ и иносказаній, затрудняетъ не только развитіе нашей общественности, но и ходъ государственныхъ отправленій.

„День“ издавался почти цѣлыхъ четыре года и отнималъ у Аксакова много силъ, такъ какъ ему самому приходилось работать чрезвычайно много, а между тѣмъ успѣхъ газеты не возрасталъ, а напротивъ убывалъ, и начиная четвертый годъ изданія, Аксаковъ жаловался на свое положеніе. „Два года, писалъ онъ протоіерею М. Ѳ. Раевскому, лишенъ я возможности говорить своимъ голосомъ, благодаря цензурѣ, которая, кажется, только для одного меня и существуетъ. Усталъ я ужасно,—тѣмъ болѣе, что лучшіе мои сотрудники и пріятели—или въ Варшавѣ, или за границей, или бездѣйствуютъ, и мнѣ приходится не только выносить все на своихъ плечахъ, но и приплачивать карманомъ. Первый годъ была мода на „День“ и потому подписчиковъ было очень много, т. е. за 3500, но на слѣдующій же годъ все дворянство, разсердясь на меня, отхлынуло и подписчиковъ было не болѣе 2500, на этой цифрѣ и остановилось. Не знаю, что скажетъ 1865 годъ; подписка идетъ такъ же, какъ и въ прошломъ году“. Черезъ полгода послѣ этого Аксаковъ писалъ тому же Раевскому о пріостановкѣ изданія газеты: „Изъ 24 № „Дня“ вы увидите, что я останавливаю изданіе газеты на 2 мѣсяца и беру „отпускъ“ у публики, по настоянію врачей и по внутреннему собственному сознанію необходимости — освѣжиться силами. Иначе я не въ состояніи былъ бы издавать газету далѣе, т. е. въ 1866 году. Мой умственный жерновъ совсѣмъ обмололся. Уже 4 года сряду выношу я газету одинъ на своихъ плечахъ и безвыѣздно остаюсь въ Москвѣ. Передать газету мнѣ было некому. Всѣ мои сотрудники—не чернорабочіе наемники, всѣ болѣе или менѣе баричи, т. е. люди, проводящіе лѣто въ деревнѣ. Чижовъ уѣзжаетъ

для развѣдки, какъ вести желѣзную дорогу дальше до Ярославля, Самаринъ въ Самару и т. д. Къ тому же моя газета не сообщаетъ ни политическихъ новостей, ни указовъ, ни движеній по службѣ,—въ ней нѣтъ готоваго содержанія, а только развитіе ученія извѣстной школы. Лѣтомъ такъ плохо читаетъ публика, что лѣтомъ ни одинъ порядочный редакторъ не помѣститъ порядочной статьи. 6 августа я возвращусь и вознагражу подписчиковъ за все время отпуска двойными нумерами. Думаю, что газета отъ такого освѣженія редакторскихъ силъ только выиграетъ".

Возвратившись изъ поѣздки по Волгѣ и Днѣпру и докончивъ газету за 1865 г., Аксаковъ въ слѣдующемъ году уже не возобновлялъ ея изданія. Однако его молчаніе не могло быть продолжительнымъ, и уже съ 1 января 1867 г. онъ началъ издавать еженедѣльную газету „Москва". Исторія этого изданія была переполнена всякими превратностями: изъ 22 мѣсяцевъ, которые существовала газета, она была запрещена въ теченіе тринадцати, предостереженій получила девять и, наконецъ, была совсѣмъ прекращена министромъ внутреннихъ дѣлъ. Аксакову все время приходилось бороться за свое право слова, которое онъ считалъ неотъемлемымъ, причемъ иногда онъ выступалъ съ доказательствомъ нераціональности карательныхъ административныхъ мѣръ. „Не говоря уже о большемъ или меньшемъ единомысліи, редакторъ и его публика,—разъяснялъ Аксаковъ,—соединены между собою общностью самыхъ завѣтныхъ, самыхъ святыхъ интересовъ. Свобода мысли и слова—ихъ общее достояніе, общее дѣло, и всякое административное стѣсненіе этой свободы съ такимъ же чувствомъ принимается редакторомъ, какъ и каждымъ изъ его подписчиковъ. Принятыя противъ насъ мѣры въ немалой степени содѣйствовали успѣху того самаго дѣла, которое мы защищали. Онѣ придали ему извѣстность и гласность, которыхъ именно ему недоставало, и недостатокъ которыхъ составлялъ такъ долго его слабую сторону. Онѣ, быть можетъ, даже преувеличили смыслъ нашихъ словъ и окружили ихъ ореоломъ гонимой правды. Таковы практическіе результаты системы предостереженій. Превращая цензурную кару въ орудіе неправильной пропаганды, она извращаетъ спокойное, свободное и правдивое отношеніе къ истинѣ, и стѣснительная

для періодической литературы, равно невыгодна и для правительства".

Возставая вообще противъ системы предостереженій и другихъ административныхъ мѣръ противъ печати, Аксаковъ иногда вынужденъ бывалъ выступать съ энергичною самозащитою. Такъ, 28 ноября 1867 г. онъ писалъ: „Дающая предостереженія рука не оскудѣваетъ. Изъ непроницаемой выси „личнаго усмотрѣнія", отъ щедротъ поставленной надъ литературою власти ниспослано на насъ, въ теченіе $10^1/_2$ мѣсяцевъ, три предостереженія, три мѣсяца вынужденнаго молчанія, и по возобновленіи „Москвы" съ 1-го іюля—два предостереженія снова. Такое вниманіе, такое „систематическое осужденіе" (выражаясь языкомъ пятаго предостереженія), затрудняя изданіе, нанося ему значительный ущербъ имущественный и нравственный, не смутило бы, однако, насъ въ отправленіи нашего редакторскаго долга, не побудило бы насъ къ напрасному ропоту или немощному отпору. Но на сей разъ предостереженіе, данное намъ, такого свойства, что мы не можемъ молчать, не должны молчать: молчаніе съ нашей стороны было бы преступленіемъ. Мы вполнѣ сознаемъ опасность, которой подвергаемъ свою газету, но тѣмъ не менѣе мы обязаны передъ собой, передъ обществомъ, предъ правительствомъ, предъ всею Россіей, поднять голосъ въ защиту нашей долгой общественной, всѣмъ вѣдомой, всѣмъ открытой, нынѣ оклеветанной дѣятельности. Со всею силою негодованія оскорбленнаго чувства чести, мы громко, во всеуслышаніе, протестуемъ противъ несправедливаго, оскорбительнаго обвиненія. Мы оскорблены въ нашемъ достоинствѣ гражданина, писателя, Русскаго. Предостереженіе обвиняетъ насъ *„въ систематическомъ осужденіи* (т. е. предумышленномъ) *дѣйствій правительства, въ систематическомъ возбужденіи къ нему недовѣрія и неуваженія*; оно утверждаетъ, что такое направленіе „нерѣдко составляетъ *отличительный характеръ статей и корреспонденцій, печатаемыхъ въ газетѣ „Москва"*. Затѣмъ оно же обвиняетъ насъ въ умышленномъ насиліи логическаго смысла и искаженіи фактовъ, *направленномъ къ возбужденію страстей и общественнаго неудовольствія*. Такимъ образомъ предостереженіе пытается заклеймить нашу честность гражданскую, нашу добросовѣстность, какъ писателя и какъ человѣка,—и вы-

ставить наши отношенія къ правительству не только преступными, но и непростительно легкомысленными, обличающими совершенное непониманіе условій русской дѣйствительности,—слѣдовательно, до постыдности недостойными серьезнаго публициста. Мы съ своей стороны утверждаемъ, что никогда *систематическое* осужденіе, ни тѣмъ менѣе *возбужденіе* чувствъ неуваженія и недовѣрія къ *правительству*, не только не входили въ наши помыслы и виды, не только ни рѣдко, ни нерѣдко, не составляли *отличительнаго* характера статей и корреспонденцій „Москвы", но ни въ какихъ статьяхъ и корреспонденціяхъ нашей газеты не находили себѣ проявленія. Отличительный характеръ нашей газеты есть, прежде всего, отсутствіе всякой *предумышленности*—понятіе, выраженное предостереженіемъ въ словѣ „систематическое",—есть полнѣйшая независимость и искренность въ оцѣнкѣ явленій и событій нашей внутренней политической жизни. Мы съ непритворною, вполнѣ свободною радостью привѣтствовали и привѣтствуемъ правительство во всѣхъ благихъ его начинаніяхъ; мы постоянно и неутомимо оказывали нашу посильную поддержку всѣмъ современнымъ благимъ преобразованіямъ, исходившимъ,—замѣтимъ мимоходомъ,—отъ той верховной власти, которая одна въ Россіи и можетъ назваться правительствомъ. Мы, правда, *систематически* отдѣляли понятіе о правительствѣ отъ понятія объ администраціи; мы никогда не смѣшивали этихъ двухъ понятій, и всякій разъ, какъ приходилось намъ подвергать критикѣ мѣры и распоряженія различныхъ властей, мы систематически выгораживали, достоинство основного начала власти, выдѣляли изъ критики верховный правительственный принципъ. Признавая его неприкосновенность, мы пользовались правомъ обсужденія во всей широтѣ предѣловъ, закономъ дозволенныхъ. Эти предѣлы довольно просторны; они не обязываютъ насъ относиться сочувственно къ тому, что намъ несочувственно, ни тѣмъ болѣе благоговѣть сердцемъ и словомъ передъ всякимъ распоряженіемъ администраціи".

Разобравъ далѣе отдѣльные мотивы, указанные въ предостереженіи, и обнаруживъ всю ихъ несостоятельность, Аксаковъ дѣлаетъ слѣдующіе заключеніе: „Мы отнеслись, какъ видитъ предостерегающая власть, съ полнымъ вниманіемъ

къ данному намъ предостереженію. Мы не остались равнодушными къ нанесенному ею оскорбленію нашей публичной чести, нашему достоинству, какъ русскаго, выставленнаго какимъ-то безразсуднымъ врагомъ своего отечества, нашему достоинству, какъ писателя, уличеннаго будто бы въ легкомысленномъ отношеніи къ своему призванію, къ своему редакторскому долгу; нашему достоинству, какъ гражданина, обвиняемаго въ злоумышленномъ будто бы искаженіи истины фактовъ, для возбужденія слѣпыхъ народныхъ страстей. Мы не принимаемъ, не можемъ и не должны принять,—мы съ негодованіемъ отвергаемъ обвиненіе въ „*систематическомъ* охужденіи дѣйствій правительства и возбужденіи недовѣрія къ нему и неуваженія“. Конечно, не предостереженію поколебать, говоримъ это съ гордостью, довѣріе къ нашему имени русскаго общества, пріобрѣтенное долголѣтнею публичною дѣятельностью,—но самая попытка заклеймить наше имя подобнымъ обвиненіемъ, исходящимъ не отъ суда, но отъ административной власти, на которую нѣтъ ни суда, ни апелляціи, исполняетъ насъ понятнаго негодованія и даетъ законное основаніе нашему протесту. Говоримъ—законное, ибо такія обвиненія на основаніи формальнаго закона, произносятся *только* судомъ и подвергаютъ обвиненнаго установленному наказанію. Мы готовы предстать суду; мы желаемъ суда“.

За этою статьей прослѣдовала пріостановка газеты на 4 мѣсяца, а въ этотъ промежутокъ Аксаковъ издавалъ газету „Москвичъ“ (при чемъ гласнымъ ея редакторомъ былъ одинъ изъ сотрудниковъ „Москвы“). Согласно Положенію комитета министровъ отъ 13 февраля 1868 г. эта газета была прекращена, а затѣмъ, въ октябрѣ 1868 г. закрылась совсѣмъ и „Москва“. Публицистическая дѣятельность Аксакова прекратилась на много лѣтъ: писать ему уже не приходилось, и лишь въ 1874 г. онъ получаетъ нѣкоторую возможность гласно высказывать свои идеи и стремленія, когда онъ дѣлается предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго Комитета. При возникновеніи волненій среди турецкихъ славянъ въ 1875 г., Аксаковъ выступаетъ энергичнымъ проповѣдникомъ славянскаго единства, въ силу котораго Россія должна была протянуть руку помощи славянамъ, возставшимъ за свою свободу. Дѣятельность славянскихъ комитетовъ имѣла харак-

теръ не только благотворительный, но и политическій: помощь Сербіи и Черногоріи во время ихъ освободительныхъ войнъ противъ Турціи имѣла значеніе далеко не одного милосердія, помощь выразилась въ снаряженіи добровольческихъ отрядовъ, въ возбужденіи сочувствія къ угнетеннымъ единоплеменникамъ во всемъ русскомъ обществѣ, и въ этомъ дѣлѣ видная роль выпала на долю Ивана Сергѣевича.

Скоро дѣло было закончено: славяне освободились благодаря помощи Россіи, но европейская дипломатія, какъ извѣстно, не допустила торжества Россіи, и на Берлинскомъ конгрессѣ условія Сенъ - Стефанскаго мира подверглись весьма существеннымъ измѣненіямъ. Этотъ результатъ освободительной героической борьбы не могъ не поразить Аксакова, не могъ не оскорбить его патріотическаго чувства, и 22 іюня 1878 г. онъ произнесъ въ Славянскомъ Комитетѣ рѣчь, исполненную глубокаго паѳоса. „Нѣтъ, говорилъ онъ, такихъ и словъ, чтобы заклеймить по достоинству это предательство, эту измѣну историческому завѣту, призванію и долгу Россіи. Согласиться на такое рѣшеніе—значитъ подписать свое самоотреченіе, какъ Главы и Верховной Представительницы Славянскаго и всего Восточно-Христіанскаго міра,—значитъ утратить не только свое обаяніе, не только сочувствіе, но и уваженіе славянскихъ племенъ, нашихъ естественныхъ, нашихъ единственныхъ союзниковъ въ Европѣ. Свобода, самобытное развитіе и преуспѣяніе духовныхъ стихій славянской народности возможны для славянъ *только* въ единеніи любви съ русскимъ народомъ... Иначе рѣшаетъ русская дипломатія! Для того только православный русскій народъ, единый, могучій и независимый изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, для того только и пролилъ ты свою драгоцѣнную кровь, принесъ въ жертву сотни тысячъ твоихъ сыновъ, для того ты и разорялся и временно обнищалъ, стяжалъ себѣ поистинѣ вѣнецъ страстотерпца и мученика, чтобы собственными побѣдами унизить себя, какъ славянскую державу, расширить владѣнія, умножить силу враговъ—твоихъ и всего Славянства, и подчинить православныхъ славянъ господству нѣмецкой и католической стихіи. Напрасный мученикъ, одураченный побѣдитель, полюбуйся на свое дѣло!.. Если во время Константинопольской конфе-

ренціи мы говорили, въ такомъ же собраніи, что щеки пылаютъ у Россіи отъ получаемыхъ ею пощечинъ, то что же сказать теперь, при ежедневныхъ, торжественныхъ заушеніяхъ? А русскіе дипломаты, если вѣрить газетамъ, послѣ каждаго заушенія только расписываются въ полученіи и просятъ взамѣнъ для Россіи лишь аттестатъ о „безкорыстіи"! Поистинѣ безкорыстно, и въ аттестатѣ имъ не отказываютъ... Слово нѣмѣетъ, мысль останавливается, пораженная передъ этимъ колобродствомъ русскихъ дипломатическихъ умовъ, передъ этою грандіозностью раболѣпства! Самый злѣйшій врагъ Россіи и Престола не могъ бы изобрѣсти чего-либо пагубнѣе для нашего внутренняго спокойствія и мира. Вотъ они, наши настоящіе нигилисты, для которыхъ не существуетъ въ Россіи ни русской народности, ни православія, ни преданій,—которые какъ и нигилисты вродѣ Боголюбовыхъ, Засуличъ и К°, одинаково лишены всякаго историческаго сознанія и всякаго живого національнаго чувства. И тѣ и другіе — иностранцы въ Россіи и поютъ съ чужого европейскаго голоса; и тѣ и другіе чужды своему народу, смотрятъ на него, какъ на tabula rasa, презираютъ его органическія духовныя начала, стараются сдвинуть его съ пути, заповѣданнаго ему исторіею и направлять насильственно на путь противоестественный... Всѣ они—близкая другъ другу родня, порожденіе одного сѣмени, хотя и различествуютъ между собою бытомъ, воспитаніемъ, нравами, доктринами и главное—степенью самосознанія... Предоставляю вамъ самимъ рѣшать, кто же, однако, изъ нихъ: сознательныхъ и безсознательныхъ, грубо-анархическихъ и утонченныхъ государственныхъ нигилистовъ, въ сущности опаснѣе для Россіи, для ея народнаго и духовнаго преуспѣянія и государственнаго достоинства?.. Волнуется, ропщетъ, негодуетъ народъ, смущаемый ежедневными сообщеніями о Берлинскомъ конгрессѣ, и ждетъ, какъ благой вѣсти, рѣшенія свыше. Ждетъ и надѣется. Не солжетъ его надежда, потому что не преломится царское слово: „святое дѣло будетъ доведено до конца". Долгъ вѣрноподданныхъ велитъ намъ всѣмъ надѣяться и вѣрить,—долгъ вѣрноподданныхъ велитъ намъ и не безмолвствовать въ эти дни беззаконія и неправды, воздвигающихъ средостѣнія между Царемъ и землею, между Царскою мыслью и народною думою. Ужели и

въ самомъ дѣлѣ можетъ раздаться намъ сверху въ отвѣтъ внушительное слово: „молчите, честныя уста! гласите лишь вы, лесть да кривда!“

Эта рѣчь Аксакова вызвала сильную сенсацію, привела къ закрытію славянскаго комитета и къ высылкѣ самого оратора изъ Москвы. Онъ поселился въ селѣ Варваринѣ, Владимірской губ., принадлежавшемъ родственницѣ его жены. Во время этого невольнаго, непродолжительнаго отдыха Аксаковъ возвращается къ поэзіи. Имъ написано четыре стихотворенія, въ которыхъ видно и настоящее, искреннее чувство и есть истинная поэтическая образность; замѣчается въ нихъ также и отраженіе его славянофильскаго патріотизма. Такъ, въ стихотвореніи, посвященномъ Е. Ѳ. Тютчевой, онъ говоритъ:

... Злая мгла
Вершины Руси облегла,
Въ той безнародной вышинѣ
Родная мысль въ оковахъ плѣна;
Одни лишь властвуютъ вполнѣ
Тамъ лесть и ложь, и буйство тлѣна!..
Но внемлетъ Богъ простымъ сердцамъ:
Сквозь смрадъ и чадъ всей этой плѣсни,
Восходитъ съ долу ѳиміамъ,
Несется звукъ побѣдной пѣсни,
Поющей славу небесамъ.

Однако, изгнаніе не было продолжительнымъ, и 29 ноября 1878 г. Аксаковъ могъ привѣтствовать свое освобожденіе слѣдующими стихами:

Затворы сняты; у дверей
Свободно стелется дорога;
Но я... я медлю у порога
Тюрьмы излюбленной моей!
Въ моей изгнаннической долѣ
Какъ благодатно было мнѣ,
Радушный кровъ,—пріютъ неволи,—
Въ твоей привольной тишинѣ!
Когда въ пылу борьбы неравной,
Трудовъ подъятыхъ и тревогъ,
Такъ рьяно съ ложью полноправной
Сразился я—и изнемогъ,
И прямо съ браннаго похмѣлья

Меня къ тебѣ на новоселье
Судьба нежданно привела,—
Какой отрадой и покоемъ,
Какимъ внезапнымъ звучнымъ строемъ
Душа охвачена была!
Какъ я постигъ благую разность,
Какъ оцѣнилъ я сердцемъ вдругъ
Твою трезвительную праздность,
Душеспасительный досугъ!..

Почти черезъ два года послѣ этого Аксаковъ могъ въ послѣдній уже разъ возвратиться къ журналистикѣ. Какъ только онъ подалъ прошеніе о разрѣшеніи издавать газету „Русь", это разрѣшеніе было дано, и съ 15 ноября 1880 г. начала выходить эта послѣдняя еженедѣльная его газета. Ея изданіе продолжалось до самой смерти Аксакова и не встрѣчалось уже съ тѣми затрудненіями, которыми сопровождалось изданіе всѣхъ прежнихъ газетъ Аксакова. Успѣхъ газеты былъ, однако, не такъ великъ, какъ бы можно было ожидать по примѣру „Дня", и послѣ двухъ лѣтъ ея изданія, Аксаковъ превратилъ ее въ журналъ, выходившій дважды въ мѣсяцъ. Этотъ неуспѣхъ газеты объясняется меньшею страстностью тона статей „Руси" сравнительно съ прежними изданіями Аксакова, менѣе энергичною борьбою редактора противъ нѣкоторыхъ теченій русской жизни, занявшихъ въ это время властное положеніе. Однако, указывая на это обстоятельство, не слѣдуетъ забывать, что въ принципіальныхъ своихъ требованіяхъ Аксаковъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ и ранѣе, т. е. вѣрнымъ поклонникомъ великихъ реформъ императора Александра II. Эти реформы приходилось теперь отстаивать противъ всякихъ нареканій, которыя обрушивались на нихъ со стороны той партіи, во главѣ которой стоялъ Катковъ. Эта партія желала усиленія административной власти, а для этого требовалось, если не упраздненіе, то крайнее ограниченіе созданныхъ при императорѣ Александрѣ II судебныхъ и земскихъ учрежденій. Особенной силой и яркостью доказательства отличалась защита Аксаковымъ новаго суда, являвшагося полнымъ контрастомъ той возмутительной неправдѣ, съ которою, какъ мы знаемъ, Аксакову самому пришлось столкнуться въ годы его молодости.

Съ тою же прежнею рѣшительностью выставлялось Акса-

ковымъ въ „Руси“ требованіе свободы слова, въ которой онъ какъ и всѣ славянофилы, видѣлъ необходимое условіе жизни общественной. Защитникомъ свободы слова въ это время Аксаковъ выступаетъ почти исключительно по мотивамъ принципіальнымъ, и лишь одинъ разъ, за всѣ 5 лѣтъ изданія „Руси“, ему въ этомъ вопросѣ пришлось говорить pro domo sua. Случилось это въ концѣ 1885 года. Обсуждая въ статьѣ отъ 23 ноября этого года разныя событія, происходившія тогда на Балканскомъ полуостровѣ (возсоединеніе Болгаріи и Восточной Румеліи, сербо-болгарскую войну и т. п.), Аксаковъ указалъ на рядъ промаховъ, весьма серьезныхъ, допущенныхъ нашей дипломатіей. Статья эта вызвала предостереженіе газетѣ, причемъ было сказано, что предостереженіе объявляется за то, что статья „несогласна съ истиннымъ патріотизмомъ“...

Подобнаго укора Аксаковъ перенести не могъ и отвѣтилъ на него большой статьей. „Повинуясь закону, мы, писалъ онъ, помѣстили въ прошломъ № данное „Руси“ „предостереженіе“ безъ всякихъ съ нашей стороны, въ томъ же №, примѣчаній и поясненій. Благоразумнѣе, быть можетъ, было бы и теперь оставить вовсе безъ оговорокъ это оффиціальное назиданіе, но въ немъ есть нѣчто необыкновенное даже и для оффиціальнаго языка нашего высшаго литературно-полицейскаго вѣдомства, есть выраженія, которыя обойти молчаніемъ не позволяетъ намъ чувство чести и нравственнаго достоинства. Газетѣ „Русь“ брошено въ лицо обвиненіе въ недостаткѣ „истиннаго патріотизма“... Понятно, разумѣется, то негодованіе, которое должно было вызвать въ насъ подобное публичное оскорбленіе,—и ужъ, конечно, не съ тѣмъ, чтобы оправдываться передъ литературнымъ начальствомъ, беремся мы теперь за перо: смѣемъ думать, что относительно патріотизма редакторъ „Руси“ въ оправданіи не нуждается. Каждый изъ писателей, долговременно подвизающихся въ области печатнаго слова, оставляетъ по себѣ достаточно матеріала для вѣрной общественной оцѣнки его литературнаго направленія. Мы не составляемъ исключенія; полагаемъ, что и о насъ, о нравственномъ характерѣ нашей, свыше четверти вѣка продолжающейся и ни разу въ своемъ направленіи не измѣнившейся публицистической дѣятельности,—также успѣло сложиться въ Россіи довольно опредѣ-

ленное мнѣніе. Это-то мнѣніе Россіи мы и противопоставляемъ смѣло и съ спокойною увѣренностью направленному на насъ оффиціальному обвиненію. Но мы позволяемъ себѣ утверждать, что и самый законъ не уполномочиваетъ Главное Управленіе по дѣламъ печати на подобную формулу обвиненія; не предоставляетъ полиціи, хотя бы и высшей, дѣлать кому-либо внушенія по части „патріотизма". Говоримъ: „полиціи", потому что Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніе котораго передана въ 1863 г. изъ Министерства народнаго просвѣщенія русская литература, есть по преимуществу министерство государственной полиціи и обязано вѣдать литературу лишь съ точки зрѣнія полицейской. Да и самыя предостереженія свои сообщаетъ оно редакторамъ черезъ полицейскихъ чиновъ: упомянутое внушеніе объ „истинномъ патріотизмѣ", подписанное 26 ноября, только пройдя долгій путь полицейскихъ мытарствъ, отъ инстанціи къ инстанціи, было преподнесено намъ помощникомъ частнаго пристава Тверской части, и именно 29 ноября (слишкомъ двое сутокъ послѣ того, какъ оно появилось въ петербургскихъ газетахъ, и Сѣверное Агентство оповѣстило о немъ по телеграфу не только всю Россію, но и всю Европу,— къ превеликому торжеству австрійскихъ газетъ!). Писатель или редакторъ, подвергающійся подобнаго рода назиданіямъ чрезъ полицейскаго околодочнаго надзирателя, имѣетъ по крайней мѣрѣ право требовать, чтобъ таковые документы были въ точности согласны со всѣми формальными предписаніями закона. Мы тщательно пересмотрѣли всѣ параграфы того спеціальнаго узаконенія, на которое ссылается и данное „Руси" предостереженіе. Въ статьяхъ отъ 12-й до 30-й перечислены всѣ тѣ провинности печати, которыя могутъ служить поводомъ Главному Управленію для принятія упомянутой мѣры: но ни о „патріотизмѣ" вообще, ни въ частности о „патріотизмѣ истинномъ" въ этихъ статьяхъ нѣтъ ни слова, ни даже намека. Равномѣрно не встрѣчается подобной „квалификаціи" литературныхъ поступковъ ни въ Уголовномъ Уложеніи, ни во всемъ Сводѣ Законовъ... Оно и вполнѣ разумно. Перейдя точные предѣлы формальнаго закона, вышеназванное вѣдомство ступило неизбѣжно на шаткую почву,— въ поле обширное для недоразумѣній и противорѣчій, слѣдовательно и для произвольныхъ личныхъ истолкованій. Въ

самомъ дѣлѣ, что такое „истинный“ и „неистинный“ патріотизмъ? Гдѣ надежные признаки того и другого? Гдѣ критерій для оцѣнки или даже распознаванія? Съ нашей точки зрѣнія, напримѣръ, истинный патріотизмъ для публициста заключается въ томъ, чтобы мужественно, по крайнему разумѣнію, высказывать правительству правду—какъ бы она горька и жестка ни была, а для правительства—въ томъ, чтобъ выслушивать даже и горькую, жесткую правду. По мнѣнію же многихъ въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ, наиистиннѣйшій патріотизмъ — въ подобострастномъ молчаніи“...

Сказавъ затѣмъ о тѣхъ разнообразныхъ взглядахъ на патріотизмъ, которые исходили отъ самаго правительства, разъяснивъ ложность нѣкоторыхъ изъ подобныхъ взглядовъ, Аксаковъ говоритъ о своей газетѣ слѣдующее: „Послѣ долгаго перерыва нашей журнальной дѣятельности, убѣдившись, что прежняя односторонность патріотизма стала значительно сглаживаться и что въ самомъ Петербургѣ понятіе о патріотизмѣ стало совмѣщаться съ понятіемъ о національныхъ русскихъ началахъ и интересахъ, мы рѣшились предпринять изданіе газеты „Русь“. Мы рѣшились на этотъ тяжелый подвигъ въ той надеждѣ, что въ виду трагическихъ уроковъ исторіи, въ виду тѣхъ печальныхъ послѣдствій, къ которымъ привело Россію антинаціональное направленіе во внѣшней и внутренней политикѣ, — основная сущность нашихъ политическихъ и нравственныхъ убѣжденій, заявленная всею нашею публичною жизнью, способна, наконецъ, гарантировать насъ отъ докучныхъ цензорскихъ стѣсненій и отъ патріотическихъ назиданій черезъ обязательное посредство гг. квартальныхъ; что наше слово, правдивое и искреннее, хотя бы подчасъ и безъ всякой внѣшней, умягчающей смазки, будетъ наконецъ терпимо и уваженно въ своей свободѣ... Къ прискорбію, мы ошиблись. Тѣмъ не менѣе, мы признаемъ долгомъ объяснить съ полною откровенностью, что мѣняться намъ уже поздно, да и не подстать; что мы ни мало не расположены, да и не сумѣли бы,—особенно уже теперь, въ виду уроковъ внутренней русской исторіи и подъ конецъ нашего публицистическаго поприща, — подлаживать свой патріотизмъ къ оффиціальнымъ, часто мѣняющимся воззрѣніямъ. Правительство

можетъ закрыть нашу газету, отнять у насъ право печатнаго слова: это вполнѣ въ его власти. Но пока мы держимъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и искреннимъ, и ужъ несомнѣнно *истинно* — патріотическимъ, какимъ было и есть—теперь и всегда".

Эта энергичная отповѣдь на обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма была однимъ изъ послѣднихъ публицистическихъ произведеній Аксакова. Черезъ полтора мѣсяца послѣ этой статьи 27 января 1886 года Ивана Сергѣевича не стало: онъ умеръ почти внезапно... По поводу этого горестнаго событія вдова его получила телеграмму отъ Императора Александра III, которая явилась категорическимъ опроверженіемъ указаннаго обвиненія, такъ какъ въ ней почившій публицистъ былъ названъ „честнымъ человѣкомъ и преданнымъ русскимъ интересамъ".

И. С. Аксаковъ.

И. С. Аксаковъ и петербургскіе студенты восьмидесятыхъ годовъ.

Осенью 1882 года, И. С. Аксаковъ, будучи въ Петербургѣ, выразилъ желаніе сблизиться съ здѣшней университетской молодежью; среди нея онъ думалъ найдти себѣ новыхъ сотрудниковъ. На вечерѣ у одного изъ профессоровъ онъ познакомился съ нѣкоторыми представителями молодого поколѣнія, студентами и окончившими университетскій курсъ. Молодые люди произвели на него впечатлѣніе не особенно благопріятное, они показались ему мало развитыми и запасъ ихъ научныхъ свѣдѣній довольно ограниченнымъ. Съ прискорбіемъ писалъ онъ объ этомъ одному своему петербургскому другу, припоминая, что братъ его, Константинъ Сергѣевичъ, Самаринъ и другіе его сверстники въ годы студенчества стояли гораздо выше новыхъ его знакомыхъ, въ которыхъ особенно поражалъ его недостатокъ серьезнаго общаго образованія. Въ этомъ отзывѣ Аксакова о нашей молодежи было много вѣрнаго, хотя нельзя не замѣтить, что мѣрило, выбранное для сужденія о ней, сравненіе съ Самаринымъ, К. С. Аксаковымъ, было далеко не подходящее: эти люди и въ студенческіе годы были не совсѣмъ обыкновенными личностями, а новые знакомые Ивана Сергѣевича представляли собой только средній типъ хорошихъ студентовъ. Однако, Аксаковъ писалъ, что онъ не теряетъ надежды найти себѣ новыхъ сотрудниковъ среди своихъ молодыхъ знакомыхъ; но, какъ намъ извѣстно, случилось такъ, что изъ всѣхъ ихъ только одинъ помѣстилъ въ „Руси“ небольшую библіографическую статейку. Извѣстіе о томъ, что Аксаковъ ищетъ сближенія съ молодежью вышло изъ предѣловъ тѣснаго кружка лицъ, знакомыхъ съ профессорами, и довольно скоро распростра-

нилось по университету; нашлись люди и въ другихъ кружкахъ, которымъ очень захотѣлось стать сотрудниками Ивана Сергѣевича. Надо замѣтить, что въ университетѣ было очень мало людей, сочувствовавшихъ Аксаковскому направленію, и еще менѣе—понимавшихъ его. Одни чуждались Аксакова, потому что смѣшивали его ученіе съ доктриной объ „усиленіи власти“, давали ему пренебрежительную кличку „благонамѣреннаго публициста“, другіе повторяли о славянофильствѣ общія избитыя мѣста, въ родѣ мракобѣсія, постнаго масла и т. п. Но были кружки сочувствующихъ; весьма рѣдко случалось, чтобы эти сочувствующіе вполнѣ ясно сознавали, чему они сочувствуютъ—формѣ или самому ученію. Легкомысленные юноши съ нѣкоторой „краснотой“ въ направленіи увлекались рѣзкостью иныхъ статей Ивана Сергѣевича, такъ что часто въ спорахъ приходилось, какъ на единственный аргументъ въ пользу его, наталкиваться на похвалы этой рѣзкости. Своимъ сторонникомъ признавали Аксакова также люди радикально-народническаго духа; такихъ было довольно много,—гораздо менѣе, почти ничтожно было число поклонниковъ постнаго масла и оффиціально благонамѣренныхъ, считавшихъ Аксакова тоже своимъ. Такимъ образомъ настоящее пониманіе Аксаковскаго ученія, какъ мы сказали выше, проявлялось крайне рѣдко. Къ одному изъ славянофильствующихъ кружковъ принадлежалъ и студентъ N. N., къ которому было адресовано помѣщаемое ниже письмо Аксакова. N. N. послалъ въ „Русь“ статью, въ которой разбиралъ такъ называемое народническое направленіе; эта статья была коллективнымъ произведеніемъ кружка, такъ какъ въ немъ читалась и была исправлена по указаніямъ его членовъ. Не получая долго отвѣта о судьбѣ своей статьи, N. N. обратился къ Ивану Сергѣевичу съ письмомъ, въ которомъ, спрашивая о статьѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ себя и отъ лица товарищей, просилъ Ивана Сергѣевича выяснить нѣкоторыя недоразумѣнія, возбужденныя въ нихъ статьями „Руси“: товарищамъ N. N. казалось, что Аксаковъ понизилъ тонъ своихъ статей противъ чиновно-бюрократическаго начала, что иногда онъ говоритъ не вполнѣ искренно, не такъ горячо отстаиваетъ свободу слова; они жаловались, что Аксаковъ ничего не сказалъ въ своей газетѣ по поводу извѣстной „Поляковской исторіи“, изъ-

за которой изъ университета было выключено 100 человѣкъ и т. д. Прошло двѣ недѣли, уже потеряли надежду на отвѣтъ, какъ вдругъ пришло печатаемое ниже письмо отъ Ивана Сергѣевича. Прочитавъ это письмо, читатели, конечно, поймутъ, какое оно должно было произвести впечатлѣніе на горячія, молодыя головы; сердечный, искренній тонъ письма еще болѣе расположилъ ихъ къ Ивану Сергѣевичу, они принялись серьезнѣе знакомиться со славянофильствомъ, и это письмо, можно сказать, имѣло рѣшающее вліяніе на опредѣленіе ихъ дальнѣйшаго склада мыслей. Печатаемъ это письмо безъ всякихъ измѣненій, опуская только имя лица, къ которому оно адресовано.

„Очень мнѣ было пріятно получить ваше письмо, многоуважаемый N. N. Благодарю васъ за сочувствіе, за довѣріе и откровенность. Очень отрадно вступить мнѣ въ непосредственныя сношенія съ вами и съ вашими товарищами; не только даю вамъ право, но и прошу обращаться ко мнѣ за разъясненіемъ сомнѣній и недоразумѣній, возбуждаемыхъ въ васъ „Русью“. Жалѣю только, что вмѣсто живыхъ устныхъ сношеній приходится ограничиваться только перепиской, для чего и времени больше требуется (а его у меня мало), да всего на почтовомъ листѣ и не упишешь. Вашу статью О. Ѳ. Миллеръ прислалъ мнѣ только въ маѣ, въ самый разгаръ суеты, неразлучной съ коронаціонными торжествами, съ наплывомъ гостей со всего свѣта и проч., и проч. У меня нѣтъ такихъ помощниковъ, которые бы могли читать статьи за меня; я же вынужденъ въ чтеніи соблюдать очередь, т. е. читать напередъ тѣ, которыя непремѣнно должны идти въ слѣдующихъ №№ и раньше присланы. Только на дняхъ прочелъ я вашу статейку.

„Прежде всего она представляетъ для меня очень отрадное явленіе, какъ молодой сочувственный мнѣ голосъ, какъ живое свидѣтельство прогресса русской мысли въ средѣ молодежи. Затѣмъ она интересна и сама по себѣ, какъ критическій отзывъ о новомъ умственномъ движеніи въ русскомъ обществѣ, или о такъ называемой „народнической партіи“. Вы очень вѣрно намекаете на органическій порокъ, присущій этому направленію, но къ сожалѣнію, только намекаете. Вообще, скажу откровенно, такая статья не могла бы появиться въ „Руси“ отъ имени редакціи. Такъ какъ

журналъ „Русское Богатство“ и вся его партія постоянно ругаютъ славянофиловъ (хотя отъ нихъ заимствовали все, что въ ихъ направленіи есть оригинальнаго и дѣльнаго), то неудобно было бы для „Руси“ касаться этого обстоятельства вскользь, а слѣдовало бы спуститься въ глубь и раскрыть сущность разномыслія; еще менѣе удобно при такомъ разномысліи выражать желаніе, чтобы это новое направленіе, враждебное „Руси“, какъ можно болѣе распространялось, какъ это сдѣлано вами, и совсѣмъ неудобно недоумѣвать, почему де „народники“ такъ враждебны славянофиламъ, и объяснять это тѣмъ, что это-де „остатки старыхъ предубѣжденій“.

„Предубѣжденія! Да, это предубѣжденія противъ Бога, Христа, религіи, церкви! „Народники“ очень къ намъ близки, повидимому, но и раздѣляются отъ славянофиловъ цѣлою бездною. Славянофильство не мыслится внѣ религіозной почвы, внѣ христіанскаго идеала. „Народники“ стоятъ на почвѣ позитивизма, сворачивая то въ матеріализмъ, то въ какой-то особаго рода нелѣпый мисцитизмъ. Они путаютъ страшно и скорѣе готовы будутъ, я думаю, отречься и отъ русской народности, чѣмъ признать ее, какъ она есть, съ ея духовною, неразлучною съ вѣрою во Христа, субстанціей!.. Что, по вашему, лучше? Прямое отрицаніе истины или ея лжеподобіе?.. По моему, послѣднее хуже, опаснѣе и вреднѣе, потому что, обольщая внѣшнимъ сходствомъ, производитъ гибельное смѣшеніе понятій и коварную подтасовку идеаловъ... Овладѣвая всѣмъ тѣмъ, что внесло славянофильство въ общественное сознаніе въ теченіе 40 лѣтъ, эти господа стараются вылущить изъ славянофильства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ души народной самую сущность, божественную сущность. Пустите ихъ въ народъ, — они, привлекая къ себѣ сочувствіе народное казистою заботою объ его матеріальныхъ интересахъ, будутъ стремиться въ то же время, такъ сказать, обезбожить народъ, т. е. подорвать самый основной нервъ духа, самую ту силу, о которой живъ народъ и безъ которой немыслимо никакое плодотворное, нравственное рѣшеніе самихъ соціальныхъ задачъ.

„Конечно, чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ; конечно, человѣческая благородная природа не выдержи-

ваетъ неумолимо-строгой, логической послѣдовательности, и нѣтъ такого матеріалиста, отрицающаго и Бога, и душу, нравственныя понятія, и отвѣтственность, и вмѣняемость, который бы не противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагу, негодуя на безнравственный поступокъ, проповѣдуя дѣла любви или милосердія и т. д. Но на этой благородной непослѣдовательности успокоиваться нельзя, да и мы вообще судимъ не человѣка лично, но его исповѣданіе. И въ этомъ отношеніи никогда никакихъ уступокъ, компромисовъ и сдѣлокъ быть не должно...

„Тотъ же Успенскій,—котораго вы похвалили за его дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ замѣчательное сочиненіе „Власть земли“,—какъ отнесся онъ къ движенію добровольцевъ въ Сербію, къ рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ юбилеѣ? Говоря про юбилей, онъ выразился, что въ немъ было что-то „сербское“, пояснивъ тутъ же, что этотъ эпитетъ есть ругательный, прилагаемый имъ къ безсмысленному, стадному воодушевленію какой-то безсмысленный фикціей и т. д. Въ такихъ выходкахъ—обратная сторона медали или „народническаго“ направленія.

„Русскій народъ, какъ вы знаете, менѣе, чѣмъ какой либо народъ въ мірѣ, замыкается въ національную исключительность, но размыкаетъ свою національность не для того, чтобы обезличиться въ космополитизмъ, а для того, чтобы возвысить ее до общечеловѣческаго, нравственнаго христіанскаго идеала. Онъ прежде всего христіанинъ, или православный (что въ его понятіяхъ одно и то же), а уже потомъ—русскій. Крестьянинъ—значитъ не что другое, какъ христіанинъ: оттого-то такъ и широка духовная природа русской національности... Я, конечно, радуюсь отъ души распространяющемуся въ обществѣ признанію правъ народа на самобытность развитія. Это практически полезно, потому что воздерживаетъ руку власти отъ ломки и искалѣченія бытовыхъ формъ народной жизни; это полезно и потому, что, возводя народъ въ объектъ изученія, оно можетъ привести и къ тому, что изучающіе, если не всѣ, то многіе, сами выучатся у народа добру-разуму. Руководствуясь этой точкой зрѣнія, я даю совершаться этому новому движенію, окрестившему себя „народничествомъ“, безъ всякой рѣзкой съ моей стороны критики, исключая какихъ-нибудь слиш-

комъ торжественно провозглашаемыхъ „народниками“ нелѣпыхъ положеній. Да и не всегда удобно касаться христіанской, религіозной основы народнаго духа. Но было-бы, конечно, очень полезно подвергнуть „народническое“ направленіе безпристрастному, но строгому, тщательному анализу, и раскрыть то, что вы называете слабою стороною ученія, а я—„органическимъ порокомъ“, очень существеннымъ...

„Поворотъ въ „интеллигенціи“ по отношенію къ русскому народу, т. е. начало сочувствія къ нему возникло изъ того открытія, что „послѣднее слово“ западно-европейской мысли указало въ идеалѣ нѣкоторыя общественныя формы и договорилось до такихъ понятій, которыя русской жизни присущи издавна, какъ конкретныя, практическія явленія. Тутъ въ этомъ сочувствіи казалось то же холопство: стали сочувствовать послѣ справки съ Западомъ и съ разрѣшенія западнаго радикализма,—но и въ мѣру западнаго радикализма. Такъ, напримѣръ, г. Гольцеву и tutti quanti желательно было бы наши общинныя формы землевладѣнія и артельнаго труда возвести въ „ассоціаціи“... Но вылущите вы изъ этихъ народныхъ формъ присущее имъ нравственное, братское начало, живущее въ народѣ не инстинктивно только, а на степени положительнаго, религіознаго сознанія,—все пойдетъ къ чорту!.. Энгельгардтъ, Успенскій и К° пошли, кажется, дальше, объ ассоціаціяхъ не думаютъ, принимаютъ народъ, какъ онъ есть, но въ душу его, все-таки, не проникаютъ, или же знать ее не хотятъ, игнорируютъ... Дайте имъ въ руки школу,—они надѣлаютъ много зла, сами зла не желая... Теперь разные господа воспылали сочувствіемъ къ раскольникамъ, усматривая въ нихъ протестъ политическій и только политическій, и ошибаются жестоко: въ основѣ ихъ протеста лежитъ и пребываетъ интересъ религіозный, какъ существеннѣйшая принадлежность русскаго народнаго духа. Поэтому такая фальшивая нота звучитъ въ этомъ сочувствіи гг. Пругавиныхъ и К°, которымъ дѣло собственно только до протеста, но до самой религіозной потребности духа, до вѣры, ровнехонько нѣтъ никакого дѣла! Люди, которые ни въ Бога, ни въ чорта не вѣрятъ, атеисты, матеріалисты, позитивисты и пр., всѣ считаютъ себя обязанными пламенѣть сочувствіемъ къ нашимъ сектантамъ (кромѣ скопцовъ, разумѣется!)...

„Вотъ эту-то фальшь слышу я и въ „народникахъ“. Она деретъ мои уши, и если я самъ поэтому не чувствую себя способнымъ отнестись къ ней публично съ должною объективностью, признавая ея законность, какъ извѣстнаго фазиса въ развитіи, то желалъ бы, однако, чтобы въ статьѣ, помѣщаемой въ „Руси“, эта фальшь была выяснена безъ утайки и смягченія. Однимъ мимоходнымъ отзывомъ, въ родѣ вашего, я, къ сожалѣнію, не могу удовлетвориться.

„Что касается до прочихъ вашихъ недоумѣній на мой счетъ, то мнѣ кажется, моя долголѣтняя дѣятельность даетъ мнѣ нѣкоторое право требовать къ себѣ довѣрія. „Зачѣмъ я не всегда говорю рѣзко?!“ Есть люди, которые все достоинство полагаютъ въ рѣзкости фразы и на этомъ созиждятъ себѣ репутацію. Я никогда не опасался рѣзкости, но она у меня была искренняя и свободна, а не „по принципу“. Былъ моложе, писалъ заносчивѣе, теперь же мнѣ 60-й годъ, и подлаживаться подъ вкусъ молодежи, которая часто увлекается смѣлою формою рѣчи болѣе, чѣмъ ея содержаніемъ, не въ моемъ обычаѣ. Затѣмъ, все зависитъ, кого я имѣю въ виду, какихъ читателей и чего могу достигнуть. Начавъ издавать „Русь“, я надѣялся дѣйствовать благотворно на власть имѣющихъ, а на нихъ дѣйствовать удобнѣе твердою, спокойною, разумною рѣчью, чѣмъ плюнувши имъ въ глаза. И думаю, что болѣе принесъ пользы дѣлу этимъ способомъ рѣчи, чѣмъ дерзкими „выходками“, которыя, конечно, снискали бы мнѣ рукоплесканія даже нигилистическаго юношества. Не могъ безъ улыбки прочесть ваши слова о томъ, что вотъ-де въ 10 № я опять возвращаюсь къ прежнимъ началамъ!! Вольно же вамъ было не видѣть, что я никогда ихъ не покидалъ! Я первый, да въ первыхъ же №№ „Руси“, опредѣленно формулировалъ нападеніе на казенщину и казенныхъ людей, и не понимаю, какъ могло кому прійти въ голову, что я отказался отъ своихъ словъ, а вотъ теперь опять къ нимъ возвращаюсь!! Развѣ нужно мнѣ въ каждомъ № долбить одно и то же? Но тогда бы только сказали, выражаясь языкомъ московскихъ казенныхъ реляцій о казенныхъ праздникахъ: „А на Ивановской колокольнѣ происходитъ обыкновенный звонъ!“. Всякій пересталъ бы такой звонъ и слушать.

„Далѣе: зачѣмъ, по поводу запрещенія „Голоса“, я отстаивалъ свободу слова на основаніи „партійныхъ интересовъ“, а не на томъ, что слово есть божественный даръ?.. Прежде всего потому, что я стоялъ въ виду реальнаго факта и реальной силы, которую никакъ не убѣдишь ссылкою на „божественный даръ“, а только практическимъ соображеніемъ. Во-вторыхъ, потому, что по поводу продажнаго сквернословія „Голоса“ упомянуть имя Бога было бы суесловіемъ. Когда говорится о словѣ, какъ божественномъ дарѣ, то говорится отвлеченно и разумѣется слово искреннее и убѣжденное, слѣдовательно слово честное, хотя бы выражающее и невѣрную мысль. Никакъ не могу я признать слово „Голоса“ вообще честнымъ, хотя бы могли подчасъ проявиться и исключенія, и потому по поводу „Голоса“ говорить объ отвлеченномъ значеніи слова, какъ Божьяго дара, было бы даже смѣшно. Но, отстаивая свободу „Голоса“, я отстаивалъ вообще свободу честной борьбы.

„Не знаю, удовлетворитесь ли вы моими объясненіями. Если я не говорилъ о томъ или о другомъ случаѣ, то просто потому, что не доходятъ руки. Моя газета не ежедневная. „Новое Время“ успѣло, напримѣръ, высказать свое мнѣніе объ адресѣ Полякову, когда № мой вышелъ, а къ концу недѣли, къ сроку выхода слѣдующаго № „Руси“, послѣдовало запрещеніе толковать о студенческихъ безпорядкахъ.

„Пожалуйста, отвѣчайте мнѣ и не сердитесь за запоздалый мой отвѣтъ. У меня тьма дѣлъ, не по одной газетѣ только. Вамъ же дружески и отъ всего сердца жму руку.

„Вашъ Ив. Аксаковъ.

„Хорошо бы, если бы вы занялись аккуратнымъ анализомъ „народническаго ученія“.

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій.

Въ числѣ старѣйшихъ представителей славянофильской школы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ И. В. Кирѣевскому, какъ человѣку, полнѣе всего развившему философскую сторону взглядовъ той школы, лучше всего уяснившему ея воззрѣніе на отношеніе Россіи къ западно-европейской образованности. Однако, славянофильскій взглядъ явился у Кирѣевскаго не сразу, а былъ результатомъ нѣкоторой сложной внутренней работы; при началѣ же литературно-публицистической своей дѣятельности, Кирѣевскій высказывалъ воззрѣнія чисто-западническія. Нашей задачей является параллель между воззрѣніями Кирѣевскаго въ разные періоды его жизни и указаніе тѣхъ мотивовъ, которые привели его къ перестройкѣ миросозерцанія.

Западническая теорія Кирѣевскаго обстоятельнѣе всего изложена имъ въ статьѣ „Девятнадцатый вѣкъ". Общія историческія положенія, изъ которыхъ онъ исходитъ, представляются здѣсь въ слѣдующемъ видѣ: „Просвѣщеніе человѣчества, какъ мысль, какъ наука, развивается постепенно, послѣдовательно. Каждая эпоха человѣческаго бытія имѣетъ своихъ представителей въ тѣхъ народахъ, гдѣ образованность процвѣтаетъ полнѣе другихъ. Но эти народы до тѣхъ поръ служатъ представителями своей эпохи, покуда ея господствующій характеръ совпадается съ господствующимъ характеромъ ихъ просвѣщенія. Когда же просвѣщеніе человѣчества, довершивъ извѣстный періодъ своего развитія, идетъ далѣе и, слѣдовательно, измѣняетъ характеръ свой, тогда и народы, выражавшіе сей характеръ своею образованностію, перестаютъ быть представителями всемірной исторіи. Ихъ мѣсто заступаютъ другіе, коихъ

особенность всего болѣе согласуется съ наступающею эпохою. Эти новые представители человѣчества продолжаютъ начатое ихъ предшественниками, наслѣдуютъ всѣ плоды ихъ образованности и извлекаютъ изъ нихъ сѣмена новаго развитія. Такимъ образомъ съ тѣхъ самыхъ поръ, съ которыхъ начинаются самыя первыя воспоминанія исторіи, видимъ мы неразрывную связь и постепенный, послѣдовательный ходъ въ жизни человѣческаго ума; и если по временамъ просвѣщеніе являлось какъ бы останавливающимся, засыпающимъ, то изъ этого сна человѣкъ пробуждался всегда съ большею бодростію, съ большею свѣжестью ума, и продолжалъ *вчерашнюю* жизнь съ новыми силами. Вотъ отчего просвѣщеніе каждаго народа измѣряется не суммою его познаній, не утонченностью и сложностью той машины, которую называютъ *гражданственностью*, — но единственно участіемъ его въ просвѣщеніи всего человѣчества, тѣмъ мѣстомъ, которое онъ занимаетъ въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія. Ибо просвѣщеніе одинокое, китайски отдѣленное, должно быть и китайски ограниченное: въ немъ нѣтъ жизни, нѣтъ блага, ибо нѣтъ прогрессіи, нѣтъ того успѣха, который добывается только совокупными усиліями человѣчества".

Давъ такое опредѣленіе сущности общечеловѣческаго просвѣщенія, Кирѣевскій, говоря о просвѣщеніи Россіи, долженъ прежде всего разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ Россія принимала участіе въ выработкѣ этого общечеловѣческаго просвѣщенія, какъ она къ нему относится и въ настоящее время. Отвѣтъ на тотъ вопросъ получается весьма неблагопріятный: „Жизнь европейскаго просвѣщенія девятнадцатаго вѣка не имѣла на Россію того вліянія, какое она имѣла на другія государства Европы. Измѣненія и развитіе сей жизни отзывались у насъ въ образѣ мыслей нѣкоторыхъ людей образованныхъ, отражались въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ нашей литературы, но далѣе не проникали. Какая-то китайская стѣна стоитъ между Россіею и Европою, и только сквозь нѣкоторыя отверстія пропускаетъ къ намъ воздухъ просвѣщеннаго Запада; стѣна, въ которой Великій Петръ ударомъ сильной руки пробилъ широкія двери; стѣна, которую Екатерина долго старалась разрушить; которая ежедневно разрушается болѣе и болѣе, но несмотря на то, все

еще стоитъ высоко и мѣшаетъ. Скоро-ли разрушится она? Скоро-ли образованность наша возвысится до той степени, до которой дошли просвѣщенныя государства Европы?—Что должны мы дѣлать, чтобы достигнуть той цѣли или содѣйствовать къ ея достиженію? Извнутри-ли собственной жизни должны мы заимствовать просвѣщеніе свое, или получать его изъ Европы?—И какое начало должны мы развивать внутри собственной жизни? И что должны мы заимствовать отъ просвѣтившихся прежде насъ?"

Ясно, что при такой постановкѣ вопросовъ, рѣшеніе должно быть въ пользу заимствованія отъ Западной Европы, такъ какъ это заимствованіе есть не что иное, какъ пріобщеніе Россіи къ общечеловѣческому просвѣщенію, отъ котораго она такъ долго была отчуждена въ силу отдѣльнаго обособленнаго развитія ея жизни. „Только съ того времени, говоритъ Кирѣевскій, какъ исторія наша намъ позволила сближаться съ Европою, то есть, со времени Пожарскаго и Минина, начало у насъ распространяться и *просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ сего слова*, то есть не отдѣльное развитіе нашей особенности, но участіе въ общей жизни просвѣщеннаго міра; ибо отдѣльное, китайски особенное развитіе замѣтно у насъ и прежде введенія образованности европейской; но это развитіе не могло имѣть успѣха *общечеловѣческаго*, ибо не доставало одного изъ необходимыхъ элементовъ всемірной прогрессіи ума *). Что это европейское просвѣщеніе начало вводиться у насъ прежде Петра и особенно при Алексѣѣ Михайловичѣ,—это доказывается тысячею оставшихся слѣдовъ и преданій. Но не смотря на то, начало сіе было столь слабо и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ Петръ, что, говоря о нашей образованности, мы обыкновенно называемъ его основателемъ нашей новой жизни и родоначальникомъ нашего умственнаго развитія. Ибо прежде него просвѣщеніе вводилось къ намъ

*) Этихъ „элементовъ" по взгляду Кирѣевскаго,—три: 1) „вліяніе христіанской религіи", 2) „характеръ, образованность и духъ варварскихъ народовъ, разрушившихъ Римскую имперію" и 3) „остатки древняго міра". „Еще прежде десятаго вѣка, говоритъ Кирѣевскій, имѣли мы христіанскую религію; были у насъ и варвары и, вѣроятно, тѣ же, которые разрушили Римскую имперію; но *классическаго древняго міра* недоставало нашему развитію".

мало-по-малу и *отрывисто*, отъ чего, по мѣрѣ своего появленія въ Россіи, оно искажалось вліяніемъ нашей пересиливающей національности. Но переворотъ, совершенный Петромъ, былъ не столько развитіемъ, сколько переломомъ нашей національности; не столько внутреннимъ успѣхомъ, сколько внѣшнимъ нововведеніемъ. Но могло-ли просвѣщеніе притти къ намъ иначе, какъ посредствомъ перелома въ нашемъ развитіи, иначе, какъ въ видѣ внѣшней силы, противоположной нашему прежнему быту, сражающейся съ нашею національностью на жизнь и смерть, и долженствующій не помириться съ нею, но побѣдить ее, покорить своему владычеству, преобразовать, породить новое? Отвѣтъ на этотъ вопросъ выводится ясно изъ предыдущаго; и если въ нашей прежней жизни не доставало изъ необходимыхъ элементовъ просвѣщенія: міра классическаго—то какъ могли-бы мы достигнуть образованности, не заимствуя ея извнѣ? И образованность не заимствованная не должна-ли быть въ борьбѣ съ чуждою ей національностью?"

Послѣ такого разсужденія, вполнѣ естественно было ожидать со стороны Кирѣевскаго рѣшительнаго протеста противъ тѣхъ людей, которые въ то время выступали съ осужденіемъ реформы Петра Великаго. „На чемъ же, спрашиваетъ онъ съ нѣкоторою ироніей, основываются тѣ, которые обвиняютъ Петра, утверждая, будто онъ далъ ложное направленіе образованности нашей, заимствуя ее изъ просвѣщенной Европы, а не развивая изнутри нашего быта?—Эти обвинители великаго создателя новой Россіи *) съ нѣкотораго времени распространились у насъ болѣе, чѣмъ когда-либо; и мы знаемъ, откуда почерпнули они свой образъ мыслей. Они говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ; не велятъ заимствовать, бранятъ нововведенія и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинно-русскому. Но что-же? Если разсмотрѣть внимательно, то это самое стремленіе къ національности есть не что иное, какъ непонятое повтореніе мыслей чужихъ, мыслей европейскихъ, занятыхъ у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ, и необдуманно примѣняемыхъ къ Россіи. Дѣйствительно, лѣтъ

*) Въ числѣ этихъ обвинителей были близкіе люди Кирѣевскаго—братъ его, Петръ Васильевичъ, и А. С. Хомяковъ.

десять тому назадъ стремленіе къ національности было господствующимъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы; всѣ обратились къ своему народному, и своему особенному; но тамъ это стремленіе имѣло свой смыслъ: тамъ просвѣщеніе и національность одно, ибо первое развилось изъ послѣдней. Потому, если нѣмцы искали чисто нѣмецаго, то это не противорѣчило ихъ образованности; напротивъ, образованность ихъ такимъ образомъ доходила только до своего сознанія, получала болѣе самобытности, болѣе полноты и твердости. Но у насъ искать національнаго значитъ искать необразованнаго; развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній значитъ изгонять просвѣщеніе; ибо не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ее, если не изъ Европы? Развѣ самая образованность европейская не была послѣдствіемъ просвѣщенія древняго міра? — Развѣ не въ такомъ же отношеніи находится она къ Россіи, въ какомъ просвѣщеніе классическое находилось къ Европѣ?—Правда, есть минуты въ жизни Петра, гдѣ, дѣйствуя иначе, онъ былъ бы согласнѣе самъ съ собою, согласнѣе съ тою мыслію, которая одушевляла его въ продолженіе всей жизни. Но эта мысль, но общій характеръ его дѣятельности, но образованность Россіи, имъ начатая—вотъ основаніе его величія и нашего будущаго благоденствія! Ибо благоденствіе наше зависитъ отъ нашего просвѣщенія, а имъ обязаны мы Петру. Потому будемъ осмотрительны когда рѣчь идетъ о преобразованіи, имъ совершенномъ. Не позабудемъ, что судить объ немъ легкомысленно есть дѣло неблагодарности и невѣжества; не позабудемъ, что тѣ, которые осуждаютъ его, не столь часто увлекаются ложною системою, сколько подъ нею скрываютъ свою корыстную ненависть къ просвѣщенію и его благодѣтельнымъ послѣдствіямъ; ибо невѣжество, какъ преступникъ, не спитъ ночью и боится дня“.

Но что же слѣдуетъ заимствовать Россіи въ настоящее время? Какое именно европейское просвѣщеніе должно быть усвоено нами? Этотъ вопросъ долженъ непремѣнно возникнуть, такъ какъ съ половины XVIII вѣка въ европейскомъ просвѣщеніи замѣчается коренной переломъ, поворотъ совсѣмъ на новый путь, такъ что „образованность европей-

ская является намъ въ двухъ видахъ: какъ просвѣщеніе Европы прежде и послѣ половины XVIII вѣка". Вопросъ разрѣшается Кирѣевскимъ очень просто. „Старое просвѣщеніе, говоритъ онъ, связано неразрывно съ цѣлою системою своего постепеннаго развитія, и чтобы быть ему причастнымъ, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвѣщеніе противоположно старому и существуетъ самобытно. Потому народъ, начинающій образовываться, можетъ заимствовать его прямо и водворить у себя безъ предыдущаго, непосредственно примѣняя его къ своему настоящему быту".

Но каковы же основы этого новаго европейскаго просвѣщенія? Чтобы ихъ уяснить, Кирѣевскій говоритъ о результатахъ революціоннаго движенія XVIII вѣка. Онъ строитъ слѣдующую схему: „Въ концѣ XVIII вѣка, когда борьба между старыми мнѣніями и новыми требованіями просвѣщенія находилась еще въ самомъ пылу своего кипѣнія, господствующее направленіе умовъ было безусловно *разрушительное*. Наука, жизнь, общество, литература, даже самыя искусства изящныя, все обнаруживало одно стремленіе: ниспровергнуть старое. Замѣчательно, что даже мысль о новомъ, долженствовавшемъ заступить мѣсто стараго, почти не являлась иначе, какъ *отрицательно*. Эти электрическія слова, которыхъ звукъ такъ потрясалъ умы: *свобода*, *разумъ*, *человѣчество*,—что значили они во время французской революціи? Ни одно изъ сихъ словъ не имѣло значенія *самобытнаго*; каждое получало смыслъ только изъ отношеній къ прежнему вѣку. Подъ *свободою* понимали единственно отсутствіе прежнихъ стѣсненій; подъ *человѣчествомъ* разумѣли единственно матеріальное большинство людей, то есть, противоположность тѣмъ немногимъ лицамъ, въ коихъ по прежнимъ понятіямъ оно заключалось; царствомъ *разума* называли отсутствіе предразсудковъ, или того, что почитали предразсудками;—и что не предразсудокъ передъ судомъ толпы непросвѣщенной? Религія пала вмѣстѣ съ злоупотребленіями оной, и ея мѣсто заступило легкомысленное невѣріе. Въ наукахъ признавалось истиннымъ одно ощутительно-испытанное, и все сверхъ-чувственное отвергалось не только какъ недоказанное, но даже какъ невозможное. Изящныя искусства отъ подражанія классическимъ образцамъ

обратились къ подражанію внѣшней неодушевленной природѣ. Тонъ общества отъ изысканной искусственности перешелъ къ необразованной естественности. Въ философіи господствовалъ грубый, чувственный матеріализмъ. Правила нравственности сведены были къ разсчетамъ непросвѣтленной корысти. Однимъ словомъ, все зданіе прежняго образа мыслей разрушалось въ своемъ основаніи: вся совокупность нравственнаго быта распадалась на составныя части, на азбучныя матеріальныя начала бытія. Но это направленіе разрушительное, которому яснымъ и кровавымъ зеркаломъ можетъ служить французская революція, произвело въ умахъ направленіе противное, контръ-революцію, которая, хотя совершилась не вездѣ одновременно, но выразилась вездѣ однозначительно. Систематическія умозрѣнія взяли верхъ надъ ощутительнымъ опытомъ, который пересталъ уже быть единственнымъ руководителемъ въ наукахъ. Мистицизмъ распространился между людьми, не поддавшимися увлеченію легкомысленнаго невѣрія. Общество, униженное до простонародности, старалось возвыситься блескомъ внѣшняго великолѣпія и пышности. Въ искусствахъ подражаніе внѣшней природѣ замѣнилось сантиментальностью и мечтательностью, которыя на всю дѣйствительность набрасывали однообразный цвѣтъ исключительнаго чувства или систематической мысли, уничтожая такимъ образомъ самобытность и разнообразіе внѣшняго міра. Въ области философіи, какъ противоположность прежнему матеріализму, начали развиваться системы чисто духовныя, выводящія весь міръ изъ одного невещественнаго начала. Такимъ образомъ во всѣхъ отрасляхъ ума и жизни болѣе или менѣе замѣтна была потребность *единства*, противоположная прежнему разрушительному началу. Эта потребность единства произвела ту насильственную стройность, то искусственное однообразіе, которыя такъ же относятся къ прежнему безначалію, какъ великій похититель французскаго престола относится къ воспитавшей его французской республикѣ. Но сіи два противоположныя направленія, *разрушительное* и *насильственно соединяющее*, согласовались въ одномъ: въ борьбѣ съ прежнимъ вѣкомъ. Изъ этой борьбы родилась потребность мира; изъ противорѣчащихъ волненій — потребность успокоительнаго равновѣсія, и образовалось третье измѣненіе духа XIX вѣка:

стремленіе къ мирительному соглашенію враждующихъ началъ... Въ цѣломъ бытѣ просвѣщеннѣйшей части Европы образовался новый, *сложный* порядокъ вещей, въ составъ котораго вошли не только результаты новыхъ стремленій, но и остатки стараго вѣка, частію еще уцѣлѣвшіе, частію возобновленные, но въ обоихъ случаяхъ измѣненные новыми отношеніями. Господствующее направленіе умовъ, соотвѣтствовавшее этому новому порядку вещей, заключалось въ стремленіи къ успокоительному уравновѣшенію новаго духа съ развалинами старыхъ временъ и къ сведенію противоположныхъ крайностей въ одну общую, *искусственно отысканную* середину".

Какъ извѣстно, эта статья Кирѣевскаго получила истолкованіе, крайне неблагопріятное для журнала „Европеецъ", въ которомъ она была напечатана. Желаніе заимствовать новѣйшее просвѣщеніе Европы было понято, какъ стремленіе къ конституціи, намекъ на которую усматривался въ выраженіи „искусственно отысканная середина", такъ какъ эта „середина" замѣнила прежнія направленія: разрушительное (революцію) и насильственно соединяющее (имперію Наполеона). Извѣстно, что вслѣдствіе такого объясненія, въ которомъ была и доля правды, журналъ „Европеецъ", издававшійся Кирѣевскимъ, который въ немъ и помѣстилъ статью свою, былъ окончательно запрещенъ, и Кирѣевскій на нѣсколько лѣтъ былъ вынужденъ отказаться отъ печатанія своихъ статей. Въ этотъ-то періодъ молчанія постепенно происходитъ въ Кирѣевскомъ переломъ, вслѣдствіе котораго онъ пришелъ прямо къ противопожной философско-исторической теоріи, отъ западничества рѣшительно отодвинулся къ славянофильству.

Въ этомъ переходѣ къ инымъ воззрѣніямъ первой ступенью было уясненіе религіозныхъ основъ, которое совершилось для Кирѣевскаго подъ вліяніемъ его жены и ея духовника, старца Новоспасскаго монастыря Филарета, а также и подъ вліяніемъ его брата, Петра Васильевича. „Щедро одаренный отъ природы, Петръ Васильевичъ, по словамъ А. И. Кошелева, смолоду, съ особенной любовью сосредоточилъ всѣ свои силы надъ изученіемъ русской старины и выработалъ свой самостоятельный взглядъ—глубокое убѣжденіе въ безусловномъ вредѣ насилія Петровскаго

переворота, въ этомъ отступничествѣ дворянства отъ коренныхъ началъ русской народной жизни. Онъ долго оставался одинокъ съ своими убѣжденіями, они казались чудачествомъ, непослѣдовательностью въ человѣкѣ, который искренно былъ преданъ свободѣ и просвѣщенію, и Ивану Кирѣевскому трудно было согласить свои европейскія мнѣнія съ упорнымъ славянствомъ брата. Ихъ разномысліе въ такомъ жизненномъ вопросѣ выражалось почти что въ ежедневныхъ горячихъ спорахъ, состояніе это не могло не быть крайне тяжелымъ для того и другого; чтобы уцѣлѣла вполнѣ ихъ единодушная дружба, необходимо было, чтобы одинъ изъ нихъ пересоздалъ свой образъ мыслей о русскомъ народѣ. Кажется, можно, съ увѣренностью сказать, что при непрерывномъ, страстномъ обмѣнѣ мыслей и свѣдѣній, взглядъ старшаго брата постепенно измѣнялся, по мѣрѣ того, какъ несокрушимо-цѣльное убѣжденіе младшаго укрѣплялось и опредѣлялось изученіемъ современной народности и древней, вѣчевой Руси". Вмѣстѣ съ Петромъ Васильевичемъ дѣйствовалъ и Хомяковъ, уже съ середины двадцатыхъ годовъ бывшій вполнѣ убѣжденнымъ славянофиломъ. Всѣми этими вліяніями объясняется фактъ воспріятія Кирѣевскимъ православнаго ученія, несмотря на всѣ увлеченія западной философіей. Разсказъ о его „обращеніи", передаваемый съ его собственныхъ словъ, представляетъ только одинъ изъ моментовъ этого „обращенія", которое, конечно, совершилось не такъ быстро, какъ это изображается въ разсказѣ. Отреченіе отъ раціонализма, по этому извѣстію, совершилось въ Кирѣевскомъ при созерцаніи чудотворной Иверской иконы Божіей Матери. У него возникаетъ такое размышленіе: „Да, это не просто доска съ изображеніемъ; вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силою, струящеюся изъ нея, отражающеюся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми".

Поворотъ къ новымъ воззрѣніямъ на отношенія Россіи къ западно-европейскому просвѣщенію можно замѣтить, до нѣкоторой степени, уже въ статьяхъ Кирѣевскаго „Обозрѣніе современной литературы", относящихся къ 1839—40 г.г. Здѣсь онъ вполнѣ опредѣленно заявляетъ, что господствую-

щее начало европейской образованности, развивавшееся во всей исторіи Запада, въ наше время оказывается уже неудовлетворительнымъ для высшихъ требованій просвѣщенія". Кирѣевскій говоритъ, что „это сознаніе неудовлетворительности европейской жизни вышло изъ сознанія прямо ему противоположнаго, изъ убѣжденія недавно прошедшаго времени, что европейское просвѣщеніе есть послѣднее и высшее звено человѣческаго развитія. Но сознавая неудовлетворительность европейской образованности, общее чувство тѣмъ самымъ отличаетъ ее отъ другихъ началъ всечеловѣческаго развитія и, обозначая его, какъ особенное, обнаруживаетъ намъ отличительный характеръ западнаго просвѣщенія въ его частяхъ и совокупности, какъ преимущественное стремленіе къ личной и самобытной разумности въ мысляхъ, въ жизни, въ обществѣ и во всѣхъ пружинахъ и формахъ человѣческаго бытія". Это отрицаніе западно-европейской образованности совпадаетъ для Кирѣевскаго съ отрицаніемъ раціонализма, а это послѣднее должно было явиться у него въ виду начавшейся переработки міросозерцанія, въ виду той религіозности, которая становится основнымъ мотивомъ его новыхъ взглядовъ. Общее заключеніе дѣлается имъ такое: „Современный характеръ европейскаго просвѣщенія, по своему историческому, философскому и жизненному смыслу, совершенно однозначителенъ съ характеромъ той эпохи Римско-Греческой образованности, когда, развившись до противорѣчія самой себѣ, она по естественной необходимости должна была принять въ себя другое, новое начало, хранившееся у другихъ племенъ, не имѣвшихъ до того времени всемірно-исторической значительности".

Это отрицаніе западнаго раціонализма уже въ этой статьѣ приводитъ Кирѣевскаго къ признанію особыхъ началъ „православно-словенской образованности". „Мнѣніе о неподвижности человѣческаго рода, говоритъ онъ, должно было уступить въ общемъ признаніи мнѣнію о необходимомъ развитіи человѣка, ибо послѣднее было слѣдствіемъ другого заблужденія, принадлежащаго исключительно раціональному направленію послѣднихъ вѣковъ. Заблужденіе это заключается въ предположеніи, будто то живое разумѣніе духа, то внутреннее устроеніе человѣка, которое есть источ-

никъ его путеводныхъ мыслей, сильныхъ дѣлъ, безоглядныхъ стремленій, задушевной поэзіи, крѣпкой жизни и высшаго зрѣнія ума, будто оно можетъ составляться искусственно, такъ сказать, механически изъ одного развитія логическихъ формулъ. Это мнѣніе долго было господствующимъ покуда, наконецъ, въ наше время начало разрушаться успѣхами высшаго мышленія. Ибо логическій разумъ, отрѣзанный отъ другихъ источниковъ познаванія и не испытавшій еще до конца мѣры своего могущества, хотя и обѣщаетъ сначала человѣку создать ему внутренній образъ мыслей, сообщить не формальное, живое воззрѣніе на міръ и самого себя; но, развившись до послѣднихъ границъ своего объема, онъ самъ сознаетъ неполноту своего отрицательнаго вѣдѣнія и уже вслѣдствіе собственнаго вывода требуетъ себѣ иного высшаго начала, недостижимаго его отвлеченному механизму.—Таково теперь состояніе европейскаго мышленія,—состояніе, которое опредѣляетъ отношеніе европейскаго просвѣщенія къ кореннымъ началамъ нашей образованности. Ибо если прежній, исключительно раціональный характеръ Запада могъ дѣйствовать разрушительно на нашъ бытъ и умъ, то теперь, напротивъ того, новыя требованія европейскаго ума и наши коренныя убѣжденія имѣютъ одинакій смыслъ. И если справедливо, что основное начало нашей православно-славянской образованности есть истинное, если справедливо, что это верховное, живое начало нашего просвѣщенія есть истинное: то очевидно, что какъ оно нѣкогда было источникомъ нашей древней образованности, такъ теперь должно служить необходимымъ дополненіемъ образованности европейской, отдѣляя ее отъ ея особенныхъ направленій, очищая отъ характера исключительной раціональности и проницая новымъ смысломъ; между тѣмъ какъ образованность европейская,—какъ зрѣлый плодъ всечеловѣческаго развитія, оторванный отъ стараго дерева,—должна служить питаніемъ для новой жизни, явиться новымъ возбудительнымъ средствомъ къ развитію нашей умственной дѣятельности“.

При такомъ взглядѣ Кирѣевскій не дѣлался безусловнымъ отрицателемъ западной образованности, а скорѣе выражалъ стремленіе къ примиренію, къ синтезу началъ западныхъ и православно-славянскихъ, отвергая всякую од-

носторонность. „Любовь къ образованности европейской, разъяснялъ онъ, равно какъ и любовь къ нашей, обѣ совпадаютъ въ послѣдней точкѣ своего развитія въ одну любовь, въ одно стремленіе къ живому, полному, всечеловѣческому и истинно-христіанскому просвѣщенію. Напротивъ того, въ недоразвитомъ состояніи своемъ являются обѣ онѣ ложными: ибо одна не умѣетъ принять чужого, не измѣнивъ своему; другая въ тѣсныхъ объятіяхъ своихъ задушаетъ то, что хочетъ сберечь. Одна ограниченность происходитъ отъ запоздалости мышленія и отъ незнанія глубины ученія, лежащаго основаніемъ нашей образованности; другая, сознавая недостатки первой, слишкомъ запальчиво спѣшитъ стать къ ней въ прямое противорѣчіе. Но при всей ихъ односторонности, нельзя не сознаться, что въ основаніи обѣихъ могутъ лежать одинаково благородныя побужденія, одинакая сила любви къ просвѣщенію и даже къ отечеству, несмотря на наружную противоположность“.

Если въ этомъ „Обозрѣніи“ еще и не видно рѣшительнаго измѣненія прежнихъ взглядовъ Кирѣевскаго, во всякомъ случаѣ его можно считать первымъ выраженіемъ той работы мысли, которая должна была привести къ такому измѣненію. Уже въ сороковыхъ годахъ Кирѣевскій былъ вполнѣ славянофиломъ, и новое его міровоззрѣніе наиболѣе обстоятельно изложено было имъ лишь въ 1852 г. въ статьѣ „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“, напечатанной въ „Московскомъ Сборникѣ“.

Въ этой статьѣ такъ же, какъ и въ разсмотрѣнномъ нами „Обозрѣніи“, Кирѣевскій прежде всего останавливается на неудовлетворительности результатовъ, къ которымъ пришло развитіе умственной жизни Европы. Европейское просвѣщеніе, говоритъ онъ, во второй половинѣ 19-го вѣка, достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное значеніе выразилось съ очевидною ясностію для умовъ, хотя нѣсколько наблюдательныхъ. Но результатъ этой полноты развитія, этой ясности итоговъ, былъ почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Не потому западное просвѣщеніе оказалось неудовлетворительнымъ, чтобы науки на Западѣ утратили свою жизненность, напротивъ, онѣ процвѣтали, повидимому, еще болѣе, чѣмъ когда-

нибудь; не потому, чтобы та или другая форма внѣшней жизни тяготѣла надъ отношеніями людей или препятствовала развитію ихъ господствующаго направленія; напротивъ, борьба съ внѣшнимъ препятствіемъ могла бы только укрѣпить пристрастіе къ любимому направленію, и никогда, кажется, внѣшняя жизнь не устраивалась послушнѣе и согласнѣе съ ихъ умственными требованіями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которыхъ мысль не ограничивалась тѣснымъ кругомъ минутныхъ интересовъ, именно потому, что самое торжество ума европейскаго обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій; потому что, при всемъ богатствѣ, при всей, можно сказать, громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всей совокупности знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка; потому что, при всемъ блескѣ, при всѣхъ удобствахъ наружныхъ усовершенствованій жизни, самая жизнь лишена была своего существеннаго смысла; ибо, не проникнутая никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ. Многовѣковый холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе отъ самаго начала своего развитія; такъ, что собственныя его коренныя начала, изъ которыхъ оно выросло, сдѣлались для него посторонними, чужими, противорѣчащими его послѣднимъ результатамъ! между тѣмъ какъ прямою собственностію его оказался этотъ самый разрушившій его корни анализъ, этотъ самодвижущійся ножъ разума, этотъ отвлеченный силлогизмъ, не признающій ничего, кромѣ себя и личнаго опыта, этотъ самовластный разсудокъ, или, какъ вѣрнѣе назвать эту логическую дѣятельность, отрѣшенную отъ всѣхъ другихъ познавательныхъ силъ человѣка, кромѣ самыхъ грубыхъ, самыхъ первыхъ чувственныхъ данныхъ, и на нихъ однихъ созидающую свои воздушныя, діалектическія построенія. Впрочемъ, надобно вспомнить, что чувство недовольства и безнадежности не вдругъ обнаружилось въ западномъ человѣкѣ при первомъ явномъ торжествѣ его рушительной разсудочности. Опрокинувъ свои вѣковыя убѣжденія, онъ тѣмъ болѣе надѣялся на всемогущество своего отвлеченнаго разума, чѣмъ

огромнѣе, чѣмъ крѣпче, чѣмъ объемлющѣе были эти убѣжденія, имъ разрушенныя. Въ первую минуту успѣха, его радость не только не была смѣшана съ сожалѣніемъ, но напротивъ, упоеніе его самонадѣянности доходило до какой-то поэтической восторженности. Онъ вѣрилъ, что собственнымъ отвлеченнымъ умомъ можетъ сейчасъ же создать себѣ новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на переобразованной имъ землѣ. Страшные, кровавые опыты не пугали его; огромныя неудачи не охлаждали его надежды; частныя страданія налагали только вѣнецъ мученичества на его ослѣпленную голову: можетъ быть, цѣлая вѣчность неудачныхъ попытокъ могла бы только утомить, но не могла бы разочаровать его самоувѣренности, если бы тотъ же самый отвлеченный разумъ, на который онъ надѣялся, силою собственнаго развитія, не дошелъ до сознанія своей ограниченной односторонности".

„Можно сказать, продолжаетъ Кирѣевскій, что не мыслители западные убѣдились въ односторонности логическаго разума, но самъ логическій разумъ Европы, достигнувъ высшей степени своего развитія, дошелъ до сознанія своей ограниченности и, уяснивъ себѣ законы собственной дѣятельности, убѣдился, что весь объемъ его самодвижной силы не простирается далѣе отрицательной стороны человѣческаго знанія; что его умозрительное сцѣпливаніе выводныхъ понятій требуетъ основаній, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ познаванія, что высшія истины ума, его живыя зрѣнія, его существенныя убѣжденія, всѣ лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса, и хотя не противорѣчатъ его законамъ, однако-же и не выводятся изъ нихъ, и даже не досягаются его дѣятельностью, когда она оторвана отъ своей исконной совокупности съ общею дѣятельностью другихъ силъ человѣческаго духа. Такъ западный человѣкъ исключительнымъ развитіемъ своего отвлеченнаго разума утративъ вѣру во всѣ убѣжденія, не изъ одного отвлеченнаго разума исходящія, вслѣдствіе развитія этого разума потерялъ и послѣднюю вѣру свою въ его всемогущество. Такимъ образомъ былъ онъ принужденъ, или довольствоваться состояніемъ полускотскаго равнодушія ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ и торговыхъ разсчетовъ (такъ сдѣлали многіе; но многіе не могли, ибо еще

сохранившимися остатками прежней жизни Европы были развиты иначе), или долженъ былъ опять возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли Западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума:—такъ сдѣлали нѣкоторые; но другіе не могли потому, что убѣжденія эти, какъ они образовались въ историческомъ развитіи Западной Европы, были уже проникнуты разлагающимъ дѣйствіемъ отвлеченнаго разума, и потому изъ первобытной сферы своей, изъ самостоятельной полноты и независимости, перешли на степень разумной системы, и оттого являлись сознанію человѣка западнаго, какъ односторонность разума, вмѣсто того, чтобы быть его высшимъ, живительнымъ началомъ".

Это крушеніе западно-европейской образованности, признаніе ея неудовлетворительности было, по мнѣнію Кирѣевскаго, чрезвычайно важно для Россіи, такъ какъ заставило многихъ просвѣщенныхъ русскихъ людей вдуматься въ „особенныя начала" русскаго просвѣщенія, заняться изученіемъ тѣхъ своеобразныхъ сторонъ, которыя представляются исторіей русскаго духовнаго развитія. „Тогда, говоритъ Кирѣевскій, начались живыя историческія розысканія, сличенія, изданія. Особенно благодѣтельны въ этомъ случаѣ дѣйствія нашего правительства, открывшаго въ глуши монастырей, въ пыли забытыхъ архивовъ, и издавшаго въ свѣтъ столько драгоцѣнныхъ памятниковъ старины. Русскіе ученые, можетъ быть, въ первый разъ послѣ полутораста лѣтъ, обратили безпристрастный испытующій взоръ внутрь себя и своего отечества и, изучая въ немъ новые для нихъ элементы умственной жизни, поражены были страннымъ явленіемъ: они съ изумленіемъ увидѣли, что почти во всемъ, что касается до Россіи, ея исторіи, ея народа, ея вѣры, ея коренныхъ основъ просвѣщенія, и явныхъ, еще теплыхъ слѣдовъ этого просвѣщенія на прежней русской жизни, на характерѣ и умѣ народа,—почти во всемъ, говорю я,—они были до сихъ поръ обмануты; не потому, чтобы кто-нибудь съ намѣреніемъ хотѣлъ обмануть ихъ, но потому, что безусловное пристрастіе къ западной образованности и безотчетное предубѣжденіе противъ русскаго варварства заслоняли отъ нихъ разумѣніе Россіи. Можетъ быть, и они сами прежде, подъ вліяніемъ тѣхъ же предразсудковъ, содѣйствовали къ распространенію

того же ослѣпленія. Но обаяніе было такъ велико, что скрывало отъ нихъ самые явные предметы, стоявшіе, такъ сказать, передъ ихъ глазами; зато и пробужденіе совершается такъ быстро, что удивляетъ своею неожиданностью. Ежедневно видимъ мы людей, раздѣлявшихъ западное направленіе, и нерѣдко между ними людей, принадлежащихъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ умовъ и самыхъ твердыхъ характеровъ, которые совершенно перемѣняютъ свой образъ мыслей единственно оттого, что безпристрастно глубоко обращаютъ свое вниманіе внутрь себя и своего отечества, изучая въ немъ—тѣ основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность русскаго быта; въ себѣ—открывая тѣ существенныя стороны духа, которыя не находили себѣ ни мѣста, ни пищи въ западномъ развитіи ума".

Основными отличіями западно-европейскаго просвѣщенія и теперь такъ же, какъ и въ статьѣ „Девятнадцатый вѣкъ", Кирѣевскій признаетъ три элемента: 1) форму христіанства, 2) классическую образованность и 3) характеръ государственности, и они-то были совершенно чужды древней Россіи. „Принявъ ученіе христіанское изъ Греціи, она, говоритъ Кирѣевскій, постоянно находилась въ общеніи съ Вселенскою Церковью. Образованность древне-языческаго міра переходила къ ней уже сквозь ученіе христіанское, не дѣйствуя на нее одностороннимъ увлеченіемъ, какъ живой остатокъ какой-нибудь частной народности; только впослѣдствіи, утвердившись въ образованности христіанской, начинала она усвоивать себѣ послѣдніе результаты наукообразнаго просвѣщенія древняго міра,—когда Провидѣнію видимо угодно было остановить дальнѣйшій ходъ ея умственнаго развитія, спасая ее, можетъ быть, отъ вреда той односторонности, которая неминуемо стала бы ея удѣломъ, если бы ея разсудочное образованіе началось прежде, чѣмъ Европа докончила кругъ своего умственнаго развитія, и когда, не обнаруживъ еще послѣднихъ выводовъ своихъ, она могла тѣмъ безотчетнѣе и тѣмъ глубже завлечь ее въ ограниченную сферу своего особеннаго развитія,—христіанство, проникнувъ въ Россію, не встрѣтило въ ней тѣхъ громадныхъ затрудненій, съ какими должно было бороться въ Римѣ и Греціи и въ европейскихъ земляхъ, пропитанныхъ римскою образованностью. Чистому вліянію его ученія на внутреннюю и общественную

жизнь человѣка словенскій міръ не представлялъ тѣхъ неодолимыхъ препятствій, какія оно находило въ сомкнутой образованности міра классическаго и въ односторонней образованности народовъ западныхъ. Во многомъ даже племенныя особенности словенскаго быта помогали успѣшному осуществленію христіанскихъ началъ. Между тѣмъ основныя понятія человѣка о его правахъ и обязанностяхъ, о его личныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, не составлялись насильственно изъ формальныхъ условій враждующихъ племенъ и классовъ,—какъ послѣ войны проводятся искусственныя границы между сосѣдними государствами по мертвой буквѣ выспореннаго трактата. Но не испытавъ завоеванія, русскій народъ устраивался самобытно. Враги, угнетавшіе его, всегда оставались внѣ его, не мѣшаясь въ его внутреннее развитіе. Татары, ляхи, венгры, нѣмцы и другіе бичи, посланные ему Провидѣніемъ, могли только остановить его образованіе, и дѣйствительно остановили его, но не могли измѣнить существеннаго смысла его внутренней и общественной жизни".

Анализируя затѣмъ въ подробностяхъ характеръ просвѣщенія Запада сравнительно съ просвѣщеніемъ Россіи, Кирѣевскій приходитъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ: „Христіанство проникало въ умы западныхъ народовъ чрезъ ученіе одной Римской церкви,—въ Россіи оно зажигалось на свѣтильникахъ всей Церкви Православной; богословіе на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности,—въ православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ раздвоеніе силъ разума,—здѣсь стремленіе къ ихъ живой совокупности; тамъ движеніе ума къ истинѣ посредствомъ логическаго сцѣпленія понятій,—здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ исканіе наружнаго, мертваго единства,—здѣсь стремленіе къ внутреннему живому; тамъ церковь смѣшалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и сливая церковное и мірское значеніе въ одно устройство, смѣшаннаго характера,—въ Россіи она оставалась несмѣшанною съ мірскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты,—въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ

разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ,—здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познаванію; тамъ взаимное проростаніе образованности языческой и христіанской,—здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія,—здѣсь изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основного убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій,—въ древней Россіи ихъ единодушная совокупность, при естественной разновидности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльныя государства,—здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность — первое основаніе гражданскихъ отношеній,—здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность, формально логическая,—здѣсь—выходящая изъ быта; тамъ наклонность права къ справедливости внѣшней,—здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу, — здѣсь, вмѣсто наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ улучшенія всегда совершались насильственными перемѣнами,—здѣсь стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія,—здѣсь они рождались естественно изъ быта; тамъ волненіе духа партій,—здѣсь незыблемость основного убѣжденія; тамъ прихоть моды,—здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности,—здѣсь крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и искусственность жизни,—здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности,—здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа, при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ,—у русскаго—глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія, при постоянной недовѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія; однимъ словомъ, тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвое-

ніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго;—въ Россіи, напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго. Потому, если справедливо сказанное нами прежде, то *раздвоеніе* и *цѣльность*, *разсудочность* и *разумность*, будутъ послѣднимъ выраженіемъ западно-европейской и древне-русской образованности".

Изъ всѣхъ указанныхъ разностей русскаго и западно-европейскаго просвѣщенія вытекаетъ возможность дальнѣйшаго свѣтлаго развитія русской жизни. „Корень образованности Россіи, говоритъ Кирѣевскій, живетъ еще въ ея народѣ и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его святой, православной церкви. Потому на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи... Построеніе же этого зданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ жизни, и которому, слѣдовательно, въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе: вырабатывать мысленно общественное самосознаніе, — когда этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ проникнутый западными понятіями, наконецъ, полнѣе убѣдится въ односторонности европейскаго просвѣщенія; когда онъ живѣе почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда, съ разумною жаждою полной правды, онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней православной вѣры своего народа, и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться въ яснымъ еще отголоскамъ этой святой вѣры отечества въ прежней, родимой жизни Россіи. Тогда, вырвавшись изъ-подъ гнета разсудочныхъ системъ европейскаго любомудрія, русскій образованный человѣкъ, въ глубинѣ особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живого, цѣльнаго умозрѣнія святыхъ отцовъ Церкви, найдетъ самые полные отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами западнаго самосознанія. А въ прежней жизни отечества своего онъ найдетъ возможность понять развитіе другой образованности.

Тогда будетъ возможна въ Россіи наука, основанная на самобытныхъ началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія намъ предлагаетъ просвѣщеніе европейское. Тогда возможно будетъ въ Россіи искусство, на самородномъ корнѣ расцвѣтающее. Тогда жизнь общественная въ Россіи утвердится въ направленіи, отличномъ отъ того, какое можетъ ей сообщить образованность западная. Однако же, говоря: „направленіе", я неизлишнимъ почитаю прибавить, что этимъ словомъ я рѣзко ограничиваю весь смыслъ моего желанія. Ибо если бы когда-нибудь случилось бы мнѣ увидѣть во снѣ, что какая-либо изъ внѣшнихъ особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдругъ воскресла посреди насъ и въ прежнемъ видѣ своемъ вмѣшалась въ настоящую жизнь нашу; то это видѣніе не обрадовало бы меня. Ибо такое перемѣщеніе прошлаго въ новое, отжившаго въ живущее, было бы то же, что перестановка колеса одной машины въ другую, другого устройства и размѣра: въ такомъ случаѣ или колесо должно сломаться, или машина. Одного только я желаю, чтобы тѣ начала жизни, которыя хранятся въ ученіи святой православной Церкви, вполнѣ проникнули убѣжденія всѣхъ степеней и сословій нашихъ; чтобы эти высшія начала, господствуя надъ просвѣщеніемъ европейскимъ и не вытѣсняя его, но напротивъ, обнимая его своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе, и чтобы та *цѣльность* бытія, которую мы замѣчаемъ въ древней, была навсегда удѣломъ настоящей и будущей нашей православной Россіи"...

Изложенная статья Кирѣевскаго представляетъ собою наиболѣе полное развитіе философско-историческихъ взглядовъ вообще всей славянофильской школы, которая изъ своихъ историческихъ построеній выводила, какъ это видно особенно въ политической теоріи К. С. Аксакова, и общія заключенія о современной русской дѣйствительности и о тѣхъ идеалахъ, къ которымъ должно стремиться общественное развитіе Россіи.

Взгляды А. С. Хомякова на отношеніе Россіи къ Западу.

„Новопросвѣщаемая земля можетъ получить въ дѣлѣ просвѣщенія данныя и выводы уже готовые и, такъ сказать, вытвердить ихъ на память, или получить ту искру просвѣщенной мысли, которая должна впослѣдствіи разгорѣться свѣтлымъ и чистымъ огнемъ, питаемымъ родными матеріалами. Но послѣдній случай составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Обыкновенно народъ-просвѣтитель (хотя бы онъ былъ дѣйствительно просвѣтителемъ только въ отношеніи къ положительному знанію) поражаетъ такимъ блескомъ глаза своихъ учениковъ, что всѣ явленія его умственной и нравственной жизни, всѣ даже внѣшнія особенности его вещественнаго быта дѣлаются предметомъ суевѣрнаго поклоненія или безразсуднаго подражанія. Таково было отчасти вліяніе народовъ романскихъ на племена германскія. Самолюбивая Англія обезьянничала передъ Италіею, а въ Германіи еще Фридрихъ II презиралъ нѣмецкій языкъ. То же явленіе повторилось и у насъ, только въ размѣрахъ гораздо большихъ, потому что Западъ уже развилъ всѣ свои умственныя силы, а мы были въ совершенномъ младенчествѣ въ отношеніи къ знаніямъ, которыя мы получили отъ своихъ европейскихъ братій. Соблазнъ былъ неизбѣженъ. Но время течетъ; но мысль, ознакомившаяся съ просвѣщеніемъ, избавляется отъ суевѣрнаго поклоненія чужому авторитету по мѣрѣ того, какъ получаетъ большее уваженіе къ своей собственной дѣятельности. Наступаетъ періодъ критики. Прошедшее со всею его невольною ложью отстраняется не съ негодующимъ упрекомъ, а съ добродушною, иногда и горькою улыбкою. Дальнѣйшее самоуничиженіе передъ мыслію иноземною дѣлается уже невозможнымъ для

всего народа и смѣшнымъ въ тѣхъ лицахъ, которыя еще не хотятъ или не могутъ понять требованій современныхъ. Безграничное довѣріе къ учителю и его мудрости очень любезно въ ребенкѣ и часто свидѣтельствуетъ о богатомъ запасѣ любознанія, оно сносно въ отрокѣ, оно нестерпимо въ человѣкѣ взросломъ: ибо служитъ признакомъ слабоумія или по крайней мѣрѣ пошлости. Когда русское общество стало лицомъ къ лицу съ западною наукою, изумленное новооткрытыми сокровищами, оно бросилось къ нимъ со всею страстію, къ которой только была способна его нѣсколько лѣнивая природа. Ему показалось, что теперь началась умственная и духовная жизнь для русской земли, что прежде того она или вовсе не жила, или по крайней мѣрѣ ничего такого не дѣлала, чтобы стоило памяти въ родѣ человѣческомъ. Но дѣйствительно было совсѣмъ не то. Русскій духъ создалъ самую Русскую землю въ безконечномъ ея объемѣ, ибо это дѣло не плоти, а духа; русскій духъ утвердилъ навсегда мірскую общину, лучшую форму общежительности въ тѣсныхъ предѣлахъ; русскій духъ понялъ святость семьи и поставилъ ее, какъ чистѣйшую и незыблемую основу всего общественнаго зданія; онъ выработалъ въ народѣ всѣ его нравственныя силы, вѣру въ святую истину, терпѣніе несокрушимое и полное смиреніе. Таковы были его дѣла, плоды милости Божіей, озарившей его полнымъ свѣтомъ Православія. Теперь, когда мысль окрѣпла въ знаніи, когда самый ходъ исторіи, раскрывающей тайныя начала общественныхъ явленій, обличилъ во многомъ ложь западнаго міра и когда наше сознаніе оцѣнило (хотя, можетъ быть, еще не вполнѣ) силу и красоту нашихъ исконныхъ началъ, намъ предлежитъ снова пересмотрѣть всѣ тѣ положенія, всѣ тѣ выводы, сдѣланные западною наукою, которымъ мы вѣрили такъ безусловно; намъ предлежитъ подвергнуть все шаткое зданіе нашего просвѣщенія безстрастной критикѣ нашихъ собственныхъ духовныхъ началъ и тѣмъ самымъ дать ему несокрушимую прочность. Въ то же время на насъ лежитъ обязанность разумно усвоивать себѣ всякій новый плодъ мысли западной, еще столько богатой и достойной изученія, дабы не оказаться отсталыми въ то время, когда богатство нашихъ данныхъ возлагаетъ на насъ обязанность стремиться къ первому мѣсту въ рядахъ просвѣщающагося человѣчества“.

Цитированными словами А. С. Хомяковъ, въ „предисловіи“ къ первой книжкѣ славянофильскаго журнала „Русская Бесѣда“, изложилъ взглядъ свой (а также и всей редакціи) на значеніе заимствованій Россіи у Запада. Согласно этому взгляду, заимствованія вообще не отрицаются и даже признаются полезными и необходимыми, чтобы русскимъ „не оказаться отсталыми“, но отвергаются рѣшительно та безотчетность, то крайнее увлеченіе, то безусловное преклоненіе, которымъ отличались эти заимствованія въ прежнее время. Хомяковъ, вмѣстѣ со всею славянофильскою школою, призываетъ русское общество отнестись критически къ тому, что выработано западно-европейскою жизнью, попытаться оцѣнить предварительно то, что предполагается пересадить съ Запада на русскую почву.

Необходимость такого критическаго отношенія къ западно-европейской образованности намъ прямо необходима, такъ какъ мы оторвались отъ народа нашего, такъ какъ жизнь русскаго общества сложилась совсѣмъ ненормально, какъ это объяснялъ Хомяковъ въ своей статьѣ „о возможности русской художественной школы“, напечатанной въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1847 г. „Жизненное начало, говорилъ Хомяковъ, утрачено нами, но оно утрачено только нами, принявшими ложное полузнаніе по ложнымъ путямъ. Это жизненное начало существуетъ еще цѣло, крѣпко и неприкосновенно въ нашей великой Руси (т. е. Великой, Малой и Бѣлой), несмотря на наши долгія заблужденія и на наши, къ счастію, безполезныя усилія привить мертвенность къ ея живому тѣлу. То, что было, поросло быльемъ, и если бы намъ приходилось отыскать свою жизнь въ прошедшемъ, конечно мы бы ея никогда не отыскали и не возсоздали; ибо созданіе или возсозданіе жизни ничтожными силами одиночныхъ разсудковъ было бы явленіемъ, противнымъ всѣмъ законамъ духовнаго міра. Этому могли вѣрить нѣсколько дѣтей-студентовъ въ Германіи и нѣсколько дѣтей-стариковъ во Франціи, да могутъ въ иномъ видѣ вѣрить нѣсколько дѣтей — соціалистовъ всякаго возраста по всей Европѣ; но не повѣритъ никто, кто сколько-нибудь изучилъ исторію человѣчества, или не утратилъ въ душѣ своей хотя темное чутье человѣческихъ истинъ. Жизнь наша цѣла и крѣпка. Она сохранена, какъ неприкосновенный за-

логъ, тою многострадавшею Русью, которая не приняла еще въ себя нашего скуднаго полупросвѣщенія. Эту жизнь мы можемъ возстановить въ себѣ: стоитъ только ее полюбить искреннею любовью. Разумъ и наука приводятъ насъ къ ясному сознанію необходимости этого внутренняго преобразованія, но я не считаю его слишкомъ легкимъ ни для каждаго изъ насъ, ни для всѣхъ. Гордыя привычки нашей разсыпной, единичной жизни держатъ каждаго изъ насъ въ своихъ оковахъ. Нравственное обновленіе—нелегкое дѣло. Конечно, каждый не только согласенъ полюбить свѣтлыя жизненныя стихіи, которыя сохранились на Руси, и ту Русь, которая ихъ сохранила, но даже готовъ думать и увѣрять, что онъ любитъ ихъ всею душою. Можетъ быть даже, эта любовь дѣйствительно существуетъ въ насъ; но она существуетъ, какъ любовь къ неграмъ, къ готтентотамъ и индѣйцамъ существуетъ въ добромъ англичанинѣ, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ и съ надеждою на роль, если не настоящихъ, то будущихъ благодѣтелей. Такая любовь ничтожна, скажу болѣе, она отчасти пагубна. Отъ этого самообольщенія трудно, но необходимо должно отказаться; ибо мы не приносимъ высшее русской землѣ, но высшее отъ нея должны принять. Мы приносимъ только кое-какія знанія, легко пріобрѣтаемыя личнымъ трудомъ каждаго не совсѣмъ тупоумнаго человѣка; принять же должны жизненную силу, плодъ вѣковъ исторіи и цѣльности народнаго духа. Таковъ голосъ добросовѣстнаго анализа. Поэтому, чтобы любовь была истинною, она должна быть смиренною. Точно такъ же, какъ въ наукѣ, человѣкъ поступаетъ сперва въ нижніе разряды учениковъ и подвигается мало-по-малу впередъ, все болѣе и болѣе отстраняя отъ себя прихоти своего личнаго произвола и подчиняясь общимъ законамъ человѣческаго разума; такъ и человѣку, желающему усвоить себѣ или развить въ себѣ скрытую жизненную силу, должно принести въ жертву самолюбіе своей личности для того, чтобы проникнуть въ тайну жизни общей и соединиться съ нею живымъ, органическимъ соединеніемъ. Это дѣло не мгновенія и не дня, а цѣлаго существованія; ибо, какъ великій Шиллеръ сказалъ въ другомъ смыслѣ, „жизнь покупается только жизнью“. — Нашъ возвратъ къ этой утраченной жизни не легокъ. Мы оторвались отъ нея

сначала отчасти безсознательно, отчасти поневолѣ; мы измѣнили себѣ, измѣняя ей; потомъ замкнулись въ гордости своего мелкаго знанія, какъ колонія европейскихъ эклектиковъ, брошенная въ страну дикарей; потомъ, какъ всякая европейская колонія во всѣхъ частяхъ свѣта, мы приняли на себя характеръ завоевательный, конечно, съ самыми благодѣтельными намѣреніями, но безъ возможности исполнить ихъ, безъ сознанія ясной цѣли, къ которой стремились, и безъ того превосходства духа, который, по крайней мѣрѣ, часто служитъ нѣкоторымъ оправданіемъ завоеванію. Слѣдствіемъ этихъ отношеній были, какъ я сказалъ, борьба и полускрытая вражда; съ одной стороны подозрѣніе, слишкомъ оправданное; съ другой ничѣмъ не оправданное презрѣніе. Эти чувства могутъ исчезнуть только при нравственномъ измѣненіи въ насъ самихъ. Жизнь, нами долго оскорбляемая, нелегко и нескоро можетъ свыкнуться съ нами. Обмануть ее мнимымъ примиреніемъ невозможно, потому что не имѣетъ и не можетъ имѣть личныхъ представителей; да и во всякомъ случаѣ цѣль не могла бы быть достигнута обманомъ. Дѣло наше—возрожденіе жизненныхъ началъ въ самихъ себѣ; слѣдовательно оно можетъ быть исполнено только искреннею перемѣною нашего внутренняго существованія".

Далѣе, въ этой же статьѣ Хомяковъ объясняетъ, какимъ образомъ состоится этотъ возвратъ къ русскимъ началамъ, котораго такъ ищетъ славянофильская школа. „Возстановленіе нашихъ частныхъ умственныхъ силъ, говоритъ онъ, зависитъ вполнѣ отъ живого соединенія съ стародавнею и все-таки намъ современною русскою жизнью, и это соединеніе возможно только посредствомъ искренней любви. Иные твердятъ о своихъ патріотическихъ чувствахъ, а „людей въ Кіевѣ ничѣмъ зовутъ", какъ царь Калинъ въ сказкѣ, или „ругаются надъ неученою Русью, какъ чиновникъ въ повѣсти Достоевскаго „Бѣдные люди", высказавшаго (не знаю, сознательно или нѣтъ) въ этомъ презрѣніи Дѣвушкина къ мужику и бабѣ страшное оправданіе его собственныхъ страданій. Иные увѣряютъ, что вся будущность русская заключается въ грамматическомъ знаніи русскаго языка, какъ будто бы языкъ, а не вся духовная сила русскаго человѣка создалъ нашу великую родину. Она приняла многихъ, ей служили многіе; но ея корни живутъ и питаются только въ

душѣ русскихъ людей. Всѣ эти мнимыя формы любви — не любовь... Не такъ понимаю я любовь и общеніе. Общеніе заключается не въ простомъ размѣнѣ понятій, не въ холодномъ и не въ эгоистическомъ размѣнѣ услугъ, не въ сухомъ уваженіи къ чужому праву, всегда оговаривающемъ уваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ, но въ живомъ размѣнѣ не понятій однихъ, но чувствъ, въ общеніи воли, въ раздѣленіи не только горя (ибо состраданіе чувство слишкомъ обыкновенное), но и радости жизненной. Только такого рода общеніе можетъ возвратить насъ къ началамъ жизни, нами утраченной, и привести насъ изъ состоянія безнародной отвлеченности и мертвой самодовольной разсудочности къ полному участію въ особенностяхъ, характерѣ и физіономіи народа. Наши школьническія полузнанія развились бы до науки и развили бы науку, внеся въ нее великія и до сихъ поръ въ ней чуждыя начала, отличающія насъ отъ западнаго міра съ его латино-протестантскою односторонностью, съ его историческимъ раздвоеніемъ. Въ нашемъ бытѣ отозвалось бы то единство, которое лежало искони въ понятіи славянской общины и которое заключается не въ идеѣ дружиннаго договора германскаго или формальнаго права римскаго (т. е. правды внѣшней), но въ понятіи естественнаго и нравственнаго братства и внутренней правды. Въ художествѣ наступила бы новая эпоха, и оно перестало бы влачиться безсильно по стезѣ рабскаго подражанія, а стало бы выражать свободно и искренно (посредствомъ звука, или слова, или формы) идеалы красоты, таящіеся въ душѣ народной; ибо корень искусства есть любовь, формальное же изученіе его есть не что иное, какъ пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ для успѣшнѣйшаго выраженія любимаго идеала; но безъ этого идеала и безъ любви къ нему искусство есть только ремесло... Только въ живомъ общеніи народа могутъ проясниться его любимые идеалы и выразиться въ образахъ и формахъ, имъ соотвѣтственныхъ; но для того, чтобы оживилась наука, бытъ и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвѣщеніе, мы должны, сознавая собственное свое безсиліе и собственныя нужды, слиться съ жизнью русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, такъ сказать, обряднымъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго,—и еще

болѣе, какъ видимымъ его образомъ... Только въ живомъ общеніи съ народомъ выходитъ человѣкъ изъ мертвеннаго одиночества эгоистическаго существованія и получаетъ значеніе живого органа въ великомъ организмѣ; только при немъ можетъ всякая здравая мысль и всякое теплое чувство, возникшее въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, сдѣлаться достояніемъ общимъ и получить вліяніе и важность, не изъявляя и не имѣя притязаній на важность и вліяніе; только при немъ возможно то просвѣщеніе, къ которому Западъ стремится безнадежно и котораго достигнуть не можетъ, вслѣдствіе своего внутренняго раздвоенія".

Это „внутреннее раздвоеніе" Запада происходитъ вслѣдствіе той разсудочной односторонности, которая, будучи свойственна западному просвѣщенію, приводитъ его къ полному банкротству. Эту-то неудовлетворительность западной образованности Хомяковъ обнаруживаетъ въ сжатомъ очеркѣ развитія западной жизни, въ статьѣ „По поводу Гумбольдта". „Людямъ запада, говоритъ Хомяковъ, теперешнее его состояніе должно казаться загадкою неразрѣшимою. Понять эту загадку можемъ только мы, воспитанные инымъ духовнымъ началомъ. Наука признала, что новый европейскій міръ созданъ христіанствомъ. Это справедливо вотъ въ какомъ смыслѣ. Христіанство, въ полнотѣ своего божественнаго ученія, представляло идеи единства и свободы, неразрывно соединенныя въ нравственномъ законѣ взаимной любви. Юридическій характеръ римскаго міра не могъ понять этого закона: для него единство и свобода явились силами противоположными другъ другу, антагонистическими между собою; изъ двухъ началъ высшимъ показалось ему, по необходимости, единство, и онъ пожертвовалъ ему свободой. Таково было вліяніе римской стихіи. Стихія германская, противная римской, удержала бы за собою другое начало, но этого быть не могло: она сама являлась въ Западной Европѣ завоевательницею, насильницею. Вслѣдствіе своего положенія она приняла въ себя то же начало, которое принимала римская стихія вслѣдствіе своего внутренняго характера. И такъ, Западная Европа развивалась не подъ вліяніемъ христіанства, но подъ вліяніемъ латинства, т. е. христіанства односторонне-понятаго, какъ законъ внѣшняго единства. Тотъ, кто понимаетъ исторію, можетъ легко

усмотрѣть постепенное развитіе этого начала въ идеѣ Всехристіанства (tota Christianitas), понятаго какъ государство, въ борьбѣ императоровъ и папъ, въ крестовыхъ походахъ, въ военно-монашескихъ орденахъ, въ принятіи одного церковно-дипломатическаго языка (латинскаго) и т. д. Онъ увидитъ, что и вся жизнь Запада была проникнута этимъ началомъ, и развивалась въ полной зависимости отъ него, въ іерархіи феодальной, въ аристократизмѣ, въ понятіи о правѣ, въ понятіи о государственной власти и т. д. Для того, кто только вытвердилъ исторію по иностраннымъ писателямъ, пришлось бы говорить слишкомъ много. Поэтому мы и не станемъ здѣсь разсматривать исторію Западной Европы съ этой точки зрѣнія.—Таковъ былъ первый періодъ Западной исторіи; второй былъ періодомъ реакціи. Односторонность латинства вызвала противодѣйствіе, и мало-по-малу, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, послѣ долгой борьбы, наступилъ періодъ протестантства, односторонняго, какъ и латинство, но односторонняго въ направленіи противоположномъ первому: ибо протестантство удерживало идею свободы и приносило ей въ жертву идею единства. Иначе и быть не могло, ибо примиреніе было невозможно для Запада, воспитаннаго началомъ латинства, подъ условіями завоеванія германскаго и юридической формальности римской. Вся новая исторія Европы принадлежитъ протестантству, даже въ земляхъ, слывущихъ за католическія. Какъ идея единства латинскаго была внѣшняя, такъ и идея свободы протестантской была внѣшнею; ибо свобода, отрѣшенная отъ идеи разумнаго содержанія, есть понятіе чисто отрицательное и слѣдовательно внѣшнее. Протестантство удерживалось въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ отъ совершеннаго самоуничтоженія только посредствомъ произвольныхъ условій; но оно носило въ себѣ сѣмена своей собственной гибели, и этимъ сѣменамъ надобно было по необходимости развиться. Они развились. Въ области религіи догматической протестантство исчезло и перешло въ неопредѣленность философскаго мышленія, то-есть философскаго скепсиса; въ области жизни общественной оно перешло въ то состояніе безпредѣльнаго броженія, которымъ потрясенъ западный міръ. Произвольныя условія не могли устоять ни противъ требованій разумной критики, ни противъ личныхъ страстей; ибо

условіе произвольное не можетъ заключать въ себѣ самомъ собственнаго освященія: оно можетъ только освящаться извнѣ, а всякое начало освящающее было уже уничтожено протестантствомъ. Въ наше время судъ исторіи совершается и совершится надъ латинствомъ и протестантствомъ. Таковъ смыслъ современнаго движенія. До сихъ поръ не являлось и явиться не можетъ новаго начала духовнаго, которое могло бы пополнить въ душѣ человѣческой пустоту, оставленную въ немъ конечнымъ паденіемъ начала латино-протестантскаго. Всѣ попытки (ихъ было много) отыскать или создать такое начало были неудачны. Таковъ смыслъ явленія и упадка всѣхъ системъ, надѣлавшихъ больше или меньше шуму подъ фирмою Овена или Сенъ Симона, подъ именемъ коммунизма или соціализма. Всѣ эти системы, порожденныя, повидимому, вещественными болѣзнями общества и имѣвшія, повидимому, цѣлью исцѣленіе этихъ болѣзней, были дѣйствительно порождены внутреннею болѣзнью духа и устремлены къ пополненію пустоты, оставленной въ немъ паденіемъ прежней вѣры или прежняго призрака вѣры. Всѣ онѣ пали или падаютъ вслѣдствіе одной и той же причины, именно той субъективной произвольности, на которой онѣ основаны. Другимъ путемъ пришла къ той же цѣли философія германская въ лицѣ своего представителя Гегеля или, лучше сказать, учениковъ его. Строгій (хотя и неполный) въ своемъ анализѣ, ничтожный въ своемъ синтезѣ, гегелизмъ въ своемъ паденіи показалъ всю глубину духовной бездны, надъ которой уже давно, сама того не зная, стояла философствующая Германія; онъ обличилъ язву, которой исцѣлить не могъ. Но въ этомъ безспорно заключается и великая заслуга. Всѣ будущія попытки по пути чисто философскому невозможны послѣ Гегеля; всѣ будущія попытки въ родѣ устарѣвшаго овенизма или новаго соціализма будутъ ничтожны и неудачны по тѣмъ же причинамъ, по которымъ были неудачны и ничтожны ихъ предшественницы... Такова была воля Промысла, или (если съ нашей стороны слишкомъ дерзко угадывать пути Провидѣнія) таковъ былъ смыслъ всемірной исторіи, чтобы человѣчество, не понявшее христіанства или понявшее его односторонне, пришло путемъ отрицанія къ пониманію своей собственной ошибки. Безполезныя усилія отсталыхъ мыслителей, безпо-

лезныя хитрости духовныхъ правителей, унижающихъ вѣру до іезуитски-нищенскаго союза съ страстями и партіями политическими, не воскресятъ и даже не продлятъ эпохи латино-протестантства“.

Такимъ образомъ, установивъ неправильность западно-европейскаго развитія, указавъ на принципіальную въ немъ ошибку, Хомяковъ приходитъ къ тому выводу, что врачеваніе недуга, которымъ страждетъ Западная Европа (а съ нею вмѣстѣ и русское общество, оторвавшееся отъ народной почвы), можетъ успѣшно осуществиться только при условіи устраненія указанной принципіальной ошибки, или, иначе сказать, при условіи возстановленія нарушеннаго равновѣсія, разорванной связи между единствомъ и свободою. „Прежняя ошибка уже невозможна, говоритъ Хомяковъ, — человѣкъ не можетъ уже понимать вѣчную истину первобытнаго христіанства иначе, какъ въ ея полнотѣ, т. е. въ тождествѣ единства и свободы, проявляемомъ въ законѣ духовной любви. Таково Православіе. Всякое другое понятіе о христіанствѣ отнынѣ сдѣлалось невозможнымъ. Представителемъ же этого понятія является Востокъ, по преимуществу же земли славянскія и во главѣ ихъ наша Русь, принявшая чистое христіанство издревле, по благословенію Божіему и сдѣлавшаяся его крѣпкимъ сосудомъ, можетъ быть, въ силу того общиннаго начала, которымъ она жила, живетъ и безъ котораго жить не можетъ. Она прошла черезъ великія испытанія, она отстояла свое общественное и бытовое начало въ долгихъ и кровавыхъ борьбахъ, по преимуществу же въ борьбѣ, возведшей на престолъ Михаила (какъ я уже сказалъ въ одной изъ прежнихъ своихъ статей) — и сперва спасшая эти начала для самой себя, она теперь должна явиться ихъ представительницею для цѣлаго міра. Таково ея призваніе, ея удѣлъ въ будущемъ. Намъ позволено глядѣть впередъ смѣло и безбоязненно“.

Опредѣливъ такимъ образомъ міровую роль Россіи, Хомяковъ ставитъ вопросъ о способахъ выполненія этой роли, о подготовленности къ этому русскаго образованнаго общества, и, указывая на то, что оторванность русской интеллигенціи отъ народа есть существеннѣйшій тормазъ именно въ этомъ отношеніи, она замѣчаетъ однако нѣкоторые признаки „возврата русскихъ къ русскимъ началамъ“.

„Подъ этимъ словомъ возврата, говоритъ онъ, я не разумѣю возврата нашихъ любезныхъ соотечественниковъ, которые, какъ голубки, потрепавши крылышками надъ треволненнымъ моремъ западнаго общества, возвращаются утомленные на русскую скалу и похваливаютъ ея твердость. Нѣтъ, они возвращаются на Святую Русь, но не въ русскую жизнь; они похваливаютъ крѣпость своего убѣжища и не знаютъ (какъ и всѣ мы), что вся наша дѣятельность есть не что иное, какъ безпрестанное подкапыванье его основъ. Къ счастью, наши руки и ломы слишкомъ слабы, и безсиліе наше спасаетъ насъ отъ собственной слѣпоты. Я не называю возвратомъ и того, не совсѣмъ рѣдкаго, явленія общественнаго, которое можетъ, пожалуй, сдѣлаться и минутною модою, что люди, совершенно оторванные отъ русской жизни, но не скорбящіе объ этомъ разрывѣ, а въ полномъ самодовольствѣ наслаждающіеся своимъ мнимымъ превосходствомъ, важно похваливаютъ русскій народъ; дарятъ его, такъ сказать, своимъ ласковымъ словомъ, щеголяютъ передъ обществомъ знаніемъ русскаго быта и русскаго духа и преспокойно выдумываютъ для этого русскаго духа чувства и мысли, про которыя не зналъ и не знаетъ русскій человѣкъ. Чтобы выразить мысль народа, надобно жить съ нимъ и въ немъ. Я говорю о другомъ возвратѣ. Есть люди и къ счастью этихъ людей уже немало, которые возвращаются не на русскую землю, но къ Святой Руси, какъ къ своей духовной родительницѣ, и привѣтствуютъ своихъ братій съ радостной и раскаивающеюся любовью. Этотъ мысленный возвратъ важенъ и утѣшителенъ. Наука, несмотря на слѣпое сопротивленіе книжниковъ и на лѣнивую устойчивость полукнижнаго большинства, не только начинаетъ обращать вниманіе на истинныя потребности русской жизни, но, освобождаясь мало-по-малу отъ прежнихъ школьныхъ оковъ, уже показываетъ стремленіе къ сознанію своихъ родныхъ началъ и къ развитію истинъ, до сихъ поръ безсознательно таившихся въ нашей собственной жизни. Эти труды остаются не совсѣмъ безъ награды: имъ сочувствуютъ многіе, имъ сочувствуютъ по всей землѣ русской и, можетъ быть, еще болѣе въ ея дальнихъ областяхъ, чѣмъ въ тѣхъ мнимыхъ центрахъ нашего просвѣщенія, которые до сихъ поръ суть дѣйствительно только центры западнаго школьничества. Имъ сочувствуютъ даже нѣкото-

рые просвѣщенные люди на Западѣ, готовые уважать нашу мысль, когда она дѣйствительно будетъ нашею собственною, а не простымъ подражаніемъ мысли чужой. Успѣхъ искусства медленнѣе, чѣмъ успѣхъ науки. Разумѣется, такъ и слѣдуетъ быть. Искусство требуетъ внутренняго мира и внутренней полноты, которыхъ у насъ еще быть не можетъ; но за всѣмъ тѣмъ въ немъ сильнѣе и сильнѣе начинаетъ пробѣгать струя русской мысли. Никогда нашъ духовный міръ, истинная потребность русской души, не оглашался тѣми чудными звуками и не обогащался тѣми глубокими мыслями, которыми отличается величайшій изъ его современныхъ дѣятелей; никогда художество слова въ его бытовомъ направленіи еще не имѣло такого русскаго представителя, какъ въ наше время. Даже въ искусствахъ пластическихъ слышится и чуется тотъ же возвратъ. Даровитая молодость обращаетъ глаза свои съ любовью на тотъ строгій путь, который нѣкогда былъ открытъ намъ Византіею и послѣ того прерванъ бурями нашей треволненной жизни. Просвѣщенная любовь къ художеству, понявъ высокое достоинство этого пути, хочетъ записать снова въ русской живописи имя, нѣкогда блестѣвшее въ ея лѣтописяхъ основаніемъ иконописной школы. Наконецъ, люди болѣе послѣдовательные, понимающіе связь бытовыхъ мелочей съ общимъ развитіемъ мысленнаго организма, стараются хотя нѣсколько приблизить свой домашній бытъ къ жизни и обычаямъ русскимъ. Кромѣ признаковъ положительныхъ, есть не менѣе утѣшительные признаки отрицательные. Другого имени дать нельзя тому разсвирѣпѣнью, съ которымъ учители и подростки отживающей школы подражательной бросаются на всю старую Русь. Это не простое заблужденіе критики, сбившее съ толку Каченовскаго и его учениковъ; нѣтъ, это страсть, и страсть очень явная. Одинъ во всеуслышаніе отвергаетъ въ Россіи существованіе общины, тогда какъ въ исторіи русской нельзя понять ни строки безъ яснаго уразумѣнія общины и ея внутренней жизни; другой, на зло всѣмъ преданіямъ и памятникамъ, уничтожаетъ всю старо-русскую торговлю, не замѣчая даже того, что по его же показаніямъ одинъ Новгородъ платилъ ежегодно въ великокняжескую казну (разумѣется, съ своей торговли) такую сумму, которая равнялась четвертой части окупа, взятаго норманнами со

всей Англіи, и больше чѣмъ осьмой части самаго огромнаго окупа, взятаго тѣми же торжествующими норманнами съ цѣлой Франціи; а кто не знаетъ, что значитъ военный окупъ? Наконецъ, третій взялся за неожиданное оправданіе Іоанна Грознаго и приписываетъ несчастное ожесточеніе его мягкаго сердца мерзостямъ народа и бояръ. Правда, что онъ не нашелъ ни въ оправдательныхъ письмахъ самого Іоанна, ни въ современныхъ свидѣтельствахъ иностранныхъ или русскихъ, ни тѣни факта въ пользу своего тезиса,—но все равно! Старой Руси слѣдовало быть виноватою, а журнальному читателю слѣдуетъ быть легковѣрнымъ. Такія явленія могли бы показаться нѣсколько оскорбительными и похожими на недобросовѣстное поруганіе памяти нашихъ отцовъ, но школьныя страсти заслуживаютъ нѣкотораго извиненія. Злость, съ которою нападаютъ на старую Русь, носитъ на себѣ характеръ разсердившагося безсилія. Виновата старая Русь не въ томъ, что была, а въ томъ, что она есть и теперь, и даже изъявляетъ надежду на будущее существованіе и развитіе. Точно также должно оправдать и печатныя нападенія на самую личность, на наружность и, такъ сказать, на домашнія отношенія людей, осмѣлившихся выразить свое сочувствіе къ русскимъ началамъ и свою вѣру въ нихъ. Сердитое безсиліе не можетъ быть разборчиво въ средствахъ. Этотъ отрицательный признакъ столько же утѣшителенъ, сколько и положительные".

Этотъ возвратъ къ цѣльности народной жизни, какъ признаетъ Хомяковъ, не можетъ быть легкимъ; на этомъ пути къ.роднымъ началамъ насъ ожидаютъ серьезныя затрудненія. „Но, говоритъ Хомяковъ, не скрывая отъ себя препятствій, которыя мы должны по необходимости встрѣтить въ своемъ подвигѣ, мы можемъ съ радостію и надеждою сказать себѣ, что намъ однимъ онъ возможенъ изъ всѣхъ современныхъ народовъ. Раздвоеніе, подавляющее въ насъ духовную силу, есть дѣло исторической случайности и отчасти слѣдствіе недоразумѣнія: оно не лежитъ ни въ основѣ нашихъ началъ духовныхъ, ни въ характерѣ нашего народнаго состава, какъ въ романогерманской Европѣ; оно было слѣдствіемъ, такъ сказать, невольнаго соблазна при первой нашей встрѣчѣ съ богатствами знанія, до тѣхъ поръ намъ чуждаго: оно должно исчезнуть при полномъ знакомствѣ съ этимъ знаніемъ".

Возвращеніе къ русскимъ началамъ есть возвращеніе также и къ славянству, и Хомяковъ нисколько не смущается кличкой „славянофиловъ", которая дана новому направленію его противниками. Онъ говоритъ, что „готовъ принять это названіе", потому что любитъ славянъ, и потому что именно въ старой славянской жизни онъ находитъ тотъ общинный строй, въ которомъ проявляется столь желательная цѣльность, въ которомъ нѣтъ и слѣда западной разсудочности и раздвоенія.

Ю. Ѳ. Самаринъ.

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ и освобожденіе крестьянъ.

„Съ самаго начала Восточней войны, когда еще никто не могъ предвидѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовленія нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи гораздо менѣе, чѣмъ наше внутреннее неустройство. Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе видимо проникающее всюду и вытѣсняющее чувство незаконнаго самодовольствія, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною; но мы готовы принять его, какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки. Мы слишкомъ долго, слишкомъ исключительно жили для Европы, для внѣшней славы и внѣшняго блеска и за свое пренебреженіе къ Россіи мы платились утратою именно того, чему мы поклонялись,—утратою нашего политическаго и военнаго первенства. Теперь, когда Европа привѣтствуетъ миръ, какъ давно желанный отдыхъ, намъ предстоитъ воротить упущенное. Съ прекращеніемъ военныхъ подвиговъ, передъ нами открывается обширное поприще для трудовъ мирныхъ, но требующихъ не менѣе мужества, настойчивости и самоотверженія. Мы должны обратиться на самихъ себя, изслѣдовать кореныя причины нашей слабости, выслушать правдивое выраженіе нашихъ внутреннихъ потребностей и посвятить все наше вниманіе и всѣ средства ихъ удовлетворенію. Не въ Вѣнѣ, не въ Парижѣ и не въ Лондонѣ, а только внутри Россіи завоюемъ мы снова принадлежащее намъ мѣсто въ сонмѣ европейскихъ державъ; ибо внѣшняя сила и политическое значеніе государства зависитъ не отъ родственныхъ связей съ царствующими ди-

настіями, не отъ ловкости дипломатовъ, не отъ количества серебра и золота, хранящагося подъ замкомъ въ государственной казнѣ, даже не отъ численности арміи, но болѣе всего отъ цѣльности и крѣпости общественнаго организма. Чѣмъ бы ни болѣла земля: усыпленіемъ мысли, застоемъ производительныхъ силъ, разобщеніемъ правительства съ народомъ, разъединеніемъ сословій, порабощеніемъ одного изъ нихъ другому—всякій подобный недугъ, отнимая возможность у правительства располагать всѣми подвластными ему средствами и, въ случаѣ опасности, прибѣгать безъ страха къ подъему народной силы, воздѣйствуетъ неизбѣжно на общій ходъ военныхъ и политическихъ дѣлъ. Эта истина, подъ тяжкими ударами судьбы, постепенно проникаетъ въ общественное сознаніе, и оттого въ минуты, подобныя настоящей, охотнѣе, чѣмъ въ спокойное время, выслушивается горькая правда, совѣсть общественная, говоритъ громче, больнѣе отзываются старые, запущенные недуги и, казалось бы, въ той же мѣрѣ должна возрастать рѣшимость на всякую жертву для коренного исцѣленія.

„Во главѣ современныхъ домашнихъ вопросовъ, которыми мы должны заняться, стоитъ, какъ угроза для будущаго и какъ препятствіе въ настоящемъ для всякаго существеннаго улучшенія въ чемъ бы то ни было,—вопросъ о крѣпостномъ состояніи. Съ какого бы конца ни началось наше внутреннее обновленіе, мы встрѣтимся съ нимъ неизбѣжно. Мы не можемъ миновать его и не должны уклоняться отъ его разрѣшенія; ибо нравственныя и вещественныя потребности цѣлыхъ сословій, возникающія естественно, исторически-законно изъ даннаго положенія, подлежатъ разумному направленію правительствъ только до извѣстной поры. Можно ихъ признать, обдумать и проложить путь къ ихъ удовлетворенію: можно также противопоставить имъ упорное отрицаніе и заглушить ихъ. Въ первомъ случаѣ преобразованіе совершается въ общественномъ сознаніи прежде, чѣмъ на практикѣ, и потому существующій порядокъ вещей, раздвигаясь постепенно, даетъ мѣсто образующимся новымъ явленіямъ; во второмъ—сдавленныя потребности, встрѣчая на всѣхъ точкахъ систематическій отпоръ, повидимому, исчезаютъ, но это обманъ; онѣ только уходятъ въ глубь. Лишенныя гласнаго проявленія, удаленныя отъ свѣта, онѣ до-

зрѣваютъ въ тишинѣ и мракѣ и тамъ перерождаются въ темныя страсти, неразумныя, какъ стихійныя силы, и такъ же неодолимыя. Наконецъ, по поводу ли общаго бѣдствія, голода, пожаровъ, повальной болѣзни, или распущеннаго, невѣдомо когда и кѣмъ, вздорнаго слуха, или сумазбродной выходки отважнаго бродяги, онѣ прорываются неожиданно, достигнувъ до той роковой поры своего развитія когда уже никакая человѣческая сила не можетъ ни сдержать, ни направить ихъ стремленія. Остается одна матеріальная съ ними борьба, потрясающая надолго всѣ основы общества, каковъ бы ни былъ ея исходъ. Вотъ чему учитъ насъ примѣръ другихъ народовъ и наша собственная историческая опытность. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ находится еще въ первой порѣ своего развитія; но дальнѣйшій ходъ его зависитъ отъ того, въ какое отношеніе къ нему станетъ въ настоящую минуту правительство и общество. Если мы не хотимъ осудить себя на роль безгласныхъ жертвъ въ грядущей развязкѣ, то пора повернуться къ нему лицомъ, назвать его по имени и рѣшиться, наконецъ, произнести во всеуслышаніе то, что уже давно лежитъ у всѣхъ на сердцѣ, какъ опасеніе или надежда, какъ разумное убѣжденіе или какъ темная забота, неотвязчиво насъ преслѣдующая".

Приведенныя слова, характеризующія тогдашнее положеніе дѣлъ, являются вступленіемъ къ запискѣ „О крѣпостномъ состоянія и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ", составленной Ю. Ѳ. Самаринымъ въ 1854—56 гг. Эта записка, пошедшая въ ходъ осенью 1856 г., вмѣстѣ съ другими проектами упраздненія крѣпостнаго права, была однимъ изъ первыхъ проявленій того движенія, которое вызвано было въ русскомъ обществѣ крымской войной. Оставаться въ прежнемъ положеніи было невозможно, такъ какъ война ярко показала несостоятельность направленія внутренней политики за истекшее царствованіе и выяснила необходимость скорѣйшаго приступа къ преобразованіямъ. Всѣ лучшіе люди эпохи, были ли они западниками, или славянофилами, прекрасно сознавали, что первымъ преобразованіемъ должно быть коренное измѣненіе положенія крестьянъ, которое представлялось ненормальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, нравственномъ, политическомъ и экономическомъ. Однако этихъ *лучшихъ* людей было весьма немного, и огромное большинство дво-

рянскаго сословія, съ какимъ-то слѣпымъ эгоизмомъ, помышляло только о сохраненіи существовавшихъ отношеній.

Въ виду этого авторамъ записокъ объ улучшеніи быта крестьянъ приходилось прежде всего выяснять безсмысленность и вредъ крѣпостнаго права. Этимъ и начинаетъ свою аргументацію Ю. Ѳ. Самаринъ.

Обращаясь къ нравственной сторонѣ дѣла, онъ останавливается сразу на „риторической фигурѣ уподобленія помѣщика отцу, а крѣпостныхъ людей его дѣтямъ“, какъ на аргументѣ, особенно усердно выдвигавшемся впередъ защитниками крѣпостнаго права. При первой же попыткѣ анализа, это уподобленіе оказывается натянутымъ, слабо обоснованнымъ, и Самаринъ указываетъ на рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ этой фигурой. „Въ чемъ же заключается сходство?—говоритъ онъ. Хотимъ ли мы сказать, что крестьяне связаны съ помѣщикомъ узами кровнаго родства? Или мы хотимъ себя увѣрить, что до XVII вѣка нашъ народъ находился въ состояніи жалкаго сиротства, и что Борисъ Годуновъ не крестьянъ прикрѣпилъ къ помѣщикамъ, а помѣщиковъ прикрѣпилъ къ крестьянамъ въ качествѣ опекуновъ? Или не думаемъ ли мы, что какъ, по слову Апостола, не чада должны пріобрѣтать имѣніе для родителей а родители для своихъ чадъ, такъ и у насъ, не крестьяне работаютъ на господъ, а господа работаютъ на крѣпостныхъ, своихъ людей, въ надеждѣ сдѣлать ихъ равными себѣ и передать имъ со временемъ свое состояніе, свое образованіе и вообще все, чѣмъ дорожатъ сами?.. Если ни въ природныхъ, ни въ историческихъ, ни въ хозяйственныхъ отношеніяхъ нѣтъ сходства, то въ чемъ же искать его, какъ не единственно въ юридической неопредѣленности власти родительской и власти помѣщичьей, въ беззащитности дѣтей и въ беззащитности крестьянъ? Законъ не вмѣшивается въ отношенія родителей къ дѣтямъ: онъ не считаетъ нужнымъ вооружать послѣднихъ оборонительными орудіями противъ естественной, притомъ извѣстнымъ возрастомъ ограниченной власти первыхъ. Такимъ же образомъ, или сходно съ тѣмъ, поступаетъ законъ и въ отношеніи къ крѣпостному сословію. Вотъ единственная точка соприкосновенія обѣихъ властей. Но развѣ въ этой юридической неопредѣленности, въ этомъ полновластіи съ одной стороны, и въ этой беззащит-

ности съ другой, заключается сущность союза родителей съ дѣтьми? Неужели тотъ, кому дано безотчетно располагать судьбою ближняго, черезъ это одно становится для него отцомъ? Совѣстно было бы занимать читателя разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Сами защитники такъ называемыхъ патріархальныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ никогда не выдерживаютъ своей темы и безпрестанно сбиваются на понятія, идущія съ нею въ разрѣзъ: къ чему вмѣшательство закона и права, къ чему вводить юридическія формальности и тонкости въ такую область, гдѣ все проникнуто взаимною любовью и довѣріемъ?"—Это мы слышимъ безпрестанно, пока идетъ дѣло о полицейской власти помѣщика; а вотъ что говорится крестьянямъ, когда коснется дѣло до собственности: „Знайте, земля моя, не ваша; мое добро для васъ чужое; я вамъ отвелъ участокъ изъ моей земли; такъ подавайте оброкъ или ступайте на барщину". Странно, съ какою быстротою чадолюбивый отецъ превращается въ ревниваго собственника, дѣти въ фермеровъ, семейныя отношенія въ торговую сдѣлку! Гораздо послѣдовательнѣе крестьяне. Съ чужого голоса научились и они повторять: „Вы наши отцы, мы ваши дѣти", и прибавляютъ про себя: „Мы всѣ твои, а все твое наше".

Неопредѣленность и ложность положенія, произволъ, создаваемые представленіемъ объ отеческихъ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, являются причиною возникновенія въ крестьянахъ враждебныхъ чувствъ къ помѣщикамъ. „Помѣщикъ, говоритъ Самаринъ, провозглашаетъ себя отцомъ своихъ крѣпостныхъ, и правительство утверждаетъ его въ этомъ званіи; но этого мало. Осуществленіе семейныхъ отношеній требуетъ еще одного условія, а именно, чтобы тѣ, на долю которыхъ выпалъ жребій оставаться по гробъ дѣтьми, признали добровольно указаннаго имъ господина за своего отца. Предположивъ, что помѣщикъ съ своей стороны способенъ принять и выполнить достойно свою роль, спросимъ себя: каково внутреннее отношеніе къ нему его крѣпостныхъ людей? Та ли съ ихъ стороны безотчетная привязанность къ нему, всецѣлая довѣренность, простота, и непринужденность отношеній, которыми держится союзъ родителей съ дѣтьми, безъ которыхъ неограниченность и неопредѣленность родительской власти превратилась бы въ невыносимую тягость?

Не задумается надъ разрѣшеніемъ этого вопроса и тотъ, кто имѣлъ случай читать слѣдственные допросы по дѣламъ о неповиновеніи крестьянъ, или кто, живя въ деревняхъ, прислушался къ народной молвѣ и пріучилъ свое ухо различать правдивое выраженіе мыслей простыхъ людей отъ ихъ оффиціальныхъ рѣчей; ибо и крестьяне имѣютъ свой особенный оффиціальный языкъ для обращенія съ своимъ помѣщикамъ, языкъ, подобный тому, какой употребляемъ мы, обращаясь къ правительству. Оставляя даже въ сторонѣ личныя наблюденія, какъ предметъ спорный, можно указать на документальныя безспорныя и всѣмъ доступныя свидѣтельства. Пусть переберутъ наши законодательные памятники со временъ Уложенія. О какомъ настроеніи духа въ крѣпостномъ сословіи краснорѣчиво свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ манифестовъ, указовъ и циркуляровъ, повелѣвающихъ крестьянамъ безропотно повиноваться ихъ господамъ и не давать вѣры слухамъ о вольности? Отчего подобными актами открывались всѣ новыя царствованія? Отчего въ послѣднее время усилено наблюденіе за поведеніемъ крѣпостныхъ людей? Что значатъ періодическія движенія массъ въ разныхъ губерніяхъ и эти неопредѣленныя, глухія молвы о скорой свободѣ, всегда гдѣ-нибудь да носящіяся? Отчего съ каждымъ годомъ возрастаютъ опасенія помѣщиковъ, а вмѣстѣ съ страхомъ и раздражительность? Гдѣ же тутъ признаки сыновней преданности, привязанности и довѣрія?“

Результатъ якобы семейныхъ отношеній помѣщика и крѣпостныхъ оказывается очень печальный: „помѣщикъ пользуется почти неограниченною и безотчетною властью отца въ семействѣ; крестьяне же видятъ въ немъ не отца, а природнаго врага своего и рвутся отъ него на волю“. Вліяніе крѣпостнаго права очень вредно отзывается на всѣхъ, кто съ нимъ соприкасается, т. е. и на помѣщикахъ, и на крестьянахъ, и на чиновникахъ, его охраняющихъ: это „право“ всѣхъ ихъ нравственно развращаетъ. Прежде всего оно погубно дѣйствуетъ на помѣщика. „Какъ полновластный господинъ, помѣщикъ, какъ говоритъ Самаринъ, дѣйствуетъ на нихъ (т. е. на крестьянъ) всею тяжестью своей личности и не испытываетъ на себѣ ихъ нравственнаго воздѣйствія; ему нѣтъ отпора въ равномѣрныхъ правахъ людей, его окружающихъ. Ихъ отношенія, закономъ опредѣленныя, не мо-

гутъ измѣниться, хотя бы онъ лишился ихъ уваженія и сдѣлался для нихъ предметомъ негодованія или презрѣнія. Ихъ нравственный судъ надъ нимъ до него не восходитъ. Но этого мало. Навыкъ къ самовластію и самоугожденію развивается не только вслѣдствіе отсутствія внѣшняго противодѣйствія, но еще въ особенности потому, что со стороны своего окруженія изъ крѣпостныхъ людей помѣщикъ ежечасно подвергается искушенію дать полную волю своему произволу. Ему предстоитъ борьба съ собою и, сверхъ того, борьба съ подчиненными. Трудно ему заранѣе заключить свою волю въ предѣлы и не переступить ихъ; но еще гораздо труднѣе заставить крестьянъ и дворовыхъ, ближайшихъ исполнителей его распоряженій, признать эти предѣлы и уважать ихъ; ибо, гдѣ все зависитъ отъ прихоти одного человѣка, естественно должно всего опасаться, но за то можно и всего добиваться. „Захочетъ баринъ, чего не сдѣлаетъ!“ — и въ этомъ убѣжденіи, на долголѣтнемъ опытѣ основанномъ, люди, которыхъ участь отдана въ его руки, со всѣхъ сторонъ осаждаютъ его самыми безсовѣстными требованіями и обидными для другихъ домогательствами“.

Народъ испытываетъ развращающее дѣйствіе крѣпостного права въ такой же степени, какъ и помѣщики: „Онъ покоряется помѣщичьей власти, какъ тяжкой необходимости, какъ насилію, какъ нѣкогда покорялась Россія владычеству монголовъ, въ чаяніи будущаго избавленія. Но насколько покорность *за совѣсть* возвышаетъ нравственность человѣка, настолько же, при невозможности явной борьбы, унижаетъ ее покорность *за одинъ страхъ*. Въ этомъ отношеніи коренное понятіе народа, отвергающаго про себя законность помѣщичьей власти, конечно, противорѣчитъ Своду Законовъ: мы и не беремся оправдывать его, но указываемъ на то, что есть, что всѣмъ извѣстно и чего никто не рѣшается сказать. Отношенія крѣпостныхъ людей къ ихъ помѣщикамъ развиваютъ въ первыхъ притворство, обманъ и лесть. Оттого крестьяне, почти во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, обращаются къ своему помѣщику темными сторонами своего характера. Умный крестьянинъ, въ присутствіи своего господина, притворяется дуракомъ, правдивый безсовѣстно лжетъ ему прямо въ глаза, честный обкрадываетъ его, и всѣ трое называютъ его своимъ отцомъ“.

Наконецъ, такое же вредное вліяніе оказываетъ крѣпостное право и на чиновниковъ, которые поддерживаютъ его, какъ одну изъ основъ государственнаго порядка. „Взглядъ народа на крѣпостное право, хотя и глубоко въ немъ затаенный, хорошо, говоритъ Самаринъ, извѣстенъ какъ помѣщикамъ, такъ и правительству. Помѣщики боятся за себя, блюстители благочинія боятся за общественный порядокъ и, подъ вліяніемъ этого двойного страха, производятся и рѣшаются дѣла о неповиновеніи крестьянъ и злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти. Для предупрежденія самыхъ злоупотребленій правительство не предоставило себѣ почти никакихъ средствъ; они постепенно накопляются, никому невѣдомыя, разумѣется, кромѣ тѣхъ, которые отъ нихъ терпятъ, не имѣя права жаловаться — накопляются до тѣхъ поръ, пока переполнится мѣра русскаго долготерпѣнія. Обыкновенно, съ этой минуты вступается въ дѣло мѣстное начальство. Всѣмъ извѣстно, что наше законодательство стремится довести производство слѣдствій и примѣненіе наказаній до безошибочной точности алгебраической выкладки, но какъ бы близко оно ни подошло къ своей цѣли, участіе въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ живой личности слѣдователя и судьи не могло быть вполнѣ устранено, а живая личность болѣе или менѣе поддается вліянію живой современности. При обсужденіи даннаго случая, къ строгимъ требованіямъ закона примѣшивается мысль о томъ, какими общими послѣдствіями можетъ отозваться на практикѣ то или другое рѣшеніе, и вотъ почему обыкновенно случается, что приговоръ надъ уличеннымъ помѣщикомъ смягчается боязнью ослабить или уронить въ его лицѣ значеніе помѣщика, а виновные крестьяне казнятся не столько въ мѣру ихъ вины, сколько въ мѣру возбужденныхъ опасеній, казнятся не за одно совершенное ими преступленіе, а въ назидательный страхъ другимъ. Такимъ образомъ, коренная неправда основныхъ отношеній влечетъ за собою цѣлый рядъ несправедливостей со стороны самого правительства, невольно потворствующаго неправдѣ“.

Будучи вредно въ нравственномъ отношеніи, крѣпостное право пагубно отзывается и на политическомъ благоустройствѣ Россіи, какъ явленіе „исторически беззаконное“. На Западѣ его возникновеніе объясняется отношеніемъ побѣди-

телей къ побѣжденнымъ, въ Россіи этого отношенія никогда не бывало. „У насъ, говоритъ Самаринъ, государство сложилось изъ цѣльнаго вещества дружнымъ усиліемъ всей земли и, какъ въ старину, такъ и до настоящей минуты, всѣ сословія его поддерживаютъ. Оттого всякій русскій, какъ бы далеко онъ ни стоялъ отъ престола, видитъ въ русскомъ царѣ самого себя; тогда какъ, напримѣръ, во Франціи крестьянинъ не могъ не чуждаться короля, назвавшаго себя, какъ Францискъ, первымъ дворяниномъ Франціи, или какъ Людовикъ Филиппъ — королемъ-мѣщаниномъ. Если таково происхожденіе и таковъ характеръ русскаго государства, то почему же не всѣ сословія въ равной степени пользуются его покровительствомъ? Почему 22 милліона подданныхъ, платящихъ государственныя подати, служащихъ государственную службу, поставлены внѣ закона, внѣ прямаго отношенія къ верховной власти, числясь въ государствѣ только по ревизскимъ спискамъ, какъ мертвая принадлежность другого сословія? Для оправданія этой несправедливости иногда прибѣгаютъ къ предположенію какой-то сдѣлки, въ силу которой правительство, вооруживъ помощиковъ крѣпостнымъ правомъ, въ то же время возложило на нихъ отвѣтственность за поселянъ, обязанность ихъ опекать, кормить въ неурожайные годы, обстраивать и защищать отъ всякихъ обидъ. Но это толкованіе, не выдерживающее самой поверхностной критики, какъ объясненіе происхожденія помѣщичьей власти и, очевидно, придуманное въ новѣйшее время для ея оправданія, когда, развившись до послѣднихъ своихъ предѣловъ, она начала клониться къ упадку, еще положительнѣе самаго крѣпостного права противорѣчитъ понятію Русской земли о назначеніи верховной власти. Хотя бы даже подобною сдѣлкою могло быть облегчено тяжелое бремя государственнаго управленія, Россія никогда не повѣритъ, чтобы правительство могло рѣшиться отдать сознательно часть своихъ подданныхъ въ откупное содержаніе. Государственная власть, со всѣми ея обязанностями, со всею ея нравственною отвѣтственностью передъ цѣлою землею, не подлежитъ ни отчужденію, ни раздѣлу. Въ убѣжденіи русскаго человѣка, безпрепятственное, прямое, никѣмъ не прерванное отношеніе каждаго сословія и верховной власти, поставленной надъ всѣми сословіями и равно близкой ко всѣмъ, такъ же суще-

ственно необходимо для здоровья государственнаго организма, какъ свободное обращеніе крови во всѣхъ жилахъ человѣческаго тѣла. Чѣмъ по природѣ своей однороднѣе и цѣльнѣе этотъ организмъ, тѣмъ живѣе сочувствіе цѣлаго съ каждаго изъ его частей, и оттого опѣмѣніе одного члена, наглухо перехваченнаго мертвымъ узломъ крѣпостного права, отзывается болѣзненнымъ разслабленіемъ или судорогами во всемъ государственномъ составѣ".

Разсмотрѣвъ затѣмъ въ отдѣльности факты, характеризующіе политическій вредъ крѣпостного права, Самаринъ устанавливаетъ слѣдующій заключительный выводъ: „Триста тысячъ помѣщиковъ, не безъ основанія встревоженныхъ ожиданіемъ страшнаго переворота; одиннадцать милліоновъ крѣпостныхъ людей, твердо увѣренныхъ въ существованіи глухого, давнишняго заговора дворянства противъ Царя и народа, и въ то же время считающихъ себя заодно съ Царемъ въ оборонительномъ заговорѣ противъ ихъ общаго врага, дворянства; законы, въ которыхъ народъ не признаетъ подлиннаго выраженія царской воли; правительство, заподозрѣнное народомъ въ предательствѣ и не внушающее ему никакого довѣрія, — вотъ чѣмъ мы обязаны крѣпостному праву въ отношеніи политическомъ".

Наконецъ, послѣ подробнаго анализа экономическихъ отношеній, Самаринъ указываетъ и на огромный вредъ крѣпостного права для сельскаго хозяйства. „Воззрѣніе на крестьянъ, какъ на рабочую силу, замѣняющую оборотный капиталъ, и сознаніе отвѣтственности помѣщика (не формальной, передъ правительствомъ, а дѣйствительной, денежной) за принадлежащихъ ему людей ведутъ къ учрежденію надъ ними предупредительной опеки. Опека, единожды допущенная, естественно распространяется; польза ея очевидна, а вредъ ускользаетъ отъ глазъ. Она проникаетъ постепенно глубже и глубже въ домашнее хозяйство крестьянина, связывая его по рукамъ и по ногамъ. На этомъ скатѣ нѣтъ средствъ удержаться; ибо, съ одной стороны, любовь къ порядку и благоустройству побуждаетъ итти далѣе; съ другой, по мѣрѣ ограниченія личной отвѣтственности крестьянина за самого себя, онъ дѣйствительно утрачиваетъ постепенно способность жить своимъ умомъ. Мало-по-малу личность его, какъ хозяина и семьянина, теряетъ вмѣстѣ съ естественными сво-

ими правами природныя свои способности, низводится на степень какой-то бездушной рабочей единицы и поглощается въ механизмѣ помѣщичьяго хозяйства“.

Обращаясь, послѣ этихъ отвлеченныхъ, общихъ соображеній, къ характеристикѣ современнаго положенія, Самаринъ замѣчаетъ, что во взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ произошла значительная перемѣна сравнительно даже съ началомъ XIX вѣка. Особенно обнаруживается это измѣненіе со стороны помѣщиковъ. „Грубость и суровость въ обращеніи постепенно исчезаютъ, уступая неотразимому вліянію лучшей системы воспитанія. Это великій успѣхъ, признакъ всеобщаго смягченія нравовъ; но онъ сопровождается несомнѣннымъ ослабленіемъ помѣщичьей власти. Поколѣніе помѣщиковъ, слѣпо и всецѣло вѣровавшихъ въ нравственную законность крѣпостного права, которыхъ мысль о его упраздненіи никогда не тревожила, постепенно вымираетъ. Ихъ дѣти, воспитанныя въ иныхъ понятіяхъ, вступаютъ въ родительское наслѣдство, не будучи въ состояніи усвоить себѣ ни образа мыслей, ни образа дѣйствій своихъ отцовъ. Для нихъ уже становится вопросомъ то, чѣмъ пользовались беззаботно ихъ предшественники. Привыкнувъ съ раннихъ лѣтъ смотрѣть иными глазами на свои отношенія къ крѣпостнымъ людямъ, усомнившись не только въ нравственной законности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самой прочности крѣпостного права, упраздненнаго во всей Европѣ, они должны такъ или иначе разрѣшить себѣ этотъ вопросъ, принять сознательно на свою душу отвѣтственность за свое право или отречься отъ него; но рѣшительному выбору предшествуетъ колебаніе между двумя противоположными крайностями, одинаково вредными: натянутою строгостью и неумѣстнымъ послабленіемъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ власть, утратившая вѣру въ себя, подорванная сомнѣніемъ, ускользаетъ изъ рукъ молодыхъ помѣщиковъ, и вмѣстѣ съ властью они теряютъ и самую возможность принести ту долю относительной пользы, за которую, быть можетъ, поминаютъ добромъ ихъ предковъ. Добрые помѣщики въ старомъ смыслѣ становятся съ каждымъ днемъ рѣже и невозможнѣе. Это также успѣхъ, какъ признакъ быстраго паденія крѣпостного права; но пока мы живемъ подъ всѣми его условіями—это зло, и зло современ-

ное, которому суждено съ каждымъ днемъ усиливаться, пока мы не вступимъ на другую дорогу".

Резюмируя новыя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ къ крѣпостному праву, Самаринъ устанавливаетъ слѣдующій выводъ: „въ развитіи взаимныхъ отношеній крѣпостного сословія къ помѣщикамъ усматриваются единовременно два противоположныя стремленія, какъ бы двѣ струи. Съ одной стороны, *крѣпостное право, какъ право лица на другое лицо, подрывается* смягченіемъ нравовъ и еще болѣе безсвязнымъ, но тѣмъ не менѣе многозначительнымъ ропотомъ крестьянъ; съ другой—*систематически исчерпываются примѣненія крѣпостного права къ хозяйственнымъ цѣлямъ. Личный безцѣльный произволъ убываетъ; постоянное, отчетливое давленіе на народъ усиливается*".

Несмотря на такое положеніе, несмотря на всю важность вопроса, правительство не обращаетъ на него достаточно серьезнаго вниманія. Оно, какъ говоритъ Самаринъ, „*не поспѣваетъ за естественнымъ ходомъ вещей*. Бравшись нѣсколько разъ за вопросъ, повидимому, для очистки своей совѣсти, *оно не овладѣло имъ, не заявило твердаго взгляда и рѣшительной воли*. Вмѣсто постепеннаго приближенія къ осуществленію глубоко-обдуманнаго плана, мы видимъ въ его дѣйствіяхъ какое-то *колебаніе въ разныя стороны*, рядъ недосказанныхъ желаній и быстро-прерванныхъ попытокъ, а со стороны общества рядъ *періодически-возникавшихъ тревогъ*, за которыми всякій разъ водворялось *безплодное усыпленіе*". Однако эта медленность и нерѣшительность правительства оправдываются обстоятельствами дѣла, „сложностью и глубиною вопроса, разрѣшеніе котораго не могло быть дѣломъ внезапнаго, счастливаго вдохновенія", такъ какъ „оно требуетъ *многихъ приготовительныхъ работъ и гласнаго обсужденія*. Нужно изучить его въ прошедшемъ и настоящемъ, въ Россіи и за границею, съ точки зрѣнія нравственной, политической и хозяйственной. Пусть же каждый (призываетъ Самаринъ), кому дана возможность и охота заниматься имъ, несетъ свои совѣты и наблюденія, не увлекаясь надеждою изобрѣсти безукоризненный проектъ, но и не обрекая себя на молчаніе, не ограничиваясь одною критикою того, что предложено другими, изъ мелочнаго опасенія публично подвергнуться уличенію въ ошибкѣ".

Обращаясь къ практикѣ дѣла, Самаринъ характеризуетъ отдѣльныя формы крѣпостной зависимости, изображаетъ положеніе крестьянъ оброчныхъ, издѣльныхъ, которые имѣютъ свое хозяйство, а также дворовыхъ и мѣсячниковъ, хозяйства не имѣющихъ, и потому стоящихъ и матеріально и нравственно гораздо ниже первой категоріи; при этомъ онъ замѣчаетъ, что происходитъ въ крестьянствѣ постоянное движеніе, выражающееся въ смѣнѣ указанныхъ формъ, изъ которыхъ однѣ распространяются, а другія исчезаютъ, и смѣна эта далеко не отличается утѣшительнымъ характеромъ. „Подъ вліяніемъ, говоритъ Самаринъ, общихъ нравственныхъ и экономическихъ условій, нами указанныхъ, масса крѣпостного сословія *движется послѣдовательно* по одному направленію и, должно сознаться, что это движеніе совершается *не снизу вверхъ*, по лѣстницѣ, ведущей *отъ рабства къ свободѣ, а сверху внизъ* по ступенямъ этой лѣстницы“. Такое движеніе очень опасно и грозитъ полнымъ обѣдненіемъ крестьянства, а потому первая задача правительства состоитъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать ему, „остановить совершающійся теперь невозбранно переходъ изъ высшаго состоянія въ низшее: ибо, въ противномъ случаѣ, всѣ послѣдующія законодательныя распоряженія встрѣтили бы противное теченіе, черезъ что дѣйствіе ихъ было бы ослаблено“.

Изъ этого общаго положенія Самаринъ выводитъ рядъ запретительныхъ мѣръ, которыя должны подготовить освобожденіе крестьянъ. Съ этою цѣлью нужно, во-первыхъ, запретить переводить изъ крестьянъ въ дворовые для домашнихъ услугъ, во-вторыхъ, воспретить переводъ цѣлыхъ селеній съ оброка на барщину, и въ-третьихъ, положить предѣлъ дробленію дворянскихъ населенныхъ имѣній установленіемъ нормы, ниже которой имѣніе не можетъ подлежать ни раздѣлу, ни отчужденію какой-либо изъ онаго части“. Но кромѣ этихъ запретительныхъ мѣръ есть рядъ положительныхъ, которыя должны облегчить положеніе крестьянъ въ настоящемъ и подготовить такимъ образомъ переходъ къ свободѣ въ будущемъ. Не останавливаясь на техническихъ частностяхъ дѣла, разработанныхъ Самаринымъ, отмѣтимъ, что необходимымъ условіемъ правильнаго разрѣшенія вопроса онъ считаетъ допущеніе гласнаго его обсу-

жденія. „Если, разъясняетъ онъ, упраздненіе крѣпостного права должно совершиться постепенно, безъ гибельныхъ потрясеній, безъ разоренія для помѣщиковъ и безъ водворенія глухой междоусобной войны между вотчинниками и поселянами, то необходимо, чтобы заодно съ правительствомъ работало общественное мнѣніе. Одними указами не пересоздать бытовыхъ отношеній двухъ сословій. Нельзя, довольствуясь однимъ безмолвнымъ послушаніемъ, пренебрегать тѣми нравственными преградами желанному преобразованію, которыя противопоставляютъ ему закоренѣлые предразсудки, привычки, обратившіяся въ убѣжденія, превратное пониманіе вопросовъ и болѣе всего неопредѣленныя опасенія за будущее, питаемыя таинственностью, ничего добраго не предвѣщающею, которою облечены всѣ дѣйствія правительства, касающіяся до крѣпостного права. Нельзя не вѣдать общественнаго мнѣнія, ни упразднить его. Это сила,—сила, которой предназначено рости и множиться, и кто не хочетъ искать ея союза, тому предстоитъ нескончаемая съ нею война“.

Какъ извѣстно, правительствомъ былъ избранъ именно этотъ путь разрѣшенія вопроса, путь гласнаго его обсужденія, сперва въ губернскихъ комитетахъ, потомъ въ главномъ комитетѣ съ редакціонными коммиссіями. Въ этихъ коммиссіяхъ (а ранѣе въ Самарскомъ губернскомъ комитетѣ) Самарину представилась возможность проводить на практикѣ свои идеи. Пришлось вести ожесточенную борьбу съ представителями отживавшаго крѣпостническаго строя: въ борьбѣ кое-что было утеряно, но главныя условія, которыми обезпечивались свобода и благосостояніе крестьянъ, были сохранены. Въ этомъ дѣлѣ близко сошлись, какъ борцы противъ мрака и застоя, и западникъ К. Д. Кавелинъ, и славянофилы Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій.

Славянофилъ особаго типа.

Если въ главныхъ своихъ основаніяхъ славянофильство можно считать націонализмомъ либеральнаго характера, то не слѣдуетъ его смѣшивать съ разными другими націоналистическими теченіями, которыя въ большинствѣ отличаются весьма несимпатичными чертами эгоистической исключительности. Между этими теченіями и славянофильствомъ общее заключается только въ высокой оцѣнкѣ значенія русской народности и всего славянскаго племени, но во всемъ остальномъ проявляется коренное различіе: для славянофиловъ значеніе Россіи и славянства опредѣляется очень широко, какъ служеніе общечеловѣческому дѣлу братства, другіе націоналисты ставятъ славянству цѣли эгоистическія и поэтому устраняютъ совсѣмъ тѣ элементы свободы, которые столь существенны для славянофильства. Если не имѣть въ виду этихъ различій, то очень легко впасть въ ту ошибку, которую допустилъ въ своей полемической аргументаціи человѣкъ большого и тонкаго критическаго ума, Вл. С. Соловьевъ, пришедши къ окончательному заключенію, что славянофильство, черезъ Н. Я. Данилевскаго и К. Н. Леонтьева, нашло свою историческую Немезиду въ катковщинѣ, выродилось въ самое узкое ретроградство и человѣконенавистничество. Если даже такой человѣкъ, какъ Соловьевъ, не избѣгнулъ ошибки, то ничего нѣтъ мудренаго, что разные судьи болѣе мелкаго калибра въ своихъ приговорахъ о славянофильствѣ отожествляютъ его даже съ тенденціями современнаго намъ „Русскаго собранія“, отъ которыхъ, навѣрное, самымъ рѣшительнымъ образомъ отрекся бы всякій настоящій славянофилъ.

Къ числу націоналистовъ, неправильно отнесенныхъ къ славянофиламъ, принадлежитъ и небезызвѣстный естество-

испытатель и публицистъ Николай Яковлевичъ Данилевскій. Правда, въ его разсужденіяхъ есть нѣкоторый славянофильскій оттѣнокъ, въ формѣ чаяній панславизма, но въ общемъ они очень и очень отличаются отъ взглядовъ такихъ крупнѣйшихъ представителей стараго славянофильства, какъ Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковы, Самаринъ. Остановимся поэтому на его біографіи въ связи съ его литературной дѣятельностью.

Данилевскій родился 28 ноября 1822 г., въ родовомъ имѣніи своей матери, селѣ Оберцѣ, Орловской губ., Ливенскаго уѣзда. Его отецъ, кавалерійскій генералъ, Яковъ Ивановичъ, получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, всегда любилъ науку и литературу, даже самъ писалъ комедіи, оставшіяся однако не напечатанными, и естественно долженъ былъ способствовать развитію въ сынѣ склонности къ серьезнымъ занятіямъ. Въ 1833 г. Данилевскій учился въ пансіонѣ Шварца близъ Верро, а въ слѣдующемъ году онъ находился въ Москвѣ, гдѣ его ученье продолжалось въ пансіонахъ Павлова и Боргардта. Изъ послѣдняго пансіона онъ поступилъ въ Царскосельскій лицей, курсъ котораго окончилъ 12 декабря 1842 г.; но, чувствуя влеченіе къ естественнымъ наукамъ, онъ, поступивши на службу въ канцелярію военнаго министерства, записался вольнослушателемъ на естественный факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ и пробылъ до 1847 г., когда получилъ степень кандидата. Спеціальнымъ предметомъ занятій Данилевскаго въ университетѣ была ботаника, которую онъ продолжаетъ изучать до 1849 г., изслѣдуя для магистерской диссертаціи флору Рязанской и Орловской губерній и вообще всей черноземной полосы Россіи. Къ этому-же времени относится увлеченіе Данилевскаго системой Фурье, которая по его взгляду представлялась чисто экономическимъ ученіемъ, не содержащимъ въ себѣ ничего революціоннаго и противурелигіознаго. Тѣмъ не менѣе и такое пониманіе фурьеризма повело къ тому, что Данилевскій былъ привлеченъ къ суду по дѣлу Петрашевскаго, съ которымъ онъ былъ знакомъ; Данилевскій былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Заключеніе продолжалось сто дней, и наконецъ тѣ объясненія о своихъ естественно-научныхъ работахъ и о взглядѣ на систему Фурье,

которыя Данилевскій представилъ слѣдственной комиссіи, были признаны достаточными для освобожденія его отъ суда, однако онъ былъ высланъ изъ Петербурга и 20 мая 1850 г. зачисленъ въ канцелярію вологодскаго губернатора, а въ 1852 г. переведенъ, по ходатайству Перовскаго, предсѣдательствовавшаго въ судѣ по дѣлу Петрашевскаго, въ канцелярію самарскаго губернатора. Въ томъ же году Данилевскій женился на вдовѣ генералъ-маіора, В. Н. Беклемишевой, урожденной Лавровой, но въ слѣдующемъ году она умерла отъ холеры. Между тѣмъ 18 іюня 1853 г. Данилевскій былъ „командированъ, въ званіи статистика, на два года въ ученую экспедицію для изслѣдованія состоянія рыболовства на Волгѣ и въ Каспійскомъ морѣ“. Эта командировка, продолжавшаяся до 1857 г. сблизила Данилевскаго съ начальникомъ экспедиціи, знаменитымъ натуралистомъ К. Бэромъ, оцѣнившимъ его знанія и способности, и дала направленіе почти всѣмъ дальнѣйшимъ естественно-научнымъ изслѣдованіямъ Данилевскаго, такъ какъ до 1871 г. ему девять разъ было поручаемо собираніе свѣдѣній о состояніи рыболовства въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: въ 1858 г. онъ былъ назначенъ „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ“; въ 1861 г. командированъ въ Астрахань „для присутствія въ комиссіи рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ“; въ 1862 г. онъ отправился въ командировку „на Псковское и Чудское озеро для разъясненія жалобъ на правила рыболовства“, въ 1863 г. назначенъ „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ“, при чемъ работы экспедиціи продолжались до конца 1867 г.; въ слѣдующемъ же году Данилевскій командированъ въ Астрахань „для разъясненія вопросовъ, касающихся каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ“, въ 1869 г. онъ опять отправился въ Астрахань „для присутствія въ комитетѣ каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ“, и наконецъ въ 1870—71 гг. Данилевскій былъ „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ сѣверо-западныхъ озерахъ Россіи“. Этими многолѣтними трудами былъ собранъ громадный матеріалъ, существенно важный для уясненія положенія этой первостепенной отрасли промышленности Россіи и легшій въ основу дѣйствующаго у насъ

законодательства о рыболовствѣ. Кромѣ этого служебная дѣятельность Данилевскаго выразилась въ работахъ по борьбѣ съ филоксерой въ Крыму (въ 1880 г. онъ былъ предсѣдателемъ крымской филоксерной комиссіи) и на Кавказѣ (въ 1885 г. онъ былъ командированъ въ Тифлисъ на филоксерный съѣздъ), а также въ предсѣдательствѣ въ 1872 г., въ „комиссіи для составленія правилъ о пользованіи проточными водами въ Крыму". Послѣдніе годы жизни Данилевскій проводилъ въ Крыму и по службѣ, а также и потому, что онъ пріобрѣлъ здѣсь для своей семьи (онъ вступилъ вторично въ бракъ въ 1861 г. съ О. А. Межаковой) имѣніе Мшатку, хотя ему постоянно приходилось покидать домъ для указанныхъ служебныхъ командировокъ, и онъ могъ оставаться съ семьей только въ зимнее время, когда рыболовство, бывшее главнымъ предметомъ его изслѣдованій, прекращается. Этотъ зимній досугъ посвящался Данилевскимъ литературно-научнымъ занятіямъ, обработкѣ результатовъ, добытыхъ лѣтними экскурсіями, и его публицистическимъ и историко-философскимъ статьямъ, начало которыхъ относится къ 1865 г., когда Данилевскій принялся за свое сочиненіе „Россія и Европа". Быть можетъ, эта неутомимая дѣятельность была одной изъ причинъ зарожденія болѣзни сердца, которая свела Данилевскаго въ могилу, 7 ноября 1895 г.; вернувшись изъ командировки для изслѣдованія причинъ уменьшенія рыболовства на озерѣ Гохча, Данилевскій скончался въ Тифлисѣ.

Литературные труды Данилевскаго могутъ быть раздѣлены на 3 группы: 1) естественно-научные, 2) философско-историческіе и публицистическіе и 3) экономическіе. Первую группу составляютъ главнымъ образомъ его сочиненія по рыболовству и по борьбѣ съ филоксерой, отличающіяся обиліемъ матеріала, точно изслѣдованнаго и умѣло систематизированнаго, и, какъ таковыя, никогда не теряющія своего значенія. Къ этой же группѣ относятся и его статьи по климатологіи („Климатъ Вологодской губерніи" въ „Зап. Геогр. Общ." т. IX, и разборъ сочиненія академика К. С. Веселовскаго „О климатѣ Россіи" въ „Вѣстн. Геогр. Общ., т. XXV], геологіи („Теорія ледниковаго періода въ „Зап. Геогр. Общ." 1863 г.), психологіи („Экспрессія или выраженіе чувствъ человѣка и животныхъ", „Русск. Вѣстн." 1887 г.)

а также его обширное, не вполнѣ законченное, критическое изслѣдованіе „Дарвинизмъ“ (т. I въ 2 частяхъ вышелъ въ Петербургѣ въ 1885 г., одна же посмертная глава II т. издана въ 1889 г. въ СПБ.). Послѣднее сочиненіе Данилевскаго вызвало рѣзкій отзывъ извѣстнаго ботаника, проф. Московскаго университета Д. А. Тимирязева, по мнѣнію котораго оно совсѣмъ не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ, съ которыми отнесся къ нему Н. Н. Страховъ, такъ какъ книга заключаетъ въ себѣ много логическихъ ошибокъ, новаго въ науку ничего не вноситъ и является повтореніемъ возраженій противъ теоріи Дарвина, сдѣланныхъ уже въ европейской научной литературѣ и окончательно признанныхъ несостоятельными: таковъ, напр., принципъ скрещиванія, на который опирается Данилевскій въ своей аргументаціи противъ Дарвина. Въ сущности всѣ наши спеціалисты отнеслись къ труду Данилевскаго такъ же отрицательно, какъ проф. Тимирязевъ, хотя критика ихъ по формѣ отличается большею мягкостью. Книга была представлена въ Императорскую Академію наукъ для соисканіи преміи, но удостоена ея не была. Оцѣнка книги произведена академиками А. П. Карпинскимъ и А. С. Фаминцынымъ. Первый, разобравъ палеонтологическія данныя, находящіяся въ трудѣ Данилевскаго, пришелъ къ такому заключенію: „въ авторѣ можно признать человѣка выдающагося ума и весьма разнообразныхъ и значительныхъ знаній; но въ области геологіи свѣдѣнія его, нерѣдко обнимающія даже детали, не лишены и крупныхъ пробѣловъ. Безъ сомнѣнія, это обстоятельство, а также предвзятое, утвердившееся уже до разсмотрѣнія вопроса съ геологической стороны, убѣжденіе въ несправедливости теоріи эволюціи, было причиною, что Данилевскій пришелъ къ выводамъ, съ которыми нельзя согласиться“. Указавъ на цѣлый рядъ примѣровъ „высокомѣрнаго и мѣстами заносчиваго отношенія Данилевскаго къ ученію Дарвина“ и на необыкновенно высокую оцѣнку самимъ Данилевскимъ своей критики, вслѣдствіе которой „все зданіе теоріи Дарвина изрѣшетилось, а наконецъ и развалилось въ безсвязную кучу мусора“, академикъ Фаминцынъ отмѣчаетъ, что почти вся критика Данилевскаго состоитъ въ повтореніи старыхъ возраженій: „Изъ числа приводимыхъ имъ возраженій, сравнительно лишь немногія принадлежатъ

автору „Дарвинизма“, громаднѣйшее большинство ихъ, и притомъ самыя вѣскія, болѣе или менѣе подробно заявлены были его предшественниками; Данилевскимъ же они лишь обстоятельнѣе разработаны и мѣстами подкрѣплены новыми примѣрами. Окончательное заключеніе рецензента таково: „при изученіи обширнаго труда Н. Я. Данилевскаго во всей полнотѣ обнаружилась симпатичная, правдивая и талантливая личность автора; несомнѣнно, что Данилевскій принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей; не требуется особенно глубокаго вниманія, чтобы убѣдиться, что онъ не пожалѣлъ ни времени, ни труда на пріобрѣтеніе многостороннихъ свѣдѣній, потребныхъ для разработки разбираемыхъ имъ явленій. Книгу Данилевскаго я считаю полезною для зоологовъ и ботаниковъ; въ ней собраны всѣ сдѣланныя Дарвину возраженія и разбросаны мѣстами интересныя фактическія данныя, за которыя наука останется благодарною Данилевскому. Ученаго, спеціально знакомаго съ направленіемъ современной біологіи, не увлекутъ ни лирическія изліянія, ни возгласы негодованія Данилевскаго, которыми столь щедро распоряжается авторъ „Дарвинизма“. Съ вышеуказанной точки зрѣнія, т. е. со стороны детальныхъ разъясненій, за сочиненіемъ Данилевскаго нельзя не признать значенія, и будущимъ критикамъ теоріи Дарвина книга Данилевскаго, представляющая полный сводъ и подробное изложеніе всѣхъ приводимыхъ противъ ученія Дарвина возраженій, можетъ доставить много интересныхъ указаній. При всемъ, однако, моемъ сердечномъ расположеніи къ автору „Дарвинизма“ я считаю себя обязаннымъ высказать относительно разобраннаго мною труда Данилевскаго нелестное и даже нѣсколько суровое сужденіе. „Дарвинизмъ“ Данилевскаго предназначается авторомъ, по его собственному заявленію, преимущественно лицамъ, хотя и образованнымъ, но незнакомымъ спеціально съ біологическими науками. Въ подобнаго рода произведеніяхъ, имѣющихъ главною цѣлью распространеніе научныхъ свѣдѣній въ обществѣ, требованіемъ первостепенной важности является изложеніе трактуемаго предмета въ столь совершенномъ съ научной стороны видѣ, чтобы и спеціалисты не были въ состояніи представить возраженій, идущихъ въ разрѣзъ съ проводимыми взглядами, или по крайней мѣрѣ

не могли указать на явный недосмотръ или ошибочность взгляда автора. Это требованіе, по моему крайнему разумѣнію, не выполнено трудомъ Данилевскаго; во всемъ его сочиненіи основа ученія Дарвина истолкована невѣрно".

Въ своихъ немногочисленныхъ, но обширныхъ сочиненіяхъ экономическаго характера, Данилевскій разбираетъ вопросъ о причинахъ упадка цѣнности нашего кредитнаго рубля и является, въ примѣненіи къ Россіи, рѣшительнымъ противникомъ ученія о свободной торговлѣ, полагая, что „если адепты этого ученія захотятъ быть добросовѣстными съ самими собой, то увидятъ, что главное побужденіе, которое заставляетъ насъ держаться этого ученія,—не истинность его сама по себѣ, а то, что въ ихъ глазахъ оно запечатлѣно печатью прогресса „современности, какъ произведеніе тѣхъ народовъ, отъ которыхъ они привыкли ожидать рѣшенія всѣхъ интересующихъ человѣчество вопросовъ". Статей, трактующихъ объ упадкѣ курса нашихъ денегъ, двѣ: онѣ были напечатаны въ 1867 г. („Торговый Сборникъ") и въ 1882 г. („Русскій Вѣстникъ"); первая изъ этихъ статей была издана въ 1886 г. и отдѣльно. Важное значеніе для характеристики экономическаго быта Россіи имѣютъ также и изслѣдованія Данилевскаго о рыболовствѣ.

Что касается третьей группы сочиненій Данилевскаго, т. е. его публицистическихъ произведеній, то они печатались въ „Русскомъ Мірѣ", „Руси" и „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и касались они нашего нигилизма, или еще болѣе восточнаго вопроса. Въ этихъ статьяхъ Данилевскій выступаетъ, какъ представитель консервативнаго направленія: славянофиломъ его назвать нельзя, хотя онъ и высказываетъ свое сочувствіе славянофильскимъ взглядамъ; онъ скорѣе панславистъ; во внутреннихъ же вопросахъ онъ гораздо ближе къ взглядамъ Каткова, чѣмъ славянофиловъ. Статьи его по восточному вопросу (и на другія общественныя темы) въ сущности представляютъ собою частное примѣненіе идей, изложенныхъ имъ въ трудѣ, на которомъ главнымъ образомъ и основывается его извѣстность, въ его книгѣ „Россія и Европа. Взглядъ на культурно-историческія и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германо-Романскому", написанной въ 1865—68 гг., напечатанной

сперва въ журналѣ „Заря“ 1869 г. и выдержавшей затѣмъ три отдѣльныхъ изданія въ 1871, 1888 и 1889 гг. Основной взглядъ, изъ котораго исходитъ Данилевскій въ своей книгѣ, высказанъ былъ раньше нѣмецкимъ историкомъ Генрихомъ Рюккертомъ въ его „Lehrbuch der Weltgeschichte“ въ 1857 г. Рюккертъ отрицалъ единую нить въ развитіи человѣческой цивилизаціи и указывалъ, что вмѣсто общей цивилизаціи существуетъ развитіе частныхъ культурно-историческихъ типовъ.

Эта мысль, которой Рюккертъ не придавалъ, можетъ быть, особенно важнаго значенія и которой онъ потому и не развилъ, обстоятельно проведена Данилевскимъ въ его книгѣ и служитъ основаніемъ для выясненія роли славянства, какъ культурно-историческаго типа, отличнаго отъ міра романо-германскаго. Отвергнувъ дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую, какъ основанное на несущественныхъ признакахъ и какъ соединяющее въ одну группу разнородныя явленія (народы древняго востока съ греками и римлянами, арабовъ съ романо-германцами и т. д.), Данилевскій говоритъ, что нужно установить дѣленіе новое, по типамъ организаціи. „Эти типы не суть ступени развитія въ лѣстницѣ постепеннаго усовершенствованія существъ (ступени, такъ сказать, іерархически подчиненныя одна другой, а совершенно различные планы, въ которыхъ своеобразнымъ путемъ достигается доступное для этихъ существъ разнообразіе и совершенство формъ, — планы, собственно говоря, не имѣющіе общаго знаменателя, черезъ подведеніе подъ который можно бы было проводить между существами (разныхъ типовъ) сравненіе для опредѣленія степени ихъ совершенства. Это, собственно говоря, величины несоизмѣримыя“.

Затѣмъ Данилевскій указываетъ слѣдующіе культурно-историческіе типы, уже высказавшіеся въ исторіи: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассиро-вавилоно-финикійскій, халдейскій, или древне-семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) новосемитическій или аравійскій и 10) романо-германскій или еврейскій. Сверхъ этого, Данилевскій полагаетъ, можно бы указать еще 2 культурно-историческихъ типа, „погибшихъ насильственною смертью и не успѣвшихъ развиться: „это типы

перуанскій и мексиканскій". Есть наконецъ племена, не создавшія особыхъ типовъ, но входящія въ качествѣ этнографическаго матеріала въ составъ другихъ культурныхъ группъ: таковы напр. разныя финскія племена.

Группируя народы по указаннымъ типамъ, Данилевскій формулируетъ и законы развитія культурно-историческихъ типовъ. Этихъ законовъ пять: 1) Всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или группою языковъ, довольно близкихъ между собою для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій, составляетъ самобытный культурно-историческій типъ, если оно вообще, по своимъ духовнымъ задаткамъ, способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества; 2) дабы цивилизація, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиться, необходимо, чтобы народы, къ нему принадлежащіе, пользовались политическою независимостью; 3) начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ цивилизацій; 4) цивилизація, свойственная каждому культурно-историческому типу, когда только достигаетъ полноты, разнообразія и богатства, когда разнообразны этнографическіе элементы, его составляющіе,—когда они, не будучи поглощены однимъ политическимъ цѣлымъ, пользуясь независимостью, составляютъ федерацію, или политическую систему государствъ; 5) ходъ развитія культурно-историческихъ типовъ всего больше уподобляется тѣмъ многолѣтнимъ одноплоднымъ растеніямъ, у которыхъ періодъ роста бываетъ неопредѣленно продолжителенъ, но періодъ цвѣтенія и плодоношенія — относительно коротокъ и истощаетъ разъ навсегда ихъ жизненную силу".

Далѣе Данилевскій разъясняетъ, что развитіе человѣчества совершалось посредствомъ культурно-историческихъ типовъ да иначе совершаться не можетъ, такъ какъ „задача человѣчества состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ проявленіи, въ разныя времена и разными элементами, всѣхъ тѣхъ сторонъ, всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя лежатъ виртуально (въ возможности, tn poentia) въ идеѣ человѣчества". Изъ

параллели съ животнымъ и растительнымъ мірами Данилевскій выводитъ, въ чемъ состоитъ различіе рода и вида, и, примѣняя къ человѣчеству положеніе, что родъ осуществляется въ дѣйствительности только въ видахъ, заключаетъ, что человѣчество выражается въ отдѣльныхъ племенахъ, изъ соединенія которыхъ можетъ истекать понятіе всечеловѣческаго, которое полнѣе и конкретнѣе понятія общечеловѣческаго.

Установивъ эти общія положенія философско-историческаго характера, Данилевскій обращается къ славянству и послѣ подробнаго анализа приходитъ къ заключенію, что оно по этнографическимъ особенностямъ (по психологическому строю), по различію въ духовномъ началѣ (религіозномъ) и по различію историческаго воспитанія (условіямъ исторической жизни), представляетъ собою новый культурно-историческій типъ, противоположный романо-германскому, и потому дѣла Европы имѣютъ очень мало значенія для славянства вообще и для Россіи въ частности. Поэтому европеизмъ, который привитъ русской жизни 200 лѣтъ тому назадъ—есть болѣзнь, исцѣлиться отъ которой Россія можетъ только безповоротно обратившись къ своимъ національнымъ задачамъ. Первая изъ этихъ задачъ—разрѣшеніе восточнаго вопроса, а онъ, какъ говоритъ Данилевскій, „не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые подлежатъ рѣшенію дипломатіи. Мелкую текущую дребедень событій предоставляетъ исторія канцелярскому производству дипломатіи; но свои великія вселенскія рѣшенія, которыя становятся закономъ жизни народовъ на цѣлые вѣка, провозглашаетъ она сама, безъ всякихъ посредниковъ, окруженная громомъ и молніей, какъ Саваоѳъ съ вершины Синая“? Поэтому и восточный вопросъ можетъ разрѣшиться только міровой борьбой, а сущность этого вопроса заключается въ борьбѣ славянства съ міромъ европейскимъ.

Въ борьбѣ этой первое мѣсто принадлежитъ Россіи, которая должна осуществить славянское единство, занять центральное положеніе въ новомъ культурно-историческомъ типѣ, при чемъ, конечно, единицы, его составляющія, нисколько не будутъ подавляемы, а напротивъ получатъ полную возможность свободнаго развитія, которое теперь парализуется западнымъ вліяніемъ. Разрѣшеніе борьбы заключается въ

обладаніи Константинополемъ, къ этому обладанію Россія придетъ рано или поздно въ силу естественнаго хода вещей, причемъ предварительно распадается искусственное тѣло Австріи. Въ борьбѣ, которая предстоитъ, союзниковъ изъ европейскихъ государствъ у насъ не будетъ (кромѣ Пруссіи), а главнымъ врагомъ будетъ Англія. Когда будетъ разрѣшенъ восточный вопросъ, возможно будетъ полное проявленіе общеславянской культуры, которая объединитъ четыре основы, раздѣленныя въ другихъ типахъ, а именно: религіозную, собственно-культурную, политическую и общественно-экономическую.

Таковы въ самомъ сжатомъ видѣ основы историческаго міросозерцанія Данилевскаго. Оно вызвало много критическихъ замѣчаній, относившихся, какъ къ отдѣльнымъ его сторонамъ, такъ и ко всей его совокупности. Н. Н. Страховъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ явились рѣшительными сторонниками теоріи Данилевскаго, но очень вѣскія противъ нея возраженія были представлены Н. И. Карѣевымъ, Вл. С. Соловьевымъ и др. Но какъ бы то ни было, въ книгѣ Данилевскаго есть много такихъ важныхъ положеній, что знаніе ея не можетъ быть окончательно упразднено этими возраженіями: въ ней выразилась и замѣчательная эрудиція Данилевскаго, и способность его къ философско-историческимъ построеніямъ на основаніи весьма тщательнаго анализа историческихъ данныхъ, причемъ Данилевскій идетъ обыкновенно не проторенною ранѣе дорогою.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики	1
Александръ Ивановичъ Герценъ и крестьянскій вопросъ	74
Тимоѳей Николаевичъ Грановскій	89
К. Д. Кавелинъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу	107
Семья Аксаковыхъ	143
И. С. Аксаковъ и петербургскіе студенты восьмидесятыхъ годовъ.	291
Иванъ Васильевичъ Киржевскій	299
Взгляды А. С. Хомякова на отношеніе Россіи къ Западу	319
Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ и освобожденіе крестьянъ	333
Славянофилъ особаго типа	346

Pamph. Vol.
1255

35

30 –

Duke University Libraries
D01369294Y

DUKE-LSC
D01369294Y